

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУШИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Содержание

Проза

- Михаил ПОПОВ
Перформанс.
Повесть 6
- Сергей ПАВЛОВ
Смертельный номер.
Рассказ 78

Поэзия

- Андрей ШАЦКОВ
Пусть горит лампада негасимо 3
- Ренат ХАРИС
Татарские сонеты 75
- Поэтическая мозаика 83

Юбилей

- Станислав КУНЯЕВ
Из дневника третьего
тысячелетия 99

Память

- Александр СТРИЖЕВ
Пророк в своём Отечестве..... 134
- Дмитрий ВОЛОДИХИН
Путём покаяния 210

Очерк и публицистика

- Противление злу насилия
Беседа Станислава КУНЯЕВА
и Альберта ЛИХАНОВА 124
- Николай РЫЖКОВ
О прошлом и будущем.
Размышления 137
- Ксения МЯЛО
Забывшие 160
- Сергей ГОРЮНКОВ
Россия в глобальном мире:
чужой и свой тексты 171
- Владимир ОСИПОВ
Судьба "православной
культуры" 191
- Алексей АБРАМЫЧЕВ
"А он хороший парень..." 196

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Русские судьбы

Марина СТРУКОВА
О предках — тамбовских
и рязанских 229

Критика

Алексей ТАТАРИНОВ
Смерть русского героя 238

Юрий ПАВЛОВ
Елена Чижова: кровь
и ярость 243

Анатолий БАЙБОРОДИН
Упование на чудо 250

Лев АННИНСКИЙ
Краснотал... Чернотал... 257

Книжный развал

Валентин КУРБАТОВ
Свидетель обвинения 263

Владимир РОДИН
Глупость или измена? 265

Павел КОСЯКОВ
Пять поэтов 271

Алексей ДМИТРОВСКИЙ
Мысль и воля 272

Письмо в номер

Переделкинская
“поджигайловщина” 274

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 31.10.12. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ №5090. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
e-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

ПУСТЬ ГОРИТ ЛАМПАДА НЕГАСИМО

ПРОЩАНИЕ С БАБЬИМ ЛЕТОМ

Ах, как стонут кулики и выпы,
Поднимаясь в сумрачную мглу.
Оставляя мхи в болотной сыпи
Клюквы
и осеннюю листву.

В Ставров день, в ненастный час рассвета,
В судный миг, назначенный судьбой,
Хоронила осень бабье лето,
В колокол звоня за упокой,

Звонницы неубранного стога,
Что, как вебрь — щетинист и горбат,
Вышел на дорогу, а дорога
Прямым уперлась в зимний хлад!

Но какое было бабье лето!
Вспомнилось: открытое окно,

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился в 1952 году в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной федерации журналистов. Кавалер ордена преподобного Сергия Радонежского РПЦ, лауреат многих литературных премий. Главный редактор альманахов "День православной поэзии. 2008", "День поэзии 2007, 2009, 2010, 2011". Проживает в Москве и в Рузе.

Осиянна осенью планета,
В птичьих стаях неба полотно!

А дожди? Ну что поделать, если
Прошибает осени слеза
Жизнь твою в любимом мамой кресле,
И в парче изношенной леса.

Пусть горит лампада негасимо
В ночь, когда снега начнут кружить...
Пережить бы только эту зиму!
Эту зиму только б пережить...

ВОЛЧЬЯ ПЕСНЯ

Привольно волку в матерых снегах.
На зимней свадьбе загулял матёрый.
Темно в бору, лишь снегириный птах
Горит на хвое свечкой краснопёрой.

Намёты и сугробы глубоки.
Бескрайни дали сумрачной России.
Опять, как в Смуту, волчьи огоньки
Рассыпаны на белой парусине.

Опять свистит метель над головой —
Взъерошенную леса головою.
Близка беда, и обернётся вой
Заклятьем стаи — песней боевою!

Приветствую тебя, земля волков,
Напружившая лапы в гиблом веке
Перед последним из своих прыжков,
Чтоб смежил ворог панцирные веки —

Навек!

И пробуждаясь ото сна,
Взломав дождём коросту ледостава,
Из поднебесья хлынула весна,
Из чернозёма — возродилась слава

Твоих сынов, твоих святых чудес.
И таинств заповедного причастья...
Рождённый волком — сбережёт свой лес,
Где он на свет явился в одночасье!

ЧЁРНЫЙ СНЕГ

*Памяти Владимира
Ивановича Фирсова*

*Пусть будет чёрный дождь
И чёрный ветер...*

В. Фирсов

Он чёрен был. Его родила ночь
В безумии циклонного набега.
Он падал вниз, стараясь перемочь
Следы того — обыденного снега,

Который накануне Покровá
Уже белел в оврагах и лощинах.
И опускали ветви дерева
В покрытых чёрной копотью лещинах.

Он был стокрыл, как стаи воронья,
И также вился в рамке небосвода.
Кресты церквей в полуночи крентя
И пеленою застилая воды

Не ставших рек, чьей кровоток питал
Не мёрзнувшие на зиму болота.
И чёрных вод касался чернотал,
Цепляя их корнями у заплота.

Такие снэги в чёрных снах идут,
И в них ложатся лучшие поэты.
В таких снегах кресты не процветут,
И не раскроют венчик первоцветы...

И странны были эти чудеса,
И морок ледяного подсознания:
Разверзнутые долу небеса
И тёмные пороши наказанья

За то, что жизнь не сладилась пока
И затерялась в пустошах дорога...
И чёрные идут, идут снега.
А белые — не выпросить у Бога!

17 ноября 2011 года

Андрею Шацкову, давнему автору и другу “Нашего современника”, исполняется 60! Сердечно поздравляем талантливого поэта с юбилеем и желаем ему новых творческих свершений!

Редакция.

Статью Льва Аннинского о творчестве Андрея Шацкого читайте на стр. 257.

МИХАИЛ ПОПОВ

ПЕРФОРМАНС

ПОВЕСТЬ

1

— Фру Ульсен!

— Госпожа Ула!

Подопечные окликали со всех сторон. Каждому хотелось её внимания. И только старик помалкивал, ожидая — иногда, впрочем, и нетерпеливо, — когда наставница сама подойдёт к нему. При этом если большинство студийцев ждало от неё похвалы или хотя бы одобрения, то старик требовал честного, нелицеприятного разбора и даже жёсткой критики.

Ула ставила студийцам рисунок. Не всем подопечным это давалось и было вообще дано. Но у старика на исходе жизни открылись способности.

“Похоже?” — бывало, спрашивал он о портрете, оглядывая ближних к своему мольберту соседей — тут были пакистанец Зуфар, марокканка Камилла, чилиец Пако. “О’кей!” — кивали обыкновенно те либо показывали большой палец: похоже, похоже. А на кого — разумелось само собой: конечно, на их обаятельную наставницу.

На мольберте старика менялись листы, но почти не менялись сюжеты. А если Ула давала свободную тему, его работа непременно сводилась к пейзажу: озеро, луг, лошадь на просторе, стая уток над речкой, сельский дом, скамейка возле пруда... И в каждой, почти в каждой картинке помещалась женская фигурка с закинутой на грудь русой косой, а то и широкое ласковое лицо.

ПОПОВ Михаил Константинович родился в 1947 году на Русском Севере. Автор двух десятков книг, в том числе прозы, публицистики, литературоведения, книг для детей и юношества. Его работы переведены на ряд иностранных языков, в частности английский. Главный редактор журнала “Двина”. Член Союза писателей России. Живёт в Архангельске.

Старик так и говорил, что посещает студию исключительно из-за неё: не было бы Улы — он едва ли бы ходил в арт-хаус. Да и Ула признавалась, что привязалась к нему. Когда он запаздывал, поглядывала в окно, спрашивала, не видел ли кто старика. А если он совсем не появлялся, непременно звонила домой.

Что надо старости? Немного внимания. Выслушать, посочувствовать, коли неможется, посоветовать чего, чаю, например, горячего с лимоном да мёдом — продуло, видать, — да укрыться потеплее, да поспать, а там, глядишь, недомоганье и отступит...

И ведь верно. Проходило дня три-четыре, как старик вновь появлялся в студии. Его встречали улыбками и приветствиями. Смущённый вниманием, он проходил в свой угол и вставал к мольберту. Студийное пространство, воздушное и светлое, с его появлением обретало законченный вид, словно перелётный клин вновь обретал жоака. Так это подразумевалось, так воспринималось со стороны.

А что старик? Старик был не настолько дряхл, чтобы тетешкаться лаврами патриарха. Он мягко переводил всеобщее внимание на Улу: это ей слава и благодарность, это она, кудесница, подняла его. А однажды объявил, что голос Улы обладает целебными свойствами и, сопровождаемый осязательной даже на расстоянии улыбкой, действует самым благотворным образом.

Ула на это, конечно, улыбнулась — кому же не приятны такие комплименты! Догадку о телепатии не исключила, но перевела всё на другое, тем самым приглашая подопечных к разговору: может, когда-нибудь человеческий голос будет обращён в краски, и вы, Лион, и вы, Терезия, своими речевыми сигналами, голосовыми модуляциями, артикуляцией станете рисовать живописные полотна; не красками акварельными да масляными, не пастелью или фломастерами, как мы с вами, а словом. А потом — и мыслью, подхватил кто-то из студийцев, кажется, ливанец Зулейя. Да, и мыслью, поддержала Ула и перевела глаза на старика: а как он на это смотрит, как ему эта идея?

В глазах старика не возникло особого оживления. Но не потому, что ему так уж не нравилась сама мысль о превращениях мысли. Нет. Просто она уводила куда-то в будущее, к которому он, старик, в земных пределах уже не имел особого отношения. А главное, она лишала его сокровенного общения.

Старик был убеждён, что из всех студийцев более других имеет право на внимание Улы, особенно после болезни. Это вроде как некие отступные за пропущенные дни. И потому если и не отстаивал напрямую это право, то косвенно давал понять... Переминаясь у своего мольберта, он поводил плечами, словно ему был тесен светлый вельветовый пиджак или колот шерстяной джемпер, иногда побряхтывал, словно напоминая о недавней простуде, а то и косился назад, открывая крыло седой брови — знак, означающий предел терпения.

По правилам арт-хауса, установленным магистратом, фру Ульсен должна была распределять урочное время поровну между всеми подопечными независимо от возраста, пола и национальности: “Толерантность — превыше всего!” Таким образом, на каждого студийца полагалось примерно десять персональных минут. Это если не считать вводных объяснений. Однако так уж выходило, что старику уделялось всё же больше внимания. Чтобы как-то сгладить это неравенство, Ула намеренно выдерживала паузу, медленнее, чем обычно, поворачивалась и медленнее, чем всегда, направлялась к его мольберту. Казалось, она точно знала, сколько можно испытывать стариковское терпение.

И ещё. Со всеми учениками Ула говорила по-норвежски либо по-английски, а со стариком — только по-русски, потому что они были соотечественниками. Улюшка или Уля, а то и Ульяна Тимофеевна, в особых случаях “дочка” — обращался к ней старик в зависимости от настроения или важности текущего момента. Она коротко окидывала его работу, легко касалась карандашом листа, делая грифельные поправки, а то перехватывала цилиндрик пастели... И говорила. Вернее, слушала и говорила. И он слушал и говорил. Не важно, о чём: о его пейзаже, о красках и кистях, о дожде за ок-

ном, о берёзовом листе, который прилепился к стеклу, как мазок кисти сударыни Осени... Главное, по-своему, на родном языке. Ведь именно этого им больше всего и не доставало посреди райской чужбины.

Пётр Григорьевич целыми днями дома один. Дочка возвращается с работы вечером, у неё начинаются хозяйственные хлопоты: покормить детей, обиходить мужа, ей не до отца. Внуки — их двое — по-русски говорят плохо. Не говоря уж о зяте, коренном норвеге, который к тому же долго работал в Америке.

Схожая ситуация и в семье Ульяны. Муж Йон по-русски знает только три слова: “спутник”, “водка” да ещё “балабайка”. А дети её, русские, рождённые в России сын и дочка, всё меньше говорят по-русски, не видя в том большой нужды, особенно дочка...

Ульяне достаточно было родной речи. Был бы собеседник, а предмет разговора не имел особого значения. Главное, чтобы слова не падали в пустоту. В начале своего здешнего бытования, оставаясь днями одна, она пробовала говорить сама с собой. Однако вовремя спохватилась, поймав себя на мысли, что делает что-то запретное и даже небезопасное. И, повинаясь природному инстинкту, такие попытки оставила.

А Петру Григорьевичу в диалоге важен был смысл. Он не то чтобы всё переводил в практическое русло — они с Ульяной беседовали и о природе, и о музыке, и, само собой, о живописи — как без этого в художественной студии! — но между тем старик постоянно давал житейские советы и наставлял её. Особенно его беспокоили Ульянины дети. Собственные внуки, родившиеся в Норвегии, ничем не отличались от здешних сверстников. А будущность детей Ульяны, чисто русских, оказавшихся на чужбине в начале жизни — Лариска в отрочестве, а Серёжка в подростковом возрасте, — его тревожила. Родные корни обрублены, здешние — слабые, примутся ли они в чужой почве? Человек от земли, крестьянский сын, Пётр Григорьевич и рассуждал по-земному.

К разговору русских, точнее, говору-диалогу, в студии прислушивались, причём не только ближние по месту. Студия заметно стихала, разговоры если не смолкали, то сводились к шёпоту. И даже оплывшая и весьма неуклюжая мулатка Нэда, которая постоянно роняла кисти и карандаши по причине артроза, и та подбиралась.

При всей прозрачности скандинавских границ русские в норвежской глубинке, маленьком городке — на карте точка в восклицательном знаке приполярного фьорда — были всё же наперечёт. Застать местных русских за своим разговором было просто негде: в магазинах и муниципальных службах они объяснялись, пусть порой и худо, по-норвежски. Русские рыбаки, сдававшие улов на местной фактории, были малоразговорчивы — им было не до общения. Приезжие из России, главным образом молодые люди на крутых тачках, мало чем отличались от горластых сверстников из Польши, от хамовато-чванливых америкосов. Другое дело эти двое — широколицая, курносая художница с русой косой и седой старик, немного похожий на Санта-Клауса. Их речь, её паузы и взлёты, их мимика и жесты вызывали в студийцах, людях в большинстве своём тоже нездешних, любопытство, а у кого-то, не исключено, и ностальгические чувства. Ведь иные из них невольно вспоминали русскую классику — Толстого, Достоевского, Чехова, которых читали в колледже или гимназии. И, конечно, не столько русская реальность всплывала в их воображении — где её, эту Рашу, понять?! — сколько свои полубытые детские переживания, картины отроческих лет, которые при всех слезах и тревогах, сопровождающих бегство с родины, всё равно ласкают сердце и душу.

Больше того, у некоторых студийцев тут было не просто любопытство. Иные из них помимо художественной студии посещали ещё и драму, которая располагалась здесь же, в арт-хаусе. На социальные да эмигрантские события было, конечно, не разгуляться, но заниматься в бесплатных творческих коллективах право давалось всем. Вот многие и пользовались этим. Театральная труппа ставила Чехова. Как они там играли, Ульяна не видела. Но одна студийка, звали её Эле — полное имя Элефтерия, — подошла как-

то во время кофейной паузы и, сверкая чёрными глазами, выразила слова благодарности. Эта гречанка, наследница классического античного театра, играет роль Раневской. Недавно она внимательно прислушивалась к диалогу фру Ульсен и Санты (“Наполовину они, стало быть, возвели старика в Де-ды Морозы”) и на очередной репетиции попыталась услышанное воспроизвести, разумеется, не смысл — где там! — а тембр, ритм и тональность речи фру Улы. В итоге Ларсу, режиссёру драмы, так понравилось, что он её, Эле, похвалил и посоветовал и дальше брать эти нечаянные уроки, заключив, что именно в речи, в её напеве, и таится загадка русской драмы.

Какой же эпизод, интересно, запомнился гречанке? Ульяна поделилась услышанным со стариком. Путём сопоставлений и переборов они пришли к выводу, что тогда она рассказывала о старшей сестре. Наложившая запрет на воспоминания, да и на всё своё прошлое, Ульяна едва ли не впервые за годы эмиграции приоткрыла краешек детства и чуть-чуть поведала старику о родной душе.

Раиса, большуха, была ей заместо матери. Мать на ферме, садика в деревне нет — кому водиться с младеней? Возились все. Но больше всех песталась с нею Раечка. Ей было уже лет четырнадцать, когда родилась младшая. И как ни вспомнишь — все ранние годочки только с ней. Раечка и кашку сварит, и волосёнки приберёт, и чулочки заштопает, и спать повадит — придёт пора. Всё она.

Летом, когда мелела река, детвора, бывало, норовила попасть на кулиги — пески, которые открывались посередке широкого русла. Путь к заветному месту лежал через омут. Раечка усаживала младшую на закорки и подходила к урезу. Омут обрывистый. Шаг-другой — вода уже по пояс, ещё один — уже по грудь. Ещё — пяточки Ульянки уже достают поверхности. Ульянке щекотно, она повизгивает. Ей не видно лица сестры. А Раечка в смятении, ей страшно — вода уже по горло. Шагать вперёд? А вдруг ещё глубже? Поворачивать назад? А ну как яма!

Так она рассказывала Ульяне уже потом, годы спустя, делясь давним страхом. А Уля и не ведала того. Ей было весело, когда они перебирались на кулиги, она не сознавала опасности, сидя на крепких, как тогда казалось, плечах старшей сестрицы.

Возвращаясь мыслями к театру, Ульяна не раз улыбалась: надо же как аукнулось?! Она даже причёску стала менять: то закалывала кольцом на затылке, то воздымала короной. А однажды, остановившись возле старика, сказала вслух:

— Представляете — Раневская! Никогда бы не подумала, — и без перехода к нему: — В таком случае вы, Пётр Григорьевич, не иначе Гаев.

На сей раз её волосы были распущены по плечам и завязаны на спине. Так она подчас “зашторивала” свою “славянскую луноликость”, доставшуюся от рязанского папушки.

— Гаев? — старик оторвался от мольберта и коротко на неё взглянул — он не одобрял внешних перемен. — Кто это?

Безучастность в голосе была нарочитой. Ульяна смолчала. Увлечённо работавший аквамарином, старик творил небо, которое ласково опускал на родной пейзаж: приземистые избушки, журавль над колодцем, стога сена за околицей...

2

Старик очутился в эмиграции на исходе жизни. Он знал, что в Норвегии у него есть родственники. Это были дети его родного дяди — старшего брата отца, по профессии моряка, который после революции остался в Христиании. В прежние поры связи с ними не было. Но с переменами в России они, его двоюродники, дали о себе знать. Письма, подарки, потом обоюдные визиты, естественно, сравнение уровней жизни, и незаметно в новом семейном кругу возникла мысль о переезде. Пётр Григорьевич поначалу и думать о том не желал — с какой стати! Но тут случилась беда: заболела жена, обнаружился рак. Решено было везти её на лечение в Норвегию. Стали

оформлять визы, а она умерла — сгорела за два месяца. Остались Пётр Григорьевич с дочкой одни. Как жить дальше? Роза вызрела для замужества, все сроки уж, кажется, вышли, а там, у них, намекали родичи, есть перспективы. У старика перспектив не было. Зато у обоих уже имелись выездные документы. И однажды — чего не сделаешь ради любимого, к тому же единственного чада! — он согласился.

“Где были мои глаза? О чём думала эта старая голова?” — теперь постоянно корил он сам себя, вызывая у иных, чаще тоже приезжих, сочувствие, а у других — недоумение.

Однажды художественная студия отправилась на пленэр. Старик сидел на переднем сиденье автобуса рядом с Ульяной. Автобус проезжал мимо кладбища. Пётр Григорьевич насушился, стиснув этуодник:

— Матушка померла в России, батька сгиб в Германии, а меня, видать, затолкают здесь, в эту землю.

Его “крамольные” речи доходили до ближних соседей, а от тех — до родственников, которые сманили старика. Кто-то из них сочувствовал его переживаниям, но большинство родичей, здесь родившихся, и ближние соседи, коренные норвеги, пожимали плечами.

Всё это не могло не беспокоить дочь. Ладно, если кто-то принимает ностальгию старика за старческую причуду, за блажь чудака, сиречь городского сумасшедшего и даже маразматика, хотя и это неприятно. Но ведь большинство-то всё слышит буквально и оценивает адекватно: старику не нравится ухоженный Запад, ему милее бандитская Россия. Это не может не сказаться на репутации их порядочного семейства, а что ещё неприятнее — на престиже семейной фирмы.

“Что! — вскипел старик в ответ на попрёк дочери, что он отваживает потенциальных покупателей от супермаркета её мужа. Муж Розы Юхан долгое время жил в Америке, скопил денег и открыл на родине продажу унитазов. — Из-за меня они откажутся от его говённых горшков?! Под куст начнут бегать? Не смейся меня!”

Так, обходя некоторое неблагозвучие, Роза делилась с Ульяной своими переживаниями. Она специально зазвала в гости соотечественницу, чтобы поговорить с нею об отце. Он очень уважительно отзывается о вас, добавила Роза. А перед этим помянула, что отца вместе с мужем и детьми отправила в их семейную вотчину — рыбацкий дом на берегу дальнего озера.

Роза была немного моложе Ульяны. Лицом не очень привлекательная, явно не в отца, она подкупала энергичностью, расторопностью, какой-то отточенной чёткостью движений и жестов. Оказалось, что в юности она много занималась спортом: плавала, играла в регби, гоняла на коньках. Оттого у неё такие широкие плечи и крепкая мускулатура. Зато теперь она успешно трудится в семейной фирме — в фирме, а не в магазине, подчеркнула она, — выполняя обязанности менеджера по продажам, а заодно, если требуется, и грузчика, благо умеет управляться с автокраном.

Сначала Роза угостила гостью кофе. Попутно показала коллекцию антикварной голландской посуды — это увлечение мужа. Потом поводила по дому, называя иногда стоимость убранства и дорогой отделки, на опытный взгляд художницы — несколько аляповатых. И, наконец, пригласив на второй этаж, провела в отцовскую комнату.

Ульяна при виде обители старика почти не удивилась, чего, судя по всему, ожидала дочь. Ведь она пригласила её, чтобы разделить с нею свою озабоченность. Все стены просторной комнаты были увешаны теми самыми пейзажами — акварелями и пастелями, которые он рисовал в студии. Только здесь они чередовались с увеличенными фотографиями, видимо родных мест, и репродукциями с картин русских классиков, главным образом передвижников. Здесь были Шишкин, Поленов, Васнецов, Суриков...

Чуть дальше Ульяна задержалась возле пейзажа Куинджи: чёрная туча — задний план и солнечный луг — передний. Кажется, “После дождя”. Где вы, Пётр Григорьевич? Здесь, на солнечной стороне? Или там, во мраке?

А ещё, глядя на оформление комнаты, Ульяна подумала о себе: а могла бы она позволить такое — развесить в своей комнате русские пейзажи?

В принципе-то, конечно, могла: едва ли Йон стал бы возражать против классической живописи, повешенной в своём, а теперь и в их с Серёжкой и Лариской доме. Но для себя заключила, что нет. И после, уже дома, облекла эту мысль в какую-то не то китайскую, не то японскую формулу: бабочка, которая сядет на цветок, не нарушит пейзажа и натюрморта, если они пишутся маслом; но акварель человеческих отношений настолько зыбка, что может поплыть от любого, даже незначительного, прикосновения.

Ульяна так сосредоточенно всматривалась в обитель старика, словно искала ответ на какой-то вопрос, то ли уже поставленный жизнью, то ли ещё предстоящий. Роза же сведённые брови госты истолковала по-своему:

— Вы меня понимаете... — И без перехода: — Ну вот что ему, кажется, надо! В тепле, в холе, сыт, одет-обут. Заботушек никаких. Живи да радуйся, а он всё назад оглядывается.

В контексте этой оглядки, судя по тону, оказалась и литературная классика. Хотя вторая половина следующей фразы произносилась вроде даже с гордостью — дескать, и мы не лыком шиты.

— Понадобился ему как-то Чехов. Подай — и всё! А где здесь на русском-то?.. Пришлось заказывать через интернет — в сети Московской книги. А ведь это расходы!

Концовка фразы вильнула опять не туда. Роза тут же спохватилась, дескать, это, конечно, не главное: лишь бы отцу потрафить. В этом её, дочери, долг. Да и элементарная справедливость того требует. Ведь отец тоже вносит вклад в семейный бюджет.

— Пенсия здешняя — будьте нате! Ровесники его в России и трети того не имеют.

Это был главный аргумент Розы в пользу здешнего житья, и она его подобающим образом обставила, ещё раз посетовав на “капризы” отца. Попутно отметила, что российскую пенсию Пётр Григорьевич перечисляет в детский дом, куда попал после кончины матери, это было сразу после войны. А заодно пожаловалась, что за финансовыми своими делами отец не следит, приходится постоянно напоминать:

— Там дают пособие, здесь — компенсацию, сходи — не проворонь. Нет, пока не ткнёшь, не заставишь — не скрянется.

Слово из русского далека вывернулось случайно, видать, унаследованное от отца или матери. Скрянется — не скрянется. Может, потому и отложилось в Ульяниной памяти.

3

Просьба Розы поговорить с отцом совпала с мыслями самой Ульяны. Она давно собиралась это сделать. Да всё как-то не находила повода. Вернее, даже не повода — подвожки к разговору. Чтобы это было не в лоб, а исподволь, может быть, облечено в какую-то художественную форму. А поводов было куда как достаточно.

Вспомнить хотя бы самое начало — первое время пребывания в новой стране. Она только-только устроилась на службу, став преподавателем рисования, и несказанно радовалась. Радовалась и месту пребывания, и своему новому дому, и всему тому, что с нею и с детьми произошло; она и детям внушала эту радость, хотя они и без внушения это воспринимали. А Пётр Григорьевич — новый знакомец и соотечественник — вместо того, чтобы эту радость с нею разделить, вдруг огорошил. Да ещё как!

Из студии им со стариком было по пути. В тот раз к ним присоединился Серёжка — он после гимназии занимался баскетболом. По дороге Ульяна забежала в банк, оставив сына на попечение старика. Конечно, опеки Серёжке уже не требовалось, чай, не маленький, да и обвыкся уже на новом месте. Но таково уж материнское сердце: всегда хочется, чтобы за дитём, даже и великовозрастным, был догляд. Вот и на этот раз так получилось. А вернулась и пожалела, что отлучилась.

Ещё издали она увидела, как Пётр Григорьевич жестикулирует. Так он поводит руками, когда рассуждал о чём-то важном. А самым важным, в чём

Ульяна уже убедилась, для него была оставленная Родина. Вот, видать, и Серёжке он о том твердил, Ульяна не ошиблась — концовка разговора, которую она уловила, не оставляла никаких сомнений.

“Были бы помоложе, — говорил Пётр Григорьевич, — рванул бы к лешему обратно. Хоть пешком, хоть на карачках — домо-о-ой...”

Ульяна сделала вид, что ничего не слышала, но детей наедине со стариком больше не оставляла: а ну как и они заболеют этой явно неизлечимой болезнью под названием ностальгия.

Впрочем, это больше касалось Сергея. Ему не досталось ни отца, ни деда, вот он и тянулся к Петру Григорьевичу. А Лариска и сама избегала старика после того, как он однажды обругал её.

Тринадцать-четырнадцать лет — подростковый возраст, у них в эту пору всё наперекосяк: не слушаются, грубят, подчас хамят и при этом вечно чего-то требуют. И тут, как убеждает доктор Спок, необходимо терпение и ещё сто раз терпение. Главное, не сорваться, не попасть на встречную волну, перевести разговор на другое, отшутиться, поставить в тупик — мало ли способов нейтрализовать “пубертатную атаку”. Ульяна хорошо усвоила уроки доктора Спока. И ещё одно, что помогает утихомирить бурю в стакане воды, — это она уже вывела сама — всё должно происходить без свидетелей. Тут у них с дочкой был негласный уговор. О таких перепалках-перехлестках не знал даже Серёжка, не говоря уже об Йоне. Боже упаси! Это случалось где-нибудь на улице, в тихом уголке арт-хауса или дома, когда оставались с нею наедине. Но в тот раз Лариска нарушила заведённое правило...

То, что старик, ставший невольным свидетелем “пубертатного взрыва”, осадил подростковое хамство, было в принципе справедливо. Заслужила. Но то, какими словами, каким тоном он это сделал, было для Ульяны неприемлемо, а как матери казалось просто чудовищным. Это ведь не детдом, где он испытал на себе уроки доморощенной педагогики. Здесь Европа, здесь исповедуют толерантность и независимость.

Досада на Петра Григорьевича долго не отпускала Ульяну. Первое время после того она сторонилась старика, избегая даже в студии посторонних разговоров, а он, чувствуя её охлаждение, тогда серьёзно заболел. Вот ведь как обернулась та его резкость и несдержанность.

С тех пор минуло два года. Острота конфликта сгладилась. Однако, вспоминая подчас ту сцену, Ульяна и сейчас передёргивала плечами. Не дай Бог испытать то, что осталось, кажется, в далёком прошлом.

Эти мысли невольно приходили на ум, когда Ульяна готовилась к предстоящему разговору. Однако предъявлять тот эпизод, тем паче заводить с него задуманное было, конечно, неразумно. Больше того, Ульяна почувствовала, что личные, какие-то частные доводы при таком разговоре будут неуместны. Пётр Григорьевич сразу поймёт, откуда ветер дует. “Рука Брюсселя” или даже “рука Уолл-стрита” — так он называет то, что внушает ему его практичная и педантичная дочка, настраиваемая американизированным мужем.

Повод возник сам собой. У старика не выходил небесный цвет. Он явно терял зрение, но, не желая признавать этого, искал внешние причины. Сейчас он сетовал на освещение. Ульяна недоумённо поджала губы: здесь, при этих-то широченных окнах?! Старик показал глазами на потолочные плафоны: дело в них, мешают они. И вдруг без перехода стал склонять на все лады современную архитектуру. Дескать, в ней нет души — лишь самодовольство авторов; пыжкаты, изощряются, выпендриваются один перед другим, а о человеке, который окажется в таком здании, совершенно не думают. Тут досталось и арт-хаусу, и его архитектору — этому штукарику, как выразился Пётр Григорьевич.

Старик явно брюзжал, видимо, терзаемый недоумением. В другой раз Ульяна смолчала бы. Зачем усугублять ситуацию?! Может, даже как-то успокоила, отвлекла. Но тут не сдержалась, не смогла. Ведь он посягал на то, что ей было дорого.

Архитектор, который понастроил по всему свету такие дворцы — гнёзда искусств, был, безусловно, гений. Изящная, приподнятая над землёй форма, огромные, во все стены, окна, дарящие массу света, — сказка! Плафоны же

эти золотистые — просто чудо! Кажется, они аккумулируют солнечный свет, а в пасмурный день возвращают его. Да что в пасмурный — в полярную ночь они так искусно пятнают изумрудный пол, что кажется, будто идёшь по солнечным полянам, даром что зима.

А старик упорствовал, не соглашался. По инерции перечит, догадывалась Ульяна: нашло на него, а отступать не привык, вот и спорит. Разговор затягивался. На очередном повороте возник образ болотины. Старик сравнил плафоны с икраной ряской — плодильней для лягушек. Ульяна вскинула брови: немного похоже. Но отозвалась шуткой:

— Знала я одну лягушку, которая подобрала стрелу и из болота в царский терем перекочевала...

— А я другую знавал, — с вызовом парировал старик. — Не то на стреле, не то на хворостине полетела она за тридевять земель киселя хлебать, а потом... о землю шмякнулась.

4

На следующем занятии, уже ближе к концу, Ульяна предложила Петру Григорьевичу индивидуальное задание.

— Посмотрим, как вы воспринимаете полутона, — пояснила она, учитывая сетование старика на недостатки освещения. А для проверки извлекла большой альбом русских передвижников, который приобрела в Осло, куда они всей студией ездили в музей Эдварда Мунка.

Коснувшись закладки — здесь был тот самый пейзаж Куинджи, — Ульяна открыла альбом и отошла. Пусть старик сосредоточится, вживётся в репродукцию, печать тут отличная, не чета той, что у него дома, а она тем временем проводит подопечных.

Разговор Ульяна собиралась завести издалека. Полутона — повод, главное — в другом. Но тут важно не сбиться, не потерять нить. Опорой для неё станет эта картина. Всё будет кружиться вокруг пейзажа. А о главном она скажет так: её, Ульяны, нынешняя жизнь, жизнь её детей, жизнь Розы и других здешних русских — это передний план, луг, осиянный солнцем, а прошлое — это задний план, та мучительно-тяжёлая грозовая туча; ну зачем им туда?

Ульяна тщательно выверяла все позиции — и тональность, и последовательность доводов, и акценты, и даже возможные паузы. В разговоре всё важно. Однако, как ни готовилась, как ни настраивала себя, ничего-то у неё не вышло, старик сбил все планы, причём как! — используя её же главный козырь — картину. Смотрите, не будь этого густого мрака, убеждал он, этого грозового фронта — солнечная идиллия на переднем плане так бы радостно не сияла.

Старик говорил поначалу медленно, буднично, как судачат о повседневных вещах, даже с натугой, — видать, нездоровилось. Но постепенно, всё более оживляясь, начал жестиковать, смахивать со лба седые пряди, оправлять усы, ворошить бороду — так, как делал это, когда твердил о самом главном. А ведь это, в сущности, и было сейчас для него самым главным, потому что картина являла образ Родины.

— Согласитесь, — убеждал он, не сомневаясь, кажется, что она никуда не денется и согласится, — “После дождя” — это не только сейчас... Это и о прошлом... Без этого прошлого ничего нет и не будет. Оно живёт в каждой травинке. Потому что травинку питают корни, а корни — в почве...

Тут старик коснулся переднего плана, провёл указательным пальцем по заболоченному ручейку и неожиданно заключил: ломкий ручеек — это образ погасшей молнии; она не исчезла совсем; растаяв в небесном мраке, она будто пала на этот луг; пала, преломилась и осталась в ручейных бликах.

Ульяна молчала. Ей отчего-то было стыдно. Вспомнилась Раневская, образ которой она примеряла на себя... Глаза её отуманились, живо наполнились, и, чтобы они не пролились, она закусила губу и обхватила себя руками, пытаясь сосредоточиться на солнечной луговине. Увы! Всё, что ещё недавно так радовало её: и это сияние трав, и этот ласковый ручеек, и эта

пасущаяся лошадь, и хуторок на холме, так похожий на здешние фермы, — всё это слилось в одно жёлтое невыразительное пятно. А ещё вспомнилась Лариска, которая всё больше отбивалась от рук, а она, мать, ничего не могла с нею поделать.

* * *

Сеанс психотерапии, как потом иронизировала над собой Ульяна, гоня досаду, не задаясь: Пётр Григорьевич не услышал её. О том, что может быть наоборот, она тогда ещё не думала, вернее, старалась не думать, ведь и Пётр Григорьевич не убедил её.

Спустя неделю Ульяна проходила мимо социального департамента, и тут припомнилось словечко, обронённое Розой. Не скрянулось с одним, так, может, скрянется с другим, шутя переиначила она услышанное и решила хлопотать о пособиях. Ведь её ученики работали в самых разных сферах, в том числе и в социальной.

Тут результат оказался действительно убедительнее, причём сказался вскоре. Роза, с которой они столкнулись в супермаркете, едва не кинулась Ульяне на шею. Проведённая с отцом беседа — а дочка не сомневалась, что таковая была, — пошла явно на пользу.

— Папа, — Роза подняла палец, — сходил в соцбихандлинг...

Название учреждения Роза произносила на свой лад. Ульяна улыбнулась, ей вспомнился один знаменитый писатель-эмигрант, который по этому поводу сказал в телепередаче так: “Русские, где бы они ни находились, казённые палаты называют как им заблагорассудится. Даже если прилично изъясняются на языке страны пребывания. Таково свойство менталитета — дистанцирование от властей. Это у нас в крови”. При этом печаль в его тоне мешалась с затаённой, не утраченной на чужбине гордостью.

— Так вот, в соцбихандлинге, — продолжала Роза, — отцу выделили пособие на одежду и обувь аж в полторы тысячи крон. Представляете?! — Радость она тут же слегка пригасила: — Деньги для нас, конечно, не большие. Но всё-таки... Опять же кстати. Повезу папу в столицу — ежегодное обследование, а это, сами понимаете, расходы...

Роза поминала ещё про одну льготу, которую посулили старику. Говорила что-то ещё. А Ульяна только улыбалась. Много ли человеку надо, пусть не для счастья, так хотя бы для радости?! Ведь это тоже немало.

5

А своё счастье Ульяна не девальвировала, не понижала до уровня радости. Её счастье было полноценным и полнокровным, каким и должно быть счастье любящей и любимой женщины, у которой есть муж, дети и тёплый дом.

Ощущение счастья сопутствовало Ульяне все здешние годы. Трудности, конечно, бывали и бывают, как без них. Но в сравнении с теми, что она испытала на родине, здешние выглядят пустяками. Ну, а взгрустнётся, накатит нечаянная печаль, так управа на неё найдётся. Стоит лишь заварить кофе и — прощай, грусть! — в пику Франсуазе Саган. Чудо не чудо, но аромат изысканного восточного кофе и был для Ульяны тем праздником, который всегда с тобой. Этот аромат, как по волшебству, мгновенно переносил её в осеннее утро того удивительного года, когда она проснулась в раю.

Первое, что она уловила тогда, потянувшись и ещё не разомкнув глаза, был этот чудесный запах. Наверное, аромат кофе, доносившийся в спальню, и был тем незримым колокольчиком, который разбудил её. Она сладко потянулась и, как писалось в одном женском романе, прочитанном в качестве инструктажа по дороге в рай, “ощутила каждой жилочкой трепет бытия”. Потом донеслась тихая музыка. Труба Эллингтона выводила прятный “Караван”. В утреннем сумраке, напоминающем мираж, возник Аладдин. Как и подобает Аладдину, создателю райских куш, он был облачён в долгополый бухарский халат, голову его венчала чалма, на ней гнезился серебряный поднос, а на подносе стоял изящный, источающий аромат кофейник.

В те минуты, честно признавалась себе Ульяна, она забыла даже о детях. Да, о своих собственных детях, которые остались в России, где тянулась бесконечная смута, шли стычки, завивалась голодуха, она в те минуты не вспоминала, до того была поглощена новыми ощущениями и впечатлениями. А картина, возникшая на рассвете — знойный “Караван”, Аладдин, аромат кофе, — стала для неё знаком счастья, её путеводным талисманом. Она сопровождала Ульяну все её чужестранные годы, и стоило чуть загрустить, подумать о чём-то далёком, но утраченном, она тотчас выводила на дисплей своего воображения эту картину, и перед нею всё меркло, уходило, как с монитора, в состояние сна, почти небытия. А оставалось только это: восточный рай на широте Полярного круга — и она вдвоём с Ионом.

Она и он, Ула и Йон. Это она так тогда рифмовала. А потом зеркально перевела его имя: Ной. Библейский Ной по воле Божьей был спасателем. Спасся от грехов сам и спас праведностью свой род. Йон тоже был спасателем — потомок викингов-мореходов, прямой и сильный, он служил в морской спасательной инспекции. Фантазия забурлила. Первое, что пришло в голову, само собой, — ковчег. Своё гнездо они так и назвали. А потом придумали и дальнейшее. Когда потоп схлынул, все пары чистых и нечистых покинули пристанище и расселились по суше. А Ной остался в ковчеге, сделав его домом. Но не один, а с женой. Ведь, по Библии, она была, правда, непоименованная. И тогда уже Йон прибег к зеркалу, назвав жену Ноя Алу.

Две недели счастья определили всю дальнейшую жизнь. Потом Ульяна съездила за детьми. Серёжке было тогда тринадцать, Лариске девять. Дети способные, неизбалованные, они без особых усилий прошли подготовительный языковой период, живо освоили норвежский язык, через год вышли по всем школьным предметам в лидеры и, больше того, их даже ставили в пример местным детям.

Нет, Пётр Григорьевич, твердила про себя Ульяна, я теперь на лугу, на солнечной стороне, а в тот мрак мне не надо, ни к чему, и не напоминайте лучше...

Наивная Ульяна! Прошлое ведь не снаружи. Его не сбросишь с рук, от него не убежишь. Оно внутри тебя. До поры о нём не вспоминаешь, как не замечаешь в молодости собственного сердца. Но придёт час — сердце вспучится донным пузырьём и, возносясь под горло, напрочь разобьёт гладь твоей безмятежной жизни, которую охватит долгая и мучительная дрожь. Так случилось и с нею.

Вспомнилось однажды Ульяне, как она рожала и как родила дочку. Оно, конечно, и так никогда не забывалось, стоило коснуться рубцов от кесарева сечения. Но столь остро, так болезненно, возвращая прошлое со всеми потрохами, прежде не вспоминалось. Никакой аромат кофе, сколько ни пила, не смог выветрить ту память. Не гас тот дисплей, как ни давила она на невидимые клавиши. Казалось бы, зачем? Ведь вспоминалось-то не абы что, а как дитя родилось, пусть и в мучениях. Вспоминай да утешайся, вновь переживая то мгновение, когда увидела сморщенное личико новорождённой. И удивление, и облегчение, и недоверие, и гордость... — чего там только нет, что сливается в одно слово “счастье”. Так-то оно так. Да только счастья того было с гулькин нос. Вслед за умиротворением, что всё обошлось и ребёнок — слава Богу! — родился здоровым, без видимых изъянов, навалилась прорва забот. Это может понять только тот, кто испытал такое: мать-одиночка с двумя малыми детьми, и рядом никакой бабки-бабарихи, золовки или свекрухи, одна-одинёшенька.

То время голосило воем волчицы. Чтобы не потерять молоко, надо было соблюдать режим и правильно питаться. А на какие шиши? В художественной школе, где преподавала, декретных выдавали крохи. Не успела отлежаться, “зализать раны” — пришлось искать приработок. Вечерами мыла в конторах и учреждениях полы. С дочкой на руках, с сынком за ручку и — по двум-трём адресам за вечер. Руки сбитые, в занозах, от воды распухали, кожа шелушилась и трескалась. Подчас было невмоготу, подступало отчаянье, закишали горячие слёзы. Чтобы — упаси Боже! — не потерять молоко, колола себя иголками, не ведая, что оно могло пропасть и от этих отчаян-

ных укулов... Потом у дочки обнаружили признаки рахита. Тряслась над ней день и ночь. Где бы соку свежего, фруктов, где бы питания нужного раздобыть... Всё — на неё, с себя последнее продала. Зимой в демисезонном пальтишке бегала, ещё студенческим, да в ботиночках на рыбьем меху. Само собой, простыла. А лечиться когда? Всё на ногах. В двадцать пять уже сердце почувствовала... А к этим её двадцати пяти в державе началась полная смута. Пошли сокращения, перебои с зарплатой, и без того крохотной. А самое жуткое — исчезли продукты. Пустые полки продмагов заставили сорговыми венниками, топорищами, алюминиевыми сковородами и пачками хмели-сунели. (“Хмели-Емели власть не имели и поимели хмели-сунели”, — скалился вечно поддатый сосед.) Народ перевели на талоны. Но с этими талонами надо караулить у прилавка сутки напролёт, иначе всё расхватают, а ты придёшь к шапочному разбору. А пуста кошёлка — вари суп из топора, согласно традиции русских народных сказок, и заправляй его теми самыми мясными талонами, что нашлёпала-напечатала бездарная власть... Ульяну иногда выручали заказы от кооператоров. Там вымпел предложат нарисовать, в другом месте — трафарет для футболок. А ещё сумки из мешковины штамповала, шлёпая на них ковбоев да девиц с непременно “Made in...”.

А ещё книжки детективные оформляла. Много чего делала по мелочи, чтобы наскрести на какое-нибудь питание. Но потом и того не стало. Ни заказов, ни денег, ни продуктов. Бартер пошёл, слово такое в обиходе появилось. То банками с неведомой снедью расплачивались, то пачку детективов совали: бери — продавай. А бывало, и собственную кровь — сколько там её оставалось — в товар обращала... Лариска в ту пору чем-то отравилась, не то в яслях, не то дома — поди разбери, где и что тебе подедут. Её без конца рвало, пожелтела вся, усохла. Для спасения требовалось дорогое лекарство. Что оставалось делать? Отдала последнюю свою ценность — обручальное кольцо — единственную память об отце Серёжки. Даже фотографии от Игоря не осталось, только это кольцо.

Отчего же неожиданно-непрощено навалились на Ульяну эти воспоминания, хоть и гнала их что было силы? Да оттого, что случилось непоправимое, а виной всему стала Лариска, её дочка, так трудно ей, матери, доставшаяся.

* * *

Годовщину отплытия Ковчега — так они с Йоном называли их встречу и первую, по сути венчальную, ночь, — в доме устраивалось семейное торжество. Заранее согласовывались подарки, припасались лакомства, накануне готовилась утка или индейка, а в утрах того дня Ульяна пекла кулебяки, начиняя их палтусом, или творожники из муки грубого помола, какие помнились по деревенскому детству.

Всё предполагалось как всегда. Неизменность сценария подчёркивала незыблемость семейных традиций, что для Ульяны было важно. Детали и вариации лишь подчёркивали эту нерушимость. Единственно, чем принципиально отличалась нынешняя годовщина, так отсутствием сына. Серёжка учился в университете, путь от Осло неблизкий, к тому же у него начинались зачёты, и она сама его отговорила. Зато вместо себя сын послал видео-поздравление, и она планировала включить кассету посреди застолья, тем самым введя его в семейный круг.

За неделю до события Ульяна договорилась, что занятия в студии начнутся на два часа раньше. Поэтому освободилась в тот день досрочно. Подарки мужу и дочери были приготовлены: Йону — запонки в виде серебряных подковок и брелок с золотистым морским узлом, а Лариске — две кассеты с популярными группами. Что осталось по пути — так заглянуть в булочную и купить свежего хлеба.

Домой Ульяна летела, как она сама себя подзадоривала, на крыльях: душа её пела и по-девчоночьи подпрыгивала. Небо над фьордом пылало: альбый меч заката рассекал серебристое, как лосось, облако. Картина открывалась величественная, напоминавшая полотно Куинджи, и одновременно злове-

шая. Но она не изменила настроения Ульяны. И льдинка, на которой она поскользнулась и чуть не упала, вызвала не досаду, а, напротив, задор: Ульяна подцепила её носком сапожка и мастерски направила в воображаемые ворота Холмквиста.

К своему дому Ульяна подошла слегка запыхавшись. Что-то замедлило её шаг. Обычно свет горел во всех окнах первого этажа — и в гостиной, и на кухне. А тут светился только наружный фонарь, да чуть мерцало окно Ларискиной спальни. Входная дверь была открыта. Ульяна вошла внутрь, хотела была окликнуть, спросить, кто есть дома. Но услышала музыку. Сердце её тревожно забило: это был “Караван”. Не включая света, Ульяна поднялась на второй этаж. Музыка доносилась из Ларкиной спальни. Музыка и ещё голоса. Она толкнула дверь и... обомлела.

6

К Йону у неё вопросов не было. Он стал жертвой. Опоила, даже, кажется, чем-то уколола — так он твердил, тряся головой и умоляя простить его, поверить ему. Это было наутро. Ульяна кивала: так оно, видимо, и произошло. Йон лукавить не умел. Он был простой и бесхитростный, этот потомок викингов. Но для дальнейшего это уже не имело особого значения. Дисплей с зелёным apple — яблоком райского сада — разом померк, унеся в неги и “Караван”, и Аладдина, и всё то, что столько лет согревало её сердце. Сердце Ульяны сжало остудой, на неё навалились оцепенение и тоска. Всё, что требовалось от неё — и по дому, и в студии, — она делала машинально. Зато вместе с тем как-то иначе заработало её сознание. До того она позволяла себе думать от сих до сих, обозначив некий сектор в жизненном круге: вот это моё, а остальное меня не касается. А теперь её мысли, освобождённые от запрета, ринулись во все стороны.

Вспомнилось начало, когда, переиначивая судьбу, она, Ульяна, перевезла в Норвегию своих русских детей. Какой тогда была Лариска? Да малой пичугой, не иначе, — встопорщенной, выпавшей из гнезда несчастной пичугой. Хотелось прижать её, отогреть, обласкать, до того была растеряна. Так она, мать, и поступала, не скупясь ни на ласки, ни на подарки, подчас не ведая меры ни в том, ни в другом, тем более что Йон не перечил. Это было какое-то сумасшедшее время — сплошной праздник. Ещё недавно все они — и она, и дети — испытывали нищету, с хлеба на воду перебивались, и вдруг, как по мановению волшебной палочки, появились и вкусная еда, и нарядная одежда, и тёплый дом, то есть то, что надо для жизни, а главное — всё сразу.

Не тогда ли на языке у Лариски появилось бесплотное словечко — “легкотня”. “Легко, легкотня, влёткую” — это относилось поначалу к учёбе. Ей и впрямь все гимназические предметы давались играючи. Подчас и в учебники не глядяывала, всё схватывая на лету, и шутя переходила из класса в класс. Но, похоже, постепенно это словечко стало синонимом самоуверенности, этакое бесшабашно-легковесного отношения вообще к жизни.

Что стало первым звоночком? Стрижка наголо. Лет в двенадцать Лариска постриглась, напрочь отчекрывив свои природные каштановые кудри. “Ёжик в тумане” — так она себя отрекомендовала. Может, тогда тот ёжик впервые чего-то нанюхался, напустив в рассудок “туману”? И не оттого ли стал всё больше топорщиться, словно вместо волос и впрямь стали отрастать иголки. А потом, будто в продолжение того внешнего сходства, ёжик, не иначе эволюционируя, превратился в дикобраза — с чем ещё сравнить тот вздыбленный на голове хайер, или ирокез, как там они это называют, да к тому же крашенный в ядовито-зелёный цвет?!

А потом? Разве не замечала она, мать, перемен, которые происходили с её дочерью? Замечала, они просто в глаза лезли: и эта взвинченная походка, и вульгарные жесты, и блуждающая, как теперь уже представлялось, порочная улыбка...

Как, оказывается, прав был Пётр Григорьевич, когда остерегал её! Зদেশние дети в этой среде выросли, они смала во всё посвящены, всё им дано и доступно, нет ни в чём никаких препятствий — таковы западные установ-

ки. А приедем детям и подросткам, особенно нашим, русским, эта вольница крышу сносит. Когда он это сказал? Да после той самой Ларискиной истерики — теперь-то она называла все вещи своими именами, уже не миндальная и не очуравая себя.

Каково услышать матери, что родители — это первая ступень космического корабля, которая обречена сгореть в плотных слоях атмосферы, чтобы вывести на орбиту спутник, то есть своё чадо! Дурно! Просто мерзко! Да ещё в таком тоне! И всё ради чего? Ради минутного каприза, взбалмашной прихоти. Ей, видите ли, срочно нужна тысяча крон, чтобы поехать на поп-фестиваль. А учёба? А домашние обязанности? Или всё побоку? Но самое отвратительное в этой сцене было то, что она творилась на людях. Дома, наедине, эту запальчивость можно было пригасить, скажем, отшутиться, пожать плечами, сделать вид, что не поняла, из-за чего этот сыр-бор... Но ведь та паразитка брякнула это при старике. Эх, как он тогда вспыхнул: “Вот она, распута европейская!” Эх, как повёл сивой бровью: “Укорота нет на тех дерьмократов!” И — к Лариске: “Ты как с матерью разговариваешь, дрычка ты пореформенная! Ты как ведёшь себя, демокруха ты сопливая! А ну извинись!” Та перекосилась, взвизгнула, что-то крикнула, повертев пальцем у виска, и дала дёру.

То была не единственная Ларкина выходка. Теперь-то Ульяне ни к чему стало скрывать, гасить да осаживать свою память. Случалось кое-что и похлеще. И алкоголь был в неумеренных количествах — пьяную домой притаскивали. И травку курила. А потому, как следствие — из дома пропадали вещи и деньги... Много чего уже было в её пятнадцатилетней жизни — всего и не перечислишь. Невинность она потеряла полтора года назад. Ульяна узнала о том от школьного педиатра. Обе матери, они повздыхали, попеняв на время — о времена, о нравы — и, разведя руками, разошлись. Что они могли тут поделать, если подростковая распущенность стала едва ли не нормой!

Месяца три назад Ульяна своими глазами видела, как Ларка лижется с каким-то парнем. Было это среди бела дня неподалёку от арт-хауса. Инициатива исходила явно от неё, её дочери. Больше того, Ульяна заключила, что и место, и время выбраны не случайно: она же знала её, матери, расписание. Что она этим хотела показать? Решила продемонстрировать, что она уже взрослая, что ей никто не указ и что она вправе распоряжаться сама собой и как ей заблагорассудится? Ну, продемонстрировала, показала в очередной раз. А дальше-то что? Ждала реакции? Крика? Гнева? Скандала? Хороша была бы она, мать, если бы поддалась на провокацию и устроила скандал. И дело не в том, что здесь это не принято: толерантность и ещё раз толерантность. Она всё ещё надеялась на своё терпение — обыкновенное русское терпение, рассчитывая, что всё перемелется, образуется, уляжется, то есть что эта зараза переберется и образумится... Увы, оказывается, и терпение не всегда приносит результаты, даром что со школы твердили: учение и труд всё перетрут. Не перетёрли...

Первая мысль после шока: в Лолиту захотелось поиграть? И сама же отвергла: нет, тут что-то другое. А что? Ларка два последние года неуклонно гнула своё, она явно ждала взрыва, гнева, скандала... А не дождавшись, пошла на крайность. Не случайно выбрала именно этот день, день Ковчега. Насолить хотела? Да что там — насолить! Так мстят. Только за что? В чём она, мать, провинилась перед своей дочерью? В чём она, дочь, обделена? Чего лишена? Внимания? Ласки? Тут на всех поровну — это справедливо. А всё остальное — как у здешних сверстников, тем паче эмигрантов, а, может, в чём-то и поболее. Своя комната, полный шкаф одежды и обуви, компьютер, музыкальный центр... Чего ещё не хватает? Да ежели по справедливости, всё, что она, Ульяна, сделала в жизни, всё сделано ради них, её детей — Сергея и Ларки. И Родину она покинула ради них, ради их будущности. Была бы одна — ни за что бы не сделала этого, прожила бы... Ради них бросила... Обрудила, пыталась обрубить даже свою память. И вот — благодарность, награда за все её терзания и муки...

Ульяна заглядывала в себя, как заглядывают на дно колодца, пытаясь разглядеть не только отражение, но и ещё что-то, что за ним, в самой без-

дне. Она не щадила себя, перебирая прошлое. Был у неё грех, что там таить. Мелькала мысль об аборте. Мелькала. Но ведь не совершила. Теперь говорят, что такие зарубки остаются на подсознательном уровне ещё нерождённого. Даже если и так, разве она не загладила этот рубец своим неустанным материнским трудом, а по сути, жертвенностью, подчинив свою жизнь детям — Серёжке и ей, Ларке?.. Ну почему? Почему она это сотворила? Почему она, её дочь, пошла против неё, матери? Ульяна снова и снова задавала этот вопрос, неведомо к кому обращаясь. Ответа не было. Кто скажет, почему в здоровом организме заводится раковая клетка? Может, виной всему гены? А в этом случае — дурная кровь, доставшаяся Ларке от отца?

* * *

Будущий отец Ларки появился на её, Ульянином, пути, когда она немного оправилась от горя. Она устала от одиночества, от слёз, которые таила от маленького Серёжки, от тяжёлой, подчас нищенской, жизни. Хотелось улыбаться, хотелось к кому-то прислониться. А тут — нате вам! — весёлый, разудалый, озорной, немного похожий на популярного артиста, игравшего мужественных героев. С ходу приобнял: “Пойдём за меня, красавица?” Глаза охальные. По всему видать, крученный-верченый. На предплечье татуировка: орёл, несущий добычу, а добыча — не то русалка, не то спящая красавица. Как такому поверишь?! Но ведь сердце-то — не камень. Вода камень точит, а бабье сердце — ласка. Открылось оно, как примороженный бутон тюльпана раскрывается от мягкого ветерка да тёплого сеянца. Открылось робко, доверилось в надежде. И вроде как не напрасно. В доме — в общежитской их с Серёжей комнате — веселее стало. И Серёжик ручонки тянет к залётному, пытаясь что-то сказать. До того три года — ни звука. Думала, уж пожизненно немой. И врачи руками разводили: вероятно, последствия предродового спазма. А тут вдруг ожил, лопочет, улыбается. И залётный с ним возится: “Ништяк, малец, выплывем! Всё будет тип-топ!” “...Оп!” — притаптывает Серёжик. “Где наша не пропадала?! Аха?” “Га-ха”, — улыбается сынушка. Забудешь разве такое!

Где залётный работал и работал ли — она не знала. Но деньги иногда приносил. А ещё подарки дарил: то кофточку, то сапожки-чулки, тогда модные были. И Серёжке чего-нибудь: конфет, игрушку или рубашонку... Попивал, конечно, — как не попивать, все пьют. Но не буянил, не озоровал, как другие в общаге. Себя иногда в подпитии называл “печных дел режиссёром”. “Как это? — спрашивала она. — Из классики или из современных?” “Из... — уклончиво отзывался он. — Есть рассказ один...”

Она потом поняла, о каком рассказе шла речь. Мужик приходит в село, останавливается у вдовы, кладёт ей печь, а заодно — прокладывает дорожку к её сердцу. Слава о народном умельце живо разносится по селу. От заказчиков на его умелье руки нет отбоя. Он ставит или ремонтирует одну печь за другой. А ещё создаёт на селе театральный коллектив и начинает репетировать — ни много ни мало — “Гамлета”. Проходит время. Печи поставлены, спектакль — тоже, премьера прошла на “ура”. И на заре, завершив назначенные дела, мужик уходит, навсегда покидая селенье.

Залётный исчез, когда она сказала, что уже на третьем месяце. “Сложил печурку, — горько усмехалась Ульяна, — и дёру...” Более она его не видела и ничего о нём не слыхала. Вещицы, что он дарил, понятно дело, поизносились. Память повыветрилась. А что осталось-сбереглось, так одно лишь отчество в Ларискином свидетельстве. Так казалось. А выходит — и кровь, шалапутная да побродяжная.

7

К кому было нести свою боль, своё внезапно навалившееся отчаянье? Единственная родная душа — сын. Но Серёжка находился в Осло, где учился на втором курсе университета. К тому же едва ли он годился для такого разговора. Это ведь не кино обсуждать, не проигрыш любимой команды.

И даже не болезнь. Тут совсем потаённое. А на кону — ни много ни мало — судьба семьи, будущее и её, и Иона, да и Лариски...

Едва ли не впервые за здешнюю жизнь Ульяна остро почувствовала, что она на чужбине. К кому здесь с этим прислониться? Кому поплакаться? Это ведь не Россия, где можно доверить свою печаль-тоску даже случайному попутчику, и он с сочувствием выслушает тебя и, может, даже даст какой совет. Во всяком случае так прежде было. К батюшке податься православному? Но церковь русская далеко, туда не наездишься. К здешнему психологу? Но это непривычно, да и холодом веет от медицины. Может, к кому из соотечественников? Ульяна мысленно перебрала всех здешних русских. Увы, ни с кем из них у неё не было особо доверительных отношений, хотя подчас и болтали подолгу, соскучившись по родной речи. Остался только Пётр Григорьевич.

Ульяна медлила. Обратиться к старику — значило выслушать много укоров и упрёков. Ведь он предвидел, чем может обернуться Ларискина вольница, её хамоватость, бесцеремонность, ранняя распущенность. Ведь он предупреждал её, Ульяну, коря за материнскую слепоту и зашоренность. В конце концов, она решилась: пусть осыпает упрёками, пусть шпыняет, пилит — заслужила, лишь бы открыться, лишь бы выпустить эту боль.

На звонок Ульяны Пётр Григорьевич откликнулся немедленно. Они устроились в укромном уголке полупустого кафе. По смятенному виду Ульяны, а того раньше по голосу старик догадался, что что-то стряслось, и, не дожидаясь ещё объяснений, взял её за руку. Тут она и разрыдалась. Зажимая рот ладонью, давясь слезами, пыталась говорить, но выходило худо. Он не торопился, тихо гладил её руку, терпеливо ждал. Мало-помалу приступ прошёл, плечи, ходившие ходуном, опали, но слёзы всё текли и текли по её измученному, осунувшемуся лицу.

Пётр Григорьевич налил ей воды, подал платок. А после того как Ульяна коротко обсказала всё, старик и заговорил. Говорил тихо и ласково. Тут важен был не столько смысл, сколько тональность, та корневая, родовая — от бабушек и дедушек — русская сердечность, которой напиться поколения русичей, та жалость да утешность, где твоё сердце, как разверстый сосуд, в который можно сточить слёзы, боль, обиду, пусть он и так всклень переполнен.

Они смотрели друг другу в глаза, как отец и дочь. Оба сироты, но сродные души. У него земные сроки подходили к концу, ей ещё предстояло жить. И он старался мягко и ненавязчиво наставить её, укрепить дух, предостеречь от дальнейших заблуждений и ошибок.

И ещё одно посоветовал Пётр Григорьевич. Всё время твердивший о возвращении на Родину, а стало быть, и её подбивавший к тому, он неожиданно открылся как прагматик.

— Пока не разрывай с мужем, не спешу. Может, утрясётся, обмнётся, простишь... А нет... У тебя когда семь лет? Вот! Дождись срока, получи здешнее гражданство — оно не помешает. А потом уж решай...

* * *

Разговор со стариком укрепил Ульяну. Жизнь продолжается. Надо применяться к новым обстоятельствам, а стало быть, действовать.

Первым делом Ульяна спланировала с глаз долой Лариску, нельзя ей было оставаться дома. Устроила в закрытой гимназии в пригороде столицы. Там строгий режим, насыщенная учебная программа — дурью маяться не позволят. А по воскресеньям её будет опекать строгий старший брат, у которого не забалуешь.

Этот шаг Ульяна назвала про себя работой над ошибками. После этого предстояло определиться с Ионом. С того дня, как их Ковчег потерпел крушение, они разговаривали мало. Вернее, Ион-то пытался заговаривать, накрывал стол, заводил Эллиingtona, но она его остужала, уходя от разговора, не удостоивая внимания ни его кулинарию, ни музыкальные подводки.

Теперь, когда они остались совсем одни, Ульяна сама попыталась смягчиться. Она старательно вспоминала первую их с Ионом ночь, мурлыкала

про себя — пусть немного и натужно — знойный “Караван”. А однажды сама накрыла на стол. К приборам она поставила два бокала, а посередине — бутылку красного сухого вина, она открыла для себя замечательное чилийское вино, изысканно терпкое и густое по цвету.

Йон не был красавцем. Худощавый, долгоносый, белобрысый — таких много на здешних факториях, где ещё до недавних пор жили бедно и скудно и не нагуляли породы. Раньше Ульяна не замечала этого, очарованная счастьем, свалившимся на неё, а теперь словно прозрела. Улыбка виноватая, даже жалкая, жидкие усы, глаза белёсые, мелкие — что она нашла в нём?! Сделав усилие, Ульяна оборвала себя: стыдись! Йон единственный, кто отозвался на крик о помощи, крик твоей души, а с лица воды не пить. Она через силу улыбнулась и предложила налить вина.

Они пили вино, перебрасываясь незначительными фразами, обмениваясь короткими взглядами. Скованность обоюдная не проходила. И всё же так или иначе — по инерции, под воздействием вина, а также умозрительных усилий — они оказались в спальне — там, где давно-давно завязалось их счастье. И опять играла труба, звучал “Караван” и витал запах кофе. Всё, казалось, было, как прежде, как тогда... Но как тогда, увы, не произошло. Блик ли ночная, свет ли далёкий фар, что мазнул по потолку, но Ульяна вдруг представила себя стоящей возле дома, тревожно глядящейся в окно, где мелькали тени, мучительно всхлинула, вскочила с постели и выбежала вон.

Всё разладилось. Как Ульяна ни строжила себя, как ни уговаривала — ничего уже не помогало, ей не удавалось пересилить себя. Йон же от этого потерял голову. Он то свирепел, то плакал, то напивался и ломился, то грозился покончить с собой и даже показывал верёвку. Ульяна от этого устала. Однажды на те посулы она сказала, что потомку викингов негоже трясти удавкой — они кидались на меч. Тем самым она, похоже, окончательно отрезала обратную дорогу.

8

Для Ульяны началась новая житейская полоса. Похожа она была на дорогу в межсезонье: и грязно, и скользко, и не знаешь, куда ступить, а идти надо. Выручал, как всегда, Пётр Григорьевич.

Старик, бывало, всё тормошил её, выпрашивал о родне, о доме. Даже опыт предлагал, дескать, ты, дочка, что-то рассказываешь, я рисую, а потом сравниваем... Прежде Ульяна не отзывалась на это, она либо пожимала плечами и переводила разговор на другое, либо отшучивалась. С тех пор как началась закордонная жизнь, она положила себе ничего не вспоминать, а уж тем более не рассказывать. Прошрое не вписывалось в здешние реалии, как скромная акварелька не вписывается в золочёную багетную раму. Оно мешало ей в новом обустройстве, и она словно отложила его. Так откладываю в дальний ящик шитьё с вдруг оказавшейся ненужной вещью. Скатала прошлое в рулон со всеми выкройками, мелковыми метками и положила в самый нижний ящик комода, пересыпав не столько для сохранности, сколько по привычке нафталином. И всё...

Однако после того, что стряслось, ей понадобилась житейская опора. Куда заплешино кинулась душа? Да в то самое прошлое, упрятанное под спудом. Ведь было же оно у неё. Было безоблачное и счастливое детство, юность, полная надежд и ожиданий. И дом, и большая семья... Всё было. И светёлка под крышей, и письменный столик, и даже шкаф, не столь глубокоуважаемый, как у Раневской, — чего уж там! — но был...

Сама с собой Ульяна вспоминала былое иначе, чем делилась этим со стариком. От себя она теперь не таилась. Но в разговорах с ним кое-что пропускала. Менялась ли от того вся житейская картина, она не сознавала, однако обнаружила, что утаённое не пропадает бесследно, а, оказывается, тоже заполняется краской. Таково, видимо, свойство родственных душ. Они создают единое силовое поле, в котором проясняется забытое или потаённое, и окрашивают всё тем тёплым, умиротворяющим светом, который оставляет надежду.

Что Ульяне в посиделках с Петром Григорьевичем чаще всего вспоминалось? Деревня, река, улица, заулоч, изба... Из родни — больше сестра Раечка да папушка.

Об отце в селе незлобливо шутили, что он с войны пришёл и как на новое место службы определился, в новую войсковую часть. На войну попал бесхитрым деревенским пареньком, был покладистый да смиренный, привык беспрекословно подчиняться отцам-командирам. Так и тут. Очутился по вербовке на Севере, леспромхоз оказался поблизости от села, попался на глаза Пестимее, она его и залучила, став и взводным, и ротным, и самым главным командиром. А Трофим и не возражал. Ему по сердцу пришлось и новый командир, и своё новое положение, будто как раз этого ему и не доставало. Работал в лесу, потом в колхозе. Плодил детушек — Пестимея рожала часто — и набралось их семеро по лавкам. Мужики после подённого упряга, бывало, — в лавку да под угор, за бани — “остыть телом да вскипеть душой”, как говаривал шепутной сосед Федя Гаревских, по жене прозванный Манефин. А Трофиму некогда гулеванить. Семья-то растёт, каждый ись просит, а в хлеву скотина мычит да блеет. Вот и вертись мужик! Выпивать, конечно, выпивал, но немного. Да и то всего трижды в году — на Октябрьские, на Новый год да на 9 Мая. В День Победы надевал медали и орден Славы. Как только глаза Трофима отуманивались, Пестимея посудину убирала — “Будет!” А он и не возражал, не стучал по столу, как другие мужики, мол, дай помянуть окопных братьев, что порастерял на фронтовых перепутьях. Он вообще редко перечил. Он не возразил, когда лишили доплаты за ордена, когда отобрали паспорт — колхознику не положено! Тут поговаривали, что оборотистость проявила Пестимея, дабы бесповоротно подмять мужика. Он не перечил, когда бригадир то и дело наряджал его на самую тяжёлую работу — на скотный двор выгрести навоз или в силосную яму очищать её от прошлогодней гнили... А уж о главенстве в доме и речи не было. Воспитание детишек Трофим передоверил супруге. Все дочки и сыновья были под Пестимеей, она держала их в горсти, как заповедовали ей её родители — исповедники старой веры. Все — и дочки и сыновья — не смели матери прекословить. И только её, Ульянку, самую младшую в семье, матери не сумела подчинить. Тут едва ли не единственный раз за всю жизнь попереёк встал отец. А произошло это потому, что ещё сызмала он заметил у младшей художественные задатки.

С чего это началось? Усадив дочку на колени, Трофим листал “Родную речь”. Читал вслух всё, что попадалось. То сказку, то стихи Пушкина, то толстовский рассказ. А затевался этот домашний урок всегда с того, что папушка вглядывался в картинку на обложке. Пейзаж Шишкина “Рожь” напоминал ему детство, родные рязанские места. Всякий раз он оглаживал натруженной рукой хлебное поле, словно стирал дымку памяти и наяву прикасался к отчине. Иной раз уже после чтения он брался за гармонь и что-нибудь тихо напевал, особенно если матери в избе не было: “На муромской дорожке” или “Меж высоких хлебов затерялся...”. Глаза его при этом отуманивались, как и на 9 Мая.

Ульянка, конечно, заметила всё это, и ей захотелось как-то порадовать папушку. Думала она, думала и придумала. Когда братья и сёстры убежали в школу, она достала карандаши “Спартак”, серенький простой альбом и стала рисовать. Да так увлеклась, что не заметила, как сзади подошла матери. Глянув на занятие дочки, а главное — результат, Пестимея покачала головой и отошла, вымолвив только одно слово: “Эко!” Зато папушка так и просиял, увидев рисунок дочки. Это было вечером, когда он вернулся с работы. Не смея взять лист с рисунком в руки — они были черны от тавота и солидола, — папушка в приливе чувств чмокнул дочку в маковку: “Умница ты моя!” Что и говорить, обласкала Ульянка папушкино сердце. Ведь она во весь альбомный лист воспроизвела то, что было изображено на обложке “Родной речи”, — пейзаж Шишкина. Причём нарисовала так, что даже старшие братья, никогда не принимавшие её в свои игры — “Мелюзге неча тут делать!” — и те удивлённо и завистливо качали головами: они-то так не умели.

Рисунок тот, потом говорили — репродукция с картины, папушка заправил под стекло в специально сделанную рамку и повесил в простенке рядом с часами-ходиками и отрывным календарём — на самое почётное место. А потом, когда всевозможных рисунков — и карандашных, и уже акварельных — появилось множество, папушка устроил её персональную выставку, развесив те листы на нитки, протянутые вдоль стены. Это было уже тогда, когда она пошла в школу.

Мать художествам её, как она выражалась, поначалу не перечила: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не уросило. Но вскорости переменялась: младшая выбивалась из семейного круговорота, где всё подчинено раз и навсегда заведённому порядку. Братья пилят да колот дрова, носят с реки воду, топят байну. Сёстры запаривают поило для скота, кормят овечек, куришек, а то шьют-кропают чего-нибудь. А младшая, извольте полюбоваться, кисточкой чирикает.

Не по злобе, конечно, сердчала мать, калила сердце. Такая была порода, такой характер, такая выучка. Старая вера, суровые нравы, пусть и остатного уже замеса, требовали во всём неустанного рачения, беспрекословного послушания. Такие натуры сбирались веками, это кремень, обкатанный на порожистой реке жизни. Такой камень в крепостную стену годится и в брусчатку вечевой площади. Но в новом житье-бытье такому характеру было ох как непросто.

Матери, привычной к вековечному укладу, были странны художества дочери, которая от хозяйственных семейных дел всё норовит в свой уголок к карандашам да краскам, а со временем не только странны, но и нестерпимы. И, верно, отступилась бы Ульяна от своего дара под таким напором, если бы не папушка. Мягкий, податливый, “из таких верёвки выют”, тут папушка не уступал и тоже становился как кремень. А когда два кремня схлестнутся да колотнутся лбами — искры сыплются.

Последний раз такой “фейерверк” случился после окончания школы. Мать рядила, что Ульяна пойдёт на ферму, как сёстры, а потом буди что — выучится в ближнем совхозе-техникуме и вернётся домой агрономом или зоотехником. Худа ли планида?! — и при должности, и при почёте. А Уля мягко, но неуступчиво заявила, что хочет учиться на художника. Что тут затеялось! Мать вскипела: вольницы захотелось? И к отцу: это ты, потатчик! Криком занялась да всё пальцем вверх тыкала, ровно боярыня Морозова. Но не Божьей карой грозила, а поминала, что сотворил-учудил её благоверный. Ведь Трофим, чтобы оградить занятия дочки от лишних поглядок да попрёков, оборудовал под крышей светёлку. Он такие видал в Польше да в Германии, когда воевал. Мансардами называются.

Никак не желала мать, чтобы дочь её единокровная отрывалась от родного дома и зажила поодинке где-то на стороне. У них в роду такого и в заводе не было, на чужую сторону не выдавали, а уж по какой другой надобе и подавно. Ладно сыновья — их призвали в армию, дело казённое, а там дальше по военной линии пошло-поехало. Но покорливой дочери место возле родителей. Вроде ясней некуда. А Ульяна своё: хочу быть художником. Мать навела справки: живопись преподают в училище, которое находится в областном центре. В областном — не за тридевять земель. Ладно! Но Ульяна, уже знающая, что к чему, и тут возразила. В “кульке” — училище культуры — того образования не дадут. Знающие люди советуют поступать в Ярославль. И другого она не хочет.

После этого начался новый виток семейных баталий. Длилось всё это несколько недель, пока из Ярославля не пришёл вызов. Оценив Ульянины работы, которые она послала по весне на творческий конкурс, училище пригласило её на экзамены.

Мать махнула рукой — быть по-вашему! — и ожгла отца взглядом. Втайне она надеялась, что Ульяна экзамены не сдаст и вернётся восвояси, о чём поделилась с Раечкой. Однако Ульяна успешно выдержала все испытания и вернулась домой, чтобы получить от колхоза справку и собраться на учёбу.

Особых денежных доходов в их семье никогда не водилось. Колхоз платил главным образом натурой: житом, картошкой да молоком. Но на роди-

тельском совете было решено, что семья будет ежемесячно переводить студентке пятнадцать рублей. Деньги невелики, но вкупе со стипендией, ежели с умом жить, хватит. Никто почему-то не сомневался, что Ульяна непременно будет получать стипендию.

Что оставалось делать Ульяне, когда она оказалась за пределами не только родительского крова, но и в другой области? Корпела, зубрила, читала и писала конспекты день и ночь. Не пропускала ни одной лекции, ни одного практического занятия. В результате первую же сессию сдала на “отлично”, подтвердив, что не зря получает стипендию. Вкупе с родительскими переводами сумма на прожитие была скромная, но достаточная. А на мороженое да киношку отдельно “подбрасывал” папушка. Он часто писал письма и в конверт, аккуратно замаскировав, чтобы не видно было на просвет, вкладывал то трешку, а то и пятёрку.

9

После второго курса, приехав на каникулы, Ульяна привезла с собой три объёмистые папки. В них были карандашные натюрморты, акварельные пейзажи, линогравюры и эстампы — всё то, что она наработала за два учебных года.

Первым зрителем этого собрания стал, разумеется, папушка. Ульяна волновалась тогда не меньше, чем на экзамене. Да и то: ведь папушка, поверивший в её дар, покуда был для Ульяны самым главным экзаменатором, и она страх как боялась разочаровать его. Бережно развязав заскорузлыми пальцами тесёмки, папушка неторопливо рассматривал ватманские листы и непременно заглядывал на оборот, где стояли отметки или резолюции педагогов. Взгляд его был сосредоточен, он дотошно разглядывал каждую работу, то отводя её на расстояние вытянутой руки, то опять приближая к глазам. Его восприятие, видимо, не всегда совпадало с оценками преподавателей, и в таком случае он ещё раз вглядывался в пейзаж или натюрморт, чтобы попытаться понять причину расхождения.

Отлегло от сердца Ульяны только тогда, когда пришёл черёд речному пейзажу. Эту работу она выполнила совсем недавно, когда их группа выезжала на пленэр в Углич. Папушку порадовало тут всё: и далёкая облачная кисея, и речная гладь, и луг, что расстилался перед рекою. Ульяна облегчённо вздохнула — главный экзамен на эту пору был, кажется, сдан, а вспомнив, что там, на этюдах, она думала о доме, об этой минуте, счастливо засмеялась.

— Хорошо, — заключил отец, — хорошо, — добавил ещё раз, отмеряя похвалу одному ему ведомой мерой. А потом, словно спохватившись, чуть удивлённо добавил: — А наша-то, кабыть, пошире будет...

Ульяна поняла, о чём речь.

— Так то же верховья Волги, начала. А у нас край Двины. До устья-то много ли?..

Папушка выспрашивал её о педагогах, об однокурсниках да не переменились ли соседки по комнате — он ведь знал уже по письмам да прежним разговорам, с кем она делит общежительство. А ещё о столовой опрашивал: как и чем кормят, хватает ли... И всё наставлял: ежели что — срочное, важное — отпиши, а то дай телеграмму, а ещё лучше вызови на переговоры, сельсовет-то — звон где, в двух шагах.

Кроме своих работ Уля привезла тогда репродукции с картин. Собирала она всё — и отечественных, и зарубежных художников, но захватила с собой только европейцев: вырезки из “Огонька”, “Смены”, “Юности”, наборы открыток, которые покупала, выкраивая из скромного студенческого бюджета.

Где разместить привезённое — она долго не раздумывала: разумеется, в светёлке, что устроил для неё под крышей папушка. А как? — тут надо было приноровиться. Часть репродукций, у которых имелись белые поля, она прикрепила кнопками, а часть, воспользовавшись папушкиным методом, развесила на нитках, используя канцелярские скрепки.

Это было день на третий или четвёртый. Доклады о студенческом житье-бытье — степенные для матери, более искренние для папушки — сделаны, новости деревенские от сестриц да бывших одноклассниц услышаны, визиты к семейной родне да порядовым соседям нанесены. Вот и наступил черёд этой папке, в которой покоились репродукции. Выставка была составной частью её приезда — этого маленького триумфа, её задуманного сопротивления будням, даже и каникулярным. В юности страсть как хочется нескончаемого праздника!

Первым в домашнюю галерею-мансарду она пригласила, само собой, папушку, ведь именно его прежде всего она собиралась порадовать-удивить. Стояли дни летней передышки: пахота да сев закончились, сенокос ещё не наступил, папушка возвращался с работы не запоздно. Вот после ужина Уля и кликнула его с верхотуры.

Остановившись в дверях, папушка окинул взглядом стены, и его белёсые брови изумлённо вскинулись — Ульяна явно достигла желаемого, — а потом губы папушки тронула тихая улыбка, это он, видать, различил скрепки.

Начался осмотр. Папушка медленно пошёл вдоль стены. Он клонил голову то вправо, то влево, то отступая, то приближаясь к листкам, как завялый ценитель искусства, хотя в музеях, насколько ведала Ульяна, ему бывать не доводилось.

- Это Матисс, — поясняла она, кивая на огненный “Танец”.
- Красно, — неопределённо, но как-то значительно кивал папушка.
- Это Сезанн.
- Э как!
- Это Дега.
- Синё-то...

Возле одних репродукций папушка задерживался, чему-то удивляясь, даже возвращался. По другим лишь мимоходом скользил взглядом, явно не принимая.

Европейцы — дальние по времени и более ближние — шли попеременно. Ульяна только называла имена, она не вдавалась в подробности их судеб, о которых знала из книг и лекций по искусствоведению, тем паче — о манере письма, цветовых пристрастиях и прочих тайнах живописи. Это всё она оставляла на потом. Потом, когда улягутся первые впечатления и возникнет предметный интерес. Как было у неё...

Они шли дальше.

— Это Ван Гог... Это Гоген — полотна, писанные на Таити... А это Дали...

Что случилось дальше, Ульяна не поняла. Папушку вдруг согнуло, скрючило, как от удара в живот, он закашлялся, шея его налилась кровью. Ульяна от испуга даже ойкнула. Он вяло повёл рукой, мол, ничего, успокойся, сейчас пройдёт, и, не переставая надрывно кашлять, поплёлся наружу. Уже в дверях, не оборачиваясь, ещё раз остановил жестом.

Табак. Не иначе табак. Слишком много курит. От всего отвалила его мать, а от этого, как ни бьётся, никак не может. Эта напасть к нему привязалась с детства, точнее, с того лютого года, когда куревом, палёной листвой подавляли голод. Вот и мается.

Ничего, успокаивала себя Ульяна, откашляется — вернётся, чего мешать в таком разе. Вернётся. Ведь и одну стену даже не осмотрел. А вернётся — она непременно покажет ему самую любимую свою работу в этой галерее — “Охотников на снегу”. Вон он, Питер Брейгель, рядом с Дали.

Ждала Ульяна, ждала, да не дождалась — папушка не возвращался. Совсем растревожившись, она кинулась вниз.

Папушка сидел на крыльце, опершись локтями о колени, и пытался скрутить сигарку. Пальцы дрожали, простые, привычные движения никак не давались, бумага рвалась, табак золотой струйкой сыпался мимо. Ульяна перехватила его за дельце, скрутила самокрутку, набила её табаком и сама прикурила.

Виновато мотая головой, давясь горьким дымом, папушка прокашливался и что-то говорил, а по щекам его текли слёзы. Ульяна слушала, почти ни-

чего не понимая, потому что была сосредоточена на другом — этом внезапном и таком непонятном приступе: не обернётся ли это бедой? Горловые спазмы мешались с кашлем, икотой и дымом. А она, сидя подле, всё гладила его по спине, шептала: “Папушка, папушка...” и не знала, что делать: кричать, звать на помощь или вот так успокаивать, утишать, слушая, как тяжело бьётся отцово сердце.

— Они долги таки... Шеи-то тянут... Из огорожи... Глаза-те как блюдца... А горит округ... Я туда... Отворить нать... А как?... Снайпер оттель... Чуть нос — он и дупит... Не стерпел — нать спасать... Сунулся — и аха...

Папушка мотнул головой. Рана. Опять засквозила старая рана. Ласково приговаривая, Ульяна переместила ладонь к левому плечу. Ниже ключицы разрывная пуля вошла, а из лопатки, вырвав кусок кости, вышла. Вот она, эта страшная ямина — воронка, из которой едва не высвистнулась отцова, а следовательно, и её, дочери, жизнь. Улина ладонь бережно прикрывала эту разверзшуюся бездну и как раз входила в неё.

Уля долго гладила искалеченную отцову спину, утишая боль, горькую память, и вкладывала в эти ласковые прикосновения всю свою благодарность, нежность и любовь.

10

Посиделки с Петром Григорьевичем в тот тёмный во всех смыслах период проходили ежедневно. То в студии после занятий, то в кафешке после короткого пленэра или урока в галерее. Да не мельком, не впопыхах, а обстоятельно — по часу, а то и по два. Ульяна догадывалась, что старику тяжело, что он перемогает себя, давая ей возможность пережить смутную пору. Но при этом не отказывалась от его участия. Ведь виду он не подавал.

Слушая Ульяну, Пётр Григорьевич не расставался с блокнотом. То делал портретик, то запечатлевал какой-то возникший в разговоре образ. Погружённый в себя, в свои мысли и недуги, он, казалось, многое пропускал мимо ушей. Однако Ульяна знала, что это не так. Время от времени старик вставлял замечания и даже поправлял её, если речь касалась деталей или предметов, которые он знал и помнил лучше. А ещё, если к месту приходилось, что-нибудь уточнял: например, резьбу наличников в родительском доме, форму штакетника, какой у печи был дымоход — прямой или с коленцами, как была отделана её светёлка и какое у неё было окно — стандартное или полукруглое итальянское. Ульяна недоумевала: зачем это? И откуда ей знать, какой дымоход был у русской печи?! Но потом, чуть позже, с тихой радостью начинала вспоминать, как красиво в полукружье окна вписывалось рдяное зимнее солнце. А каким чудесным теплом обволакивала печка, когда после катания на чунках она, девчушка, настывая да продрогшая, забиралась на её каменную спину!

А в студии старик по-прежнему рисовал пейзажи, мысленно уносясь в родимую сторону: лесные опушки, луга, стога сена, озёрные глазницы, клюквенные болотца, речные дали, лодки у берега, избышки, баньки, пастбища с коровушками, жеребятами-стригунками... Господи, сколько же отрады в песне о Родине, и сколько ни пой её — по гроб жизни не перепоёшь! Это радовало Петра Григорьевича и утешало: не надоест летать в родимую сторону. Одно огорчало старика: ему по-прежнему не давалась небесная даль.

— Наличники, палисадники, стога — всё вроде как надо... (“Да-да”, — соглашалась Ульяна, чтобы не огорчать старика, — у него заметно падало зрение.) А небеса — увы...

Выпустив из внимания Ульяну, он опять повернулся к мольберту. Окинул и так и сяк, отошёл, снова приблизился, задумался, понурился, а потом вдруг вскинул руку.

— Может, там смекну? — это он подумал вслух. Вслух старик теперь думал часто.

Ульяна не отозвалась, чтобы не мешать ему, но вздохнула. Пётр Григорьевич всё чаще болел. И этот вздох был знаком согласия: ведь и впрямь,

видимо, уже скоро старик узнает глубину неба. Пятна старческие появились не только на руках, но и на лице, а белки глаз подёрнулись мелкой сеткой сосудов. “Укатала горюна чужа сторона”, — как он сам говорил.

...Старик скончался в январе. Похоронили его там, где он и предвидел, — на муниципальном кладбище, разлинованном на аккуратные квадраты. Земля на могиле была мёрзлая. Вид этой комковато-стылой земли и всего окружающего настолько не совпадал с пейзажами Петра Григорьевича, что Ульяна разрыдалась.

— Господи, — взмолилась она, придя на могилу на девятый день, — не залучай душу новопреставленного раба Твоего Петра, прежде чем она не погостует в родных пределах. И дай ей не сорок дней, а дозвожь остаться там до осени, чтобы её качало на весенних ветрах, покружило зноем июля, обдало пряным духом скошенного сена и волглым запахом грибницы...

II

Тот год, начавшийся с кончины старика, покатился кувырком. Впрочем, кувырком всё пошло раньше — с осени, с выходки дочери. Её вероломство, это предательство не только подкосило Ульяну, оно ускорило смерть Петра Григорьевича. Он ведь тоже переживал, видя, как мается она — родственная душа. А много ли надо усталому сердцу, в котором жизни оставалось на воробьиный скок?!

Ещё недавно, казалось бы, крепкая семья разваливалась на глазах. Ульяна места себе не находила, всё валилось из рук — и на работе, и дома. Йон от её охлаждения стал запивать — и то плакал, то грозился. Дальше — больше: у него начались неприятности на службе, случился срыв, прогул, а ведь спасательная служба — та же армия. А главное — Лариска, она не унималась и, по сути, издевалась над ними — и над отчимом, и над нею, матерью. Однажды она выслала Йону по почте своё бельё. С ним была истерика. Он хохотал, брезгливо приплюсываясь, мял эти прозрачные тряпицы; кричал, что это она, Ульяна, виновата; это она воспитала такую заразу, которая испоганила жизнь и его, и своей матери. Ульяна молча, глотая слёзы, слушала попреки, и крыть ей было нечем.

Да, во всём виновата она. Сделала бы тогда аборт — как советовали — ничего бы этого не было. Не смогла. Грех ведь. Словно то, что понесла от проходимца, пусть и весёлого, грехом не было.

Схватив мобильник, Ульяна вызвала дочь и, напрочь забыв про наставления доктора Спока вкупе с европейской толерантностью, наговорила неведомо чего, пока на счётчике не вышли деньги. Но даже после, не заметив, что говорит в пустоту, продолжала честить “ту заразу” на чём свет стоит, покуда Йон не тронул за плечо и не глянул в безумные глаза. Во взгляде его было и сочувствие, и смятение, и вина — чего только в глазах его не было. И тут бы кинуться ему на шею, да всё простить, да забыться в объятиях друг друга, изживая-сжигая обиду и тоску. Но нет... Не та порода, не та закваска. Тут матушкина кровь, замешенная на староверском кремни. И хоть разжижилась та кровь, заводянекла, да до конца-то не выстыла. Сняла его руку с плеча и молча ушла в свою комнату.

Ульяна решила так: коли дочь — её грех, ей его и отмаливать. И лучше всего быть всё время подле неё, пока она не перебесится, не наберётся умаразума. Так сказала она Йону, собираясь в дорогу. А об их совместной дальнейшей жизни сказать ничего не смогла — нечего было говорить. В ту пору на руках Ульяны был полноценный норвежский паспорт. Это давало свободу действий. И всё же она не решилась на полный разрыв. С собой взяла самое необходимое, давая понять, что ещё вернётся.

Кончался февраль, было солнечно, снега пятнали праздничные синие тени — предвестники весны. Но душу пронизывала осень. Йон довёз Ульяну до автобусной остановки. Она поправила его выбившийся красно-синий шарфик, молча кивнула и, поднявшись в салон, обернулась. В глазах его стояли слёзы.

На жительство Ульяна устроилась в том же столичном пригороде, где находилась Ларкина гимназия. Работу нашла в студии дизайнера — она располагалась поблизости от учебного заведения. И квартирку сняла поблизости. Теперь её мир замкнулся в треугольнике. В памяти мелькнул Бермудский... Но она сразу отвела эту мысль. Для опаски не виделось никаких оснований. День в закрытой гимназии был расписан по минутам. Педагоги, воспитатели не просто доглядывали за подопечными — они замешивали такую густую рабочую среду, в которой места для безделья и глупостей просто не оставалось. Конечно, порядки тут были не домашние, жёсткие, и наказания существовали... Но, разочаровавшись в докторе Споке, Ульяна заключила, что именно так и надлежит выправлять этот природный выверт, который возник в психике и характере её дочери.

По воскресеньям Ульяна собирала детей у себя. К столу готовила что-нибудь вкусенькое, их любимое: Лариске, например, драники, Серёжке — грибную запеканку. А завершала день непременно презентами: то безделками, сувенирами, а то нужными в их обиходе вещами, даря кашне, перчатки или носки...

За дочерью в гимназию Ульяна отправлялась сама, а обратно, держа Лариску буквально за руку, отводил Серёжка.

Лариска была смиренная и послушная. Прилежно обедала, всегда благодарила: спасибо, спасибо, глаза потупленные, причёсочка — волосок к волоску, прямо-таки пай-девочка. Ульяна, конечно, чувала, что смирение это сделанное: в тихом омуте черти водятся. И всё-таки даже внешние перемены, пусть и преувеличенные материнским ожиданием, грели её наступившее сердце.

Прошла зима, минула весна. Подходил к концу учебный год. Ларка сдавала зачёты, экзамены, была озабоченная, искренне переживала за результаты. Всё это радовало Ульяну. Ей верилось, хотелось верить, что перелом наступил. И, когда в конце мая в гимназии стали создавать группы старшеклассников для поездки в трудовой кемпинг, Ульяна, помешкав, согласилась. Пусть едет. Коллективная работа в юности — это и праздник, и соревновательный задор, и взаимопомощь, и закалка характера... Именно так Ульяне вспоминалась деревенская сенокосная страда. Овода, жарынь, пот градом, а всё равно хорошо. Ты в работе, ты на виду, грабли так и мелькают в твоих руках. Не отстать, убрать сено, куда ведро... А тут — виноградники (“the students are invited to harvest fruit”), два месяца солнца, моря и здорового труда. Для Ларки это будет поощрением, знаком доверия и примирения. А порядок там гимназия гарантирует. Помимо педагогов — строгих матрон и воспитателей — бывших военных и полицейских, там, в Бретани, будет целое отделение секьюрити. Тут мышшь без спросу не проскочит. Так думала Ульяна и не сомневалась, что так оно и будет.

И что же...

Недели не прошло, как раздался звонок:

— Фру Ульсен, ваша дочь самовольно покинула территорию кемпинга.

— Что?! — вскрикнула Ульяна. — А вы-то куда смотрели? — И кинула трубку.

В Нант она вылетела первым же самолётом. Да что толку! Дочери и след простыл. Все эти матроны и бывшие сержанты только руками разводили. Розыск результатов не дал: то ли похитили — мало ли охотников, киднепинг во всём мире... то ли сама... Через пару дней на мобильник Ульяны пришла эсэмэска: “Я на Канарах. Здесь жара. Всё о’кей!” Запрос в полицию Санта-Крус не поспел. Была в одном из отелей, сутками раньше съехала с каким-то молодым человеком. А куда — неизвестно. Ещё через три дня Ларка известила, что она в Америке, посреди США. Ещё через день: “Здесь ранчо. Крутом лошади, бизоны”. А следом и вовсе уж несусветное: “В пятницу свадьба”.

Ульяна от всего происшедшего потеряла речь, у неё отнялся язык. Она оцепенела и только без конца мотала головой, как от нестерпимой зубной боли.

“Молодой человек...” Какой молодой человек? Где и когда спнохались? Может, алжирец, с которым Ларка в открытую лизалась возле арт-хауса? Такой смазливый и тем неприятный... Он и в театре, и в футболе, и в политике... В театре не видела. Но о прочем слышала, — левак. И в футболе, и в политике. И там и там играл левого крайнего или крайне левого... Тот ещё артист...

Так думала Ульяна, перебирая версии, пытаясь стыковать возможное и невероятное. Ей всё ещё казалось, что это розыгрыш, такая игра, пусть и злая, или, по крайней мере, блеф. Ларка где-то недалеко и скоро объявится. Не сегодня — так завтра. Или здесь, в Нанте, или там, в Норвегии.

Что делать, рассудок редко совпадает с телесностью. Нутро сотрясает боль, а рассудок спасительно тешит иллюзиями.

Всё закончилось через день. В пятницу на мобильник Ульяны пошла прямая трансляция: собор, пастор, молодая пара, на нём — чёрная тройка, на ней пенное платье, флёрдоранж. Родственники обычно снимают суетно, импульсивно, а то и трясуцимися руками, поминутно меняя ракурсы. Тут чувствовался профессиональный оператор: всё было чётко, подробно, много крупных планов. Но глядя на это — в режиме *on line* — действие, Ульяна никак не могла взять в толк, почему это ей показывают. Ей даже казалось, что демонстрируется какое-то кино, где актриса, играющая невесту, похожа на её дочь. Пока, наконец, не дошло, что это не кино, не имитация, а чистая правда. И тогда рассудок Ульяны заволокло туманом...

* * *

В состоянии оцепенения, потерянности Ульяна вернулась в Норвегию. Целыми днями она сидела взаперти, уставившись в одну точку. Поделиться горем ей здесь было не с кем. Сын находился на летней практике в Скандинавских горах. Йон для излишних не годился — сам был жертвой. А сходных душ здесь, в предместье столицы, она завести не успела. Вот и маялась одна-одинёшенька.

Однажды, чтобы прервать гнетущую тишину, Ульяна включила телевизор. На экране шла прямая передача. Двое собеседников-мужчин и между ними переводчица. Кайя — узнала Ульяна и тотчас позвонила на студию.

13

С Кайей Ульяна познакомилась год назад. В Северной Норвегии проходил семинар с весьма мудрёным названием, где перемешалось всё — литература, история, этнография, социология и ещё бог весть что. Одно из заседаний проводилось в их городке. Не потому, разумеется, что здесь сложилась какая-то известная научная школа, а лишь потому, что тут имелся просторный и современный, европейского уровня арт-хаус.

В актовом зале Ульяна находиться не могла — она занималась выставкой своих подопечных, которую накануне, в самый последний момент, ей предложили устроить в ближнем холле. Впрочем, она и не стремилась туда. На таких встречах не возникает жарких дискуссий. Это не студенческая аудитория времён её юности и тем паче не перестроечная митинговщина, где доходило до кулаков. Тут обычно чинно и благообразно или, как стали выражаться с некоторых пор — политкорректно. Так же, как и на здешних студенческих тусовках. Как бывало и у неё в студии, где никто не повысит голоса, где закон — толерантность, и потому исключена критика, а возможно только ласковое поглаживание по шерсти, хотя подчас на мольберте — жалкая мазня.

На сей раз, видимо, что-то сложилось не так. Наступил перерыв. Первой из распахнутых дверей вылетела маленькая, хрупкая женщина. Именно вылетела, точно взъерошенный воробей. Мельком глядя на развешанные акварели и карандашные рисунки, она пробежала вдоль стены и остановилась возле деревенского пейзажа. Ульяна, заключив, что понадобятся пояснения, подошла ближе. Однако в ответ на учтывую фразу услышала не вопрос, как

ожидала, а пространную тираду, которая по тональности напоминала не чирикание озабоченного воробышка, а, скорее, треск скворца, возмущённого тем, что кто-то занял его скворечник.

Оказывается, возмутителем спокойствия стал питерский профессор, доклад которого этой особе досталось переводить. Ульяна насторожилась. Речь шла о декабристах, о “Северной повести” — произведении пусть и плохоньком, теперь забытом, но ведь Паустовского же — перед ним Марлен Дитрих стояла на коленях, о чём свидетельствует фотография. Ульяна озадаченно поджала губы. Экая пигалица! Твоё ли дело оценивать чужие выступления? Ты — толмач, сугубо технический работник, вот и выполняй свои обязанности.

Переводчица, видать, что-то почувствовала, коротко — снизу вверх — взглянув на Ульяну, но не сбилась, лишь немного пригасила тон да, услышав одну географическую поправку, тут же перешла на русский, который заметно замедлил её речь. Донимало её не то, что докладчик, следуя новым тенденциям в оценке истории, крыл декабристов, а то, что двадцать лет назад — она сама слышала — точно так же крыл самодержавие и империю. Вот что, оказывается, её возмутило больше всего.

Они стояли против деревенского пейзажа Петра Григорьевича. Этот выполненный по памяти сельский вид странным образом свёл их, соединив — по крайней мере в стекле — их взгляды, и притягивал, и не отпускал, побуждая к разговору.

Больше говорила она, эта пигалица, этот растрёпанный воробушек. Мелкие, и впрямь птичьи черты её лица оживлялись и обретали какую-то особенную значимость, какая запечатлевается на облике любого человека в минуты вдохновения. А тут ведь речь шла о декабристах, точно далёкие отсветы давно утихшей бури касались её лица.

О декабристах она говорила так, как судачат о порядковых соседях или двоюродных братьях, которые маются похмельем — ни больше, ни меньше — и попрекая, и одновременно сострадавая им. Нанюхались в Париже воспарений вольницы, и стал им грезиться тот самый призрак, который уже бродил по Европе. И потащили они этот мираж в перемётных сумках да на загорбках сюда — она кивнула на русский вид.

Замечала ли она, что противоречит сама себе, в чём-то повторяя сентенции того самого профессора-конформиста? Скорее всего, нет, ведь она-то не меняла своих взглядов.

За спиной собеседниц доносился говор, звякали чашки и ложечки — всю шёл кофейный перерыв. А они почему-то продолжали стоять возле незатейливого русского пейзажа, словно без него невозможно было общение. Потом, правда, перешли к столику, однако пейзаж старика всё равно оставался перед их глазами, и время от времени они поглядывали на него, будто в нём искали подтверждения своим словам и мыслям.

От декабристов разговор перешёл к их жёнам. Ульяну озадачила оценка собеседницы. Подвиг жён, сказала она, с ментальной точки зрения более весом в сравнении с демаршем самих декабристов. В их действиях была половинчатость, недоговорённость, недоделанность. Вспомнить хотя бы князя Трубецкого. Ведь он так и не вышел на Сенатскую площадь. Диктатор — стало быть, вождь, а выходит, предал либо одумался, раскаялся, смалодушничал... Но... не вышел. А у жён полная бескомпромиссность и абсолютное христианское самопожертвование. Ульяна пожалала плечами: даже несмотря на беспорядочную жизнь иных декабристок в Ялтуторовске, Чите, на Петровском Заводе? Даже! — одними глазами отозвалась собеседница. Уж не феминистка ли она? — такой вопрос мог возникнуть помимо воли. Нет, словно прочитав эту мысль, покачала головой переводчица: она не из тех, не из “синих чулков”, она вдова, муж несколько лет назад погиб...

Вот после этого они и познакомились, “обменявшись верительными грамотами”. Оказалось, что в пернатости Ульяна не ошиблась. Правда, воробушек обернулся чайкой — так по-эстонски переводится имя Кайя.

Кайя Пенса, едва ли не последняя в советские поры эстонка, окончившая филфак Ленинградского университета. Она готовилась к переводческой деятельности: ей прочили место в издательстве “Ээсти раамат”. Однако

с развалом Союза развалилась и книжная индустрия. В государственный пул, как называют правительственных толмачей, она не попала. Место престижное, хлебное — охотников прорва, да все представительные. Где ей, пигалице, было пробиться через бастионы крепких спин и редуты острых локтей! Зато повезло в другом. Знание всех основных скандинавских языков плюс английский и русский сделало её незаменимой на всяких неформальных международных встречах, где собираются писатели, художники, лингвисты, деятели культуры... Тут она нарасхват и мотается из конца в конец Скандинавии, иногда наезжая в Англию, Данию или в Россию.

14

Кайя, одинокая душа, тоже обрадовалась встрече. Объяснять ей, что да как, долго не понадобилось. Она живо прониклась состоянием Ульяны. Но как помочь?

Пыталась пронизировать, вспоминая обстоятельства знакомства, вернее, концовку первого разговора. Жёнки-декабристки на восток ехали, к мужьям своим. Теперь русские подвижницы рвутся на Запад и в Америку. Зачем? — одними глазами спросила Ульяна. Улучшать породу, отвечала Кайя. Это она так объясняла бегство Лариски. Ульяна даже не хмыкнула — у неё что-то случилось с лицом, оно будто окаменело.

Тогда Кайя подошла с другого боку. В одном научно-популярном журнале она увидела генотипы американцев и от этого вида пришла в ужас. Фотографии мужчин и женщин 50-х годов, наиболее спокойный и относительно благополучный период во всём мире, накладывали одна на другую.

— У нас, по Союзу, — Кайя не то чтобы поперхнулась, а решила уточнить, — вернее, по Северу, в твоих местах, всё ясно и чётко: глаза, нос, губы — единый генотип, и мужской и женский. А в Америке, — она для убедительности вытаращила глаза, — сплошной кошмар, какие-то кикиморы и вурдалаки, глаза на лбу, губы всмятку и у мужиков, и у баб. Жуть, а не генотип! Вот Господь и поручил русским барышням улучшать обезображенную американскую породу.

Тут бы Ульяне улыбнуться, кивнуть, а ответом получилось лишь дрожание губ. Ничего не выходило у Кайи, никак не удавалось вывести Ульяну из уныния. И тогда, немного помешкав, Кайя прибегла к радикальному средству.

— Ничто так не сбивает хандру, как дорога. Охота к перемене мест — верное средство обмануть мерлихлюндию. Ипохондрия обожает домоседов, застой в мозгах и в мышцах — её питательная среда. Поэтому вперёд — куда глаза глядят, а там видно будет!

Куда же увлекла новая подруга Ульяну? Да в Эстонию, на свою родину. Она везде, кажется, чувствовала себя как дома. Но здесь-то, в Таллине, она именно дома была.

Они пересекли Балтику на пароме Viking Line. Вечером были в Стокгольме, а утром очутились в эстонской столице. Тут Кайя повела себя не просто как радушная хозяйка, а как тренер, которому необходимо, чтобы её подопечная досконально выполнила всю намеченную программу. Они облазили Вышгород, весь старый город (“Ваня Сталин”, включая в речь старые анекдоты, комментировала Кайя), навещали пивные погребки, осматривали музеи и снова бродили по древним улочкам.

— Вот здесь снимали “Озорные повороты”, — показывала Кайя. — Вот там “Нечистый из преисподней”. Но кто сейчас помнит эти фильмы?

Они много чего осмотрели, бродя по Таллину. Однако прежде рано утром, взяв прямо в порту такси, Кайя увлекла подругу на кладбище. Она поминала, что родителей у неё нет, но не поясняла. И вот теперь открылись подробности.

Оказалось, что семьи её родителей — ближние соседи — сразу после освобождения Прибалтики были репрессированы. А осудили крестьян да потомственных рыбаков за то, что сдавали часть выловленной салаки на немецкий склад, то есть, как значилось в приговоре, сотрудничали с оккупационным режимом. Но кто из тех судей-буквоедов объяснил, а каким образом

можно было отказаться от такого сотрудничества. Изрезать сети? Не выходить в море? Обречь детей на голодную смерть? И будто неизвестно было, как немцы поступали с послушниками и нарушителями их орднунга. Доводы несчастных судьи не услышали, не удостоили их внимания. А итог обычный: в вагоны — и на восток.

— С одного острова — на другой, — поджала губы Кайя. — С Сааремаа — на Сахалин, — она выделила первые слоги паузами, словно соединила звенья цепи.

Кайя с Ульяной стояли возле ухоженных могил, увенчанных небольшими надгробными плитами. Кругом было чисто и аккуратно — не чета кладбищенской расхристанности в России — видно, что здешние служители исполнили свои обязанности добросовестно и честно.

Кайя поставила в низкую вазочку алые тюльпаны.

— Они были совсем детьми — по восемь лет, — прошептала Кайя. — Самое страшное, вспоминала мама, — Кайя подавила горловой спазм, — самое страшное, когда их разлучали с родителями...

Ульяна мысленно перевела возраст на своих детей. Когда Серёже было восемь, а Ларке, стало быть, три, она, мать, в отчаянии наглоталась таблеток... Господи! Какая же она была дура! Что стало бы с ними? Как бы они себя повели? И выжили бы?

О том, что стало с детьми теперь, на ту минуту Ульяна забыла.

Юхан и Марта, тихие и застенчивые, когда их оторвали от отцов-матерей, ухватились за руки, почуввав всем нутром своим, что в этой сцепке их единственное спасение. По сути, они так до конца и не разомкнули рук. И в пересылке, и в детдоме — это была Чита — они держались всегда вместе, точно брат и сестра. Вместе, уже в юности, вернулись и на родину. Родители их сгнули, оставшись на том далёком, похожем на акулу острове. “Акула проглотила их”, — сказала Кайя. А наследники выжили, выросли и поженились. Детей у них долго не было — годы неволи и испытаний не прошли даром. Но любовь и нежность всё же взяли своё.

— Как там в русской сказке, — тихо улыбнулась Кайя, — поскребли по сусекам и слепили...

— Крошечку-хаврошечку, — подхватила Ульяна.

— Крошечку, — кивнула Кайя. — Имя сразу дали. У обоих матери Кайи. Кого же чайками называть, если не рыбацких дочек? А я, — она вздохнула, — и не рыбацка, и называть мне некого...

Уходя с кладбища, подруги не стовариваясь обернулись. Перед вазой, что стояла между могил, мерцал в плоске огонёк свечи. А тюльпаны, такие прямые и строгие, рассыпались на две стороны, точно надгробья соединились радужкой вольтовой дуги.

А в довершение долгого таллинского дня они побывали и на русском кладбище. Кайя о таковом сначала упомянула, а потом, пристально посмотрев на Ульяну, и увлекла, загоревшись показать ей могилу русского поэта Игоря Северянина.

Тут в познаниях Ульяны обнаружился пробел — она этого не скрывала. Большого интереса, по правде говоря, у неё не было: устала, да и мысли горькие не отпускали. Однако имя, для неё дорогое, и родственный по корням и географии псевдоним всё же настроили. А уж Кайя тут расстаралась. Она вызвала по мобильнику такси, да не абы какое, а раритетное — то ли “порше”, то ли “дожд”, на котором, как гласит легенда, Игорь Северянин подъезжал к гостинице “Золотой Лев” на банкет в честь Ивана Бунина, и было это 7 мая 1938 года, то есть 70 лет назад. Ульяна недоверчиво покачала головой, но спросила о другом: откуда у неё, эстонки, интерес к русскому поэту. Оказалось, что увлечение русистикой и вообще филологией началось у неё с творчества именно Северянина: сперва как протест, возражение против официоза, ведь стихи его не издавались и были полузапрещены в Советском Союзе, а потом эта поэзия стала частью её души.

Могилу поэта оказалась неподалёку от входа. Кайя положила к мраморной пирамиде свежие розы, которые купила возле храма, пояснив, что поэт ждал таких от родины, и принялась читать стихи.

Что-то пряное, изысканно-витиеватое слышалось Ульяне в этих звуках. Ландо... гризетка... “в будуаре надушенной нарумяненной Нелли...”. Веяло холодом, жеманством. Это было чуждо Ульяне. Кайя заметила холод и переменила звукоряд.

*— Я вскочила в Стокгольме
на летучую яхту —
на крылатую яхту
из берёзы карельской...*

Это про нас с тобой. Верно? А ещё:

*Дай рябины мне кисточку,
ненаглядная Эсточка...*

Это обо мне. А?! А вот это:

*Она слышна — она видна:
В ней всхлипы клюквенной трясины,
В ней хрусты снежной парусины,
В ней тихих крыльев белизна —
Архангельская тишина...*

Чуешь, о чьей стороне?

В храме они поставили свечки, а в книжной лавочке близ кладбищенской обители оказался сборник стихов. Открыв наугад синюю книжку, Ульяна прочла:

*И будет вскоре весенний день,
И мы поедem домой в Россию...
Ты шляпку шёлковую надень:
Ты в ней особенно красива...*

*И будет праздник... большой, большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...*

*И ты прошепчешь: “Мы не во сне?..”
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целю!*

В горле запершило. Ульяна захлопнула книжку, помотала головой. Кайя пристально посмотрела на неё, но ничего не сказала, только часто-часто заморгала сама. А потом, немного погодя, поведала, что Северянин случайно оказался в эмиграции. Думал переждать здесь, в Эстонии, и революцию, а потом и Гражданскую войну, да назад, в Россию, пути уже не оказалось. Бедствовал, тосковал по Родине, а назад вернуться уже не довелось...

Довелось — не довелось... Об этом Ульяна думала всю дорогу, когда они возвращались назад в Скандинавию. Кайя из каюты не выходила: она плохо себя чувствовала, Ульяна гуляла по палубам одна. Посередке Балтики ей вспомнился рассказ Бунина “Господин из Сан-Франциско”. Трюм. Цинковый гроб. В России теперь редко говорят “покойный” — “груз двести”. Впервые она услышала этот термин тогда... Господи! Сколько же лет прошло!.. Она всхлипнула, зажала рот, опасливо покосилась. Никого возле не было. Люди либо спали, либо веселились в глубине парама — в барах да на дискотеках. До господина из Сан-Франциско как тогда, так и теперь никому не было никакого дела.

Ульяне представилось, что вот в таком цинковом гробу возвращается на Родину, куда в мыслях беспрестанно устремлялся, Пётр Григорьевич. Утешилась бы этим его душа? Наверное. Но и закручинилась бы... Ведь никто, совершенно никто не навещал бы его могилку, даже если схоронили бы в родных местах. Разве что сама душа, да и то до сорокового дня, а если Господь услышал её, Ульяны, стенания, до исхода уходящего лета...

В этот миг сознания коснулась... паутина. То есть не сознания — виска. Откуда здесь-то? — отозвалось мимолётно. Отозвалось да тут же, кажется, и забылось.

Ульяна подняла взгляд к звёздному небу. Отыскала Полярную. Интересно, узнает ли старик всю глубину небесного цвета?

15

За лето Ульяна мало-помалу пришла в себя, немного поуспокоилась, остыла, благо какая-то информация от Лариски, пусть и не регулярно, с паузами, поступала. То эсэмэска, то фото, то видео. Вот эпизоды свадебного путешествия: Лонг-Бич — океанский пляж, бунгало в кемпинге для молодожёнов, аквапарк, аттракцион “русские горки”... — всё это в Калифорнии. А здесь уже посередке Америки — в штате Айова. Это семейное ранчо, уголья которого простираются до горизонта, — снято с высоты частного самолёта; это конюшня, у коновязи — породистая кобыла с жеребёнком; это просёлочная дорога, по сторонам которой кукурузные поля... И везде, в каждом сюжете — Лариска, её дочь. Хоть и странным всё это казалось, нереальным, но фотографии подтверждали: Лариска, её непутёвая дочь, — жена вот этого верзилы-ковбоя, который скалит свои лошадиные зубы.

С летней производственной практики, которая проходила в Скандинавских горах, вернулся Серёжка. Как всегда, немногословный, строгий, сосредоточенный. На лбу ранняя поперечная складка. Похож на своего отца, но по характеру жёстче, суровей. Не юноша, тем более подросток, какими нередко выглядят его ровесники, а мужчина.

Посадив сына за стол, Ульяна принялась кормить его и меж переменой блюд, не торопясь, поведала о главной семейной новости, стараясь не выдать своей горечи. Удалось ли ей это, так и не поняла. Заметила только, что складка меж густыми бровями сына углубилась. На мобильные фотографии он глянул вскользь. Чуть дольше задержался на портрете свояка-американца, обнимающего морду лошади. “Не отличишь”, — сказал как припечатал. А потом выложил свою новость.

Ульяна не сразу поняла, о чём речь. Сперва показалось, что это продолжение предыдущей реплики: шляпа на голове ковбоя давала массу поводов для словесных упражнений. Потом почувствовала какую-то причинно-следственную связь: не вид ли ковбоя с кокардой на шляпе явил эту фразу? И только после, с трудом, наконец дошла суть: Сергей решил бросить университет — это первое и пойти на военную службу — это второе.

В сознании Ульяны от всего этого произошло полнейшее замешательство. С трудом подавив подступившие слёзы, она сосредоточилась на главном, а главным, как ей представлялось, была для него учёба. Позади третий курс, до профессии рукой подать. Тут бесплатное жильё. Тут стипендия, которая выше её зарплаты. Доучись, получи диплом, а там как знаешь... Это ли не доводы в житейском раскладе? Она ведь знала его упрямство, его своеволие и самолюбие, потому, подавив свои эмоции, старалась убеждать логикой. Увы, на сей раз это не удалось. Прежде он слушал её, сын. Слушал и слышал, что внушала она, мать. Внимал и нередко соглашался или, как ещё совсем недавно, делал поправки в своих планах. А теперь не стал даже объяснять. “Всё! — сказал, будто отрезал. — Я так решил. Так надо! И больше не будем об этом!”

До самого конца Ульяна не верила в предстоящее. Сын проходил медкомиссию, согласовывал отчисление, утрясал финансовые дела. А она не верила. Такого не может быть. Такое не должно случиться. Это никак не умеща-

лось в её сознание и житейские представления. Не верила до конца. Пока не увидела его в военной форме.

Дома говорили: есть такая профессия — Родину защищать. А тут чего? Потом успокаивала себя: дескать, правильно — по стопам деда и отца. А о том, в какой армии служили они и в какой сын, Ульяна старалась не думать. Когда человек в смятении, он во всём находит оправдание.

Служить Сергея направили на самый север Норвегии, к русской границе. В аэропорту, провожая его, Ульяна крепилась, старалась не подкачать, даже, кажется, шутила, но, вернувшись домой, зашла в рыданиях.

Вот так же когда-то она провожала в неизвестность Игоря, отца Серёжи. А провожая, залила слезами парадный мундир, который укладывала в его чемодан. Этот мундир Игорёк надевал всего один раз, когда получал лейтенантские погоны. Второй раз облачение планировалось через месяц, когда им предстояло идти в загс. Увы! Планы их житейские нарушил военный приказ: "...командировать лейтенанта Доронина для прохождения дальнейшей службы в расположение ограниченного контингента советских войск в Афганистане". И никаких отсрочек!

Да, так это было. Горячий ветер "афганец" тугим арканом выхватил её любимого и унёс неведомо куда. Открытка с дороги, письмо из дальнего афганского гарнизона — и всё. Больше не было ни слуху ни духу. Слушала новости, кидалась к газетным стендам, прощупывая скудные строчки ТАСС, — ничего. Обращалась в военное училище — там выслушивали, но пожимали плечами. Наконец, бросилась в военкомат: где искать? куда обращаться? А там — отпор: "Нечего вам тут делать, барышня! Вы кто ему? Что? Кольцо? При чём здесь кольцо?! Штамп есть?.. Нет? Ну, так чего же вы?.. Нечего, нечего!.. Покиньте! Не положено!.."

Ульяна была на восьмом месяце беременности, когда узнала, что в военном госпитале есть палата "афганцев" и там, кажется, лежит сослуживец Игоря. Пробиралась в закрытый госпиталь задворками: с большим животом перелезла через забор, проникла чёрным ходом на второй этаж... В палате, куда попала, лежали "обрубки". Сопровождавшая медсестра — добрая душа — предупреждала, но то, что Уля увидела... Мальчишки, совсем мальчишки. Худые — кожа да кости — без рук, без ног... Только глаза...

Сослуживец Игоря лейтенант Матюшин лежал у окна. В их выпуске Матюшин был правофланговым. А теперь... Простыня, что покрывала его, с половины кровати была пуста. Садись, показал Матюшин воспалёнными глазами на эту пустоту. Сесть туда Ульяна не смогла, но объяснилась иначе, коснувшись живота, дескать, никак, трудно. Матюшин — опять же глазами — спросил: от него? Ульяна поджала дрожавшие губы. Он с силой зажмурился, словно задавил в себе что-то, с минуту лежал не шевелясь, потом открыл глаза, но в лицо её уже не смотрел, глядел в небо. Игорь погиб в первом же бою. Пытался спасти своих бойцов, вытащить горящий броник, но их БМП тоже накрыло. Прямым снарядом. Сразу и всех...

Что было дальше, Ульяна почти не помнила. В тот же день начались схватки. Увезли на "скорой". На другой день, потеряв много крови, она родила. Ребёнок был недоношенный, слабый. Да и сама обессилела. Хорошо ещё, что молоко не пропало. Заставила себя ни о чём не думать — только о чаде. Стиснула зубы, собрала волю и ни о чём более. И с Божьей помощью да стараниями многочисленных повитух выходила сына.

Выписалась Ульяна из роддома через два месяца. Сразу свалилась масса житейских забот, которые осложнялись безденежьем. Одно её утешало в те дни: глазёнки сына. А ещё радовалась, что успела сдать экзамены и защитить диплом. Но в остальном жизнь приходилось начинать с чистого листа.

Первым делом Ульяна собралась съездить домой. Где искать утешения и житейской передышки, как не дома, среди родни? О своём нынешнем положении и о том, что стряслось за минувший год, она никому не сообщала. Даже — папушке. А зря. Уж кто-кто, а он-то, родимая душа, понял бы её и, случись нужда, — оборонил бы и от наветов и от косых взглядов. Утаила, оставила на потом... А утаив, подставилась. И сама подставилась, да, выходит, и младеню-сынка подставила.

На Игоря, видного парня, будущего офицера, заглядывались многие девицы. Она это видела. Но никак не думала, что кто-то из них, обделённых его вниманием, станет мстить. А оно вон как всё обернулось!

Молва, что сорока, летит поперёд тройки. Коварный слух пришёл в деревню по весне. Загуляла, дескать, Улька Артамонова, учёбу бросила, с брюхом ходит. От этой чёрной вести папушка слёг. Лежал пластом три недели. Фельдшерница делала что могла, но, видя, что уколы не помогают, повезла его в областной центр — в госпиталь для ветеранов. Вот каким боком тот навет-то обернулся.

Уля приехала домой через три дня, как увезли папушку. Вот уж действительно беда не ходит одна. Она, Уля, по всему, виновница несчастья, явилась не запыхавшись как раз на пик семейной недоли. Да в аккурат под горячую руку суровой матери.

Ух, как разгорячилась кондового посла-замеса поморская жёнка! Как накалилось-вскипело сердце старого закала! Встряла дочку на крыльце, руки в боки: “С выб...ком ни на порог! Где подолом мела, туда и ступай!” — И дверь перед носом хлопнула.

Так вот в наших палестинах постоянно дееся: то гражданская война, то отечественная, то опять гражданская, пусть и в пределах родного заулка.

Что было делать Уле? К братьям-сёстрам, что женаты были, не пошла, чтобы не подводить их перед матушкой, хотя знала, пусть утайкой, — не отказали бы. Переночевала у Паладьи, порядовой соседки, улив слезами подушку, да наутро поспешила к автобусу, чтобы ехать в областной центр и там уже вместе с сыном мыкать вдовью да сиротскую долю...

...Выплакалась Ульяна, проводив на военную службу Сергея, и заключила, что это, возможно, судьба. Внук солдата, сын солдата, он — наследник их крови. А голос крови, пусть и безмолвный, говорят, самый упорный.

16

Узнав о переменах, стал чаще звонить Йон. Ульяна с благодарностью принимала его участие, но от возвращения уклонялась. “Но почему? — допытывался он. — Ведь теперь ничего не мешает. Дети в опеке не нуждаются. Ты свободна...” “Да, свободна, — нехотя соглашалась она и вздыхала. — Где волей, где неволей...” Однако для себя заключила, что в обоих случаях всё-таки неволей. А что мешало вернуться, она и сама не могла объяснить. Обида? Горечь предательства? Душевный раздрай? Не переломила, как ни пыталась, ситуацию, не сумела повлиять на дочь, то есть так и не разрешила того, чего ради сорвалась год назад, а если отбросить словесную шелуху — проиграла. Вот, пожалуй, была главная причина. А ещё сдерживало то, что, быть может, в итоге её тщетных усилий возникла неожиданная цепная реакция. Ведь Сергей бросил учёбу уже после бегства Лариски. Может, готовился раньше, но той самой “последней каплей” стало именно это — побег сестры. Норвежский юноша, находясь на третьем курсе университета, такого бы ни при каких обстоятельствах не выкинул. А в сыне, видать, забубнила его русская кровь и вспыхнул бунт, тот самый, “бесмысленный и беспощадный”...

Прощаясь, Йон всякий раз желал ей здоровья, но не так, как это делают сухопутные люди, а особым морским способом. “Держи горизонт!” — напоминал он.

Впервые Ульяна услышала это на борту яхты, которую Йон взял напрокат. В тот первый для их семьи выход в море — не в фиорд, а в открытое море — её укачало. Она лежала пластом на банке в кокпите и молила лишь об одном: быстрее бы всё окончилось, скорее бы ступить на землю. Вот тогда, оставив руль на пятнадцатилетнего капитана — так они потом называли Серёжку, — Йон спустился в каюту, силой заставил её подняться и вытащил наверх — под ветер, под хлёсткие солёные брызги. Стоя на зыбкой палубе, Ульяна мутными глазами озираала окрестности: кругом была вода, одна вода и никакого просвета в свинцовом низком небе. Йон сунул ей в рот кусок круто посоленного хлеба, заставил разжевать, хотя её тошнило и не раз уже вы-

вернуло. “А теперь гляди вперёд, — приказал Йон, — и ищи горизонт. Держи горизонт! — повторил он. — Гляди и не отпускай из глаз горизонта. Это твоя опора!” Голос был жёсткий и уверенный. Она подчинилась. Да и как тут было не подчиниться! Сделав усилие, Ульяна разлепила мутные глаза, отыскала эту самую линию, отделяющую небо от моря и море от неба, и вцепилась в неё взглядом. Ухватившись за ванты и качаясь на пляшущей под ногами палубе, Ульяна до рези в глазах цеплялась за эту тонкую зыбкую нитку. И — чудо не чудо! — но что-то изменилось: стало легче дышать, ушла куда-то брюшная свистопляска, мышечный студень обрёл упругость. Ульяна обернулась, поймала взгляд Йона и благодарно улыбнулась ему, пусть покуда ещё и вымученно.

“Держи горизонт!” — заклинала сама себя Ульяна, стоя на зыбкой житейской палубе. Дети её были далеко — за горизонтом. Но у них с нею была одна земля, одно небо и, как бы на это ни смотреть, — одна линия горизонта.

Что ещё вырвало Ульяну в минуты отчаяния, так это подарок Петра Григорьевича — его скромный незатейливый пейзажик. Она называла его “Домик восходящего солнца”, а то “Папушкина обитель” — в зависимости от настроения или времени суток.

Эту работу Пётр Григорьевич начал ещё до того, как перевернулась её жизнь, когда она изредка открывалась ему, рассказывая о детстве или юности, а завершил в самую горестную пору, когда она изливала ему свою душу, вспоминая всё, что с нею было. Вот тогда из набросков, этюдов, эскизов и возник этот пейзаж: дом с коньком, окна передней, крытое крыльцо, тонкую резьбу на котором, как и на наличниках, навёл незабвенный папушка.

Вот тут, на крыльце, папушка тогда сидел. Он был чем-то расстроен, тяжело курил, кашлял, а она, дочка, гладила его плечо, осторожно касаясь ямки от разрывной пули. “Лёгкая у тебя рука, Улюшка, — тихо улыбался папушка. — В госпитале у нас сестричка была... махонькая такая... Вот тоже, коли невмочь, её кличут... Уколы, бывало, не помогали — она выручала...”

Ульяна замечала изъяны в работе Петра Григорьевича, что стояла на комодике. Он был всё-таки не профессионал. Да и зрение под конец подводило. Зато на полотне сбереглось то, что напоследок затухающим родничком источало его усталое сердце — нежность, печаль, сострадание. Может, потому при взгляде на картину Ульяна всякий раз обретала утешение, пусть слабое, крохотное, но всё-таки утешение. А ещё это полотно всякий раз отворяло её память. Ей являлись картины давно забытого и, казалось, навсегда утраченного, канувшего в небытие. Да ещё как являлись! — полными шелестов, жужжания, посвистов и мычания, овеванные крепким духом черёмухи, зноем житного поля, пряным духом клеверной кошенины. А лица! Папушкина ласковая, чуть застенчивая или виноватая улыбка. Раечкины ямочки на щеках. Глаза братьев и сестриц. Матушкина вечерняя неторопливость и шелест гребня, расчёсывающего её густые ворона отлива и тронутые седойной волосы.

17

Кайя, продолжавшая опекать Ульяну, увлекла её в Швейцарию, благо подвернулся льготной авиарейс. Это было ещё до введения общей валюты. Там, в Берне, они кинули пенс — “фамильный” талисман Кайи Пенсы: выпадет орёл — махнут направо, во Францию, а решка — налево, в Австрию. Выпала Вена. Ульяна вначале пожалела — она предпочла бы Париж, но потом восприняла случайность не иначе как удачу.

В австрийской столице она впервые увидела то, что доселе знала лишь по репродукциям, притом не всегда качественным — работы Ван Дейка, Вермеера, Дюрера, Рубенса... Но особенно поразил её Брейгель — “Охотники на снегу”. И не только потому, что прежде знала это полотно лишь по открытке. Что-то загадочное и одновременно знакомое, точно давно забытое или будто предстоящее — вот что увиделось ей. А ещё, наверное, вселил неожиданную тревогу буклет: репродукция “Охотников” была поваплена алым пятном — эмблемой выставки.

В Вене было хорошо и интересно, но Кайя, неутомимая натура, потянула подружку дальше. Причём как? Откровенным лукавством. Кайя заявила, что с пенсом она смухлевала — он упал орлом, стало быть, им надо в Париж. Ульяна недоверчиво покачала головой: она же своими глазами видела, что монетка пала решкой. Тогда Кая, напомнив, что она Пенса, села на газон и бесцеремонно опрокинулась навзничь:

— Теперь-то ты видишь, что орлом!

В Париже они побывали везде, куда хватило сил и денег: Лувр, Эйфелева башня, остров Сите... Само собой, не обошли Монмартр — Мекку художников. Тут Ульяна не удержалась. Она подошла к юной художнице, что кропала простенькие профили, попросила карандаш и в считанные минуты набросала её портретик.

— О-ля-ля! — восхитилась та, округлив глаза. — Откуда вы?

— Swedish, — встряла тут Кайя. Ульяна слегка прищурилась, потом написала на портретике и, протягивая его девочке, добавила по-английски:

— Russia. — Это вырвалось непроизвольно.

— О! — отозвалась та и назвала несколько русских художников. Среди них был и Куинджи.

Кайя слегка обиделась:

— Меня ты ни разу не изобразила...

Дружески приобняв её, Ульяна обещала увековечить подружку и в фас, и в профиль.

— То есть и орлом и почти решкой, — уточнила Кайя и опять повеселела.

В блужданиях по Монмартру они остановились возле скульптурного изображения Далиды. Кайя, вспомнив студенческие забавы, пустилась на разные лады обыгрывать имя покойной певицы. Причём по-русски, меняя ударения и разбивая на слоги. Наверное, только на русском оно и звучало так: и загадочно, и романтично, и одновременно скабрёзно. А Кайя к тому же умудрилась пристегнуть сюда и усатого Сальвадора, поскольку фамилия художника входила в имя певицы, словно меч в ножны.

Мужчины, что кучковались возле скульптуры эстрадной дивы, касались её обнажённой груди — это, по слухам, усиливало потенцию. Кайя и тут своего не упустила.

— Нет, милоч, — ни к кому конкретно не обращаясь, продолжала она по-русски, — если уж на живое нет подъёма, то мёртвый камень милостей не прибавит.

Её слегка замедленная с неизбывным эстонским акцентом речь звучала почти научно. В толпе озабоченных оказался и русский.

— А ты почём знаешь? — подозрительно уставился он.

— Далида передавала, — не моргнув глазом, ответила Кайя.

Ульяна от греха подальше утащила её:

— Шуточки у тебя, как у одесского биндюжника или британского пирата.

— О! — тут же подхватила Кайя. — Как у Билли Бонса. Кайя Пенса — внучатая племянница Билли Бонса...

Кайя была в ударе — её несло. И не только в речах. Из Франции, по её настоянию, они махнули за Пиренеи. При этом опять повезло с билетами.

— У нас с тобой прямо-таки “зелёная волна”, — заключила Ульяна.

— Ты имеешь в виду баксы? — в своём духе откликнулась Кайя и уже серьёзно добавила: — Может, это судьба?

В Испании, однако, они выдохлись. Дальше ближнего, восточного побережья не попали. Да и там силы хватило только на самое-самое. Из этого самого, само собой, выбрали парк Гауди и музей Дали.

Ульяна никогда прежде не задумывалась о последовательности знакомства с достопримечательностями — музеями, вернисажами, выставками. Идётся туда, что ближе и во всех смыслах доступнее. А тут что-то вызвало досаду. Гауди они посетили после Дали. И Ульяне почему-то показалось, что надо было наоборот.

На входе в парк они увидели домик сторожа — этакий заварной торт, причудливо облитый сливочным кремом и увенчанный маячком.

— Напоминает улитку, — оценила Кайя. — Улитку, которая выползает из кондитерской, расплатившись одним рогом.

Тут, на входе, путешественницы не задержались — ждали другие чудеса. И они не обманулись в ожиданиях. И площадь, что покоится на дорических колоннах; и мраморная скамья в виде змеи, окаймляющая эту площадь-стол; и крыша, увенчанная короной из глиняных горшков; и точёная башня — шея с монистом из декоративных тарелок; и пиниевая роща, усеянная шишками и хвоей... — всё было ни на что не похоже и удивительно искусно и гармонично.

Ульяна, на многое взиравшая глазами художника, подчас забывалась и глядела вокруг, как первокурсница или даже деревенская школьница, — до того всё было чудесно и сказочно. Жаль, что этого не видят дети, забываясь, вздохнула она — её дети. И тут же осеклась: де-е-ети...

А ещё время от времени Ульяна возвращалась мысленно к домику сторожа. Ей чудилось, что в этой архитектуре заложено какое-то послание. Потому на обратном пути она предложила Кайе посидеть возле сторожки, благо рядом оказалось открытое кафе.

Переполненные впечатлениями, утомлённые прогулкой, подруги сидели молча. Ульяна не сводила с домика глаз. Какая-то навязчивая мысль не отпускала её — округлые стены, скруглённая крыша и этот маячок, увенчанный крестом-флюгером... — пока не подали оранжад. Цвет сока мгновенно соединил несоединимое и несоединявшееся: сторожка и жирафы Сальвадора Дали. Сумасшедший гений здесь в свои поры, конечно, побывал и под впечатлением увиденного, а скорее, в пику архитектору-лирику и вставил в строфу Гауди свою поперечную рифму.

* * *

...Измученные долгим путешествием, Ульяна с Кайей возвращались в Скандинавию. Всю дорогу, пересекая на автобусе Францию, они спали. Очнувшись уже где-то в Голландии.

Огромный бас катил полупустой. В их отсеке осталась лишь одна пассажирка. Это была сухопарая остистая старуха с измождённым перекошенным лицом. То ли подшофе, то ли жизнь её так укатала, но смотреть на неё было неприятно.

Перекусив да попив кофе, подруги оживились и принялись по свежим следам делиться впечатлениями. Начали по-норвежски, а потом, как это у них не раз бывало, перешли на русский. То был момент, когда Ульяна заговорила о сыне. Тут оживилась соседка.

— Старая русская, — сильным голосом отрекомендовалась она. То, что старая, было видно и без объяснений, а вот то, что русская, подруг озадачило. Разговор их немного попрिгас, правда, не надолго. Старуха ведь не вмешивалась в их беседу, только рассеянно слушала да иногда тянула шею, чтобы посмотреть на экранчик мобильного, когда Ульяна открывала фотографии.

Одну из фотографий, развернув мобильник, Ульяна показала старухе. Сергей, облачённый в норвежскую военную форму, был почему-то снят на фоне танка. Видно, все солдаты, особенно молодые, напускают на себя воинственный вид. А ещё Ульяне припомнилось давнее: вот точно так же, развернув армейскую фотографию, показывала сына-солдата, своего первенца, её мать.

Потом речь зашла о Лариске. И снова в ход пошли фотки: это она в Техасе, на мустанге её муж; это в Калифорнии — ещё свадебное путешествие; там же — на яхте; а это Гарри за штурвалом одномоторного самолёта — Ларка поясняла, что личный. Ульяна повторила дочкину эсэмэску и поймала себя на мысли, что, кажется, хвастает.

Кайя задала дежурный в таких разговорах вопрос: не собирается ли та рожать?

— Когда? — вопросом на вопрос ответила Ульяна. — То на воде, то в воздухе, то... на мустанге...

За внешней иронией сквозила неприкрытая горечь, неизжитая материнская боль. Тут бы ей посочувствовать, успокоить её. И Кайя уже собралась

было это сделать, да балтийскую неторопкость опередила русская кровь, пусть уже и старая.

— Господи! — воскликнула попутчица. — Куда вас всех гонит! Одни в Эмиратах рожают, мамелоков этих... Другие в Англии да в Германии... Дуры дурами! Меня-то ребёнком угнали, в восемь лет, — она отогнула рукав и показала наколку лагерного номера. — Всю кровь выпили, суки! Всего женского лишили... Теперь вот платят — деньгами грехи фатеров замазывают... А вы-то! По своей воле! На чужбине! Тьфу!

Старуха достала фляжку и сделала большой глоток. Лицо её искажилось ещё сильнее. Потом отвернулась к окну и более не проронила ни слова.

18

У снов, как у деревьев, есть почва, из которой они растут. Но до чего же причудливы бывают их ветви, а тем паче листья, цветы и плоды — просто уму непостижимо!

Старуха-попутчица Ульяне приснилась. Та самая соотечественница из трансевропейского автобуса с номером-татуировкой Ost-Arbeiten на запястье. Но как приснилась? Добро бы сразу, тотчас по приезде. Это было бы, наверное, логично. Но она объявилась во сне месяца через два после встречи. Впрочем, и это только цветочки, продолжая растительный ряд. Старуха приснилась в причудливой форме, уместнее сказать — жанре. Это был по сути портрет. Не хватало только багетной рамы. Не шелохнувшись, безмолвно, вдобавок не смаргивая, чем напоминала опытную натурщицу, она взирала из глубин сознания. И только глаза, их потаённые отблески выдавали, что это не портрет, а натура.

Ульяна очнулась в липкой испарине. Сердце бухало. Стараясь утишить этот тяжёлый гул, она расслабилась, попыталась переключиться на тени ветвей, которые колыхались по потолку и стенам, в надежде найти какой-нибудь образ. И вдруг ясно осознала, что глаза-то у старухи не свои. Ульяна машинально отёрла лицо, словно снимая паутинку, что налипла в блужданиях меж причудливых деревьев, и этот будничны́й жест мгновенно унёс её в прошлое, уже иное.

Балтика. Она стоит на палубе лайнера и вот точно так же оттирает лицо, словно его коснулась паутинка. Откуда здесь, среди моря, может быть паутинка? И только потом, много позже, наконец понимает, что к чему.

Здесь на балтийской линии затонул паром “Эстония”. На нём находился муж Кайи. Тело его не нашли. Всякий раз, проходя эти места, Кайя забивается в угол каюты. Душа её не на месте. Она мечется чайкой по железной клетушке, до того ей хочется соединиться с душой бедного Томаса. Ведь он где-то здесь, совсем рядом...

Кайя, подчас отчаянная болтушка, о самом сокровенном, оказывается, молчала. И если бы не случай, ещё бы, верно, долго таила свою боль. А когда всё же поделилась, Ульяне стало невероятно стыдно. Ведь не она, подруга, расположила Кайю к признанию — случайная коллега-переводчица, оказавшаяся за столом.

Тут бы Ульяне и признаться, что она испытала тогда на палубе. Это было мимолётное, но явственное прикосновение. Может, тем самым облегчила бы свою совесть. А вот не смогла. То ли тот самый стыд помешал? То ли нечто необъяснимое. Убоялась словесной неуклюжести. Не посмела упростить и опростить то, что испытала. Да и что было-то — кто скажет? То ли укор из невидимого мира, то ли побуждения к участию — поди разбери. Может, то старик приводил её в чувство, когда она взирала на небо: о живых надо думать, дочка, о живых... А может быть, и впрямь всего лишь мимолётная паутинка, случайно залетевшая с суши.

Давний стыд обдал Ульяну жаром. Почему её чувства всё время запаздывают? Ведь она не чёрствый по натуре человек. В чём причина этих запозданий? Или всё уже predetermined и заранее отмерено? И чувства, и переживания, и побуждения...

Мысли её снова возвратились ко сну. Ульяна уже поняла, чьи глаза у той старухи, и теперь силилась понять, зачем они явились, те глаза, и что хотят донести. Стыд, который так внезапно навалился, ещё рассеивал внимание. Но одно Ульяна всё-таки уяснила: укора в том немигающем взгляде не было, была печаль — тихая и глубокая кручина.

Ветер за окном усилился. Надо было бы встать и затворить окно. Но Ульяна не шевелилась. Она лежала с открытыми глазами и глядела на стену, по которой комом перекаати-поля металась тень дерева.

В памятное деревенское лето, когда молва об Ульяне Артамоновой как о художнице облетела село, правление колхоза готовилось к юбилею. Председатель артели Бабошин, ветеран войны, специально пришёл к ним домой, чтобы удостовериться в мастерстве землячки. А увидев её работы, которые демонстрировал глава семейства — а папушка не скрывал гордости, — председатель загорелся создать галерею деревенских передовиков. С галереей живописных портретов, понятно дело, ничего не вышло. Слишком мало оставалось времени до пятидесятилетия артели. Так объясняла Ульяна, чтобы скрыть свои опасения, — она была не настолько самонадеянна, чтобы взяться за ответственный заказ. Однако альбом к круглой дате изготовить пообещала.

В колхозном архиве нашёлся пакет с фотографиями. В нём оказались портреты, виды деревенских новостроек — коровников, сепараторной, клуба, а также жанровые и групповые снимки. Их пересылали фотокоры районной и областных газет. Среди прочих снимков особо выделялись работы московской выделки, куда ездили на съезды деревенские ударники.

Особо пристально Ульяна разглядывала фото довоенной поры, пожелтевшие и потрёпанные. Иные из них были подписаны, на оборотах других чаще значилось, что это, например, “звено полеводцов” или “сводная бригада тов. Васильева на сенокосе”. Информация была скудной, её порой не хватало даже для подписей. И тогда Ульяне приходилось обращаться к документам, чтобы уточнить даты, имена-отчества или хотя бы инициалы. А если и в документах не оказывалось более полных сведений, бежала к бабе Паладье, порядовой соседке, их дальней родственнице и самому осведомлённому в деревне человеку.

Приземистая, высохшая, что бывалошный вехоть, как она себя характеризовала, Паладьа была бабеня подвижная и бойкая. Несмотря на большие годы — а венчалась Паладьа ещё перед Первой мировой войной — у неё была отменная память. Она хорошо помнила события самых далёких лет — и ту войну, и интервенцию (“как англичана-те тут кобенились”), и коллективизацию, и новую войну, которая унесла мужа и трёх её сыновей. Только то, что было вчера, старуха напрочь забывала. “Ищи-свищи вчерашние поминки”, — хмыкала она.

Перебирая старые фотографии, Паладьа ткнула в одну из них заскорузлым крючковатым пальцем: “Гли-ко, Улюшка, это ить мати твоя. Ишо в дущках. Ишь, кака баска”.

Перед объективом, когда предстоит групповая съёмка, большинство стремится к центру, чтобы попасть в поле зрения. Встают ярусами, ложатся на пол или на землю, это как уж доведётся. Ну, кто не видел подобных снимков или не участвовал в такой съёмке? Тут было похोजее. Бригада человек в тридцать расположилась уступами. Верхний ряд, видимо, стоял на скамейках или, скорее всего, на брёвнах, средний — на земле, а остальные сидели или лежали у их ног. Все сгрудились кучно и даже — по распоряжению, не иначе, фотографа — развернулись вполборота к середине. И только одна девушка стояла обочь, словно сама по себе. В кадр она, вероятно, не попадала. Но фотокор, видимо, что-то приметил в ней и то ли отошёл назад, то ли выпустил из кадра кого-то с другого фланга.

В семейном альбоме фотографий матери почти не было. Только случайные, среди других, прибранные, видимо, рукой отца или Раечки. И ни одного портрета. А тут фото юношеской поры, да к тому же в полный рост.

Ульяна молча глянула на Паладью. Та без слов смекнула, чего от неё ждуть, и принялась вспоминать.

“Мати-то твоя тут уже сиротеей была. Да, деушка... О тридцатом годе церкви почали рушить. Батюшку нашего отца Егория с детушками прогна-ли. На телегу, бают, да в Сибирь... И стару веру — у нас ить много было таких — тоже... Дед твой, батька-то Пестимей, староста... Да... Его перво-го с семьёй и увезли. А мати-то твоя — совсем девчурка была — на ту по-ру болела. Холера ли, тиф ходили... горит, огнём пышет, бедная, без памя-ти. Куда таку вести. Милицанеры и не взяли. Из бумаги вычеркали. Мол, и так околеет... А она — вишь ты как! — выжила. У золовки моей лежала. Та жоночка сердобольна. Своих-то Господь не дал, вот она и выхаживала... Пришла Пестенька в себя — ни мати, ни тяти, ни дома родного... Порыва-лась следом, да куда пойдёшь... Так и осталась у золовки заместо дочери. Обходительна, работаща, да всё тишком. Ни словечка ить не обронит. И не пожалится, не поплачется. Будто окаменела. Вот кака мати-то твоя была...”

В колхозном клубе оказалась приличная фотоаппаратура, в том числе трофейный фотоувеличитель — дар кого-то из фронтовиков. Часть фото Ульяна пересняла и увеличила, некоторые фигуры выкадровала и обратила в фотопортреты. Портрет матери она сделала в двух экземплярах: один для альбома, другой для себя.

Уже на чужбине, в Норвегии, перебирая деревенские да студенческие фотки, Ульяна вновь наткнулась на этот портрет. В памяти мать сохрани-лась зрелой женщиной, а тут, спустя годы, она вновь предстала девчонкой. Ульяна глянула, словно впервые, и оторопела: у пятнадцатилетней матери и того же возраста Лариски было одно и то же лицо. Но особенно это под-чёркивал взгляд.

Вот этот взгляд и явился к ней во сне.

19

Сын приезжал на побывку не часто — раз в месяц, а то и реже. К то-му же ненадолго — на сутки-двое. Да и то время с нею не засиживался, больше на стадионе да в спортзале пропадал, поясняя, что необходимо под-держивать спортивную форму.

Однажды, готовя Сергея в обратную дорогу, Ульяна положила в его ра-нец томик Кнута Гамсуна.

— Здесь роман “Пан”, — пояснила она. — Место действия — Северная Норвегия, где твоя служба...

Что-то с сыном было не так. Он становился всё более жёстким и даже угрюмым. Возраст? Может быть. Армия? Наверное. Но разве его отца ар-мия ожесточила?

Игорь был сирота, детдомовец, лиха хватил с младенчества, а ведь серд-цем не очерствел.

Сергей пошёл явно не в него, это становилось всё очевиднее. Но и не в неё, мать. Тут в чертах, повадках и нраве всё больше проглядывала бабка. Узкое, чуть скуластое лицо, острые глаза, насупленные брови, поперечная складка, твёрдые губы, волевой подбородок — ни дать ни взять Пестимей. Истехонная бабеня, сказали бы в деревне. А уж норовом и подавно: отверг-нутый бабкой внук пошёл именно в неё.

— Эту книжку читал твой отец, — добавила Ульяна. — Ему она очень нравилась.

Хотела поделиться, что этот роман если не свёл их, то научил понимать друг друга, но почему-то сдержалась. После решила, в другой раз...

Тот томик — ветхий, с ятями — Игорь получил по случаю. А этот, до-вольно новый, Ульяна купила в российском консульстве, где была книжная лавочка. Всю обратную дорогу она, не отрываясь, перечитывала роман. Спе-ны книги мешались с собственной памятью, и трудно было отделить одно от другого.

Курсанты военного училища приходили в их художественное училище на танцы. Игоря она заметила сразу: высокий, стройный, лицо открытое, слов-но ветром распахнутое, — как было такого не заметить?! Но до чего стесни-тельный и оттого неуклюжий, неловкий, особенно в танцах. Да и она, тог-

да восемнадцатилетняя девчонка, сельская простушка, была не ахти какая воспитанная и образованная. Да ещё эти порывы: то вспыхнет, загорится вся, то холодом обдаст её, и сама не понимает отчего. Гуляют по улице, идут к Волге, кидают камешки — “блины едят”. Кругом ширь, простор. Закат во всё небо. Привольно и хорошо. Сама не своя, она кидается Игорю на шею, от неизъяснимой радости жмурится, что-то шепчет, потом вдруг отталкивает от себя, бросает какие-то вздорные слова и убегает, оставляя его в недоумении и обиде... Через неделю новая встреча, ей хочется извиниться, приласкать его, а он стоит, как памятник, как — сам потом признавался — штык проглотил. К концу свидания происходит примирение и тут же — новая ссора, а повод — глупость: несовпадение в оценке какого-то фильма... А эта нелепая сцена с патрулём. Ей почему-то втемяшилось, что сейчас Игоря заберут, и она вовлекла его в бегство — в какие-то подворотни и дворы. И только потом дошло, что у него ведь увольнительная... Особенно было беспокойно в лунные ночи, в пору полной луны. Тут она не находила себе места, словно бился в неё морской прибой — то прилив, то отлив, то жар, то холод... А тут ещё Алиска Дворцова, однокурсница. Ей тоже глянулся Игорь, и она то и дело мешалась и ломала их, Ульяны и Игоря, и без того зыбкие и неустойчивые отношения.

Вот тогда и появился тот потрёпанный, ещё дореволюционного издания, томик. Игорь в тот вечер был какой-то особенно тихий и ласковый. “Возьми почитай, только ненадолго... Пару дней. У меня уже требуют...” Она прочитала роман за ночь. Судьба лейтенанта Глана и девушки Эдварды до того разволновала Ульяну, что, как, наверное, тургеневская барышня советской поры, она залила слезами всю подушку.

Лейтенант Глан, живущий в лесной сторожке на скалистом берегу, — охотник и рыбак. Эдварда — дочь лавочника и промышленника. Их пути пересекаются, сердца охвачены огнём, но любовь, возникшая меж ними, сгорает от невыносимого накала, словно вольтова дуга, где два стержня-сердца обугливаются, обращаясь почти в ненависть. Непонимания, несовпадения, обиды. Прилив-отлив. Прилив-отлив. И до разрыва, до погибели...

Кто знает, может, и между ними, Ульяной и Игорем, стряслось бы такое — разрыв и расставание, — если бы не эта история, о которой так удивительно поведал норвежский писатель. Книга стала для них не просто житейским уроком, она обернулась камертоном для их сердец и подлинным оберегом. Они словно повзрослели, одумались, настроились. От этого их обволокло нежностью, радостью долгожданного открытия и непреходящего обретения. Иногда он называл её Эдвардой, но только тогда, когда чуть напрягался, в чём-то хотел убедить, что-то донести, ведь он был старше её и, конечно, умнее, дальновиднее. А она очень часто называла его “лейтенант Глан”, хотя до звания ему ещё оставался целый год.

...Сын вернул книгу спустя три месяца, когда в очередной раз прибыл на бобывку. К той поре он перевёлся из норвежской армии в шведскую. Перепрыгнул, как он написал на открытке, через Скандинавские горы и в подтверждение, что ли, выбрал горный пейзаж, снятый с высоты. То ли шутил, то ли и впрямь перепрыгнул. Ульяна уже ничему, кажется, не удивлялась: сын шагал семимильными шагами к какой-то определённой, но, возможно, и ему ещё неведомой цели.

Книгу он положил на комод возле пейзажа. Ничего не сказал, только прихлопнул ладонью, давая понять, что возвращает.

— Ну и как? — не выдержала Ульяна. Ей хотелось узнать, нет ли у него на примете девушки и как он думает устраивать дальнейшую свою жизнь. Сергей не ответил. Пожал плечами — и всё.

В шведской форме она его уже видела, правда, на фото. Эмблемы на рукаве там не было. Она знала, что он теперь служит в команде горных егерей.

— Что означает эта нашивка?

— “Свободный охотник”.

— Да? — озадаченно протянула она, ожидая пояснений, но он не ответил.

“Лейтенант Глан тоже был охотник, — подумала Ульяна. — Но он был совсем иной по характеру. А что уж говорить о твоём отце, сынок!”

И всё-таки Ульяна ошиблась, вздыхая. Книга та отложились в судьбе её сына. Правда, не так, как ей представлялось. Когда пришло время выбирать псевдоним, Сергей назвался Гланом. Это было уже в Иностранном легионе.

20

Кайя давно советовала переселиться в Швецию или Финляндию: теплее, дешевле, ближе к Европе. Ульяна кивала — может быть, — да не спешила. Однако, когда Сергей перевёлся в шведскую армию, собралась в одночасье. Переезд проходил под девизом “Ближе к сыну”. Это был аргумент и для Йона. Уже, кажется, всё для себя решив, Ульяна медлила с окончательным разрывом. И тут она не столько лукавила, сколько, возможно, щадила его: время лечит, даже если это время напрасного ожидания...

На сей раз она поселилась в Хапаранде — небольшом городке на берегу Ботнического залива и реки Торнио. На другом берегу реки, по сути, устья её, находился городок Торнио, это была уже Финляндия. Туда, как и многие, Ульяна ходила за продуктами — там было дешевле, а Ульяну к тому же, а может, и в первую очередь, привлекал финский хлеб — он немного напоминал русский, хоть что-то осталось от имперских традиций. Железная дорога с широкой русской колеёй, протянутая до шведского городка, уже не использовалась, как и русский вокзал, и хлеб здесь был другого замеса, но соседи-финны хлеб творили по русской старинке.

С работой Ульяна особенно не спешила — жила одна, хватало норвежского пособия, которое исправно получала по банковской карте. Сперва обследовала оба городка, их ближние и дальние окрестности. Потом обратилась к историческим и культурным местам. В финском городке заглянула в тамошний музей и выставочную галерею. Ничего интересного для себя не обнаружила. Дизайнерские поделки, вторичная беспредметница, сюр — мрачный и эпигонский — и всё. Русские пейзажи, выставленные на продажу в шведской художественной лавочке, превосходили любую здешнюю картину, потому что за ними была профессиональная школа. Ульяна заметила эти пейзажи издали, но пришла посмотреть дня через три. Среди выставленных в витрине полотен — она это почувствовала на расстоянии — оказались работы земляков. Сердце порывисто забилося. И от пейзажей, родных и далёких, и от имён знакомых даже лица возникли в памяти. Её опахнуло жаром. Она живо отошла и больше сюда не приходила.

Здесьняя публика была не искушена в искусстве, уяснила для себя Ульяна — и даже больше, пожалуй, чем в норвежской провинции. Фетишем был перформанс — этакий коктейль из музыкальных, визуальных и сценических наполнителей. Нечто не очень “съедобное”, зато глубокомысленное — особенно если в среде культуртрегеров или газетных пиарщиков найдётся ушлый толкователь этого коктейля, этакий гуру, который будет поднимать палец и авторитетно произносить всего-навсего один звук: “О!”

Почувствовав конъюнктуру, Ульяна решила попробовать себя в новом жанре. Сделала несколько перформансов и продемонстрировала их в холле местной библиотеки. Одна работа была навеяна поездкой в деревню Воякола. Эта деревня в давние времена была то ли общим новгородско-финским уделом, то ли даже вотчиной новгородского князя: в названии её сохранился русский корень (воя-своя), то есть своя деревня. Ловля лосося тут ведётся по старинке, вероятно, с тех самых “свойственных” пор. Рыбу черпают сачками, виртуозно вода ими между порогов, как половником в кастрюле.

Что же придумала Ульяна? А вот что. Образом реки стала развёрнутая и натянутая парниковая плёнка. Снизу её оживлял ветродуй. Там в прозрачных капсулах бурлили, как пузырьки, белые шарики, низовая подсветка создавала блистание серебристых молний и игру теней. Всё это напоминало ход на нерест красной рыбы. Но торжество песни жизни обрывалось экологической катастрофой, которую олицетворяла острога. Чтобы усилить зрелище,

Ульяна подобрала соответствующую музыку и поставила не что-нибудь, а Вагнера, который гремел в “Aposcalipsis now” — “Валькирии”.

Перформанс Ульяны имел успех, о нём написали не только в городских — с обоих берегов реки — газетах, но и в региональных изданиях. А потом его использовало в качестве заставки для совсем не экологической передачи телевидение Норботтена.

После этого на Ульяну обратили внимание. Пошли заказы. Причём не только на инсталляции и перформансы. Она попробовала себя в драматических опытах. Для одной из таких поставок использовала подвальное помещение культурного центра. Здесь было чисто, прибрано и покрашено. А что привлекло внимание Ульяны — так это переплетения толстых вентиляционных труб, которые вились вдоль лабиринтов и переходов, как доисторические змеи и ящеры. Из этого упорядоченного технологического хаоса явилась картина Вселенной, в которой зарождается новая звезда. Сгусток энергии преодолевает лабиринты вселенского кишечника. Звучит соответствующая авангардная музыка. А всё кончается явлением детей — жёлтых, чёрнокожих, латиносов, одетых в пёстрые одежды. И как финал — Пасхальный гимн.

Что-то, видать, было в фантазийных работах Ульяны, коли стали поступать заказы. Немного помешкав, она открыла небольшое агентство, которое назвала по своей девичьей фамилии, только вычленив её части — “Арт Амон”.

— О-ля-ля! — сказала на это Кайя, наведавшись к ней в гости. — Как говорят у нас в России, — простенько, но со вкусом. — А при слове “Россия” она азартно подмигнула, дескать, знай наших.

21

В Данию они с Кайей доехали на автобусе, причём без пересадок: сели в Лулео, где жила Кайя, пересекли всю Швецию с востока на запад, доехали до Мальмё, а там по новому мосту через пролив Эресунн сквозняком пролетели в Датское королевство.

— Зачем едет в Данию обыватель? — философствовала Кайя. — Либо за запретными плодами — здесь ведь нравы вольные, не чета Скандинавии. Либо хотя бы за отметкой в “послужном списке” — дескать, и я там был, гашиш-травку курил... Но! — Кайя подняла палец. — Человек образованный... — тем же пальцем она коснулась своего лба, — человек начитанный... — она торкнула локтем Ульяну, — человек с интеллектом, — Ульяна ответила ей тем же. — Что он ищет в Дании? — Кайя понизила голос до свистящего шёпота. — Тень отца Гамлета...

Всю дорогу до Дании они разыгрывали шекспировские страсти. Ульяна приняла вторую роль — роль Горацио, а первую с видом примы захватила Кайя, она же главная затейница всех розыгрышей. Кайя картинно запахи вала воображаемый гамлетовский плащ; на остановках глубокомысленно морщила своё ребяческое лицо, устремляя взгляд вдаль; а то поднимала какой-нибудь камешек и со словами “Бедный Йорик!” тоже картинно роняла его. “Почти Смоктуновский”, — выходя из роли, заключала Ульяна и тут же почтённо склоняла голову, следуя не столько канону, сколько памяти о фильме.

В замок Эльсинор, точнее, то, что подразумевалось под ним, они попали в пасмурный октябрьский день. Ветер гнал рыжую листву, и она неслась, словно огненный пал, к подножию гранитного замка, грозясь спалить эти древние камни, однако никла, как волна, бессильная одолеть неприступные скалы.

Перед самым замком Кайя снова, раз в четвёртый, повторила то, что взбрело ей в голову ещё на мосту:

*Мимо острова Сальтхольна
В царство Фели малохольной...*

Произнесла уже без начального восторга, что переименовала Пушкина, а скорее машинально, да, может, и винась, что столь фамильярно обошлась с главной героиней. А уж в самом замке, когда они соединились с группой организованных туристов, попритихла, озираясь по сторонам, а потом и вовсе приткнулась к Ульяне, ухватив её под руку.

Ветер, обуреваемый страстью, но у подножия замка сдерживающийся и притворно покорливый, здесь, в анфиладах и переходах, наполнился такой неистовой силой, что создавал непрерывный гул, схожий с фонограммой фильма Козинцева. Может, режиссёр побывал здесь, готовясь к съёмкам, и сделал этот гул доминантой. А может, он не природный, этот ветер? Разве существует ветер, который ни на миг не стихает? Может, это искусная имитация? Может, в основе его — фонограмма русской экранизации? Или это гул из “Короля Лира”? Нет, он и в “Гамлете”, и в “Лире”. Только в “Лире” его больше...

Кайя многое помнила, даром что о Советском Союзе, в котором родилась, если не язвила, то отзывалась чаще с прохладцей. Однако тут ведь играли прибалты, в том числе актёры-эстонцы, а в “Лире” и на первых ролях.

Они шли следом за гидом, внимая его речи, но понимали не всё: многие слова уносило ветром. В толпе туристов выделялась какая-то странная женщина. Она была облачена в чёрное долгополое одеяние и чёрную шёлковую шаль. Нет, это была не мусульманка. После 11 сентября кругом мерещились шахиды и шахидки. Это была не восточная женщина. Шаль как раз и подчёркивала её белое лицо. Образ из Шекспира? Едва ли. Четыре королевских капитана, мерцавшие тусклыми латами, были прямой цитатой. А она — нет. Находясь в толпе, эта женщина казалась вне её. Вне толпы, вне мира, может, даже не от мира сего, словно воплощённый образ вселенской трагедии, то ли вымышленной, то ли грядущей, то ли явленной сейчас и здесь волей Создателя.

А потом, уже на стенах замка, на открытой галерее случилось и вовсе нечто зловещее. Ветер на миг стих, словно невидимый режиссёр сделал паузу, чтобы безмолвием подчеркнуть дальнейшее. Потом вдруг вновь взвился, заклекотал, будто неведомый орёл, застав всех врасплох, в том числе, видимо, и ту загадочную женщину. Меж тем оказалось, что именно на неё и только на неё он и нацеливал свои незримые когти. Шёлковая шаль, сорванная с её плеч, взметнулась и взвилась в воздух. Новый порыв развернул её во всю длину, и этот свиток, как чёрный смерч, медленно поплыл по галерее, сопровождаемый заворожёнными взглядами.

Это длилось с минуту, не больше, но оцепеневшая толпа не шевелилась и после, когда видение уже исчезло. Даже записные говоруны и всезнайки, прежде галдевшие и снисходительно усмехавшиеся, стояли, не шевелясь, так все были поражены! Кайя с Ульяной переглянулись. Кайя — снизу вверх и не отрываясь от подруги, Ульяна — сверху вниз и не менее озадаченно. Вот тебе и тень отца, словно читалось в их взглядах.

Потом, уже в автобусе, Кайя помаленьку пришла в себя и стала рассуждать, что это было: натура или перформанс? Говорила громче, чем обычно. Но Ульяна не сдерживала её: у неё самой был “отходняк”, только в отличие от Кайи она погружалась в молчание.

А Кайю несло. Она продолжала на все лады гадать, какова природа увиденного. Ей хотелось верить в естественное и природное, которое то и дело смыкается с ирреальным, но, как представитель испорченной западной цивилизации, — она так и сказала, словно студентка Ленинградского университета, сдающая истмат, — не может поверить в натурализм происшедшего и полагает, что тут явно не обошлось без постановки, то есть технических средств и режиссуры.

Ульяне стал надоедать назойливый трёп, в конце концов, она не выдержала и деловым тоном предложила вернуться, чтобы завтра повторить ту экскурсию. При этих словах Кайя вскинулась, метнула на неё испуганный взгляд, крепче ухватилась за локоть Ульяны и прикрыла глаза: судьбу ни к чему испытывать дважды.

Кайя спала, свернувшись клубочком в автобусном кресле, а одной рукой по-прежнему держась за Ульяну. Ульяна же маялась, сон её не брал. Взгляд её блуждал по экрану телевизора, мерцавшему над сиденьями, перетекал на мокрое стекло, за которым в бусоватой мути мелькали огоньки ферм, перелески, фонари городков, остававшихся обочь трассы, и снова возвращался к экрану, где показывали новости.

И вот тут между явью и полузабытьём возникла одна картинка. Увиделось или пригрезилось, Ульяна и сама не могла взять в толк, но в памяти это застряло.

Пески, барханы, клубки перекасти-поля. На переднем плане спина военного в песочного цвета камуфляже. Каска тоже в камуфляжной пестрядине. Автоматическая винтовка на ремне целит туда, где у подножия бархана темнеет наполовину засыпанный песком остов русской боевой машины пехоты; на остатках брони буква кириллицы и выгоревшая до тусклой желтизны эмблема ВДВ. По низу экрана титр: “К востоку от Кабула”. Зной. Безмолвие. Тишина. Возле старого искорёженного железа высится саксаул. Он так же недвижим, как и ржавые ости БМП, как часть этих сухожилий... Но... В глубине остова вдруг мелькает тень. Отточённым движением военный скидывает винтовку, готовый ударить свинцом. Нет, тревога напрасна — это порыв затухающего самума вздыбил султанчик золотого песка, только и всего. Военный медленно опускает винтовку и делает шаг вперёд. Другой порыв завивает песок вокруг светлого армейского ботинка. Ульяна не мигая глядит в спину военного и явственно сознаёт, что это не кто-то, а Сергей, её сын.

22

С мёртвыми не поговоришь. Но и с живыми нет общения. “Привет!” — “Привет!” — “Как дела?” — “О’кей! А у тебя?” — “Тип-топ!” — “Ну, будь!” — “Пока!” Вот и весь разговор. А уж на расстоянии и подавно. Одни эсэмэски — корявая интернетно-электронная писанина с нарушением абсолютно всех правил грамматики и пунктуации.

То ли дело было в девятнадцатом веке, когда обменивались длинными обстоятельными эпистолами, изливая чувства и переживания, и этого вполне хватало для сердечной и родственной связи, даром что письма те доходили неделями, а то и месяцами. А что теперь? Время передачи информации уплотнилось до скорости пули, а содержания, тем паче чувства, в этих цидулях — пародиях на эпистолы — ноль целых хрен десятых.

Вот, по сути, в такой переписке была и Ульяна со своей дочерью. Она-то, мать, пыталась достучаться до Лариски, вызвать на разговор, сердце ведь болело: как она там? о чём думает? что чувствует? и что за шаровая молния её шарахнула, что она так всё поломала, переиначила, если не сказать порежила, свою только-только начавшуюся жизнь? В любовь с первого взгляда и вообще в Ларискину любовь после того, что она натворила, Ульяна не верила. Однако внятного ответа даже на прямые вопросы получить не удавалось. Звонки Лариска блокировала. На обширные эсэмэски отвечала коротко: “Всё ок!” или “Нормалёк!”. Единственно, что давало представление о её нынешней жизни, это — фотографии, которые она иногда перекидывала. Вот она с Гарри в открытом джипе. Вот в седле, тут муж у стремена. Вот она на руках у Гарри, обнимает за шею и хохочет. А крутом поля, кони, коровы, ферма под красной черепицей.

Странно, но, глядя на эти сельские американские картинки, Ульяна почему-то успокаивалась: нет, девка не пропащая, перебесится когда-нибудь, если уже не перебесилась. Из таких ручищ — она смотрела на Гарри — едва ли вырвешься. А ещё испытывала смутную зависть. Нет, не по сильной руке. Будет. По коням таким, по коровушкам. Кажется, даже запах молока почувдился — тот, из детства, когда мать отправляла её встречать Пеструнюшку, а потом, присев на низкую скамеечку, омывала тугое вымя, ласково, но уверенно бралась за дойку, и — в дно подойника, цвякая и гремя, ударяли первые струи...

Однажды Ульяна поймала себя на мысли, что всё чаще думает о Родине — и о стране, и своём крае, и о деревне, это ведь всё было неразделимо.

Первый раз ностальгия охватила её внезапно и была как симптом простуды — спазмы в горле и быстрое-быстрое, в течение нескольких секунд, сердцебиение. Она так и восприняла это и, поспешив домой, встала под горячий душ, выпила колдрекс и легла под тёплое одеяло. И только после дошло, что у этой болезни другие истоки.

Она зашла в пригородный лес, чтобы побродить, подышать осенним воздухом, поискать первых багряных листьев. С детства любила бродить по лесу — и по летнему, и по осеннему, и зимой на лыжах... А тут зашла и вдруг почувствовала отчуждение, словно попала в чужой дом. Не лес её отвергал, она его не воспринимала. Даже берёза, родная сестра той, что золотом осыпала парки и крышу отчего дома, показалась чуждой, словно чужбина изменила её природу, как когда-то изменила родной природе она. Так подумала Ульяна. И себя почувствовала такой берёзой, оторванной от родимой почвы. Вот в этот момент и заколотилось сердце, словно птица, захлопав крыльями, и она испуганно схватилась за горло, чтобы удержать его.

С этого началось отторжение. Иным, чем дома, уже казался вкус молока. И вкус хлеба, который здесь несли по русской традиции, вдруг перестал нравиться, и она стала воспринимать его как имитацию. Её стали раздражать здешняя чопорность, безмолвие в автобусах, где каждый сам по себе, и это назойливое напоминание о толерантности и политкорректности, когда важно одно — чтобы на виду всё было пристойно. Раньше она многого не замечала. Дети, муж, семья, круговорот жизни — задумываться об этом, сличать родное со здешним было некогда. А если сравнивалось, то всегда со знаком “плюс” в пользу здешнего. А теперь всё стало меняться.

Стоп, сказала себе Ульяна. Когда это началось? После Ларки, когда она сбежала? Нет. Это началось, когда далеко и неведомо куда уехал Сергей. Проводив его, она не находила себе места. У неё никого тут не осталось. Пыталась уходить в работу — отпускала, но ненадолго. Вот в состоянии неопределённого ожидания известий от сына, в состоянии маяты она и отправилась в пригородный лес, где так внезапно забилось сердце.

23

Мир тесен, а пути Господни неисповедимы. И хоть понимаешь это, уже не единожды изведав вековую мудрость, всякий раз, когда житейский прибой сводит тебя с былым, испытываешь если не радость и удивление, то по меньшей мере оторопь.

Как-то в октябре Ульяна отправилась в Германию. Поехала одна — Кайя была занята на литературном семинаре в Оверкаликсе. Да и цель на сей раз была не туристическая, а сугубо деловая. Ульяне предложили оформить одно небольшое издание. Кайя при всяком случае называла для солидности — “книжный проект”. Но на самом деле это была просто брошюра об опыте самоуправления в одной из сельских коммун Норботтена. Тем не менее, Ульяна отнеслась к этой работе вполне серьёзно. И, чтобы освежить навыки оформления, поглядеть новые тенденции в издательском дизайне, она и отправилась во Франкфурт-на-Майне, где как раз открывалась очередная Европейская книжная ярмарка.

Книг, альбомов, брошюр, журналов, проспектов на выставке было полноводье — просто глаза разбегались от пестроты и разнообразия. Перво-наперво Ульяна обследовала скандинавский сектор, поглядев по очереди издания Норвегии, Швеции и Финляндии. Сравнила их с немецкими. У немцев в целом оказалось строже, сдержаннее. Потом не удержалась — свернула к стендам и витринам России. Книжки на русском не то чтобы обрадовали — удивили, до того были яркие и пёстрые, ведь она давно уже не держала в руках отечественных новинок. Авторы оказались совершенно неизвестными. Она пригляделась. Несколько открытых наугад книг внимания не привлекли: что-то либо заумное, донельзя эстетское, либо эстетически не выдержанное, даже неприятно отвращающее, либо мелкотемное, словно перебирание маковых

семечек, либо скудное, убогое по языку. А классики родной тут — увы! — не было: ни Пушкина, ни Толстого, ни Блока... Никого. Только “Мать” Горького обнародовала, да и то на белорусском языке.

После первого приступа книжных редутов, который длился часа два, Ульяна сосредоточилась на прикладных изданиях, зачем и ехала сюда, причём выбрала сельский уклон. Кое-что ей приглянулось. Набрала буклетов, с разрешения служителей снимала некоторые обложки на цифровую камеру, сделала пару-другую тут же возникших в воображении эскизов.

Ноги гудели, в глазах от пестроты красок рябило. Надо было, наконец, передохнуть.

В поисках кафе или пиццерии Ульяна заглянула в раздел сопутствующих товаров, выбирая место потише да поукромнее, и тут в одном из закутков почти глаза в глаза столкнулась — кто бы мог представить! — с... Алисой Дворцовой. Она не обозналась. Это была действительно Алиска. Та самая однокурница, которая четверть века назад покорежила её судьбу. Это Алиска, мечтавшая выскочить замуж за будущего офицера, первая “положила глаз” на Игоря. Это она злилась, что тот потянулся не к ней, а к Ульяне, и делала всякие каверзы, чтобы отбить, помешать их сближению. И это, наконец, Алиска написала своей старшей сестре, которая вышла замуж в их село, что Ульянка Артамонова загуляла, похоже, уже забрюхатела, а та, сорока-трещуха, живо раззвонила по всему селу...

Ульяна не обозналась, нет. Иначе с чего бы та, на кого она наткнулась, в свою очередь, так пристально уставилась на неё. Пауза затягивалась, держала её Ульяна. Шагнуть — не шагнуть, пройти мимо или задержаться — это зависело только от неё. И она перешагнула. И через порожек, и через давнюю боль. Чего теперь-то...

Алиса, прежде полногрудая, щекастая, с годами подувала. Волосы, похоже, не свои — хороший натуральный парик каштанового отлива. Глаза попритухли, вся толерантная и правильная, в соответствии с европейскими установками. Но природный кураж ещё держит.

Они сидели в ближнем — рядом с ярмарочным комплексом — ресторанчике. По случаю неожиданной встречи и в знак мировой Алиса заказала бутылку “Бейлиса”. Выпили, даже чокнулись. Затянулся разговор. Но говорила больше Алиса, ей, видать, это надо было. Курила, меняя сигарету за сигаретой, да говорила.

В Германии она уже десять лет. Вышла замуж. “Мой муж — Mein Mann” — она произносила как маман. Звать Гюнтер. Почти на два десятка старше.

— Но ничего, — Алиска хмыкнула, — ещё карабкается...

По жизни она занималась разным: преподавала в рисовалке, так она назвала die Schule, работала в рекламе, теперь вот третий год в типографии. Рисует по мелочи и, конечно, на компьютере. В основном бирки, ярлыки, ценники, иногда обложки тетрадей или блокнотов. О живописи не вспоминает — кому она нужна? Да и ни тяги, ни времени нет.

— Arbeiten, arbeiten, иначе не будет Brot. А есть-то хотца! — Она скривилась лицом, не иначе изображая побирушку.

Тут раздался звонок.

— Легки на помине, — извлекая мобильник, предположила Алиса. Но звонили не с работы. То был Гюнтер — её “маман”. Ульяна догадалась по тональности — слегка приторной немецкой скороговорке, на которую перешла Алиса. А потом и имя его мелькнуло. А потом и своё имя услышала.

Совсем недавно Ульяне попался норвежский журнал для русских. Одна статья в нём была посвящена интернациональным бракам. По свидетельству социологов, из ста русских жён в Германии только одна назвала свой брак *относительно нормальным*, десять — *с трудом терпимым*, а остальные — *невыносимым*. Неужто Алиска — та единственная?

Разговор с мужем, видимо, взбудрил Алису, приподняв её в собственных глазах. В них появилось заметное самодовольство и даже победительность. Но длилось это недолго. Заговорила о судьбе мужа — и улыбка снова истаяла.

— Гюнтик с сорок четвёртого. Фатер его по ранению оказался в Германии. Здесь, в фатерлянде, спехом женился. Девчонке едва исполнилось восемнадцать. — Алиса коротко взглянула на Ульяну. — Неделю и пожили. И всё. Снова — на фронт, а вскоре — похоронка. Погиб под Ленинградом. Представляешь, Уля, мой папка там воевал. Мой папка вернулся живой, а его... — голос Алисы сорвался, она подавилась всхлипом, — а его фатер...

Ульяну опажнуло жаром, но она обхватила себя за плечи, точно стало зябко. Окрайком сознания мелькнул Пётр Григорьевич: “А кто их звал к нам, этих немчужан?!”

Рука Алисы с зажатым окурком мелко подрагивала, другая, на столе, впиалась в скатерть. Ульяна накрыла её ладонью. И тут Алиса не выдержала, опять всхлинула и заревела. Не громко так, не во всю ширь, как голосят подчас горемычные русские бабы, рассупонившись во хмелю, а сжав зубы, почти безмолвно — тут ведь не принято так выставляться и тем самым нарушать ордуниг.

— Ты прости меня, Улюшка, — тягучее шептала Алиса. — Прости, за-ра-зу. За всё прости. Сволочь я, сволочь...

Пьяноватые, но искренние слёзы текли, не переставая, по её лицу.

— Да будет тебе, — отозвалась Ульяна и вдруг тоже заплакала, не утирая слёз, чтобы не привлечь внимания, только прикрыла навесом ладони глаза.

О чём горевали две русские бабы посреди равнодушной к ним Европы? Об отлетевшей юности, о потерянном и уже невозвратном счастье, о кратком, ровно синичкин посвист, бабьем веке и ещё о чём-то, что словами не выразить, разве слезами излить...

Потом, успокоившись потихоньку, они снова выпили. Алиса досказала историю мужа. Гюнтер — круглый сирота. Мать его погибла в Гамбурге, под бомбёжкой. Родила его и погибла, укрыв собой. С тех пор он не переносит даже шума, не то что грохота, а жить предпочитает в малоэтажных домах. Потому и семьи не заводил, остерегаясь плодить сиротство.

— Но, — тут Алиса усмехнулась и подняла палец, — если бы, говорит, ты встретила раньше, детей мы бы завели.

— Так у тебя нет?..

— Нет, — поджала губы Алиса и салфеткой промокнула размокшую тушь. — Дура была — не завела. А сейчас уже поздно. — Она вяло повела рукой и тут же перевела на другое. — Зато у сестры пятеро. У Зинки-то, — чуть виновато добавила она. — Да лучше бы... — осекла себя, не договорив. — Парни гуляют, пьют. Да какие парни? Мужики уж... Старшему за тридцать. Работы-то нет. В деревне всё разорено, а в лесу — сезонка. Пьют. Батьку не слушают, тот болеет, на инвалидности — лесной на делянке зашибло. А младшая дочка сеструхи сама в подоле притащила, хоть всего семнадцать...

Тут Алиса спохватилась: а твои-то как? Она ведь знала про детей Ульяны. Ещё тогда, дома. От сестры знала, от городских коллег. Ещё не каюсь, но и не злорадствуя, уже ощущая свою вину... А следом и про село спросила: давно ли, дескать, была? Вот тут-то и открылось то, что Ульяна давно для себя отрезала и о чём старалась не думать. Да как ещё открылось! Тем самым боком, который, как подовый камень, всё ещё греет, даром что печь уже остыла. Сестра Раиса — старшая сестра, которая для Ульяны сызмала была заместо матери. Вот о ней-то посередь Германии и получила Ульяна весть.

Алиса время от времени звонила в село, чтобы справиться, получила ли сеструха посылку и что ещё послать. Зинаида, вздыхая, рассказывала о горькой деревенской житухе и между другими новостями — это было недели две назад — сообщила, что Раечку Артамонову отвезли наемни в областную онкологию.

24

Тут всё и прорвало, что копила та дамба, которую от веку возводит человеческая гордыня. Ни минуты не мешкая, Ульяна съездила к себе, скидала кое-какие вещи, паспорт российский, к счастью, был в порядке — самолётом до Питера, а оттуда — в свою двинскую вотчину.

Одиннадцать лет она не была на Родине, двадцать с лишним в родной сельщине. От одного этого счёта впору было разрыдаться. Но сейчас такой привилегии у неё не было.

Из аэропорта Ульяна кинулась прямо в онкологический центр, благо он был неподалёку. Сестра, стриженная наголо, была как тень, — узнала её только по глазам, большим да грустным. В тот день Раечку как раз выписывали. Никто здесь и не скрывал, что помирать. Но Раечка почему-то улыбалась. “Домой, Улюшка! Домой!” — твердила она, словно перед ней был не край жизни, а целая вечность.

Дом, который рисовала Ульяне память, который рисовал по её рассказам Пётр Григорьевич, оказался далёко не таким. Он осел, обветшал, крыльцо перекосилось, окна, давно не крашенные, скособочились, половицы в избе скрипели, матица в передней прогнулась.

С горем пополам затопили русскую печь — дрова оказались сырыми. Дождаться, когда она протопится, не стали, разживили плиту, чтобы что-нибудь по-скорому сварить.

Раечка принялась было убираться, да выходило это не очень складно. Сил у неё не оставалось даже для веника. Ульяна отстранила её, подмела и в прихожей, и в кухне, и в передней. Потом взялась за вехоты, помыла полы, сменив не по разу воду. Тем временем Раечка, повязав на голову косынку — “Чтобы не отсвечивать!” — принялась всё-таки готовить.

Привальное они решили отметить в передней — “как бывалоча”. Там заранее затопили голландку. А по случаю встречи — долгожданного праздника — накрыли овальный стол набивной белой скатертью, а из буфета выставили самую хорошую посуду.

На комод потрескивал старый “Рекорд”. Областная телестудия показывала сюжет о нынешнем деревенском житье. Группа женщин, ещё не старых — не обмякших да не усохших, организовала спортивную секцию. Сыновья да дочки-горожахи привезли им велотренажёр, батут, кольца хула-хуп и прочий спортивный инвентарь. “Наводим фигуру”, — слегка вызывающе, чтобы скрыть неловкость, заявила дородная жёнка. А другая добавила, что для тонуса, для снятия стресса — так и сказала — они завели тушканчика и морскую свинку.

— Ишь, чо-ка у нас деется, — кивнула Раечка. — Ране с флягами тренировались да с подойниками... Да кросс на летнюю дойку. А ноне — эва! — херобик у перенимают. Тьфу ты!

Она выключила телевизор и завела радиолу. “Когда б имел златые горы...” — вознёся голос Руслановой. И этот голос, победительно чарующий, слегка надтреснутый, и звук гармоники почти мгновенно перенесли сестёр в прошлое. И вроде в передней зашуршали плисовые юбки, запозванивали медали, зацокало рюмочное стекло, как бывало это не однажды в осеннее половодье деревенского престольного праздника. Чуть зелена вина да много душевного разговора, ладных дружных песен да тихого, умиротворённого — от окончания летней страды — веселья.

Раечка замуж так и не вышла, прожила, опекая братьев да сестриц. Лучшие годы старшухи пролетели в заботах, домашних да колхозных, а потом и женихов деревенских уже всех разобрали. Сватались залётные, да как-то не сложилось — “металось, да не спилось”, — и прожила всю жизнь безмужней и бездетной. А ведь не из последних в девушках была.

Из буфетного шкафчика сестрица достала бутылку водки — какой-то диковинной, не иначе ещё перестроечной, кою окрестили в народе “коленвалом” или “лигачёвкой”.

— А тебе можно? — озабоченно кивнула Ульяна.

— Мне, Улюшка, теперя-ка всё можно. — Раечка налила полные гранёные рюмки. — Со свиданьем, сестрёночка!

Раечка выпила водку, не поморщившись, не закусив. Она лишь обтёрла губы и тихо запела:

Там вдали за рекой догорали огни...

Ульяна взяла сестрицу за руку, подивилась, какая она лёгкая, рука у Раечки, горло перехватил спазм, она усилием воли подавила его, придвинулась ближе и подхватила. Так они и допели до конца:

*Ты, конёк вороной, передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих.*

Ни единым словом и даже звуком не выдала Раечка своего состояния, тех болей, что крушили её высохшее тело. Только раз не то что попрекнула, а бросила, что в городах-то всё на готовенько, живи себе в удовольствие.

— Ты-то там, в Парижах, — так и сказала. — А мы-ка здесь... Навоз, фляги да силос на вилах...

* * *

В первую ночь в родном доме Ульяна почти не спала. Двадцать с гаком лет не бывала здесь — шутка ли?! — почитай как совсем на новом месте. Какой уж тут сон! Лежала не шевелясь, сомкнув глаза, и прислушивалась. Как суставы ревматика, поскрипывали стропила, бревенчатые связи. Постучивала доска кровли, выбившаяся из-под гнёта прогнувшегося охлупня. Струйки дождя проникали в щели сруба и, казалось, текли по внутренней стороне. А сверчка не было, не стрекотал, — видать, покинул дом, устав напевать в ухо пустоте.

Под утро приснился Ульяне сон. Вроде как из детства, а похоже, и нет. Будто Раечка ведёт её, младшую сестрицу, на реку. На берегу они останавливаются. Раечка приседает, велит ей садиться на закорки. И потом, придерживая меньшую сзади, ступает к урезу. Им надо одолеть омуток и перебраться на песчаную косу — там, в кулижках, на мелководье шныряют серебристые мальки, коих можно иметь подолом. Но вот что странно — омут пуст. Они идут по песку и будто погружаются в песок. Омут не широкий, уже должен быть подъём, а его нет. Зато другой край омута смыкается, будто кто задвигает огромный люк и полоска света всё истончается и истончается.

Ульяна проснулась в испарине. Сердце стучало с переборами. Тихо поднявшись, она обула опорки — обрезки катанцев, накинула на плечи старый вигоновый платок, видать, материнский, и вышла на крыльцо. Светало. От крыльца тянулась золотая от палой листвы дорожка. Вспомнилась другая дорожка — серебряная, это когда она с первенцем на руках шагала по смёрзшей грязи, освещённой полной луной, и роняла в это серебро свои слёзы.

Скрипнула дверь.

— Раечка, — обернулась Ульяна.

— А я слышу — тебя нет. Сплю-то ныне чутко. — Старшуха накинула на плечи младшей одеяло. — Ишь, утренники-то пошли, в лягах — лёд. Стыло. Пошли-ка в избу. Простынешь не то. Слышишь, Улюшка!

* * *

На кладбище сёстры собрались на третий день. Раечка прихватила початую поллитровку, сунула в корзинку обливных пряников — с тем и побрели.

На повороте Ульяна оглянулась. Изба их родовая, с детства памятно наполненная голосами, стояла безмолвная и пустая. Ни души в ней не было. Все, кроме них двоих, перекочевали на погост.

— Во, Улюшка, гляди, — стылым голосом выдавила старшуха, когда сёстры пришли на место. — Семеро по лавкам, не иначе.

Ульяна глянула на череду крестов да пирамидок и окаменела. Сродники выстроились в ряд, как и ушли! Антон, старший брат, погиб на китайской границе. Отец — ему было чуть за шестьдесят — скончался в кардиологии. Геннадий, офицер химзащиты, — через год после Чернобыльской аварии. Сестра Лиза наложила на себя руки, когда в Афгане погиб её единственный сын. Вадима — он был врачом — доставили в цинковом ящике из Чечни. Мать, почти сразу вслед за Вадимом, разбил паралич, отошла, не приходя

в сознание. Олег, Ульяны погодок, спился и околел, уснув под забором возле своего дома.

Вдоль кровного ряда Ульяна шла на подгибающихся ногах. Антона хоронили, когда она была ещё маленькая, но хорошо помнила, как плакал, не скрывая слёз, папушка и супилась мать, кусая угол чёрного гарусного платя. Папушка умер в областной больнице у неё на руках, но на похоронах её не было, он сам об этом просил, скорбя и винясь. А остальные сродники все ушли без неё. Лишь запоздалые вести иногда доходили.

Раечка прошла вдоль могил велед за Ульяной. Касалась рукой крестов да пирамидок и кланялась:

— Братик... Папа... Братик... Сестрица...

Миновав ряд, она шагнула дальше и очертила ребром ладони место:

— Вот сюда...

И медленно подняла взгляд. Он был спокойный и твёрдый.

— ...Ну а дальше, гляди... На деревенском кладбище просторно. Не в городах, чай...

25

Раечка легла в то место, которое сама себе и определила. Это произошло как раз на Покров, едва выпал первый снег. Могила — глина да супесь — на фоне белого сеянца выглядела странно, как-то неправдоподобно и неправильно.

Недоумение, возникшее при виде разверстой среди белизны ямы, было привнесено в дом, куда тихой чередой возвратились те, кто провожал Раечку. Помянуть покоенку собрались редкие вообще, а в эту пору особенно, порядковые соседи, Раечкины товарки — бывшие доярки и телятницы да несколько помятых мужиков, коих ещё не доконала палёная водка. Поминальный стол готовила Манефа Гаревских, старшая Раечкина подруга. Конечно, не одна — с помощницами, но заправляла всем именно она — крепкая, осанистая, широкой кости баба. А чтобы всё вышло ладом да по-людски, Ульяна не поскупилась, накупила всего, что водилось в окрестных магазинах.

Поминали покоенку ласково и со слезой, искренне и сердечно. А Манефа даже заголосила по-старинному. Иные заплачки были столь стары по языку, что она прерывалась, спокойным голосом поясняла смысл и опять переходила на причитания. А напоследок пропела-провопела даже своё — так она пояснила:

*Ой, подружия моя ненаглядная,
Да на кого ты меня спокинула?
Как мне жить-горевать теперича,
Сиротиной несчастной маяться?..*

Один из подвыпивших мужиков, видать, проникшись общим духом, решил подхватить заплачку, но за неимением репертуара запел-закукарекал что-то разухабистое, и его без лишних уговоров живо выставили. Выяснилось, что это Манефин доможил — очередной примак. Тут же вспорхнул вопрос:

— А как же ты, Манефушка, теперя без мужика-то? Уйдёт ить...

— А, — отмахнулась плачя. — Надоел дак! Всё равно выганивать собиралась...

* * *

На девятый день грянул мороз. Не дожидаясь никого, Ульяна отправилась на кладбище одна.

Лёгкий снежный саван съединил-выровнял все могилы. Ей неожиданно вспомнилось детство. Так, бывало, они, детвора, лежали впокатку на полатах под одним семейным одеялом. А здесь...

— Одна, — вслух прошептала Ульяна, — совсем одна.

Никто не слышал её. Разве что заречный тягунок, что подпихивал в спину, словно норовя сронить в ряд, да тонкая рябина, что качалась в материнском взголовье. Слёзы размыли всё вокруг — ближние и дальние окрестности, а смерзаясь, замыкали веки. Зарёванная, она смотрела перед собой, ничего не различая. И чувств никаких не было — одна пустота. Ни чувств, ни мыслей, ни желаний... Казалось, если бы заречный ветерок был поупорней, то и добился бы своего, до того ослабла нить её жизни.

А ведь тягунок, похоже, услышал её. И слова её услышал, и даже мысли. Кульбит через голову — и он очутился спереди, крыло его легко смахнуло слёзы и высушило лицо. И тут до Ульяны наконец дошло. Не пихал он её в ряд. К другому побуждал. И она вяла. Она смиренно склонилась над могилой матери и испросила прощения. За всё, за всё. Тягунок стих, исполненный свершённым. Ульяна выпрямилась. И тут дрогнула рябинка, качнув алой гроздью, словно на неё порхнул невидимо-видимый снегирь. “Ма-ма”, — выдохнула безмолвно Ульяна.

Долго стояла она у родных могил. Глядела вдаль, поднимала глаза к сизому небу, опять оглядывала окрестности, словно давала сродным душам полюбоваться родимым краем с житейского мирского наместа. С кладбищенского увала открывалась половина земли: приглушённая чернота вставшей реки, забелённые порошей песчаные плёсы и заречные пойменные луга, старая полузатопленная пристань, казённые амбары под берегом, на самом угоре покосившаяся деревянная церковь и прямая, как исписанный карандашик, колокольня, дальше — избы в два ряда, образующие одну — в километр — деревенскую улицу, а на другом краю и ближе к лесу — уже в дымке — скотные дворы, наполовину развороченные...

Глаза художника видят больше. Ульяне здесь и там открывались цветочные пятна: деревня — чёрное серебро, река и окрестности — чистая графика. А ещё проступали акварельные пятна, словно кто-то слегка коснулся кисточкой белого листа: чья-то красная крыша, свежие доски заколоченных окон, пестрядиновые половики на верёвке, покосившийся, но ярко-зелёный забор... И совсем по-простому Ульяна вдруг умилилась: какая же тут ширь, какая мощь и какая красота! Вот в такой красоте и шири до горизонта и жить надо человеку.

Эта мысль, словно чей-то шёпот, донесённый ветерком, метнувшимся над могилами, с тех пор уже не оставляла Ульяну. До того она ходила как тень, жалась к печке, не в силах согреться в родном доме, а после девятого дня, похоже, стала оживать. Место её теперь здесь. Она здесь останется и будет его обустраивать. Возродить деревню, может, не удастся, но отложить смертный час её, она, Ульяна, в силах. Это и будет памятью о родных. А начать это возрождение Ульяна решила с родного дома.

* * *

Она мыла, скребла, протирала и чистила. И не только полы, посуду, утварь, то есть самое привычное, но и стены, и потолки, и мебель. Буквально всё, заглядывая в каждый угол. К любому предмету, к каждой вещи она подходила едва ли не как музейный работник, как исследователь: здесь ли стоит? из “той ли это оперы”? а как это было в её детстве и ещё до того — при пращурах? Мебель, утварь, отцовы ордена и медали, фотографии... — всё подвергалось исторической ревизии и устанавливалось или укладывалось на должное, на “свое” место.

В своей светёлке, настылой и нетопленной, Ульяна прибралась в последнюю очередь. Работала, облачившись в старую шубейку и Раечкины катанцы. Стёрла пыль, вымыла оконце, полы, сменив не одну подогретую воду. После неё здесь никто не обитал. Как притворили, так и не входили уже, не смея ни очистить, ни использовать даже для хозяйственных нужд. Поэтому переставлять тут Ульяне ничего и не понадобилось. У окна стол, рядом мольбертик — папушкино изделие, в простенке узенькая кровать, по стенам репродукции с картин, которые она повесила в том счастливом после второго курса году. Иные из них — против окна — выцвели, а те, что на бокови-

нах, ещё вполне смотрятся — и Дега, и Матисс, и Гоген... Поэтому стены только вымыла. А надумала обновить одним. Именно здесь, в светёлке, о которой она много рассказывала Петру Григорьевичу, Ульяна решила повесить его подарок — портрет дома.

Рамку для работы старик сделал сам, а про подвеску, видать, забыл. Ульяна обычно ставила картину на столик или на комод. А тут надо было её повесить. Прибивая гвоздики, Ульяна обратила внимание на верхний угол. В стыке планок что-то белело. Она взяла гвоздик и это нечто подцепила. Оказалось — клочок бумаги. Сердце почему-то забилося. Она развернула этот сложенный вчетверо листок — он был размером со спичечный коробок — и обомлела. Рукой старика на нём было выведено два слова: “Скорее Фирс”.

— Боже мой! — выдохнула Ульяна, слепо нащупала стул и без сил села. — Сколько же лет прошло! Боже мой!

Она уставилась в окно, которое перед тем тщательно промыла, но ничего за ним не увидела, хотя оно выходило на речной простор.

“Скорее Фирс”. Вариации на темы “Вишнёвого сада”. В чужой стране, как в забитой усадьбе. В чужой земле, среди чужих могил. А эта пауза! Какая невероятно длинная пауза! Ни один театр не выдержит... А нынешнее их бытование — её, Ульяны, и его, Петра Григорьевича... какое-то зазеркалье по отношению к чеховской пьесе: он — там, она — здесь, то есть всё наоборот. И тут же осеклась. Нет, он не там, он выше, он воочию любуется небесными красками.

Поднявшись со стула, Ульяна вернулась к задуманному. Гвоздики были прибиты и согнуты. Привязывая бечёвку, она то и дело косилась на листок. Фирса забыли — и листок не обнаружат... Так он, верно, думал, когда писал свою реплику. В душе Ульяны шевельнулась обида. Но не горькая, а какая-то шемяще грустная, которая плавно перетекла в вину. На исходе жизни Пётр Григорьевич жил одним: её, Ульяны, судьбой. А о нём, старике, они тогда не говорили. Так уж получилось. Она, Ульяна, свою боль сносила к нему. А Петру Григорьевичу не с кем было поделиться... Одно оставалось у него — картины. Ими он и лечил свою болезнь — неизбывную тоску по Родине.

— Ну вот и вернулся, — сказала вслух Ульяна. На душе у неё полегчало. Пусть так, одной неброской работой, старик и впрямь вернулся в Россию, ведь в этом пейзаже, простой русской избе, запечатлелось его состояние, последние токи любящего сердца. А коли так, эта работа, может быть, значительнее, чем многие из этих шедевров, что представлены в репродукциях. И в порыве благодарности и дочерней нежности Ульяна повесила картину Петра Григорьевича на самое видное место. Повесила, окинула её ласковым взглядом и совсем не придавала значения тому, над чьей репродукцией оказалась картина старика, запечатлевшая отчее гнездовье.

26

Пришла весна. Зиму, лютую стужу, Ульяна переждала в городе, сняв там квартирёшку. В деревне бывала наездами, когда отпуская мороз, да и то лишь поведать: старый дом — топи не топи — тепла не держит, никаких дров не напасёшься. А по весне, ещё река не стронулась, перебралась уже окончательно и принялась за обустройство. Работала Ульяна и по дому, и в огороде, а ещё в поисках природы бродила по окрестностям. Что искала её душа?

Ульяна задумала оживить пространство, этот земной уголок, где она явилась на свет, одухотворить его художественными средствами. Одной воплотить задуманное было не под силу. Требовались всевозможные умельцы — художники, дизайнеры, модельщики и просто мастера на все руки. Есть крыша над головой, будет стол, пусть и без изысков, но сытный. А что ещё надо творческому человеку, если его не покинуло вдохновение!

Первыми на зов Ульяны прилетели птицы. Загальдели-застрекотали скворцы, обустраниваясь в скворечниках. Едва прошёл ледоход, над Двиной закружились речные чайки, над крутоярами засновали ласточки-береговушки. А потом припожаловали гуси, утки, чирки, кулички...

Ульяна позвонила сыну: приезжай — и отдохнёшь, и поможешь. С дочкой переписывалась, но не приглашала, как и дочка не приглашала её. Впрочем, она бы и не поехала — сдалась ей эта Америка. Да и дочка сюда едва ли поедет. Тут она в неё, мать. Но пригласить-то, чёрт бы её побрал, могла!

На послания Ульяны откликнулись сокурсники — семейная пара с внуком; затем — несколько студентов, парней и девочек, которые были её подопечными в художественной школе, тогда совсем малыши, а ныне старшекурсники. Ещё к художественному табору прибилося несколько мальчишек и девчонок из ближних деревень и, само собой, местные...

Одухотворить окружающее пространство — это задача для художников и дизайнеров. А смысл этого? Конечная цель? К чему же всё-таки вела Ульяна?

Ульяна решила использовать свой немалый творческий опыт — навыки художника, декоратора, галериста, создателя перформансов и инсталляций, чтобы привлечь внимание местных властей, а также партий и общественности. Её не оставляла надежда если не возродить, то хотя бы оживить родную деревню. И первым шагом, как подсказывал тот самый опыт, должна была стать презентация — смотрины её родимого уголка. Вот за этим Ульяна и скликала единомышленников.

Бригада мастеров и подмастерьев, руководимая Ульяной, трудилась дни напролёт, воплощая проекты своей закопёрщицы. К концу июня деревенские окрестности изрядно преобразились. Они напоминали вернисаж под открытым небом или театральные декорации. Из бросовых досок, гипса да мешковины было создано несколько декоративных рам, вроде огромных багетов, в одной из которых — Ульяна высчитала — к первой декаде июля должно было вставать солнце. В другом месте поднялись созданные из реек да светлого пластика дорические колонны — меж ними будет дивно смотреться короткий закат. Старые молочные бидоны, облепленные серебристой фольгой, должны были создать образ молочной реки, играющей под солнцем...

Много чего напридумывала Ульяна, готовя смотрины деревни. Напечатала несколько газетных заметок, разослала персональные приглашения, накануне презентации в особо важные кабинеты сделала серию звонков. Чего она добивалась? Найти поддержку во властных структурах, причём не только района. От властей зависели субсидии, гранты, то есть деньги, а стало быть, и будущность деревни.

Увы и ах, чиновники не приехали — ни областные, ни даже районные. Отозвались художники, слетелись артисты, тещы, музыканты, музейные работники. Собрались земляки, жители окрестных сёл. А власти не удостоили...

Ульяна была огорчена — она так надеялась! — но виду не подавала, занятая разворачивающимся действием. Из себя её вывело другое.

За несколько дней до презентации в окрестностях деревни появился человек, явно нездешний — среди местных и окрестных таковых не было. Он стоял на песчаном, слегка покрытом хворостом островке, каких под деревней к середине лета открывалось несколько. Облачённый в длинный плащ или балахон, он опирался на суковатую палку и неустанно взирал на декоративные приготвления, которые захватили не только деревню, берег, но и песчаную косу, сомкнувшуюся с деревенским берегом. Незнакомец выстаивал в неподвижности весь дневной упряг, не меняя положения, только незаметно поворачивался вслед за солнцем. Весёлые студюзусы предложили вписать это явление в задуманный проект и даже названия стали придумывать: “Погонщик Времени”. — “Было”. — “Погонщик верблюда, который никогда не войдёт в игольное ушко”. — “Длинно”. — “Доктор Чехов на Сахалине”. — “О!” — “Харон среди Леты”. — “Тут что-то есть!” — “Харон, упустивший лодку”. — “Ништяк!” — “Время без Харона”. — “На хрена!” — “Хронос без Харона”. — “Заумь!” — “Харон, утопивший обол”...

За час до полудня, начала презентации, неизвестный в дождевике стоял на том же месте, посреди реки. Ульяне бы отмахнуться, не обращать внимания, а она почему-то озадачилась, а потом и насторожилась. Больше того, её не так огорчило отсутствие чиновников, коих она ждала, сколько раздосадовало, вызвало тревогу, если не смятение, присутствие этого смотрящего на её проект странника. У неё даже сердце закололо.

Удар колокола — знак начала действия — раздался в полдень. Ульяна машинально глянула на реку. Островок, на котором все эти дни стоял неизвестный, был пуст. Однако тревога и душевная смута от этого не исчезли.

27

Второй раз Ульяна была дальновидней. Она поняла, что такое нынешняя местная власть — администрация и пальцем не пошевелит, если не будет указующего перста или уже твои пальцы не сделают сулящего жеста. На сей раз она решила зайти с тылу. И вот что придумала.

В область зачастили скандинавские делегации — специалисты по местному самоуправлению. Приезжали финны, норвеги, но чаще всего — шведы. Не то их приглашали, не то они сами вызывались, однако цель у всех была одна — поделиться своим богатым хозяйственно-житейским опытом, и прежде всего опытом сельского мироустройства. Они ездили по северным деревням, оценивая условия той или иной местности — пастбища, водные ресурсы, дороги, транспорт... И если условия, на их взгляд, были подходящие, пытались создать там нечто вроде сельской коммуны, занять оставшихся на сее людей овцеводством, сыроделанием, разведением диких животных и особо яйценосных птиц, например, страусов. Такая трудовая деятельность могла приносить доход и закреплять людей в сельской местности. При этом заезжие миссионеры не только помогали советом — для предприимчивых поселян, буде такие ещё не вывелись, правительства тех стран готовы были предоставлять технологии и даже первоначальный капитал.

На один из таких проектов Ульяна и вышла. Это были представители Норботтена, той самой провинции, где она до последнего времени жила. Пригласила наведаться в свою деревню. Приглашение шведы приняли. Договорились о визите в начале августа. К той поре Ульяна планировала расширить оформление окрестностей, а уже созданные объекты обновить.

В июле в деревню из своей неведомой дали приехал сын. Он уже служил в Иностранном легионе. Сергею предстояла какая-то серьёзная командировка, и ему дали две недели отпуска.

Куда лежит его путь, Ульяна выспросить не посмела: сочтёт возможным — сам скажет. Хотела сводить на кладбище — поклониться могилам сродников, да остановил суеверный страх. Вот так и жила, боясь соединять прошлое и настоящее, не говоря уже о будущем.

Сергей доселе на родине матери не бывал, если не считать того дня и ночи в грудном возрасте, когда она принесла его под окна родного дома и получила вместе с сыном от ворот поворот. Потому всё здесь ему было внове и в диковинку, хотя внешне, как всегда, это и не проявлялось.

Сергей вставал на заре, в одних шортах босой носился туда-сюда по росному лугу, бегал по плёсам, делал невыслышимые прыжки, кульбиты, перевороты, растяжки, кидался в реку, нырял, плавал, чуть передохнув, опять бегал, прыгал, боксировал, круша кулаками невидимого противника. Под вечер иногда ходил со спиннингом и пару раз притаскивал крупных щук. А днём Ульяна вовлекала его в свои приготовления.

Перед усадьбой на угоре Сергей сколотил стол и скамейки. Тут можно обедать, а при желании — и рисовать. А ещё предложил поставить навес, чтобы непогода не мешала. Ну а заодно сложил и протенский очаг, натаскав с задов бани старых кирпичей, а из оврага — деревенского карьера — глины. Приедут новые волонтеры, сварят сами, а кухня — вот она.

Глаза и руки сына искали работы. Ульяна попросила его сделать мольберты; но не те, классические на треножниках или подставах, а простейшие: крепкий еловый кол, на нём — прямоугольник фанеры, а на фанере картон или лист ватмана.

— А зачем это? — спросил Сергей, когда сколотил первый такой мольберт. — Если вбить кол даже до половины — до листа и то не всякий дотянется...

— Верно, — кивнула Ульяна. — Но мольберт этот не для людей...

— Для кого же?

— Живописцем будет... — Ульяна сделала почти театральную паузу. — ...будет ветер.

На сей раз Сергей не переспросил, а вскинул брови, дескать, поясни.

— Есть штативы, напоминающие автомобильный “дворник”. Вместо щётки в них крепится маркёр или фломастер или даже несколько карандашей. Двигаться они будут от малейшего порыва ветра. Расставим мольберты по самым открытым местам и — “Извольте, маэстро Аквилон, пожалуйста, мэтр Шелоник!”

Сыну затея матери понравилась. Он изготовил поддожины таких мольбертов и вкопал их в облюбованные ею места. Только хмыкнул напоследок:

— А может, ветер и стрелять научить? Вот так же ствол приладить, и пусть по мановению ветра палит в белый свет, как в копеечку. Авось и попадёт...

Ульяна не ответила, только беспокойно посмотрела на сына. Как он изменился! Ничего ведь не осталось от вихрастого мальчишки, каким она вывезла его с родины. И тут опять зануло в груди: что же она наделала?!

Перед его отъездом, чтобы как-то умягчить сыновье сердце, Ульяна показала фотографии Лариски. Сначала хотела открыть на мониторе — в ноутбуке скопилось множество. Но потом извлекла пачку отпечатанных и отобрала те, на которых, по её представлениям, не было показных взбалмошности, самодовольства и неприкрытого торжества. Сергей просмотрел снимки молча, на лице не отразилось никаких эмоций. Надо же, как он научился владеть собой! Даже по глазам не прочтается!

— Возьми, если хочешь, — предложила Ульяна. — На память...

Сергей вновь взял один снимок. На переднем плане стоял Гарри — муж Лариски. На нём была форма не то шерифа, не то национального гвардейца. Такие фото — в сомбреро и пончо, в рванине пирата или перьях индейца — делают на всех широтах земли, особенно на пляжах. Они вызывают улыбку, у одних снисходительную — чем бы дитя ни тешилось... у других добродушную. Сергей не улыбнулся. Он вытянул снимок на длину правой руки и прищурил левый глаз. Рука при этом не дрожала.

Тут Ульяна уже не мешкала:

— Куда теперь, сынок?

Сергей достал из кармана компактный атлас и раскрыл развёртку Африки.

— Сюда. — Он ткнул пальцем посреди континента.

28

Предваряя приезд шведской делегации, в деревню, видимо, по поручению свыше, наведались чиновники из района. Закопёрщицей тут была дородная, неопределённых лет особа, о коих говорят: кровь с молоком. Этак по-свойски, но не нарушая некоей дистанции, она сказала, что хотела бы поделиться недавними впечатлениями. В конце июня она побывала в командировке в Ленинградской области, и ей приглянулась идея “живой деревни”.

— Представляете, — обратилась она к собравшимся в клубе сельчанам. — Одно хозяйство, а в нём несколько звеньев. Приезжают гости. Одно звено пироги печёт и угощает гостей чаем. Другое звено баню топит. На повети рыбацкой избы хозяин с подручными показывают старинные способы ловли...

При этом ораторша кивнула мужику, с нею прибывшему, и тот принялся перечислять снасти и их детали: мерёжа, бредень, кибасы, ботало...

— Вот-вот, — вновь перехватила бразды правления районщица. — И так далее. Правда, интересно?

— Дак чего на пальцах-то показывать! Нать ловить, тогда и смекнут, — встрял подвыпивший мужичок, новый доможил Манефы Гаревских.

— А и то, — тут же согласилась районщица.

— Да, — пробухтел прокуренно другой мужик. — Дадут вам бреднем ловить! Скажите ещё — невод раскинуть... А рыбинспекция!

— Договоримся, — повела могучей рукой чиновница. — Лицензию

оформим на весь сезон. И можем одно звено на реке поставить. Совместная с гостями-туристами ловля, а потом уха...

— Из петуха, — прокукарекал поддатый доможил, но его не удостоили вниманием.

Только Степанида, бывшая доярка, ровня Раечки, отвернувшись на реку, глухо обронила:

— Ране звенья по позням да наволокам. Весной — навоз на поля, летом — сенокос в дальних чищенинах. А теперь, стало быть, пьянь разводить под ушное...

— Во-во! — хмыкнула Катюня, Манефина сестра. — С девахами заезжими...

— Ну, зачем вы так, — с кокетливой укоризной — губки бантиком — сказала чиновница.

— Кто она? — коснулась Ульяна плеча Манефы.

— Да Танкетка, — ответила, не оборачиваясь, Манефа. — Ране в комсомоле руляла. Танька Рукосуева. Из заречья она...

— Каждая ваша изба, — Танкетка пальцем потыкала вокруг, — для приезжего — неведомый мир. Ой... — она припоминала услышанное на стороне слово. — Ойкумена. Предметы быта, утварь, сельхозинвентарь... Вот скажите, у кого есть хомуты, бороны и... что там ещё? Что было век назад?

Ульяна давно устроила на повети целую экспозицию. По одну стену стояли дровни, старые расписные сани, тележные колёса, на вешалах висели хомуты, дуги, упряжь, чересседельник, вожжи... По другую — вилы всякого вида и назначения, грабли, топоры, пилы — лучковые и поперечные. А ещё был рыболовный раздел — сети, мерёжи, камня-грузила, оплетённые берёстой, берестяная же поплавь... Много было всего в Ульянином хозяйстве. Хотела было отозваться, да почему-то смолчала. Что-то не то слышалось в речах заезжей чиновницы.

* * *

Через неделю в деревню пожаловала представительная делегация. Верховодили здесь чины из области, следом шли районщики, а замыкали процессию три шведские дамы, представительницы межправительственного фонда “Меридианы сотрудничества”. Сопровождал иностранок переводчик, крупный румяный и улыбающийся мужчина, русский, выпускник филфака ЛГУ и, как оказалось, едва не сокурсник Кайи. Мир тесен.

Первое слово дали гостям. Дамы говорили о сыроделании, о породах доходных коз, о льноводстве и ткачестве, то есть о многом из того, что испокон веков водилось в русской деревне, да веяниями отошедшего века — увы — повыветрилось. Переводчик, звали его Валерий, доводил выступления подробно, иногда задавал дамам дополнительные вопросы, а затем давал уточнения на русском.

Потом слово молвила Танкетка. Она снова завела речь о “живой деревне”, не чувствуя, что её представления о живом напоминают пьесу, которую предлагала ставить ежедневно вот этим жёнкам да мужикам. Станиславского только не хватало. Усмешливый ропот она не чужала или пропускала мимо ушей. Будет небольшой доход, уверенно твердила Танкетка, — будут и инновации. Это слово она катала на все лады и склоняла его, как ляжет на язык.

Взяла слово и Ульяна. Она с большою говорила о разрухе — истреблены фермы, телятники, запущены поля и дуга. Крутом всё затянуло ивняком. Без помощи, без организации ничего здесь с места не стронуть. Нужны средства. Одним из источников мог бы стать дом художников. Приезжая на пленэр, художники оплачивали бы жильё, стол. Оплата шла бы частично на возрождение села, а ещё они оставляли бы здесь по одной-две своих работы, которые составили бы деревенскую галерею. Ульяна говорила горячо, искренно. Но, глянув по рядам, особого отклика в глазах земляков не заметила. Не было его, того отклика.

Потом от президиума вышел чиновник из областного центра. К трибуне он не пошёл, а встал у края низенькой сцены. Остроносый, сухопарый, то

ли усталый, то ли от природы хмурый, он подводил итог. Помянул все выступления, в том числе и Ульянино, оценив, что тут тоже есть рациональное зерно. При этом поднял палец. Потом заговорил про современный вектор развития села. Говорил, глядя вбок, в окно, за которым блестела река, а руки скрестил внизу, как футболист.

Резолюция сельского схода была длинная, но малопредметная — в духе речей последнего генсека: усилить, ускорить, углубить.

Потом в деревенской столовой, которая давно не работала, но к этому дню её почистили, помыли, был устроен банкет. Его спонсировал местный бизнесмен — владелец сети деревенских продмагов, в своё время отсидевший срок за взлом торговых точек.

Гости пили осторожно, да и то больше моршkovую настоечку, сладенькую до приторности. Переводчик Валера принимал умеренно: у него продолжалась работа. Зато Танкетка и областной чин дорвались. Особенно чин, этот субтильный субъект. Откуда в этом остистом туловище столько прыти взялось. Пил, ел, обнимал жёнок. Сначала своих, потом принялся за шведок. Те ему явно не глянулись: не те округлости — не для горсти, а для щепотки, — а и податливости мало, так и топорчатся, отёсанные топором феминизма. Вернулся к своим.

Он поспевал везде, этот областной аграрий, точно широкозахватный агрегат. В сумрачном уголке умудрился и Ульяну прихватить. Да она окоротила его, дав хорошую затрецину. Чин поморщился, но не обиделся. Только сказал, что она — дура. Это относилось не столько к отказу, сколько к её планам.

— Возродят! С этими? — он презрительно крутанул языком по дёснам, обнажив крупные жёлтые зубы и цвиркнул. — Это же похороны, тяжёлые поминки. — И, словно сам удивившись сказанному, почти всхлипнул. — У-у-у-уби-ли, суки, деревню! Убили, да ещё измываются! Дескать, вы уж спроворьте, обмойте покоенку, саваном покройте, да покадите, да цветочков в изголовье, да свечечку в оберучие...

Так он говорил, этот областной чиновник. Его, видать, прорвало. И это, осознала Ульяна, были самые честные слова, которые в тот день прозвучали.

29

Письма от сына приходили не часто. Начинались они обращением, усвоенным им с детства: в ту пору всюду крутили “Мами-блюз” в исполнении “Бони-М”. А заканчивались одной подписью: Серж Амон. Зато регулярно приходили ээмэски. Тут он подписывался тоже одинаково: лейтенант Глан. А вот обращался всякий раз по-разному: мой генерал, господин полковник, товарищ генералиссимус или мой капрал, понижая или повышая звание, видимо, в соответствии с уровнем настроения. Подробности в этих весточках было не много. Да уже и то отраднo, что приходили. Жив-здоров. Много ли матери надо?

Однажды они встретились с сыном в Израиле. Ульяна вычитала в интернете, что в Хайфе требуется учитель рисования с классическим художественным образованием. Дело было зимой, и она не мешкая заявила. Ответ пришёл живо: русская школа рисования, как и балет, в мире ещё котировались. И тогда она сообщила свои координаты сыну. Впереди три месяца, неужели им не удастся встретиться, находясь на одном континенте?

Эта поездка ознаменовалась тем, что в течение всего учебного семестра её обхаживал один еврей — выходец из России, которого вывезли на историческую родину в юношеском возрасте. Шлёма — так звали его — на третий день признался, что Ульяна — копия его первой любви, оставленной в Витебске. Через неделю он заявил, что Ульяна вновь вернула его в юность. А потом стал молить о взаимности, обещая порвать со всем, что у него сейчас есть, — с семьёй, традициями и обычаями, что она только ни пожелает...

Как потом язвила по этому поводу Кайя! “А крайнюю плоть он не обещал заштопать?” Ещё жёстче оказался Сергей. Дело было в ресторанчике. Шлёма подсел к их столику. Весь в себе, погружённый в свои чувства и пе-

реживания, он совсем не озаботился, как это выглядит. Сергей же воспринял это как бесцеремонность. Зажав меж пальцев одной руки мельхиоровую ложку, он согнул её, а потом точно так же без видимых усилий разогнул. Шлёме этого оказалось достаточно, он всё понял и ретировался. Но Ульяне было жаль его, этого нетипичного еврея, который тосковал не то по первой любви, не то по России, не то по всему вместе, что осталось в юности.

Сергей вырвался со службы на три дня. Они побывали в Иерусалиме, обошли все Места, омылись в Иордане. Это были тихие, покойные дни, которые потом грели сердце.

В последний вечер — снова в Хайфе — они сидели на открытой веранде. Слева от Ульяны синели в дымке невысокие горы, справа — море, а у Сергея — наоборот.

— Не похоже на Норвегию? — не то спросила, не то сказала Ульяна.

В разговорах Сергей был, как всегда, немногословен, а подчас и замкнут, но тут его что-то встрепенуло.

— Ты, мам, там одного не поняла...

У него была привычка, осмысливая что-то про себя, начинать разговор с полуслова, точно предыдущее уже проговорено и собеседнику и так понятно. Иногда Ульяна схватывала всё на лету, с того самого полуслова, а на сей раз замешкалась, потому что предмет разговора остался далеко в прошлом. И всё же после нескольких фраз догадалась, о чём речь: книга Кнута Гамсуна “Пан”, которую она предложила сыну несколько лет назад.

Сергей говорил чётко, предельно лаконично, и было понятно, что этот монолог — не порыв, а нечто давно осмысленное и укоренённое. Влюблённые молодые люди, Глан и Эдварда, совпадая в пространстве, не совпадают во времени. “Счастливые часов не наблюдают”... почему? Потому что в такт бьются их сердца. А тут для счастья не хватает совпадения, словно кто-то не так ставит их часы. Кто же этот настройщик, который расстраивает сердечную механику?

Тут Сергей напомнил один давний разговор, точнее, рассказ её, матери, об его, Сергея, отце — их непростых поначалу отношениях, ссорах и обидах и заключил, что в отличие от книжных персонажей они, его отец и мать, сами настраивали сердца. А потому — тут он сделал паузу и глянул ей в глаза — она, мать, до конца и не поняла той истории.

Ульяна слегка приподняла брови. Ей не понравился этот тон, несколько поучительный, если не сказать менторский. Но не ссориться же было. Проглотив обиду — что с молодости возьмишь! — она даже слегка улыбнулась, тем подбодрив его, дескать, ну-ну?! Да и любопытно было.

Те невидимые часы, расстраивая чувства влюблённых, вертел лавочник, господин Мак, отец Эдварды. В его планы не входила эта любовь: малоимущий лейтенант и его дочь, на его взгляд, не составляли пару. История старая как мир. А в основе её — жажда власти и наживы. Господин Мак искал себе зятя пусть не молодого, но обеспеченного. Только выгодно выдав (точнее продав) замуж дочь, он смог бы расширить торговлю на фактории, укрепить власть в городке и вершить здесь свою волю. Лейтенант заметил, какой он умный, то есть какой коварный, хитрый и опасный человек. Но одолеть эту невидимую, ускользающую, но злую волю не смог. И господин Мак, не испытывая душевного трепета, по сути погубил три человеческие души. Во-первых, Еву, не то дочь, не то жену кузнеца, которая, видимо, была наложницей Мака, но полюбила Глана и тем обрекла себя. Во-вторых, Эдварду, свою дочь, которая по его воле вышла замуж за богатея, а потом слала Глану покаянные, полные мольбы письма. И наконец, лейтенант Глан, который, потеряв любовь, стал искать смерти.

Сергей говорил возбуждённо, да что там возбуждённо — вдохновенно. Таким Ульяна никогда его не видела, даже в детстве. Не случилось ли чего подобного с ним?

Сергей нахмурился, отмахнулся: дескать, если и было, то в прошлом и, словно подсадовав, что мать перебила его, заговорил жёстче и резче, и рассуждал уже не столько о Маке — персонаже книги, сколько о коварной и двойственной природе лавочника. Его предок торговал в храме (Сергей

мотнул головой) и был изгнан оттуда бичом Божиим. Его голос осел до шёпота. Где тот бич? Ведь нынче торгаш захватил всё: власть, земные недра, воды и воздух, жизнь и любовь. Он около храма и в самом храме. Товаром ему служат святые, разменной монетой — совесть и честь.

Глядя на Сергея, Ульяна тихонько вздыхала. Не впервые она сокрушалась, что плохо, совсем плохо знает сына. А оправдание было только одно: он мужает, развивается, это происходит в отлучке. Что тут поделаешь?! Такова жизнь.

30

Дочка родила. Ещё вчера, кажется, посылала фотки, где ничем ничего — ни в полный рост, ни боком, а тут вдруг огорошила: родила, да притом двойню. Ульяна терялась в догадках: когда? как? и как тогда понимать те сброшенные по электронке фотки, что Ларка посылала на прошлой неделе? Они старые или дети худосочные, что беременности было не видно? или... она так опять шутит? Была бы рядом — таких вопросов не возникло бы. Или даже далеко, но с живым разговором... через этот сухой телеграфный стиль разве чего поймёшь...

В который уже раз Ульяна едва не запустила мобильник в стену — чёрт бы побрал это изобретение! — да вовремя одумалась: ведь стену-то молчаливая этим снарядом не прошибёшь, хоть и не броня. И в который уже раз, помянув мысленно Петра Григорьевича, сказала себе так: могло быть и хуже, а пока радуйся тому, что есть, может, и такого не будет...

Сдерживая слёзы, Ульяна нашлёпала поздравление, мысленно пожелав, чтобы Лариска никогда не испытала того, что испытала и испытывает её мать. Захотелось узнать, как назвали новорождённых. Эсэмэска пришла тотчас, точно была уже заготовлена: “Мальчика назвали Артур”. Человек сторонний решил бы, что это в честь Овода, героя книги американской писательницы Этель Войнич, или короля Круглого стола... Только не Ульяна. Она-то знала, в честь кого. Это было имя Ларкиного отца, того залётного. “А девочку?” — слегка дрожащим пальцем набрала вопрос Ульяна. Ответа долго не было, словно связь и впрямь переключилась на телеграф. Наконец мобильник отозвался. “Ула”, — читалось на экране. И второй раз: “Ула”. Но приглашения в гости так опять и не последовало.

Весь этот день Ульяна была сама не своя. То садилась к окну и смотрела на заречный лес. То подхватывалась и суетливо металась по избе, словно искала чего-то. Потом вдруг приходила в себя, бралась за мобильник, но, набрав пару цифр, тут же отключалась. То выходила на крыльцо, рассеянно окидывала окрестности, зябко ёжилась, хотя утренники ещё не донимали, и возвращалась в избу.

Хотелось с кем-нибудь посидеть, поделиться своей горькой, как рябина за окном, радостью. Но с кем? К соседке пойти, Манефе, так разговор с нею, пожалуй, не успокоит, а только ещё больше накалит душу. У Манефы какой уж по счёту примак-доможил, зато дети-то справные: сын в городе шоферит, недавно женился, но каждые выходные — к маменьке; дочка — учительница, живёт с семьёй в дальнем леспромхозовском посёлке, но тоже постоянно навещается к матушке, а уж дети, внуки Манефины, всё лето при бабуле... А тут что?!

Ульяна поймала себя на том, что думает совсем по-бабы, и сидит, кручинясь, враскорячку — тоже по-бабы, как сиживали от веку жёнки-горемыки, которых неведомо или ведомо за что наказывала судьба. Тут ей вспомнилась матушка, которая до последнего не отпускала её, ослушницу, от своей юбки. Калила сердце, пальцем грозила, аки боярыня Морозова. Увидев образную связь, Ульяна, бывало, ёрничала по этому поводу, как всякая поперечина. А тут-то, вспомнив, вдруг осеклась. А не узрела ли матушка в старопрежних книгах, что читала затвором в своей келейке, горевой судьбы своей дочери, её грядущего несусветного одиночества! Не потому ли и корила её за ослушание, а мужа — за потачку? Выходит, видела и предвидела то, что стряслось с нею. Дочка за океаном, в чужих людях. А теперь

вот и внуки... Сын неведомо где. Вернее, там, где война. А война теперь повсюду — и там и там, она покосилась на старую — своих ученических времён — карту.

Рука потянулась к мобильнику. Позвонить Серёже или хотя бы передать эсмэску. Мол, поздравляю, ты теперь дядя, причём дважды. Да осеклась. Обрадуется ли этому сын?

Мужская психология, раньше казавшаяся понятной — до чего уж бесхитростен и открыт был папушка! — всё больше ускользала от её понимания. И особенно странно, да и досадно, что это происходило в отношении с сыном, её кровинкой. Сергей не просто менялся, он отчуждался, его потаённая жизнь открывалась только в деталях: новый шрам на предплечье, мажок седины на висках — это в тридцать-то! — и этот вечный прищур левого глаза...

Она не стала звонить сыну — оставила новость до встречи. Может, к той поре Лариска фотки пошлёт, ведь интересно же глянуть на новых кровников: ей — на внуков, ему — на племянников.

Снимки, действительно, пришли. Ульяна воочию, пусть и заочно, увидела своих наследников. Девочка чертами походила на отца, то есть на фермера Гарри. А мальчик был в Ларку, точнее, в её отца, того залётного. У девочки на снимке стояла надпись “Мисс Америка-2030”. А у мальчика — ни много ни мало — “Артур Маккормик — будущий президент Соединённых Штатов”. Амбиции семейства Маккормиков с появлением в их стане Лариски, судя по надписям, возросли многократно. Поэтому Ульяна только усмехнулась. А как, интересно, воспримет это дядя?

Ульяна поджидала Сергея в начале осени — он сам говорил, что после африканской командировки ему посулили отпуск. Однако прошёл сентябрь, минул октябрь, а сына не было. Утешало одно, что регулярно приходили эсмэски: “Жив-здоров” или “Всё о’кей!”.

31

В начале зимы Ульяна отправилась на заработки в Скандинавию. Остановилась, как уже случилось, у Кайи — она по-прежнему жила в Лулео. И сразу погрузилась в работу.

Что её потянуло навестить Йона — она и сама толком не знала. Они были уже разведены — это произошло заочно. Каких-то особенно памятных вещей в том доме не осталось. А вещи, пусть и не особо поношенные, не представляли для Ульяны большого интереса: она никогда не была тряпичницей. Просто захотелось провести, конечно, поблагодарить, наверное, попросить прощения. А ещё, пожалуй, показать эти фотографии — две славные мордашки своих внуков. И тем, может быть, смягчить его сердце, чтобы не держал зла. И своё хотя бы немного успокоить.

Увы, картина, которую Ульяна рисовала в воображении, не сложилась. Сердце у потомка викингов оказалось не более защищённым, чем сердце среднестатистического русского мужика — даже и потомка витязей. Годное для битвы, для солёной мужской работы, оно не выдержало семейного разлада. Как у поэта, “любовная лодка разбилась о быт”, так и их Ковчег потерпел крушение, столкнувшись с неведомым вывертом природы, сотворённым хромосомами и обстоятельствами.

Пережить разрыв Йон пытался, но способ для этого выбрал самый базисный, как и тот самый среднестатистический русский мужик. За злоупотребление спиртным поплатился службой. Теперь перебивался случайными заработками. Подрабатывая на фактории, он научился от русских рыбаков нескольким словам. Небритый, опустившийся, Йон продемонстрировал эти знания почти сходу. Причём не просто как набор звуков, а с полным пониманием смысла. Матерщина в России, ставшая, кажется, уже повсеместным звуковым фоном, здесь, в Норвегии, вызвала оторопь. А уж в устах чело века, который ещё недавно в ней, Ульяне, души не чаял...

Что скрывать, была у неё тайная мысль остаться здесь подольше. Раньше она этого сделать не могла — всё было свежо и невыносимо. И когда по-

давала на развод, всё ещё не пришла в себя. Но теперь, когда осталась совсем одна, захотелось что-то исправить, может быть, подлатать тот Ковчег, ведь были же они в нём счастливы.

И вот... встреча. И непотребные слова в лицо. И искривлённые непривычной артикуляцией губы. А она-то строила планы. Горько! До чего же горько! А ещё странно. Ведь ещё не так давно он, Йон, учил её: "Держи горизонт!" Повторял раз за разом, словно заклинал. И думалось, не было сомнения, что сам-то он держит горизонт. А выходит, нет. Или же держал до поры, да не выдержал. Но отчего? Неужели причина — развод? Неужели та формальность подкосила? До той поры была надежда, что она, Ульяна, вернётся, ведь и вещи оставались, и звонила, и разговаривала... А тут, выходит, всё?..

Опоздала. Ульяна почувствовала это с порога. Опять опоздала. Вся отдавшись судьбам непутёвых детей, она упустила из внимания Йона. Йон спас её много лет назад, взяв к себе. Он единственный откликнулся на её объявление, напечатанное в межрегиональной русско-норвежской газете. Не побоился "хвоста", смело протянул руку, открыл свой дом, обогрел, облакал. А она...

Как же затмила глаза та мерзкая сцена. Весь свет, кажется, померк. Упёрлась в эту стену мрака — и всё, словно прежде ничего и не было: ни умиротворения, ни радости, ни счастья. Неблагодарная, бесчувственная, бессердечная — корила себя Ульяна. Изводила и кляла себя самыми распоследними словами, только что не била по щекам, дескать, вот тебе, вот тебе, вот тебе! Но при этом в доме не осталась, не попыталась дожидаться утра, напрочь забыв русскую поговорку "Утро вечера мудренее". Зато опять вспыхнула. Заслышала ненормативную русскую лексику с норвежским акцентом и вспыхнула, точно доселе знать таковую не доводилось...

32

В смятенных чувствах вернулась Ульяна в Лулео. Кайи дома не оказалось. Открыла двери — записка: "Вернусь через день. Надо подменить заболевшего дятла. Чайка". Кайя, как всегда шутила, словно предвидя настроение подруги. Ульяна слабо улыбнулась, отдавая должное. Потом, не раздеваясь, села в кресло и заплакала. Тихо так, поскуливая, словно брошенная Каштанка...

Наплакалась Ульяна, повсхлипывала — и вроде легче стало. Обвела мутным взглядом комнату, собралась уже встать, и тут раздался звонок. После, восстанавливая последовательность тех минут, Ульяна вспомнила, что, прочитав записку, она хотела скинуть пуховик, разуться, затем принять душ, то есть совершить ряд привычных бытовых действий. Однако какая-то неведомая, но настойчивая сила посадила её в кресло, заставив снять напряжение последних суток, а затем во благо отворила слёзные заплоты. Ведь если бы не было этих распускающих закаменевшую душу облегчающих слёз, тот звонок мог и добить её...

...Кайя вернулась вечером. Ульяна сидела в кресле, так и не раздевшись, и не мигая глядела в стену. Приход Кайи она, возможно, отметила, но взгляд от той невидимой точки оторвать не смогла, настолько сильною оказалось ощущение. Что-то стряслось — Кайя смекнула это сразу. Тихонько раздевшись, она подошла к Ульяне, присела на корточки и взяла её за руку. В озябших — с улицы — ладонях рука Ульяны казалась ледяной. Тут главное было не спешить, не паниковать. Кайя поглаживала попеременно руки Ульяны, что-то прищёптывала, меж делом укутала её пледом, даром что Ульяна по-прежнему была одета. Потом разула её, надела на ноги шерстяные чуни — она называла их сибирками, а то декабристскими катанцами. Потом мягко поводила по ушам, по щекам, коснулась лба, словно снимая докучную паутину. И тут Ульяна пошевелилась, наконец-то оторвала свой оцепенелый взгляд от стены и уже осмысленно посмотрела на Кайю. Кайя уже поняла:

— Сергей?

Ульяна кивнула. В глазах её сквозила беда.

* * *

Тот звонок был из штаб-квартиры Иностранного легиона. Мажорный женский голос, последовавший за бравурными позывными, принадлежал пресс-секретарю.

— Я говорю с мадам Ульсен?

— Да, — отозвалась Ульяна. Разговор шёл по-английски. — Что случилось?

— Ничего особенного, мадам Ульсен. Сообщение от господина Глана. Это была проверка линии. Через пять минут мы вновь с вами свяжемся. До скорой связи.

Ульяна недоумённо посмотрела на мобильник. Сказала “до связи”, а сама не отключилась. Уловка? Едва ли. Скорее всего, забылась, отвлечённая кем-то. Ульяна машинально прижала аппарат к уху. Два мужских голоса обсуждали формулировки информации и допустимые её пределы. Ульяна насторожилась, вся уйдя в слух. Речь шла о подразделении, в котором служил сын. Во время патрулирования они попали в засаду. О том успел доложить радист. Потом связь оборвалась, но стрельба ещё доносилась.

— Что с моим сыном? — закричала Ульяна. Вероятно, секретарша заметила свою оплошность и отключилась. Но минуты через две мобильник вновь зазвонил.

— Госпожа Ульсен. Не волнуйтесь. Ситуация под контролем, — затараторила секретарша. — Ваш сын жив. Временно прерывалась связь. Сейчас она восстановлена. Всё в штатном режиме. Всё в порядке. До связи, госпожа Ульсен.

Однако и на этом связь не оборвалась. В трубке раздался мужской голос — говорил один из тех собеседников.

— Госпожа Ульсен, прошу извинить, — он кашлянул, — за... бестактность. Вы вправе иметь полную информацию. Ваш сын жив. В этом можете не сомневаться. Но он находится в плену. Мы прилагаем все усилия для его скорейшего освобождения. Поверьте. Вот то, что возможно сказать на этот час. Ещё раз извините. Всё будет хорошо. Верю и надеюсь. Точнее, надеюсь и верю.

* * *

Ульяна засобиравалась домой. О работе, о заработках не могло быть и речи — всё валилось из рук. Домой! “Хоть на карачках”, — твердил Пётр Григорьевич, вот так и она. Дома и стены помогают, тем паче стены родного дома. А ещё Ульяну слёзно потянуло в родной храм — в тихую русскую церквушку, чтобы там, у икон, вымолить своему чаду пощаду и спасение.

Балтику Ульяна пересекла самолётом, а из Питера отправилась в свою архангельскую сторону поездом. Колёса стучали заунывную песню. Глядя на белые снега, которые рано меркли под декабрьским небом, Ульяна вспоминала минувшее лето, точнее, канун отъезда сына. Он показал карту, а на ней место, куда предстояло ему отправляться. “Надо же! — задавливая страх, отозвалась она. — Это же места, описанные Гумилёвым. Был такой поэт. Дай вспомню...” Ульяна читала на память стихи, медленно перебирая губами строки, а сердце обмирало, и она боялась только одного — лишь бы не разрыдаться. А здесь, в поезде, ей уже не надо было таиться и сдерживаться. Что предчувствовала —стряслось. Она только отвернулась к окну, которое совсем уже померкло, и стала снова вспоминать памятные строфы. Читала теперь про себя, а огоньки за окном вагона всё размывались и размывались, пока совсем не потеряли очертаний.

*Сегодня, я вижу,
особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

*Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться
осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озёр.*

*Вдали он подобен
цветным парусам корабля,
И бег его плавен,
как радостный птичий полёт.
Я знаю, что много
чудесного видит земля,
Когда на закате
он прячется в мраморный грот.*

*Я знаю весёлые сказки
таинственных стран
Про чёрную деву,
про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго
вдыхала тяжёлый туман,
Ты верить не хочешь
во что-нибудь, кроме дождя.*

*И как я тебе расскажу
про тропический сад,
Про стройные пальмы,
про запах немислимых трав...
Ты плачешь?
Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

Ульяна довела стихотворение до конца, словно исполнила некий обет. Но дважды сбивалась на одной и той же строке. Вместо “изысканный” твердила “пленительный” и ничего не могла с собой поделать. Потому что так наставляли колёса:

*пленительный бродит жираф...
пленительный бродит жираф,
пленительный бродит...*

33

Мобильник тоном перегруженного трансформатора проуркал сообщение. Оно, скорее всего, поступило с номера сына. Однако Ульяна не торопилась его открывать.

Когда такое произошло через день после разговора со штаб-квартирой Иностранного легиона, она аж вскрикнула. “Серёженька! Мальчик мой! Жив!” Сообщение было короткое: “Всё о’кей. Служба идёт. Лейтенант Глан”. Ульяна тотчас связалась с Парижем, дескать, что же вы говорите? Вот же эсэмэска; всё у него в порядке, никаких причин... Увы, её ожидало разочарование. Тот самый военный — полковник Санти — хорошо поставленным и в меру предупредительным голосом объяснил, что в среде их военнослужащих существует правило: отправляясь в командировку, они набирают тексты эсэмэсок, а таймер с заданной периодичностью их “выстреливает”. Вот так, видимо, обстоит дело и с эсэмэсками лейтенанта Глана. Что же касается реальности, то новостей пока нет. Но как только они появятся, штаб-квартира немедленно известит об этом госпожу Ульсен.

Ульяна отрешённо глядела на мобильник. Подсветка давно погасла, но текст читался. И она всё ещё не верила, никак не хотела верить, что это

техническая уловка, что это не сын несколько минут назад набирал текст, а сработал счётчик, который послушно и, точно автомат мороженого, выдал порцию утешения. Отщёлкав череду сообщений, Ульяна стала их последовательно перечитывать, пропуская эзэмэски дочки. И что же оказалось? Тексты сообщений от Сергея варьировались четыре раза и поступали на её мобильник с периодичностью в три дня. Колонель Санти оказался прав.

Странное дело. Сын никогда не лгал. Либо молчал, не выдавая правды, либо выкладывал всё без утайки. А теперь, выходит, слукавил. Лукавство во благо, обман во спасение — так это, кажется, называется.

* * *

Деревня встретила Ульяну снегами и стужей. В избе было стыло, как на улице. Она с трудом разжигила печь и так возле заслонки и сидела, подставив огню спину. Её знобило. И от холода знобило, и от бесконечного ожидания. Она никак не могла согреться, сколько ни куталась, ни пила чаю. Лишь к вечеру на печи в овчинных ворохах да уже отдающем печном тепле Ульяна немного оживела.

Вот так же много лет назад она лежала на печи у бабени Паладьи, которая приветила её с грудным Серёжей. Серёжа сопел, не ведая ничего о том мире, в который явился. А она, уже многое изведавшая, тихо и беззвучно плакала.

На просторную — для большой семьи — печь забралась бабенья. Умостив на тёплых камнях старые косточки, Паладья завела разговор. У гостюшки горе: родима мати на порог не пустила. Чем подсобить? Как утешить? То о своей юности, замужестве баяла — там всякое бывало. То о дочках да сыновьях... А напоследок, смекнув, что боль Ульянину снять не удастся, надумала, старая, растворить её в общем котле.

“Эко, деушка, чего творится ноне. И не война, кабыть, а всё будто гражданска... Воюем да воюем... Али порода у нас, у русских, така — всё сердцем, всё нутром?! Калим друг дружку и калим. Всё, вишь, по правде нать, даром что та правда витая да гнутая, что вон батог вересковый... Девка парня не полюбила али, хуже того, разлюбила — он ружьё в рот и пулей-то полголова... Али што страховитей — стрелит под ейным окном, чтобы уж разом и её... Али батька, бывает, — лихоимец, всю родню в кулаке держит, пикнуть никому не даёт... А то — сын наперекор батьке, чуть что — за вожжи, а опосля — и за вилы... Свекрови невестка не пришлась — поедом будет есть... Зятю тётца поперёк — он — на жену с кулаками...”

Бабенья тягуче вздохнула, явственно переживая представленные и, видать, памятные картины.

“Кажись, чего надо! — продолжала она. — Всем ить места хватит. Земля-то вон кака! Отойди — не теснись. Здесь — твоё, здесь — моё, здесь я царую, сюда без приглашения не ходи, но и я не ступлю на твоё. Дак и что? Да в заводе такого нету. Всё боем, всё горячкой... А конец один — али тюрьма, вон на Сахалин ране гонили, — али смерть...”

Старуха поворочалась, не то обминая лежанку, не то дожидаясь отзыва, а потом, словно спохватившись, что в неурочный час нагнала того бо-ле мраку, принялась себя очурывать.

Нет, не везде так. Сохранились ещё остатки добросердечных племён, кои лелеяли свой лад в глубинах тайги, по далёким приемным речушкам, петляющим среди болот да буреломов. Там, в стороне от торных путей, они вынынчивали свои вековые правила, по которым старому почёт, а молодому планида. И оттого вырастали от веку покладистые да степенные мужики и ласковые да многогородные жёнки. А доброхотство это передавалось из колена в колено, не растрчиваясь. И туда норовили отдать замуж девушек, а то и парня в примак посылали.

Голос Паладьи окрасился ласковыми попевками, будто отведала из родника живой водицы. Да сама же опять и пригасила его. Ведь не осталось, считай, такого доброхотного семени даже и по нашим северным окрайкам. Вымерла реликтовая порода. Одних красным палом сожгли. Других война

скосила. А доконала то древо богоданное, заразив и выточив сердцевину его, уголовная пашель, что высеялась из многочисленных лагерных зон...

Напоследок, уже засыпая, Паладьа тихо обронила:

“Ты на мать-то не серчай, Улюшка. Матерь дак... Теперича сама матери... Опосля поймёшь...”

А в утрах, уже на крыльце, подав узелок со снадью, старая Паладьа благословила её:

“Окрести ребятёнка, Улюшка. Как уж там... а окрести. И сама окрестись”.

И ночью, и в утрах Ульяна слушала бабенку, а вроде и не слышала, убитая горем. У неё погиб любимый, отец новорождённого. От неё отвернулась мать, а значит, и вся семья. Сердце плакало от тоски и каменело от обиды. А выходит, всё осталось, сбереглось в памяти и душе, коли сейчас, на печи, она вспомнила то, что слышала тридцать лет назад.

* * *

Известий от сына по-прежнему не было. Сообщения из штаб-квартиры, хотя и регулярные, разнообразием не отличались: “Лейтенант Глан всё ещё в плену”, “Ваш сын жив, госпожа Ульсен, тому есть подтверждения”, “Мы всё держим под контролем, мадам Ульсен”... А эсэмэски “от сына”, поступавшие по воле таймера, взрывались, как бомбы с часовым механизмом. Ульяна их ждала, в ожидании напрягалась, а они всегда достигали врасплох.

Долго не решалась Ульяна сообщить о беде дочери. Остерегалась, что Ларка отзовётся чем-нибудь поспешным, поверхностным, а то и фривольным, едким или пошлым. С неё станется, ведь язык у Ларки без костей: брякнет — не задумается. А зачем ей, матери, такие слова, которые ранят и без того усталое сердце.

Ульяна ошибалась. Неожиданно для себя она получила от дочери поддержку. Сказать, что в той эсэмэске было много сочувствия и сострадания, она не могла. Но текст свидетельствовал о волнении: не два-три слова — целых пять предложений. Такое было впервые. Ульяна исследовала эсэмэску, как врач рассматривает кардиограмму. Она вчитывалась в слова, оценивала их порядок, анализировала, что находится между ними. Первое ощущение её не подвело, потому что следом — не в ответ даже — пришла ещё одна эсэмэска. Дочка сообщала, что ездила в соседний штат, где есть православная церковь, и заказала молебен, естественно, о здравии. Ульяна до того растерялась, что даже не нашлась, что ответить. Отбила, с трудом различая буквы на мобильнике, только два слова: “Спасибо, доченька!”

Сама Ульяна молилась о сыне непрестанно. Она ездила в монастыри — Сийский, а потом дальше — в Веркольский. Обошла все окрестные церкви, где теплился огонёк веры. Не по разу ездила в областной центр, где стояла на службе во всех храмах...

А ещё она стала навещать свою — разорённую и осквернённую деревенскую церковь. Затепливала свечу, раздвигая церковные потёмки, которые отягощали зимний сумрак. Ставила перед собой маленький складень и молилась. А помолвившись, принималась за уборку. Хламу в поруганном храме было немерено. Битый кирпич, обломки и обрезки досок, остатки земли от картофельных клубней, мешковина, куски толя — чего там только не было, чего не скопилось за годы беспамятства. Даже бюст Ленина, покрытый себребрином, лежал.

Уборку в храме, как и приборку в доме, Ульяна повела методично. Освобождала один придел, потом другой. При этом не просто вытаскивала мусор и хлам наружу, а сортировала. Кирпичи, которые могли пригодиться, выкладывала возле стены, также отбирала доски. Неожгое сносила в яму, где когда-то находился ледник, а горячий хлам складывала в костёр, чтобы потом спалить.

Своей службы Ульяна не оставляла и в самые лютые морозы. Несмотря на стужу, упорно шла в храм. Молилась и работала. Работала и молилась. И так ежедневно.

Ближе к весне, когда маленько потеплело, Ульяна принялась за двери да рамы. Где скобелем, где рубанком, где топором — художник ведь любым инструментом должен владеть, даже если у художника женские руки. А она к тому же — деревенская. Навыки наточенной работы — от папушки, да и материнское наследие в руках не иссякало. Даже стёкла стала вставлять.

Деревня на хлопоты Ульяны глядела молча. При встречах на улице никто из земляков ничего не говорил и не спрашивал. Ну, работает жёнка, убивается, чего скажешь на это, коли охота дак... Но где-то в феврале, когда в былые времена начиналась деревенская страда и перво-наперво крестьяне-колхозники вывозили на поля назём, в церковь пришли Манефа Гаревских и её сестра. Оглядели своды, стены и, особо не спрашивая, сами нашли, что делать. Скоблили стены, убирая непотребные надписи. Потом принялись за полы. Манефа крикнула нового доможила — неказистого, но ухватистого мужичка, — велела ему развести костёр да заварить в молочном бидоне воды. А потом, когда вода поспела, принялась вместе с сестрой скоблить да намывать полы. Вехоть с дрсевой отчищали плахи, как наждачная бумага. А вода в ведре с каждой сменой оставалась всё светлее.

На дым костерка, на голоса у церкви потянулись и другие обитатели деревни, кто ещё не покинул отчину-днину и земной мир. Всем дела хватило. Работали слаженно, дружно и сами себе дивовались. Что-то радостное было в этом труде, как бывало в поры общинной работы — сенокоса ли, уборки урожая. Но и как-то по-особенному, словно намывали ни много ни мало небеса, словно отмывали от вековой грязи мир Божий.

34

Ульяна вымолила-таки сына. Вырвала его из беды. Был знак. Однако час встречи затянулся. С последнего свидания минул почти год, прежде чем они увиделись вновь.

Изменился ли сын за эти долгие месяцы? Ульяна вглядывалась в черты родного лица, в глаза сына, примечала жесты, повадки. Но определиться так и не могла. Как будто особых изменений не произошло. Замкнутый, неразговорчивый? Так он всегда был таким. От первого его крика, отчаянного крика новорождённого, до первого слова, им произнесённого, прошло четыре года. Шутка ли! Думала, уж совсем будет немым... То, что на лице его не отражается чувств, так тоже понятно: научился управлять своими эмоциями так, что даже по глазам ничего не прочитаешь. Белые отметины на руках и предплечьях — тоже не внове. Дрогнули её губы уже тогда, когда увидела исполосованную белыми шрамами спину. Но и тут взяла себя в руки: это в черед прочего.

В день приезда они сидели с Сергеем за столом. Поглядев в окно, сын кивнул на ближний островок, который её подручные-студенты ещё прошлым летом обратили в подобие лодки: что это? Ульяна проследила за его взглядом:

— Островок-то? Да вроде плавсредства. От алых парусов мои гаврики отказались. Иное поколение. Обратили в лодку. Там и спасательный круг был. Половодьем унесло. Хотели на тех брёвнах написать “Харон”, да я отговорила: слишком мрачно. “Стикс” — обидно для Двины. Назвали “Обол”. Видишь, красным...

— Обол? А что это?

— Монета такая. Кажется, оловянная. Её вкладывали покойнику в рот. Плата Харону за перевоз в царство мёртвых.

Реакция у сына была военной.

— Хм, — отозвался он и метнул взгляд в телевизор. Лакеи из массмедиа там наперегонки вылизывали пучеглазого олигарха: — А этому тоже оловянный, ежели... — Сергей прищёлкнул языком.

Лишних вопросов Ульяна сыну не задавала, он этого не любил, только всё смотрела да украдкой вздыхала. Поразили её его тренировки. Приехал на отдых, а носит как угорелый. Кроссы по просёлочным дорогам проходили вне видимости. О нагрузках свидетельствовали только мокрые майки, шорты да хлопотающие от пота кроссовки. Но заплывы проходили на глазах.

Ульяна не помнила, чтобы кто-то из деревенских мужиков, даже силачей, отважился перемахнуть реку в этих местах. А Сергей умудрялся без передышки сплывать на тот берег и обратно, а иной раз и повторить такой заплыв. Ещё больше поражала его зарядка. Все эти растяжки, шпагаты, перевороты, сальто, которые доступны гибким, “гуттаперчевым”, с детства тренирующимся гимнасткам, казалось, без усилий проделывает и он, уже матерый, тридцатилетний мужик. А прыжки в высоту через щитовой барьер!

— Сколько же это, Серёжа? — Она вскинула руку.

— Немного, ма, — отозвался он.

— И всё-таки?..

— Мировой рекорд двадцатилетней давности.

Для тренировок Сергей использовал всё, что попадалось на глаза. А на повети устроил из подручных средств настоящий тренажёрный зал. Самым опасным и коварным снарядом здесь был “маятник”, как то ли он назвал, то ли она определила. Тележное с железным ободом колесо Сергей привязал к стропилам и, раскачав его, вставал на пути. Да не просто вставал, следя за размахом “маятника”, а при этом делал комплекс упражнений, отклоняясь корпусом влево, вправо и подчас видя приближающийся снаряд лишь боковым зрением. Но самое жуткое наступало тогда, когда он отворачивался спиной и угадывал грядущий удар, который приходился по позвоночнику, в самую последнюю секунду.

Ульяна вскрикнула, тайком наблюдая за этими истязаниями, а после, не выдержав, упрекнула.

— Не смотри, — был ответ. А потом, уже за столом, объяснил: — Когда без тебя, я ведь это делаю. Это надо, маме. Если бы я не делал этого, не владел бы так телом, разве бежал бы из плена, из того каменного мешка, будь он неладен! — И, помешкав, добавил: — Может, этого как раз не хватало отцу...

Он не был бесчувственным, её сын. Но жизнь его по какой-то странной планиде теперь была подчинена войне, где не допускалось места чувствам. Во имя чего шла та война? Что он отстаивал на том поединке? Добро? Но разве может быть добро в чистом виде, если война идёт на чужой территории? Разные племена, разные традиции — они и сами подчас не могут объяснить, в чём корень их противоречий. А тут ещё сторонние интересы, борьба за недра — за нефть, за алмазы... Нет там чистой правды, сынок. Это вот дед твой воевал за правое дело — Родину защищал. А ты-то кого?

Ульяна подумала, но не сказала, не посмела сказать. Однако решительно повела сына на родовые могилы. Рассказала о всех кровниках. Строго и просто. Особо, конечно, о дед-солдате, своём папушке. Ей было важно это. А сыну? Видимого отзыва в лице Сергея она не заметила, словно ничего не связывало его с этими крестами и памятниками. И тут она не могла оправдать его даже тем, что он всегда такой — замкнутый и отстранённый.

Возвращались с кладбища молча. Ульяна сокрушалась, но виду старалась не показывать и волю слезам дала только в своей горенке. Она мысленно корила сына, упрекала за бессердечность, равнодушие. Таким ли был его отец! И вдруг осеклась. А на каких дрожжах он вырос, её сын? Разве не война стала его люлькой? Да что люлькой! Война свила гнездо в её утробе, на его детском месте. Даже, может быть, в миг зачатия. Игорь был ещё с нею, был в ней, а уже шёл приказ о его отправке — направлении в погибательную даль.

...Дни отпуска пролетели мигом. Казалось, только что встретились, обнялись, а надо уже расставаться. Ульяна была сама не своя. Не успела наглядеться, толком поговорить. Где уж тут понять что-то... И всё-таки перемены в сыне не ускользнули от её сердца. Сергей стал ещё суровей. Может, поэтому она остереглась позвать его в церковь, которую обустроивала. Убоялась его холодности и, как следствие, — своего сокрушения. Потом-то она жалела об этом и каялась. “Как же так, Ульяна, — корила она себя. — Здесь, под этим сводом, ты молила за сына, к Богу взывала, а сына в Божью обитель не привела?!” Зато снова обратила его к своим художественным затеям — перформансам и инсталляциям. Два года назад она бы не нарадовалась, что сын помогает обустроивать деревенское пространство, сколачивая

планшеты, щиты, каркасы. А нынче испытывала какую-то смуту. Поначалу-то думалось, что это от жалости, чувства вины: сынок, мальчик её настрадался, а она — со своими нуждами. Но после смекнула, что причина, скорее, не в нём, а в ней. Ведь того первоначального задора и вдохновения, с коими она приступила к художественному преобразению деревни, в ней уже не было. Да и сын явно подостыл к этим затеям. Нет, просьбы матери он выполнял: что-то сколачивал, строгал, вбивал. Однако “без энтузиазма”, как сам признался. Мало того, затею с оживлением деревни он назвал утопией. А потом и затею, и всё, что уже сотворено, оценил ещё жёстче — “мартышкин труд”. Ульяна не перечила. “Мартышкин труд” — это все её усилия, все мечты и упования. Может быть. Но ведь вышло, что надежды нет и для окружающего — ближнего и дальнего. Значит, всё, что ни делается, — пустое дело? Всё — “мартышкин труд”? Да, без пощады рубил Сергей. И всё, что в стране — происходило и происходит, — тоже.

— Открой глаза, мам, — показал он на телевизор, шли новости из Москвы. — Где тут делатели? Где тут власть? Вот этот? Или вот этот? Полно! А эти картинки об успехах? О нано и модерне? О-на-ни-зм! Ты же художник, мам. Разве ты не видишь, что всё вылизано языком подхалимов, лгунов и прохвостов? Не жизнь, а имитация, сплошная и многослойная лакировка действительности.

Ульяна была удручена и соображала плохо. Про картину мира, нарисованную сыном, она ещё помнила. А вот то, что он сказал о какой-то картинке из её галереи, в памяти не отложилось. Ни в памяти, ни в сердце...

35

Сын был во многом прав. Ульяна и сама кое-что стала понимать. Это началось с пьяных, но честных слов областного чиновника. Продолжилось оценкой соседа-доможила — тот бросил ехидную фразу: “Турусы на колёсах”, имея в виду телегу с парусами, что входила составной частью в её экспозицию. А завершилось всё сыновним приговором.

Ульяна мысленно соглашалась, что все эти паруса, даже и алые, не приносят ожидаемого — возрождения родной деревни. Жизнь — не сказка, это факт. Но ведь и без сказки в жизни нельзя. Она была убеждена в этом. Иначе разве могла бы считать себя художником?

Не оставляя своих художественных упражнений, Ульяна всё больше сил отдавала восстановлению церкви. Здесь, особенно в погожую пору, она пропадала дни напролёт. Трудилась много и, казалось, без усталости. И сама себе удивлялась, как полётно ей работается.

После церковного упряга Ульяна выходила на утор и с тихой радостью окидывала взглядом открывающиеся во все концы дали. Чего тут не хватало? Живности. Всё чаще она стала задумываться, что не инсталляции да перформансы могут по-настоящему украсить живописные луга, а живые коровушки. Так, как было в её детстве.

Жёнки-доярки, пусть уже в годах, как Манефа, или её, Ульяны, ровня, ещё оставались в деревне, стало быть, сбереглись и навыки. Нужна была база, то есть ферма. Коровники, строившиеся из силикатного кирпича, огромные, мощные, были разрушены, частью свезены проворными людишками для своих нужд, частью прибраны соседним совхозом-техникумом. Восстановить их было невозможно, да и бессмысленно. Ульяна подумывала о лёгком утеплённом дворе, в котором стояло бы десятка два холмогорок. На первое время достаточно. Но где на этот коровник сыскать деньги? Взять кредит? А что положить в залог? Родительский дом? Так он не покроет того кредита. Занять частным образом? А вдруг прогоришь? А не вернёшь — долговая тюрьма. Одолжить у детей? Тоже не выход. Как и что объяснишь дочери, коли связь только эсэмэсками? А просить у сына — и вовсе страшно. Это ведь деньги, заработанные на войне, на чьей-то, возможно, — она боялась даже думать — крови...

Оставалось одно — живопись, искусство, её художественные навыки. Скопить на вернисажах, которые ей устраивала в Скандинавии верная по-

друга Кайя, да на перформансах, заявки на которые по-прежнему поступали на электронный адрес агентства “Арт Амон”, — вот тот путь, который определяла Ульяне жизнь.

* * *

Очередная поездка в Скандинавию затянулась почти на три месяца. Ульяна устала, вымоталась, но была довольна — удалось хорошо заработать. До заветного ангара — скотного двора доставало совсем немного. Но в конце августа она внезапно свернула все дела и махнула домой.

Что же сорвало Ульяну? Отчего так спешно она покинула Скандинавию? Из Норвегии пришла страшная весть. Некий Андрес Брейвик расстрелял из автомата почти восемьдесят человек. Случилось это на острове Утойя, где когда-то она, Йон и дети отдыхали в кемпинге. Мало того, убийца оказался ровесником сына. Холодом опахнуло Ульяну. В состоянии тревоги, каких-то смутных предчувствий и опасений возвращалась она домой. Почему-то не радовали даже заработанные деньги, которые сулили скорые перемены. А приехала в деревню — и батюшки цветы! — не узнала её.

Под берегом стояли мощные катера и баржи. На угорах, в проулках, за околицей — всевозможная техника: тяжёлые джипы, огромные фуры для перевозки габаритных грузов, тягачи, трелёвщики — чего тут только не было. Правда, порядок держался армейский, не абы как, а в линейчку, если стояло две-три машины. А ещё пестрели камуфляжем просторные армейские палатки. А ещё — по мачте поняла — передвижная армейская радиостанция.

Вся эта картина вызывала оторопь и опаску. Деревенские на улицу не казали носа. Кольхнулась тревожно занавеска на окне Манефы — знать, смотрела, а выходить не решалась. Зато повсюду ходили уверенно-озабоченные чужие люди. Облачённые в полувоенный камуфляж без погон, в импортной выделки охотничьи костюмы, холёные, крупные, решительные, они напоминали пришельцев — десантников с НЛО.

Возле родительской избы стоял чёрный джип. На него Ульяна глянула мельком: кроме недоумённого отращения, эта каракатица ничего не вызывала. Зато издали обратила внимание на крыльцо. На верёвке висела одёжка. Футболка цвета хаки, обычного армейского цвета, ни о чём не говорила — таких много. Но вот ветровка была наособицу: украшенная народными африканскими узорами, она явно принадлежала Сергею, он в такой приезжал прошлым летом после плена. И уже не мешкая, Ульяна устремилась к дверям.

Сын сидел в передней вместе с двумя незнакомцами, облачёнными тоже в хаки. Они смотрели в ноутбук, что-то обсуждали, делали пометки на какой-то схеме. При появлении Ульяны Сергей поднялся.

— О, мам!

Следом поднялись его напарники. Отрекомендовавшись, они обменялись с Сергеем взглядами и удалились. Мать с сыном обнялись. Взгляды их — его несколько возбуждённый деловой и её тревожный — пересеклись.

— Что это, Серёжа? — опасливо спросила она и повела рукой, имея в виду и избу, и его окружение, и всю деревню, уставленную техникой.

— О, мам, — пропел и почти увлёк её в танец сын: — О, мам-блюз, о, мам-блюз...

Таким она никогда его не видела. Ей бы радоваться — в кои-то веки сын улыбнулся и даже всохотнул, — но она ещё больше озадачилась и вопрос повторила.

— Всё тип-топ, мам! Всё тип-топ! — отшутился Сергей, от него пахло спиртным. — Перформанс, какой тебе и не снился! Ты знаешь, какие тут люди! Э-э! Тут вся Москва и Европа в придачу. Или наоборот? — последнее он кинул своему приятелю, заскочившему за забытым берегом. — Впрочем, кому как нравятся. От перестановки слагаемых сумма не меняется. Верно?

Глаза острые, ноздри раздуваются. Мужик мужиком. А давно ли, кажется, сидел на коленях? Давно ли словечка не мог вымолвить? И радостно это, и грустно. И ещё почему-то тревожно. Что он затеял, Сергей?

Ульяна принялась распаковывать вещи, но неожиданно бросила, услышав рёв автомобиля, и вышла на крыльцо. Сергей, перекрывая шум движения, переговаривался с одним из своих компаньонов. Речь шла о какой-то конструкции, которая требует дополнительного крепежа. Ульяна дождалась, когда тот уйдёт, и спросила сына, что они делают. Это же её деревня. Она здесь родилась. Здесь её дом. Кому же, как не ей, знать, что тут готовится.

— Хорошо, мам, — ответил Сергей. — Вот там, — он показал на зады, в сторону лесной опушки, — будет экран во всё небо. На экране изображение. А слева будет воспроизведение того изображения. Живое. Зримая песня, так сказать. Что ты, мам! Это будет грандиозно! Не зря же съехались все тужи. Все, мам... Тут ведь такие есть. — Он повёл подбородком, точно уже не хватало рук.

— Но кто это разрешил, кто позволил? — Ульяна не могла ничего понять и пыталась добиться какой-нибудь ясности.

Сергей усмехнулся, ткнул пальцем на зады дома. Там в крапиве лежал какой-то человек. Ульяна только сейчас его заметила. Явно пьяный, измазанный в зеленях, заблёванный — она не сразу признала в этом куле того сухопарого областного чиновника, который характерным скрещиванием рук напоминал футболиста... Сейчас его руки были безжизненно раскиданы, а сам он походил на живой труп.

— Мам, мы это всё купили.

— Кто мы?

— Мы — это я и мои единомышленники, партнёры по бизнесу. Документы без сучка, без задоринки. Вот она может подтвердить. — Сергей показал пальцем на фигуру в камуфляже. Ульяна с трудом узнала в ней Танкетку, районную, комсомольского разлива, чиновницу. Ишь, как расфуфырилась, теперь и впрямь как танкетка: грудь что пулемётные пушеры, задница как переполненные бензобаки, а рука кренделем, и на гаке этом, как на буксире, висит какой-то засезжий, тоже в камуфляже.

Ульяна вернулась в избу. Стала собирать на стол. Сына покормить, да и самой с дороги не мешало перекусить. Но опять всё оставила, вытерла руки, скинула фартук, набросила на плечи неприметную куртку и задом вышла из дома.

Она двинулась к брезентовому ангару, который стоял на отшибе. Почему-то именно это не очень видное среди обилия яркой техники сооружение притянуло её с самого начала. Шла осторожно, прикрываясь кустарником, складками луговины, точно не дома, точно в чужой стране. Опасения её оказались не напрасны. У дверей ангара — они смотрели на лес — топтался охранник. Оружия, похоже, при нём не было. Но глаза вострил, уши были на макушке — и приглядывался, и прислушивался, обходя ангар по периметру. Ульяна, прикивая к земле, подобралась к сооружению сбоку. Брезентовая обложка состыкована была крепко, но в одном месте на самом низу ткань оказалась надорвана, видно, её чем-то зацепили. Ульяна осторожно отогнула уголок. В лицо пахнуло животинной. Она прикинула к отверстию глазом. В ангаре горел свет, кто-то там ходил, стучал каблуками. Глаз обтерпелся. Не каблуками, поняла Ульяна — копытами. Вдоль стен и посередине стояли вольеры, а в них — господи ты, боже мой! — чего-то тревожно ожидали антилопы, зебры и — что самое диковинное — жирафы. Ей не помешало — посередине ангара, под гребень крыши были поставлены жирафы. Тут донеслось покашливание, охранник, видать, на ходу закурил и сейчас должен был появиться из-за ближнего угла. Ульяна шмыгнула в кусты, подождала, пока караульщик не скроется из глаз, и, приседая, бочком-бочком поспешила обратной дорогой.

“Вдали он подобен цветным парусам корабля...” Строчка вертелась неотступно, словно колёса поезда. Ульяна вернулась к дому. Вечерело. Воздух посвежел, загустел. Она села на крыльцо. И вдруг ясно представила прошлое. Вот здесь, на этих ступенях, тридцать с лишним лет назад она сидела возле папушки, тихо поглаживала его раненое плечо, спину, а он что-то говорил — со слезой, стоном и кашлем рассказывал. Что он рассказывал? Что вспоминал? Свой последний бой. Это было в Германии, в предместьях како-

го-то большого города возле... зоосада. Всё кругом горело. И к вольерам подбирался огонь. Животные и звери, мечась по тесным клетушкам, выли, кричали, визжали и плакали. И среди них жирафы. Шеи длинные, глаза, точно блюдца, а из них — слёзы. Папушка, тогда рядовой Трофим Артамонов, хотел помочь — мўкой сердечной было для него видеть погибающую животину, словно родная коровушка пропадала среди других. А как ведь иначе деревенскому человеку? Сам погибай, а кормилицу выручай, коли в беду попала. Сунулся Трофим Артамонов к вольерам, а оттуда — снайпер...

Ульяна зашла в избу. Сергей сидел возле ноутбука, что-то печатал или искал. На кромке стола стояла чашка, из которой он то и дело прихлёбывал. Ульяна подошла и молча на него уставилась. Он не сразу оторвался от занятия и поднял голову. Взгляды их встретились, он понял застывший в глазах матери вопрос.

— Это деньги, мам. Большие деньги. Там, — он похлопал себя по спине, напоминая о шрамах на собственной шкуре, — я этого не заработаю. А здесь... Один час — и куча денег... Мы тут всё отстроим, мам. Всё. И ферму, и школу, и детсад. И церковь выстроим. Для этого надо выместить тех футболистов, — он мотнул головой, имея в виду чиновника местного, — всю эту футбольскую команду, всю снизу до верха по всей вертикали. Всех до единого. Но прежде, мам, — он поднял указательный палец и завершил тираду свистящим шёпотом, — их надо подоить...

Ульяну знобило, полная смятения, она поднялась в свою горенку. Присела возле темнеющего окна. С улицы доносились резкие голоса, чужой, нездешний смех. Из утробы зверообразного джипа раздался тяжёлый рок — музон для людей с тяжёлыми комплексами. Ульяна задернула занавеску, включила свет. Взгляд её потянулся к картине Петра Григорьевича. Она как-то потускнела, померкла, словно подёрнулась болезненной дымкой, пеплом. С чего бы? Взгляд Ульяны скользнул ниже. Там темнело пятно. На этом месте висела репродукция, а теперь темнел прямоугольник невыцветших обоев. А где же картинка? Сергей! Да, прошлым летом он мимоходом обмолвился, что взял какую-то картинку. Что же тут висело? Она обежала взглядом репродукции и вспомнила: Дали. Это была репродукция с картины Сальвадора Дали, и называлась она "Горящие жирафы". Ульяна похолодела. Она повесила работу Петра Григорьевича — портрет родного дома — над этой репродукцией? Собственными руками повесила? Не может быть! И сама же себя осадила: может, Ульяна! Всё так и было: и репродукция, привезённая много лет назад в родной дом; и папушка при виде неё, скорчившийся от боли; и портрет дома, повешенный как раз над "Горящими жирафами"...

Стало совсем зябко и муторно. Кутаясь в шаль, старую вигоневую материнскую шаль, Ульяна вышла из избы. Гремела канонада хеви-метал. Почудилась война. Опять вспомнился папушка.

Ульяна вышла за калитку. На пути к ангару она обратила внимание на палатку, от которой приторно пахло. Сейчас она устремилась туда. Палатка стояла на остатках фундамента молочного склада. Сюда в детстве Ульяна сносила излишки молока. Пеструнюшка обильно доила. Теперь пришельцы устроили здесь склад ГСМ. Ульяна отогнула полог и включила фонарик. На бочках красным по жёлтому полыхнула надпись. Это был авиационный бензин.

РЕНАТ ХАРИС

ТАТАРСКИЕ СОНЕТЫ

СОНЕТ О ТАЙНЕ ТЬМЫ

Источником света для мира — лишь Солнце быть может!
А что может быть для Вселенной — источником тьмы?..
Об этом не ведают лучшие в мире умы.
Меня ж эта тайна собой бесконечно тревожит.

И в тысячах книг, что собою познания множат,
я шарю, как в недрах какой-то бездонной сумы,
не зная, где взять мне покоя — хотя бы займы! —
а тайна вопроса всё душу мне гложет и гложет.

Я солнце закрою, над ним распахнув чёрный зонт,
луну зафутболю за тёмный ночной горизонт, —
а свет всё течёт и течёт из неведомых точек.

Тогда я сознание, как будто страницу, сомну
и, скрипнув зубами, покрепче ресницы сомкну,
и вот он, открылся — вселенского мрака источник!..

ХАРИС Ренат — народный поэт Татарстана, автор более чем сорока книг на татарском, русском и других языках России, лауреат многих литературных премий, в том числе и премии Российской Федерации за 2005 год. Член Общественного совета и постоянный автор журнала “Наш современник”.

СОНЕТ О ГЛУПОМ ВОПРОСЕ

Пришёл вопрос однажды мне на ум —
ровесник ли себе я? Вот загадка!..
Цежу ответ по капле — всё не сладко.
Не выжать масла из бесплодных дум.

Я не бежал за славой наобум.
Ничто мне в жизни не давалось гладко.
Вот я — а вот стихов моих тетрадка,
нас не разъять, как водопад и шум.

Да, я умнее самого себя,
так что ж мне делать, истину любя, —
закрыть вопрос тот, и все взятки гладки?

Но сердце снова глупостей полно,
оно, как птица, рвётся за окно
и жадно ищет новые загадки...

СОНЕТ О ДЕРЕВНЕ КАЗМА

В раздумья свои погружён, я пришёл в свете дня
на кладбище, где мои предки уснули под плитами.
И все закоулки души снова стали отмытыми
слезами, что лились из глаз моих внутрь меня.

Я помню, как майское солнце дыханьем огня
старалось могилы прогреть, что стояли открытыми...
Надгробные камни над мамой в тени под ракитами —
дольше стоят, теплоту того солнца храня.

Когда хоронили отца, то из тучи свинцовой
осенние воды рванулись к могиле отцовой,
и эта вода — затекла под ресницы мои
и хлынула в душу, как через запруду ручьи.

Ну, чем ещё душу отмыть так светло, как слезами,
чтоб снова смотреть в этот мир просветлённо глазами?..

СОНЕТ О ТЮРЬМЕ ПЛЕТЦЕНЗЕЕ

*Пел я, весеннюю свежесть почуя,
Пел я, вступая за Родину в бой.
Вот и последнюю песню пишу я,
Видя топор палача над собой.*

М. Джалиль

Дров не наколет топор, что, взлетая сплеча,
над головами несчастных отчаянно свищет.
Даже деревья противятся, чтоб топорищем
стать топору, что играет в руках палача.

Кровью насытившись, сталь топора горяча,
но, как безумная, снова всё рыщет и рыщет,
шеи поэтов по миру всё ищет и ищет,
в злобе вселенской по плахе планеты стуча.

Сколько оборванных песен на том топоре!..
Сколько погребло стихов на упавшем пере!..
Сколько поэм захлебнулось в гортани поэтов!..
Может ли стали слепой быть прощенье за это?

“Не истязайте поэтов! — кричат небеса. —
Мир онемееет, коль их замолчат голоса...”

СОНЕТ О ЛИБЕРАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ

Когда же мы устанем воровать?
Мы не были ворами от рожденья,
но, не встречая в мире осужденья,
привыкли жить, чтоб только бы урвать.

Мы говорили: нам Отчизна — мать,
и ей богатство наше — в наслажденье!
И утвердили (будто в наважденье)
свободу грабить, резать, убивать.

По камню — гору можно унести!
Ковёр — по нитке можно расплести!
Крадём, что можно — малое, большое,
прикрывшись ложью, что оно — чужое.

Отчизна — наша. И, её любя,
мы расхищаем вместе с ней — себя!

*Перевод с татарского
Н. Переяслова*

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР

РАССКАЗ

Мои друзья порой удивляются: неужели у прокурора есть такие проблемы, из-за которых голова может болеть. За всеми надзираешь, всех контролируешь, одним словом — “око государево”. Чудаки, они, видимо, забыли, что и у прокурора есть своё начальство, а уж оно-то всегда найдёт за что спросить: сроки следствия, жалобы граждан, проверки, отчёты, наконец, хозяйственные вопросы тоже приходится решать — есть от чего голове болеть...

В этот вечер именно с такой головной болью я возвращался домой. Моя “девятка” слушается меня всегда, даже, кажется, если я вообще сяду за руль без головы. Водительский опыт — большое дело, а он-то у меня, слава Богу, есть. Гололёд мне не страшен, поскольку все четыре колеса машины ошипованы и свою колею держат уверенно. На проспекте Ленина на небольшой скорости обхожу троллейбус с опущенными троллеями, как вдруг на моём пути возник какой-то старик. Выглянул из-за троллейбуса, и вместо того, чтобы пропустить машину, рывком бросил себя на неё. Камикадзе чёртов! В последний момент я успел вывернуть руль в противоположную от незадачливого пешехода сторону и остановил автомобиль. Лобового удара удалось избежать, и старика я задел только по касательной, но он упал на снег и закричал истошным голосом, а рядом остановка автобуса. Мгновение, и вокруг нас собралась галдящая толпа, посылались первые версии случившегося: “Убили! Задавили!”

— Хорошо ещё, что не зарезали, — только успел подумать я и моментально взмок от напряжения. Но уже через мгновение я выскочил из машины.

ПАВЛОВ Сергей Михайлович родился в 1952 году в г. Белово Кемеровской области в семье шахтера. Юрист, журналист. Работал учителем, служил в МВД. Подполковник милиции в отставке. Автор 13 книг прозы и публицистики. Член Союза писателей России. Живет в г. Кемерово.

— Дед, ты живой? — Дурацкий вопрос! Он ревет как оглашенный, а я интересуюсь: живой он или уже умер. Нервы! Уже потом, когда я рассказывал своим друзьям об этом происшествии, я всё обрисовал чуть-чуть по-другому: я не говорил про пот, про испуг... А всё это было, но главное — чувство огромной вины перед этим старым незнакомым человеком на какое-то время подавило мою волю.

Старик притих и только стонал, держась за ногу. При свете фар и уличного освещения я быстро осмотрел его: крови не было. Впрочем, если закрытый перелом, то её вообще может не быть. Едва попробовал его поднять — тот снова в крик. Я поднял голову, а надо мной кудахчет какая-то перепуганная женщина, да мужики стоят и всерьёз рассуждают: мол, стариков добивают, нет проходу от этих крутых... Вот я уже и в “крутые” попал! Попробовал их успокоить — эффект обратный. Попросил помочь посадить старика в машину, а из толпы кто-то злорадно бросил:

— Щас увезёт старика за город да бросит на морозе — ищи его потом!..

Весёлая ситуация — вот меня уже и в душегубы записали! Прошу вызвать “Скорою” и ГАИ, или как их теперь называют — ГИБДД. Никто не тронулся с места: орут, но помочь не хотят. Я уже замёрз, ведь в машине я ехал в костюме, а дублёнка лежала на заднем сиденье. Мелькнула мысль: хорошо, что я сейчас не в своём прокурорском мундире — затоптали бы, наверное, на месте, да и рёву было бы ещё больше. Ох, не любят у нас, когда начальство обижает старых и больных! Махнул я рукой на окружение и снова к старику:

— Дедуль, как тебе помочь? Куда везти: в больницу или домой? Где болит-то?

От некоторой растерянности я говорил много и излишне суетился. Старик, похоже, оправился от шока, прислонился спиной к машине и тянет штанину вверх, а там, на голени, громадный синячище, но крови нет. Он сам себя по синяку хлопнул — поморщился, но не закричал: цела, значит, кость, а то бы он всех этих горлопанов перекричал.

— Давай-ка, дед, в машину грузиться, а то замёрзнешь здесь. Куда надо, туда и отвезу...

Он молча встал и, прихрамывая, пошёл к машине. Сел сзади, прямо на дублёнку. Бог с ней! Я завёл двигатель и осторожно тронулся с места, оставляя растревоженную толпу на дороге, и уже в зеркале заднего вида увидел, как один мужчина записывал номер моей машины.

— Привет, прокурор! Попался! — со злорадством подумал я о себе. — Через час вся городская милиция будет ловить “девятку” с моими номерами. Сафари на прокурора — весёлое занятие.

— Дед, как себя чувствуешь? Голова не болит? — не оборачиваясь, спросил я тихо постанывающего старика.

— Да нет, сынок, нога вот только...

Про голову это я так спросил, для подстраховки. Я видел, что мой клиент головой не стучался ни о машину, ни об асфальт. Краски не сгущает дед, а это уже хорошо.

— Давай-ка я тебя в больницу отвезу, а то мало ли что...

— Ой, сынок, мне бы домой, — простонал старик и назвал адрес.

Вдруг словно молния пронзила мою болящую голову: человека сбил, с места происшествия уехал, не дождавшись ГАИ (или как их теперь называют), потерпевшего в больницу не доставил, не убедился, в каком состоянии он находится, очевидцев ДТП не записал, зато меня самого уже записали в преступники... Совсем сдурел, прокурор! Ну, а если помягче — просто подрастерялся, товарищ прокурор!.. Оно и понятно: не каждый день людей сбивать приходится! У меня этот случай вообще первый и, тьфу-тьфу! — дай Бог, чтобы последний был. Я остановил машину и повернулся к затихшему пассажиру.

— Вот что, дед, хочешь — не хочешь, а свезу-ка я тебя в больницу, в травмпункт. Так закон требует! Там тебя осмотрят, рентген сделают, а то мало ли что потом может обнаружиться... Поедем!

— Сынок, — жалобно протянул незнакомец, — дал бы ты мне рублёв триста на лечение да отпустил домой. Зачем я тебе?

Эти слова, было, насторожили меня, но нервное напряжение, а главное, боязнь упустить время отвлекли меня. Мне нужно было самому сооб-

щить в милицию о случившемся. Негоже, чтобы прокурора ловили по городу как нашкодившего жулика. Круто развернув машину, я поехал к травмпункту. Проезжать пришлось мимо места аварии. Там уже стояла милицейская машина, и ещё не успокоившиеся от пережитого очевидцы любезно делились своими впечатлениями с двумя милиционерами. Когда я проезжал мимо, все застыли в изумлении, а затем не менее десятка пальцев взяли меня на прицел.

— Попался, болезный! — кисло усмехнулся я в свой адрес и, не снижая скорости, продолжил путь в больницу. К её крыльцу я подъехал уже в сопровождении милицейского “уазика”, а когда помогал старику выйти из машины, то уже чувствовал за спиной дружеское дыхание милиционеров.

— Гражданин, пройдёте! — обратился ко мне младший лейтенант, положив руку на плечо. Страхнув её с себя и стараясь быть не очень резким, остановил его:

— А не лучше ли, лейтенант, сначала помочь доставить потерпевшего в больницу, а уж потом разборки устраивать?

Поддействовало, а говорят, что в милиции все несообразительные. Увидев милиционеров, старик сильно разволновался, не хотел даже выходить из машины. Я сначала удивился, но потом отнёс это на заложенную в генах “любовь” населения к родной милиции...

Пока моего невольного спутника врачи осматривали да высвечивали, я представился милиционерам. Среагировали адекватно, козырнули даже. Я пояснил, как всё произошло. Офицер что-то записывал, а к нам в коридор со снимком в руках вышел врач.

— Переломов, трещин в кости нет, — сказал он будничным голосом и кивнул на снимок. — Просто ушиб, но как-то странно попал он под машину, уж слишком аккуратно — нетипичный случай. Кстати, в прошлом месяце этот старик уже был у нас с такой же травмой...

Он зашёл в кабинет и через секунду вернулся с журналом в руках.

— Вот, смотрите, — он пролистнул несколько страниц и указал: — Шевчук Юрий Николаевич, 1925 года рождения... Ушиб ноги... только левой...

— Шевчук, Шевчук... — круглолицый старшина напряг свой недожженный ум, пытаясь что-то вспомнить, — знакомая фамилия...

В это время из кабинета врача в коридор вышел старик, но увидев нашу компанию, он явно растерялся, попятился, желая нырнуть назад, в кабинет врача, но я удержал его за рукав.

— Вот, доктор успокоил нас немного... — начал было я.

— Да, Юрий Николаевич, — подхватил травматолог, — сегодня вам снова повезло, но надо быть осторожнее: за месяц вы уже дважды побывали под машиной. И откуда у вас такая прыть? Прямо как у молодого козлика?

Он говорил это негромко, с явной иронией, а оттого старику было ещё неудобнее — как к стенке припечатал. В это время к нему сбоку осторожно подошёл рыжий круглолицый старшина и, страшно вращая глазами, рявкнул:

— Опять ты, Шевчук?!

Увидев его, пенсионер совсем растерялся, присел даже.

— Дак ить темно было и склизко, вот я и...

— В чём дело? — остановил я старшину.

— Да вы знаете, товарищ прокурор, этот шустрый дедок в декабре прошлого года тоже два раза под машины попадал... в моё дежурство это было. В первом разе-то даже синяка не было — испуг один получил, а вот во второй раз неудачка вышла — пальчик на руке сломал. Так или нет, Шевчук?

— ...темно и склизко было...

— Зачем же вы так, Юрий Николаевич, — растерянно спросил я, — что вас тянет на большую дорогу-то?

— А тянет его, товарищ прокурор, — снова с напором заговорил старшина, — самая прямая выгода: с первого водилы он взял 50 рублей, со второго — уже триста. И платят же, чтобы только он не заявлял! Я потом от них узнал случайно... Они же ещё и довольны были, что легко отделались...

Старик молчал, понурился.

— Во деятель! — продолжал бушевать старшина. — На рентген-то, наверное, сюда же приезжал?... В декабре это было...

— Не знаю, — пожал плечами врач, — не в мою смену было, за январь я вам показал, а за декабрь журнал уже в архиве...

— Ну, дед, даёшь! — воскликнул младший лейтенант, — это что же, как в цирке: смертельный номер!? А потом деньги берёшь?

— Точно так, товарищ лейтенант, — поддержал коллегу старшина. — Ну, что, каскадёр, может быть, и с нашим “уазиком” пободаешься? Я заплачу! — Он зашёл к нему с другой стороны и спросил с ехидцей: — А с товарища прокурора сколько возьмёшь?

Старик, и без того подавленный, весь затрясся и заплакал. Сейчас, когда ситуация прояснилась, моё напряжение пошло на убыль. Остановив жестом разошедшегося старшину, я отвёл старика в сторону.

— Ты что же это, Юрий Николаевич, со смертью в прятки играешь? Да ты же...

Не дослушав меня, старик зарыдал навзрыд, закрывая лицо руками, потом схватился за сердце, а врач метнулся в кабинет за нашатырём...

...Распрощавшись с милиционерами и врачом, я повёз чуть успокоившегося старика домой. По дороге, всё ещё всхлипывая, рассказал он мне о своей больной жене, о диком безденежье...

— Я ведь что, мил человек, чего козлом-то запрыгал? Сына уже два года найти не могу: уехал по каким-то делам в Москву — и с концами! Невестка быстренько развод оформила и замуж за другого, а сына своего, внука, значит, нашего нам с бабкой оставила. Он, видите ли, мешает ей жить с новым мужем. Тьфу, сволочь! Пенсия-то у меня добрая, ветеранская, так ведь платют не вовремя! Бабкина пенсия — куриные слёзы! А она у меня больная: один диабет чего стоит!.. Я ведь на войне так не прыгал под бомбами и снарядами, хотя и помоложе был... Эх, сынок! Знали бы мы тогда, что ждёт нас на излёте!... Вы уж простите меня, товарищ прокурор!..

Его лицо, изрытое морщинами, всё время не покидало виноватое выражение, а глаза всё ещё блестели влагой в отсветах уличных фонарей.

— А в милицию-то обращался с заявлением? Розыск объявили?

— Дак ходил я, как же, раза два-три, всё обещал участковому, ещё куда-то водили... Сказали, если, дед, что-то станет известно — немедленно сообщим, а так не ходи попусту. Не вытерпел я однажды, пошёл к участковому: а вдруг они что-то прознали...

— Ну и?..

— Ого, наш Виктор Петрович так сказал: если я тебя, старый болван, ещё раз здесь увижу, то придётся потом твоей бабке тебя искать, но она тебя не найдёт...

— Так и сказал? — едва сдерживая возмущение, спросил я.

— Так, так... да ещё добавил кое-что, да неудобно вам это говорить — вы человек грамотный, при должности...

— Юрий Николаевич, отлежитесь пару деньков и подходите ко мне со всеми своими документами, справками, расписками, возьмите с собой всё, что вам дали в милиции — разберёмся... Вот работнички!... — не сдержался я и, несмотря что “грамотный” и “при должности”, крепко выругался. — Обязательно зайти, Юрий Николаевич! Найдёшь прокуратуру Ленинского района?

— Да уж найду как-нибудь... Делов вот только много...

— А разве сына найти не дело?

— Так то оно так, да ведь два года уж прошло... Наверное, косточки его уж истлели где-нибудь на чужбине... А бабка всё ещё рубашки его стирает да гладит, словно он их носит... Повесит в шкаф, оглаживает их... вот эта — любимая Костина рубашка, а этот галстук он на свадьбу надевал... — Голос старика снова задрожал, и, похоже, он снова был готов заплакать, потому я решил сменить тему разговора.

— Значит, договорились — жду у себя в прокуратуре, не забудь, а то ведь у меня тоже “делов” много, могу закрутиться, да и всех нюансов дела я не знаю... Поговорим: чем могу — помогу!

— Кого не знаете? Нью... ню?..

— Ньюансы? Это... детали, значит, подробности...

— А, подробности... — с каким-то облегчением проговорил Шевчук.

— И вот что ещё, дед!... Вот что, Юрий Николаевич, — быстро поправился я, — вот вам триста рублей!...

Видя, как он отчаянно замахал руками, отталкивая деньги, я повысил голос:

— Юрий Николаевич, да не тебе даю, не за синяк, а жене твоей на лекарство, как человек человеку... Ну, люди же мы, наконец! Но только дай мне слово, что прекратишь безобразничать на дорогах, а то посажу — и не посмотрю, что старый!..

Шевчук молча соглашался, кивая головой в такт моим словам. Я засунул деньги в карман его пальто и повёл машину быстрее. Я что-то ещё говорил ему о друзьях и родственниках, о соцзащите и совете ветеранов — говорил, а сам мало верил в то, что кто-то из них действительно сможет ему помочь. И вновь я почувствовал, как ко мне возвращается ощущение глубокой вины перед этим старым и незнакомым человеком, дважды раненным на фронте, а сейчас бесконечно униженным и загнанным жизнью в безысходную нищету. Мои слова вряд ли убедили старика, но он перестал плакать, и уже это меня успокоило.

...Я остановил машину около его подъезда. Не без труда Шевчук выбрался из кабины, наклонился к моему окну с опущенным стеклом и сказал просительно:

— Уж не сердчайте на меня, ладно, не сердчайте? — И, сильно прихрамывая, пошёл домой.

...Прошло чуть больше месяца после того события. Старик, как я и думал, не пришёл ко мне на приём, а я, погрузившись в повседневную круговорот рабочих будней, вскоре перестал думать об этом, и долгое время ничто не напоминало мне о той аварии на зимней дороге. Но однажды после обеда в своём кабинете я просматривал местные газеты, и на последней полосе в рубрике “Хроника происшествий” мне бросился в глаза заголовок: “Ветераны гибнут под колёсами!” Я быстро пробежал глазами коротенький текст: “Вчера, 23 марта в Центральном районе нашего города на улице Свердлова в результате дорожной аварии погиб 74-летний ветеран войны Шевчук Юрий Николаевич... По данному факту возбуждено уголовное дело...”

Ещё не веря своим глазам, я взял сводку происшествий за предыдущий день и нашёл запись: “Шевчук Ю. Н. ...автомобиль “Москвич”... водитель задержан...”

— А ведь вчера не заметил, точнее, не обратил внимания! Каждый день столько всяких происшествий, что мы перестаём их замечать, как нечто простое, обыденное. А ведь за каждой такой строкой чья-то жизнь, чья-то судьба... Вот он — показатель нашей жизни. Плохой показатель!

— Вот и встретились, дед! — думал я, устремив безучастный взгляд в газету, а перед глазами ожила уже позабытая картинка: ночь, лежащий на льдистом асфальте старик с задранной штаниной, ревущие с перепугу очевидцы и я сам, растерянный и оцепеневший от случившегося...

— Что же ты слово-то не сдержал, дед? Ведь обещал оставить свое занятие — “смертельный номер”?.. — словно допрашивал я своего воображаемого собеседника. Потом мне вспомнился весь наш разговор в машине... А ведь он так и не дал мне тогда никакого слова. Я говорил, а он молчал, вот я сам себя и успокоил, как говорится, утешился! Казалось бы, чужой человек, чужая боль, но я всерьёз был огорчен вестью о гибели старика.

“Темно и склизко было... Не сердчайте уж на меня, не сердчайте!..” — Он словно бы утешал меня из своего небытия, а я, молодой и сильный, всё никак не мог взять себя в руки, не мог найти то решение, которое было бы единственно верным и оправданным в данной ситуации. Сын... Участковый... Да-да, конечно... Проверить...

...Я попытался отвлечься, взявшись за лежащие на столе документы, но что-то не давало мне уйти от этой роковой заметки. Я снова придвинул газету... Ах, вот в чём дело: возбуждено уголовное дело... водитель машины задержан, и ему грозит наказание...

Я ещё не знал, что буду говорить, но рука машинально набирала номер телефона моего коллеги — прокурора Центрального района...

АЛЕКСАНДР КАТКОВ

* * *

Это мы, Господи, ненавидящие друг друга,
Навесившие на грудь православный крест.
Почему мы не умерли, оцепенев от испуга,
Узрев содеянное в себе и окрест?

Это мы, стоящие в очередях за водкой,
Ожидаящие голода и гражданской войны,
Падающие в пучину каждый в своей подлодке,
Чтоб отлежаться поглубже от этой штормящей страны.

Ты отрёкся от нас, отмывая от копоти,
Лишая разума и Всевышней любви.
И вздохнуть некому: “Это мы, Господи,
Тобою забытые, грешные дети Твои...”.

* * *

Я ночью выломлю фрамугу
И закричу за рубежи
Уже единственному другу:
“Мой крест тяжёлый поддержи!”.

Наверное, мы что-то значим,
А коли так, над смертным рвом
По нашей Родине поплачем,
Стирая слёзы рукавом.

Ах, как мы раньше голосили
И ни о ком, и ни о чём...
Россия, девочка-Россия,
Прижмись и ты своим плечом.

И мы озябшими руками
Поднимем, донесём свой крест
Под грозowymi облаками
До дальних мест, до горних мест...

МОЛЕНИЕ О ЦЕНЗУРЕ

Боже, верни мне цензуру Твою,
Глас Твой оттуда, из раннего детства,
Чтобы не стать на последнем краю
Средь богохульства и непотребства.

Я не из тех, кто ни нашим, ни вашим,
Среди словесной этой пурги.
Дочку мою, эту девочку Дашу,
Ты, если можешь, — её сбереги.

г. Кемерово

ВЛАДИМИР СОРОКАЖЕРДЬЕВ

ДАЛЬНИЕ ЗЕЛЕНЦЫ

Скалы угрюмо-серенькие.
Камешки-леденцы.
Не утопают в зелени
Дальние Зеленцы.

— Было ли нынче лето?
— Грело чуть-чуть, слегка...
Это, друзья, край света —
кромка материка.

Море — у ног. Огромно.
Ветры порой — держись!
Зелени — очень скромно.
Так и проходит жизнь...

* * *

На фундаменте церкви вчерашней,
что не помним ни я и ни ты,
встала водонапорная башня.
Без воды — ни туды, ни сюды.

И гордились громадой такою.
Ворон пел: стало жить веселей.
Но за общей колхозной водою
что-то люди не стали добрей.

Видно, жгла незажившая рана
за паскудные чьи-то труды.
Одиноко в деревне без храма,
без него — ни туды, ни сюды.

...И живут ныне в памяти цепкой,
Как связующие провода,
эта башня и новая церковь,
И тропинки — туда и сюда.

г. Мурманск

СЕРГЕЙ ВАКОМИН

РАЗРЫВ

Войти отчаянно в вагон,
  где пахнет свежестью весною,
где сквозь открытое окно
  плывёт рассвет навстречу зною;
засунуть вещи под диван,
  смотреть в простор зеленоватый
и вспоминать, что ехал зря,
  что ты совсем не виноватый...

Хотя и было нелегко,
  в душе ворочалась обида.
Но — расставаясь поутру,
  ты даже ей не подал вида.

И вот теперь,
  войдя в вагон,
  когда рассеялись сомненья,
когда сияющий простор
  открыл тебе свои владенья,
вдруг ненароком ощутил:
  она с тобою, где-то рядом...
И чахлый вид осин вдали
  тебе вдруг показался садом.
Тем садом, что встречал тебя
  в росе и звёздах
  на рассвете;

Где ты накинул свой пиджак,
  на плечи ей —
  был сильный ветер.
И сердце торкнется — назад!
  И словно не было печали:
отворена калитка в сад — и всё воскресло,
  как в начале.

В ДЕРЕВНЕ

Наташе

...Я помню, как сильные птицы
в тот год улетали на юг,
чтоб ранней весной возвратиться
для новой любви и разлук.
Вот я, от восторга немея,
по житу бегу босиком...
Ах, время! Ценить не умея,
его окликаю тайком.
Всё кажется: утром росистым
бегу озорно по земле,
где рощи ольховые мглисты
и топятся бани в селе...

Бегу — по приветной, желанной,
а ветер в берёзах гудит...
И дедушкин дом деревянный
оплотом семейным стоит!
.....
Осеннего дня позолота
украсила землю с утра,
и где-то токуют
долота —
вернулись на Русь мастера!
О, детства весёлое время,
сегодня напомнило мне,
как в роще шумели деревья
и солнце купалось в стерне...

НА ВОЛОГОДЧИНЕ

*Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны...*

Николай Рубцов

Наважденье какое-то это:
всюду слышится
голос поэта!
Он зовёт,
он пророчит,
грустит,
жаворонком над полем —
звонит...
Тишина
по холмам и селеньям,
словно не было здесь никогда
ни беды,
ни других потрясений.
Те же ивы
и та же вода...
Тот же сумрак
над лугом струится,
лошадь белая щиплет траву,
Машет крыльями
вещая птица —
мир Поэта,
ты весь на виду!
вот и храм,
что казался виденьем,
нынче вновь
наполняется пеньем...
Да порой меж полями
в ночи
скачет всадник...
Кричи — не кричи...

г. С-Петербург

АНДРЕЙ КАНАВЩИКОВ

ПАРТИЗАНЫ

Оторвалась Россия, как тромб,
На границах кровавые раны,
Без землянок, подполья и бомб
Мы сегодня, как есть, партизаны.

Не надеется вражий десант
На покорность забитого росса.
И страшится опять оккупант,
Что слетят эшелоны с откоса.

Он глядит в темноту, где от пуль
Иль от звёзд огонёчки мерцают, —
Вдруг опять поведёт полицаев
За деревню советский патруль?

РАЗГОВОР

Сидели на кухне за чаем,
И вдруг — наподобье звонка:
— А знаешь, был дядька начальник
Уездной Мценской ЧК.

— Пстой!
Но чуть раньше я слышал,
Что мценский тот родственник твой
Хватил лагерей и вышку
Где-то за Колымой.

Чайку отхлебнул:
— Неважно,
Ну, что ж, что один был зека,
Брата родного сажал он,
Который из Мценской ЧК.

В копоты стыли иконы,
Крест выпадал из горсти,
Рodne золотые погоны
Брат из ЧК не простил.

Горел, ошибался, оружие
На ночь под голову клал,
Он верил, что так было нужно
Крепить душевный закал.

Когда ж в той кровавой бане
Слетел с революции нимб,
Был дядька лишён всех званий,
Расстрелян за перегиб.

А может, в сраженьи жёстком,
Где смерть искупленью близка,
Была нам жестоким уроком
Судьба человека ЧК?

Чтоб жить не для сытной кормушки,
Где важен лишь денежный клёв,
А помнить, что есть у нас Пушкин,
Есть Мусоргский, есть Королёв!

А если цинизм и двуличие
Зависнут стволом у виска? —
Мы вспомним красных опричников,
Начальников Мценской ЧК!

ВОЙНА

Взрыв... Осколки... Метро в огне...
И носилки у моргов плывут...
Я погиб в беспощадной войне,
Где нет правил и в плен не берут.

А потом я шагнул из окна,
Безнадёжность свою волоча,
Без работы, без дома, без сна
И с трёхзначным рецептом врача.

И от водки лихой захлебнусь,
Я уйду в деревенский запой,
Где давно уж рифмуется Русь
С лебедой да крапивой глухой.

Где нет пашен и скирд на жнивье,
Лишь бурьян да копеечный труд,
Гибнем мы в беспощадной войне,
Где нет правил и в плен не берут.

г. Великие Луки

ВАЛЕРИЙ АУШЕВ

МОРЕ СТАВИТ ЧЕЛОВЕКА

— Принимай, Архангельск-город,
Наш корабль из Холмогор!
По синеющим просторам
Резво движется гукор.

Одобрительно кивает
Ломоносову помор:
— Как тебя судьба кидает:
С малых лет — в крутой помол...
Ты, зуёк, пока подросток,
Но характером — в отца,
И сломить не так-то просто
В Белом море удалца!
Явишь коль слабинку в море,
Станешь к сиверко спиной,
Не бывать тебе в фаворе
В нашей службе ледяной,

Не обласканной, суровой,
Маятной день изо дня.
И в избушке промысловой
Не разжечь, коль слаб, огня...

— Мне бахвальство ум не гложет,
И зазнайство ни к чему,
По одежке встретят, может,
Да проводят по уму.
Я не кормщик, как мой тятя,
А вот сон и в штиль нейдёт
От раздольной благодати,
От лазурных, чистых вод...

Кораблём Михайло правит,
Укорачивая бег:
— Человека море ставит,
А сноровку — человек!

ПО КРОМКЕ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

Он в Кунсткамере указкой
Глобус нервно тормошил:
— Путь не кажется мне сказкой,
Я в него всю жизнь вложил!
Верю: кочи и гукоры —
Бороздить начнут просторы.
Право, будет день велик! —
Там, где берег лют и дик,
Где беспутные морозы
Море выстудить хотят,
А в безмолвных льдах торосы
Все опасности хранят.
Но в скурых лучах светила
Небездвижен океан.
В чём его могутна сила? —
Им самим ответ мне дан.

Быть не вечно же в остуде
Нашим северным морям.
И по ним пробьются люди
К новым землям и краям.
И в Китай дорога ляжет,
И в Ост-Индию придёт.
Зим российских пух лебяжий
Долетит до тех широт...

Чем короче в страны Света
Мы прокладываем путь,
Тем быстрее вся планета
Поспешит к нам заглянуть.
Пусть дивятся россиянам,
Что сметливы и крепки,
Что идут по океанам
Постигать материки!

г. Архангельск

ЕЛЕНА БАЛАШОВА

ПАПИН ВАТНИК

Сэконд-хэнд, сэконд-хэнд... — Барахло на продажу.
Как хотите: поштучно? А может, на вес?
Барахло из Европы, из Америки даже...
“Прочно, выгодно, дешёво”, — шепчет вам бес.

Мне припомнится папин поношенный ватник.
Он в любые согреет меня холода,
Потому что посажены мамой заплатки...
Не для форса — для жизни он шит,
для труда.

* * *

На зимнего Николу иду я к дядьке в гости,
А дядька — алкоголик, он жизнь свою пропил.
Шагаю я по тропке, шагаю через мостик...
Ну, мостик — это громко, — дощечка без перил.
У дядьки пусто в доме. Уехала старуха.
А нынче — именины, а сердце чем согреть?
А нынче он, конечно, как и всегда, “под мухой”,
Некрасова прочтёт мне и песни будет петь.

* * *

Распахнута душа навстречу сентябрю,
Последнее тепло прощальной ласки лета.
Я ничего не жду, я просто подарю
Всё, чем душа жива и чем ещё согрета.
На одичалый мир вот этот детский взгляд,
Быть может, станет он нечаянным открытием...
Я ничего не жду, я не вернусь назад,
Я просто лишь скажу: “Прощайте и — простите”.

Распахнута душа... Последнее тепло.
Как сладостно мне быть отчаянно свободной!
Лети, моя душа, ты встала на крыло,
И путь твой предreshён осеннею природой.

г. Чухлома

ВАЛЕРИЙ ТИХОНОВ

МАТЕРИНСКИЙ НАКАЗ

Никто не будет так переживать
за наши беды,
радости,
тревоги,
как мама.

Помню, выйдя провожать,
она сказала:

“Там смотри, в дороге...”...

Я, может быть, лишь этим и спасён, —
что до сих пор как будто на пороге.
Куда б судьбою ни был занесён,
я вспоминаю:

“Там смотри, в дороге...”...

Да, надо помнить, а не вспоминать —
тогда усталость не подкосит ноги.
...Какою силой обладала мать,
когда сказала:

“Там смотри, в дороге...”!..

ПОСЛАНИЕ ПОЭТУ

Вначале тихо звук всех нас коснётся,
А после — свет.
И жизнь вокруг полней осознаётся
С тобой, поэт.

Нам всё твердят, сощурясь нагло, вато,
Что жизнь — борьба.
А ты сказал, нам оставаясь братом,
Что жизнь — судьба.

Пусть будет слаще наслажденье звуком,
Пусть будет свет!..
Никто с порога не войдёт без стука
В твой мир, поэт.

В покое — вечность, вечность — не в покое,
За звуком — свет...
Что знаешь ты про нас про всех такое,
Скажи, поэт?..

г. Барнаул

ТАМАРА НЕЧАЕВА

НЕЗРИМАЯ ВОЙНА

Уже зима сугробы намела,
И небеса безжизненны и хмуры.
Чужое солнце не даёт тепла,
Свой мех пора отращивать из шкуры!

И ряженных по весям, городам
Охотники возьмут нас под прицелы.
Закон тайги — спасайся каждый сам,
Терпи её хозяев беспределы.

Жизнь без мечты, без правды, без идей!
А жили мы по совести и чести.
И каково нам из людей — в зверей,
В наш век последней сатанинской мести?

Здесь Лжи отец вознёсся над судьбой,
Меж братьями посеял он раздоры.
Но в атомах спасённая любовь
Откроет все темницы и затворы!

Дышал над нами Бога интеграл
И звал на бой, и звал на труд героя!
Две производные подсуетился, взял
Международный вор — с души и строя.

Под игом Русь, как много лет назад!
Антихрист здесь! Но он под маской друга.
И Минина с Пожарским ищет взгляд —
Тогда наш дом был шляхтою поруган.

Горит Восток! Но солнце в небесах
Закрыто тьмой, к нам с Запада ползущей.
Всем миром надо Родину спасти,
Пока играет стяг, к борьбе зовущий!

* * *

Она была куратором детсада
И принимала здание под ключ.
Здесь было всё, что только детству надо,
Ряд малых форм, бассейн, фонтана ключ.

Детей за символические цены
Растили в тех советских детсадах.
Но кто-то всё кричал про перемены
И поднимал Гулага пыль и прах.

И зажигал пожары Карабаха,
Готовил экономики застой.
И вся страна уже лежала в прахе,
Со дна поднялся весь людской отстой.

Тот детский сад давно уж стал борделем,
Та зав. детсадом тронулась умом.
Накрыло право на бесчестье селем
Отчизну, как Гоморру и Содом.

Горит душа народного героя,
Гиперборея и богатыря!
Я знаю, в мире не прожить без боя,
Как не сберечь заслуги Октября.

И в недрах, и в душе народа — жало.
Пьёт жизнь тоталитарный капитал.
А жизнь себя борьбою утверждала,
Об этом даже кроманьонец знал!

*г. Усть-Каменогорск,
Казахстан*

ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВА

* * *

*Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда...*

С. Есенин

Днём ясным — бельма ставен.
— Не ясно ль? — Дом оставлен.
И двор по грудь — травую-лебедой...
Дверь сорвана с петель —
Дуй, сорная метель! —
Повеяло нешуточной бедой.

В сенцах в прореху — течь,
Зияет раной печь,
Раззявлен подпол: половицы — вдрызг...
Что, милый мой, стряслось,
Зачем мне привелось
Разор увидеть? И без прав на иск...

А Солнце
    сквозь щелочку ставен
Гуляет на голом
    полу босиком...
Оставлен! —
    родной мой и мамин,
Единственный
    светлый наш дом.

Из дали в тыщи вёрст
Не убережь нам гнёзд:
Тош кошелёк, и жизнь-то — под уклон...
И ты приговорён —
Трёх поколений дом, —
Как ветхий, осуждён идти под слом.

И не спасти никак.
А здесь — мой первый шаг
И первый смех, и слово, и зубок...
Зарубкою: “Расти! —
Мне шепчешь. — Не грусти!
Не попрощавшись, я уйти не мог...”

А Солнце
    сквозь щелочку ставен
Гуляет на голом
    полу босиком...
Беды не поправим,
    и плакать не вправе,
Прости,
    мой единственный дом!..

* * *

*Русь — прадедам, Россия —
нам,
Вам — просветители
Пещер —
Призывное: СССР!..*

М. Цветаева

Я оказалась за границей,
Не выезжая никуда.
В нелепом сне могла присниться
Неумалимая беда.

Осталась только Украина.
Живое сердце — пополам —
Не мне одной, моя Марина...
Осмелилась... Сплошной бедлам —

Спросили, все переиначив,
Вновь оболванили народ.
Тысячелетий мало плача,
Лей вновь, Иван, и кровь, и пот!

В их море всплыть, жиреть надеясь,
Что им потомков Божий суд?!
Но Герострата славой греясь,
К Иудову концу придут.

г. Одесса

ЯРОСЛАВ КАУРОВ

* * *

Горят алмазно и хрустально
Сугробистые глыбы льда,
Зима ещё патриархальна
В провинциальных городах.

Снег, словно мех у норки, ровный,
И кажется, что через миг
Из переулочка на дровнях
Проедет мимо вас старик.

Здесь далеко до жизни шума,
И, полон неземных забот,
Монашек, погружённый в думы,
Крестясь, по улице пройдёт.

* * *

Судьбой неведомой ведомый —
На счастье или на беду —
Я пленник родового дома
И старой яблони в саду,

И удивительного света,
Что тихо падал сквозь листву.
И будет длиться, длиться это,
Пока смотрю, пока живу.

Пока пишу, пока мечтаю,
Мой старый дом, мой старый сад,
Как колыбель, меня качают
И что-то тихо говорят,

И охраняют это сердце
Минуты, месяцы, года...
И я хотел бы после смерти
Остаться с ними навсегда.

Н. Новгород

ВЯЧЕСЛАВ ЧИЖОВ

* * *

Я не от мира сего,
Я из деревни Починки,
Где среди туманных лугов
Детства застыли картинки.

Где-то пятнадцать дворов
Плотно сошлись на пригорках,
Стадо — с десятков коров,
Гуси галдят на задворках.

Мне забежать бы на миг,
Глянуть на тихую речку,
Там под ветлою родник
Дорог особо сердечку.

Домик напротив берёз,
Но до него не добраться.
Жгучей крапивой зарос,
Той, что все дети боятся.

Слышится звук со двора:
Там за дощатым сараем
Батя мой пилит дрова,
Молод и незнаваем...

Старой деревни той нет,
Как и друзей нет в помине.
В сердце остался лишь след:
Вспомню — и плачу доныне.

СНЕГ

“Ибо снегу Он говорит: будь на земле”
Книга Иова 37,6

Давно нас так не засыпала
Обильно благодать,
Что жизнь внезапно белой стала
И точки чёрной не видать.
Иной воскликнет: снег, мол, выпал
И изменил черты окрест.
Но суть явления не постиг он.
Ведь снег-то, снег-то — он с небес!
Лишь Бог знал тайну превращения,
Того, что мир вдруг просветлел.
Всё из души — от всепрощенья,
Всё от любви и добрых дел!

* * *

*“И вложил в уста мои новую песнь,
гимн Богу нашему”*

Псалтирь 39,4

Прощай, мой стих, как прошлый день!
Я отдаю себя молитве.
Пусть ты красив, но ты лишь тень
Происходящей в небе битвы.

О, как меня расслабил ты,
Во многом страстен и тщеславен!
Всё тайно пестуешь мечты,
Чтоб стал поэт в миру прославлен!

Молитвослов — духовный меч,
С которым я могу спастись,
От лжи он может уберечь,
Чтоб истинной любви предаться!

г. Новороссийск

АЛЕКСАНДР КЛИНДУХОВ

* * *

Я вышел из беды, подобно Ною,
Хотя и сам совсем не без греха,
И вот тогда склонились надо мною
Черёмуха, рябина и ольха.

Мне так легко дышалось, даже пелось.
И я стоял, как выпивший слегка,
И лишь не осуждали мою смелость
Черёмуха, рябина и ольха.

...Исчезнет свет над крышкой гробовою,
И чтобы смерть не так была горька,
Склонитесь над моею головою,
Черёмуха, рябина и ольха.

* * *

Села сорока на ель и качается,
Будто ей всё нипочём,
Будто и жизнь никогда не кончается —
Бьёт своим вечным ключом.

Только завидовать вроде бы нечему:
Тоже, наверно, тоска
Так вот сидеть и качаться на веточке
Ели на крае леска.

Тихо бежит родниковая чистая
Струйкою тонкой вода,
И распознать ту великую истину
Мне не дано никогда.

СВИДАНИЕ

*...И волшебная птица
над нами в тумане кричит.*

У. Б. Йейтс, 1926

Как всё было давно. Потеряв тому времени счёт,
Я лишь помню: темно, мы с тобою бредём на восток
И стоим у реки, у обрыва... Вода в ней течёт
До сих пор в ту же сторону справа налево, как сок.

У калитки стоим металлической, та же скрипит
Непонятно зачем, завывая, меня достаёт,
Словно всё понимая, какой-то заштатный пиит
Предлагает красавице первой столь странный полёт.

Годы тихо минули, свидания канул и след.
Мы, конечно, состарились, не поднимая на щит
Обстоятельства жизни, бредём на восток много лет,
И волшебная птица над нами в тумане кричит.

г. Киров

ВЛАДИМИР ПАРФЕНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗИМЕ

В хате космический холод
Лют, беспощаден и нем.
Был ли я в юности молод?
Что-то не помню совсем.

В тайнах сомнений былого
Все ли пути неясны?
Может быть, проще простого
Взять и спросить у жены?

Только в прошедшем далёком
Стоит ли дни ворошить?
Вдруг и порвёшь ненароком
Самую тонкую нить.

*с. Торбеево,
Калужская область*

АЛЕКСЕЙ БОРЫЧЕВ

ТЕРПЕНИЕ

Когда воцарился безумный царёк,
Восславились двое — Курок и Ларёк, —
Народы молчали.
Народы молчали, когда на войну
Бессмысленно выродок кинул страну.
Все были в печали.

Народы молчали... молчат и теперь,
Когда государство окрепло, как зверь,
Оскаливши зубы,
Готово бедою потешиться всласть! —
Такая уж чёрная дикая власть, —
Работает грубо...

И снова беда за бедою растёт,
И вновь у подъездов толпится народ,
Несчастный, забитый!
Века он молчал, и теперь он молчит!
Терпения нить — натянута — скрипит:
Ничто не забыто!

А ежели вдруг оборвётся она —
Узнает героев родная страна...

г. Москва

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ИЗ ДНЕВНИКА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

У меня никогда не хватало терпения вести дневник, хотя такие попытки я предпринимал ещё в школьные годы.

Мне было больше по душе и естественнее, когда приходила какая-то мысль, или на меня производила сильное впечатление некая встреча или картина жизни, или когда я гневался или радовался по поводу чего-либо прочитанного или услышанного, записывать свою оценку происшедшего на клочке бумаги, на форзаце книжки, на бумажной салфетке, на полях газеты... Слава Богу, что у меня сохранились в особой папке целые вороха подобных записей, сделанных не в тишине рабочего кабинета под настольной лампой, а, как говорится, на коленке, которые я с трудом прочитал, переписал, отредактировал и теперь выдаю за страницы дневника, написанного приблизительно за последнее десятилетие.

* * *

Май 2001 г.

Как-то Вячеслав Клыков, крестьянский сын, позвал меня в Питер на съезд монархистов... Он был вождём этих ребят и организатором съезда.

Выступали они в каком-то небольшом зале дружно, все хвалили монархию и в ней одной видели спасение России. На дворе стоял 1994 или 1995 год... Неожиданно Слава пригласил на трибуну меня. Я вышел и спросил зал, какую монархию они хотят – конституционную, от которой в 1905 году начались все беды государства Российского, – или Самодержавную.

Все завопили: самодержавную! Когда вопли утихли, я сказал: ну, тогда придётся восстановить и крепостное право, потому что без него самодержавие – обман и пустой звук...

В зале повисла тягостная тишина, и Слава, спасая положение, объявил перерыв.

Дальше всё покатилося в спорах, криках, раздорах, которые продолжились в поезде аж до самой Москвы... Все кляли меня, разрушившего единство рядов, а я в завершение переругался с Михаилом Назаровым.

Словом, идея монархии была похоронена. А сейчас я хочу добавить к тому, что произошло в Питере, следующие размышления. Расцвет России в конце XIX — начале XX века: рост населения, укрепление золотого рубля, подъём сельского хозяйства, строительство Великого Сибирского пути и прочие достижения прогресса свершились лишь потому, что в это время страна “проедала” наследство двух самодержавных столетий так же, как нынешняя демократия проедает уже 20 лет накопленное с конца 20-х годов советское сталинское наследие. Вы хотите самодержавия — а вам посадят на трон еврейчонка Георгия. Вы обижаетесь на меня за то, что я назвал Колчака “агентом влияния” западных сил — идите и смотрите на “жидовском”, как Вы его называете, телевиденье киноэпопею “Адмирал” и подумайте о том, зачем “жидовскому” телевиденью впаривать в ваши мозги образы, мысли и сюжеты эффектной кинофальшивки.

Не лезьте в эти ловушки, Два раза в одну реку войти нельзя, ни в романовскую, ни в сталинскую. Нам надо напрячь все силы, чтобы спасти Россию и выстроить новую жизнь без романовского крепостного права и без сталинского НКВД. Задача невиданной сложности. Но, как сказал Юрий Кузнецов: “Зачем вам старые преданья, когда вы бездну перешли?”

А Колчак — сам по себе достоин уважения. Смелый офицер, принявший красивую романтическую смерть.

Но всё равно никуда не денешься от грубого гласа народного, когда о нём, окружённом английскими, французскими, чешскими советниками, народ сочинил частушку: “Мундир французский, погон японский, сапог английский, правитель омский”...

* * *

Октябрь 2004 г.

В Иркутске ругался со своими друзьями-патриотами “колчаковско-влазовского” разлива, обливающих “патриотическими” помоями эпоху социализма и нашу Великую Отечественную, нашу Победу. Ну как они не понимают, что Германия 1914 года была во много раз слабее Германии года 1941-го. У кайзера в союзниках была одна Австро-Венгрия, а у Гитлера десятки государств фашистской и полуфашистской Европы. Германия 1914 года с первого дня войны имела мощнейший второй англо-французский фронт в отличие от гитлеровского Рейха, который со “вторым фронтом” столкнулся лишь в 1944 году.

Россия же 1914 года с точки зрения нынешних “национал-демократов” была мощнейшей державой, заваливавшей хлебом и маслом чуть ли не всю Европу, страной, где прошли благотворные столыпинские реформы в то время, как социалистическая коллективизация подорвала могучее российское крестьянство; прирост населения к 1914 году был колоссальный, казачество было в расцвете сил, никакого ГУЛАГа, никаких репрессий не было, валюта была самая твёрдая в мире; 1914 год — начало войны — воодушевление общества: “кричали женщины “ура” и в воздух чепчики бросали!” — в отличие от угрюмо-молчаливого состояния советских людей в июне 1941-го...

Однако в Первой мировой с первых дней мы выглядели не лучше, чем в июне 1941-го сдали Польшу, сдали Прибалтику, три года войны то отступали, то топтались на месте при единственной попытке перехватить инициативу. Угробили армию Самсонова в прусских болотах, падали духом, не имея никаких твёрдых шансов на победу, в тылу постепенно начиналось моральное разложение... Ну был единственный локальный — брусиловский прорыв — и всё, а когда пришло к власти масонское Временное правительство, то разложение в армии достигло апогея.

Словом, начиная войну в благоприятнейших по сравнению с 1941 годом условиях, Россия через четыре года представляла из себя совершенно разложившийся организм — и государственный, и военный, и экономический, и культурный, и религиозный...

А в 1941–45-м гг. мы по всем направлениям становились крепче, увереннее, могущественнее – и всё закончилось величественным реваншем социалистической державы за поражения державы монархической, длившиеся с 1905-го по 1918 год. . . Мы вернули всё: Прибалтику, Сахалин, Курилы, Молдавию. Вернули, несмотря на ГУЛАГ, коллективизацию, репрессии в армии и т. д. Почему? Потому что преодолели отставание на 150 лет от “передовых стран Европы” за 10–15 лет, потому что цементировали общество советским патриотизмом, потому что вырастили новое поколение новых людей. . .

*Я строил окопы и доты,
Железо и камень тесал
И сам я от этой работы
Железным и каменным стал, —*

писал выдающийся поэт мобилизационной эпохи Ярослав Смеляков.

*Где нашёл он таких генералов
И таких легендарных бойцов? —*

писал о Сталине выдающийся поэт белой эмиграции Александр Вертинский. Наше отступление летом 1941 года закончилось великим парадом 24 июня 1945 года, когда знамёна вермахта летели к подножию Мавзолея. . . Конец – делу венец. . . А наши колчаковско-власовские патриоты все талдычат о великой России 1914 года и проклинают Советскую эпоху. . . Да протрите же вы глаза, в конце концов!

* * *

Август 2005 г.

Рыбачил на Ахтубе. Моим егерем был местный человек по имени Миша. Мы блуждали на моторной лодке по протокам, заросшим камышом, в поисках судака и щуки, а во время передышек и перекуров он рассказывал мне, как его посёлок жил раньше и как живёт сейчас.

– Были в нашем посёлке при Советской власти два детсада, завод по ремонту техники, два клуба – зимний и летний. Круглый год шло разное строительство. Была работа и зарплата и для мужчин, и для женщин. Была техника – трактора, автопарк, помидорные и арбузные плантации. А теперь всё исчезло. Живём только рыбой.

У Миши грустная улыбка. Когда он улыбается, видны его гнилые зубы. Он понимает, что я их вижу.

– Зубы не могу вставить. Потрачусь на зубы – есть будет нечего. Зарабатываю только на хлеб и макароны. А чтобы купить чего дочке – ей четырнадцать лет – и думать нечего. Раньше, когда женщина рожать собиралась, врачи с неё глаз не спускали. А теперь – рожай хоть на улице. Мы, оказывается, жили при коммунизме, да не знали этого.

– А как ты советскую власть вспоминаешь?

– Только добром!

– А вернуть её хочешь?

– Это было бы счастье, да только уже ничего не получится.

Мише лет тридцать пять. Он худой, жилистый, в чёрных очках, с гнилыми зубами и печальными шутками. Всё, что он рассказывал, я видел в деревне Кулой в центре северной Архангельской области. Там стоят около ста громадных домов. Половина из них с проваленными крышами, из некоторых домов тянутся вверх тощие берёзки. В этой деревне за пятнадцать лет рыночной демократии исчезли почта, детсад, клуб, медицинский пункт, магазин. . . А в середине 80-х здесь ещё был совхоз, в котором насчитывалось около трёхсот голов крупного рогатого скота. Совхоз кормил мясом весь Пинежский район. А теперь пастбища заросли бурьяном, крыша кирпичного коровника провалилась, а здание срубленного из местной корабельной сосны клуба купили за бесценно какие-то южные люди, раскатали по брёвнышку и увезли неведомо куда. . .

* * *

Ноябрь 2005 г.

Написал гневное письмо своему тёзке, с которым то воюю, то мирюсь все жизнь – Станиславу Лесневскому. Вот он, текст этого письма.

“Здравствуй, Станислав!

Возвращаю тебе твою книжечку “Польская муза и русские поэты”, которую ты составил, издал и прислал мне в подарок. Без стихотворений Пушкина “Клеветникам России”, без его “Бродинской годовщины”, без великого тютчевского “Как дочь родную на закланье”, без блоковского “Здесь всё что было, всё что есть, надуту мстительной химерой”, без мандельштамовского “Поляки, я не вижу смысла” твоя книжечка выглядит не просто конъюнктурной, но в культурном смысле недобросовестной, а если говорить прямее – то лживой и лакейской по отношению к шляхте.

А ещё можно вспомнить пушкинское: “Ты просвещением свой разум осветил”. Твоя антология не только “прошляхетская”, но антипушкинская, и ты ещё говоришь, что любишь Кожина, к вдове в гости заходишь, на днях его рожденья бываешь. Да он бы (если бы познакомился с твоим изданием “русско-польской антологии”) при всей своей толерантности руки бы тебе не подал. Плохой ты филолог, недобросовестный, нечестный, совершающий подлоги. Не знаю только, во имя чего. Не во имя ли “страха иудейска”? Не надо мне, чтобы ты в своём издательстве издал мою книгу. Ты ведь её изуродуешь. Отвергаю твоё предложение об издании каких-то буклетов к моему юбилею. Глупо так позорить себя на закате жизни.

Станислав Куняев”.

* * *

Ноябрь 2005 г.

На НТВ спорят друг с другом Алексей Шохин и Сергей Глазьев. Шохин утверждает, что результаты приватизации не могут быть пересмотрены, поскольку она была проведена по законам того времени.

Глазьев возражает, но как-то неубедительно, говорит о деталях, частности, о двусмысленности законов. А надо бы сказать так: приватизация была проведена мошенниками по мошенническому закону, ими же принятым. И вообще ссылки на законы прошлого времени – дело опасное. Законы быстро ветшают, обнажая заключённую в них несправедливость, корыстную сущность и алчность узкой касты заинтересованных в них людей.

Преследование евреев в гитлеровской Германии опиралось на “нюрнбергские законы”. Ну и что? Человечество победило гитлеровский расизм, и никто теперь даже заикнуться не может, что, мол, всё, что творилось в Германии 30-х годов, “опиралось на законы”, а значит, должно оставаться в силе.

По средневековым законам ведьм на кострах сжигали. Так что законы, по которым проходила приватизация, есть пыль историческая. Это не скрижали Моисея и не новозаветные заповеди, не суры Корана и даже не кодекс Наполеона. Ссылки идеологов перестройки на то, что приватизация, разгосударствление, залоговые аукционы и прочие способы грабежа были совершены по законам 90-х годов и потому не подлежат пересмотру – смешны. В таком случае можно утверждать, что все репрессии сталинской эпохи, все знаменитые процессы 1937 года проходили в соответствии с законами того времени, согласно решениям судов, в присутствии адвокатов, журналистов и даже публики. Однако приговоры этих законных органов власти были аннулированы и объявлены незаконными – одни через 20 лет в эпоху “оттепели”, другие через полвека, в эпоху перестройки, репрессированные граждане были реабилитированы, а это подтверждало тот факт, что человеческие законы не вечны. Поэтому ничего удивительного не будет, если то же самое произойдёт с приватизаторами и их якобы законно приобретённой собственностью. Примем новые законы и национализируем всё “законно награбленное”.

23. 4. 2006 г.

Чиновник от дипломатии некто Шилов-Коведяев и Шендерович беседуют о том, что Ельцин велик, потому что не допустил в России югославского варианта, а следовательно, кровопролитной гражданской войны.

Вздор! Югославия была насильно сколочена из враждующих племён и народов частично после Первой мировой войны, а окончательно после разгрома тысячелетнего Рейха и освобождения Восточной Европы советскими войсками.

В одно противоестественное государственное образование были объединены вечно враждующие между собой на Балканах хорваты и сербы, македонцы и албанцы, мусульмане и христиане, православные и католики.

Этому неорганическому сообществу исполнилось всего лишь 45 лет, когда в начале 90-х годов прошлого века оно начало разваливаться.

А нашему государству, созданному из многих народов, объединившихся волей истории в одно целое, было в разных его частях когда по несколько столетий, когда как минимум по 200–250 лет... За эти столетия мы сроднились, срослись в одно целое, что и подтвердил референдум о судьбе СССР 1991 года. Такой монолитности, которая выдержала величайшую в истории человечества войну, не было в Югославии. Потому-то у нас не могло быть “югославского варианта” с сербско-хорватской резнёй во время войны 1941–1945 г. с вырезанными глазами и отрубленными головами... Врут и не краснеют.

Круглый стол у Познера. Идёт разговор об истории. Виктор Ерофеев о Советском Союзе:

“Освобождение от империи – это радость. Распад Союза – это радость, а не трагедия. Все соседи радуются этому освобождению”.

Абхазия, во всех школах и музеях которой висят фотографии молодых людей в чёрных рамках, павших в борьбе с грузинскими колонизаторами, “радуется”, Южная Осетия, пережившая два кровопролитных нападения, – тоже радуется. Особенно искренне и благодарно радуются изгнанные из Карабаха армянскими боевиками азербайджанцы и растерзанные в отместку за это изгнанные сумгаитские армяне. Радуются в Грузии гальские грузины, изгнанные за погромы, которые творили грузинские бандформирования в 1991–1992 годах, радуются похороненные в братских могилах жители Приднестровья, погибшие во время бесчинств молдавских националистов в Бендерах, радуются киргизские, таджикские, узбекские рабы, стоящие толпами у выезда из Москвы на Ярославском шоссе, готовые за копеечную плату на любую чёрную работу. Радуются распаду Советского Союза сотни тысяч русских людей, изгнанных из Чечни, радуются десятки тысяч чеченцев, погибших в братоубийственной войне, организованной Ельциным и Гайдаром, Березовским и Черномырдиным. Радуются Ерофеев и Сванидзе, Швыдкой и Познер, получившие в своё распоряжение телеканалы, телестудии, телепрограммы, словом – всю четвёртую власть над “радующимся” народом.

Этот разговор, который шёл под рубрикой “History”, был продолжен неким телеведущим, якобы потомком Льва Толстого, носящим знаменитую фамилию своего предка. Потомок заявил: “Семьдесят лет нас учили, что история старой России это – мрак, преступления, чёрная дыра”. Ну и дрянь невежественная! Надо бы ему, потомку великого не только писателя, но и историка, знать, что уже в 1936 году опера “Богатыри” были сняты с репертуара Большого театра за искажение русской истории и за глумление над нею, и что любимец партии автор либретто Демьян Бедный был за клевету на отечественную историю исключён из партии, а также изгнан из кремлёвской квартиры.

Надо бы недостойному потомку Толстого знать, что в предвоенные годы вышли знаменитые кинофильмы о Суворове, Нахимове, Кутузове, Александре Невском, Минине и Пожарском. А речь Сталина 7 ноября 1941 года с при-

звонком вспомнить великие имена русских полководцев? А роман Алексея Толстого “Пётр I”, или книга Сергеева-Ценского “Севастопольская страда”, или роман А. Степанова “Порт-Артур” (все они были удостоены Сталинской премии) – это что, “чёрные дыры”? А труды об отечественной истории Б. Рыбакова, Д. Лихачёва, В. Кожина, Л. Гумилёва, Ф. Нестерова и многих других историков – это что, книги, полные “мрака”? Я уж не говорю о всенародном пушкинском празднике 1937 года, о романе “Тихий Дон”, написанном в “советское 70-летие” и тем не менее удостоенном Нобелевской премии. Да бедный Лев Николаевич в гробу, наверное, перевернулся, узнав о том, как выродилась его фамилия в лице невежественного и наглого телевизионного комментатора!

Ночью по программе “History” показывали фильм о войне 1941–1945 годов, и комментатор произнёс: “Это была битва тиранов!” Ах ты, лжец! Это была Отечественная война за право нашему народу жить на своей земле. В фильме столетний карикатурист советской эпохи Борис Ефимов (Фридланд) мелет одну глупость за другой: “Сталин был помешан на мелочах и даже исправлял тексты под карикатурами”; “28 января 1953 года с ним случился приступ, и он умер”; “Сталинский лагерь на Соловках прекратил своё существование только после распада коммунизма”.

Английский фильм, английский комментатор, английское высокомерие и английские глупости.

Но показывают-то нам!

* * *

4. 12. 2006 г.

“Собрались книжники и фарисеи”... Против Иисуса Христа был заговор иудейской знати. Не народ, не феллахи и рыбаки, не крестьяне предали его, не простонародье, которое называло его “равви” – то есть учитель. Его предала иерусалимская “болотная площадь”, во главе которой стояла знать. “Лучше пускай погибнет один человек, нежели весь народ!” – кричала она в лицо Пилату. И была права, потому что смена иудейской расистской веры на общечеловеческую христианскую, конечно же, была преображением народа, изменением его коллективной души столь глубоким, что фарисеи пронизательно сравнивали эту перемену со смертью и не хотели никакого преображения и воскрешения народа в новом образе, на “новой земле” и под “новым небом”.

От российского помазанника Божьего в первую очередь отреклась элита: семья Романовых, генералитет, интеллигенция, клир, который тут же перестал молиться за него. “Измена. Трусость. Обман” – это ведь сказано Николаем Вторым о ближайшем окружении. Не о простонародье. Простонародье в 1905 году шло к Зимнему дворцу с иконами.

Быть коммунистом для будущего еврейского диссидента Семёна Липкина во время войны означало быть в состоянии, близком к религиозной общине. О ренегатах он писал как о вероотступниках, в панике отказывающихся при приближении гитлеровцев от истинной веры:

*Когда фарисеи и книжники
билеты партийные жгли...*

Изменников коммунизму верующий в коммунизм поэт Семён Липкин назвал “фарисеями и книжниками”, а коммунисты настоящие в этой системе образов для него являлись как бы приверженцами Христа.

Однако никакие подобные аргументы не помешали Липкину через несколько десятилетий подкастаться от коммунистической веры, а его одноплеменнику Марку Захарову сжечь партийный билет перед телезрителями. Семён Липкин, сам ставший ренегатом, потерял право прочитать Марку Захарову своё стихотворенье о фарисеях и книжниках, сжигавших страха ради иудейска свои партийные билеты летом 1941 года, чтобы тевтонско-римские Пилаты не послали их на Голгофу, то есть в какой-нибудь Освенцим.

Июль 2007 г.

Начался 2007 год, и антироссийские СМИ надрываются по поводу масштабных “сталинских репрессий” 1937 года.

По радиостанции “Свобода” 27.7.2007 директор Соловецкого музея некто Бродский сообщил, что через Соловки прошло около одного миллиона заключённых, и добавил: “Генофонд страны”. Сразу же после этой передачи корреспондент “Свободы” обратился к жителям Самары на улице с вопросом: “А сколько всего было репрессировано при советской власти народу?” Он не уточнял, кого имеет в виду – уголовников или политических. Такое уточнение было ему невыгодно. Самарские обыватели, естественно, не скупилась на цифры. “Может быть, миллионов пять”, – сказала одна дама. “Если считать с войной (!!), то миллионов пятьдесят”, – уточнила другая. “Миллионов тридцать, не меньше”, – сообщила третья. “От двадцати до сорока миллионов”, – подытожила четвёртая. Когда женский потенциал был использован, корреспондент разыскал одного мужчину, который мрачным голосом как отрезал: “Процентов 80 населения было репрессировано, из которых расстреляно несколько миллионов”...

Такой опрос на улицах, на ходу, на бегу людей, наслушавшихся той же самой “Свободы”, есть кощунственный способ распространения самых чудовищных слухов, самый злостный способ распространения клеветы и дезинформации. О такого рода приёмах Вадим Кожинов писал:

“Если верить некоторым книгам о 37-м годе, то к 22 июня 1941 года все взрослые мужчины в СССР были расстреляны или находились в лагерях... Все и немного больше”.

В июне 2007 года ТВ устроило встречу съёмочной группы, которая снимала фильм “Завещание Ленина”.

На встречу был приглашён профессиональный диссидент Григорий Померанц, громкогласно заявивший, что при Сталине в лагерях сидело 19 миллионов человек, а 7 миллионов политических было расстреляно. Но все честные историки, изучавшие сталинскую эпоху – от нашего В. Кожинова до американского исследователя В. Максудова после того, как были обнародованы документы, касающиеся деятельности ЧК–ОГПУ–НКВД и организации ГУЛАГа, сходятся во мнении, что с 1921-го по 1956 год было арестовано и сослано в лагерь по политическим мотивам не более 2,5 миллиона граждан, и что за этот период было вынесено около 700 тысяч смертных приговоров, но и они не все были приведены в исполнение.

Можно лгать, но не так чудовищно, преувеличивая число заключённых в семь раз, а число расстрелянных в десять!

Сколько же можно злословить относительно того, что СССР, Сталин, советский строй были разгромлены в первые месяцы войны! При этом все эти якобы историки в упор не видят того, что Франция – мощнейшая европейская держава – была смята вдрызг за 4 недели, Польша – тоже по европейским меркам сильное государство – за одну неделю; что американская разведка проморгала чудовищный погром своего флота в Пёрл-Харборе.

А если вспомним конец 1944 года? Высадка союзников через Ла-Манш в Арденнах. Трёхмиллионное войско – и поражение не менее сокрушительное, нежели у нас в первые месяцы войны. На вопль Черчилля о помощи, о контрнаступлении советских войск на Востоке Сталин отреагировал сразу, как умный и надёжный союзник, и приказал начать внеплановые наступления в Пруссии.

Наши сванидзы ужасаются потерям советских войск, проклинают Жукова, якобы “не жалевшего солдат”, а с октября 1944-го по май 1945-го англо-американцы потеряли полмиллиона человек! И это при истощённой и уже полуразгромленной Германии!

* * *

Ноябрь 2007 г.

Разговор с Николаем Ивановичем Рыжковым.

“Ваша книга, — сказал Рыжков, имея в виду мои воспоминания “Поэзия. Судьба. Россия”, — подтолкнула меня на воспоминания. Впрочем, потихоньку я их уже записывал... Получилась у меня история разрушения великой державы — Алма-Ата, Фергана, Баку, Карабах — словом, национальные отношения. Глава о Баку получилась раньше других. Но пока был жив Алиев, я её не публиковал. Он не раз приглашал меня к себе. Я обещал, но знал, что не поеду. Обязательно повели бы к аллее павших героев, а это те, кто стрелял нам в спину в январе 1991 года.

А ещё, Станислав, что я хочу Вам рассказать. Я был свидетелем одного разговора, Вас касающегося.

Провожали мы Горбачёва — из Внуково-2 он улетал. Ну, как положено, члены Политбюро, кандидаты, и я среди них. Я подошёл к Горбачёву, когда он разговаривал с секретарём ЦК по идеологии Медведевым. Медведев ему говорит, что стоит вопрос о главном редакторе журнала “Наш современник”, и Вашу фамилию называет. На слуху она была. Медведев спрашивает Горбачёва — что делать? Опасная кандидатура, националистического склада человек, антисемит, как бы не повёл журнал куда не надо... Горбачёв, верный себе, от прямого решения отказался и произнёс: — Думайте сами, раз есть вопросы. — Я был далёк в то время от этой сферы и не вмешивался в неё. Это была монополия Яковлева”.

На этом разговор с Рыжковым закончился, о дальнейшем развитии событий “архитектор перестройки” А. Н. Яковлев так пишет в своей книге “Омут памяти”:

“Через некоторое время Викулову всё-таки пришлось уйти из редакции. Но, к сожалению, нормального, уравновешенного, авторитетного человека туда назначить не удалось. Бондарев специально посетил Горбачёва и настоял на назначении редактором “Нашего современника” Станислава Куняева, человека нетерпимого, превратившего журнал в один из антиперестроечных рупоров” (“Омут памяти”. М., Вагриус, 2000, стр. 264).

По одной из версий, разговор Яковлева с Горбачёвым о моём назначении происходил так. Яковлев был категорически против моей кандидатуры, но Горбачёв якобы нашёл следующие аргументы:

— *Саша! Я выполнил твою просьбу о назначении Коротича главным редактором “Огонька” и Бакланова главным редактором “Знамени”. Ну давай русским бросим эту кость — “Наш современник”.*

* * *

3.11. 2007 г.

Поистине кино “важнейшее из искусств”, как сказал Ленин. Кино может оболванить половину народа — вспомним “Санта-Барбару”, может воодушевить на подвиги в роковые времена — вспомним “Чапаева”, может подвигнуть миллионы зрителей к сопереживанию народной или личной высокой трагедии — вспомним “Тихий Дон” или “Калину красную”.

Кинокартина о Сергее Есенине — одновременно и возмутительная, и лживая, и в то же время по-своему трогательная. Современный обаятельный желтоволосый плейбой — пьёт, гуляет, крутит романы, льёт слёзы, хулиганит. Но нигде или почти нигде мы не понимаем, почему он стал великим поэтом и почему самые пронциательные современники считали его, как и Пушкина, “умнейшим мужем в России”. В сущности, младший Безруков в “Есенине” как бы играет продолжение роли, освоенной им в “Бригаде” — обаятельного авантюриста, почти негодяя.

Конечно, кино — грубое искусство, порой до идиотизма упрощающее и жизнь и судьбу, в отличие от высокой литературы.

И всё же, всё же... отдельные искорки правды, иногда мелькающие на телеэкране, хочешь — не хочешь, а заставляют нас задуматься о высокой и печальной трагедии есенинской жизни. И мы погружаемся в чувства и раз-

мышления о нём. В свои чувства и размышления. Не безруковские. Может быть, иные зрители, поглядев фильм, возьмут в руки нашу с сыном “жэзэ-эловскую” книгу и прочитают настоящую судьбу Есенина. И на том спасибо. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

* * *

28.12.2007 г.

Какой-то антифашист, выступающий на радиостанции “Свобода”, возмутился, что на скинхедовском сайте был выложен текст:

*Я лётчик люфтваффе,
я в небе лечу,
я красные звёзды
в прицеле ищу.*

А чего возмущаться? Советские красные звёзды, где бы они ни были, – на кремлёвских башнях, на воинских знамёнах, на надгробьях наших солдат, разбросанных по всей Восточной Европе, – вот уже два десятилетия обливаются демократическими помоями во всех средствах массовой информации, оскверняются ядовитой слюной, изрыгаемой из уст Новодворской и Сергея Ковалёва, Сванидзе и Пивоварова... Всех не перечислишь, как говорится, “имя им – легион”.

Вот и научили наши демократы несчастных скинхедов науке ненависти и глумления. За что боролись, на то и напоролись.

* * *

10.5.2008 г.

– Станислав Юрьевич! Это Вам звонит Валентина Николаевна из Кусы. Не обижайтесь на меня, Вы человек очень занятой, я Вас от дел отрываю...

– Ну что Вы, Валентина Николаевна! Я всегда рад слышать Вас. Как Вы там живёте на южном Урале?

– Да трудно, Станислав Юрьевич. Безработица... Был один заводик, где водку делали, да и тот закрылся... Народ с потухшими глазами ходит. Разве такие будут Ваш журнал читать? Им ни до чего дела нет. А за журнал всё равно спасибо. Он, несмотря ни на что, светит, души излечивает, которые ещё не до конца отчаялись...

Валентина Николаевна всю жизнь проработала в маленьком городке Куса библиотекарём. Несколько лет тому назад впервые позвонила мне по телефону и рассказала, что по здоровью, да и по годам вышла на пенсию, но библиотеку не бросает, проводит там всяческие литературные конкурсы, викторины, недавно испытывала своих читателей, кто из них знает героев повестей Валентина Распутина, и рада тому, что многие старшеклассники показали хорошие знания распутинской прозы, а потому она меня просит, чтобы я прислал в Кусу несколько книжек Валентина Григорьевича с его автографами. Она будет этими книжками победителей награждать.

Когда мы несколько лет тому назад начинали наши телефонные беседы, я спросил её, какую пенсию она получает, и ахнул: так Вы же полпенсии со мной проговорили! Но она не умеет говорить кратко, по-деловому, ей нужно по душам поговорить.

– Я рада, что Вы в Иркутске у Распутина побывали. Он у меня со своей дочкой Машей сфотографированный на стене висит. А рядом с ним Достоевский, Шукшин, Юрий Власов, Коля Бурляев. Тут же мои мама, папа, братья... целая семья... Нас много! Спасибо за журнал. Только вот и у Вас иногда печатается такое, что я не могу уговаривать своих знакомых, чтобы они подписывались на “Наш современник”. Вот у Личутина в очерке была частушка с матерным словом. Не надо этого, Станислав Юрьевич...

Голос у неё тихий, застенчивый, ей не хочется меня ни в чём упрекать, но совесть промолчать не даёт... У неё есть в маленькой Кусе свои питомцы.

– У нас, Станислав Юрьевич, существует литературное объединение “Кусинские зори”. На днях юбилей будем отмечать. Очень прошу Вас – пришлите телеграмму. Поздравьте нас, а я Ваше поздравление зачитаю. Вы не пред-

ставляете, как такие слова нам нужны. Ведь столько людей вокруг ходят с потухшими глазами... Храни Вас Бог!

Вот она, русская душа, живущая в библиотечной работнице, полунищей пенсионерке. Она ведь не меньше значит для России, чем солженицынская Матрёна. Но она — дитя советской эпохи, чего Александр Исаевич понять бы не мог: как это в советской оболочке живёт такая трогательная и чистая русская душа...

* * *

Писатель Кабаков в ночь с 24 на 25 октября 2008 года, выступая на “Свободе”, заявил: *“Правильно сделал Ельцин, что расстрелял коммуняк 4–5 октября, правильно сделали его соратники, что подтасовали выборы в 1996 году, представляете, какой кошмар был бы, если бы пришёл Зюганов. Воля народа — пустые слова, над народом необходимо всегда совершать насилие”*...

Опасность миновала, притворяться демократом — надоело и уже не нужно. Можно сбросить маску. Сбросил. И появилась морда — звериная, зубастая, оскаленная... Как у Новодворской.

* * *

11.12.2008 г.

СМИ сходят с ума от юбилея Макаревича. По всем каналам звучит его знаменитый слоган: “Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнётся под нас”. Неграмотно, но зато жизнеутверждающе и греет душу нынешним хозяевам жизни.

Макаревичу — 55... Музыкальный критик Барабанов заходится в восторженных комплиментах:

— Он изменил наш мир!

Барабанов вторит Розенбаум: — Наш Макар несгибаем! — На экране возникает фото: Путин рядом с Макаревичем. Словом, торжество. Но вот уже полгода, как на земле бушует не просто финансовый кризис, но кризис всей жизни. Наш тинейджер-президент выступал летом на сборище крупнейших бизнесменов в Красноярске и, отвечая на вопрос одного из генералов бизнеса, а не будет ли возврата к плановой экономике, самодовольно заявил: — **Ну, это мы уже проходили в течение 70 лет!** — Ну хотя бы подумал, что плановая экономика продержалась 70 лет и выдержала такие испытания, которые и не снились рыночной, обвалившейся всего лишь через 15 лет после своего воцарения... И все “прогнулись” перед этим обвалом: и Медведев, и Путин, и Барабанов с Розенбаумом, и юбиляр Макаревич, переставший рекламировать по ТВ какой-то свой кулинарный бизнес... Прогнулись...

* * *

Декабрь 2008 г.

Когда мы смотрим рекламу парфюмерных соблазнов, чистящих средств, пищевых добавок, фальшивых лекарств, дамских прокладок, то уподобляемся туземцам эпохи Великих географических открытий, которых европейцы соблазняли цветными тряпками, стеклянными бусами и спиртными напитками, но то были хоть в какой-то степени материальные ценности, а с нынешнего экрана на нас глядят призраки и символы комфортной смерти человечества.

* * *

17 сентября 2009 г. по радио “Свобода” прошла передача, посвящённая “разделу Польши” между Германией и СССР. Участники передачи соревновались друг с другом в глумлении над нашей историей и нашей победой.

Владимир Рыжков: “С этой победы пятен не стереть”, “Чересчур болезненно мы относимся к распаду СССР”; “Идёт реабилитация сталинского режима”.

Историк Борис Соколов: “СССР захватил половину восточной Европы”.
Какая-то Мари, якобы “профессор из Парижа”, косноязычно говорящая по-русски: “СССР и Германия, разделившие Польшу, были государственными близнецами”. А она-то что понимает? Лучше бы объяснила, почему Франция проиграла войну всего-навсего за 40 дней? Не потому ли, что Эдит Piaф вместе с Ивом Монтаном пели в ресторанах для эсэсовской офицерни? Лучше бы вспомнила, почему несколько десятков тысяч французских “псов войны” из дивизии “Карл Великий” встали под знамёна со свастикой и пошли бок о бок с гитлеровской солдатнёй топтать нашу землю...

* * *

3.10.2009 г.

По ТВ выступал патриарх Кирилл. Произнёс вдохновенную, блистательную, прямо-таки актёрскую речь о возрождении веры, о богоотступничестве народа, о его преодолении, об искуплении грехов народных.

Но богоотступничество было преодолено во время Великой Отечественной войны. Я помню, как калужские церкви были полны народу, более полны, нежели сегодня, а с осени 1943 года началось после возрождения патриашества и приема Сталиным высших иерархов церкви то, что называется “симфонией церкви и государства”. Да и богоотступничество народа возникло не в 1917 году, а гораздо раньше, о чём писал митрополит Вениамин Федченков, который увидел упадок веры в 1912 году, когда страна праздновала 300-летие Дома Романовых.

И что толку сегодня клясть “богоотступничество” советской эпохи, лягать мертвого льва. Дело это пустое и неблагодарное, и несправедливое.

Богоотступнические соблазны сегодняшнего времени куда более глубоки и страшны, нежели советские соблазны.

Тогда разворачивалась борьба двух религиозных систем — христианской новозаветной и новоязыческой, той, что была выражена в словах Горького: “Человек — это звучит гордо!” В яростной схватке сошлись две религиозные аскезы. Но в нынешней религии “прав человека” тёмной, порочной и растленной гордыни куда больше. Да и для Христа главным врагом была не “советская” гордыня Рима, а тёмная власть золотого тельца, власть не римского булата над чадами человеческими, но иудейская материалистическая власть тридцати серебрянников.

Советская гордыня богоотступничества была гордынею труда, подвигов, самопожертвования:

*По полюсу гордо шагает,
меняет течение рек,
высокие горы сдвигает
советский простой человек.*

Царство Христа было не от мира сего, но, понимая это, сын галилейского плотника поставил пределы неотмирности: “Кесарю кесарево”... А Сталин был кесарем.

Нынешняя гордыня своеволия, греха и растления куда страшнее, нежели гордыня эпохи кесарей. Её победить почти невозможно. Куда легче молитвами и театральными проклятиями разгонять призраки коммунистического прошлого. Но свято место пусто не бывает: изгонишь из него власть кесаря — и тотчас же в алтарь ворвётся власть золотого тельца и культ всех смертных грехов.

Лучше меня об этой трагедии написал в стихах мой старший друг из Новосибирска, поэт и мыслитель Юрий Ключников:

*Вы родине нашей вменили в вину
публично с амвона ни мало, ни много,
что страшную мы заслужили войну
за власть коммунистов, отвергнувших Бога.*

*Ну что ж, и церковный, быть может, погром
в 17-м тоже был горьким лекарством*

*за не сохранённый синодом Покров
святой Богородицы над государством.*

*Но я-то в стихах не виню никого
за нынешние, за былые невзгоды,
нам вместе бы с Вами вернуть торжество
священной войны Сорок пятого года.*

*В ту пору связать нас сумела беда,
сегодня же беды разводят в тумане.
Вы ждёте повинных? Примите тогда
за всех коммунистов моё покаянье.*

*Простите, что манны не ждали с небес,
что, Бога не помня, творили молитву,
что строили вместо церквей ДнепрогЭС,
колхозы, метро, Комсомольск и Магнитку.*

*Что был, не мерещился классовый враг,
что с ним воевали, не прячась по затишкам,
что гибли за цвета кровавого флаг
и верили батьке с усами, не батюшкам.*

*Но если вернётся на родину свет,
и знамя победное вновь будет поднято, —
я верю — допишется в новый Завет
апостольский грех большевистского подвига.*

Аминь...

* * *

Октябрь 2009 г.

Иркутск. Город, ставший для меня родным, куда я приехал осенью 1957 года по распределению после Московского университета, куда приезжал потом бесчисленное количество раз к Вячеславу Шугаеву, с которым мы улетали на охоту в северный посёлок Ербогачён. Кинотеатр на улице Карла Маркса, где в 1989–90 годах мы выступали с Игорем Шафаревичем. Залы кинотеатра были переполнены. Сейчас кинотеатр рекламирует фильм “Зомбиленд” с эпиграфом “живой мёртвому не товарищ”. Американские джеймс-бонды с автоматами и громоздкими подбородками шествуют по плакату, начинающемуся от тротуара и уходящему в небо. Напротив ресторан пива, куда некогда мы, получив гонорар в “Востсибправде”, забегали с Шугаевым и Петром Реутским. На ресторане реклама: выступает по вечерам негр Денис Роулэнд — чёрное лицо с оскалом белых зубов, морда, как у леопарда — пучок морщин, бегущий от усов к узким кошачьим глазам. Вот чем закончилась русская демократическая революция, к которой призывал Шафаревич в переполненном зале кинотеатра двадцать лет тому назад.

Пугачёва в есенинской драме сдают в руки Михельсона его ближайшие сподвижники-“енералы”. Есенин, видимо, списывал эту измену со своей судьбы, потому что чувствовал, как русская революция, едва начавшись, уже сдаёт его еврейскому Чека...

На улице Карла Маркса по обе стороны от кинотеатра сплошные ювелирные магазины. В одном из них стоят охранник и манекен.

Не сразу я понял, кто есть кто. Манекен показался мне живым охранником, а живой неподвижный охранник — манекеном.

А ведь в 60-е годы встретишь на улице живого Алика Стукова — гитариста, барда, любимца иркутской богемы — и целый день на душе праздник...

* * *

Заходил сегодня в крупнейший Архангельский книжный магазин. Смотрю на полках: Татьяна Толстая — семь изданий, Виктор Ерофеев, Сорокин, Довлатов, Пелевин — по шесть изданий. Книги Корецкого, Петрушевской, Вишневецкой — по 3-4 издания.

О Марининой или Дашковой говорить не буду. Они недостижимы ни для кого, поскольку это не литература, а нечто другое, вроде одноразовой посуды.

Вот что значит идеологическая монополия рынка. Книги не расходятся, лежат, занимая целые стеллажи, но всё равно издаются и ложатся многотонными массами на прилавки. Не покупаются, несмотря на то, что имена сверхраскрученные. У них всё есть для раскрутки — свои программы на телевиденье, свои часы на радио, свои премии, свои спонсоры, свои литературные агенты. А книги лежат в магазинах тяжким грузом. Полного счастья не бывает. Перепроизводство продуктов и товаров, как во время Великой депрессии. Тогда излишнюю непродававшуюся пшеницу и кукурузу американские фермеры сжигали на своих плодородных полях. Но ведь книги горят лучше.

* * *

21. 11. 2009 г.

ТВ и “настоящее радио” разрываются от горя: умер какой-то шоумен по имени Роман Трахтенберг. “Человек-легенда”, “человек-праздник” последний год жизни работал на радио “Маяк”, но до этого был — и тут сообщаются все подробности героической жизни: где родился, где учился, где не доучился, какие диссертации писал. Какие шоу-программы сочинял, непревзойдённая его заслуга перед эпохой — издание сборника анекдотов... И так целый день с утра до вечера, по радио в начале каждого часа во время выпуска очередных новостей. Причём смерть Трахтенберга — новость главнейшая...

Но вспомним, что когда умерли Вадим Кожинов, Юрий Кузнецов, Виктор Боков — ни слова о том, кого потеряла страна, ни на “Радио России”, ни на одном телеканале произнесено не было. А тут столько разговоров — на каком престижном кладбище похоронят, в какой день, в какое время, куда друзьям приходиться, чтобы попрощаться с великим Трахтенбергом...

* * *

Декабрь 2009 г.

Виталий Найшуль — президент Института национальной экономики (о Господи, сколько изобретено и создано всяческих институтов и фондов для благоденствия всяческих идеологов перестройки!) с голубого экрана успокаивает нас, что мировой финансовый кризис — это “обновление”, это “появление новых возможностей”, это “новые пути” и “новые надежды”.

Его институт во время кризиса, естественно, не закрылся, и то, что президент института в начале 90-х годов под руководством Чубайса изобрёл неменные, доступные купке ваучеры, многие обездоленные с помощью этого мошенника люди уже забыли, а он снова сидит в голубом экране и вещает о рецептах развития и спасения России...

* * *

Ноябрь 2009 г.

Русская революция рождалась на свет при вспышках ослепительных утопий: “при коммунизме отхожие места будут из золота”, “каждому по потребностям — от каждого по способностям”, “всю работу в будущем станут делать машины”, “человек будущего — это человек-артист”, “победивший пролетариат начнёт завоёвывать околоземное пространство”, “земля — это колыбель человечества, но нельзя жить вечно в колыбели”. И так далее и тому подобное.

Этой грандиозной утопии истово служили и внедряли её в головы граждан и обывателей, прославляя и пропагандируя её, многие великие люди той эпохи: Ленин и Троцкий, Циолковский и Александр Блок, Мичурин и Владимир

Маяковский. И только редкие умы, среди которых был, конечно, ещё молодой Сталин, понимали, что смысл русской революции гораздо серьёзнее и проще: сохранить Россию и её народ от колониального вырождения, отстоять её место под солнцем, спасти как государство в эпоху наступающего глобального передела мира. Люди такого склада, отбросив, как идеологическую ветошь, абсурдные мысли и планы о мировой революции и о всеобщем счастье человечества, погрузились в заботы о хлебе и каменном угле, о фабзавучах и прививках оспы, о военно-физической подготовке молодёжи и о лампочке Ильича, о ликвидации неграмотности и строительстве МТС. Всего-то навсего. Вместо “голубых городов” и сортиров из золота. Лишь бы устоять в грядущей мировой войне. Не до жиру – быть бы живу. Именно к такому смыслу приходили в России все великие утопические порывы, будь то мечта о граде Китеже, либо о Третьем Риме, либо о Москве – столице III Интернационала.

* * *

Октябрь 2009 г.

“Христос был поэтом”, – сказал мне как-то Юрий Кузнецов, сочинявший поэму “Путь Христа”. Но Сатана знал это, и понимая силу образного слова – и тоже не дремал:

*Гремела атака, и пули звенели,
и ровно строчил пулемёт...
И девушка наша проходит в шинели,
горящей Каховкой идёт, —*

писал вдохновлённый силами ослепительной тьмы певец революции Михаил Светлов. Эта картина похлеще, нежели картина Делакруа – помните его сюжет: полуобнажённая француженка (чуть ли не из Фоли-Бержера) на баррикаде со знаменем в руках? Это не Дева Мария. Это – бесплодная Амазонка или Гадюка из одноимённого рассказа Алексея Толстого на фоне всемирного пожара, пламя которого не сумел окончательно погасить даже православный семинарист Иосиф Сталин. Это культ сверхженщины, образом которой бредили Исаак Бабель в “Конармии”, Всеволод Вишневский в “Оптимистической трагедии”, Дмитрий Фурманов в “Чапаеве”.

*Ни стирать, ни рожать не умела,
никакая ни мать, ни жена,
лишь одной революции дело
понимала и знала она, —*

писал о таких фуриях революции поэт Ярослав Смеляков.

* * *

7. 2. 2010 г.

США – преступное государство. Поистине “империя зла”. Вернём американцам эту формулу, изобретённую ими для СССР. Впрочем, все нынешние государства так или иначе преступны, поскольку рождались и завоёвывали своё место под солнцем в борьбе со своими соседями. А в борьбе за жизнь все средства хороши. Но если бы речь шла только о Соединённых Штатах Америки, как государстве! Америка прежде всего это преступное гражданское общество, которое построило своё благополучие (ещё не будучи государством!) на костях краснокожих индейцев и на рабском труде чернокожих негров, насильно перевозимых, в цепях и кандалах, с Африканского континента на Североамериканский. Таким бесчеловечным образом не создавалась в мировой истории ни одна христианская цивилизация. Именно с тех пор, с XVI века, ещё не имея государственных институтов, европейский криминальный сброд, хлынувший в Северную Америку, образовал преступное гражданское общество. Что такое суд Линча, как не деяние гражданского общества? А нынешние массовые расстрелы в американских городах одних граждан другими? Это тоже обычай гражданского общества. А ведь такие кровопроли-

тия в США происходят с постоянно закономерностью во всех штатах. Люди вершат самосуд по самым разным поводам, не обращаясь к государству. В советское время у нас в год совершалось всего лишь десять тысяч убийств, вдвое меньше, нежели в Америке, где градус ненависти граждан друг к другу был гораздо выше, чем в СССР. Студент расстреливает своих товарищей по университету, солдат – своих сослуживцев по армии, служащий своих более удачливых коллег по офису... Часто такого рода самосуды заканчивались и заканчиваются самоубийствами. В Америке позорно быть неудачником – и неудачники в иррациональной ярости пытаются смыть этот позор, расстреливая более удачливых сограждан. Конечно, такого рода расправы живут в генах американского гражданского общества, возраставшего на земле, удобренной кровью краснокожих и трудовым потом рабов из какой-нибудь Нигерии. Вроде благополучная внешне страна, успешно ограбившая весь мир: 5 процентов населения Земли потребляют 30 процентов земной нефти и 40% остальных природных ресурсов. Конкуренцию за такой уровень жизни американцы выиграла у других народов. А счастья всё равно нет, задыхаются от зависти, от ненависти, расстреливают друг друга и ещё осмеливаются кричать: “Боже, спаси Америку”.

Впрочем, мы, склонившиеся перед силой золотого тельца, становимся всё больше и больше похожими на них... У них в год по-прежнему происходит 20 тысяч убийств, а у нас уже в полтора раза больше. Поистине, вспомнишь крылатое изречение кого-то из мудрецов: “Мёртвые хватают живых”...

* * *

Включил “радио России”. Некий Владимир Леви с неким Максимом Леви ведут передачу о каком-то джазовом кумире Америки 30-х годов, о блюзмене Роберте Джонсе, о “великих” исполнителях блюза, о некоем Ирвине Берлинге и прочих, наверное, забытых у себя на родине музыкантах, имя которым легион. Телеведущие захлёбываются в славословии по поводу блюзменов 30-х годов: “легендарный”, “великий”, “гениальный пьяница”, “урод с золотым сердцем”, восхищаются неким Томом Морицем, который беспрестанно наркоманил и дрался с женой... Но на что мне знать подробности жизни этих призраков с их пустой жизнью, наполненной звуками животного происхождения?

Вспоминаю радио послевоенной сталинской эпохи, голоса Лемешева, Козловского, Руслановой, Михайлова... Русский народный мелос: “Меж крутых бережков”, “Вдоль по улице метелица метёт”, “Летят перелётные птицы”, вальс “На сопках Маньчжурии”... В моей музыкальной памяти живут оперные арии Ленского, Варяжского гостя, князя Игоря, Дубровского, Ивана Сусанина, Риголетто... А тут мне впаривают блюзы какого-то наркомана из Нью-Орлеана, “урода с золотым сердцем”... Вырываю штепсель из радиорозетки, включаю первую программу телевидения, а там детские американские мультики, где животные судятся друг с другом – кошка с собакой, утка с курицей... Это америкосы учат наших детишек правовому сознанию, накачивают в детские головки юридическую белиберду. Никакой Каштанки, никакой Серой шейки, никакого зимовья на Студёной... Зато есть бегемот-судья, енот-прокурор, индюк-свидетель, хорёк-преступник. Тьфу ты, Господи!

Сила нечистая, жизнь животных – и ту умудрились ополшить...

У нас, что ли, нет своих замечательных детских мультиков или своих музыкальных групп, не обязательно русских, но татарских, мордовских, якутских, башкирских? Конечно, они есть, но у них нет никаких шансов попасть на Радио России, потому что все вакантные места там заняты “гениальными пьяницами” и “уродами с золотыми сердцами”.

* * *

Июль 2010 г.

Побывал в Екатеринбурге. Увидел бронзовый многофигурный памятник Ливерпульской четвёрке, поставленный в центре города. А есть ли в Лондоне памятник Сергею Есенину, или Шаляпину, или балерине Анне Павловой, или, на худой конец, Владимиру Высоцкому? Увы... Нет, всё-таки в психологии наших демократов живёт неистребимое обезьянье низкопоклонство перед За-

падным миром. И великий учёный, выросший на Западе, Пётр Капица в 1946-м году написавший Сталину письмо об этой лакейской, смердяковской черте нашей интеллигенции, был, конечно, прав. И вождь, внимательно прочитавший письмо Капицы и объявивший после этого войну так называемому космополитизму, был тоже прав по-своему. Однако нынешние потомки обезьяньего племени о сталинских гонениях кричат во все свои глотки. А о лауреате Нобелевской премии Капице – молчат.

* * *

15.12.2010 г.

Вспомнился один из соблазнительных слоганов ельцинско-гайдаровской эпохи: “Чем больше у нас будет богатых людей – тем лучше будет народу”. Триста тысяч богатых российских семей живут в одном только Лондоне. И что? Народу нашему легче от этого?

Рынок, разогнанный в своё время Христом, зашедшим в храм. Он якобы все отрегулирует? Да как может отрегулировать себя стихийный автомобильный поток? Только всё более частыми катастрофами и кровавыми жертвами на дорогах. На плохих наших и на хороших американских. Результат один и тот же, потому что алчность общества потребления не знает границ (“денег много не бывает”). Страсть к сребролюбию – смертный грех. Иудина страсть.

Свалки мусора на всей планете – метастазы общества потребления. Только самоограничение может спасти человечество, но самоограничение – это смерть рынка. А рынок – это путь к смерти. Что нам принёс рынок с его демократией и правами человека? Это расстрелы своих соседей и сослуживцев (по американскому образцу), это однополые браки, это педофилия, это банды хулиганствующих футбольных фанатов с их иррациональным озверением, это заказные убийства и разгул небывалого в нашей стране мошенничества во всех сферах жизни – строительных, финансовых, медицинских, образовательных и т. д. Это тридцать тысяч несчастных, ежегодно погибающих на дорогах, это семьдесят тысяч молодых душ, ежегодно умирающих от наркотиков. Это вновь вернувшиеся к нам туберкулёз, сифилис, сибирская язва. Я уж не говорю о СПИДе... Вот что такое рынок “товаров и услуг”...

* * *

3.3.2011 г.

Когда наши либералы, начиная от покойного Юрия Корякина и кончая Николаем Сванидзе, кликушествовали на всю страну о том, что тело Ленина нужно вынести из Мавзолея, когда нынешние власти во время государственных праздников стыдливо прикрывают его красногранитные уступы фанерой или триколором, я вспоминаю слова настоящего врага советской России, великого князя Александра Михайловича Романова, произнесённые в изгнании:

“На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи”. Эту правду чувствовали многие знаменитые современники Ленина – Николай Клюев (“Есть в Ленине керженский дух, диктаторский окрик в декретах”), Сергей Есенин (ответивший своим землякам: “Скажи, кто такое Ленин?” Я тихо ответил: “Он – вы”), Борис Пастернак, запечатлевший образ Ленина в бессмертных строках (“Он управлял течением мыслей и только потому страной”). Ну кто они по сравнению с этими вечными спутниками русской культуры – всяческие млечины, познеры, пивоваровы? Мелкие бесы на громадном теле русской истории.

* * *

Ноябрь 2011 г.

Смотрю фильм о Вольфе Мессинге. Местечковый быт, сентиментальные, добрые люди, раввин, выпивающий с мужиками. Мать, обнимающая сына.

Все грустят, смеются, плачут. Не люди, но ангелы, подобные тем, которые были изображены и в романе “Тяжёлый песок” Анатолия Рыбакова. Восточно-европейские ашкенази, в жилах которых семитская кровь смешалась с тюркской... Но каким образом из этих благостных человеколюбцев вышли Ягоды, Блюмкины, Френкели, Берманы, Розалии Землячки, Трилиссеры, Аграновы, Свердловы, Юровские, Урицкие, от чьих деяний содрогнулись Леонид Канегиссер и Осип Мандельштам, Юрий Домбровский и Валентин Катаев...

* * *

Ноябрь 2011 г.

Вместо некролога

По-настоящему я подружился с Леонидом Бородиным в мае 1990 года, когда наша маленькая делегация писателей прилетела в Америку. Для проживания в гостиницах нас разделили на пары, и мы с Бородиным, не сговариваясь, выбрали друг друга. Мне сразу же понравился этот подтянутый, сдержанный, немногословный человек, о котором в еврейском альманахе “Панорама” было написано так: **“При Брежневе он был диссидентом и подвергался репрессиям. Его русский национализм всегда носил не просталинский, а антисталинский характер. Однако можно думать, что эти различия остались в прошлом: в годы гласности и перестройки русские националисты всех оттенков стремятся слиться в одну сплочённую группу...”** (Если бы так!) Об известном еврейском правозащитнике Аликс Гинзберге, с которым они сидели в мордовских лагерях, Бородин в ответ на мой вопрос отозвался холодно и отчуждённо:

– Ему это для биографии было нужно!

Бородину же все его лишения нужны были не для биографии, а “для России”.

Конечно, мы, как русские люди одного поколения, часто спорили с ним до хрипоты о том, может ли “советское” быть “русским” и наоборот. Порой эти размолвки становились глубокими и длительными, но всё же, когда у него вышла честнейшая автобиографическая книга “Без выбора”, то он подарил её мне с миротворческой надписью:

“Станиславу Юрьевичу Куняеву с искренним уважением. А что жизнь всякому видится разное, то так ли это плохо?”

10. XI. 03. Бородин”.

Прочитав эту книгу, я ощутил укол радости от того, что обнаружил, как нечаянно-негаданно однажды помог этому удивительному человеку в одно из мгновений его лагерной жизни, о которой он вспоминает так:

“Больше десяти лет тому назад прочитал я у С. Куняева такую вот строку: “Чем ближе ночь, тем Родина дороже” <...> чем старше становлюсь, тем чаще по поводу и без такового строка эта всплывает в памяти. Будто мной придумана и переживается как нечто глубоко личное и собственное. <...> Почему она мучает меня в бессоннице? Почему сотни, тысячи прекрасных литературных строк, сопровождавших меня по жизни, каковой, если откровенно, никому не пожелаю, почему эти строки, из памяти не исчезнув, большей частью как бы пребывают в “запасниках”, а эта вот, и не пушкинская, не тютчевская, не гумилёвская, – почему она...”

И это написано после многих наших мировоззренческих размолвок. Вечная память тебе, человек чистой души, блистательного таланта, юношеской отваги, редчайшего благородства, необыкновенного мужества и суровой, но подлинной любви к матери нашей России...

* * *

Юрий Кузнецов, когда узнал, что его любимая дочь собирается выйти замуж за азербайджанца, предупредил её: “Смотри, нарвёшься на стихотворенье”, а когда она всё-таки поступила по-своему, то проклял ослушницу:

*Ну а ты чем прикроешься, Юрьевна?
Только отчеством,
Только отчеством!*

Но тут он противоречил сам себе, поскольку задолго до этой “анафемы” угадал женскую сущность и написал о ней гораздо точнее и глубже:

*Она ответила, как медь,
печальна и нежна:
— Тому, кому не умереть,
подруга не нужна.*

*На высоте твой звёздный час,
а мой на глубине,
и глубина ещё не раз
расскажет обо мне.*

Но почему они выбирают не русскую “глубину”, а германскую, канадскую, итальянскую?! Поистине, рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Боже мой! Куда я влез? — “В запретнейшие зоны естества”, как напророчила себе однажды Ахматова. Я воспринимаю все эти “измены” роду, семье, родине как наше тяжелейшее, а может быть, и окончательное поражение даже не на историческом, а на генетическом, на метафизическом уровне, как роковую утрату какого-то важнейшего инстинкта самосохранения, без которого не может жить ни большой, ни малый народ.

Ведь самое главное поражение Тараса Бульбы — это набег крымских татар на беззащитные курени Запорожской Сечи, не смерть Кукубенко, не былинная казнь Остапа... Самая страшное его потрясение — это измена младшего сына Андрия:

— Что? Предать сичь, предать веру, предать Родину?!

Неужто в чём-то правы расовые законы, к которым принуждал древних евреев Ездра, а германцев 30-х годов Альфред Розенберг? А в наше время белокурая бестия норвежец Брейвик?! Какой ужас...

Сила и слабость моего понимания нынешней жизни состоят вот в чём. Когда я узнаю, что сестра моего давнего соратника по борьбе за национальную Россию уехала со всей семьёй в Америку, а дочка другого русского патриота в Германию, а дочка ещё одного близкого русского человека вроде бы в Канаду, то я переживаю все эти события как личную драму, как поражение не только всего нашего патриотического дела, но и как своё собственное поражение. Ну если мы не сумели своих самых близких и кровных людей вырастить и воспитать для нашей несчастной родины, то чего стоят все наши усилия, все переживания, все надежды?

Когда я узнаю, что дочка моего самого близкого заветного друга молодости Анатолия Передреева вышла замуж за итальянца и уехала в Италию, то чувствую, что это моё личное поражение, и с горечью вспоминаю слова Василия Розанова: **“Национальность для каждой нации есть рок её, судьба её; может быть, даже и чёрная”**.

И ещё: **“Счастливую и великую родину любить не великая вещь. Мы её должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от неё”**.

* * *

20.9.2012 г.

Женщина в судейской мантии потребовала для трёх “бешеных маток” два года заключения в колонии общего режима.

Много это или мало? Трудно сказать до тех пор, пока мы не решим, кого судим — людей или неких человекообразных существ.

Когда они (по иронии судьбы — в зоологическом музее!) встали на четвереньки — “на четыре кости”, как говорят блатные, готовые к случке со своими двуногими партнёрами, то, конечно, мало чем отличались от уличных

собак. Людского в них было только то, что они засняли эту случку на видео. Наверное, для истории, почему картина и попала на ТВ... Не дай Бог, если их повзрослевшие дети когда-нибудь познакомятся с этими кадрами.

Когда я в 1957 году приехал по распределению в заснеженный сибирский городок Тайшет, то первое, что меня поразило на улицах — это своры бродячих собак, справлявших свои свадьбы. Но я помню, как молодые матери уведили или отвлекали своих детей от этой животной гульбы, когда кобели грызлись друг с другом и вскакивали верхом на сучьи задницы. Неловко было глядеть на звериный сексуальный шабаш нормальным женщинам и тем более с детьми. Помню также, как в Индии мне было неловко видеть спаривающихся и совокупляющихся обезьян, может быть, потому, что они всё-таки чем-то похожи на людей.

Естественное чувство стыда, смущения и отвращения к “тварности мира” испытал в свои детские годы наш великий поэт, имевший особо чувствительную душу — Сергей Есенин:

*Да! Есть горькая правда земли, —
подсмотрел я ребяческим оком —
лижут в очередь кобели
истекающую суку соком.*

Александр Пушкин, скорбя о своих грехах, порождённых тварной человеческой природой, писал:

*И с отвращением читая жизнь свою,
Я трепещу и проклиная...*

Но, глядя на улыбающихся в судебном зверинце подруг, понимаешь, что они, “с наслаждением читая жизнь свою”, “не отличают славы от позора”.

Они оскорбили не патриарха и не Путина. Они оскорбили святые лики, которые глядели на них с намоленных икон храма. Они потревожили мученические тени священников, расстрелянных или получивших лагерные сроки за сопротивление хунвейбинам и хунвейбинкам Емельяна Ярославского (Миняя Губельмана), создавших такую атмосферу в обществе, при которой стало возможным взорвать Храм Христа, спасшего Россию от нашествия богомерзкого Запада на святыни православия. Не потому ли тот же Запад от печально знаменитой Мадонны до депутатов Европарламента встал на защиту нынешних человекообразных существ... Не потому ли в колыбели нашего православия, в златоглавом Киеве последовательницы пусек голые феминистки спилили бензопилой поклонный крест на глазах у монумента святому Владимиру...

Бешенство матки — болезнь заразная. В Тайшете 50-х годов я встречался со многими вышедшими на свободу зэками... Они мне рассказывали, что “воров в законе”, которые сотрудничают с администрацией, у них принято называть “суки отвязанные”.

Кто-то из священников, комментируя эту грязную историю, грустно промолвил: “Церкви надо бы их простить...” Да, это дело церкви. Но простит ли Бог? — Вот вопрос...

Но так рассуждать можно лишь при условии, что они — люди. А если они приматы или приматки, всего лишь похожие на людей? Тогда действительно они не ведают, что творят, и неподсудны ни людскому, ни Божьему суду...

* * *

Как талантлив русский человек даже в своих падениях в низкие слои бытия! Из пошлого мелодраматического сюжета об уголовнице, связавшейся с ментами, он сотворил бессмертную историю, которая живёт почти сто лет и, может быть, ещё долго будет волновать наших потомков, внуков и правнуков: “Здравствуй, моя Мурка, Мурка дорогая, здравствуй, моя Мурка, и прощай!” Шостакович мог бы сочинить на этот сюжет оперу, он ведь был всеяден, если судить по балету “Золотой век”, который я видел в Праге лет тридцать тому назад. Но “Мурка” похлеще “Золотого века”. У американцев есть Вест-Сайдская история, но “Мурка” богаче характерами и обильнее чувствами. Правда, Георгий Свиридов не взялся бы за неё.

А Шостакович — мог. Он более композитор плембса, нежели Свиридов, которого к старости захватила стихия духовной музыки, совершенно чуждой Шостаковичу. Но плембс — это ведь тоже народ, хотя и подпорченный... Чернь... Умом я всё понимаю, где живёт высокое искусство, где низкое. У меня не изощрённый, не рафинированный вкус, скорее грубоватый. Я люблю песни, в которых всё смешано — социальная жизнь, жестокий романс, народное сентиментальное чувство. Такие творения всегда милы простонародному сердцу. Их сейчас подзабыли из-за нашествия попсы, но они не умерли, они живут, как в анабиозе, как трава под снегом. Это — “Раскинулось море широко”, “Шумел камыш, деревья гнулись”, и даже “Кирпичики”, и даже “Мчатся по Чуйскому тракту машины”... В них живёт воздух времени с его страстями, слезами, восторгами. Горнего света в них нет, но живого тепла с избытком. Это сгустки нашей тленной, греховной, но столь милой простому сердцу жизни.

* * *

Сентябрь 2012 г.

Поэта далеко заводит речь...

К 120-летию со дня рождения М. Цветаевой

Люди литературы, как правило, вольно обходятся с историей. У них какое-то своё, особое зрение, отличное от зрения Карамзина или Ключевского. Никакая стихотворная симфония А. Блока “На поле Куликовом”, ни его поэмы “Возмездие” и “Двенадцать” не могут называться “историческими”, так же, как многие стихи Тютчева или размышления Льва Толстого, предвещающие художественные главы “Войны и мира”. Разве что Пушкин с его творчеством в целом и Шолохов с “Тихим Доном” достойны того, чтобы по их произведениям изучать две великих эпохи — императорскую и советскую, две великие революции — петровскую и ленинско-сталинскую.

* * *

В сентябре 1938 года Англия и Франция, трепетавшие перед германской мощью, отдали на растерзание немцам Судетскую область Чехословакии. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды, и через несколько месяцев, в марте 1939-го Гитлер, убедившись, что Лондон и Париж прогнулись перед Берлином, оккупировал Чехословакию целиком. Марина Цветаева, к тому времени переехавшая во Францию, но много лет прожившая в Чехословакии, пришла в отчаяние и посвятила этой трагедии цикл из пятнадцати стихотворений. Её экзальтированное воображение пыталось нарисовать картину благородного и отчаянного сопротивления чешского и словацкого народов германским гуннам: **“В клятве руку подняли все твои сыны — умереть за родину всех, кто без страны”**, Отважные славяне в её воображении отстаивали Чехословакию, как вторую родину всех изгнанников, в числе коих она видела и себя... В отчаянье она хваталась за любые подтверждения того, что Чехословакия сопротивляется, что если не свобода, то честь её любимой Богемии спасена. К своему стихотворению “Один офицер” она даже поставила эпиграф:

“В Судетах, на лесной чешской границе офицер с двадцатью солдатами, оставив солдат в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его неизвестен (из сентябрьских газет 1938 г.)”

Её не смутило, что солдаты не пошли за своим офицером, выстрелы которого в сторону немцев привели её в неопикуемый восторг:

*Из лесочку — живым манером
на громаду — да с револьвером!
Пока пулями в немца хлещет, —
целый лес ему рукоплещет.
Понесена
Добрая весть,
что спасена
Чешская честь.*

*Значит — страна
Так не сдана.
Значит — война
всё же — была!*

А когда немцы стали хозяевами всей Чехословакии, она опять же выиска-ла в европейской прессе сообщение о том, что **“чехи подходили к немцам и плевали” (см. мартовские газеты 1939 г.)**. И воспела это свидетельство во “мужественного” сопротивления в стихотворении “Взяли”:

*Брали — скоро и брали — щедро:
Взяли горы и взяли недра.
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас и хрусталь.
.....
Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руки и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна —
Вся страна вооружена!*

Но куда делись “сталь”, и “уголь”, и “свинец”, и “пули”, и “ружья” — что случилось? — От всей вооружённой мощи остались одна “слюна”?!

Экзальтация Марины Цветаевой никогда не имела пределов. Она влюбля-лась в молодости сначала в мужчин, а потом в женщин, она могла в одно вре-мя отдать своё сердце Германии (“Германия! Моё безумье! Германия — моя любовь!”), а в другое — проклясть немецких гуннов. Могла до небес воспеть Белую гвардию (в “Лебедином стане”), а потом с тем же вдохновением про-славить Советский Союз в стихах к сыну — и подвиг челюскинцев... И, убе-дившись, что в Чехословакии кроме одного офицера никто не защитил Роди-ну и что кроме слюны у чехов не осталось другого оружия, поэтеща решила прославить не армию, а весь народ:

*Его и пуля не берёт,
И песня не берёт!
Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!
Когда ни сила не берёт,
Ни дара благодать, —
Измором взять такой народ?
Гранит измором взять?*

(20 мая 1939 г.)

Из будущего коллаборационистского Парижа, готового через год сдать-ся немцам, как и Прага, к чешскому народу весной 1939 года чуть ли не каждый день летели рифмованные призывы Цветаевой к борьбе, к сопротивлению, к восстанию против европейских гуннов: **“Богемия! Богемия! Не лежи, как пласт! Бог подавал обеими и опять подаст”**; **“С объятьями удавьями Рас-правится силач! “За здравие, Моравия! Словакия, словачь!”**; **“Не погиб-нет чех”...**

Стихи пишутся каждый день! Вдохновение не иссякает! Заключительное стихотворенье чешского цикла поднимается до высот, где живут не просто стихи, но государственные гимны:

*Процветай народ, —
Твёрдый, как скрижаль,
Жаркий, как гранит,
Чистый, как хрусталь.*

(21 мая 1939 г. Париж)

Видимо, из французского “далека” пошлые исторические подробности чехословацкой драмы были плохо различимы для её близоруких глаз...

На самом же деле оккупация Чехословакии была весьма странной, поскольку и власть и народ были не достойны ни восхищения Марины Цветаевой, ни романтических надежд, которые она на них возлагала.

* * *

Итак, 29 сентября 1938 г. в Мюнхене западные демократии сдали Чехословакию Гитлеру. Утром 30 сентября президент Бенеш получил из Берлина ультиматум о том, что в течение 10 суток Судетская область должна перейти под власть Германского рейха. Чехи не стали ждать десять дней, посоветовались полтора часа, и премьер-министр республики Ян Суровы сообщил Берлину и гражданам своей страны, что ультиматум принят. Во время полуторачасового обсуждения германской ноты министр иностранных дел чешского правительства Камилл Крафта заявил своей политической и военной элите:

“Теоретически ультиматум можно отвергнуть. За этим последует война, в которой никто нас не спасёт”. Когда немецкие войска вошли в Чехословакию, многотысячные толпы народа приветствовали их во всех городах и весях, в том числе и в Праге, где дед и тёзка будущего президента нашей эпохи крупный коммерсант Вацлав Гавел приветствовал гитлеровцев с балкона своего, как сказали бы сейчас, супермаркета... Если кто-то из чехов и плевал в сторону немцев, чем восторгалась Цветаева, то, видимо, немцы этого не заметили. Вот так Чехословакия стала протекторатом великой Германии, и в июле 1941 года президент протектората чех Эмиль Гаха обнародовал послание гражданам, в котором говорилось:

“Для того, чтобы чешский народ принял участие в великой борьбе немецкого народа и внёс свой вклад в дело его победы, ему были определены задачи, особенно в области снабжения и вооружения... Военный взнос в 5 миллиардов крон был нами сделан ввиду того, что чешский народ непосредственно не участвует в войне”.

Откупились. И на эти 5 миллиардов крон началась работа “чешского народа” **“в области снабжения и вооружения”** гитлеровского вермахта. 122 чешских военных завода, 12 000 средних и мелких предприятий, два с половиной миллиона самых квалифицированных в Европе рабочих и технических специалистов, начиная с 1939 и по в 1945 год, ковали победу вермахта, снабжая гитлеровскую армию танками, грузовиками, пушками, автоматами, винтовками, револьверами и т. д.

Гитлеровские офицеры, получив отпуска с фронта, стремились именно в Чехословакию, которая предоставляла им все возможности для восстановления сил и здоровья, потраченных на Восточном фронте, о чём знаменитая киноактриса Ольга Чехова писала в своих воспоминаниях: **“Злата Прага не утратила своего блеска; и в гастрономическом отношении она предлагает удовольствия, которых в рейхе для простых смертных уже давно не существует. Короче: Прага — отдых от войны”.** Даже в Париже, где для гитлеровской офицерии пели в ресторанах Ив Монтан и Эдит Пиаф, и которых обслуживали проститутки и многие честные женщины Парижа, не было столь комфортных условий для отдыха оккупантов. Всё-таки во Франции какое-то, хотя и жалкое сопротивление, но было. А в Чехословакии не было ничего опасного — ни сопротивления, ни партизан, сплошной комфорт...

Бедная, наивная, экзальтированная, умевшая зомбировать самую себя Марина Цветаева! Хорошо, что она ничего не узнала о позорном лакействе её любимой Чехии, её прекрасной Богемии, её сказочной Моравии! Хорошо, что она не знала о том, что в составе гитлеровского рейха, топтавшего её родину Россию, было около ста тысяч коричневых Швейков, шестьдесят тысяч из которых после окончания войны работали как военнопленные, восстанавливая наши города, разбитые “тиграми”, самоходными орудиями, бомбардировщиками, которыми управляли и командовали её любимые чехи и словаки.

Слава Богу, она не узнала о том, что какие-то плевики разгневанных чехов и какие-то выстрелы одинокого чешского офицера по немецкой колонне скорее всего явились выдумкой жёлтой европейской прессы, о которой она сама писала с благородным негодованием:

*что ни столбец — навет,
что ни абзац — отврат...*

Слава Богу, что она не узнала о том, что президенту протектората Эмилю Гахе, в своё время торжественно сообщившему о “военном взносе” чешского народа в военную промышленность Рейха в размере 5 миллиардов крон, в канун 50-летия победы над фашизмом была открыта в Праге мемориальная доска “за вклад в сохранение Чехословакии” в годы Второй мировой войны.

Слава Богу, что Марина Цветаева так и не узнала слов американского посла в послевоенной Чехословакии Штейнгарда, который сказал:

“Чешский народ всегда отдавал предпочтение жизни без напрасной борьбы, нежели борьбе за свою свободу”...

Остаётся только вспомнить её искренние строки:

*Так и стою, раскрывши рот:
Народ! Какой народ!*

Да, Пушкин прав: “Поэзия должна быть глуповата”... И Марина Цветаева не зря любила Пушкина!

* * *

Сентябрь 2012 г.

Вырожденцы

Моя книга “Жрецы и жертвы Холокоста” впервые публиковалась в течение всего 2010 года в журнале “Наш современник”. Через год она была издана в издательстве “Алгоритм” и распродана в течение нескольких месяцев. Издательству пришлось печатать ещё один тираж. А в 2012 году выпускать в свет второе книжное издание “Холокоста”, дополненное по сравнению с первым многочисленными читательскими откликами, а также рецензиями и обширными статьями из массовой прессы.

Всё было бы хорошо, кроме одного: мои недруги из либеральной прессы, которые раньше всегда и сразу кидались со мной в спор то в “Московском комсомольце”, то в “Новой газете”, то в журнале “Знамя” и “Литературной России”, то в “Еврейской газете”, на этот раз не издали ни звука. Ни Марк Дейч, ни Леонид Радзиховский, ни Семён Резник, ни Павел Полян – никто ни гу-гу. А я, любивший открытую борьбу, ждал их нападения, но вскоре понял, что его не будет. Сам виноват. Слишком переборщил в аргументации, пользуясь аргументами из книг лорда Дизраэли-Биконсфильда, известной журналистки Ханны Арендт, историка из США Нормана Финкельштейна, министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау, профессора Иерусалимского университета Шломо Занда, партийной функционерки из ГДР Мишкет Либерман, знаменитого деятеля еврокоммунизма Роже Гароди... Так получилось из контекста, что спорить со мной означало спорить с ними, евреями по происхождению. Мне бы для приманки насовать в книгу цитаты из явных “черносотенцев и антисемитов” – Маркова Второго, Осипа Меньшикова, Ивана Шевцова, Валерия Хатюшина, а я “из страха иудейска” перестраховался и лишил своих закадычных врагов возможности впиться зубами в ненавистные им страницы.

Однако недавно мне стал известен единственный отзыв о книге “Жрецы и жертвы Холокоста” из лагеря моих персональных противников.

На сайте “Московского бюро по правам человека” один из моих почитателей обнаружил заявление, озаглавленное “Черносотенные книги снова на книжной ярмарке в Москве”, подписанное председателем Московского антифашистского центра Евгением Прошечкиным, президентом фонда “Холокост” и членом общественной палаты Аллой Гербер и директором московского бюро по правам человека Александром Бродом. Народ серьёзный, все при должностях. Правда, в литературном отношении это, конечно, не радзиховские и резники, но, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Эти деятели жалуются и негодуют, что Московская книжная ярмарка “уже много лет подряд привлекает к себе внимание правозащитников-антифашистов как крупнейший центр распространения ксенофобской литературы. Год за годом на стендах издательств продавались труды, пропитанные махровой ксенофобией <...> Демонстрировало свои книги и печально знаменитое издательство “Алгоритм”, специализирующееся на шовинистической литературе. Послед-

нее их издание – труд ветерана “патриотического движения” поэта Станислава Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста”. Автор преуменьшает признанную трагедию XX века, а также обрушивается на “происки и преступления” евреев в самых разных сферах... <...> В то время, как во многих европейских странах публичное отрицание Холокоста, пропаганда национальной ненависти жестко карается законом”. У меня от сердца отлегло. Слава Богу – первая серьёзная поклёвка, Пора подсекать. Но тут же мне повезло вторично: подписанты-антифашисты выразили возмущение книгой некоего, как они пишут, “научного расиста” Д. Раштана, **“пытающегося отстоять тезис о неравенстве рас”**. Ну как же могли забыть борцы против расового неравенства о том, что именно идеология “неравенства рас” и помогла всем “цивилизованным народам” выстроить цивилизацию Европы и Северо-Американского континента, когда в течение нескольких столетий “более развитые расы” заставили работать на себя бездельников, тунеядцев и дикарей Северной и Центральной Америки, ленивых рабов всего Африканского континента, Индии и Китая, Австралии и Новой Зеландии, Юго-Восточной Азии и бесчисленных островов Индонезийского архипелага. Выдающимися теоретиками этого мирового порядка были многие великие люди: англичане Томас Гоббс и Даниэль Дефо, Редьярд Киплинг и Оливер Кромвель, французы Жозеф Гобино и Наполеон Бонапарт, американцы Джон Вашингтон и Уолт Уитмен, немцы Адольф Розенберг и Адольф Гитлер. Но им всем было далеко до гениальных умов избранного народа, к которому принадлежит и наша антифашистская компания.

“Евреи, несомненно, представляют собой наиболее чистую расу из всех цивилизованных наций мира” (Нахум Соколов)

“Еврейская раса – одна из исходных рас <...> Еврейский тип сохранился – он существовал во все времена, во всех поколениях” (М. Гесс).

“Только одна сверхнация есть цвет и цель человеческого рода: остальные были созданы, чтобы служить этой цели, чтобы служить лестницей, по которой можно было бы подняться на вершину” (Ахад Хаам).

Вот какой гимн “неравенству рас” сложили отцы-основатели сионизма!

А за две с лишним тысячи лет до этого вожди ветхозаветного племени Ездра и Нехемия запретили своим соплеменникам заключать смешанные браки, а тем, кто уже успел совершить такую ошибку, они приказывали эти браки расторгнуть. Вот уже когда призрак нюрнбергских законов появился на горизонте истории, вот как ваши предки боролись за чистоту расы. Они знали всё о неравенстве рас, не заглядывая ни в какие книги. Вы же являетесь их прямыми потомками, и вам бы поблагодарить “научного расиста” Раштана, а вы на него донос в интернете публикуете. Ратуя за “равенство рас”, вы попираете ногами постулаты великих основоположников сионистского государства о принадлежности Палестины “избранному народу”, а не каким-то там нищим и оборванным бедуинам.

Алла Гербер много лет заседает в Общественной палате рядом с Николаем Сванидзе, знатоком истории. И это естественно, потому что Общественная палата у нас является своеобразным Синедрионом, куда попадают антифашисты самой высшей пробы. Давайте вспомним, как яростно сражался за свои идеалы Николай Сванидзе в программе “Суд истории”. Правда, он проиграл все поединки с Кургиняном, а потом даже и с Дмитрием Киселёвым. Но это только потому, что голосовали против него сплошные “совки”, ничего не понимающие ни в историческом процессе, ни в национальном вопросе, не знающие того, что светлейший ум еврейства Макс Нордау утверждал: **“Евреи обладают большей предприимчивостью и большими способностями, чем средний европеец, не говоря уже о всех этих инертных азиатах и африканцах”...**

Но глядя на подписантов антифашистского письма, я понимаю, что это, к сожалению, не относится к таким умам, как Евгений Прощечкин и Александр Брод, хотя оба они являются представителями того избранного народа, о котором великий Генрих Гейне, лёжа в кровати, парализованный, страдающий от сухотки спинного мозга, изъеденного сифилисом, писал: **“Еврейство – аристократия, единый бог сотворил мир и правит им, все люди его дети, но евреи – его любимцы”**. Но какой из Александра Брода аристократ и божий “любимец”, если его изгнали из нового состава Общественной палаты? Хотя в древности бывали похожие репрессии: именно так ветхозаветная иерусалимская бюрократическая элита изгоняла из святого города своих про-

роков и даже побивала их камнями за обличение властей. Но Александр Брод поступил, как недостойный сын своих великих пращуров: борясь за свои права человека и директора Московского бюро по этим самым правам, под покровом московской ночи он прокрался в апартаменты Общественной палаты и объявил там политическую голодовку. Смех да и только! И это вместо того, чтобы выйти на Красную площадь, на Лобное место, как это сделала в 1968 году семёрка храбрых диссидентов, возглавляемых грудным ребёнком Натальи Горбаневской, и закричать на весь мир: “Все расы – не равны, и потому мы являемся избранным народом!”

Как выродились потомки Ездры! Единственное, что они умеют – сочинять кляузы:

“Мы призываем организаторов выставки, генеральную прокуратуру РФ, Российской книжный союз – прекратить этот ежегодный черносотенный шабаш <...> высказать свои позиции в связи с непрекращающейся пропагандой неонацизма, расизма, агрессивной ксенофобии, антисемитизма”. Ну хотя бы вспомнили Брод и Прошечкин слова Генриха Гейне, полные восхитительной гордыни:

“Если бы евреев не стало и если бы кто-нибудь узнал, что где-то находится экземпляр представителей этого народа, он бы пропутешествовал хоть сотню часов, чтобы увидеть его и пожалить ему руку”... Слава Богу, у нас далеко ходить не надо. Люди самой чистой расы везде – куда ни плюнь... **Но таким, как вы, Генрих Гейне руки бы не пожал...**

(Продолжение следует)

ПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЯ

Беседа Станислава КУНЯЕВА и Альберта ЛИХАНОВА

14 октября Российскому детскому фонду исполнилось 25 лет. За четверть века Фонд помог выжить, выстоять, получить образование тысячам детей, нуждавшихся в защите и поддержке. Все 25 лет его возглавляет известный писатель, общественный деятель, лауреат Государственной премии России и многих международных премий, академик РАО Альберт Анатольевич Лиханов – человек, который считается самым авторитетным экспертом во всем, что касается мира детства. Альберт Анатольевич Лиханов также многолетний автор “Нашего современника”. Он поделился с нашими читателями отнюдь не юбилейными размышлениями.

– Недавно на одном представительном собрании вы огласили сокрушительные цифры: в России число насилий взрослых над детьми достигает 100–130 тысяч. За последние пять лет в России покончили с собой 14 с лишним тысяч детей... Похоже, сколько ни совершай дел на ниве спасения, защиты детства, бездонная яма детских бед в нашем отечестве меньше не становится. Что дает вам силы бороться со злом?

– Один из моих любимых героев – Дон Кихот Ламанчский. Чем велик этот роман Сервантеса? Тем, что он создал идеал веры, наивности. Наивность не может быть грязной, она всегда чиста. Наверное, я один из солдат этого дон-кихотского воинства. Мне кажется, без наивности, без бесконечной веры в то, что ты сражаешься и побеждаешь, жить не имеет смысла. Главная и спасительная идея – это работа. Надо искать свое дело и делать его. Если этому веришь и служишь – не сомневайся и не оглядывайся.

Жизнь одарила меня такими установками, наверное, еще и потому, что я дитя войны. В детстве у человека – широко открытые глаза. Они все видят, все впитывают, хорошее и плохое. Тогда было очень тяжело. И все же война часть нашего поколения одарила верностью идее, неугасаемой любовью к от-

---

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич (р. 13 сентября 1935 г.) — основатель и бессменный лидер Российского детского фонда, известный писатель и общественный деятель. В 1987 году по его инициативе создан Советский детский фонд имени В. И. Ленина, который в 1992 году преобразован в Международную ассоциацию детских фондов, а в 1991 году учреждён Российский детский фонд.

Книги Альберта Лиханова изданы тиражом более 30 миллионов экземпляров. Только на иностранных языках вышло более 100 его книг. В 2005-м, 2007-м и 2010 годах Альберт Лиханов признан Человеком года в России, в 2005-м — в США, в 2006-м удостоен международной медали “Freedom” — “за ежечасный и ежедневный вклад в мировую копилку добра”. Кембриджский университет включил его в список 1000 выдающихся европейцев XXI века. Альберт Лиханов награжден премией Президента РФ в области образования и премией Правительства РФ в области культуры.

цам, находившимся на фронте. Она нас обучала. В первую очередь, способности переносить лишения. Когда человеку ни в чем не отказывают, когда у него все есть, это плохо на него действует, он становится слабым, не способным к преодолению. Всю войну я мечтал о победе, жил только этим. Мне повезло — я рос в тыловом городе Кирове, но хорошо знаю, что такое голод, лишения и страдания. И главное, меня Господь одарил тем, что мой отец, старший сержант, прошел всю войну, его дважды ранило, но он остался жив. За это я благодарен судьбе. Став взрослым, я должен был чем-то ответить... Всегда ловил себя на мысли, что детский мир очень неустойчив, ему нужен проводник, путеводитель. И важно, чтобы наставничество было добрым. Мне на наставников повезло — это и замечательная учительница Аполлинария Николаевна Тепляшина, и моя бабушка Мария Васильевна, и моя мама — я их очень любил, и они меня любили...

— **Отвечая на эту доброту, вы и стали защитником детства?**

— Вышло так, что еще школьником я писал заметки и публиковался в газетах. После окончания отделения журналистики филфака Уральского университета с удовольствием кинулся в журналистику. Мне было страшно интересно жить, я хотел везде побывать, все узнать. Однажды судьба подарила мне историю с детдомовскими ребятами. В редакцию газеты, где я работал, пришла женщина — воспитатель в школе-интернате. Тогда руководитель нашей страны Никита Сергеевич Хрущев решил всех детей воспитывать в интернатах, чтобы они жили там всю неделю, в субботу после обеда посещали свою семью, а потом — возвращались в интернат. Это была чудовищная идея из области социальных утопий. И вот в интернате, в числе прочих детей, оказалось 50 первоклашек из детского дома. В субботу всех детей забирали, а детдомовцев — нет. Эти печальные малыши стояли на лестнице, и им тоже хотелось, чтобы их забрали... Мы напечатали в газете письмо этой женщины, чтобы добрые люди детей взяли. Я был автором репортажа о том, как всех детдомовцев разобрали по семьям. Но к концу учебного года лишь двоих ребят усыновили, остальных вернули в интернат! Это меня поразило, и с этой занозой я стал жить дальше.

Сейчас я вижу, что наши чиновники Министерства образования учредили патронат выходного дня, как форму благодетия для детей-сирот. Это преступление! Нужно понять, что одинокий ребенок ждет не какого-то гостевания, с подарками и даже со сладостями на десерт. Он ждет любви всерьез и навсегда. Он ждет человеческой опоры. Этого в упомянутой системе нет. И такой порядок вещей разрывает нынешняя педагогика! Это, по моему мнению, не педагогика, а наивное недомыслие, давным-давно оцененное хотя бы в моей повести “Благие намерения”, на которой выросли многие поколения разумных педагогов.

... Но возвращусь к случаю, о котором я рассказал. За 27 последовавших за ним лет я объехал и обошел множество сиротских заведений. Когда приезжал куда-то в командировку, шел в эти заведения — изучил их “от” и “до” и увидел, что они в жутком состоянии: нищета материальная, неважнецкое питание, дефицит книг, белья, автомобилей.

— Как же вам удалось убедить руководство страны создать Детский фонд?

— Став писателем, редактором журнала “Смена”, я тыркался в Министерство образования, ходил к секретарям ЦК комсомола, пытаюсь убедить в том, что государство должно серьезно заняться этой проблемой. Все со мной соглашались, но делу это не помогало. Один из моих приятелей — Виктор Прибытков был помощником тогдашнего секретаря ЦК Черненко. Я убеждал его: надо что-то менять, в стране миллион неблагополучных детей! Он, вздыхая, отвечал: у нас каждый работает в своем коридоре, а мой шеф к детским проблемам непричастен. Но однажды Черненко стал генсексом, и Виктор Прибытков позвонил мне и сказал: быстрее неси свою записку со всеми проблемами. И я через сутки принес записку из 48 пунктов. Еще через день узнал, что Гейдару Алиеву (который был тогда первым зампредом Совмина СССР) поручено готовить постановление ЦК и Совета министров. И в 1985 году появилось это постановление, в работе над которым я был главным соавтором. Через два года, когда власть сменилась, тогдашний председатель Совета министров СССР Николай Иванович Рыжков пригласил меня к себе и попросил рассказать о положении детей в стране. Встреча началась в 5, а закончилась около 9 часов. Рыжков внимательно меня слушал и, как я понял, вечером того же

дня разговаривал об этом с Горбачевым. Моя идея воссоздания Детского фонда была услышана. Рыжков через сутки предложил мне возглавить работу над новым постановлением ЦК и Совмина. Потом я выступал с докладами на президиуме Совмина СССР и заседании Политбюро. Говорил то, что считал нужным: о больных детях, о разных типах уродств, против которых у нас нет медицинской помощи, про детский дом для слепоглухонемых, прозябавший в Загорске в ужасном помещении. Я говорил, что надо в это вкладывать средства и этим заниматься. Ведь что такое детство? Это отнюдь не наше будущее, как часто говорят. Детство — наше настоящее. Это наша ответственность и наша забота. Фраза “Дети — наше будущее” — не что иное, как перенос ответственности за них на дальнюю перспективу. Для меня это неприемлемая формула. Наш фонд исповедует идею “Дети — наше настоящее”, причем печальное настоящее в массе своей. После обсуждения Горбачев предложил мне возглавить организационный комитет по созданию Фонда. А 14 октября 1987 года в Колонном зале мы провели конференцию и учредили Детский фонд. Меня избрали председателем. И с тех пор 25 лет я это тяну.

— **Что из того, о чем мечталось 25 лет назад, удалось сделать?**

— Это довольно тяжелая тема, потому что мы никогда не получали денег из бюджета. В первые дни существования Фонда я сам открыл счет в Сбербанке, мы с женой положили туда первый взнос — тысячу рублей. И люди нам стали посылать деньги. Это была, сравнивая с дореволюционным прошлым, кружечная милостыня. В кружки когда-то бросали копеечки, и на них храмы строили. Это русский синдром: всенародная помощь, строительство всем миром. Мы по утрам получали по 5–6 огромных мешков, в которых были тысячи корешков от почтовых переводов. От детей: на полтора рубля, на рубль — с трогательными записочками на обороте. От стариков... Помог нам и Фонд мира. На эти деньги мы купили полторы тысячи автобусов и грузовиков для всех детских домов Советского Союза, не говоря уже о массе других дел, среди которых разукрупнение групп в домах ребенка всей страны за счет Фонда, создание во всех сиротских заведениях попечительских советов, сотни тысяч книг, отправленных в детдомовские библиотеки.

Мы три года посылали десанты медиков в регионы Средней Азии и Казахстана, где была гигантская детская смертность. Благодаря этому удалось снизить показатели младенческой смертности на 22 процента, а смертности детей второго года жизни по Советскому Союзу — на 55 процентов...

Или наша программа “Дети Чернобыля”. Мы отправили в свое время десять тысяч детей в тридцать стран мира на лечение и реабилитацию. Только в 1990 году, и только на Кубу, по приглашению Фиделя Кастро, мы послали 1311 наших ребятишек из “чернобыльских зон” Белоруссии, Украины, России.

Получив письмо малолетних узников фашистских лагерей, решили провести их всесоюзный слет в Киеве. Там я впервые от имени общества извинился перед ними за то, что они забыты и заброшены. И постановлениями Правительства СССР Детский фонд сделали головной организацией, подтверждающей на основании документов или свидетельских показаний, что человек был в таком-то концлагере и, следовательно, имеет право на льготы — телефон вне очереди, санаторное лечение и т. д. Ведь в концлагерях справок не выдавали!

Мы создали при нашем Фонде Международный союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Эти люди до сих пор к нам приходят и благодарят.

Мы сами разрабатывали программы, сами собирали на них средства и сами их реализовали. Всегда, когда государству было плохо, мы оказывались рядом: армянское землетрясение, авария в Чернобыле, катастрофа на железной дороге Москва–Челябинск. Ну а потом — новые беды: Чечня, Беслан, Южная Осетия... Привозили детей в Москву, восстанавливали в собственном реабилитационном центре — естественно, всегда для детей бесплатно.

— **Какие из прошедших за эти 25 лет социальных перемен больше всего дают о себе знать в сегодняшней деятельности фонда?**

— Народ стал беден. К тому же ему внушена ложная идея — думай только о себе. Главная, на мой взгляд, беда — мы оказались в состоянии нарастающей человеческой разобщенности. Протянуть руку другому — всегда было в наших народных обычаях. Теперь все это если и не исчезло до конца, то идет к финалу уверенной походкой. Богатый — богат, бедный — пропадает.

Но другому бедному уже не поможет, и не только потому, что у самого ничего нет. А потому, что по несостоятельности своей никому не верит.

Изменилось и отношение власти к детству. Сегодня, увы, я не могу встретиться с лидерами страны и поговорить о положении детей в России. У меня такое впечатление, что всё, что было в истории и практике Детского фонда, тщательно стирается какой-то чудовищной резинкой беспамятства. Как будто этого не было. Как будто этого нет. Но дети – категория вневременная и вне-режимная. При любой власти они есть и будут, и понять надо простую истину: судьбы детей – сытых и голодных – решают их родители. А власть должна родителям помочь. А такие структуры, как Российский детский фонд, – мост между теми и другими.

Про детство сейчас много шума. Много слов. Выпускаются бумаги. Многовато, правда, бега на месте. Движение есть – продвижения мало. Благотворительное же движение – при вселенском суесловии о гражданском обществе – конструктивной поддержки не существует при аж миллиарде выделяемых из бюджета рублей. Но где они? На что истрачены?

Власть, и не произнося этих слов, как бы говорит: хотите работать – работайте, а мы будем выбирать, кому помочь, а кому – нет. По нашему вкусу. Но, как известно, между равенством прав и вкусом власти – “две большие разницы”.

Изменилось ли детство? Еще как! Оно лепится по образу и подобию взрослых. А получается еще хуже. Печально признавать, но в погоне за мамонной взрослые растеряли нравственность и культуру, а за ними следуют дети. Не все, конечно. И поэтому защита детства сегодня выдвигает на первый план тяжелейшее и мало видимое дело – защиту детской духовности, опирающейся на наши традиции, на русскую классику во всех областях.

От спасения жизни надо двигаться к спасению души...

– С чем вы пришли к юбилею фонда?

– Очень хотел бы радоваться, но не могу, поскольку это будет неправда. А правда состоит в том, что положение детей в нашей стране ухудшается. В России после войны было 678 тысяч детей-сирот. Сейчас 750 тысяч. Явственно заявляет о себе страшная беда – детский суицид. За последние пять лет покончили с собой 14 с лишним тысяч детей. По этому показателю мы на одном из первых мест в мире. Психологи и психиатры, к сожалению, как всегда, задним числом, разбираются: почему? Ссылаются на наследственность. На погоду. На возрастные проблемы. Я же на первый план поставлю трезвое понимание очень многими детьми недостижимости ими самых простых жизненных целей. Понимание, что они не призваны и даже просто не званы на праздник жизни. Да ещё когда всё вокруг так постыло: родители пьют, близкие ругают без конца и унижают, знаний не хватает, значит, что-то высокое не для тебя, и бедность твоего окружения не одарит тебя богатством, и влачить жизнь, какую влачат твои близкие – зачем? Так что бежать им некуда. И они бегут на небеса.

Каждый день по телевидению, радио, в газетах бесконечные сообщения про убийства. Почему-то утром вся страна должна узнать: пьяная или безумная мать выкинула из окна своего ребенка. Или педофилы надругались над детьми и убили их. Или вот недавняя история, когда пятерых ребят из московского интерната № 7 для детей с задержкой психического развития, их воспитательницу и мужа воспитательницы сбил пьяный шофер – всех насмерть. Я был на могиле ребятешек. Горько там! И меня не покидает чувство тотальной несправедливости. Эти дети и так были обделены. От них отказались родители, отдав их в это заведение. Их предали взрослые, которые родили их такими – не думали об их будущем, когда зачинали этих детей, чаще всего это пьянствующие или больные люди. Наш фонд каждый год фиксирует, сколько детей отнято, сколько их сдали в государственные и в негосударственные места. За двадцатипятилетие нашего мониторинга это число приблизилось к двум миллионам. И во взрослой жизни это граждане – сироты, которые не знали детства, не знали любви.

Думаю, получается так еще и потому, что у нас вопросы совести сегодня в забыты. Бессовестность вышла на первый план, она – победительница. Совестливые люди незаметны. Они делают свое доброе дело, и мало кто это видит и по достоинству оценивает. Часто над ними просто смеются.

– Вспоминаются слова из песни Высоцкого: “Чему нас учат семья

и школа?”... Что, на ваш взгляд, в этих основополагающих сферах необходимо срочно менять?

— Мне кажется, происходящее сегодня со школой ведет к самоуничтожению. 20 тысяч малых сельских поселений у нас согласно статистике в последние десятилетия исчезли с карты, а вместе с ними исчезают малокомплектные школы. Кто бы всерьез задумался, что маленькая сельская школа породила процентов 70 всей русской классики! Великое множество мастеров литературы и искусства выросло именно в деревне, в маленькой школе, где ребенку с любовью преподносили первые знания о жизни и обучали его чувству красоты, гармонии и справедливости. Ликвидируя эти школы, мы уничтожаем будущее нашей культуры. Цивилизация будет иметь другой вид, может быть, она будет более технологизирована, более совершенна в техническом отношении, но она, безусловно, будет менее душевной, человеческой. Думаю, что бездушевное, бездуховное общество, не сомневающееся ни в чем, это угроза развитию. И если мы хотим привести наше общество к такому равенству, это будет печальное равенство, когда все равны и все друг на друга автоматически похожи.

Очень серьезная проблема — падение авторитета школы. Моя первая учительница, Аполлинария Николаевна Тепляшина, не ставила двоек нам, малышам, а оставляла после уроков. И каждого из 40 детей в классе обходила по утрам, перед началом уроков и ложечкой давала витамин С, чтобы мы не заболели цингой. Это было во время войны. Она спасла нас от цинги. То есть учитель — прежде всего человек, который заботится о детях. Сейчас авторитет школы снижен: в основном школа разными путями стремится заработать на детях. И подталкивает её на это государство. Теперь школа — не любимый дом, куда бежишь с радостью, а магазин, где продается странный товар — “образовательные услуги”.

Что же касается семьи, то разве не очевидно: если человек не видел тепла, любви, заботы в детстве, он будет плодить эту ущербность в собственных отношениях во взрослой жизни! Семья сегодня нуждается в защите. Количество разводов у нас почти равно количеству браков. В результате дети становятся жертвами семейного неустройства. Они теряют веру, надежду, их лишают любви.

Сейчас стал модным гражданский брак, а это, на мой взгляд, облегченный вариант ответственности перед детьми. Бессемейность, равнодушие, бесстыжесть, безверие породили очень тяжёлое явление в нашей жизни: женщина отказывается от ребёнка в роддоме. И, как следствие, ребёнок гуляет по “казёнкам”. Ежегодно в стране делается около 2,5 миллиона аборт. То есть дети перестали быть ценностью, напротив, становятся обузой. Стыдно признавать, но то, что было раньше нашим национальным достоянием, сейчас переключалось на Запад: ребёнок там чаще всего радость и удовольствие, а в некоторых государствах — серьёзная прибавка к бюджету семьи.

Поэтому я всячески одобряю любые усилия власти в этом направлении, и особенно документы, которые наконец-то поддерживают “вымирающие” регионы при рождении там детей. На детях нельзя экономить. Напротив, инвестиции в детство — самые выгодные инвестиции. И здесь власти есть что делать.

Вот и в кредитной политике очень важно давать детородной семье такие кредиты на землю и дом, чтобы рождение третьего, четвёртого и пятого ребёнка аннулировалось по 30% займа, и при пяти детях семья обретала бы солидную собственность фактически бесплатно. Это же надо бы дать семейному детскому дому, приёмной семье, да и просто семье смешанной, где доброта была бы поддержана экономически. Такая практика рождена в Белгородской области. И как было бы важно морально и экономически встать на такой “русифицированный” путь, где не доброта служит деньгам и склоняется перед ними, а деньги служат доброте, нравственности, морали.

И здесь есть что сделать власти, есть что делать каждому из нас. Вот почему наш Фонд стремится поддерживать добрые поступки защитников детства и обращать общественное внимание на человеческую доброту как реальную экономическую и социальную силу. Это, кстати, мы ставили во главу угла, когда созвали Международный съезд волонтеров детства в день рождения Фонда, 14 октября.

— Что, с вашей точки зрения, было на нем главным?

— Главным было чествование людей, что-то сделавших на благо детства.

На съезд приехали истинные герои, многих из которых мы наградили. Лучшие родители-воспитатели семейных детских домов стали лауреатами новой премии “Благородному родительству – благодарное детство”, были вручены Международные золотые медали Льва Толстого за выдающийся вклад в защиту детства, оглашены имена новых носителей титула “Рыцарь детства”.

В числе награжденных, например, врач-гинеколог Надежда Константиновна Захарова из Саратова, мать четверых детей, которая по роду своей профессии ходила по роддомам, видела оставленных там матерями-“кукушками” младенцев. Так вот, эта женщина взяла семерых младенцев и всех их, как и четверых собственных, подняла на ноги. Они получили или получают высшее образование, находятся под ее защитой и опекой. К тому же она на собственные средства, взяв кредиты, построила огромный дом, в котором все дети имеют по комнате. Эта женщина столь удивительным образом себя реализовала и тем самым помогла государству.

Или семья Сорокиных из Ростовской области – он бывший детдомовец, а она простая селянка. За 24 года через их семью прошло 48 ребят, и они всех устроили, всех женили, замуж выдавали, построили жилье. И дети их совершенно счастливы, потому что у них всё есть – у них есть родители. Они получили самое главное – семью и семейную защиту. Это истории всего лишь двух из 368 семейных детских домов России, из 578 семейных детских домов в СССР.

А в Белоруссии детский фонд с помощью спонсоров постепенно купил 42 коттеджа. Эти коттеджи освобождены от всех налогов. В каждом живут муж, жена и не меньше десяти приемных детей. Они имеют государственную поддержку на каждого ребенка, и родители считаются воспитателями, государственными служащими. Это мы придумали, первыми заговорив в конце 80-х о семейной защите сиротства и создав альтернативу государственным детдомам. Так было и в России до 1996 года, пока семейные детские дома у нас не были переведены в статус приемных семей.

Родители в приемной семье получают не заработную плату, а вознаграждение. И у них нет социального пакета, как хотя бы у дворника – стажа, отпускных, больничный лист не оплачивается. Это экономично для региональных бюджетов, и вот беда: одновременно закрываются государственные детские дома. В то время как приемная семья еще не доказала, что может провести маленького человечка через всю его собственную жизнь. Наши семейные детские дома должны были доводить детей до совершеннолетия и устроить их в жизни. У приёмной семьи нет такого обязательства. И вообще, по нашим данным, из 100 000 детей, массово розданных в приёмные семьи, как минимум 30 000 возвращены обратно.

– Выходит, государственная программа ликвидации всех детских домов в течение 5–7 лет вас не радует?

– Нет. Сейчас в моде девиз “Россия без сирот”. Я сам донкихот, но в данном случае это, мне кажется, уже скорее не донкихотство, а шапкозакладательство. В России сироты будут еще долго – их рождает неблагоприятное общество. И не надо торопиться с закрытием государственной системы. Общественное наше устройство еще не готово полностью принять сиротство на себя.

Все, что происходит с человеком, происходит в детстве, все остальное только прибавляется, шлифуется. Дополнительные знания, дополнительные нравственные установки, линии поведения, ошибки – это все во взрослой жизни. И если хотим изменить общество в лучшую сторону – надо защитить и поддержать детство всеми возможными способами. Вот мы и перешли на практику “малых дел”. Хотя – как посмотреть.

Все 25 лет подряд мы открываем на сцене Большого театра – спасибо ему! – Международный день защиты детей. Только в Москву привозим 10 000 детей-сирот, инвалидов, детей из бедных семей в этот день, и каждый становится гостем лучших театров столицы, каждый получает подарок, а многие – увы, не все! – обедают в лучших ресторанах. Всё это – на благотворительной основе. Всего же только в этот день не меньше 100 000 ребятшек получают нашу поддержку. Часто просто моральную – например, книжку в подарок. А то и посерьезнее – бесплатную, например, операцию.

Важнейшей своей обязанностью считаем помощь конкретному – имярек – ребёнку. Ну, например, к нам обратился семейный детский дом из

Молдавии: одному из его воспитанников требовалась операция на ноге, а таких там не делают. Только в Кургане делают, в институте имени Г. А. Илизарова. Нас с Гавриилом Абрамовичем связывали добрые отношения, он по нашему обращению выручил десятки, если не сотни, детей, но... его уже нет. Однако продолжатели его дела оказались достойны памяти учителя: “нашего”, “детфондовского” мальчика прооперировали дважды, все “межгосударственные” заморочки мы преодолели, и паренёк уверенно вступил теперь во взрослую жизнь.

Есть у нас и такая программа: “Собрать ребенка в школу”. Множество бедных россиян не могут самостоятельно собрать детей в школу. И наши отделения собирают портфели, учебники, тетради, чтобы ребенок пошел в школу.

– **Одна из ваших программ носит название “Детский туберкулез”. Почему вы взяли за сугубо медицинскую проблему?**

– Туберкулез – социальная болезнь. Она появляется и развивается от бедности – плохого питания, плохой одежды... Каждый год в России туберкулезом заражается 280–290 тысяч детей и подростков. Заболеваемость их туберкулезом увеличилась только за последние 10 лет более чем в 2,5 раза. Этот показатель в 15 раз превышает уровень заболеваемости детей туберкулезом в развитых странах Европы. А помочь мы хотим следующим образом. В стране существуют детские противотуберкулезные санатории, где собираются дети бедных родителей. Их там лечат и кормят до полугода. Но государство не отвечает, например, за то, как одет ребенок. Он приходит из бедной семьи, на нем какое-то бельишко, какая-то одежонка, и все это после первой же машинной стирки превращается в прах. Мы объявили эту программу, чтобы обеспечить детей необходимым в условиях, когда государство не обязано по существующим правилам это делать. А оно, похоже, не обязано обеспечивать детей рубашонками, трусиками и т. д., пополнять санаторские библиотеки хорошими книгами. Мы хотим государство хоть чуточку от срама этого избавить...

– **На кого рассчитана ваша программа “За решеткой детские глаза”?**

– С самого начала мы ориентировались на детей беспомощных. Женщины в колониях нередко рожают. В десяти женских колониях есть Дома ребенка. Детям там не хватает самого элементарного. И мы организовали программу помощи таким Домам ребенка. Впрочем, мы сейчас вынуждены сократить ее из-за недостатка ресурсов.

А вот, например, наша программа “Коровье стадо”, в отличие от этой, развивается! Деревня, как известно, вымирает. Есть масса пригородов, где собираются бедные люди, многодетные семьи в том числе. Люди хоть и пригородные, а на самом деле сугубо деревенские и бедствующие. И вот мы таким людям стали дарить корову при условии, что первая же телочка дарится другой многодетной семье. И дело пошло! Сейчас коровье стадо Детского фонда, как мы его в шутку называем, приближается к тысяче коров. В некоторых регионах дарят коз и других животных. Полагаю, это и есть гражданское общество – когда люди понимают, что должны животину вырастить и отдать другому, поскольку им такую же подарили. Это чувство осознания долга – очень важная часть гражданского общества, о котором столько песен спето, но мало кем услышано. Вот это бы поддержать, выделить квоту отделениям Детского фонда от животноводческих ферм на местах, которые давали бы бесплатно эту скотину бедным семьям.

– **Что больше всего помогает вам в вашей деятельности?**

– То, что дороже и важнее денег – нравственная составляющая. Желание помочь. Готовность отдать свои силы в помощь страждущим детям. К примеру, почти 25 лет работает у нас Любовь Константиновна Крыжановская, директор сразу нескольких наших благотворительных программ. Сама она из Грозного, там могилы ее родителей. Когда началась чеченская война, дом её разрушили, а она, будучи тогда председателем отделения Детского фонда в Чечено-Ингушетии, случайно уцелела и приехала к нам.

Программа, которую Любовь Константиновна ведёт до сих пор, называется “Фронтовые дети Чечни”. В неё были включены 72 ребёнка, получивших огнестрельные ранения. И это – 72 истории, каждая из которых достойна отдельного рассказа.

Одной из девочек, её зовут Марха, разрывом снаряда оторвало обе ножки. Этим же снарядом убило её маму. И вот мы привезли девочку в наш сов-

местный тогда с Российским фондом мира детский центр протезирования “Стремление”. Привезли, устроили – вдруг звонят: малышку надо срочно в инфекционную больницу. Крыжановская летит к протезистам, забирает девочку, везёт в инфекционную, прямо-таки живёт в больнице, пока малышку приводят в правильное состояние, снова перевозит в “Стремление”. Эту девочку протезировали несколько раз, и делали это, конечно, врачи, но всё остальное – а это и квота на протезы, и другое лечение, и встречи, и проводы – делала (конечно, не за деньги) наша Любовь Константиновна.

Могу с гордостью признать: большинство наших сотрудников именно такие.

– **Кто и что больше всего вам мешает ?**

– Мешает отсутствие государственной поддержки. Во многих странах благотворительная деятельность поддерживается финансово. У нас нет такого количества миллионеров, и они пока еще не насытились настолько, чтобы этим делом заниматься всерьез. Многие богачи нынешние предпочли бы иметь карманные фонды. А мы гордимся тем, что мы ничьи, мы – всехние! Хотя это труднее. Когда человек независимый – ему всегда тяжело. Организации – тем более.

Сейчас у нас придумывают разнообразные “поддержки”. Принято решение о том, чтобы экономически поддерживать “социально ориентированные” некоммерческие организации по их программам. Некоммерческие организации могут иметь коммерческую деятельность, но не должны иметь прибыли.

А мы вообще благотворительная организация, не облагаемся налогами, наша деятельность не носит коммерческого характера. Названия наших программ говорят сами за себя: “Детский туберкулёз”, “Семейный детский дом”, “Глухие дети”, “Коровье стадо Детского фонда”, “Духовная защита”, “Детская библиотека” и так далее... Мы гражданская общественная организация помощи детям, полностью от начала до конца, по смыслу своему, не говоря о делах, ориентированная социально. Но нам этого статуса чиновники Минэкономразвития не дают, хотя наши отделения по всей стране его иногда получают. Ну разве это не чиновная абракадабра и произвол? Ведь федеральное министерство нарушает закон о благотворительных общероссийских организациях, ибо по закону и уставу открывает и закрывает свои отделения Центрального правления фонда. Мы собираем средства и тратим их – исключительно на детей. Загляните в наши отчеты, ежегодно представляемые в Минюст, и все станет ясно. Увы, чиновный произвол, он и при демократии произвол!

– **75 отделений в России и СНГ, Научно-исследовательский институт детства, Детский реабилитационный центр под Москвой, Центр для сирот-младенцев при московской Морозовской больнице, три журнала, издательство, тысячи активистов – только этим структура Российского детского фонда не исчерпывается? Что я пропустил, о чем еще не знают наши читатели?**

– За перечисленным – прежде всего тяготы и страдания. Да, у нас есть Детский реабилитационный центр под Москвой. Отовсюду, где случались беды – разлив нефти в Коми, Чернобыль, Чечня, Беслан, Южная Осетия, мы привозили сюда раненых, потерянных, испуганных детей за свой, а не за казенный счет и выхаживали их. В ответ удостоены потрясающего рекорда: сто судов прошли наши службы, отбивая по закону принадлежащую нам собственность и землю.

Как вам глянется такая наша востребованность? Ведь это же люди, представляющие государство, чиновники от макушки до пят, говорят нам, общественной организации: идите вон, мы не дадим вам работать, даже нарушив все законы, коли понадобится. И мы судимся. Вместо того чтобы в ближайшем Подмоскovie создать современный Артек, утраченный в Крыму. И все-таки мы создаем новую версию Детского реабилитационного центра.

Делаем своё дело с трудом, с болью, с тяготами, не благодаря, а вопреки. Но – делаем.

– **К юбилею Российского детского фонда был издан том “За! Малых сих”, составленный из ваших статей, выступлений, интервью. А прибавилось ли Ваших художественных книг, посвященных миру детства? Остается ли время на литературу, творчество? Как вы соединяете литературу и общественную деятельность в таких масштабах? Приходилось ли откладывать начатые книги, повести, романы потому, что дел в фонде было невпроворот?**

– Я и сейчас отложил на несколько месяцев работу над романом, написанным черне. Горюю по этой причине. Но знаю, что должен отдать фонду то, без чего он не обойдется. Ведь я добровольно принял на себя эту ношу. Значит, винить некого.

Конечно, соединять литературу и общественную деятельность не просто. Но всякому человеку, мне думается, важно слышать собственное требование к себе. Тогда выбор будет естественным. И не надо бояться нырять в глубины жизни. Надо просто видеть, что вокруг тебя, и не предоставлять себе такой льготы – отводить глаза в сторону.

Я и раньше-то никогда не был автором розовых историй или волшебных сказок. А три моих последних романа – анализ того, что произошло (и происходит!) с детством под гнётом нынешних “духовных реконструкций”. Это романы “Никто”, “Сломанная кукла”, “Слётки”. Диалогия “Мальчик, которому не больно” и “Девочка, которой всё равно” – другой срез и для других возрастов, но эти повести тоже обращены к детским бедам. Как и повесть “Эх, вы!..” и рассказ “Свора”, недавно опубликованные в журнале “Наш современник”.

Не служил бы я 25 лет детству в фонде, обращённом к детским страданиям, может быть, жил бы легче, проще. Был бы более издаваем, наверное. Хотя жаловаться грех. В последние годы вышли два собрания сочинений, а на ТВ – пять документальных фильмов о семейных детских домах, которые я же придумал.

Знаете, в этом есть огромная – но внутренняя, не внешняя – радость: сначала что-то в жизни придумать, спроектировать, много лет делать практически, а уж потом про это написать, снять, рассказать.

Детский мир страждущих, униженных и оскорблённых вызывает о помощи к нам. Нелёгкая, часто скорбная, кремнистая дорога. И её, может быть, не выбирают. Её подают. Как испытание и как благодать.

– **Что видится вам впереди?**

– К сожалению, я не выступлю сегодня в роли оптимиста. Фонд у нас общественный. А в России общественное уступает частному. Частное побеждает. Появился термин “частно-государственное партнерство”. А термин “общественно-государственное партнерство” – исчез. Почему? И не слишком ли опрометчиво?

Выходит, тот, кто крут и быстро схватил – тот и процветает, и не делится с другими. Это общее бедствие.

Мне кажется, наша организация играет важную выравнивающую роль. Мы помогаем тем, кому больше никто не хочет помочь. По нашему законодательству можно на организацию благотворительной деятельности тратить двадцать процентов. Мы не берем ничего, то, что предназначено на благотворительность – тратим целиком. А то, что нужно на организацию, находим из других источников.

В западном понимании фонд – это деньги и управление ими. Мы же с этого только начинали и никогда на этом не останавливались, поскольку главным образом думали о том, чтобы реализовать придуманные нами программы. И все, что мы собираем, просим, ищем, – это не для нас – а для детей. Это главная заповедь, которую мы исповедуем.

– **Какой станет деятельности фонда в ближайшие годы? Семейная форма опеки над сиротством сохранится, получит новый импульс к развитию, или есть другие идеи?**

– Как цыганки говорят: “Что было... Что будет...”. Кто это знает? Вот когда мы начали программу “Детский туберкулез”, то выпустили независимый доклад фонда с таким же названием. Иосиф Кобзон вручил его лично президенту, прямо в руки, вскоре после президентских выборов. Тот обещал рассмотреть самым серьезным образом. Предполагаю, что дал поручение. Как сказал шекспировский Гамлет: “А дальше – тишина...” Колотимся в одиночку. Деньги собираются с трудом. С первыми пятью миллионами, которые дал народ, начинать такую тяжёлую программу нельзя... Так что выбора у нас нет. Точнее, выбор есть, и он один: работать, биться, достигать. В меру сил и возможностей. Повторяя при этом: мы – профессионально структурированная гражданская организация, к сожалению, не востребуемая властью.

В нашем начале мы были помощниками власти на самом высшем уровне. Например, совершенно новыми были наши программы “Слепые дети”, “Глу-

хие дети”, поддержка новых технологий в лечении детей, больных ДЦП, организация первых усложненных черепно-лицевых операций детям-сиротам уникальными американскими хирургами. При этом, уезжая из страны, эти хирурги хранили свое оборудование в бухгалтерском сейфе Детского фонда – это ведь не случайность какая-то, а уровень доверия к нам. Фонд способен, готов, структурирован для того, чтобы решать серьезные социальные задачи для всей страны. И когда у нас были народные деньги, мы ничего не просили у власти. Повторюсь: теперь народ обеднел. У олигархов – свои фонды. И мы говорим власти: повернитесь к нам. Мы готовы быть ответственными социальными партнерами. Но вынуждены – хотя я уважаю эту теорию – заниматься малыми делами.

Конечно, доброе дело всегда найдет лазейку: в программе “Глухие дети”, по которой двадцать тысяч детей бесплатно получили от нас слуховые аппараты, появилась новая строчка под названием “кохлеарные имплантации”. Это когда малышам, рожденным без слуха, особые хирурги под водительством профессора Георгия Таварткиладзе внедряют специальную, очень дорогую технику. Цена одной операции – один миллион рублей. А дорога? А то обстоятельство, что семья такая, как правило, бедна и операцию-то надо делать до пяти лет? И мы устраиваем так, что операция делается бесплатно. А к этому прилепился еще одна приятная новость: “Райффайзенбанк” подарил нам бонусные мили, которыми мы оплатим дорогу бедным детям и сопровождающей их маме.

Даже если Детский фонд выручит одного ребенка в день – это уже для кого-то спасительный результат. А мы живем под девизом “Ни дня без доброго дела”. И у нас семьдесят с гаком отделений! Так что... люди добрые – и злые, но разумные! – не отворачивайтесь от детей! Своих и чужих!

– Какая проблема детского мира заботит вас сейчас больше всего?

– Главная беда, что во многих ситуациях дети становятся разменной монетой. К детям относятся не как к личностям, не как к гражданам. Но между дитем несмышленным, как у нас говорят, и взрослым никакой разницы нет. Наоборот, у детства есть одно замечательное преимущество – оно искренне. Да, дитя – это чистый лист, и это идеал человека, потому что говорит, думает, чувствует так, как может поступать только неиспорченная личность. А развитие человеческое Толстой всегда называл отступлением от этой первоистины.

Мы ведем мониторинг положения детей-сирот и знаем, в каком состоянии наш детский мир. У нас множество детей, у которых руки-ноги целы, но которые заняты совершенно не тем. Происходит дебилизация детского общества. Так надо этому детскому обществу показать: посмотрите, слепой, лишенный всего, что у вас есть, блестяще себя реализует!

Болезнь нашего Отечества состоит в том, что мы своих собственных детей не любим. Или любим кое-как. Наше представление о любви – это сыт, обут, двоек нет, и слава Богу. Надо восхищаться детьми. Есть понятие инвестиция. Но главная инвестиция нашего общества должна быть в детей. Тогда у нас будет все в порядке. Когда у нас будет культ ребенка, так же, как и культ старика, – только тогда наше общество выздоровеет.

Кто-то считает детство не таким-то уж и важным отрезком жизни: вырастает человек, и из детства вспоминает только хорошее или забавное, всё, мол, самое серьезное – впереди.

Да нет, всё, что впереди, происходит из детства.

АЛЕКСАНДР СТРИЖЕВ

ПРОРОК В СВОЁМ ОТЕЧЕСТВЕ

К 150-летию со дня рождения С. А. Нилуса

Было время, когда о Сергее Нилусе в открытой печати совсем ничего не говорилось. Казалось, что для этого имени уста и не разомкнутся, так плотно они некогда были сжаты от страха. И вот всё переменялось. Теперь стало нормой: любишь родную страну – знай Нилуса. Именно он, талантливый и чуткий писатель, своим духовным зрением предвидел всё то, что стало в мире явью, а по существу, недугом вселенной. И только ли своим духовным зрением предвидел? Ведь кроме личного опыта, его пророческое умозрение обострялось превосходным знанием апостольских и святоотеческих писаний, через усвоение наставлений русских подвижников благочестия и непосредственное общение с великими водителями совести – старцами. Книги Сергея Нилуса ныне наиболее читаемы благочестивыми людьми, как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. Добрые люди называют их душепитательными, а злые – вредными. Да и как по-другому, если писатель сдергивает маску с лицемеров, раскрывает тайные замыслы служителей дьявола?

Свою первую большую книгу Сергей Александрович Нилус назвал “Великое в малом”. На примере Саровских впечатлений он рассмотрел святость старца Серафима не только в свете почитания, – а оно было всенародным, – но и во всё возрастающем нравственном его влиянии на раненую душу современного человека, на ее просвещение евангельским учением. Сам Сергей Александрович к 1903 году, когда во многом определилась эта его книга, оставил позади жизнь по стихиям мира, став благочестив, он был уже свободен от пороков своей молодости, оказался пригодным для стяжания даров Божиих – благодати Духа Святого, вдохновения спасительного и пророческого. Человек, склонный к добру, любящий ближнего не менее чем себя, совершает подвиг во имя Христа, и этот подвиг в пределах возможностей одного человека пусть и не велик, но ведь из малого складывается великое. Заглавие вполне отображало содержание всей книги.

Во второе издание своего труда “Великое в малом” С. А. Нилус включил важнейший и принципиально новый раздел “Антихрист как близкая политическая возможность”. В предисловии к этому разделу автор пишет:

“Все усилия тайных и явных слуг антихриста, его сознательных и бессознательных работников разрушения, устремлены теперь на Россию. Причины понятны, цели известны. Они должны быть известны и всей верующей и верной России. Чем грознее надвигающийся момент, чем страшнее скрытые в сгущающемся мраке грядущие события, тем решительнее и смелее должны биться бестрепетные благородные сердца, тем дружнее и бесстрашнее долж-

ны они сплотиться вокруг своего священного знамени – Церкви и Престола Царского. Пока жива душа, пока бьется в груди пламенное сердце, нет места мертвенно-бледному призраку отчаяния”. Заметим, что второе издание книги “Великое в малом” выпущено в свет в конце 1905 года, когда Россию уже начали сотрясать разрушительные натиски революционной черни. В разделе об антихристе и его слугах Сергей Нилус поместил попавшие в его руки “Протоколы сионских мудрецов”, содержащие планы подчинения всего христианского мира “избранному” богоборствующему народу. Конечно же, выход такой книги злодеи подвергли заговору молчания, а весь тираж был ими скуплен и уничтожен: сохранились единичные экземпляры. Но “Протоколы” со света в темные тайники уже не вернуть, они, хоть и медленно, но делались достоянием общественности.

За саровским циклом публикаций последовал оптинский. В Оптиной писатель будет безвыездно жить свыше пяти лет (1906–1912), работая над своими замечательными книгами. Первая из них “Сила Божия и немощь человеческая”, в основном, создана на материалах монастырского архива с широким использованием записок игумена Феодосия (Попова). Книга эта написана С. А. Нилусом за короткий срок, в ноябре 1907 года она уже была готова к печати. В своих записках игумен Феодосий доверительно поведал историю своей души, стремящейся к Богу, к сокровищам нетленным. На его примере писатель убедительно показал пути спасения современного человека, и пути эти связаны с духовным восхождением. Литературная обработка монашеского архива открыла перед писателем широкие возможности создавать оригинальные, глубоко поучительные произведения. Следующее из них – книга “Святые под спудом. Тайна православного монашеского духа” (окончена в апреле 1909 года). С ее страниц также повеяло святостью прозорливых оптинских старцев, “предваривших верных духовных чад своих о том, что именно нашему времени суждено в особенности готовиться к исполнению времен”, и неустанно повторявших апостольское предупреждение: “Чадца, последнее время!”

Центральная оптинская книга Сергея Нилуса – “На берегу Божьей реки”. Ее подзаголовок “Записки православного” указывает на характер выбранного жанра: записки личные, содержат эпизоды из жизни православной. И действительно, автор раскрывает здесь суть прикровенных бесед с оптинскими старцами, устремленными к Богу и нашедшими уединенный приют в святой обители. Их суждения мудрые, поучения назидательные, а пророческие слова о грядущих судьбах России полны горечи эсхатологических предчувствий. Сергея Нилуса оптинские монахи по духу считают своим и утайки от него не держат никакой. В этой обители он некогда хранил рукопись “Протоколов”, здесь же зарождалось у него и мистическое их истолкование. “На берегу Божьей реки” – книга безпримерная во всей русской литературе, каждая ее страница благоухает святостью и насыщена мудрыми духовными размышлениями.

В мае 1912 года состоялся отъезд С. А. Нилуса из Оптиной пустыни. Предлежал путь на Валдай, поближе к святыне Иверской. Монастырь этот воздвигнут тщанием патриарха Никона в середине XVII века. Поселился Сергей Александрович в доме, где в свое время жил беллетрист Всеволод Соловьев, сын знаменитого историка Сергея Михайловича Соловьева. Дом еще хранил память о своем прежнем хозяине, писателе честном, весьма русском, умелом разоблачителе происков темных сил, изнуряющих нашу страну. Здесь Сергей Нилус и принялся за свою главную работу – вскрывать тайны беззакония, предупреждать христианский мир о надвигающейся смертельной опасности, носителями которой являются агенты антихриста – богоборцы и их приспешники из революционного стана. Раздел “Антихрист как близкая политическая возможность” из второго издания книги “Великое в малом” он решил не только переработать – такая переработка вышла в свет еще в 1911 году и называлась “Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле”, – но и значительно расширить, а по существу, изложить более полную версию неотвратимых событий. Книга получила название “Близ есть, при дверях”, то есть антихрист близок, при дверях, и стоит ему занести ногу через порог, как окажется со своими приспешниками в каждом доме. При создании этого уникального труда С. А. Нилусом для доказательств заговора темных сил было привлечено множество источников, как русских, так и зарубежных. Тотальный сговор боссов против России получил, таким образом, подтверждение из самых разных стран, и разворачивающиеся современные события были всего лишь иллюст-

рацией к их планам. Некоторые главы по еврейскому вопросу автору, возможно, по настоянию его духовника (им был архиепископ Вологодский Никон), пришлось оставить за пределами этого издания. Книга напечатана и выпущена из типографии в канун 1917 года, и в продажу поступила лишь часть тиража, остальное хранилось на складе в Троице-Сергиевой лавре. Когда разразилась Февральская революция, одним из первых актов масонского правительства стало распоряжение об уничтожении этой книги С. А. Нилуса. Все экземпляры “Близ есть, при дверех”, находившиеся на складе или в пути, были изъяты и уничтожены, и уцелела только распроданная часть тиража. При чрезвычайно остром интересе в патриотической среде к поставленной проблеме цена за каждый экземпляр книги возросла в сотню раз, но и за большие деньги далеко не всегда удавалось приобрести ее, запрещенную и потаенную. В революционную смуту за хранение этой книги полагался расстрел, но приверженцы веры Православной, исповедники и новомученики, которыми так сильна истина, сумели сберечь писания Сергея Нилуса. Ныне его стержневая книга исключительно востребована: за последние 10 лет издана не менее двадцати раз, практически стала доступна каждому разумному человеку. Ее называют пророческой, и на то есть все основания.

В апреле 1917 года писатель покинул Валдай и, прожив недолгое время в Киеве, уже летом того же года переехал в имение князя Владимира Жевахова Линовица, что на стыке Полтавской и Черниговской губерний. Заводили смуты повсюду разжигали ненависть, кипела она и на Украине, но в патриархальной глубинке устои менялись не столь круто, как в Великороссии. Линовица стала пристанищем для Нилуса на целых пять лет. Здесь он под молитвенным прикрытием подвижников благочестия и под заступлением Божией Матери продолжил свою главную работу над разоблачением тайны беззакония — исправлял, а затем и вовсе заново переделал и переписал книгу “Близ есть, при дверех”. Эта пятая, и последняя версия его книги теперь напечатана — рукопись, несмотря на невероятные испытания, уцелела, и она хранит следы огромного труда автора (Сергей Нилус считал себя составителем, поскольку для своих доказательств приводил свидетельства из множества источников). Там же, в Линовице, Сергей Александрович создал и вторую часть книги “На берегу Божьей реки”, напечатанную лишь в 1969 году, и то не полностью.

Если книги С. А. Нилуса рассматривать в целом как произведения духовные, — а они таковые, бесспорно, и есть, — то сквозь искания святости, через напряженную борьбу добра со злом явно проступает пророческий смысл его писаний. Сергей Нилус — состоявшийся пророк в своем Отечестве, признанный духовный писатель и талантливый государственный деятель. Его мысли овладевают сердцами множества людей на всех континентах, он понят и на своей великой Родине, в России. Пророк состоялся и принят в своем Отечестве — обычное ли это дело? В случае с нашим духовным писателем такое произошло.

Исполнилось 150 лет со дня рождения Сергея Александровича Нилуса. Родился он в Москве 25 августа 1862 года, а жизненный путь свой окончил 14 января 1929 года в селе Крутец, невдалеке от города Александрова, что на самой границе Московской и Владимирской земель. Могила его отмечена высоким крестом, воздвигнутым почитателями. Православные люди не забывают это памятное место.

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ. РАЗМЫШЛЕНИЯ

Громовые раскаты

В стране прошли парламентские и президентские выборы. Два этих события, казалось бы, ставшие уже традиционными и привычными, неожиданно всколыхнули общество. Политическая и социальная стабильность – главное завоевание страны в постъельцинскую эпоху – зашаталась прямо на глазах. Свист в “Олимпийском”, Болотная площадь, проспект Сахарова и “живое кольцо” по Садовому, писательские прогулки и т. д. сформировали новый вызов перед страной. Власть и общество (по крайней мере, самая активная его часть) в очередной раз оказались по разные стороны баррикад.

И пусть никого в Кремле и на Старой площади не обманывает возникшая в протестном движении пауза. **Политический кризис налицо, и дальше он будет только углубляться.**

Одни объясняют этот кризис системным разрывом в развитии гражданского общества и государственных институтов. Другие – системной коррупцией и возвратом к либеральным ценностям. Я бы сформулировал этот вызов гораздо проще и короче: **кризис доверия.**

Чем заканчивается кризис доверия, мне и поколению, пережившему социально-политическую катастрофу развала СССР, хорошо известно. **Ситуация конца 80-х годов прошлого века поразительно похожа на сегодняшнюю, совпадения очевидны вплоть до деталей.**

Негативные последствия кавказской войны для России не уступают, а по некоторым показателям превосходят последствия войны афганской. Выстроенная за последние годы властная вертикаль с точки зрения системных рисков ничем не отличается от “направляющей и организующей”...

Именно это обстоятельство – схожесть симптомов, а значит, и грядущих последствий – заставило меня взяться за перо. Мне достаточно много лет,

---

РЫЖКОВ Николай Иванович родился в 1929 году в Донецкой области. Окончил Уральский технический университет. Работал главным инженером и генеральным директором Уралмаша. Лауреат двух Государственных премий СССР. Секретарь ЦК, затем Председатель Совета министров СССР. С 1995 года — депутат Госдумы, с 2003 года — член Совета Федерации.

страсти молодости и амбиции зрелости уже давно позади. Мне не нужны награды и почести. Меня трудно заподозрить в карьерных устремлениях.

Оправдываться я тоже не собираюсь. Мы в свое время проиграли. Мне тяжело, но не признавать этот факт я не могу. Без признания ошибок и их анализа движение вперед невозможно. **Единственная цель этих размышлений – предостеречь нынешнюю власть от повторения ошибок прошлого, наших ошибок.**

Власть должна срочно предпринять все меры для преодоления сформировавшегося кризиса доверия. В противном случае нас ждёт развал России. Для повторения сценария начала 90-х годов не хватает всего одной маленькой детали – падения цены на нефть. И цена эта формируется не за Кремлёвской стеной, а на нью-йоркской бирже.

Начну с симптоматики.

Реакцией власти на первые симптомы кризиса стало подчёркивание своих заслуг за последние 10 лет: рост благосостояния граждан, финансовая стабилизации и снижение уровня террористической угрозы. . .

Всё так. И заслуги реальные. И авторство их неоспоримо. Однако проблема в том, что когда кризис развивается в такой деликатной сфере, как доверие (а доверие и вера всегда нацелены в будущее), конфликтная зона расположена в области эмоций, поэтому прошлые заслуги не могут быть аргументом в споре двух сторон. А зачастую даже наоборот: долгая совместная жизнь служит отягчающим фактором конфликта.

Не случайно в народе говорят: чтобы заслужить доверие – необходимы годы, а чтобы потерять – достаточно одного мгновения.

У КПСС заслуги прошлого были куда весомее. Это индустриализация страны и победа в Великой Отечественной войне, когда на карту было поставлено само существование нашего государства и народа. Это и восстановление в кратчайшие сроки послевоенной экономики, и создание атомной промышленности, и выход в космос. Я уже не говорю про уровень безопасности и социального обеспечения, про бесплатное обучение, медицинское и пенсионное обслуживание.

Тем не менее, когда осенью 1991 года с подачи Ельцина и Горбачева распустили партию, то никто из 15 миллионов (пятнадцать миллионов!) членов КПСС не выступил на её защиту.

Сейчас многие считают, что разрушение великой державы – это проект наших западных антагонистов, прежде всего США. Другие утверждают, что участь СССР или “большой России” была исторической закономерностью: распад Римской империи, Византийской, Австро-Венгерской, Британской и т. д. Доводы и тех и других мне кажутся излишним упрощением.

Понятно, что давление извне, как политическое, так и силовое, существует и существовало всегда. **Россия с её природными богатствами и выгодным транзитным положением издревле является лакомой целью.** Как не вспомнить обращения “госсекретарш” США госпожи М. Олбрайт и госпожи К. Райт к мировой общественности: дескать, Россия не имеет права самостоятельно распоряжаться своими полезными ископаемыми. Они, мол, принадлежат всему миру. Попробовал бы министр иностранных дел России потребовать от США вернуть Аляску и другие, не трудом праведным, приобретённые территории! “Демократическая” пресса очень быстро сделала бы этого человека, в лучшем случае, невменяемым.

На протяжении десятилетий Запад и, в первую очередь, США мечтали о крахе нашего государства. Исключение было только в годы Второй мировой войны, когда лидеры этих стран поняли, что в случае победы гитлеровской Германии крах и их государств был бы неизбежен. Но не прошло и года после окончания Второй мировой, когда бывшие союзники объявили “холодную войну” Советскому Союзу. Лидеры Англии и США прекрасно понимали, что СССР не втянется в третью мировую войну: европейская часть страны лежала в руинах, потеряны 27 миллионов самого трудоспособного населения, тяжелейшие социальные условия жизни людей – и это только неполный перечень проблем Советского государства того времени. Западом была поставлена задача: в гонке вооружений измотать нас экономически, тем более что созданный блок НАТО имел значительно больший экономический потенциал, нежели СССР и страны Европы, входившие в Варшавский договор.

Сорок лет такого противостояния не могли не сказаться на внутренней жизни страны. Большое отвлечение материальных и финансовых ресурсов на оборону сдерживало решение социальных проблем: обеспечения населения продуктами питания, промышленными товарами, строительства дорог, жилья и т. д. В войну и сразу после неё люди понимали, что все эти затраты необходимы – слишком свежа ещё была память о великом лихолетье. Со временем это сознание притупилось.

Устойчивость любой системы (а государство это, прежде всего, система) зависит от её внутренней силы, от способности противостоять внешним вызовам.

Источником внутренней силы государства является наличие общей Цели, её осознание и принятие всеми слоями общества. Проще говоря, **именно люди, их вера в будущее, вера в справедливость и праведность общей цели, вера в руководство страны является главным условием устойчивости и эффективности управленческой системы, устойчивости государства.**

Реакция нынешней власти на первые признаки кризиса доверия свидетельствует, что она повторяет ошибку властных структур конца 90-х годов. Признание одной части общества здоровой и правильной, а другой – нездоровой и неправильной говорит о том, что кризис является обоюдным: как со стороны государства, так и со стороны общества. Не только часть общества не верит своей власти, но власть не верит своим гражданам. Попытка опереться на одних граждан и обвинить других в пособничестве сторонним силам (в нашем случае – враждебным) ведёт не к преодолению, а к углублению кризиса.

Это вовсе не означает, что сторонних сил нет. Но я говорю не о тех, кто пытался верховодить на Болотной площади и проспекте Сахарова. Их мотивы и цели понятны – это месть и желание вернуть утерянное влияние и власть. Я говорю о тех тысячах людей, которые вышли на улицу, повинувшись острому внутреннему чувству несправедливости, о тех людях, которые в результате “гандемной” смены власти по внутренней (закулисной) договоренности двух лидеров вдруг осознали, что всё это время их водили за нос, о тех, кто в одночасье почувствовали себя обманутыми.

При этом надо понимать, что на улицу вышла самая активная часть нашего общества, преимущественно жители Москвы и Санкт-Петербурга. Обманутыми себя почувствовали люди, которые добились в жизни определённых успехов: писатели, журналисты, представители среднего бизнеса, люди, которые являются опорой любой власти в любой стране, равнодушными остались жители российской глубинки – увы, самой инертной общественной силы.

Меня, многолетнего функционера КПСС с её идеологией гегемонии пролетариата, меньше всего можно заподозрить в снобизме. Я ни в коем случае не ущемляю право большинства на участие в политическом проекте под названием Россия, но власть обязательно должна учитывать мнение и настроенное меньшинства.

В этой связи я хочу напомнить тяжелейшие 1989–90-е годы, когда страну охватила всеобщая шахтёрская забастовка. Бастовали все угольные районы – Кузбасс, Донбасс, Воркута, Урал и т. д. Было два пути погасить этот пожар: или жёсткий, или пойти на переговоры, выслушать требования бастующих. У власти хватило разума не идти по первому варианту, так как забастовка могла стать “бикфордовым шнуром”: могли начаться выступления по всей промышленности страны.

В те дни Кремль стал своим домом для шахтёров – здесь они спорили, спали, ели.

Нами было принято решение создать рабочую группу для выработки взаимоприемлемых предложений. В группу вошли руководители угольной промышленности и специалисты, а от шахтёров – представители горняцких регионов. Возглавил эту группу мой заместитель, ныне покойный Л. А. Воронин.

Работа шла весьма трудно, но, в конце концов, документ был подписан мной и шахтёрами. Прошло более 20 лет, а я до сих пор помню его номер – 608. Многие положения из этого постановления живут до сих пор. В то же время за некоторые наши уступки, на которых бастующие особо настаивали, они расплачиваются сейчас жизнями.

Власть обязана использовать активную часть общества, вписывать её в общую систему, делать потенциальных лидеров участниками процесса, делить с ними ответственность и создавать им перспективы роста. Это то, что сегодня называется *социальными лифтами*.

Кстати, в советское время, несмотря на монополию КПСС, таких “лифтов” было гораздо больше, чем сейчас. Это и комсомол, и профсоюзы, и спорт, и армия, и возможность получить бесплатное высшее образование... Тем не менее, негативный (протестный) потенциал всё равно накапливался в недрах системы. Именно этот потенциал и стал основной причиной крушения СССР. Всё остальное – лишь технология разрушения.

Толчком к дестабилизации стал **Съезд народных депутатов – не что иное, как официально сформированный протестный митинг с прямой трансляцией на всю страну**. Проще говоря, это была легализованная “Болотная площадь”, да ещё объявленная Горбачёвым высшей властью в стране.

Лидеры протестных настроений вместо возможности встроиться в систему получили карт-бланш на её развал.

Разрушение Советского Союза поздней осенью 1991 года описано во всех деталях и со всеми действующими лицами, поэтому я не буду уделять этому много внимания. Напомню только, что движущей силой развала страны был сепаратизм, облечённый в форму национализма бывших партийных лидеров союзных республик. В этих республиках появились лидеры, в основном из партийной элиты, которые, видя настроения протеста, стремились их возглавить. Тысячелетняя история мира знает, что лучше быть первым на деревне, чем вторым в городе.

В этом отношении показателен пример Северной и Южной Америки. Как известно, в Южной Америке было практически две колонии – Испании и Португалии. В начале XIX века там произошли революции. Несмотря на то, что здесь проживал народ одной расы, одного вероисповедания, одной культуры, на месте этих двух колоний образовалось более тридцати стран, границы которых проходили по условным границам провинций. Подавляющее большинство этих государств не имели возможности жить самостоятельно и попадали в зависимость от Соединённых Штатов. Зато во главе каждой такой страны сегодня стоит свой президент!

В то же время Северная Америка, имея народ, состоящий из различных национальностей, через тяжелейшую войну объединилась в единое государство, которое сейчас называется США и является великой державой. Возникает вопрос: почему? Эти люди посчитали, что единое государство позволит им решать свои экономические проблемы, защитит от внешних врагов и т. п. Не урок ли это для наших “расчленителей”? Или мы плохо знаем историю, или она не учит нас ничему!

Не буду я говорить и о положении государств, вновь образованных на базе республик после распада СССР. Живу я в Российской Федерации, ставшей правопреемником РСФСР, поэтому все мои думы, переживания, боль и радость связаны с жизнью нынешней России.

По прошествии многих лет я спрашиваю себя, почему Ленин в 1922 году, создавая единое государство, решил придать территориям страны государственный статус и право на самоопределение вплоть до выхода из состава СССР?

Сегодня ответ для меня очевиден. Имея однопартийную систему, построенную на “демократическом централизме”, он был уверен, что партия, пронизавшая всё и вся, является “скрепой” единства страны. **Фактически КПСС была той самой властной вертикалью, которую вынужден сейчас заново отстраивать Путин, чтобы восстановить управляемость системой.**

Парадокс, однако, состоит в том, что именно властная вертикаль стала причиной возникновения кризиса доверия в СССР, который привёл Советский Союз к крушению и который сейчас уже угрожает крушением России.

Параллельная реальность

Чтобы преодолеть сегодняшний кризис доверия, необходимо его рационализировать, иначе говоря, перевести из эмоциональной сферы в рациональную. Только в этом случае возможен аргументированный диалог вместо

потока взаимных претензий. Лучший способ рационализации проблемы – взглянуть на процесс с точки зрения исторических параллелей.

Владимиру Путину досталось тяжелое наследство. Первые два срока его президентства прошли под знаком посттравматического синдрома от шока, который испытала Россия, оказавшись на грани развала вслед за развалом СССР. Мало того, само восхождение Путина к президентскому креслу началось с победы над сепаратистами.

Я говорю отнюдь не о походе Шамиля Басаева в Дагестан осенью 1999 года, а о **реальном антиконституционном заговоре, который созрел в недрах Совета Федерации**. Заговор этот, к сожалению, остался практически незаметным для новейших историков, а между тем, он оказал решающее воздействие на все последующие события в нашей стране.

Позволю себе кратко, в двух словах, напомнить эту историю. Она принципиально важна для понимания истоков и причин сегодняшнего кризиса, а также для понимания мотивации большинства последующих решений, принимаемых властью вплоть до наших дней включительно.

В личной, эмоционально напряжённой борьбе с Горбачёвым за кресло в Кремле Ельцин в конце 80-х годов пошёл на сговор с республиканскими лидерами и поставил на кон судьбу Советского Союза. Именно Ельцин и его окружение первыми в российской истории разыграли “русскую национальную карту”, потребовав суверенитета России, угнетаемой бременем союзной власти.

Горбачёв ответил Ельцину той же монетой. Он начал подыгрывать национальным настроениям на уровне российских автономий, а их в России было 15, ровно по числу союзных республик в СССР. Чтобы сохранить поддержку лидеров автономий, Ельцин провозгласил лозунг – “берите столько суверенитета, сколько проглотите”.

Россия оказалась на грани развала. Спасая страну от расчленения, власть вынуждена была пойти на подписание особых соглашений с территориями. Таких соглашений было подписано свыше 40, то есть фактически с половиной субъектов Российской Федерации.

Среди *подписантов* в большинстве своем были самые авторитетные региональные лидеры: московский мэр Юрий Лужков, председатель Совета Федерации и глава Орловской губернии Егор Строев, губернатор Свердловской области Эдуард Россель, президенты Татарстана Минтимер Шаймиев и Башкирии Муртаза Рахимов.

Оно и понятно. Кто мог в то время требовать особых условий? Только тот, кто не зависел от дотаций из Центра. Позже эти лидеры создали блок “Отечество” и пытались политически, через выборы в Государственную Думу, взять власть в свои руки. Однако легальному походу “конфедератов” за властью **предшествовала их попытка антиконституционного переворота в самом начале 1999 года, которая и сформировала Владимира Путина как лидера.**

Ключевым эпизодом неудавшегося переворота стал скандал, связанный с Генеральным прокурором России Юрием Скуратовым.

Большинство населения страны тогда воспринимала этот скандал исключительно как сексуальный. Ничего удивительного в этом нет, впервые в отечественной практике “для решения вопроса” был использован видеокompromат на одно из высших должностных лиц.

Сегодня лишь немногие помнят коррупционную подоплёку этого скандала, связанную с делом фирмы “Мабетекс”, в результате которого всплыли швейцарские счета чиновников самого высокого уровня, а среди фигурантов зазвучали имена членов семьи Ельцина.

Содержательную часть конфликта все старательно замалчивают и по сей день. А содержание это, как всегда, банально – борьба за власть. И ставка в этой борьбе тоже, к сожалению, *банальна* для России последних 20 лет – единство страны.

Лишившись накануне выборов 1996 года опоры силовиков и потеряв в результате этих выборов легитимность, **Ельцин вынужден был продолжить политику заигрывания с регионалами, позволив им в рамках Совета Федерации сформировать некий современный вариант Боярской думы.**

Напомним, верхняя палата Парламента России тогда напрямую формировалась из руководителей исполнительной и законодательной власти регио-

нов. Трудно представить себе более благодатную почву для формирования всевозможных заговоров. Собственно, заговор и созрел к концу 90-х годов.

Ослабевший физически Ельцин представлял собой жалкое зрелище. В Кремле заправляла президентская “семья” (в широком, полукриминальном смысле этого слова). Экономическая политика страны потерпела крах: случился дефолт. В бизнесе разгорелась междоусобица, а самому Ельцину грозил импичмент.

Фактически власть валялась в грязи, а Ельцину грозила роль Горбачёва конца 80-х годов. Как и в случае с Горбачёвым, атака шла не персонально на Ельцина, а на институт президентства. Дошло до того, что **Совет Федерации выступил с инициативой отменить всенародные выборы Президента России и избирать главу государства голосованием сенаторов, то есть голосованием региональных лидеров.**

Таким образом, все повторялось, как и в борьбе за развал СССР. Пройди тогда это предложение, сегодня мы бы уже не жили в единой стране под названием Россия.

Загнанный в угол, делигитимизированный и лишённый системных опор (Государственной Думы и Совета Федерации), президент пытается спастись от многочисленных коррупционных скандалов и отправить генпрокурора в отставку, но Совет Федерации голосует против отставки Скуратова.

Тогда казалось, что дни президента Ельцина, а вместе с ним и единой страны, сочтены. Но надо отдать должное Борису Николаевичу – у него был звериный инстинкт власти. И если в первом случае этот его инстинкт сработал на развал СССР, то во втором – спас единство России.

События развивались стремительно.

17 марта 1999 года Совет Федерации отказался отправлять Скуратова в отставку. В ночь с 17 на 18 марта по российскому телевидению были показаны скандальные видеокadres, а уже утром прямо в больничной палате ЦКБ Ельцин подписал Указ о создании временной межведомственной комиссии Совета Безопасности по проверке информации о совершении Генеральным прокурором РФ Юрием Скуратовым поступков, порочащих честь прокурорского работника, и нарушении им присяги прокурора.

На следующий день, 19 марта, руководителем Совета Безопасности, а следовательно, и “комиссии по Скуратову” назначается директор ФСБ Владимир Путин. Потом будет уголовное дело против Скуратова и отстранение Президентом генпрокурора от должности на время расследования. Потом будет и назначение главы МВД Сергея Степашина вице-премьером с последующим увольнением Евгения Примакова.

Создание “комиссии по Скуратову” и назначение ее руководителем Владимира Путина стали решающими в разгроме региональной фронды. Это событие на долгие годы определило главный политический тренд в стране. А угроза развала страны стала, образно выражаясь, “родовой травмой” президента Путина.

Гонки по вертикали

Избранный в 1991 году Президент РФ Ельцин Б. Н. оставил после себя тяжёлый след. Он неистово сокрушал власть СССР, но когда сам её получил, то оказалось, что он и его соратники совершенно не были готовы к управлению государственной и социально-экономической жизнью страны. Власть упала им в руки, и что делать с ней, они не ведали. Говоря объективно, Ельцин, а я его знаю ещё по Свердловску, был всегда силен как разрушитель и слаб как созидатель, хотя по образованию и опыту работы он строитель.

Надо было спасать страну. Следует отдать должное Путину: он очень твёрдо стал проводить линию по укреплению государства. Все последующие действия и решения его были подчинены **одной-единственной задаче – уничтожить (в политическом смысле) заговорщиков и устранить в будущем любую возможность заговора против верховной власти.**

Прежде чем продолжить, хочу ещё раз подчеркнуть особую значимость для страны истории со Скуратовым. Судьба “конфедератов” прекрасно известна всем – Егор Строев, Эдуард Россель, Минтимер Шаймиев, Муртаза Рахимов и Юрий Лужков уже не у дел.

Список влиятельнейших в недавнем прошлом региональных лидеров я привёл специально в хронологическом порядке по мере их выбывания. Самый влиятельный выбыл самым последним. Однако гораздо интересней имена и судьбы людей из противоположного списка — тех, кто входил в “комиссию по Скуратову”. Назову лишь некоторых из них.

Владимир Путин — Президент.

Сергей Степашин — руководитель Счётной палаты России.

Павел Крашенинников — экс-министр юстиции и бессменный глава Комитета Госдумы по законодательству.

Юрий Чайка — генеральный прокурор России.

Александр Волошин — бывший глава Администрации Президента, несмотря ни на что, сохранил своё влияние в политической системе страны.

Сергей Собянин — губернатор Тюмени, глава Администрации Президента Путина, руководитель аппарата Премьера Путина, а ныне — мэр Москвы.

Логика жёсткого противостояния в период кризиса 1999 года на долгие годы определила логику власти. Сначала был изменён принцип формирования Совета Федерации. Вместо губернаторов и местных спикеров в нём стали заседать их назначенцы. Потом была упразднена выборность самих губернаторов, отменены выборы в Государственную Думу по мажоритарному принципу и повышен партийный порог прохождения в парламент. Сейчас к выборам губернаторов снова вернулись, но с определёнными “фильтрами”. Может быть, в этом есть резон. Уж очень много проходимцев рвётся к государственному пирогу!

Все эти меры, предпринятые Владимиром Путиным в первые два срока его президентства, сегодня вменяются ему в вину. При этом историческая логика развития управленческой системы подменяется логикой личных пристрастий. Проще говоря, Путина обвиняют в *антидемократичности*, склонности к тоталитаризму и мстительности.

Действия всевозможных реваншистов, начиная со штатных и заштатных демократов ельцинской волны и заканчивая профессиональными революционерами современности, понятны и оправданы. Дело в том, что кризис доверия всегда развивается в категориях личных пристрастий и антипатий. Поэтому эти действия направлены, прежде всего, на углубление кризиса и раскачивание общественной ситуации.

Я не исключаю личных мотивов в действиях Владимира Путина по выстраиванию (а точнее будет сказать — восстановлению) вертикали власти. Но вместе с тем, в действиях этих присутствует и жёсткая системная логика.

Изменение принципа формирования Совета Федерации лишило региональных лидеров легальной площадки для сговора. Позволю себе здесь ещё раз напомнить про Съезд народных депутатов и его последствия для страны.

Отмена выборности губернаторов позволила сломать сложившиеся на региональном уровне полугосударственные образования, которые могли стать основой сепаратизма. Были отменены заключённые при Ельцине соглашения, правда, за это некоторые республики получили определённую “контрибуцию” и долгое время получали из Центра дополнительные финансовые вливания.

Создание семи Федеральных округов позволило навести порядок в части соответствия республиканских конституций и региональных уставов Конституции Российской Федерации. Кстати, в своей концепции реформирования экономики, о которой будет идти речь дальше, мы предлагали создать 10 округов для более чёткого управления РСФСР и наделить их полномочиями оптимальной координации экономикой в регионах.

Отмена мажоритарных выборов резко подняла на престиж и значимость партийного строительства. В условиях федеративного государственного устройства единственным механизмом выстраивания общенациональной стратегии является партийная система.

Депутаты, избираемые по мажоритарному принципу, нацелены только на реализацию личного политического проекта с его последующим обналичиванием. Я здесь не собираюсь обвинять никого из депутатов-мажоритариев. Я говорю о рисках и угрозах воздействия личностного фактора на принятие системных решений. Иначе говоря, об основных угрозах и рисках для демократического процесса.

Партийная логика строится на коллективной ответственности, в основе которой – публичные дебаты, позволяющие легитимизировать стратегию развития страны и разделить ответственность. Строится она на отстаивании своих позиций по всей вертикали исполнительной власти, начиная с муниципального и заканчивая федеральным уровнем.

В этом смысле деятельность Владимира Путина по укреплению вертикали власти носит положительный характер, если это укрепление направлено на благо российского общества. Если же оно служит определённым лицам или группе лиц, то неизбежно общественное противостояние со всеми вытекающими из этого последствиями.

Скажу больше, перерождение первого во второе происходит в обязательном порядке. Говорю это ответственно, основываясь на истории КПСС и собственном опыте. Механизм управления страной в ручном режиме возможен и необходим только в переломный период, будь то форсированная индустриализация или Великая Отечественная война.

Общество способно принимать жёсткий диктат власти в очень короткой исторической перспективе, когда цель ограничения собственной воли осознанна и понятна. В условиях спокойной (мирной) жизни властная вертикаль из эффективного механизма решения общественных задач превращается в главный источник риска для государства.

При выстраивании властной вертикали в управленческой логике торжествует принцип “свой–чужой”. Логика эта институализируется и подменяет собой системный принцип управления, который основывается на эффективности. А дальше вертикаль, защищая своё существование, начинает провоцировать общественные угрозы, создавать врагов и культивировать чувство опасности у лидера. Проще говоря, спекулировать на принципе “свой–чужой”.

Парадокс состоит в том, что именно в этот момент и вертикаль власти, и лидеры протестного движения, каждый со своей стороны, **начинают действовать в одном направлении – провоцировать и углублять кризис доверия.** Кризис этот персонифицируется всегда в лидере, который становится заложником и главной жертвой групповых интересов. **Итогом является крушение вертикали, а вместе с ней и всей системы власти.**

Президент должен понимать, что *время вертикали закончилось.* Цели по разрушению сложившихся в ельцинский период сепаратистских конструкций, как на территориальном, так и на уровне бизнеса достигнуты.

Сегодня необходимо решать другую задачу: диверсифицировать внутрисистемные риски, усложнять систему принятия решений, развивать партийное строительство, восстанавливать роль и значение Государственной Думы и Совета Федерации, фактически заново выстраивать политический каркас страны. Проще говоря, превращать властную вертикаль в пирамиду.

Судя по объявленным политическим реформам, Владимир Путин это понимает. Реформа носит осознанный, системный характер. Назревшая и продуманная, она, безусловно, готовилась исподволь и задолго до протестного всплеска. Ошибкой стала форма её подачи.

Озвучена реформа была на скорую руку, как некий экспромт, подачка, попытка откупиться от гражданского общества. Во всяком случае, именно так реформу и приняла Болотная площадь. В момент кризиса доверия такая подача – вещь недопустимая. Иными словами, реформа была воспринята людьми как признак неуверенности и слабости власти, вместо того чтобы стать символом её стабильности, эволюционного развития и стратегического видения ситуации.

Удивительно, но и в этом нынешняя власть повторяет ошибку недавнего прошлого, которая привела к крушению СССР, – нашу ошибку.

Именно это произошло с КПСС, которая, рухнув, похоронила под собой Советский Союз. Именно это происходит сейчас и в России.

Вновь избранный Президент должен понимать, что сама по себе вертикаль не реформируема. Она будет защищать своё существование всеми возможными способами. В системной логике личные гарантии и обязательства не работают.

Ещё об одном элементе вертикали власти. Несколько лет назад В. В. Путин спросил мое мнение о местном самоуправлении. Я ответил ему, что знаком с этой системой в Швеции и других Скандинавских странах, но шли они

к этому долго, создав финансовую основу для самостоятельного функционирования и, естественно, систему самоуправления. По моему мнению, мы сейчас не созрели для “усечения” вертикали власти и для самофинансирования муниципальных органов, так как львиная доля федеральных средств уходит на поддержку территорий. О каком же самофинансировании муниципальных органов и их политической самостоятельности может идти при этом речь? И, тем не менее, закон о самоуправлении был принят. И стали муниципалы постоянными просителями, а губернаторы – постоянно дающими. Хорошо, если между этими двумя ветвями власти существует взаимопонимание и руководитель территории по-прежнему считает их “своими”. А если нет? Здесь есть над чем подумать!

Федеративное устройство нашего государства требует особого внимания складывающихся отношений отдельных территорий страны с Центром. Во многом это предопределяет или стабильность, или внутренние противоречия, которые могут привести к дестабилизации.

В советское время взаимоотношение Центра с союзными республиками были особой заботой руководства страны. В первую очередь, “скрепой” их взаимоотношений была партийная составляющая, о чём было сказано выше. Партийное руководство республик и крупных областей РСФСР входило в руководящие структуры: в ЦК и в ревизионную комиссию КПСС, и это, безусловно, сказывалось на единстве страны. В союзных республиках (кроме РСФСР) первыми секретарями ЦК были представители “титulyного” народа, а вторыми – русские.

В условиях многопартийности этот принцип вряд ли возможен. Особенно это проявится при новом законе о партиях. **Десятки партий не только не будут основой “скрепы” территорий с Центром, а, на мой взгляд, станут угрозой целостности страны.**

Вторым скрепляющим фактором в советское время был социально-экономический. Как известно, в то время проводилась политика подтягивания экономической и культурной жизни республик до общесоюзного уровня. Конечно, это ставило республику в неравное положение. Были, как и сейчас, республики “доноры” и дотационные. К числу “доноров” относилась РСФСР. Кстати, в тяжёлые 1990–1991 годы, годы политических потрясений, это был один из лозунгов приверженцев сепаратизма: хватит России кормить другие республики, которые в некоторых отношениях даже перегнали своего “донора”.

Конечно, противоречия были, но они гасились единой партийной властью, сознанием необходимости укрепления государства, формирования советского человека и перспектив развития регионов.

Говоря о региональной экономической политике СССР, следует особо подчеркнуть принципы и методы её функционирования. Формирование долгосрочных планов развития (в основном на 5 лет), а также годовых планов по стране и по региону происходило в Госплане, а затем в Совете Министров.

В целом по стране, как известно, составлялся подробнейший план её развития в отраслевом и территориальном разрезе. Определялись пропорции, разрабатывались балансы материальных, финансовых и трудовых ресурсов. Подобные действия производились и в союзных республиках. Госплан СССР кропотливо анализировал и те, и другие. Все республики без исключения “защищали” свои планы. Конечно, были и большие противоречия, но, как правило, всегда находились приемлемые решения.

Сегодня усилия Минфина направлены на создание системы оценок состояния регионов и суммы дотаций им из Центра. С каждым годом расчёты становятся всё сложнее и сложнее. Но, на мой взгляд, эта система расчётов и дотаций не скрепляет территории с Центром. У них складывается твёрдое мнение, что политика Москвы направлена **только на ущемление их интересов.**

Для выработки реальной “скрепы” следует существенно изменить формы и методы взаимоотношений территорий и Центра. **Смысл моих предложений состоит в том, чтобы в стране была разработана реальная система развития производительных сил регионов.** Минфину следует перейти от определения величины дотаций к эффективной налоговой системе.

В этих целях надо соединить усилия Министерства экономического развития и Министерства регионального развития. Первое министерство должно разрабатывать пропорции социально-экономического развития страны в це-

лом. Не надо повторять точной копии Госплана СССР, но многие элементы его следует использовать. Как можно думать о пропорциональном развитии экономики без разработки материальных балансов? Вот почему мы мечемся – то закрываем угольные шахты, то вдруг они вновь становятся востребованы!

Надо ли нам развивать все отрасли экономики? По-видимому, в некоторых направлениях мы отстали навсегда, и следует здесь ориентироваться на мировой рынок. Может ли наша страна в ближайшие 50–100 лет покрыть всю свою территорию железными и шоссейными дорогами? Конечно, нет, но в то же время ориентация на европейский и американский авиационный рынок будет пагубна для развития страны и решения социальных вопросов.

Сдерживающим фактором развития экономики нашей страны является инфраструктурная отсталость.

Эксперты подсчитали, что Россия ежегодно теряет 6% ВВП из-за плохого качества дорог или их отсутствия, что потери составляют почти три триллиона рублей, кроме того – огромнейшие потери людей в ДТП. Специалисты считают, что **нам в ближайшие годы необходимо построить, как минимум, 100 тысяч дорог, в основном четырёхполосных автобанов.**

Для решения такой масштабной задачи потребуется особая программа в стране. Будет ли она называться “национальной” или нет, не меняет дела. Она должна иметь свой бюджет, который будет обладать теми же защитными свойствами, что и Госбюджет. Правила и нормы должны здесь устанавливаться стабильные, на много лет вперёд.

Руководству страны следовало бы запросить из архива систему финансирования и организации строительных работ в конце XIX века, когда велось довольно интенсивное строительство железных дорог, а патронировал их цесаревич Николай, будущий царь Николай II. Уже сейчас многими экономистами вносятся предложения по решению этой проблемы. Предлагается изменение объёмов отчислений от добавочной стоимости и одновременно введение налога с оборота.

Национальная программа масштабного дорожного строительства позволит создать огромное количество рабочих мест в смежных отраслях промышленности, загрузить машиностроение, привлечь передовой иностранный опыт и т. д.

Как уже было сказано, в паре с Минэкономразвития должен работать Минрегион. Его задача – разрабатывать программы социально-экономического развития. С этой целью министерство необходимо будет освободить от иных функций: национальной политики, разработки всевозможных строительных нормативов и т. д. Оно должно работать с регионами, ориентироваться на показатели развития страны и возможности финансового обеспечения стоящих перед регионами задач.

Предложения по развитию экономики страны и регионов после обобщения должны быть представлены в Правительство. Этот порядок будет отличаться от нынешней практики, когда в Правительство, а затем в Парламент вносится на утверждение только государственный бюджет. Повторюсь, не может Минфин при всей его значимости определять развитие экономики!

В этой связи, на мой взгляд, следует произвести изменения в структуре Правительства Российской Федерации. Один из заместителей Председателя Правительства, возможно, даже первый, должен курировать работу трёх министерств: Минэкономразвития, Минрегионразвития и Министерства финансов. И называться он должен заместителем Председателя Правительства РФ по экономическому развитию страны.

Экскурс в недавнюю историю

Я снова сделаю небольшой экскурс в историю, на этот раз – экономический, но не менее важный для понимания сегодняшнего момента.

В апреле 1985 года только что избранный Генеральным секретарем компартии Михаил Горбачёв выступил с большим докладом на Пленуме ЦК КПСС. По сути дела, это была программа действий нового политического руководства страны. Большое внимание в ней было уделено экономике.

При прослушивании доклада, особенно в экономической его части, у многих сложилось впечатление, что это явилось как бы своеобразным оза-

рением нового руководителя, неким “глотком свежего воздуха”, альтернативой существовавшей системе власти.

Но на самом деле за этим докладом стоял огромный труд множества людей на протяжении почти трёх лет. В декабре 1982 года Юрий Андропов пригласил к себе члена Политбюро Михаила Горбачёва, кандидата в члены Политбюро Владимира Долгих и вновь назначенного Секретаря ЦК КПСС по экономике Николая Рыжкова.

На этой встрече речь шла о реформировании экономики. Генсек выразил мнение, что в последнее время много пишут и говорят о необходимости изменений, но по-настоящему власть не определилась в этом вопросе, а это необходимо сделать. Нам было поручено, помимо прямых обязанностей Секретаря ЦК КПСС, изучить этот вопрос и внести предложения для рассмотрения их руководством страны.

С этого дня в ЦК КПСС была развернута масштабная работа по анализу существующей экономической модели, выявлению её сильных и слабых сторон. Но самое главное – мы должны были определить, каким путём следует идти дальше.

Проводились многочисленные встречи с директорами предприятий, с руководителями институтов, как академических, так и отраслевых, финансистами, плановиками, представителями союзных республик. Особенно тщательно рассматривались предложения учёных-экономистов. Это были, в большинстве своём, доктора наук, многие из которых впоследствии стали академиками.

К сожалению, век Андропова оказался недолгим, на смену ему пришёл Константин Черненко. Но наша деятельность по выработке стратегии дальнейшего развития страны продолжалась, несмотря на отсутствие интереса к этому у нового Генерального секретаря ЦК КПСС. Для выполнения такой работы был задействован фактически весь интеллектуальный и управленческий ресурс общества, включая партийное руководство страны.

Однако форма подачи результатов проделанной работы в виде апрельских тезисов одного конкретного, вновь избранного лидера, сработала против существовавшей на тот момент властной вертикали. **Люди восприняли Горбачёва как единственного реформатора, выступившего против заскорузлой и закостенелой структуры.**

Впоследствии по этому шаблону – “генсек против партии” – воспринимались все действия руководства страны. Горбачёву не хватило силы воли снять с себя тогу *единственного реформатора в стране* и тем самым придать процессу реформ системный, а не случайный (личный) характер, что в какой-то момент превратило его из реформатора в *ниспровергателя основ*.

Развивая наши наработки, которые легли в основу апрельского выступления Михаила Горбачёва, Совет министров СССР приступил к формулированию конкретных предложений по реформированию экономики. Было организовано несколько рабочих групп. Количество предложений, которые оформлялись в виде проектов постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, росло, как снежный ком. Чем больше мы углублялись в проблемы, тем больше их появлялось.

В конечном итоге, было подготовлено одиннадцать постановлений. Начался их пакет проектом постановления о совершенствовании работы Совета Министров СССР по реализации экономической стратегии и заканчивался проектом постановления о совершенствовании деятельности республиканских органов управления. Двенадцатым документом, хотя и первым по значимости, был проект Закона о государственном предприятии. Именно он вызвал наибольшее число споров среди членов Политбюро.

Горбачёв, находившийся тогда в наивысшей точке своего взлёта, предложил радикальный способ: уход государства из экономики, ликвидацию элементов планирования, отмену контроля над ценами – дескать, рынок сам отрегулирует социально-экономическую жизнь страны. Последствия такого сценария Правительству были очевидны уже тогда: полное разрушение экономики, которая была не готова к столь радикальному повороту.

Мы воспротивились бездумному желанию Генсека “быть главным либералом в стране”. В итоге были приняты решения, близкие к нашим предложениям. Решающим стало моё заявление, что я не буду выполнять безрассудное указание о полной отмене планирования и государственного участия в экономике и что готов уйти в отставку.

Мнения членов Политбюро разделились. **Одну из этих групп поддерживал Горбачёв. Он практически предложил ликвидировать существовавший механизм управления народным хозяйством страны, не создав при этом для новой экономической модели ничего иного.** Убедить его в ошибочности этих предложений было невозможно: он находился, как уже сказано, в наивысшей точке своего взлёта (после чего, кстати, и начался его спуск с политического Олимпа). М. С. Горбачёв предложил быстро сделать то, что сделали Ельцин с Гайдаром со 2 января 1991 года: ликвидировать все элементы планирования, отпустить “на волю” цены и т. д.

До 1987 года я поддерживал Горбачёва в его начинаниях с глубокой верой в то, что они несут в себе необходимые стране перемены. Но с этого момента моё мнение резко изменилось. Я понял, что от него можно ожидать действий и решений, далёких от реальной жизни.

Происходило это в 1987 году. Дальнейшие события показали, что отдельными постановлениями задачу не решить. В конце 1989 года встал вопрос выработки комплексной программы реформ.

“Приглашение на казнь”

Прошло ещё несколько лет. В конце 1989 года встал вопрос о выработке курса, связанного с переводом экономики на рыночные отношения. Ни одного заседания Съезда народных депутатов и созданного им Верховного Совета СССР не проходило без того, чтобы об этом не говорили и не высказывали бы упрёков в адрес Правительства СССР.

В конце 1989 – начале 1990 года Правительство страны вплотную занялось разработкой концепции, а затем и программы перехода на рыночные отношения. Под руководством моего заместителя академика Л. И. Абалкина была создана рабочая группа, в которую вошли ведущие специалисты нашего государства, некоторые заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР и союзных республик. Работали они за городом. Каждую субботу я приезжал к ним, и мы целый день обсуждали различные проблемы новой экономической модели, а почти каждый вечер в Совмине разрабатывали необходимые документы и заслушивали доклады рабочей группы.

В мае 1990 года проект концепции перевода экономики на рыночные отношения был рассмотрен на заседании Президентского Совета и Совета Федерации. После дискуссий было принято решение: поручить Председателю Совета Министров СССР выступить с докладом по этому вопросу на съезде Верховного Совета СССР. Дать свою оценку нашим предложениям они “стеснялись”. Для меня и моих коллег была ясна позиция этого органа: примут депутаты озвученные предложения – хорошо, не примут – “наша хата с краю”. Вот такую “страусиную” позицию занял высший в то время орган власти страны.

В мае того же года я выступил с докладом о Концепции на сессии Верховного Совета СССР. **Шёл я на трибуну, как на казнь.** В своем докладе я изложил, что нами просчитано два варианта перехода на рыночные отношения: радикальный и умеренный. Радикальный вариант отличался от умеренного более быстрыми сроками его осуществления, полным бесконтрольностью над рынком со стороны государства, практически полным исключением госзаказа и т. п. Он весьма ощутимо “бил” по жизненному уровню населения, способствовал более глубокому падению экономики и т. д. Умеренный вариант перехода на рыночные отношения не имел таких сугубо отрицательных последствий, но он был рассчитан на более длительное время. Правительство рекомендовало принять именно второй вариант – умеренный.

Реакция депутатов была бурной. Некоторые обвиняли нас в бесчеловечности, другие в том, что мы не понимаем новых веяний времени и выступаем против перемен к лучшему, но в то же время все они всячески цеплялись за слово “регулируемая”. **Мои слова о том, что мы предпочитаем плавный переход на новую экономическую модель, который будет максимально безболезненным для населения,** покрывались различными демагогическими заявлениями. К сожалению, радикальный вариант поддерживали некоторые известные советские экономисты. Главным аргументом радикалов была

“мудрость”: “Собаке надо рубить хвост сразу, а не кусками”. В итоге рубанули по самую шею.

Верховный Совет СССР обязал Правительство подготовить программу перехода к рынку до 1 сентября 1990 года. Именно в этот период в стране появилась так называемая программа “500 дней”. Дело в том, что съезд Народных депутатов РСФСР после избрания Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР должен был назначить главу Правительства России. Было несколько кандидатов, и каждый должен был доложить о своей программе действий на этом посту.

Один из претендентов нашел разработанную молодыми экономистами программу, которая называлась “400 дней”. Недолго думая, он добавил к ней 100 дней, – вот так и появилась на свет злополучная программа “500 дней”.

Мы ознакомились с программой “400 дней” ранее, сразу после её рождения, и пришли к выводу, что она явилась плодом воображения молодых людей, которые, хоть и называли себя экономистами, ничего не понимали в жизни страны, не знали всей глубины её экономических проблем.

Кандидат в премьеры РСФСР с треском провалился на выборах вместе со своей программой “500 дней”. Но летом 1990 года, после избрания Ельцина на пост Председателя Верховного Совета РСФСР, развернулось тотальное наступление на союзные власти. И здесь снова вспомнили об этих злополучных “500 днях”. На этом этапе программа использовалась как противовес правительственной, над которой мы тем летом неустанно работали. Для придания весомости “500 дням” во главе группы по её разработке поставили известного академика-экономиста Шаталина С. В. и заместителя председателя Правительства РСФСР Явлинского Г. А., который перешел из группы Абалкина Л. И. в республиканское правительство. Мы прекрасно понимали, что **программа “500 дней” стала, прежде всего, политическим документом, а никак не экономическим.** Вряд ли большинство сторонников Ельцина, да и он сам, читали этот 280-страничный труд. Но как разрушительный политический рычаг он хоть и по-дилетантски, но использовался. Народу обещали совершенно новую, обеспеченную жизнь уже через 500 дней, а Рыжков со своей командой растягивает это на 8–10 лет!

В начале 1991 года Правительство СССР ушло в отставку, осталось в новом Правительстве только лишь несколько человек, в том числе, в качестве главы Правительства, – бывший министр финансов В. С. Павлов. К концу года рухнула вся власть и развалилась страна, а со 2 января следующего года был запущен шоковый сценарий реформ. **Ельцин, Гайдар и их соратники осуществили на практике положения злополучной программы. Наступили “лихие” 1990-е годы.**

Пишу я об этом сегодня не столько для того, чтобы показать, какими мы были умными и прозорливыми, а для того, чтобы мои размышления о прошлом, настоящем и будущем помогли бы нынешним властям ещё и ещё раз взвесить и нашу позицию в те годы, и двадцатилетние ошибки следующего периода.

Сегодня, предъявляя обществу пакет реформ как некую данность, без обсуждения целей и задач, без понимания результатов, без необходимой обкатки, **власть в очередной раз даёт шанс площадной демократии взять власть над системой. Нельзя повторять нашу ошибку “кабинетной реформы”. Но и идти на поводу у популистов и авантюристов, как это делал Горбачёв, тоже нельзя.**

Пропорциональный перекокс

Развал СССР и весь ельцинский период прошёл под главным лозунгом – “лучший план – это полное отсутствие плана”. О “невидимой руке рынка, которая всё сама отрегулирует”, не говорил только ленивый.

Искусственно созданный для передела госсобственности хаос послужил сказочному обогащению узкой прослойки людей и массовому обнищанию всего населения страны. Но любой передел рано или поздно заканчивается, и тогда возникает необходимость наведения порядка и создания условий для поступательного развития.

С учётом этого я остановлюсь только на некоторых принципиальных и жизненно важных проблемах. Прежде всего, речь пойдёт о планировании. Эта тема всегда вызывала ожесточенные споры. Как я уже писал выше, **первые разногласия с Горбачёвым у нас появились в 1987 году во время подготовки пакета документов к предстоящему реформированию экономики.** Одним из таких разногласий было неодинаковое видение роли планирования. Генеральный секретарь и его соратники настаивали на том, что планы нам ни к чему, рынок сам отрегулирует социально-экономическую жизнь страны. Споры были жесточайшими. Я и некоторые члены Политбюро ЦК КПСС, прошедшие школу жизни на заводах, в регионах, считали, что эти предложения окончательно разрушат экономику государства — она была совершенно не готова к этому радикальному повороту.

Незадолго до этого состоялся XXVII съезд КПСС. На нём, как и на предыдущих съездах, заслушали доклад Председателя Совета Министров СССР о развитии экономики на предстоящее пятилетие. Последний мой довод Горбачёву и его соратникам был таков: **если вы собираетесь убрать планирование как таковое, то следует немедленно созывать новый съезд партии, и пусть он отменит свои прежние решения, в том числе по строительству жилья, дорог, по финансированию обороны, культуры, здравоохранения и т. д.** Я высказал своё мнение, что вряд ли новый съезд согласится с этим. Это несколько остановило радикалов.

Наступили 1990-е годы постсоветского времени. Командой Ельцина и Гайдара с помощью американских “специалистов” была взята на вооружение теория, что *рынок сам всё отрегулирует*. Слово “планирование” попало под жесточайший запрет. **Анархия в неподготовленной стране привела к полной экономической разрухе и ухудшению социальных условий жизни населения.** Дикая приватизация окончательно добила экономику, густо унавозила почву для коррупции и воровства. Люди месяцами не получали зарплату, пенсионеры по полгода не видели своих скромных пенсий, учёные и интеллигенция превратились в “челноков”, разразилась неудержимая инфляция и т. д. В то же время в течение нескольких дней можно было “сколотить” баснословное состояние.

Началось тотальное разграбление государства. Создавалась верная опора режиму Ельцина. Он заложил основу **“семибанкирщины”, которая при самом низком рейтинге Ельцина в 1996 году позволила ему получить вторично свой государственный пост.**

И только после всех этих потрясений, уже в 2000-е годы начали думать о некотором государственном регулировании, появились какие-то программы развития, государственный бюджет начал разрабатываться на три года. Главным показателем развития экономики страны стали финансы. В то же время за эти годы возникали и исчезали многие элементы управления социально-экономическим развитием страны. Появились целевые программы развития некоторых элементов экономики. Они то возникали в достаточно большом количестве, то их пытались свести к минимуму.

Многие ведущие отрасли экономики разработали свои программы, которые были утверждены Правительством РФ. Правда, бросается в глаза разброс по времени их осуществления: 2015, 2020, 2025, 2030 годы. Учитывая важность некоторых регионов страны, были разработаны и приняты программы их развития: Дальнего Востока, Восточной Сибири и т. д.

Мне, человеку, руководившему крупнейшим предприятием в стране — “Уралмашем”, прошедшему школу Госплана, а затем и Совета Министров СССР, даже трудно представить, как можно эффективно управлять этими разрозненными кусками экономики.

Как вообще можно управлять не то что страной, а даже заводом, на котором у каждого цеха своя собственная программа развития, рассчитанная на свой индивидуальный срок?

Разве можно представить себе, что такие ведущие гиганты рыночной экономики, как, например, “Боинг”, “Дженерал-Моторз”, “Эйрбас” или “Эксон Мобил”, живут без чётких многолетних планов развития? Да и у нас отраслевые и территориальные программы — разве это не планы? Конечно же, планы, только разрозненные, не связанные воедино. Давайте на минуточку представим, что развитие оборонного комплекса, разработка нового вооружения происходит по рыночно-либеральной идеологии — рынок, мол, сам всё отрегулирует!

Анализируя положение, сложившееся в методах управления экономикой страны, можно сделать печальный вывод, что у нас сегодня нет, образно говоря, даже бабушкиного лоскутного одеяла, а есть лишь отдельные лоскуты.

На мой взгляд, **руководители страны, отбросив все предубеждения в отношении советского опыта, должны создать эффективную, комплексную систему развития экономики.** Я не призываю вернуться к планированию, существовавшему в СССР. Оно было необходимо в тех исторических условиях. Сейчас страна перешла с тяжёлыми потерями на рыночные рельсы, и тотальное, детальное планирование ей нынче не нужно. Однако необходимо разрабатывать программу социально-экономического развития во взаимосвязанном комплексе, чего сейчас, к сожалению, и не происходит. Формы и методы такого развития должны быть определены Правительством.

Параметры, влияющие на комплексное развитие страны, необходимо оформить в виде стратегии. Такие вопросы, как строительство атомных станций, крупных предприятий, создание транспортных артерий в необжитых районах и т. д., должны иметь конкретные целевые показатели, выраженные в финансовых и временных категориях.

Минэкономразвития просто обязано разрабатывать материальные балансы, без которых мы все время будем блуждать в потемках. В качестве примера можно вспомнить, что происходило в угольной промышленности: то мы получаем 600 млн долларов из-за рубежа на закрытие шахт, то ищем инвесторов для создания новых мощностей. Нет необходимости диктовать собственникам-угольщикам, какие горизонты осваивать в шахтах или сколько добывать угля открытым способом. Но дать им ориентир потребности угля на определённом этапе необходимо.

Нечто подобное происходит в стране с закупками за рубежом мяса, особенно куриного. Отечественные производители сами определяют, стоит ли им вкладывать деньги в этот бизнес или нет. Но они ведь досконально не знают баланс мяса и его взаимосвязь с зарубежными поставками. И таких вопросов много.

В основе господствовавшего долгое время нелиберального взгляда на экономику страны лежал приоритет финансовых потоков. После серии мировых кризисов роль государственного контроля над экономикой как сложно организованного общественным процессом создания добавочной стоимости резко возросла. Предприниматель и прибыль стали рассматриваться в этом процессе всего лишь как его составляющие.

Навязанная России концепция “рынок сам регулирует себя” и, как следствие, вытекающая из нее политика поголовной приватизации, ухода госструктур из экономического пространства оказалась для страны губительной, так как не учитывала социальные факторы.

Сегодня уже очевидно, что государство как ответственная система управления может воспроизводиться только при условии жёсткого контроля над всем ресурсным контуром. В этот контур входят, помимо финансовых, инвестиционных и торговых потоков, ещё и людские ресурсы, которые являются источником легитимизации и институциональной устойчивости всей системы.

Отсюда **главная и первичная задача любой власти – создание эффективной, прежде всего, в социальном плане системы управления страной,** где финансово-экономическая составляющая является необходимой, но отнюдь не самодостаточной. В условиях федеративного устройства нашего государства эта задача приобретает особый смысл.

Являясь долгие годы членом Парламента Российской Федерации, я имел возможность оценивать работу Центра в отношении регионов. У меня сложилось твёрдое мнение, что сегодняшний подход к развитию регионов заключается, в основном, в оценке их финансового состояния без учёта таких важных социальных показателей, как трудовые ресурсы, уровень безработицы, здравоохранение, миграционные потоки и т. д.

Необходимо выработать общенациональную стратегию развития. В конкурентной борьбе **побеждает не тот, у кого сегодня самый высокий финансовый и товарный оборот, а тот, у кого долгосрочные цели, кто способен осознанно действовать вопреки конъюнктуре.**

Руководству страны в это сложное время жизни государства надо четко определиться, по какому пути мы пойдём сейчас в экономике. Вариант первый и, на мой взгляд, тупиковый, это – либеральный путь. Либералы всё вре-

мя внушают новому поколению российских политиков и экономистов, что, дескать, **в постиндустриальном обществе промышленность не нужна**. Даже стратегические ошибки США в этом деле их не останавливают.

Другой путь, который должен решить главный вопрос дальнейшего развития экономики, — эта её **структурная перестройка, рассчитанная на длительный период**. В её основе должен быть заложен прорыв в развитии промышленности, обрабатывающих отраслей, другими словами, реального сектора экономики. Пример успешной реализации такого курса — Китай, который стремительно догоняет США, или Корея, которая совершила технологический прорыв буквально за восемь лет.

Отсюда вывод: технологическую модернизацию надо делать быстро, за семь-восемь лет, тогда и отраслевая структура, на реорганизацию которой потребуется примерно 20 лет, кардинально улучшится и станет оптимальной. Именно она будет способствовать устойчивому росту экономического развития. К сожалению, промышленной политикой в нашей стране никто не интересуется. Разве мы слышали от руководителей страны, что нам нужна промышленная политика? А министерство есть! Пишущий эти строки и его единомышленники много лет подряд ставили вопрос о принятии Закона о промышленной политике, но даже стандартного ответа “ждите” мы не услышали.

Теперь о временном факторе будущей системы. В советское время этот фактор тоже не сразу определялся. Были и трёхлетки, и семилетки, и восьмилетки развития экономики. Но впоследствии четко сформировалась **система пятилетнего и годового планов**. Это не случайность, а логическое продолжение политической жизни страны. Съезд КПСС проходил один раз в пять лет, Генерального секретаря избирали теоретически на этот же период. Верховный Совет СССР избирался тоже на пять лет, и Председатель Совета Министров СССР тоже назначался на этот срок. Один раз в пять лет Председатель Совета Министров СССР делал на очередном партийном съезде доклад о социально-экономической программе предстоящей пятилетки. Затем эта процедура повторялась на сессии Верховного Совета СССР. Далее — каждый год Верховный Совет СССР рассматривал проект очередного годового плана.

Подобную схему можно взять на вооружение и сегодня.

Системное разрушение

Реализация намеченных планов в пятилетний и годовой период может проводиться путём принятия различных нормативных и правовых актов: законов страны, распоряжений Правительства и т. д. Но мне хотелось бы остановиться на одном эффективном, на мой взгляд, способе проведения политики государства. Речь идёт о разрабатываемой сейчас Федеральной контрактной системе (ФКС). Она, по моему мнению, не только сможет навести порядок в системе государственных закупок, но и должна быть активным проводником политики государства, так как свыше 40% консолидированного федерального и территориального бюджетов идёт на госзакупки.

Кстати, 20 лет назад в своей программе по переходу на рыночные отношения мы предлагали для сохранения производственного потенциала от рыночной анархии ввести систему госзаказа. В то же время мы считали, что его объём должен составлять примерно 50% от объёмов производства, а в дальнейшем, по мере формирования прямых связей на рынке, можно будет постепенно уменьшать его. Как это было встречено? “Рыжков не мытьём, так кантём сохраняет плановую систему!”

В качестве альтернативы протолкнули приватизацию. В ходе её осуществления был уничтожен отраслевой научно-технический потенциал, а объекты приватизации были бездумно разделены во имя “конкуренции”. К примеру, бывший Аэрофлот был расчленен на 400 самостоятельных компаний. И получилось так, что многие заполучили лишь по одному самолёту, а некоторые даже половину самолёта. Разъединены были и наземные обслуживающие службы. Самолёты стали падать. Сейчас мы имеем около 100 авиакомпаний, что, по мнению специалистов и Министерства транспорта РФ, является избыточным. “Конкуренция” привела к тому, что цены на авиационные полёты выросли запредельно. Дело доходит до того, что рядовой гражданин страны не может слетать похоронить своих близких.

Можно привести ещё много примеров тотального разрушения экономики, происходившего во время массовой приватизации. Возьмём машиностроение. Всем здравомыслящим людям известно, что без него невозможно развивать экономику страны, её индустриализацию. Сегодня эта отрасль оказалась на обочине.

Станкоинструментальная промышленность практически прекратила свое существование. О какой модернизации основных фондов страны на современном техническом уровне может идти речь, если в 1990 году станкостроители произвели 78 тыс. единиц металлорежущих станков, в том числе 27 тыс. с ЧПУ и 5,5 тыс. обрабатывающих центров, а в 2011 году нашей промышленностью было изготовлено всего 4,8 тыс. станков и кузнечно-прессовых машин? **Даже закупки простейших токарных станков производятся в Китае.** В “нулевые”, более стабильные годы доля импорта станков выросла с 20,5 тыс. штук в 2000 году до 56,6 тыс. штук в 2011 году, или в 2,7 раза.

Мне горько говорить о судьбе тяжёлого машиностроения, отрасли, которая была мне ближе всего, так как 25 лет своей жизни я отдал знаменитому Уралмашу. К сожалению, этот флагман отечественного тяжелого машиностроения стараниями Гайдара и некоего Бендукидзе, путем массовой и дешевой скупки, был приватизирован.

Обидно сознавать, что человек, весьма далёкий от промышленности (Бендукидзе по специальности биолог), встал во главе одного из крупнейших заводов страны и сделал всё возможное, чтобы разрушить его.

Следует заметить, что это происходило на глазах Правительства России. На постсоветском пространстве было в то время два подобных завода: Уралмашзавод и Ново-Краматорский машиностроительный завод в Донбассе (Украина). Так вот, сейчас от нашего Уралмаша остались осколки, а украинский НКМЗ процветает: совершенствуются технологии, работают конструкторы и технологи, на заводе стабильный коллектив, ему помогает правительство Украины. О его расчленении никто даже и не помышляет. **Этот младший брат Уралмаша стал блестящим предприятием, а мой родной завод богат только (к счастью, сохраненными) орденами.** Можно много ещё говорить о содеянном. К примеру, химическая отрасль страны, которая в советское время занимала 2-е место в мире, сейчас занимает 22-ю позицию и т. д. и т. п. . .

“Время собирать камни”, а мы продолжаем разбрасывать их

В Ветхом завете говорится – всему своё время и всякой вещи под небом. За прошедшее время мы блестяще умели разбрасывать камни. Но наступил момент, когда надо собирать их.

Какой же должен быть выход из многолетнего “разброса камней”? В предвыборной статье В. В. Путина по экономике внесено предложение **собрать воедино принадлежащие государству объекты, которые потеряли связь между собой, и научно-технические центры. Поставлен вопрос о создании государственных корпораций, цель которых – организовать работу, начиная от исследований и разработки до выпуска высокотехнологической продукции.** Это касается авиационного и судостроительного производства, выпуска технологического оборудования, компьютерных технологий, химии, медицинской техники и т. д. Казалось бы, начало этому положено: созданы компании Росатом, Ростехнологии, Росавтодор, авиастроительные и др. Таким образом, начался процесс “собирания камней”, а жизнь, безусловно, подскажет, что необходимо для совершенствования деятельности госкорпораций.

Теперь о дальнейшей приватизации. **К сожалению, идея приватизации и дробления крупных отраслей промышленности продолжает жить.** На протяжении многих лет в головы людей настойчиво вбивают мысль, что приватизированное предприятие работает более эффективно. Полагаю, что это ошибочное мнение – всё зависит от эффективности управления. И на государственных, и на частных предприятиях есть и хорошие, и плохие руководители.

Во многих странах приняты законы о приватизации и национализации. На мой взгляд, это естественный процесс. Так поступают во Франции, Англии

и других странах. С целью сохранения ведущих отраслей принимаются те или иные решения.

На протяжении всего периода новой рыночной экономики России я не знаю ни одного факта национализации, зато каждый год принимаются политические решения и конкретные меры по приватизации. К сожалению, расчленение государственных систем происходит и в последние годы. **Так была разрушена единая энергетическая система. По мнению зарубежных специалистов, она была исключительно эффективной.** Длительное время проходили дискуссии по её реформированию. Большинство специалистов, да и производственников, не понимали смысла разрушения уникальной системы. На решение этого вопроса, как таран, был брошен главный специалист-приватизатор Чубайс, и в результате расчленение системы произошло. Главным доводом было привлечение частных инвестиций, особенно в генерирующие мощности. Однако **никакого потока инвестиций не видно, но зато появилась масса противоречий в деятельности сферы энергетики, в её взаимоотношениях с производством и населением.**

Главным “энергетиком страны” столько наделано в реорганизации отрасли, что настоящие энергетики годами распутывают его узелки. Автор этих размышлений входил в состав парламентской комиссии по расследованию аварии на Саяно-Шушенской гидроэлектростанции. Мы воочию убедились в результатах “реформирования” отрасли. Управление этой уникальной гидроэлектростанцией, входящей в первую пятерку таких станций мира, было низведено до уровня заводского цеха. Зато она обросла массой различных “фирм”: ремонта, наладки, заказа оборудования и т. д. Казалось бы, Правительство должно было сделать выводы и объявить их стране. Но не тут-то было!

Примерно в это же время была проведена реорганизация железнодорожного транспорта страны. Издержек здесь меньше, так как подготовка соответствующих законов проходила более тщательно, с привлечением специалистов. И, тем не менее, некоторые проблемы обострились. Подвижной состав, как и все остальное, был преобразован в акционерное общество со 100% долей государства. Многие полагают, что, живя по закону акционерного общества, государство в лице ОАО “РЖД” не откажется от контроля за функционированием дорог. Но в октябре 2011 года ОАО “РЖД” продало 75% акций Первой Грузовой Компании (ПГК) металлургическому олигарху В. Лисину. При этом делались заявления, что остальные 25% акций ПГК будет принадлежать ОАО “РЖД”. Не прошло и года, как встал вопрос о продаже и этого блокирующего пакета. Надо полагать, что покупатель будет тот же. В итоге **более 20% всех вагонов в России (220 тысяч) окажутся в одних руках. РЖД теряет контроль за использованием вагонов.** А результат? В последнее время в Совет Федерации поступает много жалоб о невозможности заказать вагоны для продукции среднего и малого бизнеса. Ответ поставщика вагонов один – не выгодно! Или же они выставляют запредельные перевозочные тарифы. Вот так мы “поднимаем” средний класс страны!

В настоящее время в воздухе витает мысль о расчленении Газпрома. Хочу напомнить, что за счёт экспорта газа мы получаем порядка 70 миллиардов долларов, или 30% бюджета России. Газпром является практически единственной отраслью народного хозяйства, которая сохраняет некую целостность и находится под контролем государства. Вот её и пытаются разделить и использовать для обогащения “предпринимателей”. Но нельзя забывать, что **Газпром – народное достояние, оплот отечественной промышленности. К чему приведёт его развал – понятно без слов...**

Судя по первым шагам нового правительства, можно сделать вывод, что идея дальнейшей приватизации государственных активов живёт и будет жить дальше. Это касается таких компаний, как “Аэрофлот”, “Россельхозбанк”, “Севморфлот”, будет продан пакет акций “Уралвагонзавода”, продолжится дальнейшая продажа акций РЖД и “Роснано” и т. д. На мой взгляд, к этому вопросу надо подойти более взвешенно.

Реально оценивая развитие экономики в последние 15–20 лет, необходимо сделать вывод, что, несмотря на серьёзный перекос в сторону сырьевой экономики и заверения руководства страны о необходимости развития перерабатывающей промышленности, **положение не улучшается. Так, доля нефтегазовых поступлений в общих доходах федерального бюджета в 2000 году составила 20%, в 2004 году – 30%, а в прошлом 2011 году – почти 50%!**

В 2009 году на экспорт нефти и газа приходилось 65% от общей стоимости всего российского экспорта. Суммарная стоимость экспорта в таких отраслях, как машиностроение, электроника, транспортное оборудование и химическая промышленность за последние 10 лет – лишь 10%.

В эти годы только ленивые и совершенно безразличные к делу специалисты, научные работники, экономисты, общественные деятели не говорили, что положительную ценовую конъюнктуру на энергоносители необходимо направить в реальный сектор экономики, на создание необходимой инфраструктуры, в обновление на 70% изношенного технологического оборудования, на готовность жить в условиях ВТО и т. д.

Но победила кудринская позиция: стерилизовать эту массу финансов и держать их в заморских банках **на всякий случай**. Руководство страны, на мой взгляд, должно было “на всякий случай” развивать новый, более прочный фундамент экономики. Но, к сожалению, этого не произошло.

Это стало прямым следствием отказа государства от стратегирования (формирования цели и смысла) в угоду неолиберальному лозунгу “рынок всё сам отрегулирует”. Следствием отказа от национальной самоидентичности в угоду универсальной “общечеловеческой ценности” стало извлечение максимальной прибыли.

Только по официальным данным Минфина, **ежемесячно из страны утекает 10 млрд долларов**. Думаю, что с учётом неофициальных потоков эту цифру можно смело умножить на три.

Сколько бы власть сегодня ни зывала к возврату капитала, какими бы карами ни грозила бизнесу, пока не устранён системный риск нелегитимного распределения собственности, ничего не изменится. Деньги из страны будут “бежать”, ресурсы распродаваться, а промышленность умирать.

Никто не будет вкладывать средства в “зону риска”. Чего можно требовать от предпринимателей, если само государство предпочитает хранить накопленные средства за рубежом. И почему в Россию должны приходиться зарубежные инвесторы, если **вывоз капитала заложен в основу экономической политики на государственном уровне**.

Заканчивая разговор на эту тему, хочу обратить внимание на корни этого процесса. В конце периода советской власти возобладала теория, что производительность в экономике низкая, поскольку человек-труженик оторван от реальных результатов своего труда и связан с ним только зарплатой, а из прибыли он не имеет ничего. Теоретически эти “исследователи” были правы, но они же прекрасно знали, что эта часть труда шла в общественные фонды, из которых финансировались право на отдых, бесплатное образование, практически бесплатное жильё, здравоохранение и т. д. Народ, получая эти многочисленные блага, считал, что всё это само собой разумеется, а вот лишний рубль с доходов предприятия надо бы дать! Рыночные либералы внушали всем, что если работник будет участвовать в распределении прибыли, то работать он будет осознанно и гораздо эффективней. На деле всё это оказалось блефом.

На сегодняшний день выверенной статистики по доле работников-акционеров в акционерном капитале приватизированных предприятий страны нет. Имеется точная цифра на конец 1994 года – время окончания ваучерной приватизации. Эта цифра составляла около 50%. В настоящее время существуют лишь экспертные оценки этих данных, и в соответствии с ними доля работников-акционеров в акционерном капитале приватизированных предприятий страны сегодня составляют примерно... 4%. **И какую политику могут проводить эти люди на своём предприятии? Зато реально то, что за всё надо платить, так как вся прибыль уходит в карман хозяев.**

В своё время известный ученый-офтальмолог С. Н. Федоров настойчиво занимался теорией и практикой так называемых “народных предприятий”. Суть его предложений состояла в том, что наиболее эффективным является предприятие, принадлежащее работающим на нём. Этот вид деятельности широко применялся в США. У нас же после смерти академика С. Н. Федорова всё застыло на цифре около 200. Правительству стоило бы заинтересоваться этим направлением, может быть, часть неудовлетворённых жизнью людей стала бы настоящими её хозяевами, а не мифическими собственниками акционерных обществ.

Отторжение наёмного работника от результата труда ведёт к потере его

престижа, а на фоне взяток, коррупции, мошенничества – к росту социального напряжения в обществе, потере авторитета власти.

Специалисты реального сектора экономики страны настойчиво работают над этой проблемой. Предлагается до **30% собственных активов любого коммерческого предприятия, независимо от форм собственности, закреплять за трудовым коллективом**. Это создаст реальные условия его участия в управлении предприятием, распределении прибыли от доходов.

В результате этого увеличивается доля трудового коллектива в доходах предприятия, экономическая и финансовая деятельность которого станет прозрачной. Эти предложения трудно переоценить. Их реализация значительно снизит напряжение между трудовым коллективом и работодателем. Эти меры дают ответ на главный вызов современного общества – **справедливого распределения дохода между теми, кто его создает, и теми, кто его распределяет, то есть устраняют противоречия между трудом и капиталом**. Эти меры, если они будут осуществлены, откроют новую, бесконфликтную перспективу социально-политического развития страны.

Закон о естественных монополиях был принят в 1995 году. За 17 лет в него было внесено не менее полутора десятков поправок. За это время естественные монополии претерпели существенные изменения. Железнодорожный транспорт превратился в АО с разбивкой на отдельные элементы. То же происходит в сфере связи, появилось много операторов мобильной связи. Практически осталась унитарным государственным предприятием только «Почта России». В области энергетики, как известно, также произошли огромные изменения. Она разбита на генерацию, сетевое хозяйство и сбыт электрической энергии.

В то же время в конце 1990-х годов прошлого века – первом десятилетии нынешнего в стране появились структуры, которые сконцентрировали в своих руках значительную долю производства отраслевой продукции. Это касается производства алюминия, цемента и других видов продукции, а также торговли. Как ни странно, эти монопольные структуры работают не по закону о монополиях, а по закону о конкуренции.

Одновременно в стране появились крупные производители продукции – такие, как нефтяная отрасль, металлургическая и другие, которые по определению не являются монополиями, но совершенно очевидно, что здесь существует картельный сговор. **В конечном итоге, именно они диктуют цены в стране**. Систематическое обсуждение этих проблем в Парламенте и Правительстве не приносит желаемых результатов. Цены растут постоянно, что негативно влияет на экономику России в целом и уровень жизни людей.

Говоря об этой проблеме, стоило бы вспомнить действия президента США Ф. Рузвельта в период Великой депрессии и осуществления им Новой экономической политики.

Начиная с 1935 года, Рузвельт настойчиво внушал американцам, что **главная задача заключается в том, чтобы освободить нацию от гнёта монополий и финансовых спрутов**. При этом он подчеркивал, что тень не должна быть брошена на весь бизнес, частное предпринимательство и индивидуализм, наоборот. Они должны быть защищены от капиталистических цезарей – «жирных котов». Власть должна быть отнята у двухсот гигантских корпораций, распоряжающихся половиной богатства нации, у финансовых гигантов, которые с помощью нечестных сделок, сговоров и махинаций беспрерывно отчуждают в свою пользу «деньги народа, бизнес народа, труд народа».

Президент Обама только повторил слова своего выдающегося предшественника о «жирных котях» – через 75 лет!

На мой взгляд, в нашей стране назрел вопрос о принятии специального закона **«О монополиях и картелях»**. Он должен впитать в себя как отечественный опыт, так и мировую практику в этом деле.

Мои размышления по экономическим проблемам – это не ностальгия о прошлом, в котором было и хорошее, и плохое. Я не отношусь к той категории людей, которые стремятся «весь мир... разрушить!..». В XX веке в этом деле мы преуспели. Моё кредо – «взять в будущее всё хорошее, а плохое пусть останется в Истории». Тем более, мои размышления не направлены на очернение настоящего и неверие в будущее.

Без обращения к истории, без критического осмысления прошлого, его светлых и тёмных сторон невозможно понять и сделать выводы о многом в со-

временном мире. На всё надо смотреть без иллюзий, не боясь заглянуть в глаза правде, ничего не приукрашивая в прошлом и настоящем.

Россия всё равно будет интегрирована в мировой рынок. Иного пути нет. Вопрос лишь в том, произойдет ли это с сохранением национальной субъектности, **или Россия, как непрофильный актив, уйдёт с молотка под конкурентным управлением внешних сил.**

Я гражданин своего Отечества – России. Другой Родины у меня никогда не было и не будет. И мне безразлично, в какой стране будут жить мои дети, внуки и правнуки. Наше государство и его уникальный народ много раз в своей Истории переживали тяжёлые времена и поражения, но каждый раз выходили из неё более окрыленными и собранными. Так было всегда, и я глубоко убеждён – так будет и сейчас.

Подводя итоги

Все прошедшие годы меня, как и многих думающих людей, преследует вопрос, почему назревшие и задуманные преобразования, которые получили громкое название “перестройка” (можно было бы заменить это слово на более спокойное – “модернизация”), провалилась, похоронив при этом свою страну – СССР?

Объективно говоря, ведь задумывались эти преобразования в основном как решение назревших социально-экономических проблем страны. Вопрос же по изменению общественного строя, тем более – государственности как таковой, **даже не обсуждался.**

Трагедия произошла, на мой взгляд, из-за непоследовательности, непродуманности и забегания вперёд намеченных реформ. Не успели в стране выработать чёткую позицию реформирования экономики, как 19-я партийная Конференция в 1985 году практически приняла решение о кардинальном реформировании государственной власти. Скоропалительно вносились очень серьёзные поправки в действующую Конституцию. В конечном итоге, именно это привело к тому, что **вместо реформирования экономики стали настойчиво расшатывать государственную власть.** На наше мнение и призывы, что этого делать нельзя, был один ответ: время не ждёт! В результате неограниченная власть КПСС была разрушена, а новая – не создана. Власть оказалась в руинах, практически бесхозная, во власти стихийной энергии площадей и трибун Парламента страны. Кстати, лёгкость изменения Конституции стала нормой. Как сказал один из народных депутатов, с Конституцией стали обращаться *как с уличной девкой.*

Дальше пошёл необратимый процесс. Наши настойчивые призывы не проводить одновременно эти преобразования совершенно игнорировались, как и наши предостережения о том, что изменения в экономике надо осуществлять только при сильной государственной власти. Горбачёв же оставил без внимания наши предостережения и под влиянием своих близких соратников и настойчивых призывов Запада проводил эту политику. Он потерял политическую ориентацию, у него закружилась голова от чрезмерного восхваления его Западом, да и **сам он уверовал, что он и есть долгожданный “мессия” на российской земле.** Уверовал в то, что он несёт какое-то “новое мышление для нашей страны и для всего мира”! Дальнейшие трагические события не заставили себя ждать...

Будем надеяться, что нечто подобное не произойдёт в нашей стране сейчас. У нас накоплен большой опыт как положительный, так и отрицательный, есть величайшая история, культура, традиции. Это непременно надо использовать, и мы обязаны это сделать рано или поздно.

* * *

19 декабря 1990 года, в период проведения четвёртого внеочередного Съезда народных депутатов СССР я выступал как глава Правительства Советского Союза. Мне было совершенно ясно, что это мое последнее публичное выступление, так как две недели назад в беседе с Горбачёвым я заявил о своем уходе с этого поста. Основной причиной моего решения было несогласие

с предлагаемыми методами функционирования экономики, проповедуемыми Ельциным, с которыми стал соглашаться Горбачёв, а также стремительно назревающий развал страны.

По характеру я человек компромиссный, но в этих вопросах мы подошли к черте, которую я не мог переступить. Я бы всю жизнь сожалел и каялся, что пошёл на соглашение с этими людьми. Этого я сделать не мог, а другого выхода не было. На мои слова, что **сейчас Горбачёв сдаёт меня моим политическим недругам, а завтра они уберут его, как ненужную вещь**, ответ был наивно оптимистичен: ты, мол, всегда сгущаешь краски. Жизнь подтвердила моё видение событий. **25 декабря 1990 года я работал последний день Премьером, а 25 декабря 1991 года Горбачёв был отстранён от своего президентства и в Кремле был спущен государственный флаг СССР.**

Моё выступление было своего рода политическим завещанием, я долго готовился к нему, многое передумал, переосмыслил прожитые годы с ожиданием желаемых перемен и провалом “перестройки”. Вот об этом я и стремился сказать народным избранникам. Мои слова о **крахе “перестройки”**, тяжелейшей опасности, создавшейся в стране, стремительно разрушаемой экономике, реальном развале страны были встречены выкриками из зала. Уходя с трибуны и видя всё это, я бросил в зал: “Вы ещё вспомните наше правительство”. Да, ещё много лет спустя, люди вспоминали о наших тревогах, но было уже поздно.

В тот же вечер я позвал своих заместителей, и мы имели совершенно откровенную беседу. Мы не строили никаких иллюзий, так как были все убеждены, что дни нашего Правительства сочтены. Не было никакой паники, стеной и т. д. Мои соратники трезво смотрели на происходящее, да и вытерпели мы в последний год столько неприятностей и несправедливой хулы, сколько другие не получили за всю жизнь. Мы ещё раз сделали вывод, что наши действия были правильными и нам “посыпать голову пеплом” не стоит.

Я благодарен своим соратникам, членам моего Правительства за верность. А ведь не так просто было сносить оскорбления, которые сыпались на нас со всех сторон: “Правительство Рыжкова, Правительство нищеты – долой!”, “Рыжков – это бревно на пути будущего страны!” Слово “консерватор” было самым безобидным эпитетом к моему имени.

Молодой коммунист с голосом “евнуха”, пробившийся на одну из вершин власти в качестве *ниспровергателя*, в ондатровой шапке вместо “пыльного шлема” прилепил мне прозвище “плачущий большевик”. Этот эпитет подхватили политические “деятели”, средства массовой информации и т. д. Во время армянского землетрясения судьба занесла меня в глухое армянское село в горах. На площади села стояла очередь за получением хлеба и колбасы. И вдруг перед ними предстал Предсовмина в грязных резиновых сапогах, промокшем пальто и шапке. Меня узнали, и из очереди вышла пожилая женщина, вся в чёрной одежде. Она обняла меня по-матерински и произнесла какие-то слова, и перед моими глазами вновь всплыла ужасная картина: разрушенные города и сёла, тысячи погибших, изувеченные дети без рук и без ног, сотни пустых гробов вдоль улиц – дабы близкие могли похоронить своих матерей, отцов, детей. И в облике этой женщины в чёрном я увидел всё, что проходило перед моими глазами на развалинах Армении.

Она была олицетворением всего скорбящего армянского народа, мгновенно сдерживаемые эмоции вырвались наружу, и камера зафиксировала слёзы на глазах Премьера. Ну, а дальше пошло-поехало! Я потом узнал, что сказала мне пожилая женщина в чёрном: “Пусть, сынок, твои все болезни перейдут ко мне!”. Мои друзья-армяне говорили, что у них это выражение святое! Надо спросить авторов “плачущего большевика”, почему мужчина, испытывая потрясение или потерю близких, не может уронить слезу?

Один из авторов этой насмешки уже ушёл в мир иной, и я задал себе вопрос, будет ли он держать ответ перед Всевышним за свои деяния по разрушению страны, нищете и обездоленность народа в *лихие 1990-е годы*?. .

Многие ниспровергатели того времени говорят и пишут, что они недовольны нынешней властью. Но если они не знали всех последствий содеянного или скрывали их, зачем они делали это?

Я пишу эти строки не для того, чтобы оправдаться. Нам нет необходимости это делать. Мы были в первых рядах преобразования и первыми были

уничтожены. Многие мои соратники уже ушли в мир иной, некоторые живы, дай им Бог здоровья. Все мы пережили после разгрома нашего Правительства тяжёлые годы. Не было средств существования, не было работы, всё под "колпаком". И вместо того, чтобы использовать потенциал этих людей их "выкинули за борт". Им приходилось искать работу консультантов, советников в различных коммерческих и общественных организациях. А разве только мы оказались в таком положении? Кандидаты и доктора наук взяли в руки клетчатые сумки и стали "челноками", чтобы заработать на кусок хлеба. А разве забудешь, когда в подземных переходах с одной стороны играет преподаватель музыки, а с другой – его студент...

Я не оправдываюсь, нет на мне греха перед людьми и Богом. **У меня огромное желание выразить бесконечную благодарность моим соратникам тех лет. У меня большое желание поблагодарить те миллионы людей, которые в далёком 1991 году отдали за меня свои голоса на президентских выборах.** Я пишу эти строки с тем, чтобы подобное тому, что произошло с Советским Союзом, не повторилось с нашей Россией.

КСЕНИЯ МЯЛО

ЗАБЫТЫЕ

*Самостоянье человека,
залог величия его.*

А. С. Пушкин

В мае истекающего года мне неожиданно представилась возможность наведаться в Нагорный Карабах, где я была ещё двадцать лет назад, когда полномасштабный конфликт только разгорался. И, конечно, мне было интересно взглянуть, как живёт сегодня и на какое будущее надеется эта республика, после признания в 2008 году Россией Абхазии и Южной Осетии так и остающаяся непризнанным государством. Как остаётся *непризнанным* и Приднестровье, за судьбой которого я пристально следила все эти годы; и, конечно, мне было интересно сравнить положение и перспективы этих двух исторически, а не только географически столь удалённых друг от друга, но вот теперь оказавшихся объединёнными сходной участью осколков исчезнувшей великой державы, носила ли она имя Российской империя или Советский Союз. Общность участи символически подчёркивается и общей для обеих республик датой Дня Независимости, отмечая который они ежегодно 2 сентября имеют возможность с особой остротой прочувствовать свой статус изгоев.

Но это общность, так сказать, негативная, общность народов, по отношению к которым была допущена одна и та же несправедливость и которые сталкиваются с более или менее сходными проблемами в попытках покончить со своим ущербным положением. Неудивительно поэтому, что две непризнанные республики поддерживают довольно тесные контакты между собой. В том числе и регулярно обмениваясь делегациями по торжественным датам. Вот и на сей раз в Степанакерт, в этом году 9 Мая отмечавший не только День Победы, но и 20-летний юбилей некоторых памятных событий своей краткой, но насыщенной истории, в ряду многих других прибыла и делегация из Тира-споля, как водится, сказавшая слова поздравления и вручившая подарок. Подарок, казалось бы, простой — портрет Суворова. Но этот простой подарок вызвал на удивление живой отклик в огромном банкетном зале. Может быть, даже не сам подарок, сколько сопровождавшие его слова: "... не чуждый армянскому народу Суворов". Ровный гул голосов, ставший к этому времени не помехой, конечно, но фоном текущего своей чередой ритуала, был неожиданным — для меня, по крайней мере, — перекрыт горячими аплодисментами.

Вот ведь как! Я, конечно, давно знала, что для приднестровцев образ Суворова с самого зарождения республики стал эмоциональным и смысловым средоточием всего того, что защищали они, отстаивая не только свою независимость, но и ту часть российской истории, которая неразрывно связана с именем великого полководца. Ту часть, которая в глазах многих, если не

большинства нынешних россиян предстаёт чем-то как раз чуждым, малопонятным и, в общем, малоинтересным. Иначе не могли бы пройти незамеченными памятные даты, связанные с такими событиями, как Кючук-Кайнарджийский и Ясский мир, обеспечившие России полноценный выход в Чёрное море и твёрдо закрепившие её позиции в Северном Причерноморье.

Но здесь, в Карабахе (армянское наименование – Арцах), как раз с этой частью русской истории, на первый взгляд, мало связанном, да и за 20 лет независимого, пусть и непризнанного существования республики не заявлявшем о какой-либо особой своей приверженности к России, такой мгновенный отзыв на пароль “Суворов” не мог не удивить. Да, наверное, для народа со столь сильно выраженным национальным чувством, как армяне, имеет значение версия об армянском происхождении матери Суворова (урождённой Мануковой), версия, которую многие историки считают легендой, но которая, тем не менее, крепко удерживает свои позиции, что и прозвучало в приветственной речи приднестровской делегации. И всё-таки, думаю, было здесь и нечто большее, сверкнул отблеск совместной пережитой великой истории, память о которой, оказывается, иные имена и символы на окраинах империи пробуждают легче и быстрее, нежели в Российской Федерации. Да и сами слова о “не чуждости Суворова армянскому народу” – разве не указывают они на что-то более значительное, чем вопрос о присутствии в нём доли той или иной крови? На то, что он не чужд самой судьбе армянского народа? Потому что именно он стал олицетворением эпохи победоносных для России русско-турецких войн, приведших, по оценке одного из крупнейших востоковедов XX века Бернарда Льюиса, “к решительному перелому в соотношении сил не только между двумя империями, но и между двумя цивилизациями”. И, соответственно, приблизивших избавление от османского гнёта многих народов, в том числе и не в последнюю очередь – армян. “Известное упорство Порты Оттоманской” (Екатерина II) было тогда если не окончательно сломлено, то глубоко надломлено. И эти исторические реминисценции сегодня обретают новую актуальность по мере того, как всё масштабнее разворачиваются последствия селекции среди непризнанных, в 2008 году осуществлённой совместно Российской Федерацией и западными державами.

Впрочем, есть разница: Запад, в обход никем не отменённой резолюции СБ ООН 1244 (в соответствии с которой Косово считалось частью Сербии) признавший в одностороннем порядке провозглашённую независимость Приштины, как обычно, прибег к обеспечивающему его интересы манипулированию правом. РФ же право просто проигнорировала и, – к сожалению, тоже как обычно, – обратилась к архаическим методам грубого произвола. Ведь даже признание ею двух постсоветских непризнанных мотивировалось на официальном уровне чем угодно, но только не их правом на свободное волеизъявление; что же до двух оставшихся, то им вообще никто не потрудился объяснить, почему они оказались *лишенцами* и почему, как выразился, слегка перефразировав Оруэлла, начальник Главного информационного управления при президенте НКР Давид Бабаян, “одни народы более равны, чем другие”. Между тем, чтобы избежать этого, от Москвы требовалось всего лишь одно: не ставя себя в смешное положение отказом от сделанного в преддверии провозглашения независимости Косово предупреждения, сдержать своё слово и признать за всеми четырьмя “самопровозглашёнными” постсоветскими государствами законно принадлежащее им право на самостоятельный выбор своей судьбы. Оно, вопреки действовавшей на тот момент Конституции страны, было отнято у них при распаде СССР, и “казус Приштины” предоставлял Москве возможность восстановить попорченную законность и справедливость. Но возможность была упущена, а тем самым – усугублён произвол, нарастание которого так явственно ощущается теперь и внутри Российской Федерации.

Что ж, не сегодня ведь сказано: “Не делай другому того, чего не желаешь себе”. В этом смысле 2008 год можно считать своего рода *оселком*, на котором была испытана готовность российского и государства, и общества руководствоваться, не в последнюю очередь, соображениями права и в соответствии с этим изменить свою “оптику” восприятия, в том числе и проблемы *непризнанных*. Понять, наконец, что речь идёт не только о территориях, но, прежде всего, о проживающих на них людях, которых нельзя рассматри-

вать как всего лишь материал, пригодный для сооружения геополитических конструкций, чем грешат не только политики наши, но и многие политологи. К сожалению, не приходится отрицать, что ни государство, ни общество испытания 2008 годом не выдержали, что, конечно, не могло не возыметь не слишком отрадных для нас последствий.

* * *

Спустя четыре года трудно без горькой усмешки перечитывать велеречивые заявления российского министра иностранных дел С. Лаврова, который вскоре после августовской войны в своей пространной статье, знаменательно озаглавленной “Торжество права и свободы” (“Независимая газета”, 15 сентября 2008 года) настойчиво подчёркивал “недопустимость возврата – в современной Европе – к временам крепостного права”. Подобные слова поверяются делами, однако с тех пор позиция России по отношению к двум оставшимся не признанными постсоветским республикам отнюдь не обнаружила признаков преодоления *всяких следов крепостнического подхода*, допускающего возможность, говоря словами главы российского ведомства иностранных дел, считать людей “принадлежностью какой бы то ни было территории, которая может произвольно, без согласия этих людей, переходить под суверенитет того или иного государства”. (Там же.) Напротив, можно говорить об углублении в России регрессии “к временам крепостного права”, что особенно грубо сказалось в отношении политически ориентированного на неё Приднестровья. И если положение Степанакерта сегодня не выглядит столь же безнадежным, как положение Тирасполя, то это заслуга отнюдь не России, о чём подробнее будет сказано ниже. Однако, при всех различиях их положения, обе республики до сих пор остаются непризнанными, а некоторые быстро развивающиеся в мире процессы всё резче подчёркивают архаичность российского подхода к проблеме, лишаящего нашу страну возможности творчески осваивать реальность неизбежного появления на политической карте мира новых государств. При этом такая грубость и архаичность в 2008 году с полной очевидностью обнаружила себя не только на уровне действий власти, но также – и, на мой взгляд, это повод для тревоги ещё большей, – в выступлениях тех, кого принято именовать лидерами общественного мнения: политологов, журналистов, не говоря уже о депутатах.

“Не признавать!” – таков оказался вердикт, вынесенный многими перьями в ответ на последовавшее сразу же после провозглашения независимости Косово обращение Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья к России с просьбой о признании. Примечательно, что в этом единодушно сошлись в иных случаях столь резко противостоящие друг другу наши “государственники” и “либералы”, и, стало быть, в таком приговоре нашло своё выражение, как это ни печально, довольно широко распространённое “состояние умов”. На удивление сходными оказались и аргументы, которыми подкреплялось это явственно отдающее *троекуровщиной* постановление. В ряду их немалое место занял вот такой: мол, дурные примеры заразительны, поэтому положительный ответ Москвы на обращённую к ней просьбу откроет ларец Пандоры, неизбежно вызвав лавину сепаратистских требований едва ли не во всех концах Земли. Живописались картины одна другой страшнее: трупы на улицах Дели, смятение и пожары в европейских столицах... Подобное можно было прочитать на страницах газеты “Завтра”, услышать в телевизионной программе “Постскриптум” и в парламентских речах. Но почему-то никто из авторов этих устрашающих прогнозов не задался вопросом: а даже если бы и так, допустимо ли, ещё раз попирая уже поправленные права народов, обратившихся к России с просьбой о помощи в восстановлении справедливости, одним росчерком публицистического пера превращать их в *заложников* гипотетического сохранения мира и спокойствия на планете? И согласились ли бы они предложить на роль таких заложников самих себя, не говоря уже о своих семьях? Вопрос, разумеется, риторический, к тому же прошедшие годы уже убедительно продемонстрировали недалёковидность, мягко говоря, всех этих грозных предсказаний и несостоятельность утверждений о наличии некой прямой связи между развитием сепаратистских настроений в той или иной стране и судьбой постсоветских *непризнанных*.

Конечно, невозможно отрицать, что немалую роль в активизации этих настроений, имеющих свою историю и динамику, сыграл в своё время распад Советского Союза и превращение составлявших его республик в суверенные, тотчас же признанные в ООН государства. Я сама могла убедиться в этом сразу после исчезновения СССР с политической карты мира, встречаясь со сторонниками каталонской независимости в Барселоне. Но одно дело – неожиданно быстрое крушение огромной, представлявшейся неуязвимой страны, и совсем другое – судьба нескольких оставшихся за бортом её обломков, этих астероидов рассыпавшейся вселенной, местонахождение которых в пространстве далеко не все смогут указать. Да и мало этим интересуются. А потому, несмотря на сохраняющийся ущербный статус Нагорного Карабаха и Приднестровья, несмотря на то, что даже в случае Абхазии и Южной Осетии Москва мотивировала признание их конъюнктурными, а отнюдь не правовыми аргументами, процесс развивается без всякой оглядки на то, что делает – или чего не делает – Россия с этими обломками кораблекрушения. О своих притязаниях на независимость уже заявили Шотландия и Каталония, причём если в Шотландии проведение соответствующего референдума назначено на 2014 год, то в Каталонии на самое ближайшее время – 25 ноября 2012 года. При этом стоит заметить, что полтора миллиона человек в середине сентября вышли на улицы Барселоны с соответствующими лозунгами как раз тогда, когда Москва в очередной раз похоронила надежды Приднестровья на признание. Разумеется, нет никакой связи политических комбинаций России на Армянском нагорье или на Днестре и с победой на последних парламентских выборах националистической Квебекской партии, что делает реальной перспективу проведения третьего по счёту (после того, что состоялся 30 октября 1995 года) плебисцита по вопросу об отделении этой провинции от Канады. Однако и это ещё не всё: подобные настроения заявляют о себе и в Уэльсе. Например, Саймон Томас, один из лидеров третьей по значению партии в валлийском парламенте, считает распад Соединённого Королевства в XXI веке неизбежным. Шотландия, по его мнению, – “это лишь самый очевидный пример. Однако не менее интересное будущее ожидает Северную Ирландию и Уэльс”.

Здесь и сейчас нет смысла гадать, как именно будут развиваться события в Великобритании, Испании или Канаде, а возможно, и в других европейских странах. Бельгия, например, у всех на слуху, но фламандский сепаратизм в своём генезисе, как и в своём будущем, тоже несколько не связан с перспективами НКР или ПМР. Однако уже сегодня можно с уверенностью сказать, что как бы ни развивался процесс, “бунтующим провинциям” западных стран не грозит опасность оказаться в ситуации, когда их голос просто-напросто не пожелают услышать. Лидеры этих стран, без потрясения, мягко говоря, пережившие появление трупов на улицах Бендер и Цхинвала, разумеется, не допустят ничего подобного у себя: здесь действует другая шкала отсчёта. Так, премьер-министр Соединённого Королевства Д. Кэмерон уже подтвердил право Шотландии на самоопределение через референдум. Равным образом, прецедент последнего референдума в Квебеке, те способы действия, которые были найдены официальной Оттавой для того, чтобы избежать нежелательного для неё результата, говорят о том, что возможность грубого и откровенного отказа признать итоги народного волеизъявления в этих странах практически исключается.

Иное дело – позиция западных лидеров, столь много хлопочущих о соблюдении демократических прав и гарантий международных организаций по отношению к народам постсоветских “самопровозглашённых” государств. Но почему бы ей быть другой, если за все прошедшие после распада СССР 20 лет обнаружившие свою не только противоправность, но и неэффективность подходы нашего правительства не были сколько-нибудь существенно пересмотрены? Не были, даже несмотря на то, что в случае Нагорного Карабаха, и Приднестровья речь идёт о попытках реинтегрировать эти республики в их бывшие союзные “метрополии”, уже неоднократно заявлявшие о своём национальном тождестве и даже о возможном слиянии с соседними государствами, для непризнанных более чем проблемными: в случае НКР – с Турцией, в случае ПМР – с Румынией. И это придаёт вопросу об их независимости не существовавшую даже в случае Абхазии и Южной Осетии остроту, не замечать которую означает работать с заведомо искажённой картиной.

Ещё в феврале 1994 года, будучи с визитом в Турции, президент Азербайджана, ныне покойный Гейдар Алиев воспользовался формулой “одна нация, два государства” (“Спорные границы на Кавказе”. М., 1996, стр. 206). Анкара придерживается того же взгляда. Так, бывший президент Турции Сулейман Демирель заявил на исходе минувшего века: “Мы всегда говорим: мы, турки, проживающие в Анатолии, и турки, проживающие в Азербайджане, – одна нация, два государства” (“Бакинский рабочий”. 27.01.1996). А бывший советник президента республики по внешнеполитическим вопросам политолог Вафа Гулузаде выступил с предложением о включении Азербайджана в состав Турции, что, по его мнению, может помочь Баку защитить себя от России. Понятие *азербайджанец*, по его словам, всего лишь пережиток советского времени. “Наш язык турецкий, и по национальности мы – турки”, – подчеркнул Гулузаде (“Независимая газета”, 23.06.2000).

Полагаю, нет необходимости напоминать о характере исторически сложившихся армяно-турецких отношений. И нетрудно представить, какую реакцию не только в Степанакерте, но и в Ереване должно было вызвать прозвучавшее в феврале 2010 года (телепрограмма EuroNews) заявление нынешнего президента РА Ильхама Алиева о том, что его страна никогда не согласится на независимость Нагорного Карабаха и не “примет никаких механизмов и процедур, способных привести к его отделению”. Вряд ли можно сомневаться в том, что армянская сторона тоже никогда не примет “никаких механизмов и процедур”, способных привести Нагорный Карабах не только в Азербайджан, но – потенциально – и в Турцию. От сказанного на самом высоком уровне и Баку, и Анкарой невозможно просто отмахнуться, это, мол, всё слова, а реально подобная перспектива не просматривается. Сегодня, может быть, и не просматривается, но кто поручится за будущее? Особенно теперь, когда, после сезона “арабской весны”, в Турции всё заметнее проявляются черты нового политического курса, уже получившего наименование *неоосманизма* (“Карабахский вестник”, январь 2012 года, с. 29). В этой ситуации роль и влияние каждой из стран-участниц переговорного (именуемого “Минским”) процесса будет не в последнюю очередь определяться их способностью освоить и учесть в своих инициативах уже неотменяемую – во всяком случае, на путях мирного урегулирования – реальность независимого существования НКР.

К счастью для Карабаха, его возможности выбора достаточно широки, чего нельзя сказать о Приднестровье, над которым на протяжении всех 22 лет, прошедших со дня провозглашения республики, нависает сходная и вполне реальная угроза. В случае его реинтеграции даже только в Молдову, не говоря уже о Румынии, будет разрушен весь своеобразный жизненный уклад сложившегося здесь полиэтничного народа и его созданная на основе кириллической письменности культура. И народ, и культура всегда, даже до Ясского мира, тяготели к России, но сегодня ответного не то что *тяготения*, но даже интереса у России к нему нет. История региона столь мало – и не только на властном уровне – принимается ею во внимание, риску предположить, даже неведома ей, что значение вопроса о выборе графики (латиницы или кириллицы) для молдавского языка, выборе, ставшем в начале последнего десятилетия ушедшего века спусковым механизмом развития приведшего к войне противостояния до сих пор для многих остаётся за горизонтами восприятия проблемы.

С удивлением и горечью я столкнулась с этим ещё раз, когда в том же мае, вскоре после поездки в Карабах, приехала в составе группы литераторов на праздник славянской письменности в Великий Новгород. В ходе одной из встреч мною был задан вопрос, почему не была приглашена делегация из Приднестровья – ведь я лично знала людей, которые сейчас, в наши дни, а не в баснословной древности, сражались, а иные и погибли за то, чтобы сохранилась, чтобы продолжала жить именно эта письменность. Однако вопрос повис в воздухе – кажется, его никто не понял. А ведь писалось и говорилось о том, что происходило на берегах Днестра, в своё время немало – значит, не было интереса? Или всё так быстро позабылось? Тем же, кто всё-таки не забыл о жестокой войне лета 1992 года, хроника которой широко показывалась тогда телевидением, могу сообщить ещё, что именно в те дни газета про-румынского Народного Фронта Молдовы “Цара” перепечатала написанную

в 1942 году статья румынского историка А. Концеску “Румыны – коренные жители территорий между Днестром и Бугом”, в которой до сведения читателей доводилось, что “у молдаван не было ни своего языка, ни своей культуры, ни своей истории”. Была приведена и карта, опубликованная в 1942 году журналом “Транснистрия”. Текст под ней гласил: “Румыны проживали далеко за Днестром... русские и украинцы появились здесь после 1700 года, во времена Петра Великого”. Точность сообщаемых здесь исторических сведений в комментариях, думаю, не нуждается, да и, скорее всего, они сфальсифицированы преднамеренно. Главное в другом: я считаю нужным напомнить, с учётом ставшей за краткий исторический срок столь же короткой нашей национальной памяти, что всё написанное – это 40-е годы XX века, что это время Великой Отечественной войны и что территория нынешней ПМР была оккупирована Румынией, именовавшей Приднестровье *Транснистрией*.

Доктрина “Великой Румынии” быстро начала претворяться в жизнь посредством соответствующей практики, о которой не забыли проживающие здесь народы. Не исключая молдаван, чьё самонаименование кишинёвские сторонники румынизации, в полном соответствии со взглядами Гулузаде на азербайджанцев, тоже объявляют изобретением и реликтом советского времени. Объявленная Законом о государственном языке (31 августа 1989 года) замена традиционной для молдаван кириллицы на латиницу обрела в этом случае характер эффективного инструмента не только *деславнизации*, но и *демолдавизации* территории. Пожелавшие сохранить кириллическую письменность, которую путём свободного волеизъявления выбрало подавляющее большинство молдавского населения Приднестровья, были объявлены “манкуртами”, отступниками – со всеми вытекающими из такого определения последствиями. Однако в Москве так до сих пор и не поняли всей сложности этого выходящего далеко за рамки лингвистики вопроса, являющегося лишь наиболее очевидным выражением выбора между двумя несовместимыми цивилизационными и геополитическими векторами: “латинским” (в политике выражающим себя как прорумынский) и “восточным”, точнее, восточнославянским (в политике выражающим себя как пророссийский). И даже новый приход к власти в Кишинёве откровенно ориентированного на Румынию Альянса за европейскую интеграцию (АЕГ) не изменил позиции России по приднестровскому вопросу: она по-прежнему не рассматривает иных вариантов его разрешения, кроме реинтеграции непризнанной республики в Молдову. Притом, как предложил в ходе своего летнего пребывания в Кишинёве представитель российского МИДа Г. Карасин, всего лишь в качестве наделённого особым статусом региона.

Ясно, однако, что такая реинтеграция для Приднестровья, как, впрочем, и предлагаемая Нагорному Карабаху “самая широкая автономия”, будет означать неизбежную утрату собственных, такой дорогой ценой, буквально на поле боя созданных армий. Остальное вполне предсказуемо, а о том, что именно будет означать это *остальное* с позиций “Великой Румынии”, более чем прозрачно высказались румынские парламентарии на примечательной конференции, состоявшейся в Бухаресте 15 ноября 2011 года. Ими-то как раз и была очень чётко обозначена связь между цивилизационным и геополитическим отступлением России на Днестре, которым будут развязаны туго завязанные здесь историей узлы. Так, один из выступавших, профессор Раду Балтасиу, счёл нужным напомнить: “Приднестровье было и остаётся территорией особого значения для Юго-Востока Европы и геополитического вектора в регионе” (ИА Регнум. www.upmonitor.ru/news/russia). “Приднестровье, – продолжил он, – было использовано в качестве плацдарма на Балканах как в царское, так и в советское время”, – что, на его взгляд, делает проблему удаления отсюда остатков российского присутствия остро актуальной. Но это только одна сторона вопроса, и ставки в игре более высоки. Это “гораздо большее” – большее даже, нежели возможное присоединение Молдовы вкупе с Приднестровьем к Румынии, обозначил в своём выступлении глава комиссии Сената Румынии по связям с румынами за рубежом Виорел Бадя, назвавший “носителей румынского языка” в Приднестровье “самым дальним форпостом латыни в Восточной Европе”.

В Приднестровье, как я уже говорила, проживают молдаване, предпочитающие называть свой язык молдавским, а читать и писать на кириллице. Язык этот, наряду с русским и украинским, имеет статус государственного,

так что ни о каком утеснении “румын” в ПМР, на которое не преминул пожаловаться румынский сенатор, говорить не приходится – ввиду отсутствия здесь румын. Всё рассуждение построено на заведомой лжи, избоблчать которую, конечно, не станет Запад: ведь его интересам, естественно, соответствует главное – настойчивое утверждение приоритетности “латинского” вектора на Днестре. Перспективы такого утверждения могли бы тревожить Россию, но от неё столь важный именно в случае Приднестровья цивилизационный аспект проблемы полностью ускользает. Полагаю, большинство российских политиков, даже если предположить, что они знакомы с материалами ноябрьской конференции в Бухаресте, вряд ли задумалось над странностью появления слова “форпост” в речи о языке, – словно бы речь шла о войне. Между тем, в нём-то и заключена вся соль, и невозможно судить об истоках событий конца 80-х – начала 90-х годов в бывшей МССР, не понимая, что языковой вопрос оказался здесь помещённым в напряжённый контекст противостояния латинства и славянства.

Вот что писала, например, “Цара” вскоре после провозглашения ПМР: “Быть румыном, думать и чувствовать по-румынски... – значит, говорить на румынском, даже если кое-где кое-кто называет его молдавским языком, который не только является потомком прославленной латыни, носительницы мировой культуры, но и языком-победоносцем. Да, победоносцем, потому что в вековой борьбе со славянскими диалектами (!) и с другими языками он вышел победителем...”.

Вот что означает “дальний форпост латыни в Восточной Европе”, и тема, как видим, ничуть не устарела и не сошла со сцены за минувшие 20 лет. Речь о *реванше*, помещаемом в самую глубокую историческую ретроспективу, во времена императора Траяна, легионы которого так и не смогли пересечь Днестр. Ретроспективу, в которой само слово “форпост” обретает особенно звучный резонанс: “Цара” в только что процитированной статье не случайно упоминала и о “древнеримских предках”. Римско-легионерский миф играл немаловажную роль в генезисе румынского фашизма; но и доньяне образ покоряющих мир легионов не утратил своей привлекательности для многих политиков, в том числе и для иных западных демократов: З. Бжезинский, например, охотно воспользовался им, говоря в “Великой шахматной доске” о расширении НАТО на Восток. Но именно на Днестре, – как, пожалуй, нигде более, – этот образ, имея за собой конкретный исторический прототип, столь тесно сближается с реальностью, а выход Альянса на днестровский рубеж, некогда взятый Суворовым, обретает специфические черты древнего триумфа. Но вольно же российским властям способствовать этому триумфу, в противостоянии Тирасполя и Кишинёва неукоснительно поддерживая молдавскую столицу, в которой одна из улиц совсем недавно была названа именем Антонеску – лидера фашистской Румынии, рукой которого 26 февраля 1942 года было начертано: “Транснистрия станет румынской, мы её сделаем румынской и выслем всех иноплеменных”.

Так разве вопли разъярённой толпы “Чемодан, вокзал, Россия!”, “Утопим русских в крови евреев!”, убийство (так и оставшееся не замеченным в Москве) 14 мая 1990 года семнадцатилетнего кишинёвского школьника Дмитрия Матюшина (“За то, что говорил по-русски!”), бендерская бойня 19–22 июня 1992 года – разве всё это не подтверждало правоту приднестровцев, твердивших о новой попытке, с приходом к власти в Кишинёве крайних националистов, исполнить волю *кондукэтора*? Конечно, подтверждало, и увековечение нынешним кишинёвским руководством памяти союзника Гитлера – ещё одно тому доказательство. Поэтому принятие любых “механизмов и процедур”, способных привести республику к реинтеграции в бывшую метрополию, для Приднестровья так же неприемлемо, как и для Нагорного Карабаха, где никогда не забудут армянских погромов в Сумгаите и Баку. Не понимать этого – значит бесконечно вертеться в колесе заходящих в тупик переговоров. Альтернативой является военное решение проблемы, которым время от времени Баку угрожает Степанакерту, или удушающая блокада, сегодня представляющая наибольшую реальную опасность для Приднестровья. Но не это называется урегулированием конфликта, самые глубокие причины которого отнюдь не устранены.

Так, после состоявшегося в мае 2012 года и ставшего самым представительным в истории Альянса саммита НАТО в Чикаго выдержавший испытание попыткой импичмента президент Румынии Траян Бэеску, как сообщило ин-

формационное агентство Agepress, заявил: “Мы поставили точку в путанице по вопросу о молдавском меньшинстве. Мы пришли к выводу, что Румыния и Молдова – два независимых и суверенных государства, в которых живут в основном румыны”.

В российских политических и политологических кругах это заявление вызвало заметную эйфорию и возбудило, особенно среди “патриотов-имперцев”, новые надежды на возвращение блудной Молдовы, теперь вот уже и самим Бухарестом признанной “независимым и суверенным государством”, в российскую орбиту. А там, глядишь, и до восстановления Союза недалеко, так почему бы во имя столь грандиозной цели и не пожертвовать “пешкой” – Приднестровьем? Без внимания осталась вторая и, на мой взгляд, самая важная часть сказанного румынским президентом: его заявление о том, что в обоих государствах живут “в основном румыны”. А также и то, что, согласно Бэеску, итоговая декларация Чикагского саммита в *полной мере* отражает интересы и позицию Румынии по Южным Балканам и Черноморскому региону.

Логично заключить, учитывая значение, придаваемое Бухарестом этой стороне вопроса, что одной из основ такого совпадения интересов как раз и является признание Республики Молдова (РМ) государством *не молдаван, а румын*. А коли так, то перспективу воссоединения двух государств можно считать лишь умело перемещённой в некое размытое будущее, но никак не окончательно снятой. Ведь, как об этом заявил в мае 1991 года, то есть ещё до войны на Днестре, первый президент РМ, ярый унионист (сторонник воссоединения с Румынией) Мирча Снегур в интервью “Московским новостям”. “...где два суверенных государства, говорящих на одном языке, имеющих один корень, по-другому быть не может. Этот процесс начался, он необратим...”

С тех пор процесс этот неуклонно набирал силу, притом на уровне, быть может, самом важном: формирования общего уклада жизни и общей исторической памяти. В собственно Молдове уже выросло целое поколение, своим родным языком считающее румынский, а историю румын знающее лучше, чем историю молдаван, о которых на официальном уровне если и говорится, то лишь как о жертвах жестокого “русского империализма”, в 1812 году добившего включения в состав Российской империи части княжества Молдова, Бессарабии, а в 1940 вновь настигшего свою ускользнувшую было добычу. При этом, конечно, умалчивается о том, что именно в 1940 году была создана МССР, включившая в себя не только Бессарабию, но и – в качестве подарка – Приднестровье. Мнением населения которого тогда в Москве никто не интересовался, как, впрочем, не интересуется и сейчас, упорно настаивая на новом “воссоединении” Приднестровья с Бессарабией.

“А ведь мы совсем разные люди, – говорит председатель Приднестровского Союза молдаван В. Тулгара. – У нас разная письменность, разный менталитет, разное чувство истории. Они вправе делать свой выбор. Но и у нас есть такое право. Неужели в России этого не понимают?” К сожалению, не понимают – или не хотят понимать. И гораздо более верным, нежели те, что прозвучали в России, мне представляется мнение, высказанное в связи с заявлением Бэеску депутатом Верховной Рады Украины, известным политиком Тарасом Черноволом. На его взгляд, Румыния могла по конъюнктурным соображениям отказаться от планов присоединения Молдовы “наскоком”, но в более далёкой перспективе не намерена отказываться от них. Думаю, это понимают и в Приднестровье, всё ещё надеясь как-то донести правду о реальном положении дел до сознания московских политиков. Надежды эти мне представляются тщетными, и я почти убеждена в том, что, получи Москва сегодня самые неопровержимые доказательства близкого воссоединения Румынии и Молдовы, это мало что изменило бы. Вернее всего, здесь постараются их просто не заметить. Потому что в “большой игре” на Днестре есть и другие участники, более тяжёлого веса, нежели Румыния, и решаются вопросы куда более важные, нежели участие или неучастие Молдовы в путинском проекте евразийской интеграции. И потому меня несколько не удивило то, что уже объявленный парламентом РМ отказ присоединиться к Таможенному союзу никак не изменил к лучшему позицию Москвы в отношении Приднестровья. Ведь на кону для неё проект гораздо более важный, своеобразный *бартер*, ещё летом 2010 года предложенный канцлером ФРГ А. Меркель: возвращение Приднестровья в Молдову в обмен на подписание нового договора о безопасности в Европе.

В привычном, уже описанном мною *троекуровском* формате эту идею прокомментировал А. Караваев, замгендиректора Информационно-аналитического центра МГУ: “Продумать подобный или близкий по смыслу вариант было бы разумно” (“Независимая газета”, 16 декабря 2010 года). Естественно, мнением Тирасполя при таком “разумном” подходе можно и пренебречь. В ключе “бартера” получает объяснение и активная кампания по смене высшего руководства в непризнанной республике, то есть по устранению от власти её первого президента И. Н. Смирнова. Она была проведена как раз после того, как в марте 2011 года в Кишинёве прозвучало заявление, можно сказать – распоряжение вице-президента США Дж. Байдена: “Будущее Приднестровья – только в составе Республики Молдова”. Так что, возможно, речь идёт о “бартере” ещё более крупном, подробности которого нам пока не известны. Однако гипотеза имеет право на существование. Судя уже по тому хотя бы, какие недюжинные силы оказались задействованы Россией в Днестре в целях успешного проведения операции по удалению Смирнова: от десантов “звёздных” ведущих популярных ток-шоу до Предстоятеля РПЦ, в ходе своего визита в Молдову летом того же года внезапно отменившего давно запланированное посещение Тирасполя (до которого от Кишинёва, в худшем случае, не более полутора часов езды).

Несомненно, это был точно рассчитанный в Кремле удар по позициям Смирнова, и он достиг цели. Не мог не достиг там, где исконно православное население на протяжении веков мужественно отстаивало свою веру и где главу Московской Патриархии ожидали с трепетом и надеждой. Словом, операция удалась. И не случайно же румынский Парламент удостоил особой похвалы президента РФ Д. Медведева за настойчивость, проявленную в деле устранения от власти “сурового промосковского лидера Игоря Смирнова”, особо отметив: “Президент России по сути подтвердил, что нынешняя ситуация в Приднестровье и позиция Смирнова препятствуют реинтеграции”.

Главная роль Москвы в операции по смене высшего руководства в Приднестровье в том, что кишинёвская газета “Тимпул” назвала “казнью” Смирнова, – неопровержимый, многократно упоминавшийся и комментировавшийся факт, и трудно понять, тем более принять тактику замалчивания именно этой стороны событий, к которой прибег автор статьи “Приднестровская бомба”, не столь давно опубликованной на страницах газеты “Завтра”. Жёстко и достаточно ёмко обрисовав нынешнее положение республики на Днестре и ожидающие её перспективы в случае принятия предложенного немецким канцлером плана федерализации Молдовы, он почему-то всю вину за “сворачивание проекта “Приднестровье” возложил на новое руководство ПМР. Тем самым, однако, косвенно вина оказалась возложенной на самих приднестровцев, очевидно, просто не сумевших сделать правильный выбор.

Такой приговор глубоко несправедлив. Потому что вина граждан республики если и есть, то заключается она лишь в том, что они позволили внешней силе вмешаться в исключительно им принадлежащее право выбирать себе президента, чего никогда не позволяли ни Нагорный Карабах, ни Абхазия и чему пыталась сопротивляться даже крошечная Южная Осетия. Но в том-то и дело, что Приднестровье никогда не воспринимало Россию по отношению к себе как *внешнюю силу* и до сих пор, несмотря на всё пережитое, не может воспринимать себя как нечто, отдельное от неё. Это заметно отличает приднестровцев от народов трёх других “самопровозглашённых” государств. А потому само слово “вина” представляется здесь неуместным. Скорее можно говорить о трагической ошибке, какие порой совершают люди, непоколебимо стойкие перед врагами, но беззащитные перед теми, кто ими преданно и беззаветно любим. Завещанная нам от Бога способность “самостоянья” неизбежно претерпевает при этом ущерб, возникает ситуация психологической зависимости, освободиться от которой нелегко. Приднестровью же для того, чтобы вновь обрести достоинство, придётся преодолеть свою, как выразился один из моих собеседников в Тирасполе, “безответную любовь” к России. Не вообще любовь, которая имеет здесь слишком глубокие корни, но обезволивающий избыток любви, благодаря которому Москва могла так долго и так откровенно третировать Приднестровье, а оно так долго продолжало связывать исключительно с ней свои ожидания, которые снова и снова оказывались обмануты.

Возможно, Приднестровье с этим сумеет справиться, когда в жизнь полноценно вступит новое поколение, на чьих глаза с детских лет разворачива-

лась вся драма безответности. Но, конечно, тогда в истории отношений Приднестровья и России откроется новая эпоха, в которой уже не останется места для отчаянных взываний о помощи, наподобие тех писем, что после визита Ангелы Меркель в Кишинёв были направлены представителями русской, украинской и молдавской общин на имя президента Российской Федерации. Ответа на них не последовало.

Будет ли усвоен полученный и такой горький урок – покажет будущее. Но в настоящем положении Приднестровья нельзя не признать гораздо более тягостным и безвыходным, нежели то, в котором находится Нагорный Карабах. Даже несмотря на сохраняющуюся напряжённость и регулярные перестрелки на линии армяно-азербайджанского противостояния.

* * *

Никакой “безответной любви”, но опора, прежде всего, на *нацию*, в трёх её ипостасях, которые вновь избранный президентом республики Бако Саакян определил как “мы сами, Армения, диаспора”, – таков оказался путь, избранный Карабахом – товарищем Приднестровья по несчастью. И на этом пути за 20 лет Степанакерту удалось достичь многого из того, что для Тирасполя становится всё более недостижимым. У НКР нет проблем с собственной валютой – здесь имеет хождение армянский драм, тогда как просьба Приднестровья о хождении рубля была отклонена Москвой, и по нему в любой момент может быть нанесён удар с этой стороны. Для граждан НКР не существует проблемы паспортов – паспорта армянские, а жители ПМР, в том числе и те, кто имеет российское гражданство, по произволу кишинёвской администрации могут, что показал 2011 год, лишиться права свободного выезда из республики и поставлены перед необходимостью смены гражданства. У Степанакерта налажено прочное взаимодействие на уровне вооружённых сил, и на военном параде 9 Мая 2012 года здесь присутствовали президент Армении и Католикос Армянской апостольской церкви – подробность, думаю, не требующая комментария.

И, наконец, последнее по месту, но не по значению: поддержка на международном уровне, которую обеспечивает НКР большая и влиятельная армянская диаспора. Она немало инвестирует в республику, добившись, в числе прочего, её превращения в уже пользующийся известностью в мире центр туризма. А уж пренебречь в этом горном лесистом крае, с удивительной, не осквернённой природой и глубокой древности историческими памятниками, есть что. Но главное, конечно, – это то, что, не в последнюю очередь благодаря усилиям диаспоры, Степанакерту, единственному из всех четырёх постсоветских “самопровозглашённых” государств, удалось добиться признания международным сообществом права на самоопределение через референдум. Пусть даже и в некоем не совсем определённом будущем и при соблюдении условий, которые не во всём устраивают Карабах. Всё-таки решающий рубеж взят, и недвусмысленные заявления таких политиков, как представитель ЕС на Южном Кавказе Питер Семнеби или бывший эксперт Совета по внешней политике ФРГ Александр Рар, не оставляют в этом сомнений. Важнее же всего то, что НКР удалось добиться закрепления этого права в ряде международных документов. Первым из них стали Мадридские соглашения (чаще именуемые “Мадридскими принципами”), подписанные участниками переговорного процесса 29 ноября 2007 года – то есть, как видим, ещё до признания Западом независимости Косово, а Россией – Абхазии и Южной Осетии, что говорит о давно ведущейся в этом направлении упорной работе.

А 1 августа 2008 года подробности “принципов” озвучил сопредседатель Минской группы ОБСЕ со стороны США Мэтью Брайза, дважды подчёркнувший, что “будет проведен референдум, на котором определяются сами карабахцы”, и что “жители Нагорного Карабаха сами решат, пойдёт ли республика под юрисдикцию Азербайджана или получат независимость” (ru.wikipedia.org). Кроме этого, самого главного права, республике гарантировалось обеспечение коридора, соединяющего её с Арменией, а также предоставление ей на период урегулирования вопроса о спорных территориях и беженцах переходного статуса. По сути, это означает признание её независимости *de facto*. Эти условия, так или иначе открывающие Степанакерту путь к выходу из положения *лишенца*, в котором до сих пор остаётся Тирасполь, были подтверждены 10 июля 2009 года в итальянском городе Аквила, где в ходе

саммита “большой восьмёрки” было принято совместное заявление президентов стран-сопредседателей Минской группы: США, Франции и России. В этом заявлении, принятом, разумеется, не по инициативе нашей страны, в числе основных принципов урегулирования конфликта вновь были обозначены “предоставление промежуточного статуса Нагорному Карабаху, обеспечивающее гарантии безопасности и самоуправления”. А также – что особенно важно – “определение будущего правового статуса Нагорного Карабаха путём имеющего общеобязательную силу референдума”.

То же самое и с теми же участниками было подтверждено 26 июня 2010 года в канадском городе Мускоке, однако на сей раз Баку вышел из Мадридских соглашений, следствием чего стало новое “зависание” Минского процесса. Этому способствовало и то, что Степанакерт, не удовлетворяясь достигнутым, всё более настойчиво выдвигает на первый план вопрос о включении в границы НКР всех занятых им в ходе войны 1991–1994 годов территорий. Что абсолютно неприемлемо для Баку и что кажется спорным даже многим из тех, кто выступает за необходимость признания независимости собственно НКР – в границах, в которых она была провозглашена 2 сентября 1991 года.

Однако если Минский процесс и “завис”, то на качественно новом уровне, когда вопрос о признании права Арцаха на самоопределение можно считать принципиально решённым. И если в этом регионе не вспыхнет большая война, опасаться чего заставляют возрастающая напряжённость на сирийско-турецкой границе и усиливающееся давление Израиля и Запада на Иран, война, которая неизбежно смешает многие карты, то есть веские основания полагать, что процесс международного признания НКР может начаться в не слишком отдалённом будущем. О чём и заявил и. о. министра иностранных дел Нагорно-Карабахской Республики Василий Атаджанан в своём интервью “Карабахскому вестнику”. “Что касается наших возможностей в плане международного признания НКР, то можете не сомневаться: придёт время, и мы воспользуемся предоставленными возможностями”, – сказал он.

Если этот оптимистический прогноз оправдается и процесс признания НКР начнётся, Россия окажется перед непростой дилеммой: включаться в него или воздержаться. Каждый из вариантов выбора создаёт свои риски. Признание НКР грозит резким ухудшением, если не разрушением отношений России с Азербайджаном, на что она вряд ли пойдёт. Однако отказ от признания или слишком затянувшееся промедление сведёт к минимуму, если не обнулит, её уже и без того не слишком значительное влияние на Степанакерт, что опосредованно не сможет не сказаться на отношениях России с её единственным стратегическим партнёром на Южном Кавказе – Арменией. Но утратить эти особые связи – значит, сильно ослабить возможности выхода на Малую Азию, в древности бывшую одним из центральных узлов мировой истории и сегодня вновь выдвигающуюся на передний план. Так что нет сомнений в том, что вакуум влияния, оставляемый здесь Россией, будет быстро заполнен другими участниками новой “большой игры”.

А ведь сложностей грядущего выбора можно было бы избежать, своевременно отказавшись от так полюбившихся руководству РФ приёмов “замораживания” конфликтов и бесконечного раскачивания на “качелях” меж двух непримиримо противостоящих друг другу сторон. Конечно, к подобным приёмам прибегали и прибегают все великие державы, но это – тактика, обслуживающая крупные стратегические проекты, цели которых продуманы и обладают не одним лишь нефтегазовым или даже военным измерением, но затрагивают и иные уровни человеческого бытия, чей яркий образ оставил нам Пушкин в “Путешествии в Арзрум”. У нынешней России такого проекта нет, если не говорить о невнятном и рыхлом Евразийском Союзе; но в него, с его гипертрофированным тюркским уклоном, не вмещается слишком многое из того, что было исторической “большой Россией”. И сегодня трудно представить, как будет распутывать Москва во многом ею самой запутанный клубок на Армянском нагорье, где важнейшие инициативы давно уже принадлежат не ей.

Гораздо легче сказать, что следовало бы ей делать в Приднестровье, где её влияние, несмотря ни на что, остаётся вне конкуренции. Опираясь на него (а не манипулируя им), она всё ещё может выдвинуть здесь собственные инициативы, которые, при горячей и безусловной поддержке населения, позволят ей вновь твёрдо и надолго закрепить своё присутствие на этой территории, многообразное значение которой, как и в случае а Нагорного Карабаха, намного превосходит её размеры. Вопрос лишь в том, решится ли Россия на это.

СЕРГЕЙ ГОРЮНКОВ

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ЧУЖОЙ И СВОЙ ТЕКСТЫ

Памяти А. С. Панарина

Что такое Россия в современном глобальном мире? Вопрос до сих пор остаётся открытым, но не потому, что на него невозможно ответить, а потому, что ответы предлагаются слишком разнообразные и принципиально не совместимые друг с другом. Здесь и пропагандистские стереотипы различной направленности, и беспристрастная аналитика, и проявление боли за страну, и выражение ненависти к ней. То есть образ России в глобальном мире – это поле непрекращающейся борьбы одних идеологических штампов с другими и всех их вместе взятых – с реальностью.

Особый интерес вызывает диаметрально противоположность взглядов на нашу страну. Например, уже не первое столетие на Россию усиленно навешивают ярлык “империи зла”; однако никуда не уйти от того факта, что именно произведённый ею в XX веке политико-экономический эксперимент по “строительству коммунизма” вызвал к жизни и кейнсианские реформы, “социализовавшие” общественное устройство стран Запада, и процесс крушения колониальных империй. Или, к примеру, представление о “вековой отсталости России”, которое давно уже превратилось в расхожий штамп; однако невозможно не признать, что “именно в России начала работать *первая в мировой истории* атомная электростанция, был создан *первый* реактивный пассажирский лайнер ТУ-104, вышел на орбиту *первый* искусственный спутник Земли, состоялся *первый* полёт человека в космос” (Кожин В. В. Победы и беды России. М., 2000, с. 45). Или: стараниями СМИ тезис о принципиальной враждебности России “свободе” приобрёл уже почти статус аксиомы; однако никто ещё не опроверг и бердяевской идеи о безграничной свободе русского духа. Достаточно напомнить, что “русская классическая литература создала особое глобальное пространство, где на примере русских вопросов обсуждаются вопросы вселенские. Причём обсуждаются с нигде не виданной степенью свободы” (Панарин А. С. Народ без элиты. М., 2006, с. 282).

Что стоит за этими взаимоисключающими друг друга представлениями о России, и какие из них наиболее адекватны ей самой?

Можно указать, по меньшей мере, на три предпосылочные установки, обуславливающие разнообразие взглядов на историю России, на своеобразие её народа и специфику её культуры. Первая установка – это коренящийся в глубинах евроцентризма априорный взгляд на Россию как на “чёрную ды-

ру цивилизации”, как на “угрозу всему свободному миру”, как на “несовместимого с демократией и правовой культурой тоталитарного монстра”. Проще же говоря, это откровенно людооидский взгляд на Россию как на страну, не имеющую права на *самостоятельное* существование. В демонстративных проявлениях приверженности западных стран такой установке недостатка никогда не было (ещё в XIX веке на них указывал поэт и дипломат Ф. И. Тютчев).

Вторая установка – это взгляд на специфику России как на нечто, обусловленное её стадийным отставанием от *развитых* стран Запада, это мнение о России как о сбившейся с магистральной колеи исторического развития стране, задача которой – изжить в себе пережитки традиционализма, ведущие в экономический и культурный тупик. Такого мнения придерживаются не только недоброжелатели России, но и многие ее друзья.

Внешне вторая установка выглядит вполне респектабельно. Более того: она могла бы считаться абсолютно верной и даже единственно научной, если бы в рамках самой идеи “историзма”, на которой она основывается, не происходила сегодня реабилитация понятия “традиционализма” как необходимого предпосылочного основания культуры. В процессе такой реабилитации становится слишком уж очевидно, что “пережитками традиционализма” пытаются объявить “всё то, что не имеет товарного статуса и меновой стоимости” (Панарин, с. 22). И естественным образом возникает научное сомнение: “Неужели действительно пребывать внутри традиции, исторического предания означает, в первую очередь, быть *жертвой предрассудков* и быть *ограниченным* в своей свободе?.. В действительности не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории. Задолго до того, как мы начинаем постигать самих себя в акте рефлексии, мы с полнейшей самоочевидностью постигаем самих себя в качестве членов семьи, общества и государства, в которых мы живём...” (Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988, с. 328–329).

Наконец, третья установка постулирует принципиальное отличие российской цивилизации от западной. Её суть определена ещё в первой половине XIX века: “Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой... история её требует другой мысли, другой формулы...” (из статьи А. С. Пушкина “Об “Истории русского народа” Н. Полевого”); “Нам нет дела до крутны Запада, ибо сами-то мы не Запад... Россия... не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы... у нас другое начало цивилизации” (из “Философических писем” П. Я. Чаадаева).

Третья установка – единственная, не содержащая в себе ни эмоциональных переулков, ни теоретических неувязок. Но, как ни странно, именно она оказывается объектом чуть ли не истерической критики со стороны тех отечественных “специалистов по России”, которые категорически отрицают саму возможность мысли о праве нашей страны на цивилизационную самобытность. Поэтому очень часто она квалифицируется как выдумка “особистов” (сторонников особого пути России в мире) и всячески поносится в публикации типа: “За призывами к “особому пути” прячется неспособность власти реализовать проект модернизации России” (см. “Аргументы и факты”, 20–26 февраля 2008). Курьёзно, однако, что именно в данном вопросе наши “специалисты” абсолютно не склонны прислушиваться к профессиональному мнению западных экспертов, давно уже считающих Россию по её отношению к Западу чем-то совершенно иным. (Как сказал один из главнейших “архитекторов” российских перестроечных реформ Джеффри Сакс, “мы положили больного (Россию, – С. Г.) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия”. – Газета “Деловой вторник”, 1998, 10 ноября.)

Нервозность отечественных “специалистов по России” можно понять: признание принципиального отличия российской цивилизации от западной неизбежно влечёт за собой признание и того факта, что невежество и непрофессионализм современных российских реформаторов – это главные (после коррумпированности) причины их бездарной и преступной в отношении России политики. Потому-то они и спешат объявить Россию “ненормальной”, “нежизнеспособной” страной, а её мгновенные крушения в 1917-м и 1991 годах – лучшими доказательствами правоты своего нигилизма в её отношении.

Нетрудно привести массу примеров, свидетельствующих о принципиальном отличии российской цивилизации от западной как в структурах, так и в функциях. Совершенно очевидно, например, что на взлётах своего существования Россия, как и западные страны, всегда тяготела к политической форме объединения разных народов под единой *имперской* властью. Но есть глубокое качественное различие между колониальными империями западных стран и Российской империей: на западной почве захват колоний всегда приводил к их ограблению в пользу метрополий, а на российской — к обратному результату. “У нас вошло в какую-то привычку, — писал известный публицист конца XIX — начала XX вв. М. А. Миropиев, — отдавать предпочтение интересам окраин перед интересами центра... Таких окраин, живущих за счёт центра, у нас несколько: Кавказ, Туркестан, Закаспийская область и др. Это вопреки всем западноевропейским народам, которые стремятся обогатиться за счет своих колоний... — это какая-то особая у нас благотворительность на окраины... Эти окраинные дефициты влекут за собою громадное государственное зло: экономическое оскудение и даже по местам вырождение нашего центра, наших внутренних губерний Европейской России... Политика предпочтения окраин центру ведёт нас к государственному разложению...” (Миropиев М. А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. Цит. по: “Молодая гвардия”, 1994, № 1, с. 158).

О том же, спустя столетие (!), писал А. С. Панарин: “... В советском пространстве... действовало нигде в мире не предусмотренное правило... больше ресурсов, льгот и преференций роста получают те республики (регионы), которые временно отстали и находятся в более трудном положении. Национальные республики бывшего СССР в самом деле получали больше инвестиций и другой помощи союзного Центра, чем РСФСР” (Панарин, с. 173–174).

Другой пример. Совершенно очевидно, что представительная власть занимается в России не ограничением, как на Западе, а укреплением властной вершины. В этом обычно усматривают её недостаток, доказательство её несовершенства, отсталости от западных форм представительства. Но мало кто задумывается о том, что на самом деле здесь, возможно, имеет место проявление не отсталости российской формы политического устройства, а её качественной “инаковости”. Само начало этой формы у нас иное: “Народное представительство возникло у нас не для ограничения власти, а чтобы найти и укрепить власть; в этом его отличие от западноевропейского представительства” (Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения в 9-ти томах, М., 1988, т. III, с. 189, 198).

Ещё пример. Со времён К. Маркса единственно-научным признаётся только лишь политико-экономическое объяснение хода истории. Однако сам классик признавал, что его понимание сути исторического процесса “основывалось на изучении истории Англии и полностью применимо только к ней...” Не раз писал Маркс и о том, что в странах Азии... дело обстоит принципиально по-иному. И в высшей степени показательно, что те представители западной философии истории, которые стремились основываться на осмыслении опыта не только Запада, но и мира в целом, — как, например, широко известный англичанин Арнольд Тойнби, — “отнюдь не склонны к политико-экономическому пониманию исторического развития России” (Кожин В. В. Победы и беды России, с. 31–32).

Блестяще понимавший философию истории А. Ф. Лосев заметил, что даже процессы деградации западной и российской ментальностей протекают по-разному: “католицизм извращается в истерию, казуистику, формализм и инквизицию, а православие, развращаясь, даёт хулиганство, разбойничество, анархизм и бандитизм” (Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993, с. 891–892).

Что должно означать признание факта принципиального отличия российской цивилизации от западной на практике?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дал покойный философ А. С. Панарин — как **завещание** для всех, кто не равнодушен к будущему своей страны.

“В России так и осталась непроделанной колоссальной важности работа – по реконструкции собственного (восточно-христианского) цивилизационного текста и реинтерпретации всех общественных практик с позиций этого большого текста. Речь идёт о тех процедурах, которые на Западе впервые философски обобщил Э. Гуссерль в своей теории “феноменологической редукции” – вынесения за скобки всех “наносов опыта” для возвращения к “Первичной реальности”.

История нашего существования есть одновременно и история нашего пленения опытом неудач, предрассудками, стереотипами. Обращение к первичному (аутентичному) тексту своей собственной цивилизационной традиции – это возвращение из плена в ситуацию первичных выборов и первичных решений. В этом пункте решающим для судеб нации является различие двух способов вынесения за скобки не устраивающего нас настоящего: посредством анамнезиса-припоминания нас самих – когда мы были ещё “подлинными”, или посредством мимезиса – подражания другим, что означает применительно к нам самим, что *подлинными* мы никогда не были. Вот в чём могло бы состоять действительное различие между западной и славянофильской партиями нашего общества: дело не в том, что одни требуют решительных изменений, а другие якобы довольствуются тем, что есть; дело в том, что одни критикуют настоящее, постулируя присутствие нашего подлинного исторического “я”, к которому мы должны вернуться как стартовой позиции новейшего реформирования, а другие не предполагают ни в нашей душе, ни в нашей духовной истории никакой подлинности – одно только “проклятое прошлое” господ и рабов, безжалостных палачей и тупо бессловесных жертв” (Панарин, с. 272–273).

Но если “история нашего существования есть одновременно и история нашего пленения опытом чужих стереотипов”, т. е. опытом “чужого текста”, то в первую очередь нужно максимально чётко определить, что это за “текст”.

Панарин не уходит и от этого вопроса, – он прямо и аргументированно заявляет, что таким “текстом” является либеральная идеология (выдающая себя, к слову сказать, за “деидеологизацию”). “Современную либеральную идеологию можно понимать как процедуру разложения всех обществ до уровня несвязанного одноклеточного существования. Эту одноклеточность представляет либеральный индивид, порвавший все социальные связи и обязательства и выступающий в качестве носителя единственного интереса – своего частнособственнического. Прежде чем либеральная Америка объявила войну всему миру, представители либеральной идеологии объявили войну всему культурному наследию человечества, обзвав его “агрессивно-традиционалистским”. Мы очень сузим характер либеральной войны с социальностью как таковой – со статусом человека как существа, имеющего социальные привязанности и обязанности, если сведём дело только к рыночному максимализму либералов, не терпящих социального государства и других ограничений рыночного “естественного отбора”. За асоциальностью либерального рынка “чикагского образца” скрывается более глубокая и последовательная асоциальность, выражаемая уже не “специалистами по рынку”, а “специалистами по культуре” (там же, с. 189–190).

Панарин продолжает: “Самая большая тайна, ныне скрываемая от нас новой господствующей идеологией, состоит в том, что экономические отношения сами по себе не спланируют людей. Не случайно экономикоцентристский либерализм (как и другие экономикоцентристские идеологии) знает только два состояния человечества: физического – “доэкономического” принуждения, и экономической свободы, при которой люди вступают в отношения с себе подобными под влиянием материальной выгоды и личного экономического интереса” (там же, с. 190). Но культурные антропологи, изучившие механизмы образования социума в чистом виде – без последующих экономикоцентристских напластований, – доказали, “что *собственно человеческая связь* выводит нас за пределы дилеммы: либо принудительное объединение людей силой, либо объединение их на основе экономического интереса. И то, и другое настоящим *объединением*, образующим собственно человеческий социум, не является. Для того чтобы объединяться в собственно-человеческом смысле, людям надо иметь общую духовную собственность – те ценности, которые их объединяют без принуждения и которые они готовы сообща защищать. А наряду с этой копилкой общих ценностей людей объединяет и копилка общей памяти: не толь-

ко обычаи, которым следуют, не рассуждая, но и культурные герои, продолжающие служить образцами” (там же, с. 190–191).

Естественно, либеральную идеологию всё это категорически не устраивает; вот почему её главной задачей является всемерная и беспощадная дискредитация содержания русской (и не только русской) “традициональной копилки”. А именно: высмеиваются традиции русского народа, очерняется его история, демонтируется сам народ как “враждебный цивилизации”, как “невосприимчивый к правовой культуре”, как “патологически несовместимый с институтом демократии”. Всё это делается тем успешней, что и по советской, и по псевдodemократической конституциям русский народ, в отличие от всех других населяющих нашу страну народов, оказывается лишён статуса государственного субъекта (каковой обладает, согласно Конституции РФ, “всей полнотой государственной власти” – раздел первый, глава 2, статья 73). То есть в собственной стране русский народ находится на внеюридическом, незаконном, нелегальном положении абсолютно бесправного, – чем и объясняется в конечном счёте трагизм нынешнего состояния и его самого, и России в целом. Главный же удар, призванный обеспечить эффективность либеральной идеологической политики, наносится по базовым принципам исторической организации нашего общества, по его духовным устоям: по совести, нравственности и справедливости, которые объявляются “пережитками традиционализма”, мешающими “брать от жизни всё, что хочется”. Навязываемый нам отказ от нравственных устоев – это и есть тот спусковой механизм, которым приводится в действие эскалация “разрухи в умах”, а следовательно, и сама “атомизация” общества с его последующей деградацией. Взамен же нравственных устоев как идеологической сверхвласти всякого нормального общества во главу угла ставится официально не объявляемая, но реально поощряемая нынешним руководством страны идеология “обогащения любой ценой”, или идеологическая сверхвласть денег, активизирующая низменные человеческие инстинкты. И, как следствие, денационализированный, деморализованный и дезориентированный русский народ всё меньше и меньше ощущает себя единым, – он становится игрушкой в руках кукловодов, скопищем “объектов отработки условных рефлексов” с помощью проплаченных средств массовой информации.

По мнению Панарина, секрет успеха либеральной идеологии – в том, что “за предпосылку согласия она выдаёт безразличие к ценностям. Но как раз безразличие к ценностям порождает ту предельную социальную глухоту и безответственность, которая породила нынешнюю волну буржуазного контрнаступления на социальные права и грозит подрывом самих предпосылок действительно гражданского общества” (там же, с. 236).

На деле – продолжает мыслитель – “новое либеральное учение легитимирует повальную коррупцию, гражданскую безответственность, стяжательские инстинкты и даже прямое национальное предательство с помощью идеологии безграничного индивидуализма и “морали успеха” (там же, с. 280).

* * *

Как видим, “чужой текст” представляет собой огромную, по-своему цельную и стройную систему представлений, привлекательную именно тем, что она освобождает личность от всех видов социального долга. Вновь сошлюсь на моего любимого автора: “Потакать всегда легче, чем требовать, и потакающие легче завоёвывают популярность, нежели требующие” (там же, с. 163), – вот одно из объяснений всепокрушающих идеологических побед либерализма в сегодняшнем мире. “Современная культура – не только коммунистическая – стала всё больше проигрывать в борьбе с инстинктом, ибо не сумела создать вдохновительную норму: придать долгу энергию воодушевления. Долг, лишённый такой опоры, стал восприниматься как навязываемая кем-то обуза, которой сумели придать персонифицированное выражение “коммунистического авторитаризма” (там же).

Эта технология, подпитываемая, с одной стороны, феноменом “массовой культуры”, а с другой – оправдываемая теоретическими установками либеральной и постмодернистской парадигматики, и являет собой законченное торжество того факта, что “политика не отражает действительности, а творит

её, подменяя естественное изобретённым, навязанным, манипулируемым... Постсоветская политическая элита потому-то с такой лёгкостью освоила уроки постмодерна, что её прежний опыт в качестве партии авгуров, перемигивающихся за спиной народа, вполне к этому подготовил” (там же, с. 75–76).

Технология блестяще сработала: специфическое обаяние западной массовой культуры, связанное с установками тотальной демобилизации индивида, затронуло души молодого поколения на Востоке, которому надоело быть мобилизованным. Всем захотелось стать весёлыми, раскованными и никому ничем не обязанными. Так складывался образ “прекрасного нового мира” – смесь утопии с антиутопией.

Только теперь, на закате западного модерна, мы можем осознать глубинные причины заразительности этого образа. Главная причина заключалась в его универсализме. Казалось, что в лице культуры модерна Запад отказывается от своих авторских прав и от своей специфики – модерн столь же обезличен, сколь и универсален, предназначен для всех. Всех почвенников, этнофилов, защитников национальной культурной специфики настигло чувство то ли вины, то ли неполноценности перед лицом этого “проекта освобождения”, адресованного *всем без изъятия*. Отвергнувшие бескорыстный дар модерна чувствовали себя или оценивались другими как мрачные скопидомы, оказавшиеся на праздничной ярмарке. Модерн и воспринимался как праздник, куда западные устроители щедро и хлебосольно приглашают всех – только бы отпустили местные авторитарные отцы и начальники. Культурный бунт против этих “отцов и начальников” во всех незападных культурах подняли именно те, кому казалось: Запад их пригласил к новой жизни, а злобные и ревнивые местные бюлестители придерживают.

Но если “чужой текст” – это воспринимаемый с энтузиазмом “проект освобождения”, то правомерно ли называть его “чужим”? Может быть, он является и “нашим текстом”, – на чём, собственно, и настаивают либеральные идеологи?

А. С. Панарин отвечает на эти вопросы следующим образом:

“Сегодня впервые со времени провозглашения программы западного модерна инициаторы этой программы объявляют, что она – не для всех, а только для избранных, для своих, для “золотого миллиарда”... Объединённый в ходе “холодной войны” Запад образовал глобальный властный треугольник, призванный провести деиндустриализацию всей той части мира, которую Запад не считает своей, входящей в круг избранных. Этот треугольник включает МВФ, Всемирный банк и Всемирную торговую ассоциацию. Это трио призвано осуществлять неустанное наблюдение за поведением национальных правительств третьего и бывшего второго миров на предмет того, насколько последовательно осуществляется программа деиндустриализации – свёртывания национальной обрабатывающей промышленности, науки, образования и культурного развития” (там же, с. 102–104), а в конечном счёте – это программа социальной и духовно-нравственной **деградации**.

Глобальный рынок означает свободное перераспределение всех ресурсов, в том числе и закреплённых за государствами территорий, в пользу тех, кто продемонстрировал наивысшую экономическую и экологическую эффективность. В результате падения границ и других барьеров в глобальном “открытом обществе” земля и ресурсы должны перейти из рук менее умелых и приспособленных в руки более достойных, в будущем образующих расу господ на планете. На примере новейшей теории глобального открытого общества мы видим, какие метаморфозы претерпевают важнейшие идеологемы Просвещения в процессе своего использования эзотерикой глобализма. Ещё вчера понятие “открытое общество” включало весь набор либеральной благонамеренности – от пацифистского неприятия конфронтации до отказа от цензуры и любых государственных и сословных тайн. Сегодня оно обретает явный социал-дарвинистский оттенок, свидетельствуя о решительном разрыве с наследием христианского и просвещенческого гуманизма, о выборе в пользу сильных против слабых и “нищих духом”.

Но сознанию тех россиян, которые уверовали в показную сторону либеральной программы и настроились на “праздник свободы”, примириться с жестокой реальностью на эмоциональном уровне не так-то просто. Гораздо легче, оказывается, примириться с идеями социал-дарвинизма, оправдывающими разделение общества на “избранную элиту” и на всё остальное “быдло”. Что и происходит. С одной стороны: “Раса господ, давно уже разуверив-

шаяся в реформируемости “этой” страны и утратившая веру в то, что даров прогресса хватит на всех, втайне решила приберечь для самой себя и новый европейско-демократический статус, и оснащённый всеми средствами прогресса “цивилизованный образ жизни”, и пресловутые “права человека”. Всё должно быть, как на Западе, и, может быть, даже лучше, но – не для всех, а только для избранных” (Панарин, с. 309). С другой стороны, и в социальном “низу” мы наблюдаем появление личности, “уставшей от бремени в общем-то нормальных социальных и моральных обязательств. “Мне надоело жить праведником (праведницей), я хочу жить, как все”. В этой банально-бытовой исповедальности содержится своя “глубина” – глубина отторжения, отпадения от великой духовной традиции. “Жить легко” – это для подавляющего большинства наших соотечественников реально означает не экономическую обеспеченность и вертикальную мобильность – здесь тенденции как раз обратные, а освобождение от духовного бремени ценностей, удерживающих от скольжения вниз, к существованию без принципов” (там же, с. 335–336), то есть к существованию в качестве “опущенного, раскультиренного быдла”.

Нельзя сказать, что окончательный выбор здесь уже сделан, – это далеко не так. Но ясно одно: принятие или непринятие социал-дарвинистских “правил игры” – это и есть критерий различения “чужого” и “своего” текстов.

* * *

Как вырваться из разлагающего плена “чужого текста”?

Известна поговорка: “Если не можешь найти выход – попробуй выйти там, где входил”. Применительно к нашей теме она означает, что, оказавшись в плену “чужого текста”, нужно, по меньшей мере, понять, откуда он взялся на наши головы. А понять это можно, если редуцировать “чужой (либеральный) текст” до предельно сжатой формулы, отражающей его глубинную суть. Если же за глубинную суть “либерального текста” принять “Я”, свободное (liberte) от каких-либо обязательств и ответственности перед окружающим миром, то его формулой можно будет считать “Я, свободное от Не-Я”.

Но что такое “Не-Я”?

“Не-Я” – это всё то, что противостоит “Я”, это “весь остальной мир”, а точнее – такой “весь остальной мир”, каким он представляется для “Я”. То есть “Не-Я” – это представление “Я” о мире. Оно всегда исторически обусловлено – ограничено рамками знаний, имеющихся в распоряжении “Я”. В современной когнитологии (науке о формах существования, изменения и передачи знания) такое представление о мире называется “картиной мира”, или – более модно – “моделью мира”. Модели этой свойственно изменяться во времени. Скажем, не так давно (по историческим меркам) в обществах господствовали религиозные модели мира, а сегодня в наиболее “продвинутой” части этих обществ господствует научная (эволюционно-историческая) модель. А разница между религиозной и научной моделями та, что с каждой из них человеческое “Я” взаимодействует по-разному. Например, религиозная модель мира целиком и полностью структурирована “человеческим фактором” – мыслями, словами и поступками каждого отдельного человека. И этот “человеческий фактор” в ней *взвешивается* – оценивается с точки зрения качества его взаимодействия с другими “человеческими факторами”. То есть человеческое “Я” в религиозной модели мира – нечто абсолютно неустрашимое из модели, то, без чего она невозможна в принципе. Это “Я, не отделяющее себя от Не-Я”.

В научной же (эволюционно-исторической) модели мира человеческое “Я” – это “субъект”, противопоставляющий себя “Не-Я” как “объекту”, это “Я”, утверждающееся в своей самодостаточности и независимости от “объекта”.

Человек рассматривается как независимый от окружающей действительности “индивид”, связанный с другими “индивидами” отношениями конкуренции, он – не “часть объективного мира”, а “субъектная внеположность ему”. Здесь человеческое “Я” совершенно сознательно отделяет себя от “Не-Я”, а примеры обратного понимаются как рецидивы религиозного или – выражаясь точнее – традиционного образа мышления.

Но различием в формах отношений между “Я” и “Не-Я” определяется и различие в отношениях “Я” к этической проблематике, потому что в религи-

озной и научной моделях мира “Я” совершенно по-разному отвечает на вопросы: нужно ли быть справедливым, совестливым и нравственным? Нужно ли в проявлении своих инстинктов считаться с окружающими? Нужно ли думать не только о себе, но и о других?

Религиозное миропонимание даёт на эти вопросы положительный ответ. Религиозный человек *понимает*, почему он должен быть совестливым, справедливым и нравственным: он должен быть таким потому, что мир, в котором он живёт, устроен по принципу “действие-противодействие”, где за всё совершаемое в жизни надо платить (конкретные формы расплаты зависят от той конкретной системы религиозных взглядов, которых он придерживается). И не имеет, по большому счёту, значения, испытывает ли он при этом телесный страх перед загробными муками или высокодуховный страх “потерять свою бессмертную душу”. Главное здесь – то, что, в соответствии с исповедуемыми принципами религиозного мироустройства, за каждую мысль, слово или действие приходится рано или поздно отвечать.

В научной же трактовке “модели мира” для совести, справедливости и нравственности (как смыслообразующих элементов его структуры) попросту нет места. Как нет места и вообще какому-то особому “духовному миру” со всей его метафизикой. В этой трактовке мироустройства есть место лишь неуничтожимому движению материи, непрерывному процессу возникновения нового и разрушения старого, бесконечному восхождению от низшего к высшему. Поэтому человек, сознательно и последовательно придерживающийся чисто научного (эволюционно-исторического) взгляда на мир, понимает, что миром правят не идеалы, а интересы, и что мысли, слова и поступки – это бесследно растворяющиеся в материальной круговерти флуктуации. Он понимает, что за всё совершаемое в этой жизни платит не “согрешивший перед высшим законом бытия” (как и чем можно заплатить хаосу вечного движения материи?), а “проигравший в борьбе за место под солнцем”. Религиозные идеалы для такого человека – “пережитки прошлого”, а их диктат – посягательство на “права и свободы личности”.

Естественно, что – в полном соответствии с таким миропониманием – в его сознании формируется (пусть не сразу, а через борьбу с “пережитками прошлого” и прочими “суевериями”) адекватный безрелигиозному мировоззрению образ мышления и поведения. В начальном, более или менее пристойном виде этот образ мышления и поведения определяется как становление “личностного начала” и “атеистического свободомыслия”, а в законченном и предельно циничном – манифестируется в формулах типа “Живём один раз”; “Бери от жизни всё”; “Кто не успел, тот опоздал”.

Конечно, в реальной жизни имеют место, по большей части, не идеальные, “чистые” модели мира, а их смешанные, переходные, эклектичные формы, зачастую сильно “растянутые” в историческом времени. В таких смешанных формах прежние идеалы могут нередко сосуществовать с новыми взглядами на мир на протяжении нескольких поколений, – до тех пор, пока сама жизнь не поставит рефлексирующее “Я” перед жёстким выбором. Поэтому зависимость духовно-нравственных устоев от мировоззрения в таких смешанных формах осознаётся обычно с большим трудом.

Тем не менее, классификация моделей мира по критерию способов их взаимодействия с “Я” достаточно ясно показывает, что либеральная идеология самым непосредственным образом воспроизводит структуру эволюционно-исторической парадигмы – структуру модели мира, выражаемую формулой “Я, противопоставляющего себя Не-Я”.

Но тогда объясняется и происхождение либеральной идеологии: она представляет собой не что иное, как производное от эволюционно-исторической парадигмы. Соответственно, и вопрос о происхождении либеральной идеологии начинается как вопрос о происхождении самого эволюционно-исторического мировоззрения.

* * *

Зададимся вопросом: почему это мировоззрение, в обличье дарвиновской теории, возымело в своё время такое беспримерное влияние на умы, несмотря на свои более чем сомнительные теоретические основания? Ведь в са-

мом деле: сформулированный Ч. Дарвином принцип поступательного увеличения видовой разнообразия методом дивергентного расхождения видообразующих признаков – это чисто механистический принцип развития от “низшего к высшему”, методологическая несостоятельность которого прекрасно осознавалась и самим Ч. Дарвином. “Знаю, – писал он, – что едва ли возможно определить ясно, что разумеется под более высокой или более низкой организацией”; “Это область очень запутанного вопроса” (Дарвин Ч. Происхождение видов. М., 1939, т. III, с. 359, 629). Да и сам принцип естественного отбора, как было позднее замечено К. Поппером, основывается на *круге в доказательствах* (на так называемом *методологическом порочном круге*), – поскольку утверждение “выживают наиболее приспособившиеся” эквивалентно тавтологическому высказыванию “выживают выжившие”.

Наиболее проницательные современники Ч. Дарвина тоже сразу поняли, что “дарвинизм не только и не столько биологическое, сколько философское учение, купол на здании механистического материализма” (Н. Я. Данилевский), то есть – умозрительная наукоподобная конструкция, этакая разновидность неполного знания, которая подчиняет заранее заданному направлению мысли нужные ей факты и игнорирует ненужные. Тем не менее, именно эта умозрительная конструкция и легла в основу всех дальнейших “осоциаленных” модификаций эволюционизма. А научная эклектика, порождённая смещением умозрительной конструкции с эмпирическими фактами, на протяжении более чем столетия покрывалась дымовой завесой “диалектических противоречий”.

А ведь были в последарвиновской науке общебиологические теории (например, номогенетические), удовлетворявшие критерию научности намного больше, чем дарвиновская теория. Однако их влияние на общественное сознание оказалось абсолютно несоизмеримо с влиянием на него теории естественного отбора. Почему? Несомненно, по той лишь единственной причине, что *дарвиновская теория впервые в истории науки создала иллюзию законченного, самодостаточного, целиком и полностью объяснённого научного взгляда на мир*. То есть она, в отличие от “телеологических” и “виталистических” концепций биологической эволюции, завершила собой очень давнюю в истории развития культуры тенденцию высвобождения секулярной мысли из ограничительных рамок, налагавшихся на неё “метафизикой”.

Потому-то она и послужила “естественнонаучной основой” для материализма как “научно-исторического” мировоззрения. Возникнув не как научное обобщение неких неопровержимых эмпирических фактов, а как умозрительная философская конструкция, она полностью удовлетворила некоторым тенденциозным умонастроениям и запросам своего времени – тем умонастроениям и запросам, выразителем которых объявил себя исторический материализм. А что это были за умонастроения и запросы, показал сам оглушительный успех учения исторического материализма, узаконившего именем науки все те формы “прогрессивного” человеческого поведения, которые уже не считали себя связанными оглядкой на совесть, на справедливость, на справедливость и вообще на “идеалы”, – для них достаточно стало опоры на безрелигиозное знание, на формальное право, на “революционную целесообразность” и вообще на “интересы”.

Конкретно это выразил так называемый “основной вопрос философии” (об отношении сознания к бытию), который раз и навсегда отказал сфере духа (*включающей в себя идеалы совести, справедливости и нравственности*) в праве считаться смыслообразующим стержнем жизни; он определил её как исторически преходящую, обусловленную экономическими, классовыми и другими формами общественных отношений систему ценностей, то есть как *необязательное, вторичное, относительное, надстроечное явление*.

В этом смысле не будет преувеличением сказать, что **исторический материализм – это та “несущая конструкция” эволюционно-исторической парадигмы, которая впервые в истории человеческой мысли наукоподобно обосновала право человека и общества на бессовестность и безнравственность**.

Разумеется, со временем от вызывающе-механистического объяснения эволюционного процесса пришлось – на словах – отказаться в пользу более хитроумных и замысловатых моделей самоорганизации. Но симптоматично, что все попытки создания таких моделей, биологических и социальных, ни-

когда не выходят за рамки материалистической интерпретации процесса. Их цель всегда одна и та же: представить, вопреки эмпирическим фактам, образ мира как целиком и полностью объяснённый на материалистической основе. При том, что ещё полвека назад В. И. Вернадский (не только выдающийся геобиохимик, но и первоклассный историк науки) заметил: материалистическое философское течение – это учение, “которое было живым в конце XVIII – середине XIX века и которое в тех проявлениях, в каких оно выражается в современной науке, является историческим пережитком. Живого материалистического течения мысли в современной философии, находящейся сейчас в бурном движении, нет” (Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1989, с. 111–112).

Вернадский же обосновал точку зрения на эволюционно-историческую мировоззренческую парадигму как на полурелигиозный-полуфилософский фольклор. То есть он первым осознал, что все научные теории о происхождении Вселенной, Земли, Жизни и Разума имеют своей подлинной предпосылкой не объективную логику независимой научной мысли, а мифорелигиозную идею “Начала Мира”, исторически унаследованную позднейшей философией и наукой. “Это тесно связано с еврейско-христианско-мусульманскими представлениями о мире и божестве и... с ними связанной... европейской (средиземноморской) философией... В европейско-американскую науку это было внесено... Иммануилом Кантом (1724–1804) в введённом им понятии естественного тела или естественного процесса в конце XVIII или начале XIX веков. И мы сейчас видим, что учёные, связанные с другим настроем мысли, связанные с Индией и отчасти Дальним Востоком, не видят никакой логической обязательности считать неизбежным при изучении научных явлений существование начала Мира, начала Вселенной, начала Жизни и т. п., так же как и их конца. Этот факт коренного различия в настрое научной мысли... ясно доказывает, что то, что кажется западноевропейским учёным логически неизбежным, – есть иллюзия и не вытекает из научных фактов, вывод, принесённый в нашу жизнь социальной обстановкой” (он же. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. М., Наука, 1987, с. 313–314).

* * *

Генетическая зависимость “чужого текста” от эволюционно-исторической парадигмы вовсе не означает принадлежности к нему и самой парадигмы. Эволюционно-историческое учение принадлежит истории научной мысли и её заблуждений; для “чужого” же текста имеет значение не истинность или неистинность учения, а возможность или невозможность его использования в качестве инструмента управления-манипулирования. Таким идеальным инструментом управления-манипулирования странами и народами и является либеральная идеология в любых своих исторических проявлениях, будь то “прогрессизм” адептов мировой революции начала XX века или “прогрессизм” адептов мирового глобализма его конца. Причём совсем неважно, что с точки зрения своих научных основ “чужой текст” несостоятелен; ведь “прогрессизм оперирует морально стареющими вариантами, каждый из которых теми или иными фанатиками модерна выдаётся за нечто, венчающее весь ход истории” (Панарин, с. 244). Скажем, вчера идеологи “прогрессизма” от имени “научно-исторического мировоззрения” мобилизовали массы на борьбу за торжество во всём мире коммунизма, а сегодня делают то же самое – уже безо всяких отсылок к научному мировоззрению – во имя победы неолиберализма. И в этом нет никакого противоречия, потому что сами по себе понятия коммунизма или “либерализма” для идеологов прогрессизма абсолютно безразличны, – если право и возможность их интерпретации принадлежит не им.

Всё это объясняет, почему эволюционно-историческая парадигма была в своё время взята идеологами “прогрессизма” на вооружение: она была взята на вооружение потому, что в контексте её историко-материалистического инструментария сама цикличность русской истории, состоящей из периодических взлётов и падений России, очень легко объяснялась “конвульсиями” народа, не умеющего как следует работать и обречённого поэтому на вечное отставание. Опровергнуть такое объяснение, казалось, было нечем, потому что идея исторического прогресса – это основа основ научно-исторического мышления.

А “неисторичность”, то есть неумение вписаться в прогресс, была поставлена в вину не только русскому народу, но и всем славянам уже при самом зарождении теории исторического материализма. Как сказано в труде “Россия и русские в мировой истории”, “Энгельс полагал славян народами, которые “нежизненны и никогда не смогут обрести какую-нибудь самостоятельность”. Они якобы “никогда не имели собственной истории... и лишь с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации”. В тевтонском задоре Энгельс утрачивал последние проблески интернационализма. Славяне не просто ничтожный мусор истории – они “всюду... были угнетателями всех революционных наций... “Способные и энергичные” немцы и венгры являются не только символом прогресса и революции, но также просветителями и носителями цивилизации для славян. Одной из причин Дранг нах Остен и германизации славянских земель в работе “Революция и контрреволюция в Германии” была названа “необходимость ввозить из Германии почти все элементы духовной культуры” (Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003, с. 160).

То, что позиция Ф. Энгельса здесь – не субъективная случайность, а типичное для традиционно-исторического мышления явление, доказывается другими аналогичными позициями “прогрессистски ориентированных” историков. Так, уже у С. М. Соловьёва, автора многотомной “Истории России с древнейших времён”, масса русского народа представляется неподвижной, косной, а вся прогрессивная деятельность сводится к разрушению своего и усвоению лучшего чужого. “Историческое право России на существование – усвоение лучшего чужого. В этом якобы – положительная сторона нашей исторической жизни. По этой теории построена вся “История” Соловьёва” (Коялович М. О. История русского самосознания. Минск, 1997, с. 349). И по этой же схеме строятся новейшие учебники, где “под видом прощания с тоталитаризмом сокрушена не советская – русская история” (Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003, с. 12).

Выдающая себя за историческую науку политическая публицистика антирусского и – шире – антиславянского пошиба не стесняется рекламировать себя на самых высоких уровнях. Так, на международном симпозиуме в Гейдельбергском университете один западный специалист утверждал, что “славяне научились выражать чувство благодарности только с принятием христианства, как о том свидетельствует их лексика...” (Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002, с. 309). А с академической высоты эта публицистика с помощью СМИ “имплантируется” в массовое сознание. К примеру, в утренней развлекательной радиопередаче задаётся вопрос: “Когда появилась первая тарелка?” – и тут же подсказывается ответ: “В неолите. В античности у каждого уже была своя тарелка. А на Руси первая тарелка появилась только лишь во времена Лжедмитрия. До этого на пирах перед каждым клали краюху хлеба, на неё клали кусок мяса, который съедался, а пропитанный соусом хлеб отдавался собакам или нищим” (17 ноября 2005 года, СПб., передача на тему “Знаете ли вы?”).

Как следствие, русские в мировой истории всё чаще изображаются в духе морлоков Г. Уэллса или *гоблинов* Дж. Р. Толкиена. То есть скрытая специфика либеральной идеологии вовсе не случайно обнаруживает себя в пропаганде расизма и социал-дарвинизма, преподносимого в “научном фантике” исторического прогресса, – эта пропаганда изначально, хотя и скрыто, содержится в любых интеллектуальных и социальных опытах, ставящихся “прогрессивными” экспериментаторами на “неисторических” народах и государствах. И за эти опыты приходится дорого платить.

Но поэтому в уплачиваемую цену должно, наконец, войти и понимание того, что “прогрессистский” дискурс – в какой бы форме он ни подавался – не имеет к **нашему** тексту никакого отношения.

* * *

А что считать “**нашим** текстом”?

Для А. С. Панарина, как мы видели, таковым является “восточно-христианский цивилизационный текст”. Означает ли это, что мы должны всё бросить и бежать в церковь замаливать грехи?

Думается, что ключевыми в понимании Панарина являются здесь слова не только о “восточно-христианском цивилизационном тексте”, но и о его “реконструкции” и о “реинтерпретации с его позиций всех общественных практик”. А слова “реконструкция” и “реинтерпретация” в данном контексте означают, что необходимо делать акцент не на “букве, которая убивает”, а на “духе, который животворит”.

Конкретно имеется в виду следующее. Считается, что проблема воспитания на идеалах совестливости, справедливости и нравственности целиком замыкается на религиозное мировоззрение; поэтому традиционные надежды возлагаются здесь, как правило, на Церковь. Но на самом деле ситуация намного сложнее. Когда мы слышим, что кризис идеалов является следствием переориентации сознания с религиозного миропонимания на безрелигиозное, то нужно понимать: данное утверждение содержательно лишь в той мере, в какой понятен смысл слов “вера” и “знание”. А понятность эта весьма сомнительна. Известно, например, что на церковном языке “вера” – это и есть истинное “знание”, в то время как многие предпосылочные постулаты современной науки относятся, по мнению ряда самих учёных, к области “веры”. То есть и “вера”, и “знание” – это многозначные *взаимодополняющие* понятия, смысл которых далеко не исчерпывается связываемыми с ними манипулятивными штампами: “мракобесная”, “нерассуждающая” и т. д. – применительно к “вере”; “объективное”, “свободное” и т. д. – применительно к “знанию”.

В истории культуры достойный уровень общественной нравственности обеспечивался лишь тем мировоззрением, в котором понятия “веры” и “знания” органично сочетались. И это легко доказать на примере с христианской церковью, внутри которой реальные взаимоотношения между “верой” и “знанием” всегда были далеки от их “школьных”, традиционно-упрощенческих интерпретаций.

Как известно, Церковь существует не вне времени, а в определённом контексте исторически обусловленных представлений о мире. И проповедующая ею нравственность целиком определяется средневековой (а по происхождению и вовсе языческой – зороастрийской) картиной мира: “мир людей как поле выбора между добром и злом”, “рай для выбравших добро”, “ад для выбравших зло”. Будучи формой “синтеза веры и знания” прежних эпох, эта картина мира на протяжении столетий вполне убедительно и наглядно разъясняла даже малообразованным людям, почему они должны соблюдать законы нравственного поведения (независимо от того, чем они при этом руководствовались: страхом перед загробным воздаянием или тоской по загробному идеалу). Одновременно средневековая церковь удовлетворяла запросам и высокообразованных людей. Это происходило потому, что собственно религиозная составляющая христианского мировоззрения, оплодотворённая и обогащённая необычайно высоким античным знанием (главным образом платонизмом и неоплатонизмом), несла в себе уже не только религиозную, но и всеохватно-культурную функцию, основанную на символическом восприятии мира и обеспечивавшую поэтому примат “духа” над “буквой” Писания. И пока христианское мировоззрение несло в себе эту синтетическую всеохватность универсальной знаковой системы, совмещавшей вопросы мироустройства с вопросами нравственности, моральный авторитет Церкви и её влияние на общественное сознание находились на высоте, позволявшей совмещать личные интересы с общественными.

Но в позднем Средневековье христианское мировоззрение стало утрачивать свой целостный характер: *всеохватная культура* разделилась на *религиозную веру* и *светское знание*, где вера отвечала за спасение души, то есть за нравственность, а знание – за всё остальное (начало этого разделения можно с некоторой долей условности датировать константинопольскими соборами XIV в., предавшими окончательной анафеме платонизм с его символическим мировосприятием). С этого момента христианское мировоззрение, утратив интуицию главенства “духа” над “буквой”, сковав себя установками на принципиальную непознаваемость Божества и на суетность познания его творений, начинает постепенно превращаться из *всеохватной культуры* в *субкультуру общества* – в противопоставляемую знаниям *веру*. Естественно, что такое христианство неотвратимо теряет своё общественное значение, потому что из сферы его компетенции последовательно изымаются смысловые поля, переставшие быть важными для религии, но по-прежнему оставшиеся важ-

ными для культуры. Например: с расширением знаний о форме Земли, о положении Земли относительно Солнца и о положении Солнца относительно звёзд вопросы устройства мироздания, находившиеся до поры до времени в сфере компетенции Церкви, стали переходить в сферу компетенции науки. Или: известно, что вся современная когнитологическая проблематика (то есть наука о познавательных процессах и о структуре знания) выросла из богословского тринитаризма – учения о троичной сущности Божества; в самом же богословии это направление мысли прекратило своё существование в силу возобладавшего негласного запрета на символическую интерпретацию тринитаризма. И так далее.

Но ситуация, где в вопросах мироустройства более авторитетным оказалось светское знание, не могла не сказаться на престиже Церкви как блюстительницы нравственности. Ведь нравственность, как уже было сказано, – это не самодостаточная идеологическая сущность, которую можно искусственно “вмонтировать” в общественное сознание (наподобие того, как в компьютер загружается программа), а производное от совмещающего “веру” и “знание” мировоззрения, несущего в самом себе ответ на вопрос: почему я должен быть хорошим по отношению к другим, то есть нравственным? Современная же Церковь – если побудить ее ответить на этот вопрос – способна сегодня предложить вопрошающему либо веру в устаревшую, давно не убеждающую картину мира, либо увещательную проповедь.

Как следствие, Церковь сегодня является институтом, выполняющим, главным образом, функцию *сохранения* духовно-нравственной традиции – чрезвычайно важную функцию, потому что **неуважение собственного прошлого есть признак говорящего скота**. Но уже само ограничение церковной деятельности функцией *сохранения* низводит Церковь с уровня *духовно-нравственного водительства* на уровень *заповедника нравственных ценностей*.

* * *

Возникает любопытная ситуация. С одной стороны, мы видим, что Церковь как носитель духовно-нравственных ценностей сохраняла свой безусловный авторитет лишь до тех пор, пока её взгляд на мир обеспечивал доступную на тот момент **полноту** представлений о нём, то есть пока религиозная “модель мира” была построена на синтетическом взаимодействии “веры” и “знания”. Как только она перестала нести свою всеохватно-культурную функцию, совмещавшую вопросы мироустройства с вопросами нравственности, как только она оказалась “субкультурой” общества, *урезанной* до одной лишь “веры”, её авторитет “духовно-нравственного водителя” стал резко падать, – что и было подмечено во второй половине XIX века Ф. М. Достоевским, произнесшим знаменательную фразу: “Церковь наша в параличе”.

С другой стороны, мы видим, что и наука с самых первых шагов своего существования тоже оказалась неспособной взять на себя функцию “духовно-нравственного водителя”. И, похоже, именно потому, что научные представления о “мире как целом” тоже изначально не обладают необходимой полнотой синтетического взаимодействия “знания” с “верой”. То есть они тоже не способны выполнять всеохватно-культурную функцию, совмещающую вопросы мироустройства с вопросами нравственности, они тоже являются элементом “субкультуры” общества.

Объяснимся подробнее. Научные представления о “мире как целом” родились в процессе острой полемики с религиозным мировоззрением, в стремлении освободить научную мысль от церковной опеки. Поэтому в науке с самых первых шагов её исторического существования главной мишенью критики стал “креационизм” – идея сотворения мира Богом. Отбросив эту “метафизическую” идею, как и само понятие “Бога”, наука тем самым ограничила сферу своей компетенции чувственно воспринимаемыми предметами и явлениями, доступными наблюдению, описанию и измерению. И получила в результате “куски эмпирического знания”: физику, химию, биологию и др. Целостный же взгляд на мир хотя и остался “без Бога”, но не стал от этого более научным, потому что вместе с понятием “Бога” из сферы научного кругозора исчезли такие важнейшие стороны научного миропонимания, как идеи “порядка”, “организации”, “инвариантности”, “целесообразности”, “целена-

правленности” и т. д. (все эти идеи стали считаться “идеалистической поповщиной”, а впоследствии хотя и были частично реабилитированы, но стали трактоваться узко-специально, применительно к тем или иным конкретным научным дисциплинам).

В результате научные представления о “мире как целом” остались на уровне всё той же религиозной, но уже неполной (*урезанной*) модели мира. И ситуацию не спасла даже теория эволюции, в которой одномоментный креационистский акт оказался всего лишь заменён на растянутый во времени процесс: создавая новые виды, “Творец”, отождествлённый с “Природой”, делал это теперь уже не торопясь, без революций, однообразно и незаметно – как бы *эволюционно*.

Не удивительно, что не “доросшая” до уровня синтетического взаимодействия “знания” с “верой”, а только лишь внешне “онаученная” современная модель мира до сих пор так и не сумела дать ответ на “метафизический” вопрос: почему человек должен быть хорошим по отношению к другим, то есть совестливым, справедливым и нравственным? А в той мере, в какой эволюционно-историческая модель монополюно определяет понимание современным человеком его места в мире, она даже препятствует поиску ответа на этот вопрос. То есть, чем незыблее её научный статус, тем явственней обозначается её функция “капкана для духа”.

И это не может не тревожить, потому что такое положение вещей слишком уж идеально укладывается в некоторые полусформулированные положения современной теории управления-манипулирования, согласно которым абсолютная власть над обществом могла бы быть обеспечена выстраиванием в сознании управляемых некой упрощённой модели “иллюзорной” реальности, позволяющей заранее просчитывать любые поведенческие реакции.

Нужно ли пояснить, что речь идёт о техническом усовершенствовании “чужого текста”?

* * *

Сегодняшняя система представлений о мире поделила свои объяснительные возможности между “капканом для духа” (знанием без веры) и “заповедником для духа” (верой без знания), где обе эти противостоящие друг другу формы восприятия мира считают себя независимыми и самодостаточными, но где на самом деле с точки зрения обеспечения нравственности ни одна из них не является *работающей*. Причём интересно, что сколько-нибудь внятных оснований для противопоставления друг другу “веры” и “знания” не найдено до сих пор (да и в принципе не может быть найдено, поскольку оба понятия имеют одну и ту же, малоизученную в структурном отношении, информационно-эмоциональную природу).

Но слишком уж велика оказывается руководящая заинтересованность в сохранении и укреплении такого противопоставления, чтобы так просто отказать от него: слишком большое количество небескорыстных интересов вовлечено сегодня в практическую эксплуатацию “конфликта между верой и знанием”. Для нужд контроля, например, слишком соблазнительна “вера без знания”, превращающая людей в бездумно-послушную толпу конформистов, а для нужд конкуренции – “знание без веры”, превращающее их в энергично-бессовестную “элику профессионалов”.

Как это замечательно и удобно с точки зрения глобального управления-манипулирования! Для одних доверчивых искателей истины – “капкан”, для других – “заповедник”, для третьих – “свобода выбора” между ними! А теньевые идеологи “чужого текста” и там, и там, и там – в роли наставников (“проповедников”, “мессий”, “гуру”, “академиков”, “экспертов” и прочих “руководителей”).

Осознание неприемлемости такой ситуации и должно послужить искомым выходом из ловушки между “капканом для духа” и “заповедником для духа”. Мы должны понять, что любые враждующие друг с другом крайности полужнания (или “идеализм”, или “материализм”; или “вера”, или “наука”, или “идеалы”, или “интересы” и т. п.) – это вечная казуистическая ловушка (“или-или”), в которой истощается духовно-нравственная энергия Человека, гасится его воля к социальному творчеству и формируются модели антиобщества.

ственного поведения (будь то “бессильное бегство от мира” или творимый в нём насильственный произвол).

Если поймём это, то сумеем высвободиться из “капкана”.

Но если высвободимся из “капкана”, то совершенно по-новому сумеем оценить и природу хранящегося в “заповеднике” наследия – того наследия, которое традиционно принято называть “нравственными устоями общества”.

* * *

Бессмысленность и вредность противопоставления друг другу “веры” и “знания” становятся сегодня тем очевидней, чем яснее осознаётся зависимость этических норм поведения от мировоззрения. Но поэтому и сами эти бессмысленность и вредность как бы сигнализируют нам о назревшей общественной потребности в смене теоретических установок и мировоззренческих предпосылок, то есть в смене всего того, что принято называть мировоззренческой парадигмой. И есть подозрение, что в этой потребности находит своё выражение наша последняя надежда на обретение “своего текста”.

Смена мировоззренческой парадигмы (то есть смена господствующих теорий о принципах понимания и объяснения мира) предсказывалась на протяжении всего XX века, причём сразу по многим направлениям мысли. Здесь имеют место и разочарование в упрощённой, чисто условной схеме развития “от простого к сложному, от низшего к высшему”, и несостоятельность биологической гипотезы о наследовании приобретаемых признаков, и осознание того факта, что эволюционистское представление о возникновении “живого из неживого” не адекватно реально наблюдаемым процессам (а именно: принципу “все живое – от живого”), и идея иерархического строения реальности, и несводимость информации к материи, и загадочность “антропного принципа в космологии”, и новая, связанная с мифологической семантикой, фактология в истории духовной культуры, и обнаруживаемая символическая природа языковых понятий, и те методологические тупики, которые в герменевтике (науке об интерпретации текстов) носят название “кругов в доказательствах”, и многое другое.

Была также высказана и косвенная догадка, что в рамках новой мировоззренческой парадигмы найдёт свою “реабилитацию” нравственная проблематика. Первым здесь снова оказался Вернадский: “Если подтвердится, что жизнь есть не планетное, а космическое явление, – последствия этого для биологических и гуманитарных концепций будут чрезвычайны” (Вернадский В. И. Изучение явлений жизни и новая физика // Известия АН СССР. 1931, VII серия, № 3, с. 437). А вслед за Вернадским на то же указал создатель общей теории систем Л. фон Берталанфи. В частности, он писал: “Если реальность представляет собой иерархию организованных целостностей, то и образ человека должен отличаться от его образа в мире физических частиц, в котором случайные события выступают в качестве последней и единственной “истины”. Мир символов, ценностей, социальных и культурных существ в этом случае представляется гораздо более “реальным”, а его встроенность в космический порядок окажется подходящим мостом между... наукой и гуманитарным мироощущением, технологией и историей, естественными и социальными науками или сторонами любой иной сформулированной по аналогичному принципу антитезы” (Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. М., 1973, с. 36).

Здесь автором выражена надежда на нарождающееся очеловечивание научного мировоззрения, надежда на то, что наши традиционные представления о добре и зле, о совести и нравственности, о должном и недолжном – ничуть не менее *реальны*, чем физическая, материальная действительность. Но если такая надежда и в самом деле оправдана – то, значит, пора “думать о душе” не только в религиозном, но и в строго научном смысле этого слова.

Ведь если мир – не то, чем он представлялся классической науке, то и мировая история должна будет раскрыться нам как нечто гораздо более интересное и важное, нежели “самоусложняющийся прогресс”. Если “культура” не сводима к борьбе людей за выживание, то наши мысли, цели и идеалы могут оказаться, в конечном счёте, чем-то намного большим, нежели “функция высокоразвитой материи”. Если личность изначально ориентирована на по-

стижение своей соразмерности миру, если этой ориентированностью задан вектор её движения в историческом времени, то придётся кардинально пересмотреть наше сегодняшнее понимание “рациональности”. Если индивидуальное человеческое бытие — это не изолированный отрезок времени между рождением и смертью, а особым образом организованный “квант” в не имеющей начала и конца структуре информационно-энергетических взаимодействий, то фатально обманется каждый, делающий своё “Я” в этом мире наивысшей жизненной ценностью. И если сами рождение и смерть — суть двери, через которые неуничтожимая информация о нас переводится из одних потенциальных накопителей в другие, то не исключено, что всё в этом мире имеет смысл и оправдание и что быть в этой жизни нравственным и совестливым — выгодно для нас самих.

То есть не исключено, что на абсолютно всё совершаемое в этой жизни имеется счёт и что поэтому столь обычное сегодня противопоставление друг другу веры и знания, правды и права, идеалов и интересов — всего лишь досадная, исторически преходящая издержка нашего нынешнего “научного” невежества.

* * *

Смена мировоззренческой парадигмы и критический пересмотр всего накопленного историко-материалистической наукой теоретического багажа — процесс непростой и болезненный, он обещает растянуться на целую эпоху. Тому есть объективные причины, главной из которых принято считать научную инерцию. Именно она, как обычно думают, заставляет учёных искать замену вызывающе-механистическому объяснению эволюционно-исторического процесса на путях разработки более замысловатых моделей *самоорганизации* (на путях, плодотворных применительно к уже существующим системам и неизменно дающих “сбой” применительно к моделям “происхождения”).

На самом деле одними лишь объективными факторами проблема не исчерпывается. Приходится, к сожалению, признать, что у идеи “смены мировоззренческой парадигмы” имеется в современном мире гораздо более влиятельный, чем научная инерция, враг, для которого существующая материалистическая парадигма является главным инструментом самооправдания, средством камуфляжа и орудием господства. Этот враг — либеральная идеология. И этот враг делает всё возможное, чтобы современный научный процесс, особенно в сфере общественных наук, представлял собой не свободное движение эмпирической научной мысли, а поставленное на конвейер производство манипулятивных технологий, призванных законсервировать материалистическую парадигму. “Вот почему она (либеральная теория. — **С. Г.**) совершает редукцию всего “доэкономического” не только по исторической вертикали, но и по социокультурной горизонтали. Не только историческое прошлое, обременяющее “экономического человека” какими-то внеэкономическими обязательствами и пережитками, подлежит окончательному забвению, но и в настоящем подлежит выбраковке все то, что прямо и непосредственно не обслуживает рынок и выходит за пределы чисто рыночной логики” (Панарин, с. 126–127). И вот почему “либералы преследуют малейшие поползновения к поиску смысла Истории и с подозрением относятся ко всем видам исторического воодушевления. Их излюбленный социальный тип — это обыватель, целиком погруженный в повседневность и не помышляющий о высших исторических смыслах” (там же, с. 220),

Иными словами: смена мировоззренческой парадигмы затрагивает интересы далеко не одних только учёных с их лично-профессиональными амбициями, корпоративными установками, мировоззренческими убеждениями и политико-идеологическими ориентациями. Она затрагивает также интересы и тех более циничных “дирижёров” мировой политики, которые понимают, что историко-материалистическое мировоззрение со всеми его претензиями на “диалектику” — это всего лишь ступенька на пути к законченному экономико-центризму: от предварительной компрометации духовности (через объявление её “вторичной”, “надстроечной”, “небазисной”) к созданию “экономического человека”, которому безразлично всё, что не имеет “товарного статуса” и “меновый стоимости” (идёт ли речь о “Боге”, о “совести”, о “национальном интересе” или о “государственном суверенитете”).

Уже сейчас на роль очередных (вслед за историческим материализмом) ступенек, ведущих к завершению экономикоцентрической тенденции, могут претендовать такие отточенные инструменты этой идеологии, как бихевиоризм с его неприятием высших смысловых ценностей или экономическая теория чикагской школы с её фактическим уравниванием “неприспособленных предприятий” и “неприспособленных народов”. А всю ту фактологию, которая в указанные идеологические конструкции не вписывается, “современной либеральной теории запрещено замечать” (там же, с. 41), подобно тому, как в советские времена запрещено было сомневаться в истинности историко-материалистического учения.

Почему всё это делается, в общем-то понятно, – если учесть, что господствующее сегодня материалистическое мировоззрение служит моральным оправданием сложившегося в мире бессовестного и безнравственного глобального порядка (составной частью которого является показная конкуренция капиталистического и социалистического, но в обоих случаях материалистического, социального строя). Отказываться в этих условиях от материалистической парадигмы – означает ставить всё здание **этого порядка** под угрозу нравственной ревизии. Как и наоборот: пока в сознании миллионов сохраняется своя авторитетность материалистическая парадигма – неуязвим и глобальный порядок; воплощённый в основанных на ней предпосылочных установках, принципах и методиках обучения, в программах и технологиях управления массовым сознанием, в огромном количестве зомбирующих формул и языковых штампов, в поведенческих образцах и шаблонах.

И всё же смена мировоззренческой парадигмы неизбежна. Более того: судя по ряду косвенных признаков, она станет свершившимся фактом уже в самое ближайшее (по историческим масштабам) время. А чем более упорное ей будет оказываться противодействие, тем с большей силой заявит о себе назревающий интеллектуальный прорыв. Хотя и наивно надеяться на то, что новая картина мира явится нам вся сразу в законченном, отточенном в деталях виде, или на то, что она моментально и целиком завладеет общественным сознанием.

Но вот в чём совершенно не стоит сомневаться, так это в том, что тот, кто первым поставит под свой контроль энергию прорыва, – тот получит и неограниченный кредит доверия ко всем своим начинаниям в области *реконструкции русского цивилизационного текста и реинтерпретации с его позиций всех общественных практик*. Потому что смена мировоззрения вовсе не сводима к техническому моменту информационной “перезагрузки” общества. На самом деле смена мировоззрения – это *переломная точка истории*, умелым воздействием на которую запускается в работу небывалый по своему масштабу и последствиям проект качественного обновления общества. А в этом проекте впервые, может быть, перестанут выглядеть несбыточными и наши самые сокровенные мысли, и самые заветные цели, и самые потаённые надежды.

* * *

Новая мировоззренческая парадигма, преодолевающая тупики и завалы старой, – это и есть в своей потенции **“наш текст”**, преодолевающий тупики и завалы “чужого текста”. Очевидно, что его выстраивание должно начаться с критического пересмотра методологических основ современного научно-исторического мировоззрения. И в этой связи обращает на себя внимание факт появления философских словарей, в которых сверхобязательная для такого рода литературы статья “исторический материализм” напрочь отсутствует (Новая философская энциклопедия в 4-х томах, изд. ин-та философии РАН, рук. проекта В. С. Степин, В. Г. Семигин, М., 2001, т. 2, с. 175). А в тех словарях, где такая статья ещё сохраняется, понятию “исторического материализма” дается уничтожающее определение. “Амбиции теоретиков и апологетов исторического материализма на придание ему статуса универсальной парадигмы социальной философии и социологии, основанной на позитивистских методологиях, натурализме в трактовке общества и причинно-механической модели мирообъяснения, были опровергнуты достижениями общенаучных и гуманитарных дисциплин XX ст. – новейшими макроэкономическими моделями, общей теорией систем, представлениями о нелинейных процессах, данными наук о массовых коммуникациях. Одновременно крушение социа-

лизм в Европе, наиболее общей санкцией которого на теоретическом уровне являлся исторический материализм, наглядно продемонстрировало реальные преимущества современных неортодоксальных социологических, политологических, психоисторических и прочих методик адекватного отображения и перспективной реконструкции хода исторического процесса. Серьёзные сомнения... в правомерности концепции неограниченного социального прогресса (сердцевины и “души” исторического материализма) также содействовали закату этой некогда модной идеологической доктрины социально-философского толка” (Новейший философский словарь, Минск, 2002, с. 450).

Здесь нет возможности подробно вдаваться в скрытый смысл переписывания современных философских словарей. Достаточно сказать, что такое переписывание служит выражением кризисной ситуации в исторической науке и что на практике оно означает включение “зелёного света” для процесса реконструкции русского цивилизационного текста. В частности, ситуацию можно интерпретировать и в том смысле, что человеческая культура, понимаемая в свете новейших научных взглядов на её происхождение как трансформация мифологического наследия (Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира, в 2 томах, М., “Советская энциклопедия”, 1980, т. 1, с. 11–20; Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., Наука, 1982, с. 33–37), потенциально включает в себя, наряду с политическими, экономическими, религиозными и др. мифами, и миф об “объективной исторической науке”, делящей народы на “исторические” (“прогрессивные”) и “неисторические” (“неприспособленные”). Соответственно, возникает основание утверждать, что взгляд на существование человеческой культуры во времени возможен не только с позиции традиционно понимаемого “историзма”, но и с позиции объявленного “неисторичным” традиционализма. А оба эти взгляда, будучи органически совмещены, создают “фокусную” точку зрения на историю культуры как на “асимметричный диалог” между “историческими” и “неисторическими” народами. “Асимметричный” потому, что участники диалога рассматриваются здесь уже не как преследующие одни и те же цели конкуренты, а как носители двух совершенно различных, но взаимообусловленных функций.

Сам “диалог” (не путать с “обменом предложениями”) может при этом пониматься по-разному. Например, он может пониматься в духе П. Я. Чаадаева: “... По отношению к Европе... мы публика, а там актёры, нам и принадлежит право судить пьесу” (Тарасов Б. Чаадаев. М., 1990, с. 291). А может пониматься в свете представлений А. Тойнби об истории как о модели отношений, строящихся по принципу “вызов-ответ” (Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2002, с. 113–132), где агрессивный “вызов” исходит на современном этапе от западной цивилизации, а вынужденный “ответ” – от традиционального мира (он же. Цивилизация перед судом истории. М., 2003, с. 401). А может пониматься в духе теории М. М. Бахтина: как *незавершённый диалог мировоззрений – “последних позиций в отношении высших ценностей”* (Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. М., 1997, т. 5, с. 351–354).

* * *

Бахтинская концепция “диалога”, во многом интуитивная и до сих пор плохо понимаемая, считается сегодня сферой компетенции лингвистов и литературоведов, хотя сам учёный настаивал на её самостоятельном и более широком значении (там же, с. 176, 294, 306–307, 326). И действительно, М. М. Бахтин рассматривает “диалог” как некую универсальную модель, *инвариантную* структуру, приложимую абсолютно ко всем уровням культуры.

На практике это означает, что о структуре “диалога” одного уровня допустимо судить по структуре другого, – в зависимости от того, какая структура на сегодняшний день изучена лучше. Например: о структуре “диалога культур” можно судить по структуре “мысленного диалога”, – потому что последняя поддаётся интерпретации на языке асимметричного диалога между левым и правым полушариями головного мозга, где левое полушарие выступает в роли активного (доминантного), а правое – в роли кажущегося пассивным, или “спящим” (сразу вспоминается А. Тойнби с его определением традициональных народов как “спящих” – Тойнби А. Дж. Постигание истории, с. 324–325, 399, 552; или русская классическая литература: А. С. Пушкин

с его “Россия воспринет ото сна”, Н. А. Некрасов с его “Ты проснёшься ль, исполненный сил”, А. Блок с его “Ты и во сне необычайна” и т. д.).

Аналогия с функциональной асимметрией мозга особенно интересна тем, что даже в самих научных исследованиях правополушарной функции наблюдается их бессознательная “дискриминация” исследователями-левополушарниками: “...от правого полушария требуют выдачи информации в её левополушарной форме” (Розенфельд Ю. В. “Молчаливый” обитатель правой части мозга: особенности правополушарной специализации психических функций // Текст и культура. Труды по знаковым системам, XVI. Тарту, 1983, с. 100). Точь-в-точь как от “неисторических” народов требуют подчинения евроцентристским критериям “цивилизованности” и “демократичности”. Главное же – аналогия с функциональной асимметрией мозга особенно рельефно высвечивает значение пассивной, “спящей” стороны диалогического процесса как наделённой своей собственной, самостоятельной функцией (о специфике полушарных функций см. “Труды по знаковым системам”, издание Тартуского университета: 1983, № 16, с. 3–102; 1986, № 19, с. 70–82).

В переводе на язык истории культуры модель *асимметричного диалога* можно понять как работающую в режиме отношений между, условно говоря, “лево-” и “правополушарными” участниками междисциплинарного взаимодействия. А это уже даёт возможность перевести разговор об отношениях между Западом и Востоком (и, в частности, между Западной Европой и Россией) из субъективно-оценочной плоскости (“хорошие” – “плохие”, “прогрессивные” – “неприспособленные”) в область эмпирических наблюдений и обобщений. Известно, например (из клинических исследований, основанных на серии опытов по блокировке с помощью электрошока попеременно то правого, то левого полушария с предъявлением каждому из них одних и тех же тестов), что левое полушарие пользуется формальным принципом расшифровки смысла фраз, а правое – символическим (Черниговская Т. В., Деглин В. Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Труды по знаковым системам, № 19, с. 72–73). Это, возможно, объясняет, почему западнохристианская культурная традиция всегда больше ориентировалась на Аристотеля, а восточнохристианская – на Платона (аристотелизм – это такой платонизм, который в трактовке Filioque позволил католицизму превратить энергийный символизм православия в статический формализм – А. Ф. Лосев. А влияние католической трактовки Filioque на всю последующую европейскую философию языка тоже достаточно очевидно – Гадамер). Или: известно, что правое полушарие при решении изобразительных задач пользуется приёмами обратной перспективы, в то время как левое – приёмами прямой линейной (Николаенко Н. Н. Функциональная асимметрия мозга и изобразительные способности // Труды по знаковым системам, № 16, с. 90). Это сопоставимо с господством обратной перспективы в изобразительной традиции средневековой Руси и прямой линейной – в западноевропейской (Флоренский П. Христианство и культура. М., 2001, с. 38–101). Или: известно, что левое полушарие не знает сомнений, целиком полагаясь на абстрактную, умозрительную логику рассуждений, – в отличие от правого, склонного сомневаться во всём, что не подтверждено практическим опытом (Черниговская Т. В., Деглин В. Л. Метафорическое и силлогистическое мышление, с. 79–812). Это целиком соответствует “культуртрегерскому” характеру западной цивилизации, агрессивно навязывающей всему миру своё понимание “ценностей”, и податливости на восприятие этих “ценностей” – до практического знакомства с ними – традиционных обществ.

Учитывая все такие нюансы, можно догадываться, что лишь благодаря “левополушарному” эгоцентризму Запад сыграл в мире свою уникальную всепланетарную роль. “Уже само по себе стремление “свободно творить в мире, исходя из субъективного самосознания”, – беря, таким образом, на себя всю полноту ответственности, – являет подлинно героическую суть Запада. С этой точки зрения Запад, в самом деле, не имеет себе равных, и его последовательное овладение всей планетой, – до самых дальних континентов и даже затерянных в мировом океане островков, – одно из ярчайших выражений человеческого героизма вообще. Необходимо только сознать, что понятие “героическое”, которое безоговорочно покоряет души юношей, вовсе не сводится к “положительному” содержанию и отнюдь не совпадает с критериями нравственности. Для “объектов” героического деяния оно вполне может пред-

стать как нечто крайне негативное” (Кожин В. В. История Руси и Русского Слова. Современный взгляд. М., 1997, с. 46).

Точно так же можно догадываться, что лишь благодаря своей ярко выраженной “правополушарной” специфике Россия оказывается чуть ли не единственной страной в мире, которой до сих пор удавалось противостоять западной территориальной экспансии. “Запад, начиная с конца XV века, за сравнительно недолгое время и даже без особо напряжённых усилий так или иначе подчинивший все континенты (Америку, Африку, большую часть Азии и Австралию), вместе с тем, несмотря на многочисленные мощные вторжения в нашу страну (первое... состоялось в 1018 году – без малого тысячу лет назад), не смог её покорить, *хотя её не отделяют от Запада ни океан (или хотя бы море), ни горные хребты.* В этом уместно усматривать первопричину присущей Западу русофобии в буквальном значении сего слова, то есть страха перед Россией” (А. С. Панарин. Победы и беды России, с. 16).

Концепция асимметричного диалога культур, учитывающая особенности “разнополушарных” типов ментальности, объясняет, почему западная и российская оценки всего того, что происходит в мире, постоянно не совпадают, и почему российская сторона при вынесении таких оценок всегда самокритична (иногда до глупости), в отличие от принципиально не самокритичной западной стороны. И, разумеется, концепция асимметричного диалога культур объясняет, почему на Западе лежит постоянная функция “придумывания теорий общественно-политического устройства”, а на России – столь же постоянная функция конечного – практического – суда в их отношении (в полном соответствии с прогнозом П. Я. Чаадаева: “Мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тягчам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества” (там же, с. 106).

Но если исторический процесс – это действительно периодическое воспроизведение в различных масштабах и формах одного и того же инварианта-диалога, то и в чудовищных издержках прерывистой русской истории можно будет увидеть уже не “конвульсии” непутёвого народа, не умеющего равномерно работать и вынужденного поэтому время от времени догонять авральными методами народы, ушедшие в своём развитии вперёд, а нечто вроде проявлений “аварийного режима диалога” в условиях кризиса традиционных ценностей.

Но тогда и роль России в глобальном мире можно будет осознать как роль такого субъекта мировой политики, который более чем кто-либо другой заинтересован в ликвидации “аварийного режима” средствами реабилитации этих ценностей. То есть мы должны, наконец, понять: без переосмысления на новой методологической основе сути взаимоотношений между *экономикоцентризмом и этикоцентризмом* – из “аварийного режима диалога” не выйти.

* * *

А как выглядит “не-аварийный режим диалога”, можно судить по славянскому варианту космогонического мифа, где первоначальная близнечная пара персонажей-демиургов переосмыслена в позднейшем христианизированном духе как Бог и Сатанаил:

Когда земля была создана, Бог сказал Сатанаилу: “Осталось только освятить землю, а там пускай она себе сама растёт. Но пока поспим”. “Хорошо”, – сказал Сатанаил. И легли они спать. Бог спит, а Сатанаил задумал утопить его, чтоб землю забрать себе. Вот поднял его и бежит до моря. Сперва на полдень бежит и бежит, а моря нет; вдарился на полночь – и там не видать. Порывался на все четыре части света – нигде нет моря, – известно, земля уже так разрослась, что в самое небо упёрла краями, так где ж там быть морю! – Видит он, что ничего не выходит, отнёс Бога на прежнее место, да и сам около него лёг. Полежал немного и будит Бога: “Вставай землю святить!” А Бог ему и говорит: “Не журысь, Сатанаиле! Земля уже освящена: освятил я её сей ночью на все четыре стороны!”. (Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876, с. 89–91).

Как это похоже на то, что происходит в мире людей: мы думаем, что делаем одно, а получаем совсем другое. И не всегда худшее. Ведь “хотели, как лучше, а получилось, как всегда” – это, вопреки широко распространённому мнению, сценарий не на все времена, а только лишь на нынешний период *зашлакованности* наших мозгов “мусором чужого текста”.

ВЛАДИМИР ОСИПОВ

*глава Союза “Христианское возрождение”,
сопредседатель Союза Православных Братств*

СУДЬБА “ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ”

Если судить по телевизионным картинками, которые настойчиво демонстрируют доверчивой публике, между властями и Русской Православной Церковью достигнута “симфония”. Особый вид сотрудничества, соработничества Церкви и государства. Увы, в реальности всё гораздо сложнее, запутаннее.

Несколько лет назад Государственная Дума приняла жёстко антиправославный закон с маскировочным названием “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта”. Закон был предложен и навязан фракцией “Единая Россия”. Докладчик, тогдашний председатель Комитета по образованию и науке В. В. Гребенников заверил депутатов, что якобы крайне необходимо исключить из государственного образовательного стандарта региональный и национально-региональный компоненты. А вот почему вдруг понадобилось их исключить, никто не объяснил. Игра втёмную. Разгадка проста: именно в рамках регионального компонента велось преподавание предмета “Основы православной культуры” в 15 регионах страны (с согласия местных властей и родителей) по замечательным учебникам А. В. Бородиной, одобренным и Патриархом, и Минобрнауки.

Кое-что пояснил депутат О. Н. Смолин: “Когда закон обсуждался в Комитете, представители профильного министерства (то есть Министерства образования и науки во главе с Фурсенко и Калиной. — **В. О.***) мне говорили, что они **ВЗЯЛИ ЗА ОСНОВУ ОПЫТ ЗАПАДА**”. А современный Запад действительно изгоняет христианскую религию из всех сфер жизни. Вычеркнуто упоминание о Боге и христианстве из Конституции Европы, невзирая на протесты Ватикана и Польши. Президенты США больше не поздравляют сограждан с Рождеством Христовым, а только с неким абстрактным “праздником”, якобы, чтобы не обидеть иноверцев, особенно талмудистов. Барак Обама пошёл ещё дальше и объявил, что США отныне “не христианская страна” (!), так как в этой стране живут и другие: буддисты, мусульмане, иудеи и даже сатанисты, считающиеся в Америке религиозным обществом. В Великобритании принят закон, позволяющий работодателям увольнять рабочих и служащих за ношение нательного креста. Европейский Союз пропесочил Норвегию за преподавание Закона Божьего в школе, а от католической Италии потребовали убрать распятия из классных помещений школ. Куда движется Запад с его легализован-

* 21 мая 2012 года министром образования и науки назначен Д. Ливанов, продолжающий курс А. Фурсенко.

ной содомией, эвтаназией, поощряемым развратом, практически легализованным потреблением наркотиков и с чудовищной ювенальной юстицией, мы знаем по воплям отчаяния со стороны честных граждан, хотя бы по книге Патрика Бьюкенена “Смерть Запада”. Там совершились три победоносные революции: сексуальная, наркотическая и революция в области морали. Чёрное стало белым и наоборот.

И вот наши западенцы в Парламенте решили дать по шапке тем регионам и тем губернаторам и законодательным собраниям, которые, реализуя право на свободу совести, успешно осуществили преподавание “Основ православной культуры” в школах России. За антиправославный, антихристианский закон об отмене преподавания ОПК в школе проголосовало 290 депутатов, или 64,4% состава Думы. Против проголосовало 43 депутата, или 9,6%. Не голосовало вообще, то есть постыдились голосовать “ЗА”, но не осмелились вопреки приказу мирового правительства 117 депутатов, или 26% численности парламента.

Закон был принят. Был нанесён удар, как минимум, по 15 регионам, где местная власть, заинтересованная в альтруистическом, нравственном и патриотическом воспитании школьников, дала добро на преподавание православной культуры в школе. Особенно порадовала Курская область, где преподавание ОПК велось во всех общеобразовательных учреждениях с 1 по 11 класс, а также Белгородская, Воронежская, Кемеровская, Смоленская, Тульская, Брянская области, Краснодарский и Ставропольский края. За исключением нескольких регионов, в частности Татарстана и Чукотки, большинство руководителей были либо “ЗА”, либо сочувственно приглядывались. В отличие от либеральной тусовки внутри Садового кольца, они-то на местах хорошо понимали важность преподавания православной культуры для спасения подрастающего поколения от деградации.

У нас в августе 1991 года была отменена государственная идеология, а вместе с ней и мораль, потому что мораль – тоже идеология. И это больше всего ударило по самым беззащитным в стране – по детям и школьникам. В теperшей демократической школе процветают сквернословие, курение, потребление наркотиков, пивопитие и винопитие, ранние половые контакты, культ криминального мира. Бандит, убийца становится образцом для подражания. Ученый Владимир Большаков отмечал, что мы, благодаря своей разнузданной демократии, заняли 1-е место в мире по уровню умышленных убийств, по темпам роста табакокурения, по продажам крепкого алкоголя, по числу педофилов, по числу детей, брошенных родителями-алкашами. Мы заняли первое место в мире по числу курящих детей. У нас 33% детей и подростков являются постоянными курильщиками. Мы заняли 1-е место в мире по количеству абортотв и по материнской смертности. По числу абортотв Российская Федерация опережает США в 8 раз, Англию и Францию – в 10. (Владимир Большаков. “Антивыборы 2012. Технология дестабилизации России”. М., Алгоритм, 2011, стр. 5–7). По данным аналитика, более 60% наркоманов в РФ – лица в возрасте 16–30 лет и почти 20% – школьники. 70% старшеклассников пробовали наркотики именно на школьном дворе (там же, стр. 74).

Можно было бы и не вспоминать о злополучном законе, но он на долгие годы затормозил внедрение курса православной культуры в школьные программы. Правда, на кое-какие уступки власти всё же пошли. С 1 сентября 2012 года в четвёртых классах – и ТОЛЬКО В ЧЕТВЁРТЫХ КЛАССАХ! – появился предмет “Основы религиозных культур и светской этики” (ОРКСЭ). Учебный курс будет состоять из 6 модулей: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религий и основы светской этики (для детей атеистов). Как пишет “Независимая газета” от 27 марта 2012 года (стр. 8: “Поговорим, сынок, о религии”), “более 60% опрошенных родителей относятся к введению курса положительно... **41% родителей выбрали для своих детей “Основы светской этики”, 29% – “Основы православной культуры”, ...6% – “Основы исламской культуры”, около 1% – “Основы буддийской культуры” и 0,1% – “Основы иудейской культуры”.** Школьники будут изучать предмет по часу в неделю в последнем полугодии 4-го года обучения и по часу в неделю в 1-м полугодии пятого”, В Ингушетии более 90% населения выбрали предмет “Основы исламской культуры”. Это естественно. А вот **в то, что только 29% родителей в глубинной России предпочли предмет**

“Основы православной культуры”, я не верю. Считаю, что значительно больше родителей выбирают ОПК. Я знаю по опыту, что когда до “революционного” антиправославного закона велось преподавание ОПК с 1-го по 11-й класс (!) в 15 регионах страны, то подавляющее большинство родителей предпочли для своих питомцев “православную культуру”. **У нас практически ВСЕ крестят своих детей в церкви, и это уже их ВЫБОР.** Этим уже сделан выбор.

Преподавание “Основ православной культуры” в одном лишь 4-м классе (и немного в 5-м) – это ПРОФАНАЦИЯ важного и нужного дела. Дети забудут к 11-му классу почти все, что им преподнесут в 4-м. К тому же вместо замечательных учебников Аллы Валентиновны Бородиной, пронизанных подлинным чувством любви к Господу нашему Иисусу Христу, учебников, – повторяю – одобренных и Патриархом, и Минобрнауки, вводятся некие религиозоведческие пособия с секулярной тенденцией.

29 июля 2009 года Патриарх Кирилл издал распоряжение о создании Редакционного совета и Редакционной коллегии по написанию учебника и методических материалов по учебному курсу ОПК для средней школы. Около 17 лет школьники учились по учебнику А. В. Бородиной. И вдруг без всякого обоснования этот учебник отвергают, и готовится новый. Для 4-го класса! А у А. В. Бородиной были подготовлены учебники для ВСЕХ классов. Во главе Редакционной комиссии поставлен Андрей Кураев, любимец либеральных телевизионных шоу. Кто-то убедил Святейшего, что надо ублажить либеральное лобби, лобби, конечно, мощное и влиятельное. Но сегодня Кураев воспел и оправдал (вместе с оранжевой компанией Немцова–Рыжкова) богохульниц, сотрясавших свои гениталии в Храме Христа Спасителя – более жуткого святотатства немисливо представить! В Редакционной комиссии нет протоиерея Александра Шаргунова, о. Максима Козлова, о. Олега Стеняева, игумена Кирилла (Сахарова), о. Артемия Владимирова, других уважаемых батюшек.

Новый учебник с “религиоведческим”, а точнее – с секулярным уклоном будет угоден тому самому либеральному лобби Садового кольца, равнину Берлу Лазару, лютому ненавистнику христианства, уполномоченному по правам человека Лукину. Ведь это Лукин обнажил изнанку закона от 14 ноября 2007 года. Он прямо сказал, что закон понадобился, чтобы угодить Западу, который дистанцируется от христианства. Все помнят, как митинговый бунтарь Лев Пономарев грозил Бородиной уголовным преследованием за... пропаганду Православия. А еще один оранжевый удалец обещал “бить по подъездам” православных фундаменталистов за полемику с синедрионом. Немцов и Рыжков совсем недавно держали на своих тусовках плакаты в защиту кошуниц.

Как свидетельствуют учёные-аналитики, доктора юридических наук Понкин И. В., Кузнецов М. Н., Богатырев А. Г., а также протоиерей Виталий Шастин, игумен Антоний (Таньков), главный специалист Департамента образования Москвы Соловьев Ю. А., “сложившаяся сегодня ситуация с практической реализацией Министерством образования и науки РФ, поддержанной Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и лидерами других традиционных конфессий инициативы Президента России от 21 июля 2009 года о введении в школах изучения основ религиозных культур и, в качестве альтернативы, “полирелигиоведческого курса” по истории традиционных крупнейших конфессий нашей страны и “основ светской этики”, сегодня может быть точно охарактеризована словами “МАНИПУЛЯЦИЯ” и “МАХИНАЦИЯ”. (Нравственные императивы в праве, образовании, культуре и науке. Гражданско-правовые и конституционно-правовые аспекты: Сб., М., 2010, с. 600).

В результате деятельности команды Фурсенко “общество получило вовсе не то, о чем говорил Президент России”, и “эксперимент по введению в школах комплексного учебного курса “Основы религиозных культур и светской этики” (включающей и предмет “Основы православной культуры”. – Авт.) стал одной из самых ГРАНДИОЗНЫХ АФЕР идеологического характера в сфере образования за последнее десятилетие в современной России” (указ. сб., с. 601). “Православные дети будут обязаны в рамках изучения основ православной культуры осваивать не только православную культуру (в намеренно примитивизированном, выхоленном виде), но в обязательном порядке – также и элементы культуры иудаизма и других религий” (с. 601). На деле этот “эксперимент” выродился в массовые нарушения свободы совести обучающихся и прав их родителей.

Если до 2007 года учебный курс “Православная культура” изучался с 1-го по 11-й класс, то “в рамках эксперимента” дети будут изучать предмет “Основы православной культуры” ВСЕГО ДВЕ ЧЕТВЕРТИ – в последней четверти 4-го класса и первой четверти 5-го класса. То есть налицо БОЛЬШОЙ ОБМАН! Не мытьём, так катаньем министр обрнауки Фурсенко и его присные ликвидировали преподавание “Основ православной культуры” в школах России. Что такое две четверти в 4-м и 5-м классах? Это уловка, маскировка и ничего более. Но даже и в эти две четверти будут давать адаптированное, выхолощенное православие с порциями иудаизма, ислама, буддизма, чтобы все перемешалось в детской душе.

Новый учебник с участием известного либерала Андрея Кураева, как отметили участники 13-х Свято-Пафнутьевских образовательных чтений (9 февраля 2012 года), “дает крайне поверхностную и как-то странно отобранную информацию о духовности и православии. Культуры практически нет, есть только нравоучительные рассказы”. В этом пособии о православной культуре один-единственный раз упоминается Святая Троица. Но делается это умышленно так, чтобы вызвать смех детей: “Бог свободен даже от законов школьной арифметики”. Но особенно поражает трактовка известных слов Христа о том, что если тебя ударили в правую щеку, подставь левую. Детям христиан сознательно внушают правило, что-де ВЕЗДЕ и ВО ВСЁМ подставляй обидчикам и агрессорам другую щеку. “Может быть, только ради этого и делался весь этот спектакль Министерства с основами православной культуры?” – резонно спрашивают педагоги на упомянутых чтениях. “Нашему беззащитному и обездоленному народу в условиях ВОЕННОЙ УГРОЗЫ только это и нужно? А государственная политика воспитания гражданского патриотизма? А укрепление обороноспособности страны? Все это теперь дети должны воспринимать как антихристианскую политику? И не защищать Родину?” Новый “адаптированный” и секулярный учебник ещё и вредительский – так получается?

При этом команда Минобрнауки идёт на подлог, утверждая, что якобы всё согласовывалось со Священноначалием Русской Православной Церкви. Однако доктора юридических наук и священники в своей работе названного выше сборника свидетельствуют: “Патриарх Кирилл никогда не выступал за то, чтобы русские дети под предлогом изучения православной культуры изучали иудаизм, под видом истории традиционных крупнейших конфессий нашей страны – древнекитайские религии и зороастризм. Патриарх Кирилл никогда не был за то, чтобы Церковь была полностью и демонстративно отстранена, изолирована от подготовки и утверждения учебных пособий для обучающихся и учителей в рамках учебного предмета “Основы православной культуры” и от подготовки учителей для этого предмета” (с. 617).

И вывод учёных и священнослужителей следующий: речь идёт “о существенном извращении инициативы Президента Российской Федерации, поддержанной Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, О ПОЛНОЙ ПОДМЕНЕ целей преподавания основ религиозной культуры и самого предмета “Основы православной культуры” НА ИНСТРУМЕНТ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНДОКТРИНАЦИИ малолетних обучающихся и НАСИЛЬСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ их НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ” (с. 618). То есть речь идёт о сознательном навязывании малолетним детям совершенно чуждых им взглядов. Вывернуть душу ребенка наизнанку – такова была цель команды Фурсенко.

Православие – это государствообразующая и культуuroобразующая религия, скрепляющая наше духовное, политическое и территориальное пространство. Ведь **сам В. В. Путин заявил: “Православие является нравственным стержнем нашего народа”**. А вовсе не “планетарное сознание”, которое проповедует клевет Фурсенко Калина. В этой связи действия Фурсенко и его чиновников нельзя расценить иначе, как духовное разоружение России перед лицом информационной агрессии Североатлантического пакта. Эти люди с “планетарным сознанием”, по сути, выполняют наказ Збигнева Бжезинского о том, что после коммунизма главной опасностью для мировой плутократии является Православие. Получается, что Минобрнауки в нынешнем кадровом составе действует в угоду не своей Родине, а мировой закулисе.

Но куда смотрит наш национальный лидер? Многочисленные священники и владыки, православные общественные деятели и простые миряне голосовали за Путина как надежду России и призывали других голосовать за того, ко-

го, как казалось, люто ненавидит мировое правительство, нацелившееся “глобализировать”, а точнее – американизировать мир. И что же?

Мы вновь у разбитого корыта. “Основы православной культуры” скукожились до мизерного объема и атеистической подкладки, отброшены прочь талантливые учебники для всех классов с 1-го по 11-й. В одном ЧЕТВЁРТОМ классе – да это настоящая насмешка над серьёзным православным предметом! Нам надо воспитывать подрастающее поколение в нравственном, альтруистическом и патриотическом духе, вытаскивать его из той ямы, в которую швырнули его наши ультра-либералы, а мы вместо этого “отчитались для галочки”, чтобы все осталось по-прежнему. Чтобы ликовали Хиллари Клинтон и информационные штабы НАТО.

Ваше Превосходительство господин Президент! Дайте для начала тем 15 регионам, где многие годы успешно шло преподавание ОПК, где были свои наработки, учебники, учителя, **дайте им возможность ВОЗОБНОВИТЬ преподавание “Основ православной культуры” в школе с 1-го по 11-й класс!**

И будем наращивать постепенно количество таких регионов, но не будем заикливаться на одном 4-м классе!

Пусть Запад и НАТО со своим антихристианством, со своей содомией, развратом, сексуальной и наркотической революцией, со своей антихристовой глобализацией летят в бездну на метле сатаны. Нам-то зачем лететь вслед за ними?

Замечательный учёный-патриот А. С. Панарин сказал: **“Новому глобальному порядку мешает Россия не только как особая государственная и геополитическая величина, но и как ТИП КУЛЬТУРЫ, решительно не вписывающийся в новую систему глобального естественного отбора...** Мы оспариваем правила игры глобалистов – наше чувство справедливости, наша христианская сострадательность заставляют их отвергать... не человек для рынка, информатизации, глобализации, а они – для него. Сохраняя православную идентичность, мы храним сами себя в истории”.

Важно сберечь и укоренить государство, национальный суверенитет, укрепить обороноспособность, особенно ракетно-ядерный потенциал, высокоточное оружие и свою собственную противоракетную оборону. Мы должны защитить себя от заморских душегубов, убивавших население Сербии, Ирака, Ливии. Ведь государство есть самое мощное средство борьбы за выживание народа.

Спасение государства и Православия – наша задача. Сохраним государственность, сбережём Веру и свою идентичность – спасём Россию.

Мы – русские! С нами – Бог!

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Живёт в Подмоскowie в наши дни один уже очень пожилой человек. Ему в ноябре этого года исполняется 90 лет. Но и соседи не все знают, какая у него, удивительная судьба. Он родом из Голландии, сражался с фашизмом в годы Второй мировой войны, будучи участником Сопротивления, а потом — в качестве офицера британской разведки. Имя его Джордж Блейк. Находясь в Корее во время американской интервенции в начале 50-х годов, он увидел страшные последствия варварских американских бомбардировок, массовые убийства мирных граждан и, разочаровавшись в “ценностях” западного мира, заинтересовавшись идеями коммунизма как более справедливого общественного строя перешёл на сторону Советского Союза. С тех пор он стал сотрудничать с советской разведкой и, работая в самом сердце британских секретных органов в Лондоне, принёс немало пользы нашей стране, своевременно предупреждая о готовящихся провокациях и разведывательных операциях западных спецслужб, направленных против СССР.

АЛЕКСЕЙ АБРАМЫЧЕВ

“А ОН ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ...”

К 90-летию Джорджа Блейка

*А он хороший парень,
а он хороший парень, —
и так мы скажем все!*

Старинная английская песня

Особое место среди “ложи тайных агентов” занимают интеллектуалы, несущие в себе “искру Божию”, которые посвятили жизнь разведке из чувства внутреннего долга, по идеологическим, — сопоставимым порой с религиозным чувством, — убеждениям. Из них формируется белая кость “гильдии невидимого фронта” — ее гвардейцы... Они сбиты из материала особого сорта. У этих людей, обладающих высокой нравственностью, стальной волей и крепкой нервной системой, особая судьба и свои понятия о Чести. Наличие в государственной структуре противника даже одного “агента глубокого проникновения” — разведчика-нелегала — крупная удача для любой Службы.

Если в сообществе рыцарей невидимого фронта оставить только професионалов такого класса, шеренги “легиона разведчиков” катастрофически поредеют. В нём останутся избранные единицы. Именно к ним принадлежит наш герой.

Джордж Блейк стал сотрудничать с советскими спецслужбами по идеологическим соображениям, веря, как и его предшественники — Ким Филби (1912–1988), Гай Берджес (1911–1963) и его близкий друг Дональд Маклэйн (1913–1983) из знаменитой “кембриджской пятерки”, в коммунистическую идею. Вся “звездочка”, как и Блейк, работала на СССР сознательно и бескорыстно.

В отличие от “кембриджцев”, которые были привлечены к работе на разведку Советского Союза агентом Коминтерна Арнольдом Дейчем, Блейк перешёл на сторону советской разведки по своей инициативе.

Свой выбор Блейк сделал более полувека назад. О нём изданы книги и многочисленные воспоминания, в том числе его друзей по заключению — Шона Бэрка, Майкла Рендла и Патрика Поттла. Разведывательная деятельность Блейка отражена в книге “100 великих разведчиков” (Москва, “ВЕЧЕ”. 2007). В книге американских историков Н. Поллара и Т. Алена “Энциклопедия шпионажа” (М., “Кронпресс”, 1999) авторы назвали Блейка одним из самых ценных агентов советской разведки.

В предисловии к автобиографическому повествованию легендарного разведчика “Прозрачные стены” (М.: “Молодая гвардия”, 2009) бывший директор Службы внешней разведки России Сергей Николаевич Лебедев в обращении к читателю, наряду с высочайшей оценкой деловых качеств своего товарища по Службе, особо отметил, что выбор Блейка никогда не менялся в зависимости от политической конъюнктуры: “И в советский период, и во время перестройки, и в сегодняшние дни Блейк сохраняет верность своим идеалам, которые побудили его к оказанию разведывательной помощи нашей стране... Ничто не смогло сломить этого уникального человека, который в самые трудные моменты оставался убежденным в справедливости того дела, которому посвятил жизнь, продолжая самоотверженно трудиться для достижения своих благородных целей”.

Служба высоко оценила деятельность легендарного разведчика, наградив его знаком “Почетный чекист” № 1 и присвоив ему звание полковника. Среди правительственных наград следует особо выделить Орден Ленина — высшую награду СССР.

Разведывательная работа Блейка завершилась не по его вине — он был выдан предателем. Широкой общественности о Блейке стало известно после оглашения британским правосудием приговора, содержащего самый длинный в английской истории срок заключения. Приговоренный к 42 годам, он должен был бы выйти из тюрьмы в 2003 году.

С момента оглашения приговора британского суда в отношении Блейка (1961 г.) прошло более пятидесяти лет. Однако внимание к нему у нас, а также в западных странах и, прежде всего, в Великобритании, с годами не ослабевает.

В канун юбилея Джорджа Блейка невольно задаешь себе вопрос: чем можно дополнить его образ, нужно ли повторять давно известное? Ведь столько книг о нём уже издано. Сколько напечатано очерков, статей... И мемуары, и кинофильмы...

Думаю — необходимо. Люди, в первую очередь молодёжь, интересующаяся настоящим, мечтающая о будущем, хотя всё больше и полнее знать о прошлом, о своих предшественниках. Особенно сегодня, когда за любимыми их поступками новоявленные либералы видят корысть и личную выгоду, а слово “патриотизм” стало ругательным.

Трагическое время XX века отразилось в его характере, которому суждено было сформироваться в ходе событий Второй мировой войны и послевоенной “холодной войны”.

Обстоятельства сложились так, что после вынужденной эвакуации матери и двух младших сестёр в Англию Джордж, житель Голландии, имевший британское гражданство, остался в захваченном нацистами Роттердаме. Арест юноши в оккупированной немцами Голландии и пребывание в лагере, охраняемом войсками СС, борьба против нацистов в рядах движения Сопротивления (1941–1942), второй арест в Испании закалили его характер. Нелегальное, по фальшивым документам “путешествие” юноши через всю Европу в самый разгар войны из Голландии через Францию и Испанию в Гибралтар, а затем в Лондон (куда он прибыл в январе 1943 года) — яркое свидетельство его способности совершать сложные, потенциально опасные операции.

Службу в британском военном флоте и Сикрет Интеллиндженс Сервис (1943–1950) Блейк проходил зрелым, в расцвете сил молодым мужчиной. Работа в рядах советской разведки (1953–1961 и 1966–2012) явилась его осознанным выбором.

Суд над Блейком привёл к дипломатическому скандалу. Добытая им информация нанесла удар не только Милитер Интеллиндженс-6 (МИ-6),

но и ЦРУ. Большинство операций этих служб благодаря Блейку оказались под контролем советской контрразведки.

Я впервые услышал о Джордже Блейке от ветерана Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, кавалера пяти орденов Красного Знамени, генерал-майора Александра Васильевича Трусова.

— Своими действиями Блейк, а до него “кембриджская пятерка”, — как уверяет Александр Васильевич, — свели на нет основную часть работы всей британской и американской разведки с конца Второй мировой войны.

— За что обрушилась такая напасть на древнюю западную островную демократию? — шутил, вспоминая дело Блейка, ветеран разведки. — Переданные Блейком сведения невозможно переоценить. Они привели к провалу практически всей работавшей против СССР агентуры МИ-6, приоритетом деятельности которой являлись “дела и интересы Соединенного Королевства” в целом. На его счету огромное количество добытой информации и раскрытых операций.

Раскрытие плана строительства тайного англо-американского 600-метрового туннеля (прорытого ими недалеко от Западного Берлина в 1954 году для подключения к советским кабелям связи и перехвата секретной информации) стало одним из самых громких провалов МИ-6 и ЦРУ времён “холодной войны”. Эта операция, проводимая с целью перехвата телефонных разговоров и ценных данных о советских войсках, стоила миллионы долларов. Блейк с начала её проведения регулярно передавал в Центр сведения, касающиеся строительства и эксплуатации этого туннеля вплоть до своего отъезда из Лондона (1955).

О ценности Блейка как агента говорит следующий факт. Решение о прекращении советской стороной операции “Берлинский туннель” совпало со временем намечавшегося визита Н. С. Хрущёва в Англию (1956). Советский лидер дал указание, “...добиваясь максимальной публичности, акцентировать роль американцев, не упоминая англичан, — “обнаружить” туннель так, чтобы не поставить под удар Джорджа Блейка”.

В день “обнаружения” туннеля Хрущёв находился на официальном приеме в Букингемском дворце (22 апреля 1956) и, чтобы не поставить под удар легендарного Блейка, не сказал ни одного обидного слова в адрес британских спецслужб. Зная его взрывной характер, можно с уверенностью утверждать, что далось это Никите Сергеевичу нелегко. Операция была проведена таким образом, что “его разведчик” остался вне подозрений.

Позже высокопоставленный сотрудник американского ЦРУ, тесно работавший в то время с СИС, характеризует работу советских агентов, с горечью признался: “Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали!”

Блейк с блеском использовал против Соединенного Королевства и его союзника США методы Сикрет Интеллидженс Сервис, которыми досконально владел...

* * *

Дело о шпионаже в пользу Советского Союза сотрудника британской разведки СИС Джорджа Блейка, который на момент ареста работал в Бейруте, слушалось 3 мая 1961 года в Лондоне. Возле здания уголовного суда высшей инстанции Олд Бейли толпились десятки журналистов. Они пытались попасть в зал заседаний. Но путь им преградила полиция. Офицер несколько раз объявил: “Господа, расходитесь. Заседание суда проходит в закрытом режиме. Специальное сообщение для прессы будет позже доведено до вас”.

О том, какое значение власти придают этому делу, свидетельствовал тот факт, что в роли государственного обвинителя на процессе выступал сам генеральный прокурор Великобритании сэр Реджинальд Меннинген-Баллер, а в допросах в штаб-квартире МИ-6 на Карлтон-гарденс принимал участие её генеральный директор — сэр Дик Уайт.

В ходе следствия подсудимый вел себя мужественно. Он не раскрыл ни одного работающего на СССР агента. На “подсказку” следователя (в штаб-квартире МИ-6 на Карлтон-гарденс) отметить в протоколе, что “к сотрудничеству с советскими спецслужбами его принудили пытками, угрозами и шантажом” (для использования его “в двойной игре” с КГБ), Блейк с возмущением заявил, что сделал выбор добровольно, по идейным мотивам. В этой связи

суд констатировал, что бывший сотрудник СИС не рассматривал сотрудничество с советской разведкой как средство обогащения, а перешёл на другую сторону из идеологических побуждений.

Британские спецслужбы шокировала бескорыстность работавшего на Советский Союз разведчика. Мало того, что его действия привели к оглушительному “стриптизу” тайных операций СИС и американского ЦРУ. Вся отработанная веками система подбора кадров в английскую разведку была поставлена под сомнение одним человеком.

Для сравнения. За 11 лет до суда над Блейком – 1 марта 1950 года – в Лондоне состоялся суд над немецким эмигрантом, физиком Клаусом Фуксом. Приехавший из США в Великобританию учёный в ходе следствия признался в передаче Советскому Союзу информации по атомной бомбе. Английские и американские газеты называли Фукса “величайшим шпионом...”, “человеком, сокрушившим могущество Америки”. Британский суд приговорил “величайшего шпиона”... к 14 годам заключения. Блейку дали в три раза больше!

Данный пример я привёл здесь не случайно. Он характеризует роль британской СИС в системе безопасности этой страны. По мере стирания граней между военными и невоенными средствами борьбы, проникновение в ходе “холодной войны” агента противника в структуру МИ-6 рассматривалось британской властью выше ущерба от утраты технологии в сфере создания оружия массового поражения. Эти соображения, а не британский закон (кстати, запрещающий экстраординарные наказания) легли в основу решения морально раздавить Джорджа Блейка – обречь его на забвение, упрятав за решетку, по сути, на всю жизнь.

Но случилось противоположное: жесткость приговора мобилизовала Блейка на борьбу. Воистину, как сказал один из коллег легендарного разведчика, “...профи такого уровня, как Джордж Блейк, снимают вопрос, что такое разведка – ремесло или искусство? Уж кого-кого, а его в ремесленничестве не уличишь”.

В результате через пять лет после его ареста аристократическая элита страны Альбиона во второй раз почувствовала себя униженной. Бывший сотрудник британской СИС опять заставил всю мировую прессу заговорить о себе... Он бежал из заключения. Но как?

Бежал, запутав следы, одурачив древнейшую лондонскую Скотланд-Ярд (Scotland Yard) – любимых лондонцами “бобби”, знакомую всему миру по рассказам Конан-Дойля, и не менее известную английскую СИС. К организации побега из тюрьмы Блейк привлек подданных Её Величества. А затем, оказавшись на свободе, с помощью английских друзей преодолел Ла-Манш и добрался, минуя пограничные посты НАТО, до восточного сектора Берлина. После чего был доставлен в Москву.

В книге “Прозрачные стены” Блейк пишет, что для английского правительства было унижительно, что маленькая группа “английских любителей” успешно организовала побег важного шпиона, оно предпочло бы, чтобы более распространённой версией осталось участие в операции КГБ, хотя друзья Блейка не скрывали своего участия в организации побега.

Пока в Англии вокруг личности Блейка строилось множество разнообразных мифов, основанных на различных догадках, Джордж, работая в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР (ИМЭМО АН СССР), с помощью товарищей по разведывательной деятельности устраивал свою жизнь в Москве в предоставленной ему квартире.

В начале 1970-х годов, после женитьбы и рождения сына, Джордж появился в одном подмосковном поселке среди хвойного леса. Это место успокаивающе диссонировало с предыдущей, полной невзгод и опасностей жизнью Блейка. Коллеги Джорджа по службе выбрали это место не случайно. Хороший микроклимат и близость к Москве сделали его привлекательным как для отдыха, так и для постоянного проживания. Долгое время мы – его соседи по даче – не знали, что приезжавший на “Волге” импозантный, в элегантно костюме-тройке джентльмен – это знаменитый на весь мир разведчик. Человек, который много лет в тайном одиночестве балансировал на краю смертельно опасной пропасти, в центре самой засекреченной организации британских спецслужб.

Привлекательной чертой незнакомца была его естественность. Он владел врождённой манерой при любых обстоятельствах оставаться самим собой,

ни единым жестом, мимикой или взглядом не претендуя на избранность. Но и “на демократа из толпы” не походил.

Человек-легенда раскрылся для нас, включая автора этих записок, после издания его воспоминаний. Оказалось, что в годы войны в Корее, где я сражался на стороне “северян”, Блейк вместе с другими заключенными дипломатами был интернирован неподалёку от расположения моей части.

Корейское прошлое и привело к нашему знакомству.

Сегодня Джордж Блейк передает свой опыт молодежи. Однако его разведывательная деятельность уже более полувека продолжает вызывать интерес мировой прессы. Фантастический побег из особо охраняемой лондонской тюрьмы Уормвуд-Скрабс, сравнимый с побегом героя популярного приключенческого романа – графа Монте-Кристо, стал международной классикой, вошёл в учебники и изучается в разведшколах.

Эта сложнейшая по замыслу операция явилась проверкой профессиональных навыков разведчика. Пребывание в заключении, закончившееся побегом, раскрыло мощный духовный потенциал Блейка, что достойно отдельного рассказа.

* * *

Уормвуд-Скрабс (далее Скрабс) – старинная лондонская, особо охраняемая тюрьма – стала знаменитой благодаря побегу нашего героя. В неё входил комплекс из четырёх прямоугольных блоков, между которыми находились вспомогательные помещения с несколькими прогулочными дворишками. Шестиметровая кирпичная стена Скрабс круглосуточно охранялась тюремными стражниками. Блейка поместили в блок “D”, в котором содержалось 370 заключенных. Тюремный режим был строг. С первых дней Блейку выдали специальную одежду – костюм с большими белыми заплатами на куртке (напротив сердца) и брюках (по обе стороны колена). Такую форму носили заключенные, совершившие побег или, согласно обнаруженным уликам, готовившиеся к побегу. Заплаты были хорошо видны в темноте и являлись идеальной мишенью для стрельбы на поражение. Среди заключённых существовала строгая иерархия. Появление на прогулках единственного в своем роде новичка привлекло всеобщее внимание и вызвало любопытство обитателей Скрабс. Блейк с первого дня был причислен “общественностью” этого заведения к тюремной “аристократии”. Один из организаторов побега – ирландец Шон Бэрк – вспоминает о первых встречах с Блейком в лондонской Скрабс:

“... Во время ежедневных прогулок я больше всего общался с человеком, к которому испытывал большую симпатию... Он представлял собой уникальное явление, будучи единственным заключённым в блоке, которого не разрешалось сопровождать “голубым повязкам” (доверенным лицам из заключенных. – Авт.). Куда бы он ни выходил за пределы блока, его обязательно сопровождал надзиратель... Несмотря на самый длительный срок, к которому когда-либо приговаривал английский суд, Блейк “тянул ляжку” достойнее других моих знакомых. Обыкновенно он проходил по залу с высоко поднятой головой, широко улыбаясь. Ничего нельзя было прочесть на его лице... Он ни у кого не просил помощи, а даже наоборот, другие узники искали у него утешения... Я всегда с удивлением и восхищением глядел на этого человека, не имевшего проблеска надежды на освобождение, но который помогал советом и утешал двадцатилетних парней”.

Сам Джордж вспоминает те дни с присущей ему иронией:

“Облачившись в новую форму, я во всей полноте осознал мудрость известной пословицы, что “свобода – последнее в списке ценностей, когда свободен. И самое ценное, – когда ее теряешь”. Срок 42 года показался мне нереальным. Как у военнопленного, у меня оставался только один выход – бежать. Решение бежать стало непоколебимым, а девиз: “не переживай, а действуй!” – стал стимулом моего существования. В 1961 году мою жизнь в Скрабс скрасил Горден Лонсдейл (советский разведчик Конон Трофимович Молодой. – Авт.). Он был осуждён на 25 лет. Наши прогулки во дворе тюрьмы под общей охраной давали возможность для общения. У Гордена был огромный запас анекдотов, и мы часто громко смеялись, вызывая немалое удивление других заключённых и надзирателей: им было непонятно, над чем

могли так смеяться два человека, только что осуждённые на 25 и 42 года... Внезапно Гордена перевели в другое место. За несколько дней до этого между нами состоялся разговор, который мне врезался в память. Лонсдейл, который в любой ситуации сохранял оптимизм, обратился ко мне со словами: "Я уверен, что мы вместе будем в Москве на большом параде в день 50-й годовщины Октябрьской революции".

Для справки. Молодой оказался провидцем. В 1964 году его обменяли на Грэвилла Винна (агента английской разведки МИ-6), приговорённого Военной коллегией Верховного суда СССР к восьми годам заключения (связника печально известного Пеньковского). Джордж Блейк бежал из заключения 22 октября 1966 года. Через год – 7 ноября 1967-го – они оба стояли рядом на Красной площади!

Слушая рассказ Блейка о его подготовке к побегу, не перестаешь удивляться силе духа этого человека, упорству и умению сосредоточиться на поставленной цели. Будучи реалистом, он понимал, что, являясь гражданином Великобритании, в отличие от Лонсдейла (Конона Молодого), он не имел шансов выйти на свободу по обмену агентами. Тем не менее, предсказание Молодого явилось дополнительным импульсом в стремлении к освобождению.

"Ознакомившись с условиями содержания в Уормвуд-Скрабс, – вспоминает Блейк, – я решил сам организовать свой побег – как обычную разведывательную операцию! К её подготовке приступил в условиях тотального контроля со стороны тюремных надзирателей и при полном отсутствии материальных средств".

Несколько цифр. Только на разработку замысла операции, плана, подбор и привлечение единомышленников у Блейка ушло целых 3 года. Благодаря тщательной подготовке, побег непосредственно из Уормвуд-Скрабс уложился в десятки минут. Подготовка и осуществление операции "Лондон – Восточный Берлин", включая преодоление Ла-Манша и нескольких пограничных постов НАТО, заняли почти два месяца.

– Моя работа, связанная с организацией побега, облегчалось хорошей агентурной школой Милитер Интеллиндженс Сервис, – рассказывает с лукавой улыбкой Блейк, – и общением с талантливыми разведчиками-связниками из числа советских спецслужб, с которыми мне посчастливилось работать. Меня научили правильно определять задачи и в любых условиях сохранять самообладание. Первой задачей, которую надо было решить, находясь в заключении, – расположить к себе тюремные власти. Второй – создать группу храбрых единомышленников из заключённых, подлежащих скорому освобождению, и наладить с ними надёжную систему сочувствующей связи.

Занятия йогой, учеба на заочных курсах Лондонского университета и посещение кружка английской литературы облегчили "привилегированному арестанту" тяготы его тюремного режима, создали легальный предлог для знакомства и общения с другими заключёнными и обеспечили видимость, что пленник смирился со своей участью.

– То, что тюремная администрация со временем увидела серьёзное отношение к занятиям, – продолжает Блейк, – лишний раз убедило их, что я не помышляю о побеге. Мои занятия начались с изучения арабского языка и труда доминиканского монаха, образ которого стал для меня чем-то вроде примера: я добровольно наложил на себя ограничения более жёсткие, чем тюремные правила, воспринимая себя "как монаха-созерцателя"... В результате многие тюремные служители стали даже сочувствовать мне и выпавшей на мою долю участи... Всё время я подыскивал людей, которые были бы готовы и могли бы мне помочь. Я отлично понимал, что без подобной помощи мой план неосуществим. Даже если мне удастся выбраться из тюрьмы, куда я пойду? Англия – остров, и не так-то просто будет его покинуть.

Среди заключённых, наряду с арестантами, получившими длительные сроки, содержались узники, ожидавшие скорого освобождения. Со временем внимание Блейка привлекли трое: молодой редактор тюремного журнала "Новый горизонт" ирландец Шон Бэрк (срок его заключения заканчивался в 1966 году) и осуждённые на 18 месяцев англичане Майкл Рендл и Патрик Поттл. Они выгодно выделялись из общего окружения. Этим людям объеdinяло возмущение вопиющей несправедливостью суда и власти, не желавших разобраться в мотивах их поступков, а также такие качества характера, как интеллектуальная независимость и личная храбрость. Блейк, вспоминая

о своём пребывании в Скрабс, подчеркивает, что, общаясь со своими новыми друзьями, он привлекал их искренностью, больше слушал, не задавая вопросов. В ответ Шон Бэрк поведал, что он был осуждён как террорист (на 8-летний срок) за то, что по почте послал бомбу грязно оскорбившему его полицейскому. Должность редактора давала право на ношение “голубой повязки”, позволяющей передвигаться по территории тюрьмы без сопровождения. Майкл Рендл с Патриком Поттлом рассказали, что получили срок за организацию и участие в демонстрации против размещения в Англии бомбардировщиков США с ядерными бомбами. Они оба считали себя политическими заключёнными и незадолго до своего освобождения предложили Блейку помощь, если он решится бежать. Оказавшись на свободе, Майкл с Патриком не забыли своего обещания: они регулярно присылали ему рождественские открытки.

– Оба живы и сегодня, – говорит Блейк, – и каждый год – в день своего побега – я им звоню, чтобы выразить свою благодарность. . .

Когда заключение Шона Бэрка подошло к концу, пришло время действовать. Шон сразу согласился на участие в операции.

Роли были распределены следующим образом: на Шона возлагалась организация побега из самой тюрьмы и связь с Майклом Рэндлом и Патриком Поттлом. На них лежала ответственность за конспиративную квартиру, где Блейк мог скрыться, а также за подготовку побега из страны. Майкл взялся найти необходимые средства для осуществления операции. Его жена Энн добровольно вызвалась (вместе с детьми – двух- и трехлетними мальчиками и мужем) сопровождать Блейка при преодолении Ла-Манша на купленном и специально оборудованном потайным шкафом (для Блейка) фургоне до Восточного Берлина. Блейк осуществлял общее руководство операцией.

По его инициативе к подготовке побега был привлечен 26-летний лондонец – Питер Мартин (отбывавший 6-летний срок за ограбление почтового отделения). Через него проверялись качество радиосвязи, контакт с Блейком (Питер передал ему портативный радиопередатчик) и обеспечение тщательного наблюдения за распорядком дня в тюрьме. Кроме того, Питер вызвался выдавить в день побега стекло окна и чугунную решётку.

– “Я легко проделываю такие штуки при помощи оберточной бумаги, резинового клея и гидравлического домкрата”, – с профессиональной гордостью заявил Питер, – вспоминал Шон. – За месяц до побега мы стали фиксировать не только все изменения, но даже слухи о возможности перемен. Блейк не пропускал ни одного фильма: чтобы все привыкли его видеть в кинозале. Я (Шон) изучал обстановку в тюрьме в 6 часов вечера по субботам. Побег был назначен на субботу 22 октября 1966 года во время демонстрации фильма в 6.15 вечера.

Побег из тюрьмы прошёл, если не считать сломанной руки Джорджа, благополучно. Он повредил руку при преодолении шестиметровой стены тюрьмы Скрабс (с помощью лестницы, сплетенной из тонких бельевых веревок).

Тот вечер врезался в память обитателям Скрабс на всю жизнь. Некоторые из них написали воспоминания.

“Когда в 9 вечера по радио объявили о побеге, – пишет один из них, – и передали комментарий, что “все порты и аэродромы взяты под наблюдение”, камеры тюрьмы взорвались восторженными криками обитателей Скрабс, дружно исполнившими английскую песню: “А он хороший парень, а он хороший парень, – и так мы скажем все!”.

Автор этих записок два года спустя после побега Блейка (1968) был командирован в Великобританию на авиационную выставку Фарнборо (аэродром под Лондоном). Прикреплённый к нашей группе английский “куратор” – мистер Остин – рассказывал, вспоминая те дни, что лондонцы были поражены: все городские газеты опубликовали портреты беглеца, по всей Англии была объявлена тревога. В городах и населённых пунктах фотографии Блейка были розданы полиции, таможенникам и пограничникам. За всеми восточноевропейскими посольствами и консульствами, портами, аэровокзалами и частными аэродромами страны велось постоянное наблюдение. Единственный след “беглеца”, который был найден, – это брошенный Шоном у стены Скрабс букет цветов (которым Шон маскировал свой радиопередатчик. – **Авт.**), названный позже обладающими чувством юмора английскими СМИ “букетом хризантем для надзирателей”.

– Полиции не могло прийти в голову, – смеется Блейк, – что “конспиративная квартира” находилась в 5 минутах от тюрьмы – на улице Хайлевер-роуд. На вторые сутки её пришлось заменить. Не обошлось без досадной оплошности. Из-за отсутствия бумаги в спешке приготовленный для хирурга стол накрыли утренними газетами с моими фотографиями. Благородный эскулап оказался настоящим английским джентльменом: сделал вид, что ничего не заметил, и, поставив гипс, не взяв денег, спешно удалился.

Заменив квартиру, Майкл (с женой Энн и Патриком) продолжил подготовку ко второму этапу операции. Работа была завершена к 17 декабря. В этот день рано утром Майкл и Энн со своими детьми (и Блейком в шкафу фургона) выехали по направлению к Дувру. Добравшись до порта, на пароме “Дувр–Остенд” пошли к Бельгии. На погранпостах никаких проблем не возникло. “Семейный фургон” практически не досматривали, пограничники ограничивались проверкой документов. До Восточного Берлина добрались без происшествий.

* * *

На вопрос: “Какой этап в побеге был самым сложным и важным?” – отвечает Блейк:

– Разработка замысла операции и создание коллектива талантливых и смелых единомышленников, способных идти со мной до конца. И осознание своей правоты. Огромной моральной поддержкой для меня было сообщение по радио 12 апреля 1961 года о первом в истории полёте в космос Юрия Гагарина. Я воспринял его как подтверждение того, что работал не напрасно. Помогал тем, кто шёл в авангарде прогресса. Это сознание придало мне дополнительные силы при подготовке операции.

– Правда, что, кроме уголовника, на разных стадиях подготовки к побегу и его осуществлению, наряду с Шоном, Майклом и Патриком, был задействован еще один заключенный-банкир?

– Банкир, – смеется Блейк, – мне даже на прощание Коран подарил, и сказал: “Ты работаешь против государства – мы с Питером (тем самым вором. – Авт.) тоже, поэтому мы с тобой по одну сторону баррикад...” Ни один из этих людей не предал нас. Лишённые свободы, они остались истинными джентльменами, для которых неспортивное поведение позорно. И ещё. Вся группа – Шон, Майкл (между прочим, с женой и малолетними детьми), Патрик, Питер (профессиональный вор) – действовала бескорыстно, считая, что выполняет свой человеческий долг. Обитатели Скрабс считали меня собратом по несчастью. Мои сообщники знали законы, историю страны и искренне не понимали власть, которая поступает так, как будто “их добрая Англия не демократическое, а варварское государство, где атрибутом правительства служит кнут”. В частности, считали, что бесчеловечный в отношении их товарища по несчастью приговор противоречит английскому “Биллю о правах” (Bill of Rights, 1689), запрещающему экстраординарные наказания. В глазах заключенных я стал их собственной историей – историей безвозвратно погубленного в тюрьме времени, дорогого в жизни каждого человека.

Один из организаторов побега, Шон Бэрк, вспоминает своей решающий разговор с Блейком, который закончился его согласием о сотрудничестве с ним в подготовке побега.

– Когда я принял предложение Джорджа, – пишет он, – то понял, что ныне не смогу думать ни о чём другом. Почему я сразу согласился пойти на этот опасный шаг? И с такой готовностью! Конечно, мне нравился Блейк. Ему симпатизировали многие. Но было ли дело только в этом? В Скрабс много хороших парней, но я не уверен, что так же охотно решился бы помочь им. Здесь наверняка сыграла свою роль особая длительность его срока. К тому же он был не простым заключенным, а узником совести...

Воспоминания самого Блейка – это ценнейшая исповедь очевидца. Его жизнеописание, охватывая почти целый век, во многом объясняет сделанный им решающий в жизни выбор. Еще юношей он оказывался в ситуациях, требовавших принятия мгновенных решений.

На формирование политических взглядов Блейка оказали влияние семейные традиции. Джордж воспитывался в духе либеральной протестантской эти-

ки, интересовался историей, с детских лет много читал. В юношеские годы он не помышлял связать свою судьбу с разведкой: мечтал о спокойной жизни – хотел стать пастором протестантской церкви...

Блейк шутит: “Если верить в предопределение, моя история не случайна. Я родился 11 ноября 1922 года – в год образования Советского Союза”.

Джордж гордился своим отцом – заслуженным ветераном Первой мировой войны, который за боевые заслуги был награждён двумя боевыми крестами (один из них – французский), получил английское гражданство и пожизненную военную пенсию. Последним армейским назначением Альберта Бихара был Роттердам. В этом городе он женился.

Мать Джорджа – Катарина, уроженка Бейдервеллен, происходила из знатного рода, давшего Нидерландам ещё в XVII веке ряд церковных иерархов и адмиралов. Она оказала большое влияние на своего единственного сына, привив ему тягу к духовной жизни. Блейк считал и не перестает считать, что без неё люди несовершенны. Важную роль в его жизни играла бабушка. Он был её любимцем.

После смерти отца в 1935 году Джордж вынужден был отправиться в Египет – в семью сестры отца, муж которой был богатым банкиром. Их предки в конце XV века бежали из Испании, спасаясь от еврейских погромов. В Каире Джордж получил хорошее образование сначала во французском лицее, а затем – в английском колледже. Благодаря влиянию братьев, юношу еще в те годы заинтересовали идеи научного социализма, которые, как показали последующие события, явились “бомбой замедленного действия”. Его двоюродные братья рано включились в политическую жизнь. Один из них изучал Маркса и Ленина и был убеждённым социал-демократом, другой – атеист, стал одним из основателей Коммунистической партии Египта. Однако в то время Джордж не отказался от своего намерения получить богословское образование и стать священником.

Вторжение немцев в Голландию в 1940 году круто изменило жизнь Блейка, который с первых дней возненавидел гитлеровцев, вынудивших голландскую королеву – его любимую Вильгельмину – бежать из страны. Приехав на летние каникулы из Египта домой к матери, он вскоре вступил в движение голландского Сопротивления.

После ареста Джорджа нацистами в Голландии и удачного освобождения, нелегального перехода через оккупированную немцами Европу в Испанию, а потом и в Англию сложившиеся обстоятельства связали его с разведывательной деятельностью. В конце войны, выполняя задания по подготовке агентов, засылаемых в оккупированную гитлеровцами Голландию, Блейк сочувствовал Советскому Союзу – союзнику Великобритании, на плечи которого легла основная тяжесть борьбы с ненавистным нацизмом. В 1946 году ситуация изменилась. Офицеров СИС стали привлекать к задачам, связанным с отбором бывших нацистов для борьбы против СССР.

Благодаря знанию языков, добросовестности, трудолюбию и аналитическому складу ума, Блейк как перспективный работник СИС был направлен на учёбу – на курсы русского языка при Кембриджском университете.

Учёба в Кембридже – отдельная тема в биографии Блейка. В период борьбы с фашистами социалистическая идея, воплощаемая в Советской России, имела много сторонников, включая элитную среду английского общества, особенно среди молодежи, в том числе студентов Кембриджского (“кембриджская пятерка”), а также Оксфордского университетов (так называемые “сталинские кроты”). Существенную роль играло то, что СССР был первой страной, выступившей против германского фашизма, – его добровольцы воевали в Испании.

Занятия в университете расширили кругозор Блейка. Он до сих пор с благодарностью вспоминает талантливых профессоров, которые привили ему не только любовь к русской истории и произведениям русских писателей, интерес к русской культуре, поменявшим его взгляды на все русское. Но и чувство восхищения добросердечностью и великодушием русского народа, его отвагой в борьбе с иноземцами с Востока и с Запада. Когда слушаешь воспоминания Блейка о Кембридже, трудно удержаться от рекомендации нашему реформированному Министерству образования: поучиться у англичан преподаванию русской истории и литературы. В Кембридже профессором была православная англичанка доктор Элизабет Хилл.

— Я оказался одним из её любимых учеников, — делится своими воспоминаниями Блейк, — её влияние изменило мое отношение к России и русским вещам. До Кембриджа я не видел разницы между русским и советским. Доктор Хилл вдохнула в меня новое отношение к России, заразила всех студентов своей любовью ко всему русскому. Благодаря ей я познакомился с героями романов “Анна Каренина” и “Воскресение” графа Л. Н. Толстого. Со временем мой растущий интерес ко всему русскому превратился в глубокое чувство — в настоящую любовь.

В последнее время Блейк стал плохо видеть. Однако жизнь приносит не только неприятности, но и подарки. В прошлом году его супруга Ида Михайловна закончила читать ему вслух “Войну и мир”. Джордж особенно ценит, что он познакомился с этим великим сочинением благодаря русской женщине — его любимому близкому другу.

“Толстой на многое открывает глаза, даже мне — человеку преклонного возраста, не только в противопоставлении великих личностей, — вслух рассуждает Блейк, — но и в образе чувств и мыслей каждого солдата, во всём нравственном мире русских людей, во всех явлениях их жизни: в манере любить, страдать, умирать... “Война и мир” позволяет каждому человеку найти нравственную опору своих поступков. Помогает, например, осознать, в чём истинное и ложное достоинство, истинное и ложное величие, истинный и ложный героизм, присутствующие даже в слабых душах. И не оставляет сильных в минуты их заблуждений”.

Судьбу Блейка нельзя рассматривать в отрыве от событий того времени. Много лет спустя вместе с Блейком с симпатией и признательностью отзывались о системе подготовки в Кембриджском университете по русской и советской проблематике выдающиеся советские разведчики из “кембриджской пятерки” Ким Филби и Дональд Маклейн (будущий друг Джорджа), которые до него — в 1930-е годы — учились в этом университете. Для них те годы стали судьбоносными. В частности, Ким Филби вспоминает: “В условиях экономического кризиса... в моей родной Англии я видел людей, ищущих правды, борющихся за неё. Я мучительно искал средства быть полезным великому движению современности... Олицетворением этих идей был Советский Союз, его героический народ, заложивший начало строительства нового мира. А форму этой борьбы я нашел в советской разведке. Я считал, что этой работой я служил и моему английскому народу...”. Для справки: знакомству Блейка с советскими разведчиками суждено было состояться позже — в ИМЭМО АН СССР, где им вместе предстояло работать, находясь в Советском Союзе.

Однако Блейк не скрывает, что в те годы открывавшаяся перед ним перспектива работы в британской разведке привлекала его, поскольку была связана с наивной романтической надеждой способствовать изменению мира в лучшую сторону.

Практическая разведывательная деятельность молодого офицера во время войны и отличные оценки в Кембридже сыграли свою роль. В 1948 году Джордж Блейк был командирован в самую горячую точку “холодной войны” — Южную Корею, на ответственную самостоятельную работу в качестве резидента СИС в этой стране.

* * *

25 июня 1950 года началась Корейская война.

“Не только для меня, — рассказывает Блейк, — но и для посла Великобритании в Корее участие в этой войне Великобритании явилось полной неожиданностью.

В тот вечер мы слушали Би-би-си. Услышанное вызвало настоящий шок... После захвата армией Ким Ир Сена Сеула мы оказались в ловушке, так как были уже не нейтралами, а представителями враждебной армии на территории противника... Мы были интернированы. Предстояли испытания, связанные с трёхлетним пленом на территории Северной Кореи”.

Знакомство ещё до войны с южнокорейским профашистским режимом Ли Сын Мана в Сеуле, пережитый в плену кошмар тотальных американских бомбардировок с применением против мирного северокорейского населения шрапнельных бомб, напалма и прочего запрещенного международным пра-

вом оружия привели бывшего резидента СИС в Корею к решению, которое круто изменило его жизнь.

Хотя Корейскую войну называют войной “забытой”, в памяти её очевидцев, включая Блейка, она оставила глубокий незаживающий след. Их воспоминания, в свете его истории, а также сегодняшних событий на Ближнем Востоке (в Ливии, Сирии) не потеряли свою актуальность. В книге “Прозрачные стены” Блейк пишет: “На моих глазах американские бомбардировщики буквально стирали с лица земли корейские деревни, города... И я спрашивал себя: что нам нужно в этой войне? На чьей стороне я должен сражаться... Без всякого сомнения, война, которая бушевала вокруг, сыграла роль катализатора... Страдания мирных жителей и, конечно, пленных солдат, разделявших мою судьбу, казались мне совершенно бессмысленными... не на благо моей стране... Когда я видел огромные серые тени американских бомбардировщиков, сбрасывающих свой смертоносный груз на маленькие, беззащитные корейские деревушки, когда я видел убитых крестьян, прятавшихся в полях, в основном женщин, детей и стариков, потому что все мужчины были на фронте, — я не чувствовал ничего, кроме стыда и возмущения”.

В 1999 году в США были опубликованы, как будто предостережение иракским и ливийским событиям, воспоминания американского ветерана Эдварда Дэйли, который рассказал об убийстве сотен корейских беженцев, в основном женщин, детей и стариков, в Но Ган Ри в Корее 26–29 июля 1950 года. Его слова никого не могут оставить равнодушным.

“В летние ночи, — пишет он, — когда дует лёгкий ветерок, я всё ещё слышу их вопли, крики маленьких детишек”.

“... После неожиданного налета ВВС США, убившего около 100 крестьян, выселенных из своей деревни американскими солдатами, — вспоминает другой американец Норм Диксон кровавую бойню в окрестностях деревушки Но Ган Ри, — ещё около трехсот других корейцев, почти все женщины, дети и старики, укрылись под мостом в узкой канаве... все они были убиты”. Это случилось в 100 милях к югу от Сеула в Южной Корее.

“На территории, которую войска Объединенных наций согласно решению ООН обязаны были защищать! — добавляет журналист Эстер Гален. — Командир американского отряда капитан С. Чендлер после разговора по радио со своим штабом приказал пулемётчикам приблизиться и открыть огонь под мостом... , сказав своим солдатам: “К черту всех этих людей. Давайте-ка избавимся от них!”. Корейка Рак Хи Сук (ей было в 1950-м 16 лет) свидетельствует: “Я до сих пор слышу стоны женщин, умирающих в лужах крови, дети плакали и цеплялись за своих мёртвых матерей”.

Я был направлен в Корею летом 1951 года. До этой войны Америка для меня — молодого офицера, несмотря на официальную пропаганду, выглядела сказочной и желанной страной из детских мечтаний — “бастионом демократии”, землёй Голливуда, свободы, Диснейленда, “прогресса” и “американской мечты”.

Корея всё изменила. Мне, как и любому нормальному человеку, впервые ступившему на северокорейскую землю, невозможно было понять, зачем повсюду: от линии фронта на юге и до Сингисю, и дальше на север — происходит планомерное уничтожение целого народа? Почему, скорчившись, зарывшись в землю, миллионы мирных людей, для которых эта земля является их родиной, должны прятаться от бомбардировщиков и истребителей, прилетевших из далёких стран, расположенных за тысячи километров от их земли? Зачем их стараются как можно основательней изувечить или убить?

Зверства деморализуют любую армию. Армия “мирового бастиона демократии” не была исключением. 70% военнослужащих, возвращавшихся из плена на родину, стали публично высказываться за то, чтобы скорее положить конец военным действиям в этой стране. В американских газетах появились письма бывших военнопленных. “Нью-Йорк таймс” сообщила, что только за первые полтора года войны в Корее из вооруженных сил США дезертировали 47 тысяч человек. В следующие полтора года количество дезертиров продолжало держаться на уровне 18–20 тысяч за каждые шесть месяцев. Вот такая была обстановка в Корее, определившая решение Блейка в 1951 году перейти на сторону СССР.

С учётом всего сказанного требует комментария английский фильм, посвящённый Джорджу Блейку, который был показан по одному из каналов российского телевидения в преддверии его юбилея. Фильм заканчивается приговором – словами ветерана британской Службы МИ-6:

“Блейк предатель, ему не может быть оправдания”...

Разумеется, никто не может запрещать любые высказывания. Однако не мешало бы разобраться, кто кого предал.

Начну с того, что политика – это не привилегия британской СИС или МИ-6, “...не что-то чуждое людям, насильственное по отношению к ним, “грязное и опасное дело”, это – напротив – воплощение их воли и разума” (из книги А. Казинцева “Возвращение масс”, “Наш современник”, Москва, 2010). Между прочим, и в такой стране, как Соединённое Королевство, тоже. А Блейк не был пешкой в этой стране. Жизнь воспитала его смелым, гордым, независимым и глубоко порядочным человеком. Какие бы задания ему ни поручали, он никогда никого не подводил. Война, аресты, плен, агентурная работа и многолетнее тюремное заключение только закалили его. Слова: “Проверен в бою, показал себя с хорошей стороны, отважен и решителен, перспективен для работы в разведке”, – не выбросишь из его личного дела.

Всей своей жизнью Джордж показал, что он не предатель – он борец.

Джордж Блейк восстал! Взбунтовался против бесчинствующего и предавшего его нравственные идеалы государства, нарушающего все нормы религиозных заповедей, мировой морали и общечеловеческой этики! Он восстал против шантажа президента США Гарри Трумэна, выступившего 30 ноября 1950 года на пресс-конференции с сенсационным заявлением: “Если потребуются, Америка начнёт ядерную войну”. Это заявление 33-го президента США не забыли мы, воевавшие в Корее. Оно прозвучало на фоне тотальных безжалостных бомбардировок, обрушившихся на северокорейские сёла и города.

Блейк принял решение о сотрудничестве с советской разведкой в конце 1951 года, когда война нервов на Дальневосточном ТВД достигла своего предела. Он понимал, к каким последствиям может привести монополия одной страны на обладание ядерным оружием. Об этом он написал в своих воспоминаниях. Свою службу в советской разведке он рассматривал как эффективную форму политической борьбы, а создание в СССР (август 1949) атомной бомбы – как решающий фактор сдерживания. Кто интересуется историей Корейской войны, тот знает: в октябре 1951 года американцы провели с целью шантажа населения и руководства КНДР имитацию атомных атак против объектов Северной Кореи. Бомбардировщики ВВС США сбросили на них муляжи атомных бомб (“Корея в огне войны”. Изд. Кучково поле. Москва, 2005. Операция “Река Гудзон”).

Не хотелось бы впадать в мистику... Однако если предположить, что среди британских судей Блейка оказались бы подданные Её Величества, испытавшие на себе адский кошмар англо-американских бомбардировок в Корее, если бы они видели глаза умирающих под бомбами детей, то судебный приговор был бы другим. Трудно поверить, но нечто подобное случилось.

С открытым протестом против решения британского суда выступили сообщники бежавшего “государственного преступника” Блейка, бывшие заключённые Скрабс: ирландец Шон Бэрк, англичане Майкл Рэндл и Патрик Поттл. Они бросили вызов властям Великобритании – опубликовали свои воспоминания о побеге. Опубликовали потому, что гордились своим поступком, который был совершен, исходя из благородных мотивов, без принуждения и бескорыстно. Признав свое участие в совершённом “преступлении”, они заявили, что готовы защищать свою Честь и Правоту в суде. Это выглядело, как открытый бунт.

Дело Шона Бэрка как гражданина Ирландии (оно было первым) слушалось в суде высшей инстанции 20–27 января 1969 года (за 22 года до суда над Майклом и Пэтом). Решение Верховного суда Ирландии было оглашено 3 февраля. Суд счёл, что так как действия Блейка носили политический характер, то обвиняемый не может быть выдан английским властям (участие Бэрка было квалифицировано как политическое).

Громкий процесс над англичанами – Майклом Рэндлом и Патриком Поттлом – состоялся в суде Олд Бейли в Лондоне в июне 1991 года, там же, где в мае 1961 года слушалось дело Джорджа Блейка.

Судебное заседание напоминало по накалу страстей прогремевший на всю Европу в конце XIX века суд над русской революционеркой Верой Засулич (март 1878). Дворянка Засулич, защищая поруганную честь заключенного студента А. С. Боголюбова, выстрелила в живот С.-Петербургскому градоначальнику генералу Трёпову и судом присяжных была оправдана и выпущена на свободу.

М. Рэндл и П. Поттл отказались от защиты. Однако их последнее страстное обращение к присяжным заседателям не уступало по своей убедительности судебной речи в защиту Веры Засулич российского адвоката П. А. Александрова и произвело огромное впечатление на всех присутствующих, став кульминационным моментом процесса. Показав в заключительном слове ложь и ханжество власти, они заявили: “Да, мы помогли Блейку бежать и сделали это из чисто гуманных соображений. Мы убеждены в правоте своего поступка и при необходимости мы бы это сделали снова. Нам не за что извиняться, и мы ни о чём не сожалеем”.

Патрик Поттл, обращаясь к присяжным, закончил свою речь словами своего учителя – английского философа Бертрана Рассела: “Помни о своей человечности и забудь обо всем остальном”. В конце процесса присяжными (между прочим, гражданами Объединённого Королевства Её Величества) был единодушно вынесен оправдательный вердикт. Оба подсудимых – Майкл и Патрик – были тут же освобождены под громкие аплодисменты присутствующей публики.

Так через 30 лет после вынесения самого строгого в английской новейшей истории приговора британский суд в 1991 году фактически его дезавуировал, оправдав главных пособников побега Джорджа Блейка. Это стало сенсацией.

– Георгий Иванович, – обращаюсь я к Блейку, – драма вашей жизни по накалу страстей может заинтересовать не одного талантливого режиссёра. Сюжет достоин многосерийного художественного кинофильма.

– Обо мне уже показаны фильмы, – отвечает Блейк.

– Понравились?

– Трудно судить. Я стал плохо видеть. У меня в голове свой сценарий.

* * *

Работа Джорджа Блейка в советской разведке – подвиг. Пример высоко-нравственного служения человека, исполняющего свой гражданский долг.

Историю о легендарном разведчике хочется подытожить словами нашего героя:

“Меня часто спрашивают: не испытал ли я разочарование, не пожалел ли я о содеянном?”

Отвечаю: я ни в чем не раскаиваюсь. Попав в Советский Союз сразу после тюрьмы, я стал свободен. Благодаря академику Е. М. Примакову получил интересную работу в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. В ИМЭМО мне посчастливилось встретиться и подружиться с незаурядным ярким человеком, почти святым – Дональдом Маклэйном. Да и личная жизнь сложилась счастливо – я женился на прекрасной русской женщине, у нас родился сын. Только одно это дорогого стоит.

Конечно, прошлое не давало покоя: я виноват перед близкими мне людьми. Но они поняли меня. Три сына живут в Лондоне... Я благодарен своей первой жене – она никогда не настраивала наших детей против отца. Я не хотел их терять. Когда я попал в английскую тюрьму, сам попросил жену Джиллиан, чтобы она не приводила их ко мне на свидания. Со старшим сыном мы встретились в Берлине в 1981 году. Он приехал вместе с моей сестрой и бабушкой (моей мамой). Мы вместе жили две недели. Несколько позже приехали его братья. У нас был непростой разговор. Сыновья не разделяют моих убеждений. Но они религиозные люди и понимают: если человек во что-то свято верит – это во многом его оправдывает. В Англии вообще уважительно относятся к идеям. Правило: “Я не согласен с вашей точкой зрения, но отдам жизнь за то, чтобы вы ее могли свободно излагать”, – там не пустые слова.

Мои дети – четыре сына: русский и английские – общаются между собой, а русский внук ездил летом 2011 года к родным в Англию попрактиковаться в языке. У всех сыновей карьера удалась. 11 ноября надеюсь встретиться с ними в Подмосковье: я полюбил русскую природу”.

– Вы всем довольны, Георгий Иванович? – спрашиваю у Блейка.

После небольшой паузы он с лукавой улыбкой отвечает:

– Высшей наградой разведчика является сознание выполненного долга. Для полного счастья мне не хватает... – коммунизма. Не имитации и не пародии на коммунизм, а подлинного коммунизма. Да, СССР взял на себя ответственность за великий эксперимент, но он не увенчался успехом. Сталинские репрессии и сегодняшние реалии... – всё это я одобрить не могу.

Но разве христианская идея стала хуже от того, что была инквизиция? Пройдут годы – я верю, победит нравственность, и мир поймёт, что иной модели общества, чем коммунизм, просто не может быть, – и тогда прекратятся все войны...

В 1983 году на гражданской панихиде Дональда Маклэйна, который всю жизнь, до конца своих дней, продолжал верить в коммунистическую идею, Блейк, прощаясь с ним, выразил глубокое уважение этому человеку и преклонение перед его приверженностью избранному пути. Напомнив присутствующим библейскую притчу о сорока праведниках, он, в частности, сказал:

“...Вознамерившись уничтожить этот мир за грехи человеческие, Господь пообещал отказаться от своего намерения в случае, если нашлось бы на Земле сорок праведников. По моему мнению, мы, друзья и коллеги Дональда, имели редчайшую возможность лично знать одного из тех сорока, ради которых был сохранён наш мир”.

Я думаю, что и Джордж Блейк из их числа.

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ПУТЁМ ПОКАЯНИЯ

Москва в Смутное время

В XVI веке Москва приняла на себя прекрасное, но тяжкое бремя. Город получил имена Второго Иерусалима и Третьего Рима. В нем появился собственный царь и собственный патриарх. Над кремлевскими зубцами засиял невидимый венец столицы восточного христианства.

Москва осознанно поднялась на невиданную доселе высоту. И государи наши, и архиереи, и книжные люди понимали, сколь высокое предназначение выпало на долю города.

Громадный и обременительный дар высоты на первых порах нашел для себя лишь одну подпорку – русскую государственную мощь, а этого явно недостаточно. Для того чтобы удержать его, требуются и благочестие, и смирение, и самоограничение, и христианское просвещение, и христианское нравственное очищение. Россия встала на этот путь, но первые шаги делала беззаботно и легкомысленно, не требуя от себя многого.

Именно эта нетребовательность привела Москву со всею страной к чудовищному падению. Правящий класс России – “мужи брани и совета” – оказался слишком падким на соблазны, чтобы достойно стоять на такой высоте. Слишком легко поддавался он властолюбию и корысти. Слишком мало в нем оказалось способности смиренно служить государю и земле.

История бедствий, обрушившихся на Москву, имеет, помимо материальной, еще и мистическую сторону. Великий город видел, как переполнялась постепенно чаша грехов. Как опрокинулась она. Как попытался наш народ наспех исправить дело. И сколь тяжелым, сколь жертвенным в конце концов оказался путь к покаянию, к “исправлению ума”...

Осенью 1604 года появился самозванец, назвавший себя царевичем Дмитрием Ивановичем. Настоящий царевич погиб за тринадцать лет до того. Смехотворные претензии ложного царского сына неожиданно запалили фитиль долгой и страшной войны.

Началась Смута.

Политический строй Московского государства обладал колоссальной прочностью и сопротивляемостью к внешним воздействиям. Но Смута началась изнутри. Самозванец, объявивший себя наследником русского государя, хотя и получал поддержку поляков, а все же ничего не сумел бы совершить в России, если бы не внутренняя трещина, легшая поперек государственного устройства.

Трещина эта имела два ответвления.

С одной стороны, российская экономика так и не восстановилась полностью со времен страшного напряжения сил в годы Ливонской войны. Спокойное правление Федора Ивановича сыграло роль благодатной передышки, но старые раны еще не успели зажить до конца. А при Борисе Годунове страшный голод обрушился на страну. Правительство могло выводить державу из кризиса, только усиливая давление на крестьян, — они кормили войско, на них держалось финансовое благополучие государственных учреждений. И до поры до времени крестьянство предпочитало терпеть нарастающее утешение. Но горячий материал множился...

С другой стороны, знатные люди Московского государства косо смотрели на самого царя. Пусть он даровитый политик, пусть он умелый дипломат, пусть он показал свою силу, переламывая хребты древней аристократии. Но... не по праву он на троне, и тем плох.

Никакая политическая мудрость, никакая сила не исправит государю Борису Федоровичу его кровь. А по крови он, хоть и царский шурин, но из второстепенного рода. Не погибни младший брат царя Федора Ивановича, не скончался государева дочь, не видать Борису Годунову престола как своих ушей. Однако и после их смерти в Москве оставалось достаточно аристократов, имевших больше прав на престол, чем Годунов. К тому же, в нем подзревали убийцу государева брата — царевича Дмитрия, а порой и самого царя Федора Ивановича. Борис Федорович, восходя на трон, получил санкцию от Земского собора и благословение от Церкви в лице патриарха Иова. Но как только появился Лжедмитрий I, все эти удерживающие скрепы посыпались трухой.

Сам Годунов еще мог сдерживать натиск Самозванца. Но он скончался в разгар боевых действий, а род его защитить себя не сумел и был уничтожен.

Лжедмитрий I вошел в Москву.

Большая часть русского общества приняла Расстригу как царевича Дмитрия, действительного сына царского. Это для нас он Лжедмитрий. А тогда подавляющее большинство русских восприняло историю с его чудесным “воскрешением” и восшествием на престол как восстановление правды самим Господом. Эйфорическое отношение к “государю Дмитрию Ивановичу” продержалось довольно долго. Отрезвление наступило не скоро и не у всех.

Лояльность в отношении Лжедмитрия питалась и неприязненным отношением к Борису Годунову. “Спасшемся царевичу” поверили, поскольку очень многие были недовольны предыдущим правлением. “Низвержение династии Годуновых и Патриарха Иова, — пишет современный историк Василий Ульяновский, — осуществлял не Самозванец. Оно происходило до его вступления в Москву. Действовали подданные царя Бориса и паства Патриарха... Низвержение Годуновых, целый поэтапный церемониал (античин) их уничтожения был как бы символическим действием делигитимизации их “царства”... При этом руками подданных вершилась Божия кара “неправому царству”. Низложение Иова составляло к этому как бы парный обряд лишения священства того первоиерарха Церкви, который подал освящение (помазание) “неправому царству”¹. Русская знать и русское дворянство в подавляющем большинстве своем приняли Лжедмитрия. Служить ему не считалось зазорным.

Но долго терпеть поляков в Москве и служить царице-польке Марине Мнишек не стали. Лжедмитрий пал, воцарился Шуйский.

Идея самозванчества имела гибельную притягательность для русского общества. На смену Лжедмитрию I и его “воеводе” Болотникову скоро явился новый мятежник, принявший ложное имя “царя Дмитрия Ивановича”.

Отчего воцарение природного русского аристократа, высокородного Рюриковича Шуйского не успокоило Россию? Отчего страна с такой легкостью поднялась на новые бунты?

Трудно представить себе, что русское общество столь долго обманывалось на счет самозванцев и добросовестно верило в очередное “чудесное спасение” Дмитрия. Некоторые — возможно. Огромная масса — вряд ли... Имя царя, уничтожившего род Годуновых, имело большую притягательную силу, но со временем все меньше в этой притягательности сохранялось сакральное, и всё больше — сатанинского, соблазнительного. Люди с мятежными устремлениями жаждали получить нового “Дмитрия Ивановича”, дабы именем его творить бесчинства и добиваться власти. Россия наполнилась самозван-

цами. Лжедмитрии, попавшие на страницы учебников, далеко не исчерпывают страшного русского увлечения безжалостным авантюризмом под маской “восстановления справедливости”. Новых “царей” и “царевичей” лепила свита, выпекала бунташная толпа, а подавали к столу отчаянные честолюбцы. Немногие из них правдиво заблуждались. Большинство цинично искало своей корысти.

При Василии Шуйском оставались в действии как минимум три причины для всеобщего кипения в русском котле.

Во-первых, экономическое состояние страны ничуть не улучшилось, оно лишь упало еще ниже. Крайне угнетенное состояние крестьянской массы заставляло ее приходить в движение. Земледельцы покидали села и деревни, отыскивая лучшей доли, нападали на вотчинников и помещиков своих, подавались в казаки. Иными словами, сельские хозяева отрывались от размеренной и правильной жизни, составляя пищу для подвижливой стихии бунта. Ничто не ослабляло утеснения, вынужденно предпринимаемого правительством в отношении крестьян. Но теперь они нередко предпочитали восстание и смертельный риск размеренному быту прежней жизни.

Во-вторых, смерть Лжедмитрия ослабила иноземный элемент в столице, но никак не решила проблем, связанных с состоянием военно-служилого класса России. Шуйский смотрелся на троне “честнее” Годунова. Тот поднялся из московской знати второго сорта, если не третьего, а Шуйские всегда стояли на самом ее верху. Но Василий Иванович был одним из аристократов, и он привел к власти одну из партий придворной знати. Другие партии не видели для себя никакого улучшения. Что для них Шуйский? Свой человек, однако... равный прочим “столпам царства”, знатнейшим князьям и боярам. Отчего же именно ему быть первым среди равных? Князь Федор Иванович Мстиславский еще, пожалуй, повыше станет, если посчитать по местническим “случаям”. А может, и князь Василий Васильевич Голицын. И Черкасские... и Трубецкие где-то рядом... и Романовы... и... Н-да... Московское государство было до отказа набито умной, храброй, неплохо образованной и яростно честолюбивой знатью. Политические амбиции были у нее в крови, витальной энергии хватало бы на десяток царств.

Русская держава долгое время сдерживала горячий пар боярского честолюбия, распиривший ее изнутри. Но Борис Годунов, при всех его неординарных политических достоинствах, проделал в сдерживающей поверхности слишком большую дыру – указал путь к трону, личным примером “разрешил” рваться к нему без разбора средств... Теперь никакая сила не могла заделать отверстие, оно только расширялось. Каждый новый царь, будь он стократ знатнее Годунова, вызывал у больших вельмож страшный вопрос: “Почему не я?” И коллективное сознание русской знати не знало ответа на этот вопрос.

А снизу, из провинции, шел еще один поток раскаленного честолюбия. Провинциальное дворянство наше еще со времен царя Федора Ивановича было прочно заперто на нижних ступенях служилой лестницы. Никакого хода наверх! Там, наверху, – “родословные люди”, их и без того очень много, им самим места не хватает. Семьдесят-восемьдесят родов делят меж собою лучшие чины и должности, еще сотня родов подбирает менее значимые, но всё же “честные” назначения, а остальным – что? Дырку от московской баранки! Эй, господа великородные бояре! – словно кричали аристократам снизу – да к чему нам ваша местническая иерархия? Какая нам от нее польза? А не пощекотать ли ее ножичком? Авось выйдет дырочка, а в ту дырочку войдут люди храбрые, служильцы искусные из дальних городов. Дайте нам московского хлебушка! Нет у нас ни крошечки от сладких пирогов воеводских да думных, так дайте же, дайте, дайте!

И шел русский дворянин к Ивану Болотникову, и шел к Истоме Пашкову, и шел к иным “полевым командирам” Великой смуты, осененным “святым” именем “царя Дмитрия Ивановича”. Не крестьяне и не казаки составляли основную силу повстанческих армий ранней Смуты, нет. Служилый человек по отчеству шел из дальнего города к Москве, желая силой оружия вырвать повышение по службе, закрытое для него обычаями прежней служилой системы.

В-третьих, главное: пал великий сакральный идеал Русского царства. Было оно Третьим Римом, Вторым Иерусалимом, а стало Вавилонскою блудней! Власть государя для всего народа, кроме, быть может, высшего слоя знати, долгое время окружена была священной стеной почтительного отноше-

ния. Монарх парил над подданными, монарх был в первую очередь защитником христианства, главным со-работником Церкви в великом православном делании, справедливым судьей, Божьим слугой на русской земле. Старая смута середины XV века, когда князья московского дома грызли друг друга, подобно волкам, давно забылась. Но запах новой смуты появился в Московском государстве после того, как у подножия трона началась неприглядная суета. Странная смерть царевича Дмитрия, о которой глава следственной комиссии князь Василий Иванович Шуйский трижды говорил разные вещи: то “несчастный случай”, то “чудесное спасение”, то “убиен от Годуновых”. Странное восшествие на престол царя Бориса. Ну не та у него была кровь! И мнение всей земли, высказанное на Земском соборе, оказалось недостаточным аргументом против смутных настроений. Восстание Расстриги. Убиение царского сына и невенчанного царя Федора Борисовича. А потом и убиение самого Лжедмитрия I. Да кем бы он ни был, а Церковь венчала его как законного государя, и, стало быть, погубление Самозванца – преступление против Церкви. А восшествие царя Василия Ивановича на престол даже Земского собора не знало...

Подлая суета, связанная с прекращением старой династии московских Юриковичей-Даниловичей, а также совершенные ради трона преступления донельзя опустили и сакральность царской власти, и общественный идеал верного служения государю. Еще он сохранялся, но сильно обветшал. Общество чем дальше, тем больше развращалось. Соображения простой личной пользы все больше побеждали долг и веру как традиционные основы русской жизни...

Государя Василия Ивановича ждало одно только усиление источников Смуты. Он вышел на неравную борьбу.

Лжедмитрий II, разбив армию Василия Шуйского, летом 1608 года подошел к Москве и осадил ее. По своему лагерю, располагавшемуся в Тушине, он получил прозвище “тушинский вор”.

На подступах к столице шли кровавые столкновения. Бой следовал за боем. Из подмосковного лагеря отряды “тушинского вора” расползались по всей России. Они носили с собой имя Дмитрия – то ли живого, то ли мертвого, Бог весть... И это страшное имя действовало как искра, упавшая на сухую траву. Тут и там разгорались малые бунты. Два десятка городов – Псков, Вологда, Муром, залесские и поволжские области – присягнули на верность Лжедмитрию II. Польские отряды, казачьи шайки, группы недовольного Шуйским провинциального русского дворянства и всякий случайный сброд пополняли его воинство.

Более того, высокородная московская знать, почуяв за тушинским “цариком” силу, принялась “перелетать” к нему. А за нею потянулись дворяне, дьяки, придворные разных чинов.

Царю Василию Ивановичу с каждой неделей становилось всё труднее находить преданных военачальников и администраторов. Наказывая кого-то за явные оплошности, прямое неповиновение или же за отступления от закона, царь мог завтра недосчитаться еще одной персоны в лагере своих сторонников. Не наказывая и даже даруя самое милостивое жалование, государь все равно имел шанс нарваться на очередной “перелет”: в Тушине обещали многое, а служба законному монарху стала рискованным делом... Того и гляди войдет “царик” в Кремль, ссадит Шуйского, а верным его служильцам пошибает головы!

В ту пору “изменный обычай” привился к русской знати. Многими нарушение присяги воспринималось теперь как невеликий грех. О легкой простуде беспокоились больше, нежели о крестном целовании. То развращение, о котором говорилось выше, с особенной силой развивалось в верхних слоях русского общества.

Летописец с горечью пишет: государю пришлось заново приводить своих подданных к присяге, но очень скоро о ней забывали: “Царь... Василий, видя на себя гнев Божий и на все православное христианство, нача осаду крепити [в Москве] и говорити ратным людям, хто хочет сидеть в Московском государстве, и те целовали крест; а кои не похотят в осаде сидеть, ехати из Москвы не бегом (то есть не украдкой, а открыто. — Д. В.). Все же начаша крест целовати, что хотяху все помереть за дом Пречистые Богородицы в Московском государстве, и поцеловали крест. На завтрее же и на третий день

и в иные дни многие, не помня крестного целования и обещания своего к Богу, отъезжали к Вору в Тушино: боярские дети, стольники, и стряпчие, и дворяна московские, и жильцы, и дьяки, и подьячие...”²

Правление Шуйского – время, когда верность оказалась вещью неудобной и стеснительной. Но за Шуйского еще стояли многие, Смута не сразу до такой степени развратила умы, чтобы измена, комфортная и прибыльная, сделалась нормой. Изменять стало легче, укору за измену слышались реже, но “прямая” и честная служба все еще оставалась для многих идеалом.

В том-то и состоит значение тех лет, когда правил Шуйский! Государя Василия Ивановича ругали современники, скверно отзывались о нем и потомки. Но он был последним, кто отчаянно стоял за сохранение старого русского порядка. При нем еще жило Московское государство, каким создал его величественный XVI век – с твердо определенными обычаями и отношениями меж разными группами людей, с прочной верой, со строго установленными правилами службы, с почтением к Церкви, с фигурой государя, высоко вознесенной над подданными. Этот порядок, истерзанный, покалеченный, со страшно кровоточащими ранами, все же находил себе защитников. Сам царь, интриган и лукавец, проявлял недюжинный ум, энергию и отвагу, отстаивая его. Может быть, твердость Шуйского, не до конца оцененная по сию пору, оказалась тем фундаментом, без которого выход из Смуты был бы найден позднее и при ещё больших потерях. А то и не был бы найден вовсе... Шуйский отчаянными усилиями очень долго задерживал Россию на краю пропасти. Он хранил то, что его же знать беречь уже не хотела. И его твердость многих воодушевляла.

Пока царь стоит под стягом, сражение еще не проиграно...

Василий Иванович был “выкликнут” на царство группой его сторонников после свержения Лжедмитрия I. Его венчал на царство не патриарх, а всего лишь один из архиереев – по разным данным, то ли митрополит Новгородский, то ли митрополит Казанский. Он не мог решить проблем, стоящих перед страной, поскольку решением их могло стать лишь ужасающее кровопускание, смерть крови буйной и мятежной, в изобилии текущей по сосудам страны, да еще покаяние народа в грехах с последующей переменой ума. Но он был – прямой царь, делавший то, что и положено делать русскому православному государю.

В таких условиях стоять за царя означало: стоять за старый порядок. По большому счету, вообще за порядок. И это – нормальный человеческий выбор.

В 1609 году польский король Сигизмунд III открыто вторгся на русские земли и осадил Смоленск. Воевода смоленский Михаил Борисович Шеин стойко держал оборону от поляков, отбивал их приступы.

На помощь Шеину из Москвы отправилась рать под общим командованием князя Дмитрия Ивановича Шуйского с приданными ей отрядами западноевропейских наемников. Против нее пошел талантливый польский полководец гетман Жолкевский. Армия союзников страдала от худого управления, между русским командованием и офицерами иноземцев установились нелады. Последние возмущались из-за невыплаты жалования. Несогласованность в действиях иноземных отрядов и русских полков лишала их возможности вести совместную борьбу с грозным неприятелем. Итог – настоящая военная катастрофа, постигшая Д. И. Шуйского 24 июня под Клушином. После Клушинского поражения Жолкевскому сдалась русская армия, оборонявшая Царево Займище. Затем пали Можайск, Борисов, Верея и Руза.

После Клушинского разгрома государь Василий Иванович лишился армии. Более того, он утратил всякий авторитет. Смутное время утвердило в умах людей странное, нехристианское представление об особой удаче общественного лидера или же об отсутствии этой удаче – словно они даются не силой личности и не милостью Божьей, а являются каким-то химическим свойством вожака. Люди вернулись к древним, почти первобытным идеям о достоинствах правителей. Так вот, новое поражение Шуйского одни сочли признаком неправоты его дела перед лицом сил небесных, другие – утратой “химической” удачи. Ну а третьи... третьи просто увидели в материальной слабости правительства повод для переворота.

В июле 1610 года совершилось восстание против монарха. “И собрались разные люди царствующего града, — пишет русский книжник того времени, — и пришли на государев двор и провозгласили: “Пусть-де отобрана будет царская власть у царя Василия, поскольку он кровопийца, все подданные за него от меча погибли, и города разрушены, и все Российское государство пришло в запустение”³. Ну, разумеется. А еще его некому охранять, поскольку воинство его разбито, и, следовательно, можно над ним как угодно изгаляться.

Государя ссадили с престола, затем попытались принудить его к пострижению во иноки. Вскоре законного русского царя Василия Ивановича передали в руки его врагов, поляков.

Два с лишним года в плену томился он сам и его семейство. Осенью 1612-го Василий Шуйский и брат его Дмитрий с супругой Екатериной ушли из жизни с подозрительной стремительностью... Девять лет спустя в Россию вернется лишь князь Иван Иванович Шуйский-Пуговка, не являвшийся ни крупным политическим деятелем, ни крупным полководцем. Младший брат единственного московского государя из династии Шуйских претендовать на царство уже не смел...

В отношении Василия Шуйского русской знатью и русским дворянством было совершено чудовищное преступление.

Это злодеяние показало, каких глубин достигло духовное разращение нашего общества. Царя принудили “положить посох” те, кто давал ему присягу. Свергая законного монарха с престола, они даже не успели договориться о кандидатуре его преемника. После Шуйского политическая система России оказалась обезглавленной. Кое-кто из заговорщиков мечтал лично занять московский престол, кое-кто симпатизировал Лжедмитрию II, и очень влиятельная партия желала сделать русским царем польского королевича Владислава. Это означает, что наша политическая элита, по сути, обратилась в свору собак, недавно пожравших вожака и приготовившихся грызться за его место.

Два года — с июля 1610 по октябрь 1612-го — дно Смуты. Самый мрачный ее период.

Полноценная государственность на территории бывшей Русской державы не существует. Служебная иерархия стремительно распадается. Столичные органы власти ни в малой мере не контролируют провинцию. Россия разорвана в клочья, и отдельными ее областями управляют разные силы. Казалось, Московское государство исчезло. Северные области его заберут шведы, центральные окажутся под властью Речи Посполитой, а юг безнадежно обезлюдеет под натиском татар...

Вместо царя составилось необыкновенное для Руси боярское правительство, вошедшее в историю как Семибоярщина⁴. В исторической литературе иногда встречается сравнение Семибоярщины с боярскими комиссиями, остававшимися на управлении в Москве, пока государь выезжал за пределы столицы, — например, на многодневное богомолье. Но гораздо больше Семибоярщина напоминает польский аристократический сенат. В ее состав вошли князь Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын, Б. М. Лыков-Оболенский, а также отпрыски старомосковских боярских родов И. Н. Романов и Ф. И. Шереметев. Из Рюрикова рода — только двое: Воротынский и Лыков. Первый мог бы претендовать на трон, но был неудачливым полководцем и не особенно популярным человеком. Второму явно не хватало знатности. Русская знать давно вела переговоры с Сигизмундом III о возведении на трон сына его Владислава — знатные “тушинцы” заключили с ним подобное соглашение несколькими месяцами ранее. Теперь Семибоярщина открыто заявила о своем желании поставить королевича на место Шуйского. Кого-то из русских аристократов заворачивали вольности польской шляхты, а кого-то манила возможность навести в стране порядок хотя бы с помощью иноземной военной силы...

Под Смоленск отправилось официальное посольство. Владиславу давали престол, ежели он примет православие, сам король отступится от Смоленска и прочих российских городов, а польские войска помогут с разгромом Лжедмитрия II⁵. И вышло бы именно так, если бы во главе Речи Посполитой стоял разумный монарх, а не глупец и фанатичный выученик иезуитов. Испытывая неприязнь к православию, Сигизмунд не желал его ни для себя, ни для сына. От Смоленска он отходить не стал. Более того, выразил стремление самому

воцариться на Москве. Королю прямо в руки плыла золотая рыбка, а он отворачивался от нее из-за того, что хотел на ее месте увидеть платинового слона. Посольство заколебалось. Да и в Москве столь наглые притязания Сигизмунда вызвали разногласия. Владиславу присягали, но не все и медленно. Договор-то не получил подтверждения у Сигизмунда... Но какая сила теперь посмела бы ему сопротивляться, если бояре сами впустили в Москву польско-литовскую армию?!

Она-то и получила значение силы господствующей...

Под защитой ее оружия король, презрев требования посольства, посадил в русской столице администрацию, состоящую из явных сторонников польского владычества. Михаил Салтыков, а с ним Федор Андронов, Иван Безобразов, Михаил Молчанов и др. Королевич Владислав так и не появился в Москве. Боярское правительство, по большому счету, утратило власть. Зато... оно получило защиту от низов, недовольных губительными соглашениями с Сигизмундом. Русские же войска, особенно стрелецкие сотни, были выведены из столицы в дальние города.

“О горе и люто есть Московскому государству! – в ужасе восклицает летописец. – Как не побояшесь Бога, не попомня своего крестного целования и не постыдясь ото всея вселенная сраму, не помроша за дом Божий Пречистая Богородицы и за крестное целование государю своему! Самохотением своим отдаша Московское государство в латыни и государя своего в плен! О горе нам! Как нам явится на праведном Суде Избавителю своему Христу? Как нам ответ дати за такие грехи?”⁶

Другой русский книжник в свойственной XVII веку деликатной манере высказался об умственных способностях Семибоярщины: “Семь же бояр державы Московской все правление землей Русской передали в руки литовских воевод, ибо не осталось премудрых старцев и силы оставили дивных советников... Все же это Бог навел на нас за множайшие грехи наши”⁷. Силы оставили дивных советников... О! Умели же когда-то с необыкновенным почтением назвать правительственную политику идиотизмом.

И. Хворостинин, книжник, менее корректен: “И были мы обесславлены и лишены надежды всякой, и большой чести мы удостоились у иноверного царя – получили мы в славном городе Москве еретиков, врагов Божьего креста, многочисленные полки поляков и других иноплеменников и воинов, готовых сражаться ради своей славы. Наши же бояре из страха, а иные ради корысти, вошли в соглашение с ними, и повелели выйти из города воинам наших полков, и такой услугой врагам обезопасили себя и дом свой”⁸.

Русский корабль ударился днищем о подводные камни, трюм его наполнился холодной водой, появились громадные отверстия в бортах. Парус его сорвало ветром.

Нет надежды...

Нет спасения...

Нет любви между людьми...

Но вера еще сохранилась.

Именно из веры появилась новая сила, нравственно очистившая русское общество и объединившая тех, кто хотел восстановить русское государство.

Первое время она состояла из одного-единственного человека. Зато человеком этим стал сам патриарх Гермоген.

Политическая позиция его была проста – он стоял на стороне православия и всегда вел дело к торжеству истинной веры. Как только в боярском правительстве возникла идея отдать русский трон представителю зарубежной династии, например, польскому королевичу Владиславу, Гермоген поставил условие: правителем России может быть только православный человек. И если дело дойдет до Владислава, то ему придется перейти из католичества в православие. Далеко не все готовы были тогда проявить твердость в этом вопросе. Впоследствии, как уже говорилось, король Сигизмунд III пожелал стать государем российским вместо сына, Владислава. Об отказе от католичества он и слышать не хотел. Когда русская знать принялась поддаваться на его требования, патриарх во всеуслышание запретил москвичам целовать крест Сигизмунду.

Патриарх требует от провинциальных архиереев рассылать “учительные грамоты” начальствующим людям и в войска, “...чтоб унимали грабеж, со-

храняли братство и, как обещались положить души свои за дом Пречистой и за чудотворцев, и за веру, так бы и совершили”⁹. Гермоген просит паству соблюдать телесную и душевную чистоту, благословляет стоять за веру “неподвижно”.

Духовная твердость Гермогена вызвала в москвичах и жителях провинциальных городов желание сопротивляться “латынству”. А если “латынству”, то и полякам, принесшим его на остриях сабель. Знать готова была полонизироваться. Но народ — нет.

Не сразу — недели прошли, а за ними и месяцы — но постепенно русский мир стал набухать новой “партией”, стремящейся противостоять католицизму, оккупантам и, в конечном итоге, вернуть старый государственный порядок. В следующем, 1611 году, вызрело это новое истинно-консервативное общественное движение.

Поляки скоро разглядели, что первый неприятель их — Гермоген. Завхватчики видели в нем “главного виновника мятежей московских”¹⁰. У их русских приспешников патриарх вызывал ненависть. Поэтому первоиерарх нашей Церкви оказался лишен свободы.

“За приставы” посадили его отнюдь не поляки и не литовцы, а наш же соотечественник Михаил Салтыков — главный пособник интервентов в московской администрации. Маленький Иуда, прощае говоря. Причин у ареста было две: во-первых, Гермогена обвиняли в том, что он рассылает по отдаленным городам письма, призывающие бороться за веру и против оккупантов. Так, видимо, и было. Ему вменили в обязанность сочинить успокоительные послания, но патриарх отказался наотрез. Во-вторых, Гермоген осуждал устройство католического костела на дворе, принадлежавшем когда-то царю Борису Федоровичу.

Боярское правительство, пытаясь сделать Гермогена более сговорчивым, на время выпустило его из-под стражи и даже разрешило вести богослужение на Вербное воскресенье 1611 года. Но в дальнейшем, пользуясь терминологией XX века, склонить его к “сотрудничеству с оккупантами” не удалось. Когда позиция Гермогена породила земское освободительное движение, от него потребовали разослать грамоты, призывающие повстанцев отойти от Москвы. Ему угрожали “злой смертью” в случае несогласия. Ответ Гермогена известен в летописном пересказе: “Что... вы мне угрожаете, одного Бога я боюсь; если вы пойдете, все литовские люди, из Московского государства, я их благословлю отойти прочь; а если будете стоять... я благословлю всех против вас стоять и помереть за православную христианскую веру”.

Если арестовывали его русские, то сторожей к нему приставили польских, из “надежнейших людей”¹¹. Гермогену не позволяли выйти из заточения и никого не допускали свидеться с ним. В начале 1612 года, по словам летописи, патриарха “уморили голодной смертью”.

Поздно!

Еще за год до того новая сила, вышедшая из одного человека, как полноводная река из малого источника, заявила о себе в полный голос.

Патриарх Гермоген — фигура, залитая светом, прозрачная, все главные его дела высвечены солнцем, всякое его поучение ясно. Как пастырь духовный, он говорил: следует стоять за веру, не колеблясь. Вокруг ложь и беснование? Будь тверд. Требуется претерпеть мучения? Претерпи, только не отступай от истины. Потребовалось смерть принять? Прими, это большое благо. И сам он поступал так, как требовал от “словесного стада”: не шатался в истине, терпел муки и отдал жизнь, когда ничего, кроме жизни, у него уже не оставалось. Его и канонизировали в 1913 году как священномученика.

Гермоген — камень веры. Он из тех, кого можно положить в фундамент любого здания, и здание будет стоять прочно.

Первое земское ополчение начало собираться на Рязанщине, под стягами дворянина Прокофия Петровича Ляпунова. Помогал ему зарайский воевода князь Пожарский.

Земское освободительное движение, находясь еще в пленках, много выиграло от гибели Лжедмитрия II в декабре 1610 года. Русские города и земли, страдая от наглых и алчных иноземных “гостей”, колебались: кого поддерживать? Но как только ушел из жизни “тушинский вор”, поле выбора резко сузилось. Конечно, еще оставалась в Калуге Марина Мнишек и ее новорожден-

ный сын Иван. Однако в 1610 году мало кто решался всерьез “поставить” на эти фигуры.

Старший боярин “тушинцев”, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой решил присоединиться к Ляпунову. Вместе с ним на сторону Ляпунова встал казачий вожак Иван Заруцкий.

На протяжении января-февраля 1611 года к коалиции Рязани Ляпунова, Зарайска Пожарского и Калуги Трубецкого стремительно присоединяются новые города и области. За Калугой встала еще и Тула, да вся Северская земля. Коломничи действовали вместе с зарайским отрядом.

Изъявили готовность прислать воинские отряды: Нижний Новгород, Ярославль, Муром, Вологда, Романов, Галич, Кострома, Кашин, Бежецкий Верх, Углич, Серпухов (туда неприятель отправил карательную экспедицию)...

Наконец, большую силу дали Владимир с Суздалем, где стояли войска знатного дворянина Артемия Измайлова и казачьего атамана Андрея Просовецкого. Особенно значительным отрядом располагал последний – еще один видный авантюрист смутных лет, “малый Заруцкий”.

Вся эта разнородная, пестрая масса пришла в движение. Провинциальные дворяне и покинувшие столицу московские стрельцы, посадские жители, сделавшиеся ополченцами, множество казаков... Тысячи бойцов земского воинства не имели пока общей идеи, помимо стояния за веру и борьбы с поляками. Искренние патриоты мешались с пошлыми честолюбцами. Никто не знал, какие шаги предпринять вслед за победою над иноземцами. Вернее, имелось несколько мнений на сей счет, но ни одно из них не получило преобладания.

Великое дело очищения столицы пока еще заражено духом Смуты. Чистое воодушевление, поднявшее людей на борьбу с жестоким неприятелем, разбавлено куда более низменными чувствами. Кое-кто ждет добычи от похода на Москву, кое-кто – большей власти.

На протяжении февраля и марта разрозненные силы повстанцев стягиваются к русской столице. Вожди ополчения, и прежде прочих Ляпунов, заводят тайные связи с сочувствующими их делу людьми в самой Москве.

19 марта, до подхода главных сил ополчения, в столице вспыхивает восстание.

Москве предстояло пережить страшные дни.

Сорок лет прошло с тех пор, как великий город погиб в ужасающем огне при нашествии Девлет-Гирея с его крымцами. Москва давно восстановила силы и поднялась в прежнем великолепии. Она выглядела зрелой красавицей, величественной и прекрасной, она вот уже два с половиной века носила монарший венец, она как будто рождена была править Русью.

Рожденная для порфиры, Порфирогенита...

За последние годы ей пришлось видеть много скверного на своих улицах и площадях, в храмах и палатах. Столько жестокости, предательства, вероломства, своекорыстия! Ее как будто захлестнули мутные волны наводнения. Во всех своих царских одеждах Москва упала на грязное дно греха.

И вот теперь, когда нашлись силы, стремящиеся к очищению, в неделю Страстей Христовых предстояло пострадать Великому городу. Нестерпимая мука ждала русскую столицу.

Очистительный огонь выжжет, испарит грязные воды Смуты, но боль жертвы, приносимой на этом огне, будет столь сильна, что Москва на время перестанет существовать.

В Страстную неделю 1611 года Москва как будто примет свое распятие...

19 марта грянул бой, разошедшийся по многим улицам от Китай-города и Кремля.

Бой за Великий город отличался необыкновенным ожесточением: поляки штурмовали русские баррикады, а их защитники расстреливали толпы интервентов из ружей и пушек. Именно тогда среди вождей “Страстного восстания” высветилась фигура Дмитрия Михайловича Пожарского.

Польские отряды устроили дикую резню в Китай-городе, положив тысячи русских, большей частью мирных жителей. Затем они вышли из-за стен и попытались утихомирить море людское, двигаясь по улицам русской столицы. Отряд, наступавший по Тверской улице, наткнулся на сопротивление в стрельческих слободах и остановился. Движение по Сретенке также затормозилось,

обнаружив мощный очаг сопротивления: “На Сретенской улице, соединившись с пушкарями, князь Дмитрий Михайлович Пожарский начал с ними биться, и их (поляков. — Д. В.) отбили, и в город втоптали, а сами поставили острог у [церкви] Введения Пречистой Богородицы”¹². Дмитрий Михайлович применил наиболее эффективную тактику: использование баррикад, завалов, малых древо-земляных укреплений. Против них тяжеловооруженная польская конница оказалась бессильна. Ее напор, ее мощь, ее организованность пасовали в подобных условиях.

Карательные отряды поляков удалось остановить на нескольких направлениях. Выйдя из Китайгородских ворот, они устремились к Язуе мимо Всехсвятской церкви на Кулишках. Не сразу, с трудом, но их атаки отбил Иван Матвеевич Бутурлин. Он занял крепкую позицию “в Яузских воротах”¹³.

Вражескую группу, устремившуюся в Замоскворечье по льду, встретил Иван Колтовский с сильным отрядом. Там карателям пришлось туго.

Позднее поляки в своих воспоминаниях признавали: как только они перешли на территорию Белого города, охватывавшего полукольцом Кремль и Китай-город, их дела пошли хуже некуда. “Тут нам управиться было труднее, — говорит один из них, — здесь посад обширнее и народ воинственнее. Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицы столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды: они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защиту своих загоронок стреляют по нам из ружей; а другие, будучи в готовности, с кровель, с заборов, из окон бьют нас самопалами, камнями, дрекольем. Мы, т. е. всадники, не в силах ничего сделать, отступаем; они же нас преследуют и уже припирают к Кремлю. . .”¹⁴.

Неся огромные потери, поляки решили зажечь Москву, лишь бы не потерять ее. Страшный пожар уничтожил большую часть российской столицы. Бои, шедшие 20 марта, прошли под знаком борьбы не только с вражеским гарнизоном, но и с огненной стихией.

Начальнику поляков Гонсевскому и его младшим командирам подсказали эту мысль — спалить город — русские же приспешники. Тот же Михаил Салтыков, усердствуя, первым ринулся жечь собственный двор. Однако 19 марта эта тактика не принесла им ощутимого успеха. Она просто дала возможность уцелеть тем отрядам, которые отступали под натиском восставших. Как говорит летопись, “. . . Москва в тот день пожгли немного: от Кулишских ворот по Покровку, от Чертожских ворот по Тверскую улицу”. Из этих районов повстанцы вынуждены были отступить. Одновременно огню и неприятелю они не могли противостоять.

Поляки и наемная пехота получили спасительную передышку. На пепелищах расхаживало “благородное рыцарство”, едва имея куда поставить ногу между трупами, и занималось ограблением развалин. Тащили золото, серебро, жемчуг, дорогое оружие — словом, всё, что имело ценность и не пострадало от огня. Богатства московского посада кружили головы оккупантам. . .

Поскольку Гонсевский нащупал единственную тактику, сохранявшую его людей от полного истребления и губительную для восставших, он решил применить ее в самых широких масштабах. С помощью пламени ему удалось свести поражение предыдущего дня к относительно приемлемому результату. Теперь он велел использовать поджоги повсюду и везде.

Поляки, не кривя душой, признаются: “Отдан был приказ: завтра, т. е. в среду, зажечь весь город, где только можно. В назначенный день, часа за два до рассвета, мы вышли из Кремля, распростившись с теми, которые остались в крепости, почти без надежды когда-либо увидиться. Жечь город поручено было 2000 немцев, при отряде пеших гусар наших, с двумя хоругвями конницы. . .”¹⁵.

То, что произошло дальше, нельзя назвать сражением. На Москву обрушилась огненная бездна. Поляки с наемной пехотой выжигали квартал за кварталом, улицу за улицей. К несчастью, ветер способствовал их планам, быстро переноса пламя от дома к дому. . .

Совершенное в Москве на Страстной неделе 1611 года гарнизоном Гонсевского в XX столетии назвали бы военным преступлением. Но тогда сами участники побоища рассказывали о нем со странной гордостью. Необычная

вещь – польская рыцарская гордость. Чего только не запишет она в подвиги!

Москва еще не была окончательно потеряна: стрельба повстанцев наносила гарнизону урон, наши воеводы удерживали несколько ключевых позиций. Если бы дал Господь сил продержаться до подхода Ляпунова, битва могла бы повернуться совсем иначе.

Но все важные пункты на протяжении среды и четверга оказались утраченными.

Последним оплотом сопротивления стал острожек (деревянное укрепление), выстроенный по приказу Пожарского близ церкви Введения Богородицы на Сретенке. Поляки не могли ни взять острожек, ни устроить вокруг него пожар: бойцы Пожарского метко отстреливались и контратаковали. На него надеялись и те, кто еще сопротивлялись людям Гонсевского близ Яузских ворот: туда командиру поляков пришлось вновь послать большой карательный отряд.

Защитники острожка били из ружей, остужая пыл чужеземцев, почувствовавших аромат победы. Сретенка давно превратилась в развалины. Улицу завалило трупами русских, поляков, литовцев и немцев. Дмитрий Михайлович всё не отдавал своим ратникам приказа на отступление. Надеялся, видимо, на помощь от земского ополчения... И повстанцы слушались его, проявляли твердость, не оставляли позиций посреди пылающего города.

Но под конец их командир пал едва живой от ранений, тогда и дело всего восстания рухнуло. “Последние же люди Московского государства сели в Симоновом монастыре в осаде и начали дожидаться [прихода] ратных людей под Москву”¹⁶.

Страстной четверг опустил занавес скорби над залитыми кровью, испепеленными, разграбленными улицами русской столицы...

Силы оставили восставших. Воля к борьбе иссякла. Поляки лютовали в городе, выкашивая москвичей направо и налево. 21 марта вчерашние храбрецы, не видя ляпуновских знамен, начали сдаваться неприятелю.

Великий город обратился в пепел. Лишь Кремль, да Китай-город, да немногие каменные храмы сохранились в целостности. Исчезли хоромы богатых купцов. Пропали палаты дворян и бояр. Обратились в уголья дома искусных ремесленников. Дымными пустырями сделались ямщицкие и стрелецкие слободы.

Осталось плакать о горькой участи Москвы! Еще на Вербное воскресенье была она цветущим городом, несчитанные богатства переполняли ее, словно изысканное вино, переливающееся через край драгоценной чаши. К святыням ее спешили тысячи паломников. Мощь ее выглядела незыблемой.

И что теперь? Всё сгнуло, всё расточилось! Пал один из величайших городов христианского мира, принял участь, подобную страшным судьбам Содомы и Гоморры. Грехи людей Царства обрушились ему на голову, и страшный этот удар чуть не оказался смертельным. К Великой Пятнице Москва упала ничком, бездыханная.

Но... Кого Бог любит, того не оставляет без урока. А попустив даже такую вереницу несчастий, все же не лишает надежды.

Через бедствие, через испытание крайней тяжести Господь, возможно, желал заставить людей с праведным характером проявить себя, когда вокруг них исчез страх перед совершением греха. Праведники должны были встать на высшую ступень самоотвержения. Среди огня, в столкновениях с беспощадным противником, им следовало принести себя в жертву за весь русский православный народ того времени – за честных и лживых, за скверных и благочестивых, за изменников и добрых служильцев. Им надлежало постоять за веру и правду. До конца. Не щадя себя. Не сберегая жизни своих. В их необыкновенной стойкости, может быть, и заключалось главное значение всей битвы за Великий город.

Пожарский оказался одним из них.

Он стоял за православную веру, как просил патриарх. Он стоял за русский народ, ибо принадлежал ему. Он стоял за старый честный порядок, поскольку слом его принес горе всей стране.

Есть на свете единственный истинный консерватизм – консерватизм здорового тела, способного жить, расти, приносить потомство, а потому сопротивляющегося болезни и ранению. Во всяком живом организме заключена

исцеляющая сила – сила, стремящаяся остановить его разрушение. Когда он стар, когда он близится к естественному концу, оздоравливающая сила понемногу исчезает. Но пока дряхлость не наступила, организм борется за здоровье, за жизнь. В общественных организациях подобной исцеляющей силой, социальным иммунитетом, если угодно, является консерватизм. В эпоху смут консерватизм спасителен. На заре XVII века Московское государство заболело столь тяжело, что ему понадобились все, до самого дна, ресурсы консерватизма. Пожарский, истинный консерватор, *очиститель Царства*, поднялся гораздо выше идейного уровня, на котором пребывала его социальная среда. Коллективное сознание русской служилой аристократии – больное, дряблкое – не требовало от нее самопожертвования. Пожарский же осознал, до какой степени оно необходимо. В Зарайске князь отказался от преимуществ измены, затем от выгод служебного положения, оплаченного сомнительной лояльностью, а в Москве поставил на кон собственную жизнь. Не его вина, что дело было проиграно. Князь сделал всё от него зависящее. Он кровью заплатил за свои убеждения.

Может быть, эта кровь, кровь праведников, и есть лучшее из случившегося в годы Смуты. Народ наш, изолгавшийся было, изгрешившийся, оказался способен и на жертвенность, и на покаяние, и на исправление. Вот такому народу, истекающему кровью, обожженному огнем, Господь в конце концов даровал победу.

Кровь праведников – лучшая жидкость для закалки народного металла. Поражение в марте 1611-го закалило его, наделив невиданным упорством.

Если бы не было “Страстного восстания”, если бы не окунулся русский народ в позор, боль, ужас, то не вознесся бы он к вершинам преодоления Смуты, не вышли бы из Кремля гордые паны, бросая оружие к земским боевым знаменам. . .

Лето и осень 1611 года были ужаснейшей порой в русской истории. Государство исчезло, сгинуло. Его представляла шайка предателей, засевших в Кремле и пытавшихся править страной при помощи иноземных солдат. Воровские казаки жгли города и села, грабили, убивали. Шведы захватили весь русский Север по Новгород Великий. Войска польского короля стояли под Смоленском и посылали подмогу московскому гарнизону.

Из последних сил стояла на пепле столицы малая земская рать, да и у той начальники умудрились переругаться. Ляпунов, затеявший всё святое дело земского восстания, попытался укротить дикое буйство казаков, добиться дисциплины, справиться с разбойничьими наклонностями казацкой вольницы. Но он пал жертвой провокации поляков и злобы казачьей: его убили свои же. . .

Еще бы шаг в этом направлении, и пропала бы Россия, рухнула в пропасть, не возродилась бы никогда. Но сложилось иначе.

Оставались богатые города, не занятые поляками и не желавшие покоряться новой власти. В частности, Казань и Нижний Новгород. Тамошние дворяне, купцы и ремесленники имели достаточно веры в Божью помощь, достаточно воли и энергии, чтобы предпринять новую попытку освобождения страны. Второе Земское ополчение начали собирать нижегородцы во главе с торговым человеком Козьмой Мининым.

Еще не встав с одра болезни, Пожарский получил от нижегородцев приглашение – возглавить новое ополчение земских ратников.

По меткому выражению в одном историческом памятнике того времени, Минин “. . . собра полки многия и военачалника, изкусна во бранех, князя Дмитрея Михайловича Пожарского над всеми быти совосприподобил”¹⁷.

Собирая силы, Пожарский с нижегородцами рассылали по городам и землям грамоты. Смысл этих грамот лишь во вторую очередь – политический, агитационный. Прежде всего, они являются памятниками христианского мирозерцания, поднявшегося на небывалую высоту.

Составители грамот ясно понимают: “По общему греху всех нас, православных христиан, учинилася междоусобная брань в Российской государстве”. Вторжение “польских и литовских людей” – такое же несчастье, пришедшее попустием Господним “за грех всего православного христианства”. Восставая от греха, видя “неправду” чужеземцев, “. . . все города Московско-

го государства, сослався меж себя, утвердились на том крестном целованьем, что бытии нам всем православным христианом в любви и в соединении, и прежнего междоусобства не счинати, и Московское государство от... польских и от литовских людей очищати неослабно до смерти своей, и грабежей... православному христианству отнюдь не чинити и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати”...

Минин, Пожарский и его воинство покинули Нижегородчину в феврале 1612-го. Но на Москву двинулись не прямым путем.

В поисках пополнений земцы прошли по городам Поволжья от Нижнего через Балахну, Юрьевец, Кинешму, Плес и Кострому до Ярославля. Заняли Суздаль отрядом стрельцов князя Р. П. Пожарского.

Ополчение встречали с радостью, оказывали ему добровольную помощь. Так произошло в Балахне, Юрьевце, Ярославле. Подошли полки из Коломны, Рязани и Казани.

1 апреля 1612 года Ярославль встречал армию Пожарского.

Здесь ополчение простояло четыре месяца, накапливая денежные средства и подтягивая войска. Если из Нижнего вышел небольшой отряд, то в Ярославле сформировалась настоящая армия. Пожарский довел ополченцев до Ярославля, создав из пестрой толпы дисциплинированную боевую силу. Там же возникло и “временное правительство” – Совет вся земли, а вместе с ним приказы (средневековые министерства), монетный двор... Фактически Ярославль стал на время российской столицей.

Москва – обезображенная, обескровленная, почти мертвая – должна была отдать другому городу царственный венец старшинства.

Документы Совета земли начинались со слов: “По указу Московского государства бояр и воевод, и стольника и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского с товарищи...” У России не было тогда государя, но некоторые из его функций принял на себя князь Пожарский. На территории, контролируемой Первым земским ополчением, судили, выдавали грамоты на поместья, собирали деньги и занимались иными делами правления Трубецкой с Заруцким. Под их властью фактически выросло независимое южнорусское государство. Там, где стояли отряды Второго земского ополчения, утверждалось другое независимое государство – севернорусское. Минин и Пожарский собирали налоги, ставили должностных лиц, раздавали земли служилому люду, ставили в строй новые отряды точно так же, как их подмосковные “коллеги”.

Стояние в Ярославле продлилось до июля 1612 года.

Чем сильнее становилось Второе земское ополчение, а вместе с ним – независимое севернорусское государство, тем более накалялись его отношения с вождями подмосковного земства. Минин с Пожарским шли очищать Москву от чужих, а порой свои оказывались намного чужих горше. Приходилось применять воинскую силу, защищая города и земли от казачьего разбоя, прямо связанного с подмосковными “таборами”. Так, из Переяславля-Залесского к Совету вся земли приехали “...бить челом начальникам всякие люди, что им от Заруцкого утеснение великое: не только что опустошил уезд, но и посады. Начальники послали воеводу Ивана Федоровича Наумова с ратными людьми. Иван же пришел в Переславль, и казаков отогнал, и Переславль укрепил”¹⁸.

Заруцкий больше не воспринимался как союзник. Его “воровское” поведение обличали. С ним не хотели иметь дела. Его зов идти под Москву игнорировали, поскольку ни единому слову его не верили.

Чувствуя непримиримую вражду к Пожарскому, Заруцкий послал в Ярославль убийц. Открыто напад на Дмитрия Михайловича с ножом, один из душегубов ранил охранника, но князю не причинил вреда. Мерзавца схватили, пытали, и на пытке он во всем сознался.

На исходе июля Второе земское ополчение двинулось, наконец, к столице.

Авангардные части нижегородского ополчения скоро добрались до Москвы и там укрепились. А войско медленно шло от Ярославля к Ростову, от Ростова к Переяславлю-Залесскому, а оттуда – к Троице-Сергиевой обители.

Основные силы Второго ополчения добрались до Москвы 20 августа в канун дня святого Петра-митрополита.

С запада на город скорым маршем двигался мощный корпус гетмана Ходкевича. Столкновение с ним должно было решить судьбу российской столицы.

Ходкевич подступил к Москве утром 22 августа. Гетман двигался от Полонной горы к центру города. Он перешел Москву-реку близ Новодевичьего монастыря и, оставив рядом с обителью огромный обоз, устремился к местности у Пречистенских (Чертольских) ворот. “И начался смертный бой, – пишет современник. – А где великое сражение, там и много убитых! С обеих сторон был беспощадный бой. Друг на друга направив своих коней, смертоносные удары наносят. Свищут стрелы, разлетаются на куски мечи и копья, падают всюду убитые”¹⁹. Все источники как один говорят о страшном ожесточении вооруженной борьбы: шел “бой большой и сеча злая”.

Сражение продлилось несколько суток. Полякам сначала нанесли поражение на подступах к западной части Москвы. Затем разгромили вылазку кремлевского гарнизона. А после того, как Ходкевич попытался прорваться в центр через Замоскворечье, его разгромили и там.

Битва в Замоскворечье, на Большой Ордынке шла целый день и дорого обошлась обеим сторонам.

Тактические уловки утратили всякую ценность, обе стороны просто дрались на износ. Кто кого переупрямит. Превосходство польской армии в качестве, вооружении и дисциплине исчезло. А вот единственный козырь земцев – воодушевление людей, сражающихся за свою землю, – сохранил силу. Поляков понемногу ломали.

Хотел гетман такого исхода или не хотел, а его постепенно выдавливали с позиции в Замоскворечье. Ходкевич не выполнил стоящую перед ним задачу. Гетману требовалось доставить провиант осажденному в Кремле гарнизону. Что он теперь мог доставить, если телеги его с “ларями” достались мужественным ополченцам? Его армия утратила наступательный порыв. Ее морально раздавили на кривых московских улицах. Гетман не просто отступил, он лишился победоносной армии, оставшись с кучкой уstraшенных, едва спасшихся ратников.

В армии Пожарского принялись совершать молебны, благодарить в молитвах Пречистую Богородицу, московских чудотворцев и преподобного Сергия. Звонили колокола в уцелевших среди всеобщего разорения храмах. Священники отпевали павших. Тысячи тел нашли вечное упокоение в могилах. Велика была жертва, принесенная нашим народом. Ею куплены были свобода и чистота веры. Но более того – возможность продолжить путь из бездн шатости и скверны, куда погрузилась Московская держава.

Разбить Ходкевича означало – решить промежуточную задачу. Гетман шел спасать кремлевский гарнизон от голода. А гарнизон ждал помощи короля Сигизмунда III. В свою очередь, король мечтал укрепиться в Москве навсегда. А монарх польский и литовский мог набрать и более значительную армию, чем та, которой располагал Ходкевич.

Кремль с монастырями и соборами, со святынями и гробницами государей да разоренный дотла Китай-город парадоксальным образом превратились в опухоль, не дававшую ожить сердцу России. Пока стоял там непримиримый враг, пока горсть иуд прислуживала этому врагу и даже платила ему за военную службу, страна обречена была страдать от тяжелой хвори. Раньше твердыня кремлевская играла роль ядра для всего русского государственного порядка. Теперь добрый порядок мог восстановиться лишь с падением чужой силы, занявшей Кремль. Великий славный Кремль, никем никогда не взятый на щит, возвышался над умирающей страной как темная скала. Башни его торчали из тела России, словно острия копий, пронзивших живую русскую плоть.

Через две недели после ухода Ходкевича русское войско организовало бомбардировку Кремля и подожгло палаты князя Мстиславского, но полякам удалось потушить пожар. Несколько суток спустя ополченцы бросились на штурм Кремля, однако были отбиты²⁰.

Возникает вопрос: какие обстоятельства мешали ополченцам начать давление на Китай-город и Кремль сразу после победы над Ходкевичем?

Прежде всего, общее дело страдало от несогласия между главными полководцами двух земских ополчений.

Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой требовал от Минина и Пожарского если не повинования, то хотя бы формальных почестей, соответствующих высоте его рода; Пожарский не соглашался. «Начальники же начали между собой быть не в совете из-за того, что князь Дмитрий Тимофеевич хотел, чтобы князь Дмитрий Пожарский и Кузьма ездили к нему в таборы, — сообщает летопись. — Они же к нему не ездили, не потому, что к нему не хотели ездить, а боясь убийства от казаков»²¹.

Трубецкой должен был пойти на уступки ради общей победы. Честь его родовая стоила невероятно дорого по представлениям того времени... Надо отдать должное этому аристократу: он все-таки решил поступиться частью ее ради высокой цели. Единое руководство русскими освободительными силами стало неоспоримой необходимостью. Соединение двух властей потребовало жертв и от Дмитрия Тимофеевича. Он заключил с Пожарским компромиссное соглашение. «И приговорили — повествует летопись, — всей ратью съезжаться на Неглинной. И тут же начали съезжаться и земское дело решать»²².

С тех пор Пожарскому не требовалось признавать положение «второй скрипки» в оркестре военного командования, уезжая в чужой стан. Трубецкой в этом уступил. Но в документах, отправляемых по городам от имени земского руководства, первым писали Трубецкого. Тут уступил Пожарский.

И слава Богу! Меньше гордыни — меньше греха. Объединившись, русские стали сильнее. Малый шагок сделан был в сторону преодоления эгоистического духа Смуты, но совершили его великие люди и на виду у всей страны.

Из нескольких грамот земского руководства, разосланных в конце октября 1612 года, ясно видно, с какой радостью само воинство отнеслось к примирению воевод: «И были у нас посяместа под Москвою розряды розные, а ныне, по милости Божии, меж себя мы, Дмитрей Трубецкой и Дмитрей Пожарской, по челобитью и по приговору всех чинов людей, стали во единачестве и укрепились, что нам да выборному человеку Кузме Минину Московского государства достигать и Российскому государству во всем добра хотеть безо всякия хитрости, и розряд и всякия приказы поставили на Неглинне, на Трубе, и снесли в одно место и всякие дела делаем заодно и над московскими сидельцами промышляем»²³.

Что ж, тут было чему радоваться: всей земле вышло ободрение. Смута учила ссориться и раздроблять силы. Прямо противоположный пример вселял надежду на ее преодоление.

Однако преодоление розни между двумя полководцами далеко не исчерпывало проблем, стоявших перед земским воинством. Не напрасно Пожарский говорил о «розни» его людей с казаками. После общей победы она вспыхнула с новой силой. «Паки же диавол возмущение велие в воинстве сотвори: вси казаки востояще на дворян и на детей боярских полку князя Дмитрея Михайловича Пожарского, называюще их многими имении богатящихся, себе же нагих и гладных нарицающе; и хотяху разытиса от Московского государства, инии же хотяху дворян побити и имена их разграбити...» — рассказывает Авраамий Палицын²⁴.

Волнения, вспыхивавшие среди казаков, могли закончиться настоящим большим бунтом и даже вооруженной сварой между ними и дворянами. Пожарский призвал на помощь Троице-Сергиевское духовенство. Авраамий Палицын рассказывает о чрезвычайных мерах, пондобившихся для того, чтобы укротить казачью стихию: «И бысть в них (казаках. — **Д. В.**) велико нестроение. Сиа слышавше во обители чудотворца Сергия, архимарит и келарь и старцы соборные сотвориша собор: бе бо тогда, в казне чудотворцове скудость деньгам велиа бысть, и не введуще, что казаком послати и какову почесть воздати и о том у них упросити, чтобы ис-под Московского государства неотомстивше врагом крови христианския не розошлись...» — Парадоксальная ситуация! Свято-троицкое монашеское начальство размышляет, откуда бы добыть денег для умасливания казаков. Уже и речи нет о поучениях, о словах духовных, о проповеди крепкого стояния за веру. Что архимандрит Дионисий, что келарь Авраамий размышляют лишь об одном: как еще раздобыть им денег после того, как обитель претерпела страшную осаду и много раз помогала ратным людям? Дать-то уже нечего! Но с пустыми руками к казакам не ходи: они суровые воители, и мужество их требуется постоянно оплачивать. Тут одними поучениями точно не обойтись!

В итоге Троицкие власти решились просто отдать казакам в заклад бого-служебные предметы и одежды священников. Предполагалось, что в скором времени обитель святого Сергия выкупит их за тысячу рублей серебром – огромную для начала XVII столетия сумму. Двух серебряных копеечек хватало на суточную норму пропитания...

Посовестились казаки. Не стали обирать славнейшую обитель на Руси. Хотя и выломившиеся из общественного уклада, а все же христиане – не решились набивать мошну *подобным способом*. И за то следует воздать им благодарную память. Буйный народ, но от Христа не отошедший, не церковные тати, не вероотступники.

Укрепившись духовно, ополченцы взяли Кремль и Китай-город в крепкую осаду. Имеется множество свидетельств о том, на какие страдания обрек себя польский гарнизон.

“Вновь начался голод и до такой степени дошел, что всякую нечисть и за-прещенное ели, и друг друга воровски убивали и съедали. И, потеряв силы от голода, многие умерли”, – пишет русский современник о поляках²⁵. Когда вооруженная борьба прекратилась и ополченцы вошли сначала в Китай-город, а потом в Кремль, они увидели там устрашающие знаки недавнего прошлого. Разрытые могилы, кошачьи скелетики, чаны с засоленной человеческой. Мертвецов бережно хранили, развесив туши по чердакам. Драгоценное мясо закатывали в бочки – кое-кто из осажденных запасался провизией на зиму...

Трубецкой и Пожарский готовились к новому штурму, расставляли артиллерийские батареи, малыми группами прощупывали, сколь бдительно поляки охраняют стены.

Летописи четко указывают место и время, где и когда русские войска произвели атаку: “...на память Аверкия Великого”, “...с Кулишек от Всех Святых от Ыванова лужку... октября в 22 день, в четверг перед Дмитревскою суботою”. Иначе говоря, русские ударили со стороны Всехсвятского храма на Кулишках, там, где Китайгородская стена подходила к побережью Москвы-реки²⁶. Бой начался рано утром, когда бдительность польских караулов притупилась.

Та часть охраны Китайгородской стены, которая не успела отступить в Кремль, полегла на месте. Имущество ее казаки Трубецкого разделили между собой. Взятие Китай-города – большой успех. Мощные стены его представляли собой серьезное препятствие для земских отрядов. Когда ополченцы все-таки преодолели его, польский гарнизон должен был понять: дни его сочтены. Та же судьба в ближайшем будущем ожидает и последнюю твердыню, которую удалось сохранить от русского натиска. И результат нового штурма будет аналогичен тому, что произошло на предыдущем приступе: всех защитников просто перебьют.

По новому календарю 22 октября приходится на 4 ноября – День народного единства. Этот праздник исторически связан с последним большим боем между земским ополчением и оккупантами. Бой закончился победой русского оружия, он приблизил окончательное освобождение Москвы. Ныне историческая память о тех событиях обновилась: Россия славит героическое усилие земских ополченцев, проливавших кровь за очищение русской столицы.

Вскоре польский гарнизон принужден был сдаться на милость победителей...

Начались переговоры.

Первая достигнутая договоренность состояла в том, что перед поляками из Кремля выйдут русские. Авраамий Палицын пишет: “И прежде отпустили [поляки и литовцы] из града боярина князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи, и дворян, и Московских гостей и торговых людей, иже прежде у них быша в неволи”²⁷. Троице-Сергиевский келарь очень осторожен в выражениях. Действительно, многие из московских дворян и купцов оказались у польского гарнизона в жестокой неволе. Но кое-кто немало способствовал проникновению вооруженного врага в сердце русской столицы.

Казаки пришли к воротам, желая учинить расправу и ограбление кремлевских сидельцев. На этот раз они изготовились защищать свой материальный интерес силой оружия. “Казаки же, видя, что пришли на Каменный мост

все бояре, — повествует летопись, — собрались все с знаменами и оружием, пришли и хотели с полком князя Дмитрия биться, и едва у них без бою обошлось. Казаки же пошли к себе в таборы, а бояре из города вышли. Князь Дмитрий Михайлович принял их с честью и воздал им честь великую²⁸.

У ворот встречали русских людей, избавленных от осадного сидения, друзья их, родственники, добрые знакомые. Много ли, мало ли было темных личностей среди тех, кто оказался заперт в Кремле, а всё же стоит пожалеть их всех: не люди, а призраки выходили из заточения. Шли, покачиваясь, исхудалые и больные, едва живые. И современники с христианской жалостью отнеслись к ним. Их избавление сравнивали с освобождением зверя или птицы “из силков”²⁹, а значит, большинство несчастных ни в чем не провинились перед верой и отечеством. Просто попустил им Господь великое мучение. Расходясь от ворот, поддерживаемые руками родичей и товарищей, эти страдальцы находили стол и кров поблизости. По Москве уже стучали топоры, на пустырях, вокруг печиж воздвигались новые тесные хоромы, и там хозяйки грели пищу — для тех, кто давно не мог насытиться ею вдоволь. Пусть и скуден был этот припас в закромах отощавшей Седьмохолмой, но все же он явился для бедных людей истинным спасением.

Великий город оживал мучительно и трудно. Горячая кровь едва пробивала себе дорогу по венам его и артериям, намертво промерзшим в холодную зиму иноплеменного владычества. И люди, не веря себе, еще не разрешая себе надеяться на добрый исход, все-таки чувствовали: смерть отступает, холод отступает! Возрождается истерзанная Москва. На груди ее начинают затягиваться глубокие раны. Может быть, вернется сюда жизнь, может быть, опять закипит торг, опять звон колокольный по праздничным дням разольется от сотен храмов, ныне пустых и лишенных богомольного пения. Может быть, всё будет хорошо, и Богородица вновь расстелет в небе над русской столицей свой защитительный Покров. Может быть...

Почему Дмитрий Михайлович Пожарский вступился за кремлевских сидельцев? Могло дойти до настоящего большого сражения между вчерашними союзниками — казаками и дворянами! И не дошло, надо полагать, лишь по двум причинам. Во-первых, дворян под командой Пожарского оставалось изрядно, и казаки устрашились. Во-вторых, им, вероятно, обещали кремлевскую казну. Так почему Пожарский вновь вырвал у казаков из глотки живую добычу?

Смута разрешает убивать без суда и следствия, а добрый государственный порядок требует расследования. Прежде всякой казни, по закону Божеским и человеческим, необходимо определить, кто изменник и достоин смерти, а для кого уместно снисхождение. Дмитрий Михайлович желал соблюсти норму человеческого общежития, и за нее многим рискнул...

Такая его доброта давала московским жителям надежду: а вдруг и впрямь возвращаются времена, когда жизнь человеческая стоила больше, чем кусок хлеба? Меньше стало русских людей, дворянство сжалось, будто шагреновая кожа; наверное, там, наверху, в штабе Пожарского, начали понимать: больше нельзя разбрасываться жизнями соотечественников... Накладно! Если так, — полагали, очевидно, москвичи, — значит, забрезжил свет в доселе непроглядной тьме, накрывшей великий город.

И в конечном итоге князь оказался прав. Многие из тех, кто покинул Кремль в октябре 1612 года, пережив ужасающие месяцы заточения, станут крупными правительственными деятелями, послужат новому государю и России. Страшно обезлюдевшая страна нуждалась во всяких служильцах. Даже в тех, кто прежде являл колебания и измену. Многих, очень многих простили, следуя логике Пожарского. А простив, дали дело, дали возможность проявить добрые качества на благо державы. Новая, послесмутная Россия строиться будет на любви, на примирении, на забвении старых свар, а не на мести.

Кремль пал 26–27 октября 1612 года. “На память святого великомученика и чудотворца Димитрия Солунского”, — добавляет благочестивый московский книжник, видя промыслительную связь с именами обоих русских полководцев: Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского. Для двух земских воинств победа над иноплеменным врагом означала нечто гораздо большее, нежели простой военный успех. Она воспринималась как милость, поданная силами небесными. В ней видели мистический смысл и славили в первую очередь не

полководцев за их воинское искусство, а Пречистую Богородицу за Ее великое благоволение.

1 ноября оба ополчения совершили крестный ход с иконами и молитвенными песнопениями. Люди Трубецкого шли от Казанского храма за Прокровскими воротами, а люди Пожарского – от церкви Иоанна Милостивого на Арбате. Московское духовенство присоединилось к ополченцам. Первенствовал среди священнослужителей Дионисий, архимандрит Троице-Сергиевский. Две колонны сошлись у Лобного места, и тогда им навстречу вышел из Кремля архиепископ Арсений в окружении иереев, с чудотворной иконой Богородицы Владимирской в руках. Армия победителей отслужила благодарственный молебен Пречистой.

Тогда и миновал пик Великой Смуты. Русский корабль начал понемногу сходить с рифов.

В начале января 1613 года начал работу Земский собор. Его заседания проходили в Успенском соборе Кремля.

К Москве съехались многие сотни “делегатов”, представлявших города и области России. По некоторым сведениям, их число превышало тысячу. Собрали тех, кто сумел прибыть: иные опустевшие земли и послать-то никого не могли. К тому же, страна была переполнена шайками “воровских” казаков, бандами авантюристов всякого рода, часть их контролировали шведы, часть – поляки с литовцами, часть – казачье войнство Ивана Заруцкого. Но те, кто все же явился, представляли огромную территорию и могли совокупным своим голосом говорить за всю державу.

Худо им приходилось в голодной, разоренной, морозной Москве. Пищу, жильё и даже дрова трудно было отыскать в призрачном городе, занятом большей частью заиндевелыми печами да заснеженными пустырями, на окраинах которых робко теснились свежие дома-скорострой. Закопченные церкви вздымали к небу скорбные пальцы колоколен, печально плыл над развалинами звон, утративший прежнюю мощь.

Собор всей земли совершал великое дело восстановления русской государственности. Главной задачей его стало избрание нового монарха. “А без государя Московское государство ничем не строится и воровскими заводы на многие части разделяется и воровство многое множится, – справедливо считали участники Собора. – А без государя некоторыми делы строить и промышлять и людьми Божиими всеми православными христианы печися некому”³⁰. **Но определение проходило в спорах и озлоблении. Участники собора не быстро решили эту задачу и не единодушно. “Пришли же изо всех городов и из монастырей к Москве митрополиты и архиепископы и всяких чинов всякие люди и начали избирать государя. И многое было волнение людям: каждый хотел по своему замыслу делать, каждый про кого-то [своего] говорил, забыв писание: “Бог не только царство, но и власть кому хочет, тому дает; и кого Бог призовет, того и прославит”. Было же волнение великое”**³¹.

Имя Михаила Федоровича окончательно восторжествовало на соборных заседаниях 21 февраля 1613 года. Под сводами Успенского собора, главного для всей русской земли, его нарекли государем.

11 июля состоялось венчание на царство, а вслед за нею начались большие торжества.

В конечном итоге всё устроилось ко благу России. Господь благословил царствие Михаила Федоровича Романова. Страна с трудом, но поднялась, принялась восстанавливать силы.

Должно быть, это хорошо и правильно, когда народ, с невыносимой болью очищающий себя от греха, делает своим царем невинного отрока. Безгрешная его душа в сердце стонущей, полуразрушенной державы, под защитой сабель и пищалей, в окружении древних святынь и современной скудости милее была Богу, чем душа какого-нибудь прожженного интригана. Он ведь, наверное, и молился чище – за свой народ, за свою землю... Его слабость, его чистота лучше защищали страну, нежели бешеный темперамент столпов Смуты. Он почувствовал дух смуты, он видел, как поддаются вельможи соблазнам бесчинства, но сам не узнал падения. И Владыка Небесный был милосерден и щедр к молоденькому государю. Столько милосердия и щедрости не досталось ни многомудрому Борису Годунову, ни многоопытному Василию Шуйскому...

С его приходом Смута стала утихать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ульяновский В. Смутное время. М., 2006. С. 55.
- ² Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 82.
- ³ Шаховской С. И. Летописная книга. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 403.
- ⁴ Этот термин имеет позднее происхождение, в XVII веке так боярское правительство не называли.
- ⁵ Были и другие “статьи”: правительство хотело оградить русскую аристократию и дворянство от назначений на важные должности иноземцев и от потери ими особого, привилегированного положения в государстве; царю следовало править в “совете” с Думой. В первоначальном варианте эти условия давали гарантию для сохранения национально-культурной самобытности России. Но потом о них забыли.
- ⁶ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 103–104.
- ⁷ Хронограф 1617 года // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 351.
- ⁸ Хворостинин И. А. Словеса дней и царей, и святителей // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 459.
- ⁹ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. № 194.
- ¹⁰ Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 68.
- ¹¹ Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 69.
- ¹² Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 108.
- ¹³ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 108.
- ¹⁴ Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 61–62.
- ¹⁵ Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 64–65.
- ¹⁶ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 108–109.
- ¹⁷ Хронограф 1617 года // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 354.
- ¹⁸ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 121.
- ¹⁹ Шаховской С. И. Летописная книга. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 417.
- ²⁰ Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб. 1872. С. 327, 339.
- ²¹ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 126.
- ²² Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 126.
- ²³ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. С. 273, 274.
- ²⁴ Сказание Авраамия Палицына. Глава 68.
- ²⁵ Шаховской С. И. Летописная книга. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 417.
- ²⁶ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 26; Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 218.
- ²⁷ Сказание Авраамия Палицына. Глава 70.
- ²⁸ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 127.
- ²⁹ Шаховской С. И. Летописная книга. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 419.
- ³⁰ Акты земского собора 1612–1613 гг. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 189.
- ³¹ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 129.

МАРИНА СТРУКОВА

О ПРЕДКАХ — ТАМБОВСКИХ И РЯЗАНСКИХ

Мои первые воспоминания о бабушке: она в чёрной одежде и тёмно-синем ситцевом платке сидит под огромной цветущей вишней, низко разбросавшей белое кружево ветвей, и чуть покачивает детскую коляску, где спит моя младшая сестра. У бабушки профиль Ахматовой, она всю жизнь напоминала эту известную поэтессу. Удлиненный овал лица, нос небольшой, с горбинкой, серые глаза. Иногда бабушка снимала платок, чтобы расчесать и снова заплести свою длинную косу, которую оборачивала короной вокруг головы, закрепляя десятком шпилек и узорчатым гребнем. В волосах до последних лет было мало седины.

Другое воспоминание. Бабушка тихо говорит:

— Ксения умерла. — Отходит к окну и беззвучно плачет. Наверное, видит не наш вишневый сад, а рязанское село, где прошли детство и юность. Ксения — старшая сестра бабушки. Над поволжским посёлком яркое степное небо. Мне нет и пяти лет. Мои родители ещё не расстались. Я играю в войну с соседскими мальчишками. И уже написано первое четверостишие.

Бабушка приезжает к нам из Тамбовской области, из села Чащино. Последние двадцать лет живёт там. Прежде, не имея своего дома, меняя рабочее место, Струковы часто перебирались из района в район, из области в область. Дед и бабушка — оба педагоги. Бабушку такое кочевье особенно тяготило. Её детство прошло в семье, где дорожили крепким укладом, основательным хозяйством, старыми традициями.

Звали бабушку Елена Фёдоровна, в девичестве — Кочеткова. Она родилась 14 мая 1916 года в селе Соловые Чаплыгинского уезда, позже Раненбургского района Рязанской губернии. Умерла 15 января 2003 года в селе Чащино Тамбовской области. Родителей бабушки звали Фёдор Степанович Кочетков и Гликерия Петровна Пижонкова. Эти имена звучали первыми, когда бабушка читала Псалтырь, поминая умерших — за упокой, живых — за здравие: “Фёдора, Гликерии, Стефана, Агафии, Петра, Дарьи...”. Дальше шли перечисления её дедов и бабушек. Читала каждый день. Так же как молитвы, посвященные праздникам церковного календаря, а также утреннюю и вечернюю. Находясь рядом, я была невольным её слушателем, поэтому помню наизусть отрывки на церковно-славянском, да что там — некоторые акафисты почти целиком. По образованию бабушка была учительницей русского языка и литературы. Знание классики и высокая грамотность сочетались с глубокой религиозностью, воспитанной в семье, основой которой были вера и труд. Её отец был зажиточным крестьянином.

– Когда я была ещё маленькой для работы в поле, то порой оставляли следить за хозяйством. Вот уйдут старшие, я останусь одна. Накормлю скотину, уберу просторный дом, выскребу до желтизны некрашенные доски пола и жду у окна. Придёт отец, подхватит на руки, скажет: “Какая же ты у меня умница, Алёнушка!”. Иногда мать посылала меня отнести еду работавшим на жатве. Вот бегу я по тропинке, а хлеба – выше моего роста, сейчас они не так поднимаются. Подросла, стали брать на работу в поле. Хотя и батраки были у нас. Зной, хочется пить, вся вода в кринках кончилась. Пойдешь к роднику, а там мошкара, листва плавает, цедишь воду через платок...

У Елены были две сестры – Ирина и Ксения. Старшая – Ирина, родившаяся в 1906-м, семнадцатилетней умерла от простуды, ранней весной испулавшись в озере. Средняя – Ксения родилась в 1911 году, умерла в 1979-м, пережив ссылку, из которой удалось бежать. Замуж она так и не вышла, жила монахиней в миру, дала обет успокоить старость родителей.

Неподалёку в селе Дубовом находился святой источник. Со всей округи шли к нему за целебной водой. Люди уверяли друг друга, что заглянувший в колодец увидит икону, но каждый – свою: кому-то является образ Богородицы Казанской, а кому-то Владимирской, кому-то Иисус Христос, а кому-то Сергей Радонежский. Мать повела Елену, тогда шести-семилетнюю, в Дубовое. Среди зелени увидели замшелый деревянный сруб колодца, вокруг которого толпились богомольцы, пели молитвы, набирали воду. С трепетом, истоиво перекрестившись, девочка склонилась над дышащей холодом глубиной. Сверху и её и колодец накрыли холстом, чтобы ничто не отвлекало от созерцания. Елена оказалась наедине с тайной. В какой-то миг ей вдруг почудилось, что, всплывая сквозь чёрное стекло воды, засияло золото оклада, появился образ...

Ошеломлённая, выныривает она на свет, снова оказавшись среди шумного любопытствующего люда. Её спрашивают. А под холст вступает другой человек, жаждущий чуда.

Тогда уже наступило время Советской власти, которой святыни старого мира мешали. От святого источника решили избавиться. Приехал грузовик с грудой щебёнки, которую обрушили в колодец. Вода пробивалась сквозь щебень и продолжала течь. Привезли ещё камней. Ручеёк не иссякал. Через некоторое время ведавший этим мероприятием районный руководитель тяжело заболел, и ему не замедлили объяснить, что это, видимо, Божья кара. Раскаившийся начальник велел расчистить колодец, выздоровел, всё закончилось как в доброй сказке. Не знаю, такова ли на самом деле история, запомнимшаяся бабушке в детские годы. Прочла в интернете, что сейчас над колодцем воздвигли часовенку, туда по-прежнему ходят люди.

* * *

Елене Кочетковой не было и пятнадцати лет, когда её отца – Фёдора Степановича арестовали. Не отстреливал он красных на лесной дороге, не бывал в бандах, в отличие от другого моего прадеда Александра Струкова, но в разговорах с односельчанами отговаривал их вступать в колхоз и осуждал разрушение церквей.

Его дважды арестовывали – в 1924 году и в 1937 году за агитацию против колхозов, за отстаивание своих политических взглядов. Был в тюрьмах Раненбург, Ельца, Рязани, Петербурга, Москвы, где его пытали в Бутырках, чтобы добиться нужных показаний – обливали на морозе водой, а когда одежда замерзала, затаскивали в помещение. Дождавшись, когда одежда оттаёт, вновь вытаскивали на улицу и обливали водой. “Как Карбышева”, – сравнивала моя бабушка, вспоминая генерала, замученного немцами. Прадед Фёдор был сослан в ГУЛАГ. Отбывал срок на Соловках и на полуострове Ямал. Перевезён перед освобождением в Потьму. Отбыл срок десять лет. Когда вернулся, тех, кто его сажал, уже не было в живых. А у Федора Степановича ещё хватило сил построить дом семье, которая была лишена крова и уютлась чуть ли не в землянке...

Когда он отбывал срок, семью раскулачили, хотя и числились они середняками. Но надо было продолжать жить. Елена поступила в Раненбургское педагогическое училище, мечтая стать учительницей русского языка и литерату-

ры. В их семье детям прививали любовь к книге, родители, несмотря на скромное церковно-приходское образование, были по-своему просвещёнными, читающими людьми. Да и своих школьных учителей бабушка всегда вспоминала с теплотой и благодарностью.

...И вот юная Елена сняла комнату у пожилой жительницы Раненбурга, прилежно учится, начинает путь во взрослую жизнь. Сохранились её фотографии тех лет. Удлиненный овал лица, высокий чистый лоб, серьёзные ясные глаза под плавными дугами бровей. Хрупкая шея над ажурным воротничком скромного платья.

Тогда в Рязанской губернии вошёл в силу Союз воинствующих безбожников, созданный в 1929 году. Союз вел борьбу с религией, поддерживаемую средствами массовой информации. В Рязанской епархии закрыли около двухсот приходов. Комсомольская молодёжь педучилища старалась увлечь всех однокурсников и знакомых в ряды Союза. Елена решительно отказалась вступить в организацию. Директор пригрозил ей, что отчислит. Огорчённая девушка уехала домой. Но, видимо, красная общественность только пыталась брать на испуг. Пожилые авторитетные преподаватели, сами втайне не оставившие религию, заступились за Елену перед руководством и вскоре передали мятежнице, что она может вернуться к учёбе. Ближе к окончанию училища её настигло известие об аресте сестры Ксении, которую Елена привыкла звать няней — та была старше на десять лет и присматривала за ней в детские годы. Теперь Елена стала членом семьи врагов народа.

В районном отделе народного образования знакомая заведующая советовала ей устроиться на работу в другую область, затеряться в чужих краях. Летним утром тоненькая девушка с пышной русой косой ступила на перрон станции Богоявленск. Навстречу ей шагнул высокий темноволосый молодой человек. Директор сельской школы приехал встречать новую учительницу. По специальности математик, закончивший институт, он был ещё и художником-любителем. Молодые люди пришли по душе друг другу. Вскоре дружба переросла в более серьёзное чувство. Николай сделал Елене предложение. Они поженились в селе Козинки Богоявленского района Тамбовской области. 8 июля 1938 года у молодых родился сын Лев, 20 августа 1940 года родилась дочь Любовь. Струковы несколько раз меняли место работы. Работали в селах Тамбовской области: Алексеевка, Александровка, Сергиевка.

* * *

Дедушку забрали на финскую войну. Мне смутно вспоминаются обрывки его рассказов. О том, какими искусными лыжниками были финны. Неслышно возникали они рядом с расположением советских войск, бесшумно убивали наших и мгновенно исчезали в белом безмолвии морозной ночи. Однажды Николай и его друг стояли на посту возле большого склада. Застыли огромные оснеженные сосны. Облака клубились в звёздной бездне, и там, в туманном мареве, в неверном свете ему почудилось — увидел свою юную жену с младенцем на руках. И тут же сонное видение исчезло. Утром обнаружилось, что один из часовых зарезан финнами. Николай остался жив. Может быть, молитвами любящей жены. А старый солдат, воевавший ещё в Гражданскую, пояснил Николаю смысл его странного видения: “Это к долгой разлуке. Не иначе будет новая война”. Едва Николай вернулся домой с финской, как грянула Вторая мировая.

Бабушка осталась одна с двумя малыми детьми, дедушка снова ушел на фронт. Ей приходилось собирать колоски на колхозном поле, страшась, что заметят и арестуют. Печь хлеб с лебедой. Однажды бабушка с дочкой попали под бомбёжку недалеко от станции Чаплыгин, лежали во рву возле вагонов, а вокруг грохотали взрывы. Как-то, взяв лошадь у соседей, зимой на санях ездила за продуктами. Возвращалась вечером через лес, и тут стала преследовать стая волков. Елене было лет двадцать шесть—двадцать семь. Только представить себе это — одинокая молодая женщина в чаще, голодные звери, настигающие её. Только когда у околицы села загнанная лошадь ткнулась мордой в стог, возле которого стоял какой-то крестьянин с вилами, набравший сено для коровы, волки прекратили преследование. В нищете, поддерживаемая только старухой, матерью и сестрой Ксенией, Елена поднимала де-

тей, пока муж воевал. О Ксении мне известно вот что – лет тридцати она бежала из ссылки через тундру, едва не замёрзла, наткнулась на чум местных жителей, кого-то из народностей Севера. Дома была одна женщина. Смуглая узкоглазая северянка едва понимала русский язык. Но как-то они объяснились, хозяйка сжалась над русской беглянкой, дала ей еды и сказала: “Переночуешь в сарае, потому что скоро мой муж вернётся с охоты – не надо, чтобы он видел тебя”. Наутро показала Ксении дорогу к станции. Ксения рассказала бабушке о том, что якобы, когда по реке на плотах везли ссыльных монахинь, они молились, и вдруг деревья, стоявшие по берегам, стали кланяться им. Но это уже из области возвышенных религиозных преданий, которые всегда были любимы русским народом.

Дедушка мой, Николай Александрович Струков родился 10 мая 1909 года в селе Туголуково Борисоглебского уезда, ныне Жердевского района, умер в феврале 1988 года в селе Чащино Тамбовской области. Родителей его звали Александр Семенович и Евдокия Ильинична Струковы. У Николая были три брата – старший Василий, младшие – Иван и Алексей. Прадед Александр был из богатой семьи, а жену взял из бедной – за красоту, оберегал ее и любил, и жена намного пережила Александра. Умерла в Котовске, после мужа и троих сыновей, едва ли не в 112 лет. . .

В Котовск прадед Александр перевез семью после подавления антоновского мятежа, спасаясь от репрессий. Во время тамбовского восстания Струковы были его участниками.

Родовое село Струковых Туголуково появилось как казачий хутор Туголуков около 1719 года, основали его несколько донских казаков, получивших наделы от государя за службу на южных рубежах России. В архивах сохранились их имена, среди которых – Фёдор и Никифор Струковы. Кем они были – братьями или отцом и сыном – мне неизвестно. Предполагаю, что прибыли из Воронежа. А самые первые упоминания фамилии Струковых относятся к Туле – городу оружейников.

Село Туголуково, по словам старожилов, получило такое название оттого, что здесь гнули какие-то особые луки. Кроме этого, жители занимались коневодством. А ещё Туголуково славилось своими яблоневыми садами и по осени вело большую торговлю фруктами. Оно и сейчас утопает в яблоневых садах, а раньше было ещё краше.

Кстати, насчёт луков. Мне было пять лет, когда дедушка сделал для внучки игрушечный лук из большой кленовой ветки, и после, будучи школьницей, я каждый год делала лук и стреляла, а в студенческие годы отыскала в Москве клуб лучников и арбалетчиков. К сожалению, занятия там оказались мне не по карману. Но это отступление. . .

Продолжаю рассказ о семье, в которой вырос мой дедушка Николай. Его отец Александр Семёнович в молодые годы легкомысленно заявил отцу – зажиточному крестьянину:

– Батя, пахать не хочу. Купи гармонь, буду на свадьбах играть и так зарабатывать.

Потом женился по своей воле на красавице-бесприданнице и отделился от родителей. И пошли от прадеда Александра, который гармонь предпочёл плугу, Струковы, которым всё бы рисовать, лепить, в театре играть, сочинять стихи. Но об этом позже. А годы молодости гармониста Александра пришлось на Первую мировую и революцию. Зимой 1921 года в селе Туголуково был расквартирован оперативный штаб 1-й партизанской армии. Есть мнение, что антоновское восстание началось не в селе Каменка, а в Туголуково с нападения дезертиров на обозы продотряда в 1918 году. У села Туголуково была репутация “бандитского”, половина его жителей ушли к Антонову добровольно. В селе произошло несколько жестоких казней красногвардейцев. А красные брали в Туголуково заложников, убили большое количество людей, каждый из которых был, так или иначе, близок повстанцам. Когда я в 2005 году приехала в Туголуково, посмотреть на родину предков, мне показали деревянное здание старой школы, где антоновцы посекли саблями пленных продотрядников, стены в выщерблинах. Планировка села несколько хаотична, но это уже следственные истории – к крупному центральному селу лепятся еще несколько, более поздней постройки. Не улицы, а завихрения галактики. Буйное цветение садов: через изгороди, из проулков – пышное разноцветье сирени, яб-

лонь, жасмина, каштанов, бузины. Когда-то здесь собирали высокие урожаи, бурно развивалось местное производство. Ещё в середине XIX века действовало несколько небольших заводиков, восемь мельниц, пять кузниц, семь лавок, ямской двор. В Туголуковскую волость входили соседние, граничащие с ним села и деревни – Петровское, Дорогая, Старое Туголуково, Красная горка, были хутора и отруба.

Туголуковцы никогда не были крепостными, это оказало влияние на их характеры – самостоятельные, сильные, но эти черты всегда не нравились власти. После революции, поначалу, в Туголукове лояльно отнеслись к большевикам. Многие туголуковцы воевали у Чапаева, Буденного, Щорса. Конфронтация между крестьянами и новой властью началась из-за грабительских норм продразвёрстки, реквизиций и первых попыток коллективизации. Тогда и появилось определение “тамбовский волк”. Тухачевский покончил с партизанами в августе 1921 года, методы применялись радикальные. Наконец, махнув рукой на политические идеи, крестьяне поневоле вернулись к осиротевшим пашням, к голодным семьям. Со временем колхоз окреп, началось строительство новых школ, больницы, культурных учреждений. По свидетельству местного краеведа Анны Дмитриевны Сурковой, перед Великой Отечественной войной в Туголукове проживало 8000 человек, 1820 из них пошли на фронт, большинство из них добровольно – тут мне кажется любопытным наблюдением, что так рвались защищать Родину потомки антоновских повстанцев из эпицентра недавнего мятежа, нужно оценить сознательность людей, отбросивших счеты с новой властью во имя спасения Родины. Туголуковцы защищали Брестскую крепость, сражались за Ленинград, Курск, Орел, Смоленск. Возле школы огромная стела с фамилиями погибших бойцов, среди которых – десятки Струковых. Наша кровь. Через село, петляя, течёт узкая речка Савала, впадает в Хопёр. Я смотрела на крутой откос противоположного берега, и чудились на его волнистом гребне под жарко-синим небом Дикого поля всадники-мятежники из лихой банды. От буйной казачьей крови Струковых и жестоковейно-упрямых страдальцев за веру Кочетковых родился во мне вечный бунт против подлых законов мира.

У прадеда Александра и Евдокии было четверо сыновей: Василий, Николай, Алексей, Иван. Василий стал кадровым офицером, благополучно вернулся с войны, его сын Саша от жены Анны впоследствии также стал военным. Василий был яркой сильной личностью, его любили женщины, и Анна, насколько я знаю, была лишь очередной из жён. Тем удивительней казалось, что он увлечён керамикой, лепил, обжигал, дарил сувениры родным. Николай, мой дедушка, всегда любил живопись и рисовал действительно профессионально. Младший брат Иван играл в Тамбовском театре. А вот про Алексея ничего не знаю, только то, что, несмотря на плохое зрение, ушёл добровольцем на фронт. Иван тоже ушёл добровольцем. И эти двое младших Струковых погибли, защищая Ленинград. Иван похоронен возле села Тосно.

Дедушка мало говорил о войне, но что-то мне запомнилось. Например, лучшим его фронтовым товарищем был чеченец. Дедушка отмечал, что человек этот отличался исключительной отвагой и благородством. Дружья были готовы пожертвовать жизнью друг за друга.

Осталась в памяти и пара рассказов. События первого произошли в Польше. Советские части передислоцировались из одного населённого пункта в другой. Солдаты, и среди них мой дед, ехали в грузовиках среди полей. Заметили за посадками дгорающее село, где недавно кончился бой. А на обочине – идущую куда-то молодую женщину с грудным ребёнком. Командир приказал остановить машину, женщину задерживают – опасались немецких шпионов. Она плачет: дом сгорел, надо идти к родным в соседний посёлок. Дедушка заметил: командиру жаль задержанную, но приказ есть приказ, надо отвезти её в штаб и допросить. Через некоторое время машины остановились, солдатам разрешили отдохнуть, поесть. Женщина говорит, что хочет покормить ребёнка. Она стыдится солдат, отошла в сторону. Командир приказал побыть с ней рядом одному из бойцов. Прошло какое-то время, они не возвращаются. Слышится выстрел. Командир посылает дедушку взглянуть, что там происходит. Дедушка говорит: я прошёл через посадки, вижу – лежит

на траве наш солдат – убитый. Рядом ребёнок – тоже мёртв, голова разбита о ствол берёзы. Женщины нет. Значит, действительно не полячка, а немка. Видимо, ухитрилась вытащить из кобуры своего охранника ствол, прикончила парня, а ребёнка убила уже от ярости, да и был он, конечно, чужим – подобрала в сгоревшем селе для маскировки. И бежала...

Вторая история. Когда советские войска захватили очередной немецкий город, то, естественно, вели обыски – не спрятались ли где недобитые гитлеровцы. И вот заходят бабушка с товарищем в одну квартиру. Там только пожилая испуганная дама. Солдаты уже собрались выйти, и вдруг дедушкин однопольчанин видит на стене скрипку. И узнаёт её – скрипку эту оставил дома, уходя на фронт. Потом слышал, что город был разрушен, родные пропали. Мой дедушка хорошо знал немецкий, спрашивает у хозяйки, как скрипка попала к ней. Она отвечает: сын прислал из России. Сейчас его уже нет в живых, погиб на фронте. Скрипка осталась как память, он был музыкантом. Но призвали в армию, пошёл воевать... Она понимает, что происходит что-то не то, снимает скрипку, протягивает дедушкиному товарищу. Русский солдат берёт – да, это его инструмент. И тогда он начинает играть. По щекам хозяйки текут слёзы, солдат тоже плачет. Горе потерь сблизило их, музыка помогла понять друг друга. Уходя, солдат оставил скрипку немке...

Бабушка отмечала, что иные привезли с фронта дорогие трофеи, а дедушка захватил только набор открыток с репродукциями картин немецких художников, с которых позже копировал лирические пейзажи, да губную гармошку.

* * *

Мои младшие сестры родились одна на четыре года позже меня, другая на шесть лет. Для младшей я стала крёстной. Крестили в соседнем городе Балашове. Помню: иду вокруг купели с невесомым младенцем на руках. Много позже узнала, что нельзя девочке становится крёстной для девочки – отдаст крестнице своё счастье. Порой мама, занятая с младшими сестрами, отвезила меня к бабушке на Тамбовщину. Село Чащино, бывшая станица Зверевое. У бабушки и деда высокий деревянный дом, крашенный коричневой краской, под бордовой крышей. Усадьба просторная. Кроме большого яблоневого сада – видимо, дедушка не мог забыть знаменитые туголуковские сады, – огород и луг. За лугом и садом глубокий овраг, поросший гигантскими клёнами и осокорями, опутанный плющом. Овраг тянется через село до далёкой реки Вороны. Село стоит на высоком берегу, а на противоположном, плоском – узкая полоса леса. Двор Струковых отгорожен от улицы плетнём, да, настоящим плетнём, тогда он был прочен. В детстве я играла на песке возле него, пронизанного тонкими стеблями цветущей повители. Играла в малывы: мы с соседской девочкой срывали несколько цветков и считали их принцессами, живущими во дворце из лопухов. В саду стояли сараи, в одном из которых хранились дедушкины кисти, краски, холсты, трафареты лозунгов, потому что порой его просили нарисовать плакаты для сельсовета или клуба. Меня тянуло в эту мастерскую. Но маслом я рисовать не умела, зато дедушка регулярно дарил мне акварель, фломастеры, альбомы и красивые записные книжки для стихов. Первое стихотворение я сочинила в четыре года и с детских лет серьёзно относилась к творчеству. Родные поощряли это увлечение.

Одна из стен чащинского дома была специально заклеена широким листом бумаги, где я – ещё дошкольница – могла рисовать, помню, что это были машины и люди. В самой большой комнате находился иконостас. Там были иконы самого разного времени, письма и происхождения. Современные – на холсте, древние – на дереве, журнальная репродукция с кающейся Магдалиной. Крошечные и большие образа висели над треугольным столом, на котором теснились прутья высохшей вербы, пучки свечей. У стола внизу крепилась полка, где лежали массивные тома “Жития святых”, а на полу под ним стояли банки со святой водой от разных праздников.

Всю жизнь бабушка признавала одно лечение – просфору и святую воду. Она надеялась на Бога и ценила силу живой природы. Говорила о том, как

чист воздух в деревянном доме и как любим ею яблоневый сад, посаженный дедушкой. Когда я ребёнком гостила в Чашино, бабушка покупала у соседней парное молоко и обязывала меня выпивать литровую кружку.

Она и дедушка гуляли со мной по селу. Помню бурты пшеницы и ржи у тока. Огромные ивы на лугу. Резные, разноцветные крылечки домов, где сидят женщины, что-то обсуждая. Вот мой дядя Лев Николаевич вернулся с рыбалки, и в ведре с водой ждёт своего часа большая щука, бабушка остерегает: “Не трогай”...

В Чашино было много книг: научных – по алгебре, геометрии, физике, и художественных. Я часто перечитывала повести Гоголя и поэмы Лермонтова. Были альбомы открыток с репродукциями и учебники: как работать с масляными красками, как рисовать людей, животных, пейзажи. Дедушка дарил мне, ученице младших классов, сборники классиков: Фет, Тютчев, Бунин.

Верующим он не был. В вопросе религии они с бабушкой разошлись, но не спорили на эту тему. Она ездила по церквям и монастырям, беседовала с отшельниками и старыми священниками, соблюдала все обряды и посты. Теперь я думаю: интерес к религиозной философии зародился у меня тогда, был он и у бабушки, рассуждавшей о судьбах святых, о православию и его влиянии на историю, на судьбы людей. О Боге и мире... Библия – толстый том с гравюрами Доре – была прочитана мною в детстве несколько раз и воспринималась как историческая книга.

Историческая литература всегда интересовала меня. Мне было десять лет, когда попросила бабушку научить меня церковно-славянскому. Тогда я была очень увлечена поэмой “Слово о полку Игореве” и мне хотелось читать её в оригинале – с репродукций листов старинной рукописи, размещённых в какой-то книге. Старинные слова я уже понимала. Бабушка открыла псалтырь, обшитый вытертым от времени чёрным бархатом, с царём Давидом на развороте, и дала мне первый урок. “Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...”. Я помню этот псалом и отрывки из других наизусть. В церковь я ходила, бабушка даже пыталась настроить меня петь в церковном хоре, но таланта не обнаружилось. Да и личное отношение к вере было сложным.

* * *

На Тамбовщине мы жили в селе, где тогда была единственная на весь район церковь. Открыли её после того, как бабушка с ещё одним человеком, имени его не помню, съездила в Москву к какому-то высокопоставленному чиновнику. После обращения к нему в селе разрешили построить молитвенный дом. Прежнюю настоящую церковь с высокой колокольней поджёг в годы создания колхоза по собственной инициативе какой-то пьяный комсомолец. Она сгорела, на этой территории – напротив школы – позже поставили памятник солдатам, погибшим в Великую Отечественную. Школу закрыли несколько лет назад, она пережила несколько войн, революцию, но не реформы, изгнавшие из села молодёжь.

Видимо, бабушку привлекала именно церковь, когда она расхваливала маме тамбовские края, уговаривая переехать из Романовки. Представлялось сказочное село на зелёной горке, увенчанной белой церквушкой. Действительность оказалась гораздо непригляднее. Сырой кирпичный дом с решетками на окнах. Неприятная обстановка. На всё село несколько фамилий, все родня друг другу. Мы словно попали в чужое племя. Никакого благолепного русского крестьянства, о котором любят ворковать писатели-деревенщики. Я выходила за околицу и с тоской глядела в сторону потерянной родины – Романовки. Это была ностальгия эмигранта. Свою родину я потеряла в семь лет. И если в стихах звучала любовь к родине, то это именно посёлок в Саратовской области. Бабушка разделяла наши проблемы. Отдавала часть пенсии маме, которой пришлось поднимать троих детей. Тамбовщина запомнилась нищетой и чуждым окружением. У меня было несчастливое детство. Бабушка умела находить радость в вере, ничего не требуя от Бога, но мне нужны были доказательства. То, что было для моих близких одухотворено высшим смыслом, для меня осталось открыто-ярким набором ритуалов.

Православные праздники.

Рождество: за домом огромный сугроб – до крыши, дорожки в глубоком снегу. Ёлка. Бабушка с улыбкой слушает, как мы – три девочки – поём по её просьбе: “Рождество твоё Христе Боже наш...”.

Крещение: на столе свеча и чашка с водой. Бабушка утверждает, что когда Христос войдёт в волны далёкого Иордана, вода вздрогнет. И я жду этого отзвука, этого шага то ли из прошлого, то ли из будущего – с берега в воду, в Палестине с гравюр Доре, где под пальмами на волнистом песке – караваны, воины, пророки и красавицы.

Вербное: бабушка старается хлестнуть нас, уворачивающихся от неё, пушистой веткой вербы: “Верба, хлёт, бей до слёз на доброе здоровье!”.

Пасха: накануне мама печёт куличи, порой мы на всю ночь идём в церковь. Крестный ход вокруг белого здания среди берёз; свечи в ночи, звёздное небо над нами, блеск окладов, украшенных цветами из фольги, высокие хоругви.

Троица: на лугу рвём охапки травы, вперемешку с цветами и люцерной разбрасываем по полу.

Помню, что после Ильина дня не ходили купаться на пруд.

Освящённые яблоки Спаса...

Бабушка любила петь духовные стихи на библейские сюжеты. У неё был хороший музыкальный слух и звучный голос. Любимые произведения были переписаны ею в тетрадь. Позже я заинтересовалась, кто авторы текстов, и обнаружила, что в большинстве своём это русские поэты-классики. Другие сочинения оказались народными старообрядческими. Кажется, больше всего ей нравился стих “Христос и самарянка”: “Под тенью навеса на выступе гладком Сидел у колодца Христос, Пришла самарянка обычным порядком. Наполнила свой водонос. Христос попросил поделиться водою, Она же сказала в ответ: “Ведь я самарянка, а с нашей средою Общениа, кажется, нет”. Христос ей сказал: “Если б только ты знала, Кто воду живую творит, Сама бы просила, сама бы искала Того, кто с тобой говорит”...

Она знала много народных притч, апокрифов, странных мистических историй из реальной жизни, где людям являлись святые и нечистый. Некоторые истории были весёлыми, бабушка умела рассказывать с юмором. Например, о загулявшей колхознице, которую, когда она возвращалась под хмельком домой через морозное поле, предложили подвезти на санях бесы, да так подвезли, что она, случайно перекрестившись, очнулась, сидя на краю проруби, в которую уже опустила ноги.

Кроме околоцерковной литературы, для чтения она предпочитала общественно-политические издания. К демократам относилась не лучше, чем к коммунистам, будучи скорее монархисткой. Всё лучшее для неё осталось в дореволюционной имперской России. И в современности бабушка любила то, что напоминало о патриархальной старине, где в основе бытия – вера и труд.

Для меня проблемой сельской жизни был картофельный огород. Его вспахивали по старинке, нанимая пахаря с лошадей, шли вслед, бросая семенную картошку в борозду. Потом пололи, окучивали. Я воспринимала это как каторгу. Бабушка – как естественную часть существования. Когда гостила у нас, многие хозяйственные дела начинались по её инициативе. Это был человек старой закалки. Из старой, корневой России, строившей жизнь в соответствии с определёнными принципами верности устоям, семейным заветам. Послереволюционная ломка общества вынудила её покинуть родные края, оторвала от родных, оставив только воспоминания и веру.

Во взаимоотношениях с людьми она старалась быть беспристрастно-вежливой и выносила только взвешенные суждения. Считала, что каждый будет судим по своим делам, и молилась за врагов.

В сёлах послевоенного времени среди обычного люда порой ещё появлялись подвижники, напоминающие монахов в миру, а может, и бывшие ими. Одним из них был некий Петр Григорьевич. Бабушка много рассказывала о нём – смиренный молитвенник, очень мудрый. Когда односельчане стали слишком превозносить этого старичка за праведную жизнь, Петр Григорьевич совершил странный поступок: явился на свадьбу к соседям и стал отплясывать там столь лихо, что тут же подвергся осуждению знакомых: “Древний старик, а так и чешет вприсядку, да ещё и выпил, наверное”. Через несколько минут один из гостей случайно заметил Петра Григорьевича, сидящего за амбаром на траве. Старичок снял сапоги, перевернул их вниз голенищем, и оттуда потекла кровь. Гость не сдержался, подбежал к Петру Григорьевичу:

– Что происходит?

– Не рассказывай никому. Я внутрь гвозди набил, остриями вверх. А плясать пошёл, чтобы люди святым не считали, не хвалили, пусть видят, что и я грешный простой человек, как все.

Но и в годы моего детства в глуши можно было наблюдать подобных личностей. Из соседнего села ездил на автобусе в нашу церковь Ваня, белолицый, с русыми кудрями паренёк. Ваня был умным, начитанным, фанатично увлечённым религией. До такой степени, что отказался признавать все государственные институты, сжёг паспорт, не вступил в комсомол, отверг возможность учиться, жил отшельником, стремился только спасти свою душу. Говорили, что носит вериги.

Да, не только в старину появлялись на Руси такие характеры, которые небесное царство предпочли всему.

Монашка Евгения Золотая, прозвище такое. Крайний домик на улице. Бабушка рассказывает: Евгения с простодушной гордостью показывала ей своё монашеское облачение, приготовленное на смерть. Очень ей было по душе, что будет в нём лежать в гробу. Другая бабушкина знакомая заранее купила себе гроб и порой спала в нём. Бабушка останавливалась у неё, когда ездила в Балашовскую церковь.

Очень чтила за мудрость нашу старенькую односельчанку Марию Константинову.

Православная Россия жила параллельно советской, а потом перестроечной России – где-то по медвежьим углам сидели старушки-прозорливицы, выстраивались очереди за советом к монастырским старцам, люди ездили к святым родникам, передавали сны, в которых являлись святые угодники, из церкви приносили брошюры, где рассказывалось о грядущем электронном концлагере. И странно, что я ещё подростком узнала это, в глухом селе. Откуда пришли эти полузапретные тексты? Кажется, из Русской церкви за рубежом. Бабушка говорила, что после всех событий, описанных у Иоанна Богослова, однажды в небе появится огромный крест, это и будет началом Страшного суда...

Дедушка умер в Чащино зимой 1987 года. Морозная пурга была в тот день, мать не могла поехать в соседнее село, оставив нас. Чтобы отвлечь детей от печальной новости, отдала нам подготовленные к Новому году игрушки, но я не отреагировала на подарки. Игрушки эти навсегда остались для меня вещами того чёрного дня.

Весной мать поочерёдно отлежала с обеими моими сёстрами в больнице. Я бродила по улицам мрачная, в мальчиковом коричневом пальто, ждала самого худшего. Появилось мироощущение взрослого человека, подавленного неприятностями. Думаю, тогда и кончилось детство. Летом меня, двенадцатилетнюю, впервые напечатали в местной газете...

Позже я видела дневник, который дедушка вёл в последние годы. Запомнилось, что на исходе дней он переписал туда строки Есенина: “До свиданья, друг мой, до свиданья. Жизнь моя, иль ты приснилась мне...”.

На память остался старый фотоальбом да несколько картин. И фамилия Струковых, под которой я решила публиковаться.

Бабушка пережила мужа на шестнадцать лет. Она всегда живо интересовалась судьбами своих детей и внуков, правнучки Виктории. Читала наши статьи и стихи. Поучала, наставляла и, критикуя меня, сурово подчёркивала:

– Таких в нашем роду – не было!

АЛЕКСЕЙ ТАТАРИНОВ

СМЕРТЬ РУССКОГО ГЕРОЯ

О романе Петра Краснова “Заполье”

Пётр Краснов живет в Оренбурге. В его краях я был всего один раз, но какой раз! Летом восемьдесят пятого года хилым юношей оказался в Тоцкой дивизии и служил два года, тяжело вращаясь в армейское сообщество, балансируя на грани последней депрессии, от которой был избавлен героическими усилиями матери и временами накачивавшей собственной волей, приходившей, наверное, из моего будущего.

Книжный мальчик, любивший трагические сюжеты и боявшийся реальности, я не знал слово “антисистема”, но находил ее повсюду: в 42-килограммовом снаряде, не подвластном мышцам интеллигента; в злобе офицеров, всегда помнивших о том, что до ближайшего – бузулукского – винно-водочного магазина надо добираться 70 километров; в архаичных танках, которые полчаса заводились, но так и не могли выехать из бокса; в самодовольных улыбках узбеков/туркменов/азербайджанцев, доминировавших национальными стаями над разрозненными русскими гнездами; в несоответствии повсеместно размещенных лозунгов правде стремительно нарастающего распада, гибели Советского Союза. Антисистема проступала даже в тусклых досках казарменного пола, который мы, призванные из Уфы студенты, чистили до одурения осколками бутылочного стекла.

Хорошим солдатом мне стать не удалось. Воспоминание об этом помогает, когда захлестывает безосновательная гордыня. Но кое-что мне удалось понять. Армия была наглядной моделью нашего разрушающегося государства. И все-таки главной антисистемой в оренбургских степях был я сам: забыв о том, что начавшейся молодости, о том, что хожу по своей земле, долго пребывал под атакой вируса катастрофического недовольства жизнью. Как обреченный дурак, не мог включить механизмы воли, носился со своей слабостью, обвиняя армейский сюжет и всех, кто мог быть повинен в моей двухгодичной тюрьме. Антисистема существует. Но самое страшное, когда приходит мысль: она настолько существует, что уже нет смысла существовать тебе. Я выжил тогда, и слава Богу. А вот главный герой романа “Заполье” выжить не сумел.

У него, впрочем, условия несколько иные. Иван Базанов помещен автором в 90-е – не лихие, а муторные в однородности развала и тоски. Он еще сравнительно молодой, но уже опытный журналист, сохранивший честь и способный дать себе полноценный ответ на вопрос о происходящем в стране, о том, какие идеи и люди разрушают Родину. Владимир Мизгирь, человек не-

определенной профессии, неясных связей и непроясненных задач, начинает атаку на Базанова по двум фронтам. Во-первых, он предлагает ему возглавить новую, весьма серьезную газету, похожую на патриотическое издание, способное разоблачить преступников. Во-вторых, Мизгирь окутывает собеседника риторикой тщательно продуманного богоборчества, навязывая представление о “мерзкой данности творения”. Базанов стал редактором, усилил и до Мизгиря сидевший в нем бунт против условий существования, когда нечестивые торжествуют, а праведники обречены на быструю смерть.

Базанов собрал коллектив, ни разу не испугался острых тем, сделал газету по-настоящему успешной. Но на его лице нет радости. Безнадежно холодно дома: жена Лариса, даже родив дочку, не смягчилась, осталась агрессивно чужой и настояла на разводе, запретив Ивану общаться с ребенком. Вторая женщина, Алевтина, пришла к герою из мира богемы, блуда и ледяной философии, призывающей женщину интересоваться мужчиной до тех пор, пока он любым способом завоевывает мир, одаривая спутницу деньгами и энергией успеха.

Мизгирь, возвышаемый автором до роли стратега управляемого распада, все сделал для того, чтобы соратники Базанова погибли, а сам он остался без женщины, редакторской должности и самой газеты. Появилось время узнать о причинах недомогания и похудения. Бороться с онкологией помогают врачи, друзья, искренняя женщина Лиза, способная любить так, как никто никогда Базанова не любил. Есть шансы на выздоровление, сам герой понимает, что многое находится в его руках, точнее, в его атеистической голове, в которой, наконец, должно прекратиться крушение мира и его Творца. Драматическое равновесие сохраняется некоторое время, но внутренняя энтропия перевешивает, и Базанов, бросая клинику, возвращается к матери в родное село, чтобы много страниц приближаться к гибели, смешивая в последний раз лучи возможного света с образами пустоты и непроглядной ночи. Зная, что не жить Базанову, автор показывает, как он умирает.

Если говорить об ощущаемой Петром Красновым традиции, то она там, где “Пирамида” Леонова и один из флангов романов Достоевского: объемные диалоги о кризисе человека и его возможном преодолении; атеистическая метафизика, использующая образ библейского Иова; падшая природа революции, решающей отнюдь не прагматические задачи. Жизнь человеческая тяжела, темна в своем течении и ведет к смерти, задолго до конца превращая душу в выжженную землю, по которой стелется дым. Мизгирь это проповедует. Базанов от этого умирает. Автор с этой идеей работает, стремясь показать, как совершается перенос внешней антисистемы в сознание человека, отвечающего смертельной болезнью на нестроения агонизирующего государства.

Мизгирь – демон “Заполя”: в этом сила и относительная уязвимость образа. На рубеже XIX–XX веков он мог быть главой общества декадентов–практиков, погрязших в разврате и богохульстве. В период созревания революции должен был стать двойным агентом, играющим на присутствии зла в обеих противостоящих системах. В разгар террора такие кадры могли создавать немыслимые сюжеты обвинения, в которые, как в воронку, втягивались невинные. В 90-е годы ушедшего века Мизгирь – кочующий масон, способный водить за нос правых и левых, незаметно обогащаться, наращивая личное влияние, организовывая показательные нападения и заказные убийства.

Мизгирь – деловой человек, незаменимый в легализации темных проектов. Он же – “Крошка Цахес”, “парадоксалист”, “содомит” и Вечный жид, решивший провести безлимитное время в провокационной деятельности профессионального искусствителя. Его сознание интересует автора как пространство откровенно черной пустоты, в которой потенциальная гибель страны сочетается с крушением отдельной личности.

Человек есть “шкурка, набитая скоропортящейся плотью”, он “опущен в физиологическую дрянь”. Мир – “безусловный конфуз создателя”, вся красота бытия – иллюзия, плохо скрывающая смерть. Бога ничем нельзя оправдать, все “злое творенье” – обвинение ему. Не за что любить “жизнёшку”. Христос – не аргумент: “По-настоящему спаси, чем представление на горе Лысой этой, голгофе устраивать, трагифарс!.. Чем провинилось создание твое, этот самый сапиенс, в корчах живущий, в страданиях – свободой воли, тобой же даденной и крайне сомнительной...”. Кое-как перенося пространственность мира, Мизгирь не может смириться с категорией времени, обре-

кающей все живое на неминуемое уничтожение. Денница не виноват, не бунт он устроил, а апелляцию подал.

Все это слышит Базанов, и в его сознании поселяется *внутренний Мизгирь*, спровоцированная актуальным мерзавцем национальная хворь — мироотрицание, нашедшее место в душе совестливого мужика. Ему бы биться с врагами России, с теми, кто унижает женщин и детей, посвятить жизнь освобождению земли от захватчиков, живущих на соседних улицах. Вместо этого русский атеист Иван Базанов продолжает воевать с Богом. И жизнью доказывает, что Мизгирь добился своего: заставил Базанова поверить, что нельзя вымести нечисть, потому что этого не хочет Бог.

В поиске формул, выражающих неприятие мироздания, Базанов опережает своего искусителя. Жизнь — “беспощадный беспредел”, мир гнусен и изначально жесток, он — “свинюшник”, “зверинец”, “всепожираловка”, “худшее из богохульств”. Повсеместно одолевает “вонючая грязь реальности” и бросает в глаза “мерзкая история человечества”. Картины ада срисованы с земных сцен, и “впору думать, что демиург сотворил это страдалище земное, чтоб питаться энергией”. В России 90-х все эти мысли получают поддержку социальных сюжетов, и читатель видит, как наша страна оказывается прекрасным местом для тех, кто вынашивает мироотрицание, получая необъяснимое удовольствие от систематизации фактов людских падений.

У героя есть старая мать, ребенок, женщина, соратники и друзья, есть талант, работа, обязанная стать служением, но ничто не перевешивает нарастающее “отвращение к злобному существованию”. Беда в том, что особое понимание мира приводит Базанова к желанию оскорблять мир в своих размышлениях, и на многих страницах романа разворачиваются картины нестроений, исключающие возможность хоть какого-то сближения с гармонией. И все меньше размышлений о проблемах России, но все больше горьких слов о коррозии вселенной.

Базанов — пример русского человека, одержимого реальностью собственного поражения. Он заранее готов проиграть, знает, что будет только хуже, и это особенно заметно в истории его личной жизни. Он играет “вторым номером” и с женою Ларисой, и с любовницей Алевтиной, и с Лизой, которая добра, тепла и человечна, но — поздно, слишком поздно. Базанов не замечает, как собственная супруга превращается в зверя, терзающего его не слишком сильную душу. Она не хочет крестить дочь, и Базанов как-то соглашается. Она ведет дело к разводу, и Иван следует за ее решением. *Крыса Лариса* лишает отца возможности видеть ребенка, и почти героический редактор вроде бы оппозиционной газеты ходит по обочине парка в надежде мельком увидеть дочь. “Редкая против пошлости устоит женщина”, — сетует герой, забыв, что он мужчина, у которого есть право поставить распоясавшуюся дрянь на место, взять судьбу в свои руки. *Заткни ей рот и поставь в дальний угол, чтобы это существо с “лихорадочно сухими глазами”, “не переносящее весну”, заскулило и перестало брызгать ядом!*

Куда там! Не успев развестись, герой попадает в лапы другой хищницы. *Ты хоть посмотри, что за баба бросает тебя в свою постель, изрядно измятую предшествующими любовниками!* Алевтина — дитя декаданса и постмодерна, любящая вырождение и не переносящая “кривые заборы” русского реалистического искусства. Предпочитающая пафосные позы и неумемное кокетство, эта “прошмандовка”, удивляющая Базанова искушенностью в постельном спорте, вертит им до тех пор, пока Базанов сохраняет редакторское место и шарм успешного человека, который неплохо смотрится в ее неприбранной квартире, забитой дорогой мебелью и техникой. “Ты нуль, круглый дурак, лузер, отброс, лохмэн идейный”, — слышит от нее Иван, едва потеряв работу.

Заболевший, ковыляющий от одной химиотерапии к другой, Базанов был найден любимшей его Лизой — искренней, радостной, женственной, готовой нести на себе русского героя через все поля сражений. *Ты сделай все, чтобы полюбить Лизу, согрейся наконец!* Молодая женщина, которая обрела счастье в разобранном мужчине, “хочет в завтра”. Вроде бы Иван не против, но опять впадает в вялость, не может дорасти, добраться до той любви, которая сгребет в ладонь все его головные недуги и швырнет в сторону Володи Мизгиря. Духовное безлобие Ивана Мизгиря превращает в активнейшую внутреннюю агрессию, и Базанов не замечает, что объектом агрессии оказывается не какой-то внешний враг, а его собственное сознание, которое отрави-

лось негативной идеей и послало сигнал в глубины организма. Поэтому размышлять о несовершенстве бытия Ивану слаще, чем начать строить простую жизнь, где есть место для повседневного света.

Иногда Базанов вспоминает своего старшего брата Василия, безвременно погибшего. Добрым и тихим был Василий. Никому не делал зла, ценою собственного здоровья смог спасти парнишку, который получил сильнейший удар током. Был несчастлив в семье и молча, ни с кем особо не разговаривая, носил свою печальную думу, необъятную тоску, не имеющую одной-единственной причины. Как и многие стихийные гностики, ничего не слышавшие о Валентине и Василиде, никогда не читавшие “Евангелия от Фомы”, стал пить. Сначала просто пить, а потом так, как ни у кого, кроме русских, и не бывает. Василий повесился, зло он мог принести только себе. *Ты посмотри на брата – хорошего человека, который должен был правнуков в школу водить, а вместо этого лёг в могилу, никого не родив, ничего не оставив, кроме родового вируса, уже заразившего тебя!* Все это Базанов знает, пытается исцелиться, но у него ничего не получается.

“Заполье” – русская трагедия, но приобщение к ней осложнено двумя объемными потоками информации: *производственным*, связанным с долгими обсуждениями газетного дела, хотя и в контексте судьбы основных героев, и *публицистическим*, обращенным к детализации историософских идей, сохраняющих смысловую стабильность на протяжении повествования. При таком числе страниц и многочисленных вариациях уже прозвучавших заявлений идея рискует превратиться в *стиль*, в некий навязчивый лейтмотив. Энергия взрыва нуждается в локализации пространства. Силе трагедии способствует отсечение. Думаю, оно увеличило бы число читателей “Заполья” – одного из самых масштабных русских романов нового века.

Автор длит повествование, дает каждому герою высказаться полностью, развернуть свою картину миру, позволяет Базанову снова и снова обрушивать на нас внутренний монолог, надеясь, что произойдет чудо и главный герой на последнем вираже сумеет вернуться в жизнь. Но герой уже “не хочет” и “не может”.

Чуда не происходит. А я вспоминаю своего отца. В начале 80-х отец, никогда не веровавший в Бога, начал говорить мне о близком воцарении дьявола в истории, о том, что ресурсы добра исчерпаны, а окончательное поражение рода людского не за горами. Горбачевское время укрепило его в апокалиптизме, который отец пытался выразить и философскими построениями, и математическими формулами. Я не мог до конца понять его нарастающее отчаяние, чувствовал, что он ищет и не находит какого-то сверхочевидного слова, призванного все расставить по местам, сделать главное предельно ясным. На все замечания о наступлении эпохи свободы и удивительных возможностей отец указывал на катастрофу устойчивых русских границ, на приходящего *золотого тельца*, и считал это симптомом чудовищного кризиса человека, с которым вряд ли ему удастся справиться. К девяносто четвертому году все чаще отец стал чувствовать недомогание, нарастающую слабость, к врачам, как и прежде, обращаться отказывался, терпел боль, носил ее в себе и узнал об онкологическом диагнозе за полмесяца до смерти, когда не было смысла ни в операции, ни в химиотерапии.

Иван Базанов – падший бунтарь или павший герой? Он так часто и обстоятельно говорит о своем скепсисе и мироотрицании, так настойчиво нападает на Творца и творение, что слово о безнадежном падении представляется возможным. При желании можно обвинить его в бездействии и кощунстве, в том, что проиграл себя, не защитив страну.

Логика “Заполья” и жизненный опыт подсказывает мне другой ответ: Базанов – далекий от праведности мученик 90-х, растерзанный своим неприятием новой русской жизни. Наблюдая за глобальной перестройкой, Иван не способен остановиться в горестных и одновременно дерзких выводах об ущербности текущей истории, отражающей более значимую и не нами созданную *трещину*. Он не стал челноком или киллером, не выбрал роль высокооплачиваемой прислуги, не стал очередным *мизгирем*, сочетающим презрение к человеку и житейский комфорт. Базанов не вынес открывшегося ему миропонимания, надорвавшись – вместе с тысячами других мужчин и женщин – от переживания русского поражения. Он достоин сожаления и памяти. Добрая память будет значимее, если русский человек перестанет быть врагом

самому себе, прекратит угасать в мыслях о том, что антисистема не исчезнет, пока не погубит нас.

Мизгирь пытается убедить, что Бог — тиран, человек — мерзость, мир — обречен, а Россия давно мертва. Эта мысль доводила Ивана Базанова до тошноты, и у нас от безразмерного пессимизма тоже бывает жестокая интоксикация. Надо собрать волю в кулак, очистить взгляд от информационных истерик, перестать рыдать о необратимости национальных драм. Посмотреть на солнце: оно ярко светит. Окинуть мысленным взглядом страну: она еще наша. Услышать Церковь: в ней много новых сильных людей, способных вымести мизгиря не только из сердца. И не забывать: Иван Базанов погиб, поверив в безраздельную власть антисистемы. Антисистема — эта змея угасания — нуждается в том, чтобы мы верили в ее неодолимую силу. Этого допустить никак нельзя.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

ЕЛЕНА ЧИЖОВА: КРОВЬ И ЯРОСТЬ

Елена Чижова – новая звезда русскоязычной прозы. Она победитель “Русского Букера” 2009 года, директор Санкт-Петербургского Пен-клуба, главный редактор международного журнала “Всемирное слово”. Романы Чижовой активно издаются и широко продаются в нашей стране. Статьи и интервью Е. Чижовой часто публикуются в различных газетах и журналах. То есть у писательницы есть все возможности влиять на умы и души читателей, и уже поэтому интересно разобраться в том, какие смыслы несёт её слово.

Некоторые авторы, характеризую прозу Чижовой, указывают на её художественную ущербность: чрезмерную публицистичность, политизированность, идеологизированность. Татьяна Трофимова в отзыве на роман “Полукровка”, в частности, отмечает: “Еврейство, национальный вопрос, гнёт государственной системы, преследование инакомыслия, несправедливость, издавна прокладные отношения с прибалтийскими народами – полный набор тем настолько вечных в своей провокационности, что на страницах романа едва ли приличных” (http://www.chaskor.ru/article/golos_krovi_19408). А Леся Боброва в статье “СССР и волк-полукровка” утверждает, что роман “Полукровка” сделан “не ахти как хорошо и местами переходит в чистейшую беллетризованную публицистику” (booknik.ru/reviews/fiction/?id=33627).

На подобного рода упреки Чижова невольно ответила, формулируя своё творческое кредо в беседе с Еленой Погорелой: “...воспитывала в себе в течение двадцати лет умение доводить повествование до звука. Точнее говоря, начинать со звука. Но при этом мне нужны полноценные историко-интеллектуальные смыслы. Иначе мой метод остаётся неполным” (“Вопросы литературы”, 2011, № 3). Именно “историко-интеллектуальные смыслы” прозы и публицистики писателя будут в центре нашего внимания.

В беседе с Кириллом Решетниковым (“Взгляд”, 2009, 4 декабря) Чижова называет нашу историю чудовищной, имея в виду советский период её. В этой оценке (чудовищная, а не трагическая) проявилась наиважнейшая особенность личности и мировоззрения писателя – антисоветизм.

Антисоветизмом сегодня никого не удивишь, он – правило хорошего тона на государственном уровне, в либеральных кругах, и не только либеральных... И всё же даже на этом фоне антисоветизм Чижовой выделяется особым зарядом ненависти и примитивного отрицания. Приведу некоторые высказывания автора: “На самом деле страна ведь была немой” (“Взгляд”, 2009, 4 декабря); “Дело не в том, что я доказываю себе или читателям, что в СССР было плохо. Хорошо там могло быть только слепым – тем, кто не желал или не умел постичь очевидного. Что там могло быть хорошего, если до

сих пор мы ходим по земле, в которой лежат миллионы погибших и замученных”; “…советская цивилизация – духовный тупик” (“Вопросы литературы”, 2011, № 3).

В прозе и публицистике Чижовой вызывает интерес не тотальное отрицание советской цивилизации (с чем я, монархист, не согласен), а то, как “советское” соотносится с “русским”, каким изображается далёкое и близкое прошлое, и какие в результате “историко-интеллектуальные смыслы” возникают.

Е. Погорелая в статье “В поисках озвученного времени” утверждает, что пафос романов Чижовой – преодоление человеком, мыслящим и страдающим, советского мира, который обозначается через местоимения он, они, их и т. д. (“Вопросы литературы”, 2010, № 3). Это так и не так: лежащим на поверхности смыслом советская тема у Чижовой не исчерпывается. Негативные высказывания героев и автора о СССР по-разному корректируются суждениями национально-метафизической направленности.

Многие персонажи романов “Лавра”, “Полукровка” проклинают страну, в которой им не повезло родиться. Наиболее часто это делают Митя (“Лавра”), Мария и Иосиф (“Полукровка”). Хулу героев в адрес родины можно трактовать узко идеологически (что, собственно, и делают критики) как проявление ненависти к СССР. Но всё же куда больше оснований утверждать, что эти частые поношения адресованы России исторической. В большинстве высказываний героев “советское” и “русское” отождествляются, или первое естественно вырастает из второго, или “советское” временно нейтрализует проявление русского «нутра». Последний случай проиллюстрирую примером из “Полукровки”.

Юлий (чьи мысли, если судить по публицистике Чижовой, довольно часто выражают авторскую точку зрения), рассуждая об антисемитизме, приходит к выводу: “…дело не в личном антисемитизме Сталина, а в том, что антисемитский пафос, приглушённый (здесь и далее в цитате разрядка моя. – Ю. П.) советской победой, имманентно присущ самим язычникам-победителям. Так уж сложилось, что их Великая Октябрьская разворачивалась под лозунгами интернационализма. К концу сороковых советские идеологи будто спохватились”. Язычники-победители с их врождённым антисемитизмом – это русские. Высказывание Юлия никем в романе даже не ставится под сомнение. С большой долей уверенности можно утверждать, что позиция героя и позиция автора в понимании данного вопроса совпадают.

В этом высказывании Юлия, в котором легко узнаётся либеральная версия событий XX века, логически и сущностно концы с концами не сходятся. Если революция – победа русских антисемитов, то откуда тогда взялся интернационализм? То есть либо русские – не антисемиты, либо им кто-то этот интернационализм навязал, оказавшись сильнее их. Но тогда и победа не русская, и власть не русская… Возможны, конечно, и другие версии данного эпохального события, но вне исторической модели Юлия, в любом случае необходимо понять и объяснить природу русофобии советских победителей-руководителей, антирусскую государственную политику и многое другое, что обходят стороной все герои Чижовой и она сама в разножанровых публикациях.

Вполне закономерно и то, что главная героиня романа “Лавра” любит именно Митю, все чувства, мысли которого слились в одно – “как сладостно отчизну ненавидеть”. В этих словах Печерина, цитируемых Митей с болезненно-сладоострастным воодушевлением, выражено жизненное кредо западников XIX века, пламенных революционеров, диссидентов 60–70-х годов XX века, современных либералов и других ненавистников исторической России. В мире Чижовой у них нет полноценных, достойных оппонентов: русские патриоты в прозе и публицистике автора показательно отсутствуют.

То, что Митя (“Лавра”), Мария, Иосиф, еврейская диссидентствующая молодёжь (“Полукровка”) выражают авторское отношение к России, подтверждает, помимо сказанного, эссе Чижовой “И смогу сделать только я…” (“Вопросы литературы”, 2010, № 1). В нём писательница свою ненависть к отчизне навязывает Марине Цветаевой. Приводя высказывание поэтессы (“Россия для меня <...> почти тот свет”), Чижова замечает: “…но ведь всё-таки тот свет, куда отправляются в смерть”. А завершается данный сюжет так: “Цветаева возвращается (в СССР. – Ю. П.) – в другую жизнь, нежизнь. В смерть”.

В этом ключевом фрагменте эссе игнорируются, по меньшей мере, следующие факты, которые разрушают авторскую концепцию. Для Цветаевой жизнь – всё равно где: в России, Европе, СССР – была “почти тот свет”.

“Жизнь – это место, где жить нельзя” – эти слова из “Поэмы Горы” (1922) созвучны с высказываниями разных лет. Например, с признаниями 1923-го, 1931 годов из писем Роману Гулю и Саломее Андрониковой-Гальперн: “Я не люблю земной жизни, никогда её не любила, в особенности – людей”; “Мне, Саломея, мешают люди <...>. Поймите меня: вся моя жизнь – отрицание её” (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. – Т. 7. – М., 1995).

Есть смысл напомнить: к СССР Цветаева относилась по-разному. Она в 30-е годы славилась Советский Союз в стихотворении “Челюскинцы”, а в “Стихах к сыну” призывала Мура вернуться на Родину – страну будущего, “Россию-масс”. Аналогичное она желала Валентину Булгакову (письмо от 2 января 1926-го года) и другим. Для себя же Цветаева эту возможность долгое время исключала, так как боялась, что в СССР её “упекут”... В письме к С. Андрониковой-Гальперн от 7 сентября 1931 года поэтесса так пояснила свои опасения: “...я там не уцелею, ибо негодование – моя страсть (а есть на что!)”.

И, наконец, главное: Цветаева никогда не испытывала ненависти к России, и русофобией Марина Ивановна не страдала. Чижова же отношение к России Цветаевой, её дочери, других высчитывает, руководствуясь практическими соображениями, то есть демонстрирует тот подход, который в стихотворении “Тоска по Родине” опровергается безотчётной – вопреки логике – любовью поэтессы. Закономерно и то, что Чижова не может понять, почему Ариадна Эфрон ни разу не пожалела о возвращении в СССР.

Антисоветизм и ненависть к России у Чижовой напрямую связаны с отношением к народу. Она (как и все либералы) не может принять ту традицию в восприятии народа, которую заложили русские писатели XIX века. Отсюда тот “отлуп” классикам, который даёт Мария в “Полукуровке”. Нечто подобное – уже напрямую, от автора – происходит в очерке Чижовой о Данииле Гранине “Когда подводишь итог...” (“Вопросы литературы”, 2009, № 6).

Чижова, приводя гранинскую интерпретацию рассказа Чехова “Студент”, заключает: “Почему мне трудно разделить радость студента? (Радость от того, что две “бабы”, которым студент рассказал библейскую историю о Петре, плачут, сопереживая раскаявшемуся отреченцу. – Ю. П.). Почему я думаю, что и Гранин, и Чехов ошибаются – во всяком случае; применительно к нынешнему времени, к нашим “растрёпанным бабам”? Так же горько – да что там, куда горше? – этих самых “баб” (по крайней мере, большинство из них) растрогает вымышленная история какого-нибудь очередного мексиканского дона Педро или рабыни Изауры. Но не правдивая история рабов, которых – миллионами – обратили в советскую лагерную пыль...”.

Отмечу сразу более чем странный полемический приём Чижовой. Опровергать чеховское отношение к женщинам XIX века гипотетическим поведением женщин сегодняшних – это всё равно, что через 100 лет говорить: Чижова неправильно воспринимала своих современников, ибо люди XXII века ведут себя принципиально иначе, чем герои произведений писательницы.

Что же касается предполагаемого поведения наших современниц, то не стоит спешить выносить им приговор. Если часть “баб” будет вести так, как предсказывает Чижова, то ответственны за это не только они, но те “бабы” и “мужики”, которые на разных уровнях (власти, телевидения, печатных СМИ, образования и т. д.) делали и делают всё, чтобы соотечественники превратились в людей без памяти, сострадания, совести.

Американский исследователь Стивен Лаперуз, размышляя об особенностях русского национального сознания, высказал справедливую мысль: “Русский переживает мир, исходя не из “я” и не из “ты”, а из “мы” (Морозова Т. – Лаперуз Ст. Индивидуализм и соборность. Русско-американский диалог // “Москва”, 1996, № 9). “Мы” как синоним народа – всегда красная тряпка для либерально ориентированных “быков”. Вот и Чижова не может принять пафос следующих слов Ариадны Эфрон: “Я у себя дома, пусть в очень тяжких условиях – несправедливо тяжких! Но я всегда говорю и чувствую “мы”, а там (во Франции. – Ю. П.) с самого детства было “я” и “они”. Эти слова так комментируются Чижовой: “...стоило ли возвращаться на Родину, где эти самые “мы” (звучит совсем по Замятину) их с отцом арестуют, а матери-поэту откажут в просьбе занять место писательской посудомойки” (“Вопросы литературы”, 2009, № 1).

Чижова, как и герои её произведений, не видит разницы между народом и властью, которые десятилетия разделяла пропасть (она стала ещё большей

в последние два десятилетия). И, конечно, не народ, не “мы” арестовали отца и дочь Эфрон, отказали Цветаевой в работе...

Народ у Чижовой — Панька, Фрося, Валя, Зинаида — по-разному ограниченные, бездуховно-безнравственные, трусливые, завистливые люди. Интеллигентски-либеральная предвзятость беллетристики не позволяет увидеть в народе другие человеческие типы, которые и превращают население в собственно народ. Показателен в этом отношении следующий сюжет из эссе об Ариадне Эфрон. Писательница приводит цитату из письма дочери Цветаевой, где, в частности, говорится о неизвестном заключённом, который на этапе отдал Ариадне свою горбушку хлеба со словами: “На, сестра”. Однако этот эпизод по понятным причинам остаётся автором не замеченным.

Все негативные высказывания о народе Чижова адресует именно русскому народу. Он — опора советской системы, народ-оккупант, народ-палач, народ-самоуничтоженец, народ-язычник, народ-антисемит. Так характеризуют русский народ эстонец Тоомас, полукровка Мария, группа молодых евреев, еврей Иосиф. По-настоящему альтернативный взгляд на русских (на уровне героев или автора) в “Полукровке” отсутствует. Другие же народы столь масштабно не характеризуются, о них определённо можно сказать, что они — жертвы.

Через весь роман лейтмотивом проходит идея о народе-победителе и народа-жертвах, евреев прежде всего. Логически закономерно эта идея реализуется в следующем эпизоде. Полукровка Мария (еврейка по отцу и русская по матери) “выбывает” для своего умершего дяди-еврея сухую могилу вместо могилы с водой, куда все евреи безропотно согласились опустить покойника. Интересна интерпретация данного события на поминках: все евреи решили, что решительный поступок Марии обусловлен русской кровью её матери.

Естественно возникает вопрос: почему герои “Полукровки” и Чижова в своей публицистике забывают о “решительных” евреях, о всех троцких, свердловых, урицких, зиновьевых, кагановичах, френкелях и многих, многих других?.. Также игнорируется очевидное: все народы Российской империи “поучаствовали” в революции, Гражданской войне, коллективизации и других кровавых событиях XX века; в каждом народе были свои палачи, жертвы, герои; возлагать ответственность за преступления XX века на один народ — это, по сути, “протягивать руку” идеологам фашистской Германии.

“Протянутую руку”, высшую степень ненависти Чижовой к русским, я вижу в её очерке о Германе Гессе “Степной волк” российских степей”, вижу в следующих словах автора: “Русская свинья”, расхожее немецкое ругательство времён Второй мировой войны, в этом контексте (выше Чижова утверждала: “Россия, по словам Достоевского, впустила в себя “бесовский легион”. — Ю. П.) приобрело неожиданное подобие смысла: в свиней, своё последнее убежище, устремились евангельские бесы, вынесенные Достоевским в эпиграф романа” (“Звезда”, 2004, № 9).

Во-первых, “евангельские бесы, вынесенные Достоевским в эпиграф романа” — это смысловая нелепица (явление столь распространённое в прозе и публицистике Чижовой). Во-вторых, бесы у Достоевского — это нигилисты-революционеры, одержимые антихристианскими идеями. Их писатель никогда не отождествлял с русским народом, идеалом которого, как утверждал Достоевский, является Христос. В-третьих, почему Чижова не ищет “подобие смысла” в аналогичном и не менее распространённом немецком ругательстве “еврейская свинья”. Такие надписи появились на еврейских лавках и домах в “хрустальную ночь”, о чём, в частности, говорится (по примеру Чижовой сошлюсь на художественное произведение) в романе Гюнтера Грасса “Жестяной барабан”.

Проблема антисемитизма — одна из центральных в “Полукровке”. Ненависть к евреям — вот что, по Чижовой, объединяет фашизм, большевизм и русский народ. Примерами проявления разноуровневого антисемитизма в романе являются частые ссылки героев на “дело врачей” и несостоявшуюся депортацию евреев, проявление бытового антисемитизма по отношению к семье Арго и Самуилу Юльевичу, осквернённая могила отца Юлия, упоминания о сложностях и непреодолимых препятствиях, возникавших у евреев при поступлении в вузы...

Эти и другие факты должны передать невыносимую атмосферу тотального государственного антисемитизма в СССР. Сегодня версия о государственном

антисемитизме в Советском Союзе — аксиома для многих наших соотечественников. Вот и в отзывах на “Полукровку” без тени сомнения говорится об этом явлении. Сей миф прокомментирую кратко на примере романа Чижовой.

Если бы в СССР при поступлении в вузы существовала такая система национального “регулирования”, какой она предстаёт в “Полукровке”, то тогда бы русские занимали первое место в стране по количеству людей с высшим образованием. В реальной же жизни русские уступали евреям, грузинам, армянам, чеченцам и многим другим народам СССР и РСФСР. К тому же я как студент, обучавшийся на филологическом факультете Кубанского университета в те же 70-е годы, что и герои “Полукровки”, не могу не откликнуться на следующий эпизод романа. Мария, узнав, что еврей Юлий — филолог, гадает о том, как ему удалось поступить в университет: “Филология — не история, но всё-таки... Видимо, по большому благу”.

Не могу принять эти и им подобные “факты”—страшилки за исторические реалии 70-х годов XX века ещё и потому, что в жизни я наблюдал другое. На филологическом факультете Кубанского университета количество евреев на каждом курсе колебалось от 7 до 15 человек. И на историческом факультете ситуация была примерно такая же. Среди преподавателей и руководителей структурных подразделений процент евреев был не меньший, чем среди студентов. Деканом факультета романо-германской филологии, например, долгие годы был достойный человек и талантливый руководитель Аркадий Соломонович Рохлин. Нечто подобное было характерно для большинства вузов страны. Показательно и то, что сестра Чижовой, прототип Марии Арго, на исторический факультет поступила...

Ещё более фантазийна многократно звучащая в “Полукровке” версия о несостоявшейся депортации евреев. Рудольф Пихоя, Геннадий Костырченко, Вадим Кожин и другие исследователи давно уже убедительно доказали, что план Сталина о выселении евреев — это миф. Именно из мифов, творимых по хорошо знакомым рецептам, вырастают “историко-интеллектуальные смыслы” прозы и публицистики Чижовой. Поэтому вполне предсказуемо, что в одном — антисемитском — ряду с лжедепортацией в романе стоят “дело врачей” и борьба с космополитами. Конечно, Чижову не интересует, что по «делу врачей» русских было арестовано больше, чем евреев, а в разряд космополитов попали люди разных национальностей...

Писательница по трудно уловимой логике разговор об истории XX века переводит из плоскости социально-политической в национальную и наоборот. Так, в “Полукровке” о борьбе с космополитами читаем: “К концу сороковых, когда Самуил подкопил знаний, большевистский бог, повелевший именовать евреев космополитами, наложил руку на многие профессорские жизни, однако бог еврейский счёл нужным пощадить Юлия Исидоровича и послал ему смерть от сердечного приступа...”. О параллельном “Ленинградском деле” Чижова лишь вспоминает с подачи Даниила Гранина в отзыве на его книгу мемуаров. Писательница признаётся: “Конечно, я знала про “Ленинградское дело”. Знала кое-какие подробности и даже некоторые имена. Однако в моей исторической памяти их заслонили имена Мандельштама, Цветаевой, Пастернака, Ахматовой. Во всяком случае, имя Н. А. Вознесенского не стояло с ними рядом” (“Вопросы литературы”, 2009, № 6).

Если бы Чижова была последовательна в постижении исторических смыслов, то она подчеркнула бы, что проходившие по “Ленинградскому делу” были русскими, и, более того, им инкриминировался русский национализм. И следует помнить, что наказали “ленинградцев” куда жёстче, чем “врачей” и “космополитов”...

Национальный эгоцентризм и либерально-интеллигентский подход к истории у Чижовой проявляются и в другом. В её исторической памяти о жертвах советского режима Пастернак и Ахматова, умершие своей смертью в преклонном возрасте, заслоняют имена расстрелянных “ленинградцев”. Не менее показательно и то, что герои “Лавры” и “Полукровки”, да сама Чижова, говоря о миллионах, превращённых в пыль, о крестьянстве — главной жертве XX века — даже не упоминают. Не упоминают, видимо, потому, что национальная и сословная принадлежность этих жертв в их историческую концепцию не вписывается.

Темы уничтожения крестьянства в годы Гражданской войны и коллективизации Чижова, думаю, не касается ещё и из-за того, что тогда обязательно

всплывут фамилии идеологов и практиков раскрестьянивания и расказачивания – сплошь и рядом еврейские. Это – более убедительное объяснение истоков антисемитизма, чем кровь, чем от рождения якобы присущая русским ненависть к евреям. Естественно, никакие аргументы не оправдывают евреев-ненавистников, как и фобов любых национальностей.

Анна Анненкова в статье “Преступление без наказания” (“Новый мир”, 2005, № 11) говорит о соседке семейства Арго, “страдающей лёгкой формой наивного, простонародного антисемитизма”. Елена Погорелая, ссылаясь на Анненкову, из соседки делает “соседок по коммуналке” (“Вопросы литературы”, 2010, № 3), то есть записывает в антисемиты не только Паньку, но и её мать Фросю, которая о евреях не говорит ни слова. В данном случае удивляет непоследовательность не только названных критиков, но и многих авторов, писавших о романе. Почему ими осталась незамеченной, мягко говоря, неприязнь евреев к русским?

Я имею в виду не столько полукровку Марию (чьи оскорбительные высказывания и действия по отношению к русским во много раз – по градусу ненависти и изошрённости мести – превосходят “простонародный антисемитизм” Паньки, который на фоне русофобии Марии вообще кажется наивной детской шалостью), сколько добропорядочных евреев. Для большинства из них мир делится на “наших” – евреев и “не наших” – не евреев, прежде всего русских людей, уже в силу национального происхождения неполноценных. Например, еврейская бабушка Марии до конца жизни так и не приняла не только русскую невестку, но и её детей, своих внуков. Или братья отца Марии предлагали её матери сделать аборт, ибо второй ребёнок навсегда привяжет Михаила-Мойшу к русской жене. Подобным образом реагирует на потенциальную невестку и мать Иосифа.

Нетрудно предположить и то, какая лексика, адресованная “не своим”, русским, остаётся “за кадром”. Вряд ли она мягче антиеврейских выпадов Паньки или Вали. С большой долей уверенности можно сказать, что еврейские родственники Марии Арго выражались примерно так, как в реальности делали, по свидетельству Моисея Альтмана, его соплеменники: “Вообще русские у евреев не считались “людьми”. Русских мальчиков и девушек прозывали <...> “нечистью”... Для русских была даже особая номенклатура: он не ел, а жрал, не пил, а впивался, не спал, а дрыхал, даже не умирал, а издыхал. У русского, конечно, не было и души. Душа была только у еврея...” (Цит. по кн.: Кожинов В. Россия. Век XX (1901–1939). – М., 1991).

Почти все проблемы и идеи “Полукровки”, поступки и чувства героев рано или поздно упираются в кровь и ею, как правило, исчерпываются. Кровь – одно из ключевых понятий в мире Чижовой. Кровь – слово, предельно часто употребляемое в тексте в самых разных (в том числе и неожиданных для традиционного русского “уха”) контекстах.

Русским писателям, критикам, мыслителям всегда был не приемлем “кровавый” подход к человеку, обществу, истории, литературе и т. д. Для русскоязычных авторов кровь – универсальный критерий для понимания всех и вся, любых проблем. На болезненный “животный” интерес к крови либеральной интеллигенции на примере творчества Б. Окуджавы одним из первых (почти 40 лет назад) указал Михаил Лобанов. Позже, характеризуя взгляды Игоря Виноградова и его единомышленников, критик нашёл ёмкий образ – “работники особой лаборатории по анализу крови” (Лобанов М. Пути преображения. Литературные заметки. – М., 1991).

При чтении “Полукровки” очень часто возникает ощущение, что ты находишься именно в такой лаборатории. Судите сами: “Она явится, выследив его по запаху, который источает его бессильная еврейская кровь...”; “...я (Мария. – Ю. П.) вернусь и убью тебя <...>. Клянусь своей грязной кровью”; “Отец (Марии. – Ю. П.) сидел, опустив плечи. Неизбежное рабство бродило в его крови”; “В её крови (думает Юлий о Марии. – Ю. П.) сошлись национальные судьбы – два закона, вытекающие один из другого и этим соединённые накрепко. В то же время они противоречили один другому, казались несовместимыми”; “Нурбек Хайсерович, скажите... – она (Мария. – Ю. П.) обращалась к его крови”; “Кровь, вспаившая от предательства, звала к мести”; “...он (Иосиф. – Ю. П.) представлял себе унылое темноволосое существо (жену-еврейку. – Ю. П.), обладающее одним, но несомненным достоинством: в глазах его отца и матери этим достоинством была правильная

кровь”: “Кровь, ходившая под спудом (у Марии. – Ю. М.), нашла выход: грязные слова, рождённые волчьей пастью (профессора Успенского. – Ю. П.), играли в звериных связках”.

В романе вина героя определяется исключительно его кровью, национальным происхождением. Только русские у Чижовой уже от рождения виноваты перед другими народами СССР. Так, в одном из ключевых эпизодов “Полукровки” Мария говорит эстонцу Тоомасу: “Мой отец еврей, но мать – русская, а значит, я тоже перед тобой виновата”. Аналогичную – русскую – вину героиня испытывает и по отношению к немке Марте, чья семья была выслана из Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Подчеркну: закон национальной вины, применяемый Чижовой к русским, по отношению к другим народам не действует. Та же Мария вину за евреев не испытывает, такие чувства и мысли у неё в принципе невозможны. Когда же немка Марта проявляет обеспокоенность, ожидая недоброе отношение со стороны еврея Михаила Арго, Мария говорит ей: “Ты-то тут при чём?! Ты, что ли, убивала? Расстреливала лично?” Однако на русских эти справедливые аргументы не распространяются.

“Кровяной” подход к человеку и времени, который демонстрируется в “Полукровке”, оказался заразительным и весьма убедительным для некоторых либеральных авторов. Они, размышляя о проблеме нас интересующей, идя вслед за персонажами романа и Чижовой, договаривают до конца, делают итоговые выводы. Так, Елена Погорелая, отталкиваясь от мыслей главной героини и Юлия, утверждает, что “настоящее преступление Марии бродит в её крови”, ибо в ней есть кровь “гонителей” – русских. Преступления героини критик называет беснованием, объясняя его старанием «изжить в себе чужую, преступную кровь, отделить, отринуть её от жертвенной крови» (“Вопросы литературы”, 2010, № 3).

Итак, русская кровь – преступная кровь. Эту точку зрения, столь распространённую среди либеральных авторов, нет смысла комментировать. Людей, так думающих, нужно лечить...

Всё сказанное позволяет утверждать, что “историко-интеллектуальные смыслы” прозы и публицистики Чижовой национально и либерально ограничены, их доминантой является русофобия. У нас нет никаких оснований называть Чижову русским писателем.

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

УПОВАНИЕ НА ЧУДО

О чём печалится писатель Валентин Распутин

“Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне”.

Евангелие от Матфея, 10:28

Весь прошлый век православные будут с содроганием поминать то кровавое лихолетье, когда верховодящие богоборцы и русоненавистники, кликуемые либералами, демократами и большевиками, используя печать, митинговый толповый азарт горьковских бичей-челкашей, а потом и наемные карательные силы, обрушились на все то, что являлось духовной и национально-культурной опорой нации. И русское священство, и православное воинство, и смиренное крестьянство положили плоть и души – по завету святорусского богатыря и святого чудотворца Илии Муромца – за едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь Христову, ибо понимали: отнимут антихристы у народа веру – тут же сгубят и народ, и Православное Отечество. Преподобный Сергий Радонежский, молитвенник Земли Русской, благословляя святого благоверного великого князя Дмитрия Донского перед дорогой в ханскую ставку, поучал: “Если требует чести – отдай, если ищет золота – отдай; но за веру православную и Христову Церковь нам подобает и кровь свою пролити и живот положить...”

Бодро и песенно погружались в историю красные десятилетия, и уже чудилось, народ перемалывает антихристову власть на оживших русских жерновах: чтобы не насторожить *хазарскую ветвь красной власти*, заказанную Глобальной Сатанократией, *русская ветвь красной власти* исподволь, но верно служит родному народу, отчего в Российско-Советской Империи, пережившей опустошительную войну, случился нежданный-негаданный, поразивший весь мир великий всплеск культуры, науки и производства.

Шепни, кто друг твой, и я скажу, кто ты; равно: тихо молви, кто враг твой, и я скажу, кто ты... Когда воцарившиеся на Руси демократы-супостаты с кипящей на губах кровавой пеной поносили Сталина, тревожа упокоенную душу, словно кладбищенские воры-гробокopatели могильный прах, мыслящим русским стало ясно: коль им, врагам народа русского, столь ненавистен усопший вождь, то, значит, нам, русским, он нужен.

Во Вторую мировую войну – нет худа без добра – народ обрел историческую память, вспомнил и вновь возлюбил светочей Земли Русской, подобных

крестьянскому сыну, казачьему атаману, святому иноку Илие Муромцу, добрых святым и благоверным князьям Димитрию Донскому и Александру Невскому, подобных царю Ивану Грозному, мечом и топором собравшему земли русские в Царство Православное. Чудилось, народ, одыбавшийся после войны, воспрявший творческим духом, обретающий веру Христову, выйдет на православно-самодержавный, испытанный тысячелетием, насильственно прерванный путь... Но не тут-то было! Враг рода русского не дремал: богоборческая хрущевская “оттепель”, потом — затишье, и снова зловещая тень комиссарского лихолетья нависла над Отечеством.

Приступали роковые девяностые годы двадцатого века... И мы воочию увидели, как верные соратники ленинских комиссаров, с подозрительной настойчивостью величающие себя “демократами”, через подвластную блудливую прессу вновь разжили тлеющий русофобский террор против духовных и национально-культурных сил русского народа — сил, какие силами-то можно было назвать с великой натяжкой, ибо выживали и вновь вызревали лишь малые островки православной духовности и русской народности в послевоенных поколениях.

Мрачным образцом русофобского террора стала площадно-бранная, зло-радно-методичная травля писателей Василия Белова, Валентина Распутина, Владимира Личутина. Зверским обликом травля напомнила “культурную революцию” начала прошлого века, когда распявшие Христа и обезбоженные россияне свирепо травили Есенина, Клюева, Васильева и других крестьянских поэтов.

Пока завербованные Мировой Сатанократией наемники в российской власти с помощью купленных *жюльнарисстов* порочили писателей, я думал: не заслонить солнце рукавицей, не испугать молодца небылицей; но... ближе к закату века доморощенная русофобия помудрела мудростью змия-искусителя и вроде бы утихомирилась: мол, какого лешего впустую глотку драть, за дарма писателям скандальную славу раздуть!? не мудрее ли искутить гордыней, сребролюбием, честолюбием, а ежели силён духом, на долгие годы... а может, навечно... замолчать, чтобы произведения и писательские имена не укоренились в памяти нынешних поколений, возвращенных духом и разумом в “голубом порочном ящике”, куда русских писателей не подпускали на пушечный выстрел, да они и не рвались в совет нечестивых.

Но поначалу разгорелась травля, и в сем поношении более всех досталось Валентину Распутину, ибо непосильно было ему замолчать: гневный публицистический голос советского писателя звучал во всем мире, имя писателя читл весь свет — Герой Социалистического Труда, награжденный многими советскими орденами и медалями, дважды лауреат Государственной премии СССР, лауреат многочисленных всероссийских, всесоюзных, международных премий, переведенный почти на все языки мира, к сему некогда приближенный к верховной советской власти, введенный в общественно-политический совет Михаила Горбачева, бывшего президента Советской Империи, Генерального секретаря коммунистической партии Советского Союза.

Поношение началось, увы, не в девяносто первом — в злосчастном году бесноватых корежило мятежное “Слово к народу”, подписанное Распутиным; нет, поношение вспыхнуло еще в пору, когда писатель, сбавив высокохудожественный обличительный пыл, в былые годы восторженно принятый Западом, в публицистике и принародном вечеровом слове, не хороня простолоудье русское, погрязшее в грехах и немочах, вдруг прямо и откровенно заговорил и о духовном, национальном, творческом величии простого русского народа, и царского, и советского, — величии, кое исподволь и откровенно осмеивалось *мировой образованщиной*. Пока писатель говорил о духовном оскудении некогда богоносного русского народа, повинного в своей национальной трагедии, переворотчики России еще готовы были, скрепя сердце, кое-как поддерживать Распутина. Хотя и в *обличительную* пору писатель, не возгордившись, не воскресив над простолоудьем, сознавая себя крестьянским сыном, не услаждался созерцанием, описанием, осмеянием народных грехов и немочей, но писал о народе с печальной любовью и сердечной болью. Душа болит: что же с нами происходит?! — вторил писатель Василию Шукшину. Но ждали от Распутина большего: чтобы начертал на родном народе черный крест, напрочь стирающий его небесное былое и неисповедимое будущее, а тогда, глядишь, и Нобелевская премия не за горами. Впрочем, могли бы

посулить, а потом... в кусты, ищи-свищи ветра в поле: бесы – они бесы и есть. Но вместо ожидаемого черного креста писатель *неожиданно* стал утверждать, что народу русскому, несмотря на грехопадение, есть чем гордиться перед миром и что, обернувшись лицом к духовно-православному былому, народ еще может исцелиться и, яко христорадной свечкой, вновь светить миру, заблудшему впотьмах. И тут окаянные всполошились, спустили на писателя “всех собак” – новоявленную прессу, готовую облять всё, “где русский дух, где Русью пахнет”. Словно угарный чад и смрад горячей загородной свалки, заволокла Русь ядовитая пресса, о которой воистину рече Господь: “Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был чело-векоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи” (Иоанн, 8:4).

“Ключ ко всем современным интригам лежит во всемирном заговоре против России, предрекающем ей страшную будущность”, – писал Фёдор Достоевский, а русский мыслитель Иван Ильин уточнял: “Европейцам нужна ДУРНАЯ Россия: ВАРВАРСКАЯ, чтобы “цивилизовать” ее по-своему; УГРОЖАЮЩАЯ СВОИМИ РАЗМЕРАМИ, чтобы ее можно было расчлениить, ЗАВОЕВАТЕЛЬНАЯ, чтобы организовать коалицию против нее; РЕАКЦИОННАЯ, РЕЛИГИОЗНО-РАЗЛАГАЮЩАЯ, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; ХОЗЯЙСТВЕННО-НЕСОСТОЯТЕЛЬНАЯ, чтобы претендовать на ее “неиспользованные” пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии”.

Враги России – чужеземные и доморощенные, слитые в глобальную Хазарию мастера социально-политических потрясений, революций, отечественных и гражданские войн, – в пламенных речах лишь для отвода глаз толковали о народном счастье, ибо имели лишь одну затаенную мистическую цель: расшатать веру православную, сокрушить державу, как земное изножье Престола Господня. “После падения коммунизма главным врагом Америки является русское Православие”, – откровенничал экс-госсекретарь США Збигнев Бжезинский, воображая Америку военным полигоном мировой Хазарии, что воцарится в мире перед приходом Антихриста, о коем пророчествовали святые отцы Христовой Церкви.

И русские националисты – не расисты, но любящие свою нацию, – обороняя Россию, обороняли веру Христову. Не случайно в древних старинах святорусский богатырь, преподобный Илия Муромец, осиянный гневливым и праведным духом Михаила Архангела, вздымается на оборону Церкви Божьей, ибо, как поется в старине, испокон-то русского веку грозились поганые порушить веру Православную. Богатырь Сокольник (он же богатырь-нахвальщик Жидовин из иудейской Хазарии) зло сулится:

*Я соборны больши церкви на огонь сожгу,
Я печатны больши книги во грязи стопчу;
Чудны образы-иконы на поплав воды...*

Нахвальщики-жидовины – сокольники, тугарины, собаки калины-цари, – не могли порушить православные храмы, пошатнуть веру Православную, но, по грехам русским, воцарившись на Руси в начале прошлого века, а потом и в конце столетия, едва не одолели, ибо...

*Нет жива-то старого казака Илия Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за Отечество,
Некому стоять за церкви ведь за Божию... —*

В очерке “Плач о литературе” я писал, и ныне напомним о том, что трагедия перестроенной России даже не в том, что искушенные чужебесным Западом, доморощенные воры и душегубцы державу в одночасье ограбили до нитки, и российский народ проснулся нищим и обездоленным; великая трагедия России в том, что **окаянная власть** ...воистину наёмники Мировой Сатанократии... вот уже два десятилетия с дьявольским упорством, **с дьявольской методичностью трудится над изменением русского характера**.

Нынешние российские зрелищные искусства, подобные бесовским пляскам на русских жальниках, даже несмотря на сопротивление Русской Право-

славной Церкви, выбивают из русского характера исконные начала: любовь к Вышнему и ближнему, к роду и родному народу, к православному Отечеству, братчинность, общинность, совестливость, обостренное чувство справедливого мироустройства. Высокие и спасительные для народа и Отечества духовно-нравственные начала вытесняются индивидуализмом, корыстолюбием, честолюбием, животными инстинктами. Чего ради сие творится? Историческая случайность или некий политический, а вернее, мистический замысел о России? Ответ простой... Вот ставшая хрестоматийной, набившая оскомину цитата из политического наставления идеолога Мировой Сатанократии, ненавидящей православный русский народ: “Разрушим их хвалёную духовность, и Россия рассыплется сама”. В прошлые века, когда не было в помине глобальных средств массовой информации, помянутые этические начала жили в народе неколебимо, и лишь в придворных и притворных российских сословиях под влиянием западноевропейской культуры происходили ментальные изменения, утрача национального характера. Но **в годы перестройки с ее агрессивной и всеохватной дьявольской пропагандой**, с использованием телевидения, космополитизации эгоцентрическому индивидуализму подвергся уже весь русский народ – особенно предпринимательское сословие – **стал утрачивать исконный духовно-нравственный образ**”.

* * *

Писатель и сам напоминал, что вновь над Матушкой-Россией нависла зловеще-черным вороньим крылом тень двадцатых годов: “Россия уходит у нас из-под ног... Отечество в действительности в опасности. Мы можем завтра проснуться в своих собственных постелях, но уже не в России”; но если в мрачную большевистскую годину убивалось само тело русского народа – душу православную в одночасье не сразишь, – то с крушением народной империи испепелялась душа народная. Она, русская душа, губилась и в прошлые полвека, отчего наше всеобщее грехопадение дошло до могильного края, но если в доперестроечные годы – годы советской государственности – нравственные начала все же с грехом пополам, дивом дивным выживали и еще были в ходу и пользовании (отчего и явилась миру талантливая народная литература, духовным, подсознательно христианским образцом которой стало творчество Астафьева, Шукшина, Абрамова, Носова, Рубцова, Юрия Кузнецова), то теперь – в годы демократического цинизма – духовность и нравственность сгинули в смраде чужебной “массовой культуры” и остервенелой торгашеской суеты. Даже для красного словца, которое трепали на языке советские вожди, понятия духовности и нравственности стали непригодны.

Писатель указывал – и это не нравилось очередным властным наемникам, – что мы по наивности своей, по русской доверчивости возрадовались, было, что демократическая власть, вроде уже не страдающая богоборчеством, ляльна к Православной Церкви, – как, впрочем, приветна и ко всем вероисповеданиям, вплоть до зловещих сект, – и что Церковь духовно, нравственно исцелит живущие и грядущие поколения русских людей. Но и тут нас поджидало горькое разочарование: новая демократическая власть оказалась более богоборческой, нежели прежняя коммунистическая, и еще более коварно изощренной, поскольку с ее гласного и негласного дозволения воцарилась бесовская “массовая культура”, насаждающая жестокие, низменные пороки, отчего влияние Православной Церкви на молодежь свелось до капли чистой воды в грязном потоке искусительной отравы. Мало того, “массовая культура” стала похожа барахолку, где рядом с “порнухой и чернухой” торговали самодельными иконами и нательными крестами, где зарабатывали на первом, еще внешнем интересе народа к святоотеческому, церковному, одновременно унижая и оскорбляя святоотеческое церковное, приравнивая иконы и кресты к жестоковыйным картинкам. Если в музеях снижали иконы до светской живописи, то в “массовой культуре” икону спихнули в гноище, где, воспетые, красовались изображения людских пороков. А народишко... слаб, и без карающей, милующей отеческой руки, без кнута и пряника ему не выжить. Отчего и ничем не вытравивая народная любовь к отцу народов Иосифу Сталину. А коль сатанинский натиск на христианство творился и творится с ведома и дозволения нынешних демократических властей, то чем же они, демокра-

ты, отличаются от ленинских богоборцев?.. Разве что изуверским лицемерием, тем, что на великие христианские праздники властители взяли моду со свечой в церкви стоять, православных иерархов обнимать, целовать?! Однажды... а выпало лихое времечко – выборы президента России... Валентин Распутин на встрече с избирателями неожиданно заявил: “Вы думаете, у Ельцина нет совести?! Глубоко ошибаетесь...” Народ замер: неужели Валентин Григорьевич, сурово обличая разрушительную власть, смирился со злом?.. Писатель пояснил: “Вы видели, Ельцин в храме держит свечку в правой руке... А почему?.. А чтобы не креститься, не божиться – совестно, поскольку это стало бы вершиной цинизма...”

Уж не близ ли порога русского злостие, о коем пророчества в староправославной книге “Басни до конца”: “Басни до конца во мнящихся христианех будут. Тогда восстанут лжепророцы и ложные апостолы, человецы тлетворницы, злотворницы, лжуще друг друга, прелюбодеи, хищницы, лихоимцы, заклинатели, клеветницы, пастырие якоже волцы будут, а священницы лжу возлюбят...”

Вот о чем печалился русский художник Валентин Распутин на трагическом переломе веков. И в этом – нам теперь понятно – была его непрощаемая вина перед хазарскими наемниками, царящими в Кремле. Но... утверждал писатель... отчаянье, устал, грешное унынье, равнодушие к своей судьбе и судьбе России еще не означают, что народ русский духовно умер, и уже не сыщется среди народа героев, подобных святорусскому богатырю, преподобному чудотворцу Илии Муромцу, в ком еще не выстыла любовь к Руси, святой и православной, кто еще может постоять за веру и Отечество, положив на алтарь русской судьбы свою жертвенную судьбу.

* * *

Всякому русскому... да и российскому иноверцу, неистраченному подлой политикой, было ясно, как Божий день: “Слово к народу”, подписанное и Валентином Распутиным, не таило цель насильственного свержения власти в стране. Хотя... может быть... и эдакая цель, достигнутая, могла бы стать спасительной для России в те роковые годы. Цель “Слова...” – духовное сплочение всех благоразумных патриотических сил для духовного же и хозяйственного возрождения России. “Наше движение, – сказано в “Слове...”, – для тех, кому чужд разрушительный зуд, кто горит желанием созидать, обустроить наш общий дом, чтобы жил в нем дружно, уютно, счастливо каждый народ, большой и малый, каждый человек, и стар и млад”. Разве в этом призыве таится хотя бы намёк на призыв к государственному перевороту?! А то, что в числе подписавших оказалось два будущих по тому времени “мятежника”, и что “Слово...” оказалось созвучно обращению к народу Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению (ГКЧП), означало лишь то, что последние советские государственники, замахнувшись на фармазонов, сдающих Россию мировой Хазарии, надеялись спасти Отечество у гибельного края. Жаль, что “спасение” выплеснулось в позорный фарс.

Борзые сочинители статей, где с бесовской усмешкой издевательски поносились имя и творчество Валентина Распутина, словно окаянными кулаком, потрясали авторитетом русского писателя Виктора Астафьева, и наш сибирский земляк, при всей сложности, противоречивости его тогдашних взглядов на происходящее в России, все же пытался уgomонить бешеных псов, лающих из “голубого ящика”, рыкающих с газетных гранок.

Русский цвет, чьи очи не замутились в сладостном угаре честолюбия, сребролюбия, гордыни, ясно видел: идеологический террор, исходящий от тогдашней либерально-демократической власти, обрушился вовсе и не столько на Валентина Распутина как отдельного писателя и публициста – грянул “последний и решительный бой” против русскости народа русского.

Нет победителей и нет побежденных, духовная брань не утихла; и кто одолеет на поле сражения – русские или распявшие Христа, – Бог весть, но в русских националистах... в смысле, любящих родную русскую нацию... жила неистребимая надежда на чудо: как и в былые потрясения, так и нынешние, Россия с Божьей помощью воспрянет из пепла, словно сосновый бор, взросший на былой гари. Вот и жили в ожидании чуда.

Но миновали перевал столетия, и река российского времени поглотила в мутной пучине сокровенное ожидание чуда: и даже самые ярые национал-патриоты, еще вчера дравшие глотку: “Бей врагов, спасай Россию”, — стали привыкать к тому, с чем бранились, не щадя живота, от чего еще вчера с души воротило. Смекнули: быть у воды и не напиться... Не все, но, увы, многие устали, смирились со злом в душе. Устали и на лиходеев, укравших Россию, ворчать — вдруг кинут кость с обильного стола, ибо живем снова...

Валентин Распутин в принародной, но откровенной беседе скорбел: “Нас (национал-патриотов. — **А. Б.**) раздирают, а мы набрасываемся друг на друга” (“Доля ты русская”: “Советская Россия” № 16, 2001). А почему набрасываемся, то писатель жалостливо утаил за скорбью, ибо “не судите да не судимы будете” (Мф. 7:1). Но и подсудимый душегубец, по коему тюрьма рыдает, вдруг завопит судьям: “Не судите!..” Так почему же вожди русского национализма — писатели, художники, политики и журналисты, — забыв о России, бешеными псами кидаются друг на друга, хватают за грудки?... Что же не поделили братья во Христе?... Власть, деньги, славу?..

Светлодушные, неистраченные честолобием, славолубием, сребролюбием, гордыней, обличали “братьев по оружию” лишь потому, что предатель страшнее врага — *свой среди чужих, чужой среди своих*. Враг виден издали, ка, виден насквозь, от врага, кроме погибели, русским ждть нечего, а чего ждть от родимого Иудушки, Бог весть: может, завтра подножку сунет, а то и засадит меж лопаток кривой варначий нож. Русское предательство, едва зримое, неисповедимое, как и нынешнее гениальное русское мошенничество, внешне благообразно. Красное словцо — одно: за веру, царя и Отечество не щадя живота!.. А жизнь — другое: без Бога и царя в голове. Иной борзый “национал-патриот” искренно и неистово крестится за Святую Русь, рвет принародно рубаху за други своя, клянёт царящую *нерусь*; но вот открестился, охолонился и припомнил, что и самому бы не грех поесть хлебушка с икрой да поносить пиджачишко с искрой, а для сего, оставаясь народно-православным, надо изловчиться и к хазарскому корыту прибиться. А народишко русский — хоть сдохни от холода и глада, абы я со чады жил в довольстве и неге; а народишку русскому — по грехам кара небесная: храмы рушил, семью царскую сгубил, у властей в рабах ходил... Но потом опять за народ русский будет креститься, божиться, головой оземь биться, — в тепле, светле, на сытое брюхо сподобнее о народе страдать. Иные волокутся с постным фарисейскими ликами, с тихими “христианскими” речами и церковными свечами, за бешеные деньги в Иерусалим, чтобы помолиться у Гроба Господня, словно в нищей сельской церквушке Господь не услышит молитву; другие... неисповедимы и непостижимы судьбы людские... неистовы в любви к Святой Руси, неистовы же и в поклонении “золотому тельцу”. Верно изрёк народ: плут богомолен, а вор слезлив... Есть *новые русские*, народились еще и *новоправославные*. Глазом не моргнёт, забыв Иисуса ради хлеба куса, обманет *новоправославный* брата во Христе, с коим вчера крестами менялся, клялся: да я!.. за други своя!.. Для други своя у Егорки в значке есть отговорки: чего после драки кулаками махать, коль тьма тьмущая победила солнечную Русь, полонили бесы святое угодье?! Ныне тихо поживём, хлеб пожуём... с икрой, а пиджак поносите с искрой (повтор!). Оно, конечно, стыдно быть богатым, пока народ в нищете, ну, да Бог с ним, с родным народом, сам виноват в своей скудости, — не кается, подлец, что с хазарскими чекистами семью царскую распял и церкви ломал. Баловни советской власти, окрепшие в теперешней власти, бушуют на Соборах, уличая *демоническую власть* во грехах, и в пламенных речах былой советский патриотизм... без Бога и царя... вдруг пышно окрасился православной риторикой, словно со скелета сдернули ленинский кумач и облачили костяк в расшитые золотой нитью багряные ризы. Уподобились они *праведным фарисеям* и книжникам, о коих Господь рече: “Дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!” (Мф. 23:5-7)

Искушение русской черни мелкотравчато — пьянство и блуд, кое мы, выходяцы из богемы, прошли вдоль и поперек; а искушение вождей русского па-

триотизма – искушение высокого полета, и цена тому искушению – русский народ. Избранные из божественной черни каются батюшке на исповеди и принародно, в исповедальных сочинениях: де, в калу свинячьем утопаю, “житие на земли блудно пожих и душу во тьму предах, ныне убо молю Тя, Милостивый Владыко: свободи мя от работы сея вражия, и даждь ми разум творити волю Твою”. Принародно плачется простолудин о душе своей, но я сроду не слышал публичного покаяния от верховодов, некогда возлюбленных народом, не устоявших перед соблазнами мира сего.

О том и печаль мудрого и горестного писателя Валентина Распутина, что от русской братчинности и общинности осталась сухая мертвая труха – все сожрал молох индивидуализма, честолюбия, сребролюбия, зависти, злободейства; и вышло так, что взяли русскую элиту прямо по “Протоколам сионских мудрецов”, даже если и сочиненных неведомо кем, то сочиненных со зловещей пронизательностью; впрочем, подобная “дьяволиада” никакой царской охране непосильна. Искусали и взяли с поличными: чем громче и восторженнее русские националисты пели о соборности и братчинности, тем дальше уходили в индивидуализм... ибо живем одна. И все же писатель надеется на чудо: “Если соберем волю каждого в одну волю – выстоим! Если соберем совесть каждого в одну совесть – выстоим! Если соберем любовь к России каждого в одну любовь – выстоим!”

Соберем ли камни, что разметали по миру?.. Но станем уповать на чудо: оживет в русских душах святая любовь к Богу, жертвенная любовь к сестре и брату во Христе, любовь к родимой земле, повеличенной Святой Русью, и тогда выстоим.

Россия, Родина... “Удивительно и невыразимо чувство Родины, – воскликнул писатель в пору озарения и вдохновения. – Какую светлую радость и какую сладчайшую муку дарит она, навещающая нас то ли в часы разлуки, то ли в счастливый час проникновенности и отзвука! И человек, который в обычной жизни слышит мало и видит недалеко, волшебным образом получает в этот час предельные слух и зрение, позволяющие ему опускаться в самые заповедные дали, в глухие глубины нашей земли. И не стоять человеку твёрдо, не жить ему уверенно без этого чувства, без близости к деяниям и судьбам предков, без внутреннего постижения за дарованное ему место в огромном общем ряду быть тем, кто он есть”.

ЛЕВ АННИНСКИЙ

КРАСНОТАЛ... ЧЕРНОТАЛ...

*Уж не сам ли Иоанн Предтеча
В валенках по улице идёт?*

Андрей Шацков

В поколении послевоенных мальчиков, которым довелось надеть красные галстуки и тотчас попасть в лавину анекдотов о героях революции, а потом дышать воздухом неверных оттепелей и мучительно искать своё место в позднесоветской реальности, готовясь сбежать хоть в сторожа и дворники от конвульсий накренившейся Системы, – в этом поколении Андрей Шацков чуть не единственный сразу и прочно нащупал путь.

Родившийся в последний год сталинской эпохи, выросший в перепаханном войной Подмосковье, он расслышал магическую музыку в самом имени своей малой Родины, в административном имени района:

– Рузский.

И музыке не изменил.

Интересно, что у истоков этого причащения русскости стоял такой деликатный, мягко-ироничный, лишённый всякого национального самоупоения лирик, как Валентин Берестов, однако именно он, прочтя в 1971 году первые стихи 19-летнего студента, утвердил его не просто в поэтической уверенности, но в базисном ощущении почвы, которая под ногами. Даже если она замечена снегом.

Под снегом кровь. Кровь предков. Меж красноталом и черноталом вьётся неторная тропа. Века русской истории вопиют из чащоб.

Поле, которое надо перейти, чтобы ощутить цену жизни, обретает имя. “Жизнь прожить – перейти Куликово поле”.

Конечно, к этой рати не сводится отечественная история. И Калка тоже помянута (впрочем, вскользь) в упрёк Блоку, что тот, “провидя Непрядву, не ведал о Калке”. Но “колченогая тень Тамерлана” – тут как тут. И золотоордынскому хану Ахмату, бежавшему от Ивана III с Угры, тоже сказано в спину всё, что полагается про “иго”. И Гришке Распутину, а с ним Тушинскому вору разъяснено, что им бы с Русью вовек не управиться. И хазарам, а также волжским булгарам указано место. “В лесах, кишаших чудью, вепсью, мерью”, – место, отвоеванное у матери-истории святыми благоверными русскими воинами.

И всё-таки оглушительным эхом пронзает всю эту жуть Куликовская битва. Гениальный стратег Дмитрий Боброк подаёт нам весть из своей легендарной засады. “Двести дубовых колод, наполненных мёдом, сохраняющим тела

наиболее знатных погибших ратоборцев, направлены в скорбный обратный путь в Московию” – хочется оплакать каждого. Навек врезана Непрядва в память Руси. От неё отсчёт – на Запад и на Восток. От Запада и от Востока упор.

*И лежит за великими поймами
Рек, смывающих прошлого груз,
Гулевая, святая, пропойная,
Неуёмная — вечная Русь!..*

Русью начато, Русью и завершится Вселенское колесо Андрея Шацкого. Но разберёмся сначала с Западом и Востоком.

На Западе, конечно, враги, но какие-то привычно терпимые. Ливонцы, литовцы. Надменные потомки тевтонов. Не столько к нам лезут, сколько нас до себя не допускают. А нам туда очень хочется? Не очень. Разве что порыбачить. Да на этот счёт у нас есть свой Сенеж.

“Не в Темзе ж рыбачить, не в Сене ж”, – снимает Шацков с проблемы философское грузило. Но оно свинцовой тяжестью обнаруживает себя в следующем рассуждении:

“Мы веруем во “Единого Бога”, а не “Бога и сына”, как латины, и наш Символ веры освящает истинную соборность, а не иерархическую лестницу католических чиновников, главный из которых Папа Римский. И в этой суровой борьбе двух миров икона – окно в мир Горний – являет собой более прямой путь к истинному Богу, нежели многочисленные схоластические изыскания”.

Это серьёзно. И в ответ на серьёзный тезис возникает у меня серьёзный вопрос: эта истинная соборность нам, русским, от природы дана или занесена хитроумными потомками Одиссея? Она есть Дар Божий или результат собственных многовековых усилий Руси, пластающейся между изгойством, диктуемым с Запада, и напором, прущим с Востока?

И тут обнаруживается, что в напоре с Востока много кровавой ярости, но мало внятного смысла. Какая-то неизбывная тошнотворная агрессия. Что-то вековечно “поганое”. И из каждой ситуации “хитро смотрит свирепый хан”. “Вислоусый и плосколицый”. Из-под ладони наблюдающий наше зарево. “Повелитель орд”. Ну, ладно бы только окаянный Мамай, явившийся к нам на Куликово поле, – от него мы отбились кровью лучших ратников, – так ведь висит узкоглазая физиономия надо всеми веками русской истории. Маячит “кочевник жестокий и хитрый”. Если с Запада – гниль, то с Востока – гибель. “Азиатская злобная конница табуניתся степной саранчой”. “Тугие луки” нацелены в “лебединое сердце”. Ещё опаснее у изворотливых степных разбойников “лисья хитрость” (каковую заимствовал у них наш гениальный стратег Боброк). А ещё опаснее этой татарской хитрости – монгольская *бесстрастная* орда, безлико и беспощадно нависающая над Русью.

Я хочу всё-таки влезть в этот зловецкий фронт со своими “схоластическими изысканиями”.

Монголы и татары – это одно и то же? Монгол сидит в белой юрте и отдаёт приказы, а на приступ идёт татарин, как правило, подневольный, у которого и имени-то внятного (для русских) нет, а есть кличка по тарабарскому говору: “тар-тар-тар...”. А кого захватила своей лавиной прущая с Востока орда – это ещё надо разбираться. Может, там и несчастные половцы, ради которых мы претерпели позор Калки. И уж нынешние татары никак не несут ответа за Орду, разве что чисто ономастически. Уж скорее калмыки, ногайцы, а более всего – казахи, тёзки наши по общей “волюшке”, отброшенные когда-то на Восток с Волги (нами же отброшенные), а теперь строящие вместе с нами общий Евразийский мир.

Я хочу напомнить, что “татарская тема”, составляющая у Шацкого стержень его лирики, падает не просто на Куликово поле, а на минное поле общей памяти, где перемешаны кости врагов и родичей и где всякая легенда может пронзить с неожиданной стороны.

Каково нынешним татарам читать про свирепых убийц, творящих все беды Руси под фатально совпавшим именем?

И как вмещает эту блуждающую боль такой пристальный поэт, как Андрей Шацков?

А ведь вмещает. Как? Повешу этот нелёгкий вопрос в качестве неотступного (до конца статьи) и попробую подойти к нему не с привычной прописью

о “дружбе народов” (в советские времена эта “пропись” удерживала нашу память от неразборчивой мстительности; из крупных поэтов 60-х годов один только Владимир Фирсов решался на прямую битву с Ордой, — за что и удостоился теперь от Шацкого почтительного посвящения), — меня сейчас интересует другое: лирическая ойкумена самого Андрея Шацкого, твёрдо вставшего на вековой русский путь и даже торящего в наших зарослях и заносах дорожку для Иоанна Предтечи, обутого, по нашему климату, в валенки.

Климат же поэзии определяет (у крупных поэтов) не актуальность того или иного “высказывания”, вовремя выданного в печать, а вся музыка стиха, воздействующего на читателя неотступно и всеобъемлюще.

Андрей Шацкий такую музыку создаёт. Тяжестью ритмов, пластикой рифм, дыханием цветописи, цепкостью словесного узорочья — от Аза до Ижицы, когда Аз начинает походить на ворота с верейей, а Ижица — на галку, взлетевшую над воротами.

Что бросается в глаза при чтении шацкого стиха — это тяжело ворожающиеся ударения. С упрямым обозначением акцентов. Вот так:

“Мне вновь приснилась птица — журавЕль. Или журАвль?..”

Или так:

“И всё сбылОсь.. и сбЫлось, как должнО!”

И даже так:

“Весь век с нелюбимою проОжит. А значит — впустую прожИт!”

Мешает ли это восприятию? Нет, как ни странно, не мешает. Потому что сверхзадача стиха — не четкий рисунок меняющейся реальности, а её загустевающие мазки, и тяжкий синтаксис, с переносами и повторами, куда лучше передаёт неуправляемое бытие, чем это мог бы передать летящий штрих.

Рифмы то устало проседают в прилизительность, то внезапно сцепляются в виртуозность. Когда Шацкий рифмует “версту” и “жду”, у меня закрадывается подозрение в элементарном профессиональном “недотяге”, но когда рядом братаются “другие песни” и “брёхи песьи”, или “юркой мыслью — недосягаемой мыслью” обдаёт меня запах дерева, по которому издревле растекается эта нерасторжимая пара, — у меня возникает ощущение не “недотяга”, а скорее “перетяга”. Ритмика и рифмовка, узлами перетягивающая снопы строк, напрягаются от напора реальности, грозящей сорваться с привычных мест.

И так же напряжена словесная ткань, вмещающаяся в ряды вроде бы понятные, но заново неведомые. Просинец понятен, когда рядом стоят межень и снежень, протальник и снегогон, хмурень и листождёр, но за бучилом и корзном иной читатель уже полезет в словарь, а такое чудо, как харлуг, и у Дадля, и у Фасмера не вдруг найдёшь. Меж тем, в стихе всё это тяжело и твёрдо работает. Контекстуально и затекстово. По нраву и образу лирического героя. По характеру его. По характеру жизни, которую он любит.

*Любимая, в твоих родных глазах
Я вновь обрёл всё то, что знал дотопле:
Широкое нетоптанное поле,
Кресты церквушек, стены в образах.
И сенокос, что в росах, как в слезах,
И ветер, что свистит о славной доле.*

И следом:

*Любимая, я в облике твоём
Увидел то, что скрыла сказок синька:
Осенний лес, вдали твоя косынка.
И чистым полем в неба окоём
Несётся витязь, сросшийся с конём.
Не забывай его, моя осинка.*

“Осинка” эта, вроде бы выпадающая из крестьянски-пропаханного, былинно-просеченного строя ассоциаций, где осина прочно отдана предателю для сведения счётов с жизнью, — деревце это, пересаженное на ниву любви, пронзает стих трепетом, на мгновение преодолевающим фатальную тяжесть реальности.

Любовь – короткое счастье и долгая грусть, она налетает внезапно и ранит надолго. Шальной грех сменяется угрюмым покаянием, пьянящий поцелуй кажется прощальным и последним, верность сердца всё время испытывается круговертью испытаний, на которые обрекает тебя история. А другой нет.

Круговерть эта отчасти приручена Шацковым в его “Славянском календаре”. Поэтический ежегодник на все двенадцать месяцев расписан по православным праздникам. “От Сретенья до Благовещенья, от Благовещенья до Вербного”. Ритм “Рождеств и Крещений”. Спасы без пропуска: “Спас Медовый, Нагорный, Ореховый...” Настольная книга верующего. Но не только. Ещё – сращение церковных канонов с “чисто народными обычаями” (что для меня, потомственного нераскаянного атеиста, особенно важно). И ещё мне важно – как читателю, вживающемуся в проповедуемый Шацковым “русский путь”, – вопрос о цене этой круглогодичной благодати. Горькая цена неизбывна. *Скорбь в Троицу. Победа над смертью в Пасху.* “Черёмуховые холода” в мае – “загадочная и жестокая причуда природы”, когда зима вдруг возвращается посреди весны. А на летнего Андрея? Опять горечь: “Я никого не отогрею”.

Понятно, что в ледяную стынь душа отогревается ожиданием тепла. Но в теплынь – неотступна мысль о холодах. Где начало и где конец этой круговерти? Нигде. Сквозь конец брезжит начало, начало предвещает конец. Приходит Богородица – чтобы оборонить от вечного лиха. Синева небес и белзна снегов ожидают удара фиолетовой мглы. Вера, Надежда и Любовь живут в памяти народа, тая давний ужас.

Это как бы православный женский праздник, более значимый, чем 8 марта. В народе он называется “Всесветный бабий праздник” или “Всесветная бабья выть”. Каким бы житем ни было, а уж полагаюсь бабе поголосить с утра о себе, чтобы потом со светлой душой за хозяйство приняться, утворяя мир и спокойствие в доме.

Спокойствием в доме не пахнет. Куда уйти от круговорота скорби? От этого фатального стога?

*В никуда... В фате из снежной ряби
С глаз долой, из сновидений — прочь!
Что ж ещё?.. Низки и мрачны хляби,
Непроглядна стынущая ночь!
И дожить пытаюсь до рассвета
В изголовье комкая плечо,
Я благодарю тебя и лето.
И тебя и лето... Что ж ещё?*

Что ж ещё?

Ещё – понять связь этой мрачной хляби, из этой рябющей замети – с ощущением Истории, где чередуются рассветы и закаты, и “бабья выть” сопровождает “гром победы”, раздающийся по красным дням.

Тут самое время вспомнить, что Андрей Шацков, окончив школу, не только не прервал работу на благо советской жизни (как было той жизнью запрограммировано), но сделал ещё и блестящую карьеру (институт – стройка – комсомол – райком – обком – министерство), прежде чем бесповоротно встать на “русский путь”, оставив за спиной марксизм-ленинизм и прочие фундаментальные заветы своей юности.

Какой ещё современный поэт может похвастаться такой загадочной биографией?

А никакой загадки тут нет. Русскую историю Андрей Шацков воспринимает не “кусками” и “этапами”, а целостно – как единую реальность, данную нам судьбой. С единой почвой под ногами – во все сезоны. С единым небом над головой – при любой погоде. С единой и неделимой драмой, проходящей через все акты.

Как?! И Перестройку, увенчавшуюся распадом великого государства, не заметил?

Заметил. Хотя и не заиклился, как многие борцы против “тоталитаризма”. Одно только стихотворение об этом переломе времён допустил в своё “Избранное”.

Тем интереснее в него вчитаться.

*На небе воронов до чёрта.
Юдоль деревьев — без листвы...
Стою, как Иоанн Четвертый
Средь обезумевшей Москвы.*

*Где с неизбывной жаждой воли,
Вот-вот запляшут от души:
То ль пугачёвское дреколье,
То ль декабристов палаши.*

К палашам и дреколью что-то должно прибавиться... Из арсенала Куликова поля... А вот и оно:

*Несётся гул окрестных звонниц.
Всё громче меди голося...
Но сколько азиатских конниц
Таят окрестные леса!?*

*Ещё цены не знает вече
За дерзость неразумных слов...
Лишь призрак плах в Замоскворечье
Грозит остудой для голов!*

Вот и заземлим теперь это “начало 90-х” на русскую историю. На её легендарных бунтарей.

С Пугачёвым у Шацкого отношения сложные. Вернее, простые — до элементарного отрицания. Пугачёв — “потрох собачий”. Предводитель “сброда”, шатающегося по просёлкам Руси. Самозванец! Век не видать ему Оренбурга! Век не взять “престольного града”!

Да и как ещё относиться к Пугачёву, от ударов которого качнулся державный престол, — тот самый престол, в основание которого столько сил положили во времена оны наши славные князья! Одна только отрада для русского сердца — что от Пугачёва “попрятались прусские хари”, кои Шацков поимённо перечисляет: “Кар и Меллин, и Рейнсдорп, и Муфель, и вдобавок ещё Михельсон...”.

Михельсона я бы из списка убрал: он не немец, он эстонец (говорю это в интонации знаменитой характеристики Барклай де Толли из фильма “Кутузов”: “Он не немец, он шотландец”; добавлю, что Суворов по бабке армянин, Боброк по отцу литовец, да и Кутузова надо бы проверить на предмет происхождения: не из татар ли).

Но оставим этнопросвечивание на закуску: в пугачёвском сюжете оно Шацкого не очень-то интересует. А интересует его — инструментарий. Исконный набор самозванца:

“Кнут орлёный, да дыба, да плаха, да проклятье, да ката топор!”

Что ж ещё?.. Всё тут.

Ну, с Пугачёвым немного разобрались. С Разиным дело действительно сложнее: тут сердце поэта не выдерживает, и он начинает свой “Плач по Стеньке” зачином: “Россия, я дышу тобой!” — от имени то ли своего, то ли Стенькина, а точнее — сливаясь с ним в ненависти к катам, ладящим плаху, к попу, который, анафемствуя, дрожит, да и к самому государю, “обрызгший облик” которого определён жалок рядом с героическим обликом казака, который хоть и пропал, но погулял на славу.

Так что же привязывает его душу к душе бунтаря?

Да всё то же, что соединяет вместе все колена непредсказуемой русской истории: плаха.

Теперь понятно, почему “призрак плах” в Замоскворечье венчает у Шацкого “Воспоминание о начале 90-х”? И какой ценой даётся истории России единство, если вбирать в эту историю всё, что там окровавилось, ничего не оставляя неуловимым врагам, вредителям, предателям, заговорщикам, самозванцам и прочим “собачьим потрохам”, грозящим Руси со всех сторон...

Стоп. Мы чуть не забыли ордынскую нечисть, повешенную нами для памяти на погребальный крест при исходе Куликовской битвы. Недаром же “азиатские конницы” таятся в окрестных лесах вокруг Москвы, “обезумевшей” в 1991 году! Не исчезают узкоглазые из шацковской поэтической летописи. Так и мерцают “разбойничьи очи” – и непременно раскосые. В “Задонщине” отмечено “врага скуластое лицо”. С Цимлянского дна давно затопленный Саркел – хазарская столица – “взглядом грозит раскосым”. От Вологды до Аляски простирает персты Богородица над “шалльной империей”, и на восточном краю её “в Троицком соборе... на якутском молится якут”...

Эта азиатская напасть кажется сплошным фронтом... если не вглядываться и не вслушиваться.

Если же вслушаться и всмотреться?

Якут – узкоглазый или нет? – крутится у меня на языке просветлённо-провокационный вопрос.

Да! – отвечает Шацков просветлённо-проницательно. И добавляет со знанием дела:

“И прекрасен древней Богоматери узких глаз таинственный прищур!”

Но и это ещё не самое пронзительное признание по части узкоглазости.

Самое пронзительное вот что:

*И достались мне в двадцатом веке
Отголоском позадавних дней
Башня легендарной Сююмбеки
Да коран прабабушки моей.*

Ах, вот оно что... Анна Горенко когда-то сняла проблему, примерив на пальчик колечко своей прабабушки. Коран там, наверное, тоже имелся.

Но ответ, ответ? Есть он у Шацкова?

*И один ответ на все вопросы —
Тот, что заучился наизусть,
Отчего в глазах своих раскосых
Я навек укрыл степную грусть!*

Всё! Снимаю шляпу. Настоящая поэзия делает то, что только она и может сделать, – историческую немислимость вбирает внутрь души. Портрет Руси завершается – той самой неуёмной Руси, гулевой и грешной, которая тонет в реках, смывающих “прошлое груз”. Надо только принять этот груз в душу. Надо только окольцевать себя памятью. Надо взлететь:

*...Над русской землёю, как ворот распахнутой,
От скал, где бушует волна океанная,
До степи польинной, нагайкой распаханной,
Где Разина песня звучит окаянная!*

Ну, правильно: если не окаянная, значит, не наша.

*В кисее фиолетовой сутеми,
На исходе ненастного дня
Перед ликом Вселенского Судии
Строг молитвенный сполох огня.*

От ненастья не уйти. Фиолетовая сутеми сторожит нашу голубоглазую наивность. И от огня не уйти. Надо только прищуриться, чуть сузить глаза, чтобы огонь не опалил.

*И лежит за Великими поймами
Рек, смывающих прошлого груз,
Гулевая, святая, пропойная,
Неуёмная — вечная Русь!*

И лежит, и бежит, и летит, и вязнет, и выкарабкивается, и гуляет, и отбивается... И валенки приберегает на случай прихода Иоанна Предтечи. И Господа поминает на всякий случай. И зорко следит, какие стрелы выбрасывают нависающие со всех сторон заросли: чернотал... краснотал?..

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ

Есть книги, на которые нельзя написать рецензию, как нельзя написать её на жизнь. Их можно только прожить.

Хотя, в сущности, и всякая настоящая книга такова. Начнешь говорить о “Капитанской дочке”, “Воине и мире”, “Отце Горио”, “Оливере Твисте”, “Братьях Карамазовых”, “Утраченных иллюзиях”, и, смотришь, уже говоришь о жизни, любви, беде, одиночестве, страдании, о дне за окном. Уже благословляешь или судишь людей, волнуешься, ждешь понимания. Живешь.

Прибегит Витька Астафьев к бабушке в слезах. Та к нему: Кто тебя? А он расскажет только что услышанного в школе “Кавказского пленника” и как дойдет до слов: “Братцы! Братцы!” – так уж зальются с бабушкой слезами вместе. Я стану читать маме “Последний срок” Распутина, и она будет плакать и смеяться, часто останавливать меня: “А у нас с отцом...” или “Охо-хо, вот и у нас матушка...” – и уйдет, уйдет в воспоминания, и ей уже Анна из книжки и не героиня, а собеседница и подруга.

А уж чего говорить о публицистических книгах – никакого сердца не хватит.

“Алгоритм” выпустил к 75-летию Валентина Григорьевича Распутина книгу его бесед с Виктором Кожемяко “Эти 20 убийственных лет”. А только “беседы” для этой книги – слово обманчивое. Беседа – дело мирное, даже уютное. А тут что ни слово – боль, что ни абзац – обвинительное заключение. Да и вся книга – приговор подлинно убийственному 20-летию.

Мы с колыбели знаем, что государство – семья, дом, живое единство, и болезнь одного органа – не частное дело. Как у пушкинского “Бориса” с совестью: “Но если... пятно единое, единое случайно завелось – тогда беда...” А ведь тут Распутин из года в год не о “едином и случайном” говорит, а с живым страданием утверждает общее поражение страны, её промышленности, сельского хозяйства, образования, культуры, языка, духа.

Еще в самом начале XXI века он говорил: “. . . мы оказались на другом берегу. Там, где мы были только что, закончилась история, в которой человек еще мог принимать участие. . . а вместе с историей закончилась человеческая цивилизация и общественная эволюция. Позади остались захоронения тысячелетних трудов и упований. Вокруг нас подобие прежней жизни, те же картины и те же дороги, к которым мы привыкли, но это обманчивое видение, тут все другое. И мы другие. И этот “подарок” новой календарной эре и всему миру сделала Россия. Она вдруг сошла со своей орбиты и принялась терять высоту. Но значение и влияние её в человеческом мироздании было настолько огромным, удерживающая её роль настолько велика, что вся планета, независимо от того, кто-то считает себя в выигрыше, почувствовала неуверенность и тревогу, всех обожгло наступление новой реальности на противоположном берегу Реки жизни”.

Как же услышать это и не остановиться?.. Не нам одним, а и беспечному миру, в котором, коли он внимательно на себя поглядит, тоже ведь сломалось что-то именно в тот час, когда мы “оказались на другом берегу”.

До этого порога в беседах, начатых в 1993 году, еще нет-нет звучала нота надежды, и он к концу непременно норовил утешить себя и нас, что безумие поразило не весь организм, что живые клетки еще есть. А уж как “сошла Россия с орбиты”, так он уже больше себя надеждой не обманывал, а глядел только мужественней и горше. Да ведь и то! Повторять ли, что заводы умерли, отдав свои цеха под супермаркеты и развлекательные центры, что “земля стала безвидна и пуста”, как до сотворения Мира, что телевидение окончательно простилось со старыми нравственными институтами, уже и не скрывая своей брезгливости к нам, перепроизводство литературы окончательно смыло границу между высоким и низким, и Россия окончательно перестала быть “удерживающей силой” не только для мира, а и для самой себя.

Слух привык, и душа уже не кричит, читая:

“Земельный кодекс с правом продажи земли – это только начало, приоткрытая дверь, но приоткрытая, больше уже не запертая...”;

“Россию старательно, как черномазую Золушку, преобразуют в глобализованную принцессу, чтобы ехать на бал Сатаны”;

“Что касается интеллигенции – нет в России больше интеллигенции в той роли и служении, какой она была прежде”;

“Элитарщина окончательно освободилась от всего, что называется служением Отечеству, освободилась от всяких обязанностей перед народом и добровольно заглушила в себе голос совести”.

Мастера духовного растления так вышколили нас за эти двадцать лет, что нам о правде, достоинстве и традиции уже и говорить неловко: “Опять вы за свое? Сколько можно?”. А мы уж будто и стесняемся сказать: да потому и можно, что за свое, за наше, расхищенное обезумевшей властью. Устали и смиряемся, что говорить: свои и так всё знают, чего их лишний раз беречь, а ТЕМ наши печали – не печали. Они построили своё, “свободное” от нравственных обязательств государство и уж гордятся им научились: слава Богу, у нас гражданское общество, не “застой” какой-нибудь. Вон у нас как умны Президент с Председателем правительства – нерадивых прямо в телевизоре наказывают, коррупцию пресекают одним решительным словом, пенсии повышают, землю в обиду не дают. Ну, а что этой землей торгуют направо и влево уже и святые для народного сердца Михайловское и Бородино, Ясную Поляну и Архангельское, так у вас на то Общественная палата есть, Общество охраны памятников – давайте смелее! А что законы “резинковые”, так предлагайте свои поправки – Дума рассмотрит.

Получаю я, как член Общественной палаты, план работы Думы на полугодие и не знаю, смеяться или негодовать: чуть ли не каждое заседание посвящено вопросу о “внесении поправок”. День за днем, год за годом – “о внесении поправок”. А потом за закон берется Общественная палата, приступает к своим уточнениям и возвращает на доработку, чтобы Дума могла приступить к следующему “внесению поправок”. Всякий закон, в конце концов, становится похож на “воронью слободку” из сотни пристроек, и там всякий найдет себе уголок, оправдывающий необходимое умному чиновнику своеволие.

Конечно, какая уж тут традиция, какая память, какая история, какое Отечество... Спросите себя, когда в последний раз вы слышали из уст Президента или Председателя Правительства слово “Родина”. Не спрашивайте – не слышали. Когда руководство страны говорило о духовном выборе, о национальном пути, когда они цитировали Толстого, Достоевского, Чехова...

И Валентин Григорьевич замолчал окончательно. Общество может успокоиться. Его больше не будут тревожить напоминанием навсегда устаревших слов “традиция”, “народ”, “совесть”. А у меня всё нейдут из памяти слова Альбера Камю: “Если бы я написал книгу о нравственности, в ней было бы сто страниц и девяносто пустых, а на сотой было бы написано: я знаю только один закон – любить, а на остальных страницах я говорю “нет”, пока хватит сил”.

Всё творчество Валентина Григорьевича было одним этим законом “любить”, который и соединял нас в одно сердце, пока соблазны своеволия и обольщения “цивилизованного человечества” не изломали вековечную систему ценностей. И тогда осталось одно: пока хватит сил, говорить “нет”. Таким “нет” и стала книга “Эти 20 убийственных лет”.

Горе времени, оставляющему о себе такие свидетельства.

ВЛАДИМИР РОДИН

ГЛУПОСТЬ ИЛИ ИЗМЕНА?

В октябре 2012-го исполнилось 22 года со дня объединения Германии на условиях Запада. Бывший президент СССР Горбачёв дал согласие на поглощение ГДР – нашего друга и союзника – Федеративной Республикой Германией и включение объединённой Германии в НАТО. Падение первого социалистического государства на немецкой земле, несущей опоры безопасности Советского Союза в Европе, стало одним из звеньев в цепи тектонических событий, потрясших нашу планету в конце XX века: распад Советского Союза, крах Варшавского договора и Социалистического содружества в Восточной Европе. Россия, вынесшая на своих плечах главную тяжесть борьбы с агрессией Европы, начатой гитлеровской Германией, была отброшена к границам Брестского мира и оказалась в положении разделённой нации. Прибалтика и страны Восточной Европы были включены в НАТО и превратились в плацдарм для размещения американских военных баз, которые, как дамклов меч, нависли теперь над нами. Полным ходом идёт подготовка к развёртыванию вблизи границ России американской ПРО, призванной максимальной снизить порог безопасности нашей страны.

Даже в самом страшном сне советские люди не могли представить себе исчезновение с политической карты мира СССР и ГДР. О том, как это произошло, со знанием дела рассказал последний посол ГДР в СССР (1987–1990) Герд Кёниг в книге “Крах братского союза”*. Герд Кёниг ушёл из жизни в 2009 году, труд завершили его коллеги Карл-Хайнц Фельберг и Манфред Шюнеманн.

Герд Кёниг – один из многих верных друзей Советского Союза, связавших в послевоенное время свою судьбу с рождением и укреплением ГДР, с развитием жизненно важных для молодой республики отношений с Советским Союзом. Как и многие молодые люди из ГДР, он получил высшее образование в Москве (окончил МГИМО) и добился больших успехов на дипломатическом поприще. **“Все годы после войны Советский Союз был для меня образцом, – подчеркивает Кёниг. – Я защищал его внутреннюю и внешнюю политику и делал всё – в меру моих сил, – чтобы углубить дружеские отношения с Советским Союзом”.**

---

* Erinnerungen des letzten DDR – Botschafters in Moskau Gerd Koenig. Fiasko eines Bruderbundes. 2011 edition ost Das Neue Berlin.

РОДИН Владимир Митрофанович родился в 1928 году в Сталинграде. Окончил МГИМО. Работал в советских посольствах в ГДР, ФРГ, Индии. Автор книги “Вертикаль личности. На крутых поворотах российско-германских отношений. 1933–2011 годы”. Живёт в Москве.

Книга Кёнига – серьёзный вклад в “спор о Горбачёве”, который с новой силой вспыхнул в мировой прессе и вызвал очередную лавину комментариев на тему: “Глупость или измена?!” (Игорь Шумейко в статье “Неуместное закливание” – “ЛГ”, 18.04.2012 – резонно задаёт вопрос: “Но почему же – ИЛИ?”)

Кёниг – дипломат, и это говорит о многом. В воспоминаниях он опирается на факты и сведения, которые он почерпнул в ходе встреч на высшем уровне между Горбачёвым и руководителями ГДР: Эрихом Хонеккером, Эгоном Кренцем и Хансом Модровым. Опираясь на их свидетельства, Кёниг даёт довольно объективную и честную картину начала и краха перестройки, затеянной Горбачёвым, которая привела к гибели ГДР и причинила огромный ущерб интересам безопасности самого Советского Союза. При этом Кёниг не скрывает ошибок руководства ГДР.

Значение советско-германского союза

Советский Союз, отмечает Кёниг, в решающей степени участвовал в создании ГДР. В пропаганде ГДР её образование характеризовалось как важнейшее событие Второй мировой войны. Но это, по мнению Кёнига, “не соответствует фактам”. “Важнейшим событием войны для Советского Союза было продвижение границ его безопасности далеко на Запад. За это он заплатил в войне огромную цену: большой материальный ущерб; разрушение значительной части промышленности и сельского хозяйства; руины тысяч городов и сёл; уничтожение невозполнимых культурных ценностей и, самое главное, 26 млн убитых. Это оставило в сознании народов Советского Союза глубокий след и оказало решающее влияние на советскую политику в отношении Германии”.

Начиная с 1945 года политика СССР, отмечает Кёниг, была направлена на то, чтобы “использовать достигнутое такой огромной ценой стратегическое преимущество для обеспечения советских интересов в Европе. Когда оказалось, что первоначальная цель советской послевоенной политики – создание единой, антифашистской, демилитаризованной, демократической и нейтральной Германии – не могла быть реализована, особое и даже выдающееся значение в рамках этой политики приобрела советская оккупационная зона и созданная на её территории ГДР”. Учитывая, что ГДР представляла собой центральный фактор политики СССР по обеспечению его интересов безопасности в Европе, Советский Союз был заинтересован в политически и экономически стабильной ГДР, прилагая большие усилия для её укрепления и международного признания.

Советский Союз, говорит далее Кёниг, всегда видел в лице ГДР близкого и верного союзника и хорошо понимал, что ослабление, не говоря уже о потере ГДР, имело бы серьёзные последствия для его пребывания в Центральной Европе. Но и ГДР “имела самый непосредственный интерес в сохранении и укреплении советских позиций в Центральной Европе. Можно упрекать руководство ГДР, но ни один из её лидеров, будь то Ульбрихт, Хонеккер, Кренц или Модров, никогда не забывали, что само существование ГДР как социалистического немецкого государства зависит от всесторонней и широкой поддержки Советского Союза. Он был жизненно важным гарантом будущего ГДР. Без военно-политического обеспечения Советским Союзом безопасности ГДР она была бы нежизнеспособна, поскольку не выдержала бы давления со стороны ФРГ и западных держав. Из этого переплетения интересов и взаимозависимости вытекала необходимость согласия по всем принципиальным вопросам внешней политики, включая проблемы безопасности, что, в свою очередь, позволяло Советскому Союзу оказывать значительное влияние на политику ГДР”.

Кем был Горбачёв в действительности?

Кёниг считает, что Генеральный секретарь был совсем не прост. Приход Горбачёва в большую политику произвёл самое благоприятное впечатление как в Советском Союзе, так и в ГДР, отмечает Кёниг. Впервые за многие годы во главе КПСС встал человек, который держался уверенно, говорил свободно, быстро устанавливал контакт с людьми, который, “как казалось, не только знал проблемы и недостатки, но и говорил о них, критиковал и осуж-

дал их. Своими выступлениями, словами и заявлениями Горбачёв быстро завоевал симпатии людей в Советском Союзе и за рубежом”. Надо также сказать, что для продвижения своих идей Горбачёв и Яковлев успешно использовали так называемую “тактику салями”. Опубликовали в “Правде” концепцию “общечеловеческих ценностей” — народ молчит. Значит, можно двигаться дальше. Этот метод был применён и при сдаче ГДР. Надо, чтобы народ в Советском Союзе постепенно привыкал к мысли о приближающемся объединении Германии, философствовал Горбачёв.

Беда в том, что у Горбачёва, как полагал Кёниг, не было никакой конкретной программы дальнейшего развития СССР, всего социалистического лагеря. Генсек, отмечает Кёниг, никак не хотел говорить о том, что означает перестройка. В беседе с руководством ГДР Горбачёв как-то обмолвился: перестройка — это мирная революция. Но ведь в России уже была революция в 1917 году. Значит, это контрреволюция!? (Дальнейшее развитие событий в Советском Союзе подтвердило вывод наших немецких друзей. А для успеха контрреволюции надо было идеологически опорочить достижения социалистической революции в России, чем и занялся Горбачёв при поддержке нашей “продвинутой” интеллигенции. — **В. Р.**)

В беседах с Кёнигом Хонеккер выражал серьёзную озабоченность дискуссией об истории КПСС в Советском Союзе. В советской прессе “преступления Сталина” выдавали за “родимые пятна социализма”. Под флагом борьбы против сталинизма развернулась кампания по дискредитации социализма. Такие публикации, — говорил Хонеккер, — “манна небесная для наших противников, которые пытаются разыграть КПСС против СЕПГ”.

Хонеккер спросил Кёнига, почему в Советском Союзе предаются идеалы Октябрьской революции? “Достижения в Советском Союзе неоспоримы, — рассуждал Хонеккер. — Кто может поставить под сомнение, что промышленность достигла таких высот? То же можно сказать и о советской системе образования. В начале 30-х годов, когда он учился в Москве и работал в Магнитогорске, он постоянно встречался с малограмотными людьми. Сегодня в СССР — миллионы высококвалифицированных учёных, врачей, учителей и, прежде всего, образованный рабочий класс и крестьянство. Как можем мы перед лицом этих фактов не критично поддерживать всё, что в настоящее время пишут, говорят и делают в Советском Союзе?”

Затем, отмечает посол, он сделал такое признание, которого я не ожидал от Хонеккера. Он подтвердил, что в ГДР — вследствие неконтролируемого развития в СССР — “уже происходят потрясения. Это вполне понятно — ведь мы же, в конечном счёте, всегда учились у Советского Союза и воспитывали в этом духе наших людей!”.

На XIX партконференции КПСС в 1988 году Горбачёв и его сторонники открыто заявили о своём намерении реформировать “политическую систему” в СССР. При этом главный удар был нанесён по КПСС. Ревизии подверглась ведущая роль партии в советском обществе. Кардинальная ошибка руководства СЕПГ, — по мнению Кёнига, — состояла в том, что оно не сумело разобраться, насколько опасный для социализма характер принял горбачёвский эксперимент.

Кризис легитимности политической системы, отмечал Кёниг, развивался “широким фронтом. В общественной жизни Советского Союза произошло выхолащивание и демонтаж политической системы, в центре которой стояла КПСС. Властные структуры партийного аппарата были уже серьёзно ограничены. Постоянная замена Горбачёвым партийных и государственных функционеров на всех уровнях вызвала растерянность не только в партийном и государственном аппарате. Такая практика ослабила лояльность в отношении Горбачёва, мешала его руководящей деятельности и привела вскоре к вакууму власти. Возникли серьёзные проблемы в экономике, снабжении населения товарами первой необходимости... На этом фоне, начиная с 1988 года, стали формироваться альтернативные силы и движения (Ельцин)”.

Идею перестройки Горбачёв начал упорно насаждать в странах Восточной Европы. Тут ваш покорный слуга хотел бы сделать небольшое отступление. Ну, хорошо, скажет читатель: СЕПГ, наши друзья и ГДР... а сами-то куда смотрели? Где были наши “умные парни” в КГБ, МИД, Минобороны? Они — что? — не понимали, куда тянет страну Горбачёв? Хороший вопрос, уважаемые читатели. Должен честно сказать: не раскусили мы тогда Горбачёва.

Это уж потом... А вначале мы тоже были “околдованы” им. Ещё бы! – решил сорвать “паутину лжи”, смело вскрывал недостатки и пр. Здесь моё мнение совпадает с оценкой личности Горбачёва, данной Кёнигом. Но есть ещё один очень важный момент. По традиции, царь, генсек или президент пользуются в матушке России огромной, почти неограниченной властью, что имеет свои плюсы и минусы. Горбачёв пришёл к власти в СССР не в результате политической борьбы, а путём интриг. Народ получил фактически “кота в мешке”. А уж дорвавшись до власти, Горбачёв сумел в полной мере использовать все преимущества “тоталитарной системы” для “продавливания” перестройки.

Очень интересные штрихи к портрету Горбачёва даёт Кёниг. Он говорит, что Горбачёв не терпел даже малейшей критики и подавлял её в зародыше. “Излюбленный метод Горбачёва в борьбе с противниками “перестройки” или с теми, кто сомневался в её целесообразности, состоял в том, чтобы наклеивать на них ярлык консерватора или догматика и исключать, таким образом, из политической жизни. При этом никто даже не удосужился объяснить, что означает в каждом конкретном случае “консерватизм и догматизм”. С теми, кто не разделял идеи Горбачёва, “никто больше не дискутировал, их мнение никого не интересовало, поскольку они мешали Горбачёву и его команде”. Если бы Горбачёв прислушивался к мнению многочисленных специалистов, которые призывали его более продуманно подходить к принятию решений, то “можно было бы избежать некоторых ошибок во внутренней и внешней политике”, – отмечает Кёниг (“некоторых” – вежливо сказано. – В. Р.).

Горбачёв ищет признания и поддержки на Западе

Потерпев неудачу внутри страны, Горбачёв решил добиться успеха перестройки в “планетарном масштабе”. На XIX партконференции он впервые упомянул концепцию “Свободы выбора”, которая должна была стать универсальным принципом в международных отношениях, когда “выживание цивилизации стало важнейшей проблемой человечества”. В последующих выступлениях он начал развешивать мысль о том, что без существенной корректировки внешнеполитического курса СССР невозможно установить деловое сотрудничество с Западом и, прежде всего, с США, положить конец гонке вооружений (на первый взгляд звучит разумно. Но ведь руководство Советского Союза всегда держало курс на прекращение гонки вооружений и добивалось в этом деле определённых успехов. – В. Р.).

Однако Горбачёв полагал, что во внешней политике СССР было много консерватизма и догматизма и что в этом деле можно, дескать, добиться прорыва, если Советский Союз проявит большую готовность к компромиссам. Но ведь компромиссы компромиссам рознь. И Кёниг совершенно справедливо указывает на то, что “внутриполитическое давление и стремление к быстрым внешнеполитическим успехам превратили эту – вначале убедительную и обоснованную концепцию – в политику постоянных уступок американцам. Как первый шаг определяет направление движения, так и первые шаги Горбачёва в области внешней политики оказали влияние на его дальнейшие действия, его успехи и, прежде всего, его поражения”.

В начале 1985 года Горбачёв освободил Громыко от должности министра иностранных дел и поставил на его место Шеварднадзе. Кёниг нашёл замечательные слова для характеристики деятельности Громыко. “Его отставка означала конец целой эпохи в советской внешней политике и дипломатии. Он был убеждённый коммунист и верный представитель советской политики. Свою главную задачу он видел в укреплении и сохранении мира для Советского Союза и всей планеты, защите материальных, социальных и культурных достижений СССР и его граждан. Политический курс советского руководства он всегда отстаивал последовательно, иногда жёстко, но, как правило, с большим дипломатическим искусством. Он упорно боролся против угрозы новой ядерной войны, за достижение соглашений по разоружению и ограничению вооружений”.

Совершенно иным политиком, по мнению Кёнига, был Шеварднадзе. Разумеется, он был “абсолютно предан Горбачёву и, в любом случае, полезен для реализации политики “нового мышления”. Но национальным интересам Советского Союза он причинил серьёзный ущерб. Сам факт назначения – в критической для сохранения Советского Союза ситуации – грузина, а не

русского, руководителем Министерства иностранных дел Кёниг считает ошибкой. Шеварднадзе были “чужды великодержавные, имперские настроения”.

Главным недостатком в его деятельности было “отсутствие дипломатического профессионализма и опыта в обращении с политикой США и западными дипломатами. Это была не его вина. Но он не опирался на своих опытных заместителей, пренебрегал их мнением и быстро освобождался от критически настроенных и неудобных сотрудников. Не менее негативно сказывалась на работе Министерства и его слишком большая готовность к компромиссам”.

Удивительно точно Кёниг вскрывает главный порок внешней политики Горбачёва: слепое поклонение Генсека и членов его Политбюро общечеловеческим ценностям привело их к забвению “национальных интересов СССР и его союзников. Шеварднадзе не обладал, к сожалению, дипломатическим искусством – умением сочетать защиту общечеловеческих ценностей с отставанием интересов своего государства – СССР. В этом отношении он мог бы поучиться у своих американских коллег, которые это делали мастерски”.

На самом деле все переговоры о разоружении, которые вели Горбачёв и Шеварднадзе, представляли собой распродажу национальных интересов Советского Союза ради прославления Горбачёва как “спасителя человечества от взаимного истребления”. Посмотрите, какую философию переговоров с Западом по разоружению развивал Шеварднадзе в беседе с Кёнигом в 1989 году. Шеварднадзе был убеждён, что односторонние меры Советского Союза по сокращению советских вооружённых сил, вооружений и военных расходов, поддержанные ГДР и другими социалистическими странами, “усилят давление (!?) на западные страны и заставят пересмотреть их позицию по вопросам разоружения”. Оторопь берёт, когда читаешь эти *благоглупости*. Но ведь это была *официальная* политика Горбачёва. А вспомните, сколько было разговоров о том, что за роспуском Варшавского договора вот-вот последует роспуск НАТО, и тогда... “Маленькие девочки и мальчики из Советского Союза будут вместе со своими американскими сверстниками весело играть на зелёной лужайке у Белого дома”.

Надо сказать, что на Западе – в отличие от нас – быстро раскусили Горбачёва и поняли, что этот неопытный в политике, но очень самонадеянный и тщеславный утопист может помочь Западу выдворить *русского медведя* из Европы и *загнать его за Урал*. Горбачёву стали оказывать и моральную поддержку, и материальную помощь. Запад стремился не допустить свержения Горбачёва в Советском Союзе, пока он не завершит свою *разрушительную миссию*. Ему стали *курить фимиам*, осыпать наградами (Нобелевская премия мира). Главным куратором Генсека стал канцлер ФРГ Коль, поскольку он увидел в его лице политика, с которым можно договориться об объединении Германии. Когда Шеварднадзе по поручению Горбачёва обратился к Колю с просьбой о крупном кредите, то канцлер с удовольствием выполнил его просьбу, резонно рассчитывая на взаимность в решении “германского вопроса”. **Западные немцы спасли Горбачёва от советских генералов, которые оказывали упорное сопротивление его совершенно необоснованным уступкам на переговорах с американцами по вопросам разоружения. Дело дошло до резких перепалок между министром обороны маршалом Соколовым и Шеварднадзе на заседаниях Политбюро.**

Недовольство Горбачёва военным руководством достигло в первой половине 1987 года опасной черты. Но Горбачёв, полагает Кёниг, “опасался открытого конфликта с военными”. И тут ему помогли западные немцы. 28 мая 1987 года на Красной площади приземлился западногерманский лётчик-спортсмен Матиас Руст. Это дало возможность Горбачёву расправиться с неудобными ему генералами, на которых он возложил всю ответственность за национальный позор.

Министр обороны Соколов и целая группа генералов были отправлены в отставку.

ГДР между двух огней

Сближаясь с Западом, Горбачёв всё дальше расходился с союзниками по соцлагерю, прежде всего с ГДР. Исходным пунктом идеологического конфликта между КПСС и СЕПГ стала девальвация горбачёвским руководством

существующей модели социализма, к чему руководство КПСС пришло “в результате трезвой оценки советской действительности по сравнению с достижениями капитализма”. Однако руководство ГДР не могло согласиться с призывом “учиться у классового противника в интересах улучшения системы”, поскольку такая идеология лишала легитимности её существование”, — отмечает Кёниг.

Идеология ГДР строилась на тезисе о “превосходстве социалистической системы ГДР над капиталистической системой ФРГ”. Отсюда позиция руководства ГДР: оно не видит никакой необходимости в проведении “принципиальных политических и экономических реформ”. Надо отдать должное Кёнигу — он честно признаёт, что отказ от любых реформ “подорвал доверие населения к политике СЕПГ и вызвал симпатии к Горбачёву и перестройке”. Но ваш покорный слуга хотел бы добавить, что руководство СЕПГ уже тогда понимало, какими бедами грозит идеологическая дискуссия такого рода как для Советского Союза, так и для ГДР, но оно не могло открыто говорить об этом, поскольку было связано дружескими узами с СССР. Тем паче, в результате обещаний Горбачёва улучшить социализм в Советском Союзе экономическое положение там резко ухудшилось, что, разумеется, не прошло незамеченным в ФРГ. От солидных капитанов западногерманской промышленности и банкиров в адрес Горбачёва стали поступать — через институт Богомолова и по другим каналам — предложения “обменять” ГДР на крупную финансовую помощь Советскому Союзу. Называлась даже сумма — 500 млрд марок. В ФРГ для бесед с Колем зачастили тайные эмиссары Горбачёва (в частности, Николай Португалов, сотрудник ЦК КПСС).

Начиная с января 1990 года Горбачёв “уже без всяких стеснений связывал свои просьбы к Колю и правительству ФРГ об оказании материальной и финансовой помощи с политическим покером по вопросу о германском единстве”, — пишет Кёниг.

Глубокое разочарование в руководстве СЕПГ вызвали высказывания представителей советской интеллигенции по германскому вопросу, которые, как считал Хонеккер, лили воду на мельницу противников ГДР. 9 июня 1988 года *Die Welt* опубликовала материал о беседе с советским профессором Дашичевым под заголовком: “Стена должна исчезнуть”. Согласно сообщению редакции, Дашичев заявил, что Берлинская стена и колючая проволока являются остатками “холодной войны”. По этому поводу посол Кёниг сделал представление в ЦК КПСС. Но самое удивительное с послом Кёнигом, пожалуй, за всё время его работы в Москве, произошло, когда с ним — “для доверительной беседы” — предложил встретиться ответственный сотрудник ЦК КПСС Фёдоров. В беседе на вилле посла в Серебряном Бору Фёдоров заявил буквально следующее: своё существование ГДР “не должна слишком тесно связывать с современным социализмом в республике”. Существование ГДР, её государственный суверенитет гарантированы не социализмом, а целым рядом международных договоров. Какой бы ни возник социализм в ГДР, даже если его совсем бы не было, ГДР сохранится как государство. Даже ближайшие союзники ГДР не дадут в настоящее время согласия на воссоединение Германии.

Опасность для ГДР, говорил Фёдоров, исходит, в первую очередь, от “внутриполитического развития, массовых выступлений граждан республики” (этого очень боялся Горбачёв).

Самым настоящим актом предательства, ударом в спину ГДР стало заявление Александра Яковлева Гессенскому радио в январе 1989 года о Берлинской стене: “Это не наша стена, не мы её построили, это дело ГДР”. Яковлеву вторил Шеварднадзе. А ведь на самом деле решение о возведении стены в Берлине в 1961 году было принято в рамках Варшавского договора, чтобы спасти мир от реальной угрозы третьей мировой войны. После завершения операции по закрытию границы с Западным Берлином руководитель ГДР Ульбрихт попросил посла в ГДР Первухина: “Доложите товарищу Хрущёву: приказ выполнен, всё в порядке” (см. Квицинский Юлий. *Время и случай*. Заметки профессионала. Москва. “Олма-Пресс”, 1999).

Заявление Яковлева о Берлинской стене стало сигналом для Запада: Советский Союз не намерен больше защищать безопасность ГДР. 9 ноября 1989 года пала Берлинская стена, а 3 октября 1990 года произошёл аншлюс ГДР Федеративной Республикой Германией.

Затем рухнул и Советский Союз.

ПАВЕЛ КОСЯКОВ

ПЯТЬ ПОЭТОВ

К выходу поэтического сборника “На границе тысячелетий”

Без сомнения, выход этой книги следует рассматривать как очередную добротную попытку осмыслить современный поэтический процесс в русле классической русской традиции. Отрадно, что за последние три года, несмотря на известные трудности, в Москве вышло несколько подобных сборников, определённым образом сканирующих русское поэтическое пространство. Это и антология поэтов шестидесятих годов рождения Бориса Лукина, и книжка критических статей о современных поэтах Сергея Казначеева, и поэтический сборник, где я выступил в качестве редактора-составителя, “В пятидесятых рождены...”, и это далеко не весь перечень. И вот очередная интересная работа В. П. Смирнова – составителя и автора предисловия поэтического сборника “На границе тысячелетий. Страницы русской лирики”, совсем недавно вышедшего в издательстве Литературного института имени А. М. Горького.

С большим удовольствием и любопытством я прочитал стихотворные подборки пяти представленных поэтов. За исключением Сергея Попова, творчество остальных авторов мне было хорошо известно. Сборник удался. По сути дела, под одной обложкой редактор и его помощники скрупулёзно и выверенно собрали пять полновесных авторских избранных книг стихотворений.

Это поиск внутренних глубинных пластов русского самосознания Светланы Сырневой.

Сдержанная пронзительность смыслов Александра Сорокина.

Широта и полнота исторических проекций Юрия Беличенко.

Мозаичные зарисовки блуждающих во времени хроник Сергея Попова.

Обожжённая память долга Виктора Верстакова.

Поэты разных стилистических школ, непохожих мироощущений... И всё-таки есть нечто главное, опоясывающее всех этих авторов – биение живой русской души. А душа русского поэта живёт не за счёт – а во имя! В этом её трагическая непохожесть и историческое бессмертие.

Выход в литературный свет данного поэтического сборника, я уверен, придётся по вкусу и ко двору самой взыскательной читательской аудитории, не разучившейся за двадцать последних лет безвременья отличать зёрна от плевел. Несмотря на различную степень авторского дарования, составителям удалось в целом высветить достаточно широкий спектр стилистических направлений в русской традиционной поэтике. К тому же четверо из пяти представленных авторов – поэты одного поколения, одной социально-культурной формации, что само по себе вызывает определённый литературоведческий интерес. Именно эта плеяда поэтов, рождённых в пятидесятых годах, является сегодня творчески определяющей в России. Именно с этим поколением, вошедшим в свою духовно-эстетическую зрелость на рубеже столетий, литературно-критическая мысль связывает ближайшие надежды на возрождение поэтических высот в русском стихотворном пространстве. Так ли уж беспочвенны подобные чаяния – покажет время. Но так хотелось бы не ошибиться.

АЛЕКСЕЙ ДМИТРОВСКИЙ

профессор

МЫСЛЬ И ВОЛЯ

Сборник “Исследования по русской философии и культуре”, вышедший в издательстве Калининградского университета им. Иммануила Канта в соответствии со своим замыслом, содержит три раздела: “Проблемы русской философии”, “Научные сообщения”, “Исследования по русской культуре”. Сквозная идея сборника, вероятно, может быть обозначена словами, вынесенными в заголовок предлагаемой рецензии, памятуя вещи слова одного из величайших умов XX века А. Ф. Лосева касательно того, что “всякая философия, которая не кончается учением о Родине, есть наивная и ненужная философия”. Так, вышедший сборник научных трудов – сборник **мудрый** и **нужный**, а опубликованные материалы охватывают русскую философскую мысль от её зарождения в XI веке до современности, являя её исследование как в национальной уникальности, так и в исторической значимости. В этой связи ключевыми в сборнике представляются статьи общеметодологического порядка: С. А. Нижникова “Отечественная духовная культура и философия”, С. Г. Семёновой “Основные черты русской религиозно-философской мысли. Самобытность и универсальность”, С. В. Корнилова “Философия русского зарубежья: развитие категориальных структур”, М. А. Маслина “Стереотипы в истории русской философии”, П. С. Таранова “Русская философия – базис метафизики любой будущей философии”. Здесь представляется методологически решающим, во-первых, утверждение русской бытийственнопостигающей мысли в её собственно философском статусе, во-вторых, её действительную и человечески спасительную направленность и, в-третьих, её особую проповедническую жанровую структуру. В целом же главное исторически сложившееся свойство русской философии, вероятно, наиболее объёмно сформулировано в статье С. Г. Семёновой: “Русская мысль – коллективная эпопея, но не о прошлых героических деяниях великих предков, а скорее единая проекция, мыслительно-душевный порыв в “будущий век”, в новый эон, в новую очищенную природу, в будущие деяния по её стяжанию”.

Ряд статей сборника посвящён исследованию различных этапов истории русской философии и актуальных сторон деятельности отдельных философов. Это статьи Ю. Т. Лисицы и О. В. Лисицы, Н. А. Четвериковой, В. И. Гнатюка, Л. В. Довыденко, А. И. Семёновой, О. В. Петешовой, А. Р. Станкевич, С. В. Лебедева. В публикациях В. С. Малаховского и К. Д. Карабаевой рассмотрен отечественный естественнонаучный и художественно-эстетический фон русской философской мысли. Что же касается культурологической проблематики сборника, то здесь особо выделяется исследование уникального феномена русского странничества, как духовного делания, представленное в двух статьях: С. В. Корнилова и Л. А. Мальцева.

Важнейшим свойством сборника является его выход на общеславянскую философскую проблематику с выявлением роли и места в ней русской философии. С этим непосредственно связана статья Л. А. Мальцева “Русская и польская модель экзистенциализма: традиции Достоевского”. Но и просто сопоставления концептуальных характеристик русской и польской философии, в опорных словах всеобщности, духовности, космизма и действительности – свидетельствуют эту общность. Так, к примеру, С. Г. Семёнова, известный исследователь феномена русского космизма, пишет: “*Онтологичность отечественной христианской философии, метафизика всеединства, лежащая в её основе, строятся на идеале космической соборности*” (курсив автора. – **А. Д.**), а Барбара Кригер, работы которой посвящены изучению Славянского сообщества в его мировоззренческих, культурологических и общественно-политических составляющих, утверждает: “Именно славянский космизм представляет собой мышление не только категориями земного шара, но и Космоса при роли человека в нём как сознательно действующего фактора”.

Было бы излишне говорить о стилистическом качестве текстов, что подразумевается само собой в издании столь высокого уровня, где, вместе с тем (что греха таить!), все пишут в едином стиле, – если бы... Если бы не упомянутая статья П. С. Таранова, являющая пример редкостного сочетания концептуальной глубины с блистательной игровой стилистикой посредством лингвистического арсенала ключевых слов, букв и разнообразных графических приёмов и, не в последнюю очередь, общим неповторимо личностным строем повествования, яркого и впечатляющего, где мысль обретает будто бы зрительно воспринимаемую наглядность. Заинтересованный читатель наверняка обратится к его тексту и вдругорядь, а то и в третий, ибо он задан столь же для насыщения ума, сколь и для эстетической рефлексии.

ПЕРЕДЕЛКИНСКАЯ “ПОДЖИГАЙЛОВЩИНА” *

*Открытое письмо писателей России
Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину*

Уважаемый Владимир Владимирович!

Истерическая атмосфера, возникшая вокруг судебной распри между семейством Чингиза Айтматова и руководством Международного Литературного Фонда (МЛФ) в августе-сентябре 2012 года, достигла такой точки кипения, что затмила историю со злосчастными “девочками” из племени “Pussy Riot”. Несколько десятков газетных и телевизионных откликов, сотни интернетовских комментариев, вмешательство в конфликт Общественной палаты – всё это исказило простую и очевидную для непредвзятого взгляда картину того, чем закончилась попытка алчных айтматовских наследников отобрать у писателей законную часть их общей собственности в виде пятикомнатной двухэтажной творческой мастерской, а заодно и полутора гектаров переделкинской земли, выделенной писателям в пользование. Дело в том, что Чингиз Айтматов, взявший в 1988 году в аренду творческую мастерскую в Переделкино, через год с небольшим после этого уехал в Европу на дипломатическую работу, как представитель СССР, а после – независимой Республики Кыргызстан, оставив полученную творческую мастерскую для проживания своим многочисленным родственникам. Все свои произведения он написал с 1958-го по 1986 год, до вселения в переделкинскую творческую мастерскую, где ничего не сотворил. Над последними двумя романами Айтматов работал, живя в Европе все 18 лет до своей смерти, последовавшей в 2008 году.

“Положение об аренде творческих мастерских (дач) в городке писателей посёлка Переделкино”, действующее с середины 30-х годов и утверждённое решением президиума МООП МЛФ 24 ноября 2011 года, гласит: **“В случае смерти арендатора проживающие с ним совместно члены семьи (жена, взрослые дети) имеют право пользования творческой мастерской (дачей) только в течение шести месяцев, после чего творческая мастерская (дача) безусловно и незамедлительно освобождается”**.

---

* Письмо было опубликовано на сайтах МЛФ и МСПС, а также в “Общеписательской литературной газете” № 10 (35) 2012 г.

Однако, отзываясь на просьбы родных Айтматова, руководство МЛФ сделало для них исключение и неоднократно продлевало срок их проживания в Переделкино: с 2008-го по 2012 год. Но когда в начале 2012-го айтматовская семья наотрез отказалась выполнить устав МЛФ и “Положение об аренде” и освободить незаконно занимаемую дачу, мотивируя это тем, что её надо превратить в литературный музей имени Айтматова, где он якобы жил последние двадцать лет и писал свои знаменитые романы, что является неправдой, МЛФ ничего не оставалось, кроме как обратиться в суд города Видное, который в январе 2012 года вынес решение, **обязывающее айтматовских наследников освободить творческую мастерскую Айтматова**, которую бюро Литфонда было обязано предоставить писателю, ждущему своей очереди. А таких писателей в списке очередников имеется более тысячи человек, и ждут они этих мастерских годами, а то и десятилетиями. Политический узник брежневских лагерей, всемирно известный писатель и главный редактор журнала “Москва” Леонид Иванович Бородин умер в 2011 году в возрасте 73 лет, так и не дождавшись своей очереди на дачу только потому, что недобросовестные и алчные наследники, вроде айтматовской родни, годами не освобождали и до сих пор под разными предлогами не освобождают творческие мастерские, жить в которых или сдавать которые посторонним лицам они не имеют никакого права.

К сожалению, в последние месяцы в переделкинские дела грубо вмешались СМИ, открыто и, видимо, небескорыстно поддерживая всех переделкинских арендаторов, цинично нарушающих устав и внутренние акты МЛФ. “Новая газета”, “Московский комсомолец”, многие телевизионные каналы и программы (“НТВ”, “Культура” и т. д.), радиостанции “Свобода” и “Эхо Москвы” за последние месяцы вылили на головы своих читателей, зрителей и слушателей цистерны лжи, дезинформации и демагогии. Попирая все решения судов, которые неизменно становились на сторону МЛФ в тяжбах с недобросовестными жильцами, невзирая на то, что наши суды много раз наказывали штрафами различные органы печати за клевету в адрес руководства МЛФ, в августе-сентябре 2012 года Комиссия по культуре при Общественной палате вдруг стала основным мотором в поддержке всех сил, пытающихся отнять у писателей их общественную собственность – легендарное Переделкино. Особенно преуспел в этом новый председатель Комиссии по культуре при Общественной палате некий П. Пожигайло, бывший заместитель министра культуры РФ А. С. Соколова, бесславно освобождённый в своё время от этой должности. Он странным образом стал членом Общественной палаты, где в полной мере продемонстрировал своё невежество в суждениях о культуре и пристрастия к лживым, клеветническим заявлениям, свою способность к мошенничеству и демагогии. Приведём несколько доказательств, дабы не быть голословными.

19.09.2012. Комиссия по культуре при Общественной палате созвала, как сообщает издание “Нефть России”, “экстренное заседание”, на котором Пожигайло, комментируя решение суда, потребовавшего выселение родственников Айтматова из переделкинской дачи, заявил, что участок Айтматова стоит около “пяти миллионов долларов”, и добавил: **“Картина могла быть такой: появился заказчик на эту землю. Правление Литфонда говорит: хорошо, но дай ещё денег на судебные расходы. Так появляется судебное решение, принятое заочно и быстро, подлинность которого требует проверки прокуратуры”**.

Пожигайло таким демагогическим приёмом, по существу, обвиняет “правление Литфонда” в том, что оно взяло деньги у некоего “заказчика”, заказавшего “землю” айтматовского участка, **на подкуп видновского суда**, вынесшего решение в пользу Литфонда. Клевета налицо, и Пожигайло должен ответить за неё согласно недавно принятому Государственной Думой закону о клевете: **“Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся в произведении или СМИ”** (статья 128.1 УК РФ). Газета “Московский комсомолец” от 18.09.2012 года со слов Пожигайло повторила лживую версию о том, что на переделкинской даче **“20 лет жил писатель Чингиз Айтматов”**. Но 20 лет здесь жили, **а порой и сдавали дачу посторонним лицам** его многочисленным родственникам, ныне при помощи Пожигайло возжелавшие под видом создания музея Айтматова завладеть и участком, и дачей. Ни о каком музее Айтматова в Переделкино не может быть и речи, по-

сколько жизнь писателя там была лишь коротким эпизодом. И если исходить из его продолжительности жизни где-либо, то в Европе ему и надо открывать музей. Но неужели киргизской родне мало музейного комплекса в столице Киргизии, где есть и его памятник, и улица его имени, где хранится и архив писателя? Если же айтматовской родне очень нужен музей в Москве, то пускай они организуют его в громадной квартире Айтматова, занимающей целый этаж в особняке недалеко от Тверского бульвара. Вот эта подаренная государством квартира была его собственностью, а не предметом аренды, как переделкинская дача, и в ней родные Айтматова, получившие её по наследству, могут устроить любой музей и ждать, когда к ним придут посетители на экскурсию.

А что в Переделкино осталось от Айтматова? Его бывшая невестка во время съёмки на “НТВ” смогла показать лишь стул, на котором сживал бывший свёкор, и стол, сидя за которым писатель читал “Московский комсомолец”, газету, в которой 18 сентября 2012 года был напечатан материал под заголовком “Дачу Айтматова удалось отстоять” и добавлено: *“В его кабинете висит потёртая кожаная сумка, шляпа, есть даже чемодан с металлическими углами, с которым автор “Прощай, Гюльсары!” приехал когда-то из Киргизии в Москву”*. Вот и все экспонаты, ради которых, по убеждению Пожигайло, людские толпы потекут со всех концов бывшего Советского Союза в музей Айтматова.

Демагоги и невежды вроде Пожигайло ставят в один ряд будущий музей Айтматова с музеями Пастернака, Чуковского и Окуджавы. Но Пастернак и Чуковский **действительно прожили на своих дачах всю творческую жизнь**, начиная с середины 1930-х годов и до самой смерти. Всё, что было написано ими в эти несколько десятилетий, написано именно в Переделкино, где рождались их книги, рождались и вырастали их дети, где каждый уголок дач заполнен их подлинными вещами, фотографиями, коллекциями, библиотеками, их бытом, творчеством, воспоминаниями. Где вся переделкинская жизнь описана ими в стихах и прозе, где каждый метр жилого пространства “намолен”, наполнен их аурой, куда на протяжении целой эпохи к ним приходили и приезжали многие выдающиеся люди того времени, которое живёт в коридорах, на лестницах, на верандах этих дач. Да и коренной москвич Окуджава прожил на своей даче более десяти лет, а не год-полтора, как житель Киргизии Чингиз Айтматов. На наш взгляд, создание этих музеев в советское время в обветшавших недолговечных деревянных строениях было ошибочным решением, но всё равно три уже существующих музея – Пастернака, Чуковского и Окуджавы – имеют сегодня особую атмосферу, притягивающую туда их поклонников. Музей Чуковского всегда будет посещаем школьниками, потому что каждое новое поколение детей вырастает на его стихах. А дети – особый читательский пласт со своими устойчивыми привязанностями. Сколько поколений выросло, читая “Айболита” и “Муху-Цокотуху”, “Федорино горе” и “Мойдодыр”! И будущие дети тоже не обойдутся без Чуковского.

Музей Пастернака был создан после вспышки мировой славы, которую автор получил из-за грандиозной политической распри, возникшей после присуждения ему Нобелевской премии. У Пастернака всегда была и будет устойчивая каста поклонников, и музей его всегда будет посещаться иностранными делегациями. Как ни крути, а эта страница в истории советской культуры и идеологической борьбы незабываема.

Музей Окуджавы обязан был появиться как материальный сгусток небывалого внимания к его стихотворно-музыкально-артистической судьбе, внимания, возникшего в эпоху оттепели и сопровождавшего Булата Шалвовича всю его жизнь. И этот музей, ставший эстрадной площадкой для талантов подобного склада, ежегодно собирает их в Переделкино, что даёт музею живое дыхание и право на существование. (К сожалению, музей Окуджавы, переданный Министерству культуры, имеет задолженность по коммунальным платежам в громадном размере – 500 000 рублей. **Минкультуры не оплачивает расходы на содержание своего музея, и это приходится делать Международному Литфонду.** Скажите, зачем нам такая “эффективная” опека со стороны государства?)

Никаких подобных обстоятельств, создающих атмосферу живой памяти, нет и не может быть вокруг имени Айтматова. Ни для детей, ни для политических и литературных инакомыслящих, ни для представителей вечно развивающейся бардовской стихии он непривлекателен. А новое поколение читате-

лей, воспитанных на коммерческой литературе и интернете, Айтматова почти забыло. Все его романы были написаны в советскую эпоху и постепенно уходят в прошлое вместе с ней. Да и во время разрушения Советского Союза Чингиз Торекулович, в отличие, допустим, от Расула Гамзатова, Юрия Бондарева или Сергея Михалкова, ни слова не произнёс в защиту великой советской цивилизации, сыном которой был. Поэтому, наверное, вполне хватит ему мемориала, музея, памятника и улицы его имени на родине в независимом государстве Кыргызстан.

* * *

На наш взгляд, многие замечательные русские национальные поэты и писатели, долго и укоренённо жившие в Переделкино, заслуживают сохранения их памяти в гораздо большей степени, нежели случайный и кратковременный житель Айтматов.

Вспомним о великих русских поэтах, в отличие от благополучного Айтматова, переживших лагерные сроки в советскую эпоху и окончивших свою жизнь в Переделкино: Николая Заболоцкого, Ярослава Смелякова, Виктора Бокова, вспомним великого Леонида Леонова, знаменитого Александра Фадеева, одного из основоположников советской поэзии Николая Тихонова, чрезвычайно популярного в своё время Вениамина Каверина, ярчайшего новатора в советской поэзии Илью Сельвинского, талантливейшего Валентина Катаева... Многие из этих имён, на наш взгляд, переживут имя Айтматова. Но ведь ни у одного из них нет персонального музея! Несправедливо? Может быть. Но никогда, никаким их родственникам не приходило в голову вступать в борьбу с Литфондом и требовать для своих знаменитых предков создания музеев на дачах, в которых всю жизнь жили их отцы или деды. Они свято соблюдали обычаи и правила, которые в наше время стали **“Законом о собственности общественных организаций”**, гласящим: **“Собственниками имущества являются общественные организации, обладающие правами юридического лица. Каждый отдельный член общественной организации не имеет права собственности на долю имущества, принадлежащего общественной организации”** (статья 32 ФЗ “Об общественных объединениях”). Так что права собственности на дачу не мог получить даже сам Айтматов, не говоря уже о его родственниках. Вот почему нынешнее руководство Литфонда вышло в Правительство РФ с инициативой **построить общий литературный музей для всех знаменитых поэтов и писателей, судьба и жизнь которых по-настоящему прочно связаны с Переделкино**. Будучи премьером РФ, Вы, Владимир Владимирович, были ознакомлены с этим проектом и дали распоряжение Министерству культуры рассмотреть нашу инициативу. Прежнее руководство Минкультуры, по существу, саботировало распоряжение премьера, но нынешняя администрация уже не премьера, а президента страны вновь приступила к изучению нашего проекта, который более чем актуален, если вспомнить, что недавно в Переделкино сгорел архив известного писателя Анатолия Рыбакова, хранившийся на даче его бывшей невестки Н. Ивановой. Этот случай ещё раз доказывает, что нельзя хранить рукописи (которые, увы, горят!) в деревянных писательских дачах. Мы надеемся, что архив Айтматова, хранящийся в Бишкеке, не сгорит.

* * *

На заседании комиссии по культуре Общественной палаты 18 сентября 2012 года Пожигайло продемонстрировал “недюжинные знания” касательно экономических порядков в Переделкино: *“В аренду на сегодняшний день, например, сдаются дачи по средней цене 12 рублей за один квадратный метр в месяц. Это порядка 500 долларов в год за дачу. Коммерческая стоимость дач в Переделкино от 5 до 10 тысяч долларов в месяц, то есть весь огромный блок недвижимости сдаётся в несколько раз дешевле, чем мог бы сдаваться. А руководство Литфонда постоянно жалуется на нехватку средств на содержание посёлка”* (взято с сайта Общественной палаты).

Господин Пожигайло как бизнесмен выростал в лихие 1990-е, когда живущие **по понятиям** дельцы безнаказанно растаскивали общественную и государственную собственность и сколачивали себе состояния. В его голове и мысли не возникло о том, что руководство Литфонда, зная о бедственном положении писателей, берёт с них за проживание на дачах **не коммерческую цену, а не более 30 процентов того, что на самом деле стоит это проживание в черте Москвы**, в парковой зоне, хотя и в простеньких, но отдельных особняках. Остальные 70 процентов того, что должны платить за свою жизнь в Переделкино писатели, за них доплачивает Международный Литературный фонд, покрывая эту колоссальную разницу средствами, получаемыми, в основном, за сдачу в аренду различных помещений, находящихся в Москве, и из других доходов. Естественно, что бизнесмен, который хочет внести в культуру законы хищного бизнеса, такого – **человеческого** – отношения к людям понять не может. Если он уверен, что руководство Литфонда берёт с писателей полную коммерческую цену за аренду дач, а в документации показывает цену во много раз меньшую, и получаемую таким образом разницу кладёт себе в карман, то он – клеветник. Если же он не понимает, что никакие писатели не будут молчать, видя, что за аренду отдают одни деньги, а в документах за оплату у них указаны деньги совсем другие, то он – глупец. Если же он всё понимает, но озвучивает эту ложь, **чтобы оклеветать руководство Литфонда**, то он просто подлец. Других слов для характеристики этого чиновника из Общественной палаты мы не находим.

Цинизм этого неудавшегося карьериста беспримечен. Недавно в Переделкино случилась беда: сгорела дача, в которой жили две семьи – на одной половине семья покойного писателя Анфиногенова, на другой Н. Иванова, невестка покойного писателя А. Рыбакова. Именно у неё хранился его архив, который сгорел при пожаре. Посочувствовать бы и Наталье Ивановой, и Литфонду, но для Пожигайло, как говорится, чем хуже, тем лучше, он любую беду умело использует в своей демагогии, когда картинно негодует: *“Не так давно при невыясненных обстоятельствах сгорела дача, где хранился архив Ан. Рыбакова. Чтобы дом Айтматова не постигла та же участь, члены Общественной палаты предложили передать посёлок в ведение Министерства культуры...”*

Неужели он думает, что при покровительстве министра культуры пожарные команды начнут ездить к месту возгораний в два раза быстрее? И что он там всё бубнит на всю страну о “невыясненных обстоятельствах” вместо того, чтобы сначала их “выяснить”, а потом начинать говорить? Даже тогда, когда стало ясно, что причиной пожара явился костёр, который разожгли внутри дома внуки покойного Анфиногенова, он не поверил этому очевидному факту, потому что во что бы то ни стало нужно было напугать общественное мнение тем, что подобная участь может ожидать и дачу Чингиза Айтматова. И Пожигайло встал в позу самозванного следователя: *“По судебному решению семья Айтматова должна покинуть дом. Но я уверен, что такие дела решаются просто: найдутся ещё одни “дети, играющие со спичками”, и дача сгорит, как недавно сгорела дача, где хранился архив Анатолия Рыбакова”*.

Нашему провокатору совсем ни к чему правда о детских шалостях с огнём, вот он и намекает на какие-то другие тайные причины пожара и на других тайных поджигателей, хотя на самом деле настоящим поджигателем переделкинского скандала является он сам. Но в одном он прав: ни в коем случае нельзя допускать дальнейшее незаконное проживание на даче Айтматова его корыстной родни, потому что в “Положении об аренде творческих мастерских в Переделкино” чёрным по белому написано: **“Арендаторы несут ответственность за пожарную безопасность арендуемых помещений”**. И чем быстрее будут выселены вцепившиеся в айтматовскую дачу незаконные жильцы, не являющиеся её арендаторами, тем безопаснее в пожарном отношении будет жизнь нашего Переделкино.

Своё письмо в Литфонд по поводу сгоревшей дачи Наталья Иванова заканчивает так: *“Вина поджигателей более чем очевидна, и так же очевидна вина дирекции городка, тем, кто попустительствовал открытым нарушениям договора об аренде”*. И она тоже права: сейчас именно Общественная палата и её функционер Пожигайло не просто “попустительствуют нарушениям договора об аренде”, но просто-напросто вытирают ноги и об эти договоры, и о “Положение об аренде”, и об устав Международного Литфонда, и о судеб-

ные решения, и даже о Конституцию РФ, в которой чётко сказано, что в России **священны и неприкосновенны** три вида собственности: частная, государственная и общественная. Наталья Иванова, точно зная, что дача сгорела из-за детской игры с огнём, справедливо упрекает всех нас: “Дирекция городка писателей не пресекла проживание наших недобросовестных соседей, “потомков” арендатора Анфиногенова, нарушивших все пункты договора аренды... Не арендатор, не член Литфонда, находясь под эгидой Литфонда, сжёг дачу арендатора, члена Литфонда”.

Поучительная история! Иванова негодует, что руководство Литфонда не могло целых два года выселить семью покойного Анфиногенова... Но, как видим по истории с семьёй Айтматова, выселить **согласно уставу** после смерти писателя его родных из переделкинских дач не так-то просто: с Айтматовыми МЛФ мучается уже несколько лет, со вдовой Жигулина, вдовой Алексеева... Чуть что – крик: “выбрасывают на улицу”, “угрожают”, “пугают решениями судов”! И вся переделкинская тусовка встаёт на защиту “обиженных вдов”, племянников, внуков и даже правнуков, как это имеет место быть на даче Валентина Катаева. Приезжает ТВ, негодует “МК”... Но как только петух жареный клюнул и сгорела дача у Натальи Ивановой, она сразу стала законницей и пеняет нам: “Почему не выселили вовремя наследников Анфиногенова?” Ну что тут ответить? За что боролись, на то и напоролись. А значит, всех “не арендаторов”, то есть всех незаконно живущих без договоров на переделкинских дачах родственников необходимо, в соответствии с уставом, выселять в обговоренные этим уставом сроки.

И ещё несколько слов о том, что касается поджогов. 6 сентября во время нашей записи на НТВ Пожигайло страстно разглагольствовал о том, что в Переделкино необходимо открыть музей Айтматова, а само Переделкино отдать государству, ему помогли его союзницы: бывшая невестка Айтматова Гюзель и некая Юлия, дочь вдовы писателя Михаила Алексеева, не удочерённая им. Юлия жаловалась, обращаясь к Пожигайло: “Ну, выселят нас с дачи – куда нам идти? На улицу?” Пожигайло, умалчивая о том, что Михаил Алексеев оставил своей жене и её дочери две квартиры в Москве, метал в руководителей Международного Литфонда громы и молнии.

Через день после записи на ТВ приставы, исполняя решение суда, выселили Татьяну и Юлию Судаковых из дачи, к дому была поставлена охрана, а вскоре начальнику дирекции по эксплуатации городка писателей “Переделкино” Петру Ивановичу Коваленко поступил следующий документ от директора частного охранного предприятия Беленикина К. В.:

“Служебная записка

Уважаемый Пётр Иванович! Довожу до Вашего сведения, что 17.09.2012 г., со стороны Юли (бывшей хозяйки дома по адресу: пос. Переделкино, пер. Вишневого, д. 1а) поступило предложение сотрудникам охраны сжечь дом за денежное вознаграждение в 100.000 рублей. На отказ охранников Юля пообещала найти других людей, которые согласятся это сделать.

В целях недопущения ЧП на объекте считаю целесообразным по данному факту поставить в известность органы внутренних дел.

**Генеральный директор
ООО ЧОП “АСТ” Беленикин К. В.”**

Вот такие “поджигайловки” помогают господину Пожигайло дотла спалить то ли в юридическом, то ли в настоящем огне легендарное Переделкино.

Где был господин Пожигайло, работавший заместителем министра культуры, когда при нём чиновники и “авторитеты” застраивали своими дворцами “поле Пастернака”, почему он молчал, когда, начиная с 1997-го по 2006 гг., от писательского Переделкино чиновники районного и областного масштаба незаконно отрезали 13 гектаров земли? Где он был, когда находившийся рядом с писательским Переделкино дачный посёлок “Литературной газеты” был разворован, распродан, приватизирован?..

В том, что господин Пожигайло использует в борьбе с Литфондом мошеннические приёмы, мы убедились, когда председатель президиума МЛФ Станислав Куняев, получив от пожигайловской комиссии предложение приехать на её заседание (где пожигайловцы собрались, точно хозяева Переделкино,

решать судьбу знаменитого писательского городка), отправил им в ответ письмо следующего содержания:

“Международный Литературный фонд является независимой писательской общественной организацией, действующей согласно своему Уставу, зарегистрированному в Минюсте, и “Положению о писательском городке Переделкино”. В отличие от деятелей Общественной палаты, мы считаем, что все так называемые конфликты в Переделкино происходят тогда, когда арендаторы не соблюдают Устав МЛФ и не хотят жить согласно “Положению об аренде в Переделкино”. Если вы называете конфликтом ситуацию вокруг “дачи Айтматова”, то напомним вам, что мы действуем согласно решению суда, который обязал так называемых наследников освободить дачу, а приставы уже возбудили производство по выселению. Приставы обязаны выполнить решение суда, они не подотчётны МЛФ.

Поэтому вмешательство Общественной палаты в эту ситуацию – дело бессмысленное, и мне незачем тратить время на пустые разговоры на пороге своего 80-летнего юбилея.

С. Ю. КУНЯЕВ, председатель президиума Международной общественной организации МЛФ, сопредседатель СП России, главный редактор журнала “Наш современник”, лауреат Государственной премии РФ”.

Но в СМИ из этого аргументированного и юридически безупречного документа была озвучена лишь малая часть текста, которая вместе с комментариями издания “Нефть России” от 19.09.2012 года выглядит так: *“Молчит и само правление Литфонда, отговариваясь письмами, примером которого служит ответ председателя президиума МЛФ поэта Станислава Куняева на предложение участвовать в заседании Общественной палаты: “Вмешательство Общественной палаты в эту ситуацию – дело бессмысленное, и мне незачем тратить время на пустые разговоры накануне своего 80-летнего юбилея”.*

Ну что ж, долг платежом красен. Коли Пожигайло подозревает Видновский суд в получении взятки от Литфонда за решение о выселении семейства Айтматовых из Переделкино, то мы имеем полное право заподозрить, что и “Московский комсомолец”, и “Нефть России”, и программа “НТВ”, и программа “Культура”, и программа “Вести”, и все другие СМИ, в которых появлялась физиономия или слова Пожигайло, могли получить из его рук **от лиц, заинтересованных в передаче Переделкино в руки государственных чиновников**, некую мзду за нужное Общественной палате освещение переделкинского конфликта. Однако, скорее всего, правильнее будет предположить, что сам Пожигайло тоже что-то получил от алчного айтматовского клана за обслуживание их корыстных интересов. К сожалению, ни сын, ни вдова, ни бывшая (она находится в разводе с его сыном) невестка Чингиза Айтматова не осознают, что своим недостойным и бессовестным поведением кладут пятно на имя своего талантливого родственника. Но пусть будет им нравственным и гражданским уроком честная и мужественная позиция родной дочери писателя Ширин Айтматовой, являющейся депутатом Киргизского парламента, которая заявила во многих средствах массовой информации у себя на родине: **“Дача в Переделкино была выдана отцу лишь на время и принадлежит Литфонду”**, который имеет полное право её забрать. **“Это территория другой страны, и вмешиваться в это мы не можем”**. Вот слова достойной дочери киргизского народа (цитируется по изданию “Нефть России”).

Общественная палата плюёт слюной господина Пожигайло на законы РФ и на уставные документы международного Литфонда, когда диктаторским тоном члены “поджигайловщины” предлагают “создать согласительную комиссию при участии Министерства культуры, Счётной палаты, Общественной палаты, представителей всех пяти существующих Союзов писателей и Международного Литературного фонда, чтобы эта согласительная комиссия приняла бы решение: всю эту собственность передать государству на баланс Минкультуры. Государство обязуется привести Переделкино в порядок. Экспертный совет мог бы принять решение, какие из писательских дач можно и нужно превратить в музей. “Возможно, что весь посёлок достоин статуса “достопримечательного места”. У нас уже есть такой опыт, он очень успешен во всех усадьбах, где родственники занимались сохранением наследия”. Толстой,

Шолохов и др. “В результате государство оставляет за собой право собственности и контроля во избежание дальнейших конфликтов с выселением и инцидентов со сгоревшими дачами. Необходимо обратиться к мэру Москвы Сергею Собянину с просьбой наложить вето на любые действия в отношении всей недвижимости и земель в посёлке до разрешения всех споров в писательской среде. У государства всегда будет возможность поддерживать объекты в нормальном состоянии”...

Именно как раз когда Пожигайло сочинял эту ахинею, в хозяйстве мэра Собянина, то бишь в Москве, сгорела не какая-то дача, а целиком громадный рынок! Это к вопросу о том, что у государства “всегда будет возможность поддерживать объекты в нормальном состоянии”.

Вот с такой мошеннической утопией выступили на своём заседании 18 сентября 2012 года Пожигайло и его свита: юрист Лукьянова, директор музея имени Пушкина Антонова, некий член комиссии по фамилии Михайлов... Они хотят, чтобы Собянин “наложил вето” на любые действия в отношении недвижимости. Но любой чиновник скорее наложит в штаны, когда узнает, что в Переделкино постоянно идёт капитальный ремонт дач (за последние два года их отремонтировано за счёт Литфонда более десятка из шестидесяти имеющихся в наличии), что ремонтируются заборы и подъездные пути, канализационная и водопроводная системы, электрические и телефонные сети, асфальтируются дорожки и стоянки для автомашин, выпиливаются и увозятся из парка мёртвые деревья. Какое там вето! Если бы мы не знали, что Пожигайло и его компания – люди, сознательно решившие отобрать у писателей Переделкино, то решили бы, что они – полные идиоты. Наложить вето на живую жизнь целого большого посёлка! Ирина Антонова, которой, видимо, стало плохо от грандиозной картины, нарисованной языком Пожигайло, тоже вдруг забормотала о том, чтобы придать Переделкино статус “достопримечательного места”, а “достопримечательное”, по её словам, значит “неприкосновенное”... Антонова – дама в годах и, видимо, перепутала живой организм Переделкино со статусом своего Пушкинского музея, где всё навсегда застыло на своих местах. А эта бредовая идея создать согласительную комиссию из государственных и общественных организаций?.. Да какое право имеет Общественная палата диктовать какие-то условия нашей независимой организации – Международному Литературному фонду!

Высшая форма нашей литфондовской власти – это конференция нескольких сотен делегатов, избранных от 15 тысяч членов Международного Литфонда. Все они избираются от пяти писательских союзов, упомянутых Пожигайло, и участвуют в жизни Литфонда без его указаний.

На всех трёх наших последних конференциях делегаты почти единогласно избрали руководство Международного Литфонда и поручили ему защищать, охранять и развивать общеписательскую собственность, чем мы весьма успешно и занимаемся.

А приглашать в некую “согласительную комиссию” для якобы наведения порядка в системе Международного Литфонда Счётную палату, представители которой год тому назад целых два месяца проводили тщательную ревизию деятельности Международного Литфонда и не нашли никаких серьёзных нарушений в ней, – глупее невозможно что-либо придумать... Да и Степашин, узнав об этом, пошлёт Пожигайло куда-нибудь подальше...

“Передать всю собственность государству”... Господин Пожигайло, вы что, не знаете, что при помощи ельцинско-гайдаровского государства и его законов в 90-е годы **Союз писателей СССР и его Литфонд были обобраны до нитки, на наших счетах обесценились громадные суммы денег, у нас были украдены все дома творчества, все издательства, все детские сады, все пионерлагеря, все поликлиники...** Лишь чудом уцелели какие-то жалкие остатки собственности, главный из которых – Переделкино. И вы хотите, чтобы мы пошли второй раз на подобное экономическое самоубийство? Чью, интересно, волю вы обслуживаете, чей заказ выполняете, внедряя этот коварный план в общественное сознание? Мы знаем, чем это кончится. Государство уже разработало план второй волны приватизации. Переделкино, попав в государственные руки, сразу будет отправлено в эту вторую волну, будет приватизировано. Писатели, лишившись поддержки Литфонда в оплате аренды, будут вынуждены платить за жизнь в Переделкино по коммерческим ценам, и большинство, неспособное на такие траты, будет изгнано со своих

дач, земля будет скуплена второй волной приватизаторов, волю которых вы, очевидно, выполняете, выводя Переделкино из общественной собственности в государственную для включения его потом в приватизационную схему.

Вы же недавно по болтливости проговорились в одном интервью на телеканале “Культура” 17 или 18 сентября: **“Да, я представляю частные интересы”**. Но хозяев своих не назвали, зная, что, получив переделкинскую землю, они щедро наградят своего лакея, может быть, даже хороший кусок переделкинской земли подарят, возможно, что и айтматовские полтора гектара. Вот что вас, наверное, интересует, когда кричите на всех углах о передаче писательской собственности государству, а “дача Айтматова” в этой драме играет всего-навсего лишь роль дымовой завесы, маскировки ваших истинных намерений. Вы же человек эпохи подлого бизнеса 90-х годов. А чёрного кобеля ни в каком министерстве культуры не отмоешь добела. Но мы вам, живущему по понятиям, напомним о законах, которые никаким мошенникам перешагнуть не удастся.

**Из Федерального закона “Об общественных объединениях”
(принят 14.04.1995 г.):**

“Вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность органов государственной власти, не допускается...” (ст. 17).

“Собственность общественного объединения охраняется законом” (из ст. 30).

“Собственниками имущества являются общественные организации, обладающие правами юридического лица. Каждый отдельный член общественной организации не имеет права собственности на долю имущества, принадлежащего общественной организации” (ст. 32).

Вам всё понятно, господин Пожигайло? Ну, тогда облизнитесь и возвращайтесь не солоно хлебавши в свою Общественную палату.

* * *

Пожигайло и его окружение для внедрения своих провокаторских взглядов в общество пользуются самыми “отвязанными”, самыми грязно-жёлтыми органами массовой информации. Из телевизионных монстров его обслуживает НТВ, а из печатных — супержёлтое издание “Московский комсомолец”.

НТВ, которое 6 сентября с. г. озвучило две точки зрения: нашу, литфондовскую, и Общественной палаты, — на судьбу дачи Айтматова и Переделкино в целом, — при выходе записи в эфир выбросило все самые разумные и доказательные аргументы нашей стороны и оставило все самые лживые и клеветнические суждения сторонников Общественной палаты.

“Московский комсомолец” пошёл ещё дальше, не постеснявшись повторить в публикации от 18 сентября 2012 г. все сплетни и слухи о Переделкино и руководителях Международного Литфонда: *“Сейчас во главе Международного Литфонда стоит некий Иван Переверзин, скандально известная персона, с чьим именем связывают беспредельную коррупцию и воровство в посёлке... переделкинские земли распродаются и приватизируются за копейки”*.

В этом отрывке всё, от первого до последнего слова, **ложь и клевета**, за которую “Московскому комсомольцу” придётся отвечать по закону. Иван Иванович Переверзин — широко известный замечательный поэт, талантливый руководитель, при котором доходы Международного Литфонда за десять лет его работы увеличились в несколько раз, что дало нам возможность возродить систему отделений Литфонда почти во всех регионах страны, возобновить книгоиздательскую деятельность, создать новую литературную газету, отремонтировать более десятка дач в Переделкино, ввести в строй совершенно разрушенное в 90-е годы хозяйство Дома творчества Комарово, ежегодно помогать денежными пособиями ко Дню Победы писателям-фронтовикам на всём пространстве СНГ... Всего не перечислить. Но какое дело отвязанным журналистам до наших успехов! “МК” и не скрывает того, откуда и как они

черпают информацию о “безобразиях” в Переделкино: “По слухам, на даче Фадеева, где он застрелился когда-то и откуда выселили последних жильцов, живут гастарбайтеры, – говорит Гюзель Айтматова. – Что касается дома Айтматова, то вроде бы Переверзин собирается все скрыть, сравнять с землёй, а вместо пяти музеев – Окуджавы, Пастернака, Чуковского, галереи Евтушенко и предполагаемого музея Айтматова – сделать одно кафе-стекляшку, якобы общий музей всех писателей”.

И в этом лживом и глупом монологе нет ни одного слова правды. Но, как говорится, Бог шельму метит: на той же полосе “Московского комсомольца”, прямо под репортажем о даче Айтматова с групповым портретом членов Общественной палаты, в центре которого красуется мошеннический лик Пожигайло, напечатаны рекламные призывы частных публичных заведений такого рода: “Досуг негритянки 8-926...”, “Досуг мулатки 8-495...”, “Досуг Татарочка 8-916...” – и т. д. (Прибавим сюда и телефон самого Пожигайло, который, несмотря на то, что является президентом Фонда изучения наследия П. А. Столыпина, великого русского патриота, охотно торгует своим пером и своим именем! Писатели России могут позвонить Павлу Анатольевичу по телефону этого Фонда (8-495-775-21-76) и разузнать, почему он так яростно ратует за то, чтобы наше общее Переделкино было передано во власть государству, а наиболее любопытные могли бы спросить: не оказывает ли он (столыпинец!) услуги, рекламируемые “Московским сутенёром”?)

Вот так репортаж о страстях вокруг дачи Айтматова мистическим образом объединился с рекламой сами понимаете каких услуг на одной полосе супержёлтого издания, которому должно называться не “Московским комсомольцем”, а именно “Московским сутенёром”. Однако – всё закономерно: ну разве Пожигайло со своими пожигайловками не являются того же поля ягодами, что и “мулатки” с “негритянками”, то есть представителями “второй древнейшей профессии”, так же охотно и открыто продающими свои услуги закулисным дельцам, мечтающим завладеть переделкинскими гектарами? И не случайно то, что главный редактор “Московского комсомольца” многие годы является одним из авторитетнейших членов Общественной палаты, у которой, оказывается, есть свой кодекс этики, гласящий: “Выполнение требований, предусмотренных Кодексом этики, является обязательным для членов Общественной палаты” (из закона “Об Общественной палате РФ”).

Интересно, знает что-либо о кодексе этики новый член Общественной палаты Пожигайло со своей ложью и клеветой? Интересно узнать, осуждает ли этот кодекс сутенёрство, сводничество и откровенную рекламу “досугов” с “негритянками”, “мулатками”, “татарочками”, “студентками”, “москвичками” и прочими профессионалками, получающими работу и клиентуру по объявлениям, которые публикуются в каждом номере “Московского сутенёра”, одновременно призывающего жителей Переделкино и коллектив Международного Литфонда к высоконравственной жизни?.. Интересно, а не на средства ли от публикации такого рода объявлений главный редактор “МК” Павел Гусев живёт в самой дорогой стране Европы – в Швейцарии? И платит ли он налоги с этих доходов? Не желает ли руководитель комиссии по культуре Пожигайло провести расследование о доходах своего именитого коллеги по Общественной палате, происходящего, по слухам, из семьи известного ленинского соратника Гусева-Драбкина? И не перевернулся ли в гробу или в урне, замурованной в кремлевской стене, бедный Яков Давидович, узнав, что его потомок занимается столь сверхприбыльным бизнесом, близким к сфере сексуальных услуг? “О времена! О нравы!” – как сказали бы древние римляне.

В течение двух недель в номерах от 14, 17, 18, 21, 25 и 28 сентября с. г. (шесть раз!) в “Московском комсомольце” были опубликованы лживые, клеветнические и, конечно же, заказные материалы, демонизирующие Литфонд и его руководство. Это война. Заказная и, несомненно, хорошо оплаченная. Чьими деньгами? Об этом знает господин Пожигайло, который вместе с журналистами “Московского комсомольца” не стесняется распространять слухи и сплетни: **“Слухи разрастаются, по непроверенным данным, имущество Литфонда, кроме писательских посёлков в Переделкино и Внуково, включает в себя дома творчества в Ялте, Абхазии и Прибалтике. Огромные деньги”** (“МК” 25.09.2012). “Огромная ложь!” – добавим мы. Ни в Ялте, ни в Абхазии, ни в Прибалтике, как это ни жаль, у Литфонда нет никакого имущества. В 90-е годы всё расхватили пожигайлы местного масштаба.

Впавши в обличительный раж, словоблуд забыл, что в начале материала, опубликованного в “МК”, есть оговорка: “по непроверенным данным”, и в конце интервью уже сам поверил в свою ложь: **“Оказывается, у них есть недвижимость в Ялте, Абхазии (там санатории) и в Юрмале... неизвестно каким образом Литфонд всё это тоже перевёл на себя”**. Но лживая выдумка о мифической собственности Литфонда — это цветочки. “Ягодки” содержатся в той части интервью, где матёрый провокатор пошёл, как говорится, ва-банк, заявив: **“Выселение наследников Айтматова очень негативно сказалось на атмосфере внутри киргизской диаспоры в Москве, чуть ли не отряды в их защиту формировались. Миллион киргизов в России!”**

Пожигайло пугает нас **“миллионом киргизов”**, которые работают в России на самых чёрных работах, плохо говорят по-русски и вряд ли читали Айтматова, писавшего на русском языке и издававшего свои книги, когда это поколение молодых киргизских чернорабочих ещё не родилось на белый свет! Что это, если не призыв саботировать исполнение судебного решения, вступившего в законную силу? Что это, если не **безответственное, антигосударственное заявление члена Общественной палаты, умышленно разжигающего межнациональную рознь и провоцирующего общественные беспорядки в Москве?** Поскольку провокация публикуется в газете с тиражом более двух миллионов экземпляров, то и Павел Гусев, главный редактор, несёт свою долю ответственности за такого рода провокации.

* * *

Литературная судьба многих писателей России связана с красивейшей страной на нынешней карте СНГ — Киргизией. Председатель президиума Международного Литературного фонда Станислав Юрьевич Куняев в молодые годы провёл с друзьями-геологами несколько геологических сезонов в Тянь-Шаньских горах, в районе Джиргитала (где даже открыл месторождение киновари — руды, из которой выплавляется ртуть), на плоскогорье Сусамыр, в Ошской области и в долине легендарного Нарыма. За эти годы он написал немало стихов о Киргизии, о её удивительных людях, её величественной природе... В середине 60-х годов, в связи со столетним юбилеем основоположника киргизской литературы, великого поэта Токтогула, правительство Киргизской Советской Социалистической Республики пригласило Станислава Куняева как известного русского поэта и переводчика для работы над новыми переводами книги стихотворений Токтогула на русский язык. Несколько месяцев Станислав Куняев, живя на литфондовской даче недалеко от Фрунзе, переводил стихи и поэмы Токтогула, которые в 1964 году (когда Пожигайло ещё не родился) были изданы и во Фрунзе, и в Москве. Кроме того, Станислав Куняев не раз после юбилея Токтогула приезжал в Киргизию и на той же любимой даче перевёл на русский язык несколько книг выдающегося народного поэта Киргизии Суюнбая Эралиева, который совсем недавно справил свой 90-летний юбилей. Книги Эралиева в переводах Станислава Куняева не раз переиздавались во многих центральных московских издательствах и на родине поэта. Одновременно с этой фундаментальной работой Станислав Куняев перевёл также стихи поэтов Киргизии более молодого поколения: Турара Кожомбердиева и Омора Султанова. За все эти заслуги перед культурой Киргизии он был награждён почётной грамотой Верховного Совета Киргизской Советской Социалистической Республики. В благодарность за его труды и в литературе, и в геологии издательство “Кыргызстан” выпустило в 1972 году книгу Станислава Куняева “На краю небесных гор”, куда вошли его стихи о Киргизии, а также избранные переводы из творчества киргизских поэтов. В общей сложности, часто бывая в длительных творческих командировках в Киргизии, Станислав Куняев прожил в одной и той же литфондовской даче не меньше времени, нежели Чингиз Айтматов в переделкинской творческой мастерской.

В связи с этим **Международный Литературный фонд и Международное сообщество писательских союзов предлагают комиссии по культуре при Общественной палате и её председателю Пожигайло выступить с инициативой перед руководством Киргизии, чтобы в киргизском Доме творчества, если он сохранился, была открыта экспозиция, посвящён-**

ная подвижнической работе нынешнего руководителя Международного Литературного фонда, внёсшего в свое время скромный вклад в дружбу между народами России и Кыргызстана. А мы, в свою очередь, несомненно, сделаем постоянную экспозицию в культурном центре, который построим в Переделкино, где будет отражён вклад Айтматова в нашу общую культуру.

* * *

Итак, деятельность Пожигайло и многих средств массовой информации, мобилизованных родней Айтматова, выражена в заголовке “Московского комсомольца” от 18 сентября 2012 года: “Дачу Айтматова удалось отстоять”. Но непонятно, зачем надо было ломиться в открытые ворота? Пожигайло и его соратники “отстояли” не только “дачу Айтматова”, где он жил чуть больше года, но и “дачу Николая Тихонова”, поскольку прекрасный русский поэт жил на ней же, но, в отличие от Айтматова, не год с лишним, а несколько десятилетий. И эту “дачу Тихонова-Айтматова” никто не собирается ломать, а наоборот, она должна служить и далее как творческая мастерская другим современным писателям. Пожигайло и айтматовской корыстной родне надо понять, что дача будет стоять на своём месте и дальше, но никогда в ней не будет айтматовского музея, поскольку к этому нет никаких ни юридических, ни исторических оснований. **А память об Айтматове в Переделкино, конечно же, сохранится и будет обитать в общем литературном музее, где наконец-то встретятся все знаменитые писатели советской и российской эпохи, жизнь и судьба которых навеки связаны с Переделкино – вечно живым, вечно развивающимся, и которое мы никогда и никому не позволим превратить в безжизненный “Некрополь” – “город мёртвых”, если перевести это слово с латинского на русский.**

С уважением

ПИСАТЕЛИ РОССИИ:

Юрий Бондарев – ветеран Великой Отечественной войны, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР;

Василий Белов – лауреат Государственных премий СССР и Российской Федерации;

Валентин Распутин – сопредседатель Союза писателей России, Герой Социалистического Труда, лауреат Госпремии СССР, премии Президента и Правительства РФ в области литературы и искусства;

Виктор Лихоносов – лауреат Госпремии РСФСР, Большой литературной премии России;

Владимир Крупин – сопредседатель Союза писателей России, лауреат Патриаршей литературной премии;

Валентин Сорокин – лауреат Госпремии РСФСР;

Альберт Лиханов – сопредседатель Союза писателей России, председатель Российского детского фонда, лауреат Госпремии РСФСР, премии Правительства РФ в области культуры;

Михаил Годенко – ветеран Великой Отечественной войны, лауреат литературных премий;

Виктор Николаев – лауреат Патриаршей литературной премии;

Валерий Ганичев – председатель правления Союза писателей России, зам. главы Всемирного Русского Народного Собора;

Станислав Куняев – сопредседатель Союза писателей России, председатель президиума Международного Литературного фонда, лауреат Госпремии РСФСР, литературной премии Союзного государства;

Иван Переверзин – председатель исполкома Международного сообщества писательских союзов, лауреат Большой литературной премии России, заслуженный работник культуры Российской Федерации;

Николай Чергинец – председатель Союза писателей Белоруссии, лауреат многих литературных премий, известный общественный деятель;

Мехмон Бахти – председатель Союза писателей Таджикистана, лауреат многих литературных премий, депутат законодательного собрания Таджикистана;

Ренат Харис – лауреат Государственной премии России, народный писатель Татарстана;

Николай Русу – председатель Литературного фонда Молдовы;

Вахтанг Абхазоу – директор Литфонда Республики Абхазия, заслуженный журналист Республики Абхазия;

Терентий Чаниа – заслуженный деятель культуры Республики Абхазия;

Валерий Кожушнян – директор Литфонда Приднестровья;

Маквала Гонашвили – председатель Союза писателей Грузии;

Левон Ананян – председатель правления Союза писателей Армении, заслуженный деятель культуры Армении;

Владимир Терехов – председатель Союза русских, украинских, белорусских писателей, заслуженный деятель искусств Автономной Республики Крым, лауреат премии им. С. Михалкова;

Владимир Спектор – председатель Межрегионального союза писателей Украины, заслуженный работник культуры Украины, лауреат премии им. Ю. Долгорукова;

Насиб Вердиев – председатель Московского союза писателей Азербайджана;

Владимир Бояринов – председатель правления Московской писательской организации, заслуженный работник культуры Российской Федерации;

Лев Котюков – председатель правления Московской областной организации Союза писателей России, лауреат Государственной премии первой степени Центрального федерального округа Российской Федерации в области литературы и искусства;

Людмила Мережко – председатель, директор Московской городской общественной организации “Московский Литфонд”;

Владимир Середин – генеральный директор Союза писателей России;

Борис Орлов – председатель отделения Союза писателей России в Санкт-Петербурге;

Михаил Кураев – председатель отделения Союза российских писателей в Санкт-Петербурге;

Исхак Машбаш – председатель Союза писателей Адыгеи, лауреат Государственной премии России, народный писатель Адыгеи;

Владимир Бондаренко – главный редактор газеты “День литературы”;

Лев Рябчиков – президент Крымской литературной академии, заслуженный деятель искусств Автономной Республики Крым;

Владислав Артёмов – главный редактор журнала “Москва”;

Евгений Юшин – генеральный директор журнала “Молодая гвардия”;

Владимир Фёдоров – главный редактор “Общеписательской Литературной газеты”;

Иса Капаев – директор Литературного фонда Карачаево-Черкесии;

Магомед Османов – директор Литературного фонда Дагестана;

Марс Ахметшин – директор Литературного фонда Республики Башкортостан;

Михаил Кулижников – директор Литфонда Белгородского регионального отделения;

Олег Лобачёв – директор Литфонда Владимирского регионального отделения;

Евгений Потупов – директор Литфонда Брянского регионального отделения;

Бадрудин Горчханов – директор Литфонда Республики Ингушетия;

Михаил Зайцев – директор Волгоградского регионального отделения Литфонда;

Геннадий Сазонов – директор Литфонда Вологды;

Пётр Касаткин – директор Литфонда Кировской области;
Светлана Маркова – директор Литфонда Краснодарского края;
Александр Астраханцев – директор Литфонда Красноярского края;
Николай Климкин – директор Литфонда Курганской области;
Николай Калтыгин – директор Литфонда Липецкой области;
Юрий Хромов – директор регионального отделения Литфонда Нижнего Новгорода;
Александр Лысенко – директор Литфонда Орловской области;
Игорь Тюленев – директор Литфонда Пермской области;
Владимир Молчанов – председатель Союза писателей Белгородской области;
Юрий Орлов – директор Литфонда Ивановской области;
Светлана Архипова – директор Литфонда Республики Марий Эл;
Лемон Леронов – директор Литфонда Республики Татарстан;
Валентина Сляднева – директор Литфонда Ставропольского края;
Валерий Маслов – директор Литфонда Тульской области;
Александр Куприн – председатель Союза писателей Ставропольского края;
Рафис Курбанов – председатель Союза писателей Республики Татарстан;
Виктор Монгуш – директор Литфонда Республики Тыва;
Каплан Кесебежев – директор Литфонда Республики Адыгея;
Владислав Кириллов – директор Литфонда Удмуртии;
Лев Трутнев – директор Литфонда Омской области;
Вадим Корнеев – директор Литфонда Курской области;
Канта Ибрагимов – народный писатель Чечни, лауреат Государственной премии РФ, доктор экономических наук, профессор;
Николай Переяслов – секретарь правления Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России;
Владимир Ситников – лауреат премии Союза журналистов СССР, лауреат премии им. Карамзина, заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин Кировской области;
Искра Денисова – литературный критик, заслуженный работник культуры Российской Федерации;
Виктор Пеленягрэ – лауреат Венецианской премии за лучшую поэтическую книгу зарубежного автора, лауреат премии “Овация”, неоднократный лауреат телевизионной премии “Песня года”.

А также: **Александр Арцыбашев, Валентин Устинов, Наталья Харлампьева, Николай Иванов, Валерий Иванов-Таганский, Владимир Гусев, Юрий Коноплянников, Шавкат Ниязи, Игорь Николенко, Николай Стародымов, Альберт Оганян, Лариса Баранова-Гонченко, Константин Скворцов, Андрей Печерский, Валентин Свининников, Олег Фомин, Юрий Лощиц, Александр Шеянов, Алауди Мусаев, Михаил Бурыкин, Веселин Георгиев, Вилен Иванов, Александр Владимиров, Дмитрий Дарин, Нина Делюкина, Дмитрий Держируков, Татьяна Мазина, Владлен Дорофеев, Лидия Жарова, Инга Панченко, Пётр Калитин, Александр Торопцев, Сергей Луконин, Александр Кузнецов, Борис Курочкин, Иван Либерт, Владимир Масалов, Анастасия Асейкина, Лидия Мнацаканова, Игорь Нехамес, Олеся Мицук, Карина Риц, Наталья Родионова, Сергей Яхновец, Владимир Силкин, Владимир Устинов, Валентина Дорошенко, Андрей Шацков, Борис Леонов, Ольга Маркова, Юрий Грибов, Ямил Мустафин, Алексей Данов, Юрий Быданов, Юлиан Левчук, Александр Холин (Одинцов), Дмитрий Силкин.**